СОВРЕМЕННИКЪ

1856

№ XI НОЯБРЬ

Пров. 50

13251

ЛПИ им. А. И. Губкина
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Съ 1857 года будутъ принимать въ «Современникѣ»
исключительное и постоянное участіе:

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ. Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ. И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Санктпетербургъ
въ типографіи главнаго штаба его императорскаго величества
по военно-учебнымъ заведеніямъ

Стр.

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ. (I. «Гдѣ свѣтлый ключъ спускаясь внизъ». II. «Солнце жжетъ; передъ грозою». III. Чуфутъ-Кале. IV. «Какъ чудесно хороши вы».—V. «Клонитъ къ лѣни полдень жгучій». — VI. «Вы все любуетесь на скалы». — VII. «Всесильной волею Аллаха».—VIII. «Привѣтствую тебя, опустошенный домъ». Стихотв. **ГРАФА А. К. ТОЛСТАГО** 5

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. Изъ записокъ чудака. . 11

ОТВѢТЪ И. С. ТУРГЕНЕВУ. Стихотв. **А. А. ФЕТА** 68

«Намъ говорятъ, что міръ земной». Стихотв. **В. М. ПАВЛОВА**. . 69

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ. Путевыя впечатлѣнія **А. А. ФЕТА** 71

«Волнуется море». Стихотв. **А. Н. СТРУГОВЩИКОВА** 118

ИЗЪ КОРАНА. Стихотв. **Н. П. ГРЕКОВА** 119

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА. (XIII. Мандаринъ. — XIV. Круговая бесѣда. — XV. Другая круговая бесѣда. — XVI. Напраслина.) Разсказы **В. И. ДАЛЯ** 121

ВЕЧЕРЪ У ВЗМОРЬЯ. Стихотв. **А. А. ФЕТА**. 153

КЪ МЕФИСТОФЕЛЮ. Стихотв. **В. М. ПАВЛОВА** 154

ЗОЯ. Стихотв. **Н. П. ГРЕКОВА**. 154

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ. (Сѣверная сторона. — Поѣздка въ Корабельную, на Инкерманъ, въ Доки и на Южную сторону Севастополя) **Н. В. БЕРГА** 155

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ. (Изъ Шиллера). Стихотв. **Н. В. ГЕРБЕЛЯ**. 168

НРАВООПИСАТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ И ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЛОНДОНУ. **В. М. ТЕККЕРЕЯ**. 1

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВЪ РОССІИ, г. Чичерина. Статья **А. А. СѢВЕРЦОВА** 1

ЛЕССИНГЪ. ЕГО ВРЕМЯ, ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. Статья вторая. **Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО** 27

КРИТИКА. — ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Статья восьмая 1

Стихотворенія Н. Некрасова (1).—Землевѣдѣніе Азіи, Карла Риттера. Часть I. Общее введеніе и восточная окраина Азіи. Перевелъ и дополнилъ дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. Семеновъ (13). — Очерки трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году. Сочиненіе флигель-адъютанта князя Николая Орлова. Съ пятью планами (22). — Для легкаго чтенія. Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый съ 1847 года И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LX

13251

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1856

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Октября 31 дня 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ

графа А. К. ТОЛСТАГО.

I.

Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ,
По сѣрымъ камнямъ точитъ слезы,
Ползутъ на черный кипарисъ
Гроздами пурпурныя розы,
Сюда когда-то, въ жгучій зной,
Подъ темнолиственные лавры,
Бѣжали львы на водопой
И буропѣгіе центавры;
Съ козломъ бодался здѣсь сатиръ,
Вакханки, съ криками и смѣхомъ,
Свершали виноградный пиръ,
И хоръ тимпановъ, флейтъ и лиръ
Сливался шумно съ горнымъ эхомъ.
На той скалѣ Діаны храмъ
Хранили дѣвственныя жрицы,
А здѣсь надъ моремъ по ночамъ
Плыла богиня въ колесницѣ....

Но ужь не та теперь пора:
Гдѣ былъ завѣтный лѣсъ Діаны,

Тамъ слышны звуки топора
Да стукъ враждебный барабана;
И все прошло: нигдѣ слѣда
Не видно Греціи счастливой:
Безъ тайны лѣсъ, безъ плясокъ нивы,
Безъ пѣсней пестрыя стада
Пасетъ татаринъ молчаливый....

II.

Солнце жжетъ; передъ грозою
Измѣнился моря видъ:
Засверкалъ межь бирюзою
Изумрудъ и малахитъ.

Здѣсь на камнѣ буду ждать я,
Какъ, вздымая корабли,
Море бросится въ объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пѣной бѣлой,
Утомясь, влюбленный богъ
Снова ляжетъ, онѣмѣлый,
У твоихъ, Таврида, ногъ.

III.

ЧУФУТЪ-КАЛЕ.

Тяжелъ нашъ путь. Твой бѣдный мулъ
Усталъ топтать терновникъ злобный.
Взгляни наверхъ: то не аулъ,
Гнѣзду орлиному подобный, —
То цѣлый городъ. Смолкнулъ гулъ
Народныхъ празднествъ и торговли,
И вѣтеръ тлѣнія подулъ
На Богомъ проклятыя кровли.
Во дни глубокой старины

(Гласятъ народныя скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
Отъ ига чуждаго бѣжали, —
И градъ возникъ на темѣ горъ.
Забывъ отцовъ своихъ позоръ
И горькій плѣнъ Ерусалима,
Служили злату караимы;
Но ждалъ ихъ давній приговоръ,
И пала тяжесть Божья гнѣва
На вѣтвь караемаго древа, —
И городъ вымеръ. Тамъ и сямъ
Остатки башенъ по стѣнамъ,
Кривыя улицы, кладбища,
Пещеры, рытыя въ скалахъ,
Давно безлюдныя жилища,
Обломки, камни, пыль и прахъ,
Гдѣ взоръ отрады не находитъ;
Двѣ-три семьи, какъ тѣни, бродятъ
Средь мшистыхъ стѣнъ, и дорогѝ
Для нихъ родные очаги,
И прахъ отцовъ и камень черный,
Надъ коимъ плавные круги,
Паря, чертитъ орелъ нагорный....

IV.

Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты,
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!

Но мѣшаютъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ:
Скорпіонъ, сороконожка
И мундиры англичанъ.

V.

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ.

Съ черныхъ глазъ твоихъ, о, Лора,
Съ загорѣлаго лица,
Не сводя до ночи взора,
Я бы слушалъ безъ конца,

Какъ, изъ камней вытекая,
Однозвученъ и гремучь,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ.

VI.

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа васъ манитъ,
И возмущаетъ васъ не мало
Мой деревенскій аппетитъ;

Но мысль моя такого рода,
Что справедливости въ васъ нѣтъ:
Ужели вишни не природа
И тотъ, кто ѣстъ ихъ, не поэтъ?

Нѣтъ, нѣтъ! названія вандала
Отъ васъ никакъ я не приму:
И Ифигенія ѣдала,
Когда она была въ Крыму!

VII.

Всесильной волею Аллаха,
Дающаго намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдага
Благополучно на ночлегъ.
Всѣ на лицо, всѣ безъ увѣчья:
Что значитъ ловкость человѣчья!
А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи, по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ — плохая шутка!

Гуссейнъ! послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги:
Они потрескались отъ жара.
Да что жь не видно самовара?
Сходи за нимъ! А ты, Али,
Костеръ скорѣе запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай,
И всѣ возляжемъ на просторѣ,
Смотрѣть, какъ пламя, съ ночью споря,
Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай
И озаритъ до половины
Дубовъ зеленыя вершины,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій
Изъ мрака выбѣжавшій валъ,
И перепутаннаго плюща
Концы, висящіе со скалъ.

VIII.

Привѣтствую тебя, опустошенный домъ,
Завядшіе дубы, лежащіе кругомъ,

И море синее, и васъ, крутыя скалы,
И пышный прежде садъ, глухой и одичалый!
Усталымъ путникамъ въ палящій лѣтній день
Еще даешь ты, домъ, свѣжительную тѣнь,
Еще стоятъ твои поруганныя стѣны;
Но сколько горестной я вижу перемѣны!
Едва лишь я вступилъ подъ твой знакомый кровъ,
Бросаются въ глаза мнѣ надписи враговъ,
Рисунки грубые и шутки площадныя,
Съ нахальнымъ торжествомъ язвящія Россію,
Все тѣ же громкія, хвастливыя слова
Безчестное враговъ оправдываютъ дѣло....
Вздохнувъ, иду впередъ. Мохнатая сова
Безъ шума съ зеркала разбитаго слетѣла;
Вотъ въ уголъ бросилась испуганная мышь;
Вездѣ обломки, прахъ; куда ни поглядишь,
Вездѣ насиліе, насмѣшки и угрозы;
А изъ саду въ окно вползающія розы,
За мраморный карнизъ цѣпляясь тамъ и тутъ,
Въ безпечной красотѣ раскидисто цвѣтутъ,
И любо имъ однѣмъ, въ молчаніи могильномъ,
Что солнца лучъ на нихъ столбомъ ударилъ пыльнымъ.

Но вотъ ужь сумерки; вотъ постепенно мгла
На берегъ, на заливъ, на скалы налегла;
Все больше въ небѣ звѣздъ, въ аллеяхъ мракъ чернѣе,
Душистѣе цвѣты, и запахъ травъ сильнѣе....

На сломанномъ крыльцѣ сижу я, полонъ думъ....
Какъ тихо все кругомъ, какъ слышенъ моря шумъ....

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧУДАКА.

ВВЕДЕНІЕ.

Былъ у меня пріятель, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, простой, добрый, но котораго всѣ, не знаю почему, называли *чудакомъ*. Какое въ немъ было чудачество, я открыть никогда не могъ; развѣ только сюртукъ его, какого-то допотопнаго покроя, да штаны со складками, такъ называемые русскіе, могли накликать на него это прозваніе. Правда, что когда онъ бывалъ нѣсколько навеселѣ, то не затруднялся говорить правду всякому безъ исключенія и какого бы рода ни была правда, отчего, доживъ до шестидесяти лѣтъ, остался титулярнымъ совѣтникомъ и былъ голъ, какъ соколъ. Жизнь онъ велъ вообще трезвую, но иногда, изрѣдка впрочемъ, любилъ «кутнуть»—и тутъ ужь анекдоты сыпались у него безъ счета.... да и вообще, какъ русскій человѣкъ, онъ любилъ поговорить, особенно когда видѣлъ, что его слушаютъ. Молодость свою онъ провелъ въ уѣздѣ одной отдаленной губерніи, занимая тамъ какую-то незатѣйливую должность, и перебрался ужь въ столицу лѣтъ подъ сорокъ, чтобъ занять мѣсто тоже очень немудреное. Къ числу его чудачествъ можно было отнести то, что все время, свободное отъ служебныхъ занятій, онъ что-то писалъ, но что именно—не зналъ никто, а узнали объ этомъ ужь послѣ его смерти, когда въ его такъ называемомъ кабинетѣ нашли безчисленное множество листовъ всѣхъ возможныхъ формъ, видовъ и цвѣтовъ, мелко исписанныхъ. Нашъ «чудакъ» былъ чрезвычайно скупъ на бумагу и писалъ свои замѣтки на всякомъ лоскуткѣ, который ему попадался подъ руку: былъ ли это пакетъ письма, или оборотъ счета изъ лавки, или обертка изъ подъ ваксы, ему было все равно. Но такъ какъ на этихъ лоскуткахъ не было никакой нумераціи, то надо было отказаться отъ возможности привести ихъ когда нибудь вполнѣ въ порядокъ или составить изъ нихъ что либо цѣлое. «Чудакъ» жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и бóльшая часть его писаній относится къ нашей уѣздной жизни того времени. Предлагаемые отрывки я назвалъ *Провинціальными Воспоминаніями*, не придумавъ другаго, лучшаго названія. Онѣ немного только исправлены въ языкѣ, для удобства читателя. Послѣ этого объясненія никто не можетъ требовать отъ предлагаемыхъ теперь мною «Воспоминаній» и отъ другихъ, какія я когда нибудь извлеку изъ бумагъ «чудака», той послѣдовательности или законченности, какая требуется отъ чисто литературныхъ произведеній. Чудакъ никогда не воображалъ сдѣлаться литераторомъ и былъ бы, вѣроятно, очень изумленъ, увидѣвъ свои мемуары въ печати.

И. С — въ.

1 марта
1856.

I.

УѢЗДНЫЙ ГОРОДОКЪ И КУПЕЧЕСТВО.

Ежели вы когда поѣдете изъ М* въ С*, то на дорогѣ попадется вамъ небольшой городокъ, въ которомъ менѣе семи тысячъ жителей и болѣе пятьнадцати церквей.

Городокъ этотъ въ географіи извѣстенъ кожевенными заводами, а въ дѣйствительности въ немъ процвѣтаетъ одна только торговля — карточная. Здѣсь и чиновники и купечество дуются въ карты, что говорится, напропалую. И откуда бы, кажется, деньгамъ браться? Вплоть до утра господа эти сидятъ за картами, а по утру, съ заспанными глазами, ползутъ по судамъ и тамъ за бумагами дремлютъ; въ двѣнадцать же часовъ, то есть въ полдень, во всѣхъ судахъ хоть шаромъ покати — нѣтъ никого, и просители таскаются съ просьбами по квартирамъ, да и тутъ еще нескоро толку добьются.

Ну, вотъ въ этомъ-то городкѣ и пришлось мнѣ прожить годокъ, другой. Зачѣмъ и какъ я туда попалъ — это нейдетъ къ дѣлу. Я, какъ не играющій въ карты, не могъ вести компаніи съ господами, составляющими уѣздныя власти, и потому ограничивался наблюденіями надъ ними, и эти-то наблюденія хочу представить теперь. Что тутъ ничего не выдумано, въ этомъ увѣряю совѣстью.

Да, по истинѣ удивительно, чѣмъ живутъ уѣздныя власти! Жалованье, кажется, получаетъ ничтожное, а смотришь—и лошадку держитъ, и бѣговыя санки, и то, и другое, — все на порядкахъ, какъ быть слѣдуетъ.... я ужь, право, думалъ: какъ это они ухитряются? У кого есть и недвижимое имѣньице-то, и деньжонки водятся — и что жь, часто недостаетъ то того, то другаго; а у уѣздныхъ властей имѣнья и въ поминѣ нѣтъ, ужь о капиталахъ и говорить нечего!... а живутъ они себѣ, право, припѣваючи: точно птицы небесныя — ни орутъ, ни сѣютъ.

Есть въ этомъ городѣ купецъ Кабардинцевъ, мужикъ богатый: говорятъ, даже тысячъ, этакъ, сотнягъ подъ восемь капитальцу имѣетъ. А вѣдь не выѣзжалъ изъ этого городишка!... За-то ужь у него въ лавкѣ разливное море: и деготь, и сало, и духи съ помадою, и колбасы, и карманные часы, и желѣзо, и сахаръ, — ну, однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь.

И составилъ онъ капиталецъ въ какія нибудь двадцать лѣтъ! Началъ съ того, что былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ, сапоговъ на ногахъ не было, а тамъ какъ пошелъ, пошелъ.... смотришь — домъ каменный въ два этажа выстроилъ, рощу купилъ за шестьдесятъ тысячъ, барановъ на сало пригоняетъ каждый годъ тысячъ пятьнадцать головъ.... любо, да и только.

Ухъ, какъ хитеръ и оборотливъ! на какія штуки не поднимается! Купитъ въ Н* хересу, рублика, этакъ, въ полтора ассигнаціями за бутылочку, смотришь — черезъ день по пріѣздѣ мадера сдѣлалась изъ хересу, по цѣлковому за бутылку. И уѣздныя власти пьютъ—не нахвалятся: хороша, дескать, дрей-мадера у Кабардинцева! А онъ-то разсыпается, онъ-то увѣряетъ, что чуть не прямо съ корабля купилъ! А ужь о шампанскомъ и говорить нечего: все клико да аи, и все по 14 и по 15 руб. бутылка. И откуда беретъ онъ столько шампанскаго?... Все изъ Москвы, говоритъ, изъ первѣющаго магазина.

Славно торгуетъ Кабардинцевъ!... Думалъ, думалъ я, какъ это онъ, однако, нажилъ такое состоянiе и въ такое короткое время; но эта тайна открылась мнѣ однажды нечаянно.

Иду я по площади. Это было осенью: грязь такая, что и Боже упаси.... едва калоши изъ грязи вытаскиваю.... смотрю, лезетъ пропасть народу къ Кабардинцеву. Любопытно мнѣ стало: зачѣмъ это? Подошелъ я къ лавкѣ и сталъ у притолоки, какъ будто такъ себѣ, и слушаю. Вотъ говоритъ одинъ мужикъ:

— Василiй Иванычъ! а, Василiй Иванычъ! дай билетовъ-то?

— Какiе тѣ билеты! отвѣчаетъ голосъ: — у самого нѣтъ.

— Пожалуйста, Василiй Иванычъ, дай: больно нужно. Наказалъ управляющiй накрѣпко ныньче подушныя внести, а въ казначействѣ лобанчиковъ не берутъ.... что станешь дѣлать!... Отецъ родной, пожалуйста, дай!

— Нѣту, говорятъ тебѣ.

— Возьми что хошь за промѣнъ, только выручи.

— Экой ты, братецъ, какой!... да гдѣ жь взять, какъ нѣту? Вѣдь дороги, шибко дороги!...

— Да что жь дѣлать, кормилецъ! хошь и дороги, да дѣлать-то нечего. Выручи, батюшка!...

— По грошику заплатишь съ рубля? Дешевле, братецъ, отдать нельзя.

— Много по грошику, Василiй Иванычъ: по копѣечкѣ будетъ, право слово, будетъ!...

— По копѣечкѣ! нашелъ дурака! Сами дороже платимъ. Не любо, такъ ступай вонъ....

Оглядѣлся мужикъ, видитъ, что народу въ лавкѣ тьма-тьмущая и всѣ кричатъ: «Василiй Иванычъ, Василiй Иванычъ! отпусти, родимый!...» дѣлать нечего, вздохнулъ, почесался и вытащилъ изъ кармана кошечью шкуру, въ которой вмѣсто кошелька лежали у него деньги. Размѣнялъ онъ полторы тысячи рублей ассигнацiями, заплатилъ тридцать рублей и пошелъ вносить подушныя. Эту продѣлку Кабардинцевъ повторилъ со всѣми мужиками, бывшими у него въ лавкѣ, и роздалъ имъ не менѣе семи или восьми тысячь рублей, все кредитными билетами. Прежде, нежели мнѣ пришло въ голову, откуда онъ набралъ акую кучу билетовъ, и зачѣмъ держитъ дома такую сумму, гляжу — шмыгъ въ лавку чиновничекъ изъ казначейства. Вошелъ, оглядѣлся, видитъ, что подозрительныхъ никого нѣтъ, пошушукался съ Васильемъ Иванычемъ да и суетъ ему въ руку какую-то большую пачку. Василій Иванычъ развернулъ кредитные билеты, счелъ ихъ, положилъ въ конторку да на клочкѣ бумажки написалъ цифру и отдалъ чиновничку, потомъ досталъ изъ-подъ прилавка бутылку и поднесъ ему рюмочку и кусочекъ колбасы на закуску. Тотъ выпилъ да и шмыгъ опять въ казначейство.

Поняли ли вы, что это такое? Нѣтъ? Такъ я вамъ скажу. Вотъ видите ли: у казначея съ Кабардинцевымъ заключенъ наступательный союзъ. Передъ подушными казначей всѣ бумажныя деньги передаетъ Кабардинцеву, а самъ, такъ какъ золото и серебро велѣно принимать на вѣсъ, а иностранное вовсе не принимать, то онъ и начнетъ въ вѣсѣ понажимать. Иногда въ полуимперіалѣ на цѣлый двугривенный недостанетъ вѣсу, а рубль серебряный чуть немножко потертъ, такъ ужь и бросаетъ приносителю и кричитъ: «не годится!» Мужику ничего не остается, какъ промѣнять деньги на билеты, а мѣнять не къ кому итти, кромѣ Кабардинцева... голосомъ воетъ, да идетъ!... Выйдутъ у Кабардинцева билеты, пришлютъ опять изъ казначейства, — итакъ, одни и тѣ же деньги гуляютъ себѣ взадъ и впередъ. А посмотришь, послѣ подушныхъ, казначей и послалъ въ приказъ сотъ семь или восемь рублей; а о Кабардинцевѣ ужь и говорить нечего: онъ даетъ казначею много-много что третью часть.

Другую продѣлку подмѣтилъ я у Кабардинцева съ дворовыми людьми: какъ почтовый день, такъ у него ихъ въ лавкѣ тьма-тьмущая. А мнѣ очень хорошо извѣстно, что помѣщики, посылая въ городъ людей своихъ за покупками, накрѣпко приказываютъ имъ не брать ничего у Кабардинцева: «Онъ, дескать, мошенникъ — за все тройную и четверную цѣну лупитъ! а покупать у Синичкина.» Кажется, и надобно бы къ Синичкину итти, анъ нѣтъ: идутъ къ Кабардинцеву, а счетъ привозятъ отъ Синичкина. Кабардинцева руку-то всѣ знаютъ: онъ и пріискалъ какого-то малаго; тотъ и пишетъ ему счеты изъ лавки Синичкина и подмахнетъ, какъ слѣдуетъ: «деньги получилъ прикащикъ Евтропьевъ». Помѣщикъ-то и покоенъ: «наказалъ, дескать, Кабардинцева: не беру у него ничего!» да и дворовый не въ накладѣ: онъ получилъ по десяти копѣекъ на рубль, да, сверхъ того, его угостили водкой. Какъ видите, хорошо тому и другому, а Кабардинцеву, разумѣется, лучше всѣхъ: онъ нажилъ не двадцать и не тридцать процентовъ, а сто на сто, да еще обвѣсилъ на осьмушку. У него дѣло-то и въ шляпѣ!

Вотъ, господа, какъ денежки наживаютъ!...

II.

ЧИНОВНИКИ.

СУДЬЯ И СЕКРЕТАРЬ.

Городокъ, описанный мною, какъ и всякій благовоспитанный уѣздный городъ, имѣетъ въ полномъ составѣ уѣздныя власти: предводителя, судью, исправника, становыхъ, стряпчаго, —однимъ словомъ, всѣхъ, кого нужно. О нихъ-то я и хочу вести рѣчь.

Судья человѣкъ старый, лѣтъ подъ шестьдесятъ, такъ ему заниматься дѣломъ, какъ занимается молодой человѣкъ, не приходится; къ тому жь, на это есть секретарь. Зовутъ судью Александромъ Иванычемъ. Человѣкъ онъ добрый и смирный, только имѣетъ двѣ слабости: страшно боится бѣлыхъ подушекъ и грому; какъ увидитъ бѣлыя подушки, такъ и грохнется о-земь; поэтому въ городкѣ бѣлыхъ наволочекъ на подушкахъ не держатъ, а все больше пестрыя ситцевыя. Нельзя не угодить: судья человѣкъ нужный, до него бываютъ разныя дѣлишки: то купчая, то довѣренность.... А грому Александръ Иванычъ боится страшно, даже повѣрить нельзя: чуть услышитъ громовой гулъ, хоть издали, и бѣжитъ въ темную комнату прятаться. Мошенники приказные и пользуются этимъ: только что Александръ Иванычъ въ судъ, они и начнутъ креститься да ногами топать.

— Что это такое? спроситъ Александръ Иванычъ.

— Да, кажется, говорятъ, гроза начинается. Вонъ тучка находитъ-съ.

А Александръ Иванычъ со страху домой, да въ темную комнату. Приказнымъ это и на руку: судья вонъ изъ суда, а они по ресторацiямъ.

Встаетъ Александръ Иванычъ поздно — часовъ въ десять. Встанетъ, подвяжетъ голову клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ, надѣнетъ вязаную куртку и сядетъ подъ окно ждать чаю. Принесутъ ему чаю, напьется не торопясь и ждетъ секретаря. Часовъ въ двѣнадцать является секретарь съ бумагами; положитъ свой картузикъ на стулъ, подлѣ передней двери, а бумаги на столъ, низко поклонится и ожидаетъ вопроса.

— Ну, что, Ермилъ Аѳанасьичъ! съ бумагами, что ль?

— Да, Александръ Иванычъ, бумажонка нужная есть-съ, такъ подписать надо-съ.

— Эхъ, Ермилъ Аѳанасьичъ! замучился ты, я чай, съ бумагами....

— Что дѣлать, Александръ Иванычъ! трудненько, да дѣлать нечего.

— Что дѣлать, братъ, что дѣлать! На то мы жалованье получаемъ. Хоть и трудно, да дѣлать нечего... Служба, братецъ!.. Ну, что у тебя тамъ такое?

— Журналы да два опредѣленьица. Одного наказать плетьми, воришку....

— Знаю, братъ, знаю, что ты маху не дашь.... Подавай-ка сюда.

И подмахнетъ: «Судья Тарановъ», да еще съ закорючкой.

— А что, братъ, Ермилъ, вѣдь давно мы съ тобой служимъ?

— Да ужь годовъ пятьнадцать будетъ, Александръ Иванычъ! еще вы засѣдателемъ были.... еще при Шмакинѣ, какъ онъ васъ заставлялъ резолюціи-то писать....

— Ха, ха, ха! какой чудной, подумаешь! резолюціи писать! какъ будто это дѣло присутствующихъ писать резолюціи? На это у насъ секретарь есть... А? такъ вѣдь, Ермилъ?

— Точно-съ, Александръ Иванычъ! Секретарь на то и поставленъ, чтобы все было приготовлено, обдѣлано, какъ слѣдуетъ, оболванено-съ, какъ говоритъ вице-губернаторъ, справка, резолюція, журналъ, исходящія, — все какъ слѣдуетъ, и присутствующіе знай только подписывай. И то сказать, гдѣ жь судьѣ знать секретарское дѣло?... Вы на это не сердитесь, Александръ Иванычъ, вы дворянинъ, человѣкъ съ именемъ: гдѣ жь вамъ рыться во всѣхъ этихъ дрязгахъ? Нашъ братъ ужь таковскій, съ дѣтства ужь купается въ чернилахъ, присмотрѣлся, привыкъ.

— Правда, правда, Ермилъ! Наше дѣло притти въ судъ къ готовенькому. А ежели и не пойдешь въ судъ, и то не бѣда: дѣло-то отъ этого хуже не будетъ.... Я ужь, братъ, на тебя надѣюсь.

— Ужь будьте благонадежны, Александръ Иванычъ: я васъ, родимца моего, не продамъ ни за милліоны. Вѣдь у меня не двѣ головы.

— Знаю, братецъ! Извѣстно, гдѣ судейская подпись, тамъ и секретарская. Кому жь охота себя топить? Ужь, пожалуйста, братъ Ермилъ, ты поосторожнѣе.

— Да, ужь сдѣлайте милость, Александръ Иванычъ, не тревожьтесь: охулки на руки не положу. Мнѣ не учиться стать. Слава Богу, пятьнадцать лѣтъ секретаремъ сижу.

Разговоръ на нѣсколько минутъ прокращается. Между тѣмъ, кукушка на стѣнныхъ часахъ, выскакивая со свистомъ, кукуетъ часъ.

— Э! какъ время-то идетъ!... Васютка! эй, Васютка! кричитъ судья хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ.

На зовъ этотъ прибѣгаетъ мальчикъ лѣтъ пятьнадцати, только что воротившійся съ голубятни или отъ бабокъ. Волосы у него взъерошены, въ нихъ торчатъ перья и стружки; козакинъ его, съ красными выпушками, потерявшій свой цвѣтъ, изорванъ, запачканъ и замасленъ. На ногахъ у него женскія ботинки, обноски госпожи.

Судья замѣчаетъ ему мимоходомъ о вредѣ неряшества и велитъ принести водки Ермилу Аѳанасьичу. Водку Васютка приноситъ на тарелкѣ, съ кусочкомъ чернаго хлѣба. Секретарь наливаетъ, кланяется Александру Иванычу, выпиваетъ однимъ глоткомъ, крякаетъ и потомъ закусываетъ хлѣбомъ. Послѣ этого онъ увязываетъ въ свой клѣтчатый платокъ принесенныя бумаги. Въ эту минуту къ судейскому крыльцу подъѣзжаетъ кто-то. Ермилъ Аѳанасьичъ взглядываетъ въ окно, вздрагиваетъ, схватываетъ наскоро бумаги и фуражку и обнаруживаетъ намѣреніе юркнуть въ корридоръ, чтобъ избѣжать встрѣчи съ пріѣзжимъ; но уже поздно: дверь въ залу растворяется настежъ, и въ комнату входитъ, или, вѣрнѣе, вваливается, мужчина высокаго роста, толстый, съ огромными усами и суковатой палкой. Секретарь такъ и замираетъ при видѣ его.

Александръ Иванычъ вскакиваетъ и идетъ гостю навстрѣчу.

— Липатій Александрычъ, вы ли? Давненько, сударь, давненько вы у насъ въ городѣ не были.

— Здравствуйте, здравствуйте, Александръ Иванычъ! здоровенько ли, батюшка, поживаете?

— Слава Богу, слава Богу, помаленьку, сударь, помаленьку.

— Какъ поживаетъ фамилія ваша, батюшка?

— Всѣ здоровы, сударь! покорнѣйше благодарствую. А ваши, сударь, какъ? что дѣтки?

— Что имъ дѣется батюшка? здоровы помаленьку. Ужь такіе пострѣлята, что не приведи Богъ.

— Милости просимъ садиться, — вотъ здѣсь, на диванчикъ-то, сударь, на диванчикъ.

Усѣлись. Липантій Александрычъ вынулъ изъ кармана бѣлый фарфоровый съ цвѣточками рожокъ, выставилъ правую руку и на образовавшуюся у большаго пальца ямочку насыпалъ изъ рожка табаку, который втянулъ носомъ съ видимымъ удовольствіемъ; затѣмъ онъ утерся, крякнулъ и бумажнымъ синимъ клѣтчатымъ платкомъ обмахнулъ просыпавшійся табакъ съ своего сѣраго милиціоннаго казакина, съ оранжевымъ воротникомъ. На груди у Липантія Александрыча привѣшены двѣ медали: одна серебряная, на голубой лентѣ, за взятіе Парижа; другая обыкновенная дворянская, съ надписью: *не намъ, не намъ, а имени Твоему*.

Окончивъ всѣ обычныя формальности, Александръ Иванычъ относится къ гостю:

— Что, по дѣламъ сюда, сударь, пожаловали, али такъ, прокатиться вздумали?

— Какое кататься, Александръ Иванычъ! возражаетъ громко Липантій Александрычъ — видно, что это такой человѣкъ у котораго что на умѣ, то и на языкѣ — до катанья ли? То ли теперь время, чтобы кататься? По дѣлу, батюшка, пріѣхалъ, и именно къ вамъ, въ Уѣздный Судъ.

— Что такое сударь, что такое? Радъ служить всѣмъ, чѣмъ могу. На то и благородное дворянство меня выбрало, чтобъ служить почтеннѣйшему дворянству, не щадя живота, какъ сказано въ присягѣ. Какое такое дѣло, сударь, у васъ?

— Да вотъ батюшка, по милости этого разбойника — гость указываетъ прямо на секретаря — мучитъ меня Уѣздный Судъ болѣе полугода. Видите ли, въ чемъ дѣло. Имѣньишко мое, какъ вы знаете, было заложено въ Приказѣ.... Ну, и понадобилось мнѣ перезаложить его: продавалъ однодворецъ къ загону землишку, такъ хотѣлось купить ее. Подалъ я прошеніе въ Уѣздный Судъ, чтобъ выдали удостовѣреніе. Васъ-то безпокоить не хотѣлъ, а обратился къ этому мошеннику: ну, онъ и обѣщалъ, какъ водится. Обнадежилъ меня проклятый: вы, дескать, Липантій Александрычъ, не безпокойтесь — все сдѣлано будетъ очень скоро. Я съ дуру-то уши и развѣсилъ! Прошелъ мѣсяцъ, посылаю Мишку на базаръ, велю ему зайти въ Уѣздный Судъ: «узнай, дескать, что̀ по моему дѣлу?» Пріѣзжаетъ, говоритъ: нѣтъ еще — справки не собраны. Жду другой мѣсяцъ — опять не собраны; говорятъ: изъ Земскаго Суда не присланы. Я къ исправнику письмо — исправникъ пишетъ, что по моему имѣнью и запроса изъ Уѣзднаго Суда не было. Что ты станешь дѣлать? Я опять въ Уѣздный Судъ: говорятъ, по казначейству какая-то недоимка на мнѣ числится и удостовѣренія выдать нельзя. Господи ты Боже мой! на мнѣ недоимки? Я въ казначейство — журналиста чуть не заворотъ: «какая, дескать, на мнѣ недоимка? я всегда исправно вношу всѣ подати!» Никакой, говоритъ, на васъ нѣтъ недоимки... «Да какъ же вы написали въ Уѣздный Судъ, что недоимка на мнѣ числится?» Никогда, говоритъ, мы въ Уѣздный Судъ о недоимкѣ на васъ не писали, и кто писалъ, намъ неизвѣстно. Какъ тутъ быть? Я къ повытчику—говорю: такъ и такъ. А онъ мнѣ и шепчетъ на ушко, говоритъ, да просьба-то ваша гдѣ?... «Какъ гдѣ? разумѣется, у секретаря: я ему ее подалъ».... «То-то, подали ли, а у насъ что-то въ производствѣ ея не видать.» Я ему полтинникъ... говорю: поищи, братъ!... Онъ искать, искать — нашелъ въ бумагахъ у этого мошенника... непомѣченная лежитъ.... А! какъ вамъ это покажется?

— Напрасно, замѣчаетъ судья, обиженнымъ голосомъ:— тогда же ко мнѣ, сударь, не обратились: это моя обязанность наблюдать за справедливостью....

— Совѣстно тревожить-то васъ, батюшка! Онъ же, проклятый, тогда извинялся, извинялся, вилялъ, вилялъ хвостомъ-то: непремѣнно, говоритъ, черезъ двѣ недѣли получите удостовѣреніе. Понадѣялся я, какъ на честнаго человѣка, сдуру-то повѣрилъ ему опять. Что жь, какъ вы думаете? о сю пору не пущена, батюшка, въ ходъ, лежитъ себѣ подъ сукномъ. Нѣтъ! ужь теперь-молъ, братъ, извини, пойду къ судьѣ; а откажется Александръ Иванычъ, въ Губернское настрочу, да такую ужь настрочу, вотъ увидите. Вѣдь добро бы не обѣщалъ ему, проклятому: я самъ знаю, нельзя... помазать надо.

— Напрасно, сударь, изволите безпокоиться, прерываетъ судья: — будьте увѣрены, что все будетъ сдѣлано къ вашему удовольствію.

Послѣ благодареній, увѣреній, разговора о погодѣ, урожаяхъ и проч. гость поднимается съ мѣста. Судья слѣдуетъ за нимъ въ переднюю.

Когда они выходятъ изъ залы, секретарь распрямляется; глаза у него загораются, какъ у льва; лицо пылаетъ. Онъ сжимаетъ кулакъ и, грозя имъ на переднюю, говоритъ, передразнивая:

— Помазать надо!... помазать надо!... Знаемъ мы вашу подмазку-то! Какъ первое удостовѣреніе бралъ, такъ и отдѣлался одной золотушкой... и теперь также хочется?... нѣтъ, братъ, шалишь!.. вынимай-ка сѣренькую или со столбиками, такъ тогда еще посмотримъ. Настрочу въ Губернское.... эка фря! Строчи, знаемъ мы эти строчки-то... видали мы ихъ.... Пришлютъ изъ Губернскаго запросъ, напишемъ имъ и то, и то сё, и пятое и десятое, — и кончится тѣмъ, что съ тебя же дурака взыщутъ за гербовую. Видали мы вашу братью и почище тебя.... попрыгаютъ, попрыгаютъ да къ намъ же придутъ съ поклономъ.

Возвращающійся судья прерываетъ нить этихъ размышленій. Кряхтя, садится онъ въ кресла съ кожаной пуховой подушкой и, помолчавъ и откашлявшись, какъ будто сбираясь съ духомъ, начинаетъ:

— Какъ это ты братъ, Ермилъ Аѳанасьичъ, такого маху далъ? а?

— Никакого маху я не давалъ, Александръ Иванычъ! а ежели будете всякое безобразіе слушать, такъ тогда и служить нельзя. Вамъ извѣстно, я, кажется, не лѣнюсь, ночи на пролётъ не сплю. Одни арестантскія дѣла такъ замучили...

— Все бы, братъ, поосторожнѣе надо.

— Да помилуйте, Александръ Иванычъ, нѣкогда, сами изволите знать; а неугоденъ я, такъ, пожалуй, и въ отставку.

— Что ты, братъ Ермилъ!.. что ты!.. я это такъ только, мимоходомъ замѣтилъ. Въ самомъ дѣлѣ, подастъ въ Губернское Правленіе... нехорошо.

— Да пусть его подаетъ: боюсь я его, что ли? Просьба-то его не помѣчена — не подавалъ, да и только. Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ? мальчикъ, что ли, я ему достался?.. Подалъ, такъ жди! а то ужь разхорохорился.... Въ Губернское пошлетъ! знаемъ мы это Губернское!

— Все бы, братъ, замѣчаетъ судья робко: — надо хоть для виду бумагу въ ходъ пустить. Я у тебя хлѣба не отнимаю, Богъ съ тобой: ты знаешь, я служу не изъ какихъ нибудь особенныхъ видовъ.... лишь бы быть покойнымъ, да хоть бы на сахаришко достало.

— Знаю, Александръ Иванычъ, что вы человѣкъ чувствительный, что вы жалѣете нашего брата, не отнимаете халтуры; зато вѣдь мы за васъ и въ огонь и въ воду готовы... Только ужь, воля ваша, не принимайте всякаго этакаго вздора.... Такъ всякая собака набрешетъ да будете слушать, такъ тогда и служить нельзя.

Послѣ увѣреній съ той и другой стороны въ любви и расположеніи, секретарь схватываетъ свой картузъ и бумаги и выходитъ изъ комнаты, кланяясь и желая судьѣ всевозможныхъ благъ отъ Небеснаго Творца.

СУДЬЯ И ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Суббота. Съ ранняго утра городъ ожилъ. Сотни телегъ, скрипучихъ, и не скрипучихъ, тянутся по улицамъ; мужики, бабы, дѣвки, ребятишки, толкаются, жмутся, бранятся, обнимаются, колышатся по площади; питейный домъ отворенъ настежь... День базарный, важный для уѣздныхъ жителей. Все народонаселеніе, мужское и женское, молодое и старое, съ кулечками, мѣшками и проч., бѣжитъ на базаръ.

Въ знакомой намъ передней судейскаго дома, Васютка чиститъ, поплевывая, барскіе сапоги. Куча тарелокъ съ остатками ѣды, вѣроятно, отъ вчерашняго ужина, стоитъ въ безпорядкѣ на столѣ, вмѣстѣ съ ваксой въ помадной банкѣ. Часовъ около девяти въ переднюю входитъ человѣкъ высокаго роста, съ усами, въ синемъ суконномъ казакинѣ, и садится на коникъ подъ окно. Судя по тому, что мальчикъ на приходъ его не обращаетъ никакого вниманія, видно, что это человѣкъ свой, домашній. Усѣвшись, человѣкъ съ усами начинаетъ что-то насвистывать и смотрѣть въ окно; но такъ какъ окно это на дворъ, а на дворѣ, кромѣ свиньи, занимавшейся около помойной ямы, нѣтъ ничего замѣчательнаго, то онъ, осмотрѣвшись и увидѣвъ двѣ сильно засаленныя книжки, подвигаетъ ихъ къ себѣ и разсматриваетъ. Одна изъ книгъ: «Сказаніе о славной битвѣ Куликовской», другая: «Краткій Пѣсенникъ». Послѣдняя кажется ему болѣе любопытной: онъ развертываетъ ее и начинаетъ про себя читать, скандуя стихи рукою по колѣну. По улыбкѣ, которая время отъ времени появляется на его губахъ, видно, что чтеніе это приноситъ ему много удовольствія. На этомъ любителѣ литературы—казакинъ. Онъ имѣетъ замашки псаря и ухватки лихаго двороваго человѣка, который, крутя виски, отхватываетъ обыкновенно на балалайкѣ трепака за воротами и всякой проходящей женщинѣ, съ прискочкою, подноситъ балалайку чуть не къ лицу, приговоривая: «аль не любишь?» Это сельскій засѣдатель Уѣзднаго Суда, Поликарпъ Антоповъ Волкъ.

Пока онъ читаетъ, Васютка, окончившій чищенье сапоговъ, принимается помадить себѣ голову свѣчнымъ огаркомъ. Въ то самое мгновеніе раздается свистъ. Засѣдатель съ усами встаетъ и идетъ на этотъ зовъ. Отправимся и мы за нимъ.

Въ бѣличьемъ вытертомъ тулупчикѣ, несмотря на пятьнадцати-градусный жаръ, и въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ, знакомецъ нашъ Александръ Иванычъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, покрякивая, частію отъ лѣтъ, частію и такъ, по привычкѣ. Волкъ, войдя, останавливается у двери, кланяется полупочтительно, полуфамильярно, закладываетъ руку за бортъ своего казакина и ожидаетъ вопроса, съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ стоитъ передъ бариномъ лакей съ трубкой и съ зажженной бумажкой, въ ожиданіи, когда барину угодно будетъ взять трубку, которую онъ требовалъ какъ можно скорѣй, и о которой забылъ въ жару разговора, не замѣчая, что лакей уже жжетъ руки.

— Ну, что, Волкъ, говоритъ судья: — былъ ты на базарѣ?

— Былъ-съ, да ничего нѣтъ, кромѣ баранины. Говядина одни ребра, ни филея, ни огузка нѣтъ, и за ту просятъ сумасшедшую цѣну — по четырнадцати копѣекъ.... я и не купилъ.

— Да что жь мы ѣсть-то будемъ?

— Щи вчерашнія остались, такъ ихъ подамъ, да оберточекъ сдѣлаю. Холодное солонина, а на жаркое развѣ цыпленка прикажете зарѣзать?

— Да развѣ есть у насъ цыплята? спрашиваетъ Александръ Иванычъ съ удивленіемъ.

— Покрышкинскій управляющій прислалъ намедни пятокъ да два фунта сливочнаго масла. Я хотѣлъ было вамъ доложить, да у васъ въ то время были гости, такъ и оставилъ.

Александръ Иванычъ всплескиваетъ руками отъ негодованія.

— Пятокъ цыплятъ и два фунта масла за вводъ во владѣніе! шепчетъ онъ, возводя очи горѣ, какъ бы принимая небо въ свидѣтели своего оскорбленія. — Вотъ дѣлай этимъ подлецамъ что нибудь!... а вѣдь какъ кланялся, какъ распинался!... Э-э-хъ-ма! проклятая губернія!

Губы его долго послѣ этого судорожно дрожатъ: видно, поступокъ покрышкинскаго управляющаго сильно оскорбилъ его.

Минутъ съ пять длится молчаніе.

— Ну, хорошо, Волкъ, ступай, произноситъ Александръ Иванычъ, нѣсколько успокоившись.

Волкъ оборачивается и идетъ къ двери, но потомъ, какъ бы спохватясь, ворочается назадъ и говоритъ:

— Ермилъ Аѳанасьичъ (секретарь) присылалъ вчерась за мной журналы подписать, такъ я теперь пойду въ судъ: вы прикажите кому нибудь безъ меня на кухнѣ присмотрѣть... вѣдь всяко бываетъ....

— Хорошо, хорошо, перебиваетъ его судья. — Ступай, братъ Поликарпъ, подпиши журналы: это тоже дѣло нужное.... Ты ужь, пожалуйста, прибавилъ онъ: — журналовъ не задерживай. Вѣдь кто знаетъ — неравенъ часъ — наѣдетъ ревизоръ, такъ и нехорошо.

— Радъ бы радостію, Александръ Иванычъ, да вѣдь некогда. Вчерась изволили гнѣваться: папошникъ сыръ, уха пересолена; а вѣдь у меня только двѣ руки. Воды принести, дровъ нарубить надо; а вѣдь я одинъ.

— Что жь, братъ, дѣлать, Поликарпъ? вѣдь и журналы-то тоже нужно. А ты бы велѣлъ себѣ статейки заложить, чтобъ не искать, какъ вырвалось свободное время, пришелъ бы, да и подмахнулъ.

— Да, подмахнулъ!... Оно хорошо говорить, Александръ Иванычъ! Пріидешь въ судъ, такъ толку-то еще нескоро доберешься. Я еще хотѣлъ вамъ жаловаться на приказныхъ. Никакого уваженія ко мнѣ не имѣютъ: вѣдь я тоже присутствующій. Придешь иной разъ, спросишь журналы, а они тебѣ въ отвѣтъ: «Ступай на кухню: тамъ за чумичкой они лежатъ». Вѣдь больно, Александръ Иванычъ: я тоже членъ.

— Ахъ они, мошенники! воскрикиваетъ Александръ Иванычъ, всплеснувъ руками: — задамъ же я имъ!... Кто больше всѣхъ?

— Воскресенскій, да Понафидинъ, да еще Ивановъ — ужь такой озарникъ, прости Господи.... Вы ужь меня извините: ежели ужь онъ мнѣ надоѣстъ очень, я ему дамъ затрещину, да такую, что до Иванова дня не образумится.

— Нѣтъ, нѣтъ, Поликарпъ! драться не надо. Обойдемся и безъ этого. Сдѣлаемъ лучше вотъ что: какъ пойдешь въ судъ, зайди отъ меня къ Ермилу Аѳонасьичу да скажи, что какъ будетъ составлять росписанье на жалованье, такъ назначилъ бы.... Кто бишь больше пристаетъ-то къ тебѣ?

— Ивановъ-съ.

— Ну, такъ Иванову чтобъ назначилъ только пятьдесятъ копѣекъ, а тѣмъ по рублю серебромъ.... слышишь?

— Слушаю-съ. Затѣмъ счастливо оставаться.

И онъ выходитъ.

ЗАСѢДАТЕЛИ.

На другое утро, часовъ въ десять, когда судья, подвязанный чистымъ платкомъ, усѣлся, по обыкновенію, на креслахъ подъ окномъ, въ залѣ, и медленно пропускалъ въ себя утренній чай, въ залу къ нему вошли безъ доклада два господина; слѣдовательно, приходъ ихъ былъ дѣломъ обыкновеннымъ. Это были два дворянскихъ засѣдателя Уѣзднаго Суда. Они пришли поздравить судью съ праздникомъ, т. е. съ воскресеньемъ.

Два господина эти были связаны узами тѣснѣйшей дружбы, что не мѣшало имъ, однакожь, живя вмѣстѣ и не разлучаясь другъ съ другомъ втеченіе цѣлаго дня, или молчать по цѣлымъ недѣлямъ, или говорить другъ другу весьма рѣзкія истины. Они стоятъ того, чтобы ими заняться нѣсколько поподробнѣе. Одинъ изъ нихъ, худой, блѣдный, съ лицомъ совершенно мертвымъ и неподвижнымъ, былъ одѣтъ чисто, и опрятно, и аккуратно: воротнички его безъукоризненной бѣлизны, тонкіе и длинные, какъ два лезвія кинжала, досягали почти до самаго носа; на глазахъ у него были серебряныя очки, которыя онъ, остановясь на минуту въ передней, протеръ бѣлымъ носовымъ платкомъ, хотя это было лѣтомъ и, слѣдовательно, потускнѣть они не могли. Положивъ этотъ платокъ, оставшійся, впрочемъ, неразвернутымъ, въ карманъ фрака, онъ изъ другаго кармана вынулъ другой клѣтчатый развернутый платокъ и имъ бережно сбилъ пыль съ своихъ сапоговъ и панталонъ. Держался онъ невѣроятно прямо. Стеклянные глаза его смотрѣли неподвижно и прямо. Чтобъ взглянуть на предметъ съ боку, онъ ворочалъ не одни глаза, но голову и даже цѣлое туловище.

Товарищъ его былъ человѣкъ низенькій и толстый, съ широкимъ и заспаннымъ лицомъ, которое лоснилось отъ толщины и неопрятности; грязная рубашка торчала у него безобразно изъ-подъ галстуха, сдѣланнаго изъ полоски чернаго миткаля; фракъ и нижнее платье его были всѣ въ пятнахъ, измяты и въ пуху; на первомъ недоставало даже пуговицъ. Войдя въ переднею, онъ небрежно сбросилъ на коникъ шинель свою бронзоваго цвѣта и хотя провелъ рукою по волосамъ, но это движеніе болѣе взъерошило ихъ, чѣмъ пригладило. Несмотря на то, что онъ готовъ былъ прежде своего товарища, онъ подождалъ его въ передней и даже пропустилъ впередъ въ дверь, если не по уваженію, то, по крайней мѣрѣ, по особенному вниманію.

Не успѣли эти господа войти въ залу, какъ въ передней появилось новое лицо, которое, быстро снявъ съ головы шляпу, вынуло изъ шляпы платокъ, утерло имъ себѣ носъ (хотя на носу у него ничего не было) и на цыпочкахъ, но рысью, вступило съ ними вмѣстѣ въ залу, такъ что судья могъ подумать, что они пришли вмѣстѣ. На новопришедшемъ былъ желтоватый суконный, такъ называемый верблюжій азямъ и смазные русскіе сапоги; у него была небольшая рыжеватая бородка.

Всѣ эти три лица, поклонясь, стали въ шеренгу вдоль стѣны, а господинъ съ бородкой прибавилъ къ поклону сладкую улыбку.

Судья, знавшій причину ихъ посѣщенія, произнесъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! Покорно васъ благодарю. Какъ поживаете?

— Хорошо-съ, сказалъ блѣднолицый монотоннымъ голосомъ.

— Оченна, слава Богу, хорошо-съ! прибавилъ толстякъ.

Человѣкъ съ бородкой улыбнулся и поклонился.

— Милости просимъ садиться, замѣтилъ имъ судья.

— Не устали-съ, отвѣчалъ блѣднолицый.

— Все сидѣли-съ, прибавилъ толстякъ.

Бородка улыбнулась, поклонилась и какъ-то странно засѣменила на своемъ мѣстѣ.

Судья, зная, что съ двумя первыми разговора не завяжешь, а также и не усадишь ихъ, обратился къ человѣку съ бородкой, который былъ никто другой, какъ сельскій засѣдатель, Ануфрій Аксентьичъ Краюхинъ.

— Ну а ты, Краюхинъ, всѣ журналы заклеймилъ?

— Какъ же батюшка, Александръ Иванычъ, какъ же-съ, произнесъ онъ, кланяясь, улыбаясь и сѣменя ногами:—всѣ-съ... притаманно, всѣ-съ.... извольте хоть Ермила Аѳанасьича поспрошать....

— Ну, хорошо, хорошо, сказалъ судья и, желая какъ нибудь завести разговоръ съ двумя другими господами, обратился къ нимъ:

— Кажется, нынѣ жарко на дворѣ, господа?

— Жарко-съ, отвѣчалъ блѣднолицый.

— Очення тепло-съ, прибавилъ толстякъ.

Этимъ разговоръ и кончился.

Судья, видя, что завязать его нѣтъ никакой возможности, хотѣлъ было раскланяться, чтобы дать знать гостямъ, что они могутъ итти, какъ вдругъ блѣднолицый выступилъ впередъ и своимъ монотоннымъ голосомъ произнесъ:

— Имѣю объяснить-съ....

Ежелибъ колокольня вдругъ зашевелилась и стала разгуливать по улицамъ, какъ модная барыня, судья удивился бы менѣе, чѣмъ этой выходкѣ блѣднаго засѣдателя. Какъ? человѣкъ, три года молчавшій даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крайне нужно было говорить, — человѣкъ, на вопросы всегда отвѣчавшій, односложными *да-съ*! и *нѣтъ-съ*! теперь вдругъ самъ начинаетъ разговоръ! Александръ Иванычъ рѣшительно не могъ опомниться.

— Что, что такое, сударь, имѣете вы объяснить?

— Вчера-съ... намъ жалованье выдали-съ...

— Ну да, сударь, выдали... что жь такое?

— Мелочью-съ.

— Ну да, мелочью... Мы всѣ такъ получили... такъ распорядилось казначейство... Что жь съ этимъ дѣлать?

— Не могу принять-съ!

— Чего, сударь, не можете принять?

— Мелочи-съ! Въ законѣ сказано-съ: жалованье выдается ассигнаціями.

— Да вамъ-то какой же тутъ убытокъ? что мелочь, что ассигнаціи, развѣ для васъ не все равно? еще выгода есть, ежели захотите промѣнять.

— Не могу принять-съ! я жаловаться буду-съ!

— Да на что и на кого, сударь, вы жаловаться будете?... а впрочемъ какъ хотите — мое дѣло сторона.

— Еще имѣю объяснить-съ.

— Что еще такое?

— Журналы переписали-съ.

Въ это время дверь отворилась, и вошелъ секретарь.

— А! вотъ кстати и Ермилъ Аѳанасьичъ! какой это тамъ журналъ переписали, говоритъ Аркадій Николаичъ.

— Помилуйте, Александръ Иванычъ, какой журналъ! Вѣдь уже и я и стряпчій представляли Аркадію Николаичу, да они слушать не хотятъ.... Извольте видѣть: дня съ три тому назадъ, положилъ я Аркадію Николаичу подписать журналы: онъ, какъ водится, не говоря ни слова, и подписалъ ихъ, да какъ нибудь по ошибкѣ и пропустилъ одну статью. Я и самъ этого, признаться, недомекнулъ, послалъ журналы къ стряпчему; стряпчій шлетъ назадъ, говоритъ: «нельзя журналъ пропустить: не всѣ статьи подписаны!» Я глядь, анъ и въ самомъ дѣлѣ одна статья пропущена. Я къ Аркадію Николаичу, говорю: такъ и такъ... куды-те! онъ и слушать не хочетъ.... Переписапъ говоритъ, да и кончено. Я послалъ за стряпчимъ: убѣждали, убѣждали его... нѣтъ! сталъ на своемъ, переписанъ да и только!... Я и журналъ-то этотъ принесъ. Извольте взглянуть сами.

Судья, дѣйствительно, убѣдился, что одна статья была пропущена, и что на другой страницѣ этого же листа, подъ другою статьею, подписано: Дворянскій Засѣдатель Недоткинъ.

— Какъ же вы, Аркадій Николаичъ, говорите, что статья переписана? развѣ это не ваша рука?

— Моя-съ!... я никогда статей не пропускаю-съ!

— Ну а эту пропустили... мало ли что случается!...

— Не могу-съ!... журналъ переписанъ-съ.... я жаловаться стану-съ.

— Ахъ, Боже мой, да жалуйтесь кому хотите... кто жь, вамъ велѣлъ пропустить статью...

— Я всѣ подписалъ-съ...

— Да какъ же всѣ, когда одна пропущена! Я чай, вы знаеве, что подписываете.

— Никакъ нѣтъ-съ! не знаю-съ.... я журналовъ не читаю-съ: глаза болятъ-съ.

— Ну, такъ заставьте кого нибудь читать себѣ....

— Не могу-съ: обманутъ!

— Ну, да какъ же, батюшка, съ этимъ сдѣлать? Сами читать не можете, заставить не хотите, такъ подписывайте такъ.

— Не могу-съ! я жаловаться буду-съ!

— Ну жалуйтесь, Богъ съ вами, кому хотите... это наконецъ скучно!...

И съ этимъ словомъ судья, видимо раздосадованный, отошелъ прочь. Тогда блѣдный засѣдатель, стоявшій неподвижно, вдругъ обернулся и, не говоря ни слова, даже не поклонясь, вышелъ изъ комнаты; толстякъ послѣдовалъ за нимъ.

— Что это съ нимъ сдѣлалось? спросилъ судья, когда они вышли.

— Да чортъ его знаетъ, прости Господи! отвѣчалъ секретарь:—бѣлены, что ли, объѣлся! Вѣдь только вамъ не докладываю, Александръ Иванычъ, безпокоить васъ не хочу, а то иной разъ съ нимъ вѣдь мученье, да и только. Сумасшедшій ли онъ, али такъ на него находитъ, чортъ его знаетъ!... Иногда придетъ сидитъ себѣ сложа руки, не дѣлаетъ ничего. Просишь, просишь исходящія подписать — нѣтъ! молчитъ да мотаетъ головой. А въ другой разъ все подпишетъ какъ надо и все торопится, а куда торопится, Богъ его знаетъ. Много сбиваетъ его этотъ толстомясый. Вотъ бестія-то, прости Господи!... Намедни такую штуку отмочалилъ, хоть топись. Струхнулъ я, признаться сказать. Видите ли: есть у насъ дѣло Полянскихъ, о землѣ. По этому дѣлу получили недавно указъ Гражданской Палаты — и въ пользу Полянскихъ. По обыкновенію, указъ доложили, сдали, — и позабылъ я о немъ. На дняхъ какъ-то понадобился мнѣ указъ, и говорю я повытчику: «дай-ка, братъ, сюда указъ Полянскихъ-то.» Часъ проходитъ, другой проходитъ—не несутъ указа. Я въ канцелярію—говорю: «что жь Полянскихъ указъ-то? скоро ли его дождусь?» Повытчикъ ко мнѣ, да и чуть не со слезами, говоритъ: «Ермилъ Аѳанасьичъ! бѣда сдѣлалась: указъ пропалъ!»—«Ищите, говорю, не то солдатомъ будете.» Взвылъ мой парень, принялся по листочку весь шкапъ перерывать... Искалъ, искалъ — нѣтъ указа! пропалъ. На другой день прибѣжалъ ко мнѣ, чуть не до свѣту; на самомъ лица нѣтъ.... «Батюшка! Ермилъ Аѳанасьичъ! — говоритъ—«не нашелъ указа», а самъ какъ зальется, зальется. Жалко мнѣ его стало: человѣкъ смирный; жена, четверо, не то пятеро дѣтей; погибнетъ ни за копѣйку. — «Не отдавалъ ли кому?» спрашиваю... «Богъ вамъ свидѣтель — говоритъ — никому не отдавалъ»... «Ну не имѣешь ли на кого подозрѣнія?...» Подумалъ мой повытчикъ, да и говоритъ: «ѣздилъ вчера Желудевъ въ Полянщину: ужь не онъ ли взялъ его съ собою?» А что и впрямь! подумалъ я. Отъ этого шельмы все станется. «А кто его возилъ въ Полянщину?» «Да, кажется, Воробьевъ, Никита.» Я къ Воробьеву: «ѣздилъ, дескать, ты съ Желудевымъ въ Полянщину?» «Ѣздилъ...» «Когда воротились?» Вчерась.... поздно вечеромъ.» «Въ какомъ видѣ былъ Желудевъ?» «Хмѣленъ шибко...» «Не видалъ ли ты у него въ рукахъ какой бумаги?» «Видѣлъ. Онъ все вертѣлъ ее, да какъ заснулъ, такъ она и выпала изъ рукъ.» «Гдѣ же эта бумага?» «Отдалъ хозяйкѣ.» Я къ Воробьевой хозяйкѣ — говорю: «такъ и такъ, не отдавалъ ли тебѣ Никита какой бумаги?» «Отдалъ, батюшка!» «Гдѣ жь она?» «Да вотъ, вишь ты, я разорвала ее пополамъ; въ одну половину завернула свѣчи, а въ другую взяла было масла изъ лавочки, да какъ положила масло въ маходочку, такъ и бросила ее, а куда, родимый, не припомню.» «Ну, а гдѣ жь та, что свѣчи завернула?» «Здѣсь, батюшка!» и подаетъ мнѣ. Смотрю, онъ!... онъ!... указъ палатскій.... Ахъ, мошенникъ, мошенникъ! что ты станешь дѣлать? Принесъ домой, ну клеить, склеилъ кое-какъ; нѣтъ только другой страницы. Гляжу, на завтра, Никита Воробьевъ волочетъ другой листъ. «Гдѣ нашелъ?» «Да въ навозѣ. Послалъ ребятъ навозъ на десятину вывезти: они стали сваливать, глядь, тамъ лежитъ какая-то бумажка. Я и принесъ ее къ твоему благородію.» Надѣлалъ было намъ бѣды проклятый... и съ шеи бы не стрясли.

— Чѣмъ намъ терпѣть отъ него, такъ не лучше ли представить Губернскому Правленію? замѣтилъ Александръ Иванычъ.

— Плакаться проклятый будетъ—вотъ что! Положимъ, одна голова — ни впереди, ни назади никого нѣтъ, а все какъ-то.. ну, а ужь иногда такъ насолитъ, что, кажется, въ Сибирь бы сослали, такъ не охнулъ. На прошлой недѣлѣ въ пятницу еще что сварганилъ! Надо было въ Губернское Правленіе рапорты посылать. Аркадій Николаичъ что-то не вышелъ: по нездоровилось ли ему, али такъ дурь нашла, — только некому рапортовъ подписать. Послалъ я за этимъ толстомясымъ на квартиру — нѣтъ его на квартирѣ; послалъ въ трактиръ — тамъ, сидитъ и на торбанѣ играетъ. Зовутъ его въ Судъ. «А что я тамъ забылъ?» говоритъ. Я къ нему опять послалъ: говорю, очень нужно: рапорты въ Губернское Правленіе надо подписать. «А мнѣ-то какое дѣло, говоритъ. Пусть пришлютъ сюда рапорты да поставятъ бутылку пива, такъ подпишу.» Помялся, помялся я, а вѣдь дѣлать-то нечего, послалъ рапорты въ трактиръ и пятачекъ серебра на пиво далъ... да этакъ онъ меня въ утро наказалъ на цѣлой двугривенный. А! какъ вамъ это покажется?

— Нѣтъ! нѣтъ, Ермилъ Аѳанасьичъ — нечего и мѣшкать! представить объ выключкѣ.... Повадка другимъ, коли такъ оставить.

Въ это время на улицѣ послышались бубенчики и колокольчики. Тройка борзыхъ коней неслась по улицѣ и съ шумомъ остановилась у судейскаго крыльца. Секретарь бросился къ окну.

— Кто, кто тамъ? закричалъ Александръ Иванычъ.

— Исправникъ съ городничимъ, и въ новомъ тарантасѣ!... важный тарантасъ!... ему гдѣ-то въ уѣздѣ дѣлали.

Александръ Иванычъ тяжело вздохнулъ.

— Хорошо быть исправникомъ! прибавилъ онъ: — ему и тарантасы дѣлаютъ, ему и то, и другое; а нашему брату — двѣ пары цыплятъ да два фунта масла за вводъ во владѣніе....

Секретарь, услышавъ это a parte, улыбнулся. Этотъ вводъ принесъ ему запаса чуть ли не на цѣлый годъ; а цыплятъ и масло онъ отдѣлилъ судьѣ уже отъ себя, изъ милости.

ИСПРАВНИКЪ И ГОРОДНИЧІЙ.

Не успѣлъ старикъ-судья подняться съ мѣста, какъ въ залу вбѣжалъ исправникъ, человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, полный, здоровый, съ порядочнымъ брюшкомъ и въ широчайшихъ шароварахъ, въ однобортномъ сюртукѣ съ чернымъ стоячимъ воротникомъ и гербовыми пуговицами. Его красное, лоснящееся лицо показывало человѣка разгульнаго, веселаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ откровеннаго и добраго по природѣ. По ухваткамъ его видно было, что когда-то онъ служилъ въ военной службѣ: онъ держался прямо, смѣялся во весь ротъ, болталъ что ни попало, говоря, чуть не кричалъ, какъ будто окруженный глухими, и былъ, что называется, sans-façon.

Слѣдовавшій за нимъ городничій составлялъ съ нимъ разительный контрастъ. Это былъ человѣкъ тоже высокаго роста, но худой и стройный, съ высокимъ лбомъ, покрытымъ морщинами, слѣдами ежели не мысли, то, по крайней мѣрѣ, разгульной жизни; волосы его были коротко подстрижены; въ его движеніяхъ было много ловкости, привлекательности и, вмѣстѣ, простоты, которая пріобрѣтается только въ порядочномъ и образованномъ обществѣ. Онъ былъ молчаливъ, хотя по природѣ имѣлъ веселый нравъ. Было ли это слѣдствіе усталости жизни, или пустоты, рѣшить трудно. Въ его походкѣ и движеніяхъ было много лѣни, или, скорѣе, лѣниваго равнодушія ко всему его окружающему.

Исправникъ прямо бросился къ судьѣ, ударилъ его рукою по плечу, несмотря на то, что тотъ былъ его вдвое старѣе, и закричалъ:

— Здравствуйте, Александръ Иванычъ! какъ поживаете?... Къ предводителю ѣдете?

— Ѣду, ѣду, батюшка! торопливо проговорилъ судья, зная, что ежели онъ не успѣетъ отвѣчать тотчасъ, такъ тотъ заговоритъ о другомъ: — только я сперва дома пообѣдаю да сосну, а тамъ ужъ и поплетусь. У предводителя нынче обѣдаютъ поздно: еще успѣю.... Ну, а вы, господа?

— Мы! мы! закричалъ исправникъ: — мы съ Петромъ Андреичемъ махнемъ сперва къ Еремѣевымъ.... такъ, этакъ, пройдемся.... знаете?

— Полно, пустомеля! проговорилъ тихо городничій.

— А что жь такое?... Быль молодцу не укора.... Вѣдь и въ правду сказать, что за дѣвка! у-у! а! малина!... плечи-то, плечи-то—объяденье!... Такъ мурашки по спинѣ и пробѣгутъ, какъ взглянешь.... Правда, Петръ Андреичъ?...

Городничій не отвѣчалъ, а только махнулъ рукою и отошелъ.

— Ну, полно миндальничать, продолжалъ исправникъ: — вѣдь ужь нравится, знаю!... что грѣха таить.... дѣвка — нечего сказать!... ростъ, глаза, шея.... фу, ты Господи! такъ бы вотъ, кажется, и съѣлъ.... А что, Александръ Иванычъ, водится у васъ водка?

— Какъ же, какъ же, сударь!... Эй, Васютка! подай Ираклію Никитичу водки.

— А со мной откупщикъ какую штуку было вздумалъ удрать: сперва присылалъ все по ведру полугара и по ведру пѣннаго въ мѣсяцъ, вдругъ вздумалъ присылать пѣннаго только по полуведру. Э, братъ, шалишь! думаю. У насъ не такъ! Я тотчасъ хлопъ предписаніе становымъ закрыть кабаки во время обѣдни и позднѣе десяти часовъ не отпирать. Какъ услыхалъ это откупщикъ, бѣжитъ ко мнѣ. «Батюшка Ираклій Никитичъ! за что гнѣваться изволите?» — Я-съ, ничего-съ, говорю ему. «Да какъ такъ, вотъ повѣренные говорятъ мнѣ, что вы запретили.» — Что жь дѣлать-съ, законъ!... Догадался, да такой-то сладкой водки доставилъ, что въ ротъ, то спасибо; какъ пьешь, боишься языкъ проглотить.

— Не пора ли намъ? замѣтилъ городничій.

— А ужь тебя подмываетъ! Погоди, я еще водки не пилъ.... Эй, Васютка! чертенокъ!... что жь ты барина не слушаешься: не даешь водки? Смотри, въ трубную потребую.

Мальчикъ, между тѣмъ, несъ уже на тарелкѣ графинъ съ кусочкомъ хлѣба. Увидѣвъ его, исправникъ проговорилъ нараспѣвъ:

Ѣхалъ чижикъ въ лодкѣ
Въ очень важномъ чинѣ.
По этой причинѣ
Надо выпить водки.

Налилъ и выпилъ, прибавивъ:

— Ваше здоровье, Александръ Иванычъ! Ну, а ты, Петръ Андреичъ?

— Нѣтъ, я натощахъ пить не стану.

— Баба! а еще въ гусарахъ служилъ!... какъ это тебя изъ полка-то не выгнали?... Нѣтъ-съ, по нашему-съ, по нашему-съ, такъ надобно повторить-съ, потому что-съ «первая коломъ, вторая соколомъ, а третья мелкими пташечками».

И выпилъ другую рюмку.

— Ну, что у васъ въ судѣ? спросилъ Александръ Иванычъ.

— Что! разумѣется что — выговоры да нахлобучки. Да вчера разбѣсилъ меня Антоновъ, становой приставъ, перваго стана. Вытребовалъ его, нечего дѣлать, къ себѣ, да попудрилъ голубчика. Надоѣлъ — переведу во второй станъ; тамъ все казенные, пусть барахтается съ окружнымъ: у этого не много пощетинится.... отобьетъ у него охоту.... зубастъ!...

— Да-съ, замѣтилъ Александръ Иванычъ: — неосторожно: самъ попасться можетъ.

— Да какъ же не попасться!... такъ, ни за нюхъ табаку пропадетъ.... а на его мѣсто переведу Лисицына. Вотъ такъ человѣкъ! Ну, ужь этого, братъ, не проведешь!... на обухѣ рожь молотитъ!... вѣдь вотъ сколько лѣтъ становымъ — жалобъ нѣтъ! а дѣла свои ведетъ кругленько. Этотъ не пойдетъ съ возовъ на базарахъ по рыбкѣ брать.... нѣ-ѣ-тъ! позоветъ сотскихъ да скажетъ: пора, забыли! такъ и волокутъ по зелененькой; а за что? да сами не знаютъ. Вѣдь какъ боятся: такъ трёсомъ и трясутся, какъ взглянетъ. Молодецъ! нечего сказать.

— Ну, а какъ дѣла-то у него идутъ? спросилъ судья.

— Какъ дѣла? отлично, разумѣется. Такого ходока на дѣла поискать—хватъ!... да кромѣ этого претонкая штука! Вотъ сколько лѣтъ становымъ приставомъ, а видали ли вы, чтобы у него когда нибудь ставни въ домѣ были открыты?

— Да гдѣ же, батюшка, ставнямъ быть открыту, когда онъ не живетъ въ городѣ! замѣтилъ судья.

— Въ томъ-то и штука! началъ исправникъ: — что живетъ въ городѣ, а ставни закрыты; для чего? на стану, дескать, да и только. Никогда никто не знаетъ, когда онъ прiѣзжаетъ или уѣзжаетъ. Вотъ сейчасъ, кажется, былъ у васъ, а спроси черезъ минуту — на станъ, говорятъ, уѣхалъ. Ужь нечего сказать, молодецъ!

— А вотъ Ермилъ Аѳанасьичъ говоритъ, началъ опять судья: — что дѣла-то у него, какъ онъ былъ секретаремъ Уѣзднаго Суда, не шибко хорошо шли.

— Знаетъ вашъ Ермилъ Аѳанасьичъ чорта съ два! Такихъ, какъ онъ, Лисицынъ два раза проведетъ и выведетъ, прежде, нежели тотъ догадается. Вы знаете ли его продѣлку по наливкинскому-то дѣлу? это просто мастерская штука, букетъ, трипль-эссенсъ, такая штука, за которую не жалко медаль дать.

— Какое же это, батюшка, наливкинское дѣло? я что-то не помню.

— Наливкинъ — ну помните, что въ Долгомъ-то жилъ? еще этакiй горькiй пьяница, но пребогатый; около него сватались все Нефедьевы—народъ продувной; они съ Лисицынымъ шибко въ ладу жили. Ну, пилъ, пилъ Наливкинъ, да и умеръ и послѣ себя духовное завѣщаніе оставилъ: отдаю, дескать, все Нефедьевымъ. Имѣнье большое: душъ слишкомъ тысячу. Есть о чемъ похлопотать. Какъ водится, духовное завѣщаніе въ Палату, свернули дѣло дня въ три, и ужь указъ изъ суда готовъ, чтобъ ввести во владѣніе. На тотъ грѣхъ, прискакалъ повѣренный отъ Наливкина сестеръ. «Какъ, говоритъ, постойте-ка, имѣніе-то родовое: духовному завѣщанію не подлежитъ.» Они было туда, сюда, да, видно, не на таковскаго напали. Подалъ прошеніе. Судить тутъ долго нечего: хвать, хвать, а надо имѣніе отдать Наливкина сестрамъ. Нефедьевы къ Лисицыну, просятъ его.... «Батюшка, говорятъ, помоги!» Онъ и придумалъ штуку. Написали рѣшеніе Уѣзднаго Суда: хотя имѣніе и родовое, но, по уваженію такихъ-то и такихъ-то причинъ и на основаніи такой-то и такой то статьи, отдать имѣніе Нефедьевымъ, и вызываютъ тяжущихся къ выслушанію. Повѣренный Наливкиныхъ явился, хочетъ читать рѣшеніе, а Лисицынъ-то лабзится около него, увивается, да и говоритъ: «э, Иванъ Пантелѣичъ, стóитъ вамъ безпокоиться; подпишите, что объявите объ удовольствіи или неудовольствіи въ семидневный срокъ, а теперь пора и за водочку приниматься.» Повѣренный было туда, сюда.... куда те! обошелъ его, опуталъ словами, наговорилъ съ три короба, такъ мелкимъ бѣсомъ и разсыпается: Нефедьевы и мерзавцы-то, и кляузники, и чуть ли не нарочно споили съ кругу Наливкина. Развѣсилъ мой повѣренный уши; думаетъ: вотъ на честнаго человѣка напалъ, подмахнулъ, что объявитъ въ семидневный срокъ. Этого только и хотѣлъ Лисицынъ. Онъ его къ себѣ: водочки, винца, закуски, другаго, прочаго; пошла потѣха, море разливанное. Какъ и чѣмъ его онъ поилъ—неизвѣстно; только въ восьмой день прибѣгаетъ повѣренный въ судъ, словно полоумный, небритый, растрепанный и говоритъ всякій вздоръ, что его и въ погребу-то держали, и насильство всякое чинили, и проситъ допустить его къ подпискѣ, что онъ рѣшеніемъ недоволенъ. Къ кому же итти, какъ не къ самому Лисицыну? Докладываютъ — Лисицынъ подходитъ къ дверямъ присутствія въ мундирѣ и важно спрашиваетъ повѣреннаго, что ему нужно. Мой повѣренный заикнулся было о рѣшеніи, а онъ ему: «да вы пропустили срокъ. Не вы ли сами подписку дали, что втеченіе семи дней объявите объ удовольствіи или неудовольствіи? Теперь поздно!» Взвылъ мой повѣренный, бросился было къ стряпчему — куда те! Пропустилъ, дескать, срокъ, да и только. Сунулся въ Губернское, въ Палату — вездѣ одинъ отвѣтъ: срокъ пропустилъ.

Городничій, видимо скучавшій этимъ разговоромъ и переходившій отъ одного окна къ другому, подошелъ наконецъ къ бесѣдующимъ, вынулъ часы и, толкнувъ исправника, указалъ ему на стрѣлку.

— Знаю, знаю! закричалъ исправникъ, смѣясь:—что, у тебя поджилки трясутся отъ нетерпѣнья; ну, ужь такъ и быть — поѣдемъ. Прощайте, Александръ Иванычъ, до свиданія!

И, не выйдя еще изъ залы, онъ натянулъ на голову картузъ и что-то запѣлъ вполголоса. Городничій, пожавъ молча руку у судьи, поспѣшилъ за нимъ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Деревня предводителя была верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города. Это было большое село, въ которомъ жили нѣкогда два врага владѣтеля. Въ томъ селѣ были двѣ церкви. Одинъ владѣтель, не желая встрѣчаться съ своимъ врагомъ нигдѣ, даже во храмѣ Божіемъ, выстроилъ новую, небольшую церковь въ итальянскомъ вкусѣ. Поросшій травою ея помостъ и пространство за оградою показывали, что служеніе въ ней происходило рѣдко, а ежели и бываетъ, то не посѣщается народомъ. И, дѣйствительно, при жизни строителя посѣщалъ ее онъ одинъ; народъ же, несмотря на принужденіе, ходилъ въ старую церковь — большое четырехугольное зданіе, съ пятью главами. Домъ предводителя, тѣсный, какъ всѣ старинные помѣщичьи дома, былъ деревянный, въ два этажа, съ высокою тесовою крышею. Онъ былъ окруженъ съ одной стороны столѣтними липовыми аллеями и березками; подстриженными самыми затѣйливыми фигурами, а съ другой избами дворовыхъ, конюшнями, сараями, хлѣвушками, птичниками и кучами навоза. Большія комнаты выходили въ темныя аллеи, отчего у предводителя было всегда, даже въ самые ясные лѣтніе дни, въ родѣ полусвѣта; а изъ оконъ заднихъ комнатъ можно было во всякій часъ дня видѣть, какъ

Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ.
Двѣ утки полоскались въ лужѣ...

и проч. и проч.

Картины сельской простоты...

Въ этомъ домѣ вмѣщался всякій хламъ, частію наслѣдственнаго, частію благопріобрѣтенный... На первомъ планѣ были картины: онѣ висѣли и въ передней, и въ залѣ, и въ гостиной, и въ диванной. Предводитель былъ страстный охотникъ до живописи. Всѣ почти эти картины были писаны его домашнимъ художникомъ Феофилашкой, который былъ всегда полупьянъ.

Баринъ самъ былъ руководителемъ его артистическихъ способностей. Гдѣ Феофилашка хотѣлъ сдѣлать желто, тамъ предводитель приказывалъ дѣлать красно; гдѣ должна была быть, по мнѣнію Феофилашки, зелень, тамъ предводитель находилъ приличнымъ подпустить голубца. Способности Феофилашки, стѣсненнаго въ свободномъ творчествѣ непреклонною барскою волею, гибли безвозвратно. Можетъ, отъ этого Феофилашка и запилъ съ горя. Показывая гостямъ свою драгоцѣнную картинную галлерею—засѣдателю отъ дворянъ или смотрителю хлѣбныхъ магазиновъ—предводитель со всевозможными подробностями разсказывалъ о происхожденіи каждой картины, замѣчая, какъ Феофилашка, по врожденному его холопской натурѣ упрямству, не хотѣлъ писать такъ и такъ, и какъ онъ, Евсигней Андреичъ, приказывалъ ему дѣлать такъ и такъ, отчего и картина вышла отличная, къ чему обыкновенно прибавлялъ: «конечно, я не видалъ подлинника (у него были копіи съ извѣстныхъ картинъ), но полагаю съ достовѣрностію, что эта копія немногимъ хуже подлинника.» И чиновники по выборамъ ахали и восхищались произведеніями Феофилашки и вмѣстѣ съ предводителемъ оплакивали будущую судьбу ихъ. «Достанутся въ руки какимъ нибудь варварамъ, говорилъ онъ (предводитель былъ не женатъ; варварами называлъ онъ своихъ наслѣдниковъ): — больно это мнѣ, очень больно! не будутъ они умѣть оцѣнить эти вещи.»

Евсигней Андреичъ Жегуевъ получилъ въ наслѣдство отъ отца семьсотъ душъ. Кромѣ этого онъ владѣлъ страшнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ. Онъ слыхалъ, что вельможи цѣнятъ и покровительствуютъ искусства и принимаютъ къ себѣ художниковъ, какого бы они ни были происхожденія. Отъ этого онъ и сдѣлался любителемъ живописи. Къ тому же, между уѣздными помѣщиками и чиновниками надобно было чѣмъ нибудь отличиться, имѣть возможность поважничать и за дешевую цѣну прослыть человѣкомъ недюжиннымъ. Скупой отъ природы, онъ, однако, жертвовалъ каждый годъ рублей двадцать-пять или пятьдесятъ ассигнаціями въ пользу бѣдныхъ, посылая эти деньги въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», съ тѣмъ только условіемъ, чтобы редакція вѣдомостей печатала описанія торжествъ, устроиваемыхъ «почтеннымъ предводителемъ города К*, Евсигнеемъ Андреичемъ Жегуевымъ». Описанія эти сочинялъ онъ самъ. Въ нихъ высокопарнымъ и безграмотнымъ языкомъ говорилось: о великолѣпномъ щитѣ, горѣвшемъ тысячами ослѣпительныхъ, разноцвѣтныхъ радужныхъ огней; о музыкѣ, гремѣвшей безъ умолку цѣлую ночь, и проч. и проч. Великолѣпный щитъ былъ склеенъ изъ четырехъ листовъ писчей бумаги, а ослѣпительное освѣщеніе состояло изъ десятковъ двухъ стаканчиковъ и такого же количества плошекъ, поставленныхъ на заборъ, противъ его оконъ, къ которымъ, *въ предупрежденіе несчастнаго случая отъ могущаго произойти пожара, при иллюминаціи*, формальнымъ отношеніемъ онъ всякій разъ требовалъ чиновника полиціи, съ пожарною трубою. Въ откровенной бесѣдѣ, онъ очень жаловался на редакцію вѣдомостей за то, что она, взявъ деньги и раздавъ ихъ бѣднымъ, никогда не печатала его описаній, что, однако, не мѣшало ему каждогодно возвышать посылаемую въ редакцію вмѣстѣ съ описаніями торжествъ сумму денегъ. Дойдя до ста рублей и видя, что и эта сумма не помогаетъ, онъ, однако, остановился.

Я замѣтилъ уже, впрочемъ, что Евсигней Андреичъ былъ человѣкъ простой и добрый.

Таковъ былъ предводитель, къ которому пріѣхали уѣздныя власти на пиръ. Еще наканунѣ съѣхались къ нему многіе изъ дальнихъ жителей уѣзда. Задній дворъ предводителя былъ заставленъ экипажами, на которыхъ благородное дворянство когда либо ѣздило и ѣздитъ: дрогами, дрожками, карандасами, тарантасами, куртками, пролетками, колясками, каретами на столбикахъ и на рессорахъ, распашенками, линейками. Въ самый же день пиршества пріѣздъ начался съ девяти часовъ. Прежде всѣхъ пріѣхалъ Николай Яковличъ Халявскій, старикъ худой и длинный, имѣвшій прозваніе англійскихъ ножницъ. Онъ пріѣзжалъ обыкновенно въ гости въ восемь часовъ утра; но такъ какъ предводитель жилъ отъ него далеко, то онъ немного опоздалъ. Причина такихъ раннихъ пріѣздовъ была очень простая:

Николай Яковличъ не спалъ по ночамъ вовсе, и, слѣдовательно, день начинался для него вмѣстѣ съ восходомъ солнца. Разумѣется, восемь или девять часовъ утра было для него не только позднимъ утромъ, даже временемъ обѣда. Передъ отъѣздомъ (часовъ въ пять) онъ всегда плотно завтракалъ и, пріѣзжая въ гости, всякій разъ постоянно удивлялся, отчего это люди спятъ такъ долго. Виноватъ былъ, по его мнѣнію, въ этомъ развратный вѣкъ. Съ нимъ никто не спорилъ, потому что иногда онъ по цѣлымъ часамъ барабанилъ пальцами въ стекла, напѣвая: «барыня въ кофточкѣ, барыня въ юбкѣ!» и проч., чего я теперь ужь я не припомню, и всякую минуту требуя къ себѣ «келейника» (такъ называлъ онъ своего камердинера), съ которымъ и въ гостяхъ и дома онъ вступалъ въ самые искренніе и задушевные разговоры. Впрочемъ, несмотря на странную свою наружность и, можетъ быть, небольшое разстройство ума, не препятствовавшее ему, однако, ѣздить на выборы, Халявскій былъ человѣкъ честный, по крайней мѣрѣ, несравненно лучше другихъ, его окружавшихъ.

Какъ контрастъ ему, другой гость, пріѣхавшій вслѣдъ за нимъ, былъ до такой степени толстъ, что камердинеръ его, не оставлявшій его ни на минуту, бралъ его подъ локоть и подносилъ его руку къ носу, чтобъ баринъ могъ понюхать табаку, или вилку съ кускомъ ко рту, во время обѣда. Толщина этого барина была баснословная. Сукна ему на платье нужно было, по разсказамъ сосѣдей (разумѣется, сосѣди преувеличивали), семьнадцать аршинъ, и въ сапогъ его входило четверикъ овса. Впрочемъ, только этимъ и былъ онъ замѣчателенъ, да еще развѣ тѣмъ, что никогда не садился въ кресла, потому что случилось ему однажды, вставъ, унести ихъ за собою. Храпѣлъ онъ такъ громко, когда спалъ, что даже въ сосѣдственной комнатѣ, когда онъ ночевалъ въ гостяхъ, никто уже спать не могъ. Несмотря на эти неудобства, его любили и звали всюду, потому что онъ былъ человѣкъ неглупый и веселый.

Но описывать всѣхъ гостей нѣтъ возможности. Это было вавилонское столпотвореніе лицъ, одеждъ и характеровъ. Тутъ были, между прочимъ, флота лейтенантъ Длинничковъ, который лѣтомъ, въ жары, ставилъ у оконъ своего дома, снаружи, крестьянскихъ дѣвокъ съ вѣтвями деревъ, чтобъ не пускать мухъ въ комнаты, и, вмѣсто наказанія, стариковъ и старухъ посылавшій качаться на качеляхъ или кататься на горѣ на цѣлый день, и для надзора за строгимъ исполненіемъ этого приставлявшій къ каждому и каждой по два мужика съ барщины. Господинъ Мурашевъ, который жилъ у себя на кухнѣ, потому что жена выгнала его изъ дома, и который ѣздилъ на *санишкахъ* вмѣстѣ *съ сынишкомъ*, а за *столишкомъ* своимъ имѣлъ *не болѣе, какъ* два *блюдишка*, какъ онъ выражался, и множество другихъ, не менѣе оригинальныхъ лицъ.

Въ числѣ гостей, или, лучше, самый почетный гость предводительскаго «оффиціальнаго» обѣда, какъ называлъ его самъ Евсигней Петровичъ, былъ прокуроръ, ѣхавшій въ другую губернію и по дорогѣ завернувшій къ Жегуеву, по усиленнымъ просьбамъ. Прокуроръ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, толстый, одутловатый, съ голосомъ грубымъ и хрипловатымъ, остриженный подъ гребенку и замѣчательный тѣмъ, что впродолженіе восьми или девятилѣтняго пребыванія его въ М* губерніи прокуроромъ, пользуясь большой милостью начальника губерніи, онъ къ семи часамъ утра былъ всегда готовъ и жена поколочена. Она такъ привыкла къ своей ежедневной порціи, что всякій день ждала ее, какъ необходимости, до отъѣзда своего на базаръ. За этимъ прокуроромъ Жегуевъ ухаживалъ какъ нельзя болѣе, хотя и не имѣлъ въ немъ никакой надобности, но, вѣроятно, потому только, что тотъ былъ прокуроръ, статскій совѣтникъ и въ милости у губернатора.

Когда исправникъ съ городничимъ вошли въ залу предводительскую, въ залѣ собралась толпа помѣщиковъ, громко толковавшихъ о достоинствѣ своихъ борзыхъ собакъ. Разумѣется, что исправникъ, какъ страстный охотникъ, тотчасъ присталъ къ этой группѣ. Городничій ушелъ въ гостиную.

— Я вамъ говорю, что *Доѣзжай* скачетъ необыкновенно! Это стрѣла, совершенная стрѣла! кричалъ одинъ изъ гостей, небольшой, неуклюжій молодой человѣкъ, съ черными курчавыми волосами: — спросите Аркашку.... Доѣзжай чудеса дѣлалъ послѣдній разъ: пять угонокъ далъ....

— Э, Михайло Константинычъ, вы съ своимъ Доѣзжаемъ.... посмотрѣли бы на моего сѣропѣгаго *Налета*: вотъ такъ собака! Навѣрное, въ губерніи ей нѣтъ подобной.... и я....

— Ужь и въ губерніи, Алексѣй Петровичъ! Куда хватили!... Посмотрите-ка, у Николая Петровича, бѣлая сука *Зазноба*: вотъ это собака!... диво на весь свѣтъ... тысячная!... А! Николай Петровичъ! посмотрите-ка, сумлѣваются въ вашей *Зазнобѣ*.... каковы.... а?...

Слова эти относились къ одному господину съ отвислымъ брюхомъ и нижнею губою, очень курносому, который тоже когда-то былъ предводителемъ. Жизнь свою, съ самаго выхода изъ военной службы, проводилъ онъ или на полѣ, или за чаемъ, который пилъ съ утра до обѣда и съ обѣда до ужина, никогда ничѣмъ не занимаясь. Такъ какъ онъ былъ богатъ, то около него составился родъ штата, состоявшаго изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или чиновниковъ, которые, за его обѣды и ужины, платили ему тѣмъ, что выхваляли его собакъ, которыхъ онъ любилъ не менѣе дѣтей своихъ, что доказывалось тѣмъ, что собакъ онъ приказывалъ приводить къ себѣ каждый день въ горницу, а дѣти не смѣли входить ни въ залу, ни въ гостиную, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ за чаемъ, безъ особаго его позволенія. Позволеніе это давалось не болѣе одного раза въ двѣ недѣли, и дѣти, въ ожиданіи его, сидѣли въ своихъ дѣтскихъ почти безвыходно, потому что Николай Петровичъ не любилъ дѣтскаго шума и приходилъ отъ него въ бѣшенство, тогда какъ всякій другой шумъ не только не былъ ему непріятенъ, но даже необходимъ.

Николай Петровичъ, занимавшійся въ это время на особомъ столикѣ чаемъ, повернулъ одутловатое лицо свое къ господину, осмѣлившемуся сомнѣваться въ его Зазнобѣ. Сонные глаза его приняли какое-то насмѣшливое выраженіе; даже язвительная улыбка появилась на губахъ. Онъ не сказалъ ни слова, но только покачалъ головою, какъ человѣкъ, который стоитъ выше подобнаго недовѣрія и только дивится и жалѣетъ о такомъ глубокомъ невѣжествѣ.

Хозяинъ, между прочимъ, хлопотавшій все время около веселаго прокурора, которому онъ, впродолженіе всего этого времени, изъ всѣхъ силъ бился растолковывать красоту своихъ картинъ, и который, въ отвѣтъ на краснорѣчивыя описанія Жегуева, только мигалъ, какъ теленокъ,—видя, что всѣ хлопоты его остаются тщетными, и опасаясь, между тѣмъ, допустить его къ водкѣ, подвелъ его къ группѣ охотниковъ и, увлекшись разговорами, сталъ выхвалять, въ свою очередь, достоинство Зазнобы, говоря, что *даже* и въ ихъ губернскомъ городѣ нѣтъ подобной. Забывшись, онъ обратился при этомъ къ прокурору.

— Не правда ли, Леонтій Леонтьичъ, что у его превосходительства нѣтъ подобной собаки?

— А я почемъ того.... отвѣчалъ прокуроръ, почти сердито, потому что съ нѣкоторыхъ поръ у нихъ съ губернаторомъ была, какъ говорятъ въ провинціи, *контра*: — развѣ я псарь губернаторскій?

Жегуевъ, видя, что онъ промахнулся, отвелъ его скорѣе отъ охотниковъ въ гостиную, гдѣ прокуроръ, мимоходомъ, пропустивъ хорошую рюмку анисовой, присталъ къ толпѣ, гдѣ ораторствовалъ стряпчій. Стряпчій, увидя подошедшаго прокурора, тотчасъ спустилъ тономъ ниже и въ ту же минуту, какъ опытный дипломатъ, обратился къ нему.

— Вотъ извольте видѣть, Леонтій Леонтьичъ, о чемъ я почтеннѣйше имѣю честь доложить вамъ. У насъ произошелъ споръ.... нѣтъ! виноватъ не споръ, а такъ разговоръ только.... гдѣ идутъ лучше дѣла — въ Земскомъ Судѣ или полиціи?

— Да развѣ я спорю о томъ, что они идутъ дурно въ полиціи, началъ исправникъ: — нисколько! Я говорю только, что у меня въ судѣ они идутъ такъ скоро, какъ только можно. Поступитъ бумага — смотришь, въ тотъ же день и улетѣла къ становому. Ну, какъ еще можно скорѣе вести дѣла? Надо сказать, что и секретарь у меня молодецъ: ужь не даетъ залѣжаться бумагѣ; а арестанты.... о! ужь объ арестантахъ говорить нечего: это молнія.... ужь какъ мы ихъ спроваживаемъ!

— Ну, ужь насчетъ арестантовъ, позвольте, началъ стряпчій сладенькимъ, самодовольнымъ голосомъ и замѣтно охорашиваясь: — это моя часть, и я никому не уступаю чести наблюдать за арестантами лучше моего.... Позвольте, Аркадій Петровичъ! развѣ не по моимъ настояніямъ всегда арестанты и дѣла о нихъ сбываются такъ поспѣшно. Безъ хвастовства могу сказать, въ губерніи нѣтъ подобнаго наблюденія. Чуть пришелъ арестантъ, Леонтій Леонтьичъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ прокурору: — въ ту же минуту бѣгу въ судъ, по принадлежности, и прошу и требую сейчасъ же войти въ разсмотрѣніе, долженъ ли онъ тутъ остаться, или уйти къ справкамъ. Затянулось дѣло, только сплю и вижу, какъ бы его сбыть съ рукъ, къ первому числу всѣ суды обѣгаю, нѣтъ ли арестантовъ, которыхъ бы можно было отослать куда нибудь. Чуть хоть маленько замѣчу, что есть прикосновеньице въ другомъ уѣздѣ, тотчасъ судьѣ или вотъ Аркадію Петровичу: отправьте, дескать, его съ дѣломъ къ дослѣдованію или къ передопросамъ. Смотришь, а къ первому числу и нѣтъ ни одного, или много одинъ или два. Ну, неправду я, господа, говорю? а? Вотъ, Леонтій Леонтьичъ, вы и сами, вѣроятно, изволили замѣтить изъ восьмилѣтнихъ списковъ, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь стряпчимъ, ни одного годоваго арестанта не было. Нѣтъ-съ, ужь не дамъ засидѣться, небось!... Пусть сидитъ въ другомъ острогѣ, а не у насъ. Пройдется лишнихъ ста три верстъ—не велика важность, зато дѣла у насъ, какъ стеклышко. Даже и его превосходительство изволилъ неоднократно замѣчать; «въ К—скомъ, говоритъ, острогѣ всегда, говоритъ, мало арестантовъ», и благодарность за это неоднократно изволилъ объявлять. Арестантъ у насъ больше мѣсяца никогда не бываетъ, а тамъ какъ выбудетъ, хоть на недѣльку, да придетъ опять, такъ все ужь новый срокъ считается. Давно ли сидитъ? спросятъ, напримѣръ.—Да двѣ недѣли.—А этотъ?—Этотъ недѣлю.... Ну, и благодарность за это. Исправные чиновники, говорятъ. А намъ это и любо.

Предводитель, исправникъ и городничій, которымъ видимо не нравилось хвастовство стряпчаго въ присутствіи прокурора, приписывавшаго одному себѣ честь, которую они хотѣли бы раздѣлять съ нимъ, молчали и переминались на мѣстахъ своихъ. Предводитель, однако, не выдержалъ.

— Конечно, Панфилъ Никитичъ, правда ваша, велика ваша заботливость; но нельзя также отнимать чести и у другихъ въ усердіи къ службѣ. Что жь, скажите, развѣ дурно идутъ у меня дѣла въ опекѣ?

— Кто жь говоритъ, что дурно, Евсигней Андреичъ? отлично! Нѣтъ спору въ этомъ. Опекунамъ бы только напоминовеньица надобно почаще дѣлать: отчеты въ сроки не представляютъ.

Леонтій Леонтьичъ, которому, вѣроятно, и въ губернскомъ городѣ надоѣли всѣ эти старыя пѣсни на новый ладъ, и въ то же время влекомый непреодолимою силою къ анисовой, сдѣлалъ какую-то кислую гримасу, вслѣдствіе которой Жегуевъ поспѣшилъ отвести его въ диванную, надѣясь занять его картами и уже начиная тяготиться своимъ важнымъ гостемъ. Лишь только они отошли, исправникъ, городничій и секретарь уѣзднаго суда, какъ стая волковъ, напали на стряпчаго.

— Такъ-то вы, Панфилъ Никитичъ! такъ-то!... Хорошо! своихъ выдавать? Ну, такъ помните же! сказалъ исправникъ, почти задыхаясь:—или думаете, что я забылъ прошлое, что я тоже не могу при случаѣ разсказать кое-что про васъ? Иль вы полагаете, что я буду молчать, когда вы будете говорить, и что я тоже не съумѣю говорить, когда понадобится? Можетъ быть, вамъ кажется, что я позабылъ, какъ въ Тавлѣ-то—помните?—вы подбили лекаря дать свидѣтельство, что пастухъ умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара, тогда какъ у него на горлѣ были явные признаки насильственной смерти? Иль въ Гавриловскомъ, напримѣръ, вы настояли показать угорѣвшимъ Никитку дворника, когда въ его кишкахъ, сами же вы говорили, нашли мышьяку чуть ли не цѣлую пригоршню? Знаю я, что вы выслуживаться умѣете и языкъ у васъ ходко ходитъ въ горлѣ, только берегитесь: и мы терпимъ, терпимъ, да вдругъ прорвемся... тогда нехорошо вамъ будетъ...

— Да помилуйте, Ираклій Никитичъ! возразилъ стряпчій, кланяясь и изгибаясь тѣломъ въ три погибели: — за что вы на меня сердиться изволите?... Леонтій Леонтьичъ мой прямой начальникъ: надобно же было себя передъ нимъ показать. А вамъ онъ что? Такъ, ничего... тьфу!... пьяница, да и кончено!.... Такъ за что же вамъ изъ себя-то выходить, сами согласитесь? Развѣ я неправду говорилъ про арестантовъ? Развѣ Баймашку татарина не удержали вы въ острогѣ даромъ, потому только, что въ уѣздѣ украли какую-то лошадь, хоть и было доказано, что Баймашка былъ въ это время на другомъ концѣ уѣзда?... Развѣ не я хлопоталъ, чтобъ его выпустили и не томили человѣка даромъ?

— А сколько вы за это взяли съ его сына? проговорилъ городничій тихо.

Стряпчій поблѣднѣлъ.

— И вы на меня, Петръ Андреичъ! что я вамъ сдѣлалъ? началъ онъ печальнымъ голосомъ.—Не я ли молчалъ, когда распорядительный у васъ не записывался болѣе трехъ мѣсяцевъ и вашъ письмоводитель полученныя бумаги продавалъ въ табачную лавочку на обертки? Грѣхъ вамъ, Петръ Андреичъ! Кажется, ужь вы-то противъ меня ничего имѣть не можете. Я былъ всегда вамъ вѣрный слуга... Я знаю, что Кабардинцевъ порохъ продаетъ у себя въ лавкѣ, я знаю, что вмѣсто пожарныхъ вы показываете ревизорамъ своихъ каретныхъ лошадей, потому, что пожарныхъ только одна, да и то кляча, годная развѣ воду возить; но говорилъ ли я когда нибудь объ этомъ? видитъ Богъ, никогда никому не говорилъ. Я молчалъ даже и тогда, какъ строили мостъ и вы дозволили настилку всю поставить старую сосновую, когда въ смѣтѣ именно было сказано, что настилка должна быть новая, и не сосновая, а дубовая, и не въ вершокъ толщиною, а въ два съ половиной. Все это я сносилъ терпѣливо, не показывая вамъ виду, что знаю, какъ будто бы это было не мое дѣло. А вѣдь когда его превосходительство былъ здѣсь для ревизіи, то онъ отвелъ меня въ особенную комнату, даже самъ изволилъ дверь запереть и сталъ меня спрашивать, все ли въ порядкѣ въ уѣздѣ: я и тутъ ничего не сказалъ, божился ему, что все въ порядкѣ, и хоть онъ и стращалъ меня всячески, говорилъ, что и въ уголовную-то отдастъ, и туда-то сошлетъ, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ, я все это выдержалъ и не сказалъ ни слова. А теперь вы на меня...

Городничій, которому, видно, надоѣла эта комедія, махнулъ рукой и отошелъ; тогда исправникъ, котораго здоровая натура не была такъ чувствительна, началъ передразнивать стряпчаго и проговорилъ скороговоркою:

— Знаемъ мы васъ, знаемъ! Если вы не доносите о порохѣ, такъ это потому, что съ Кабардинцева получаете каждое 1-е число по фунту цвѣточнаго чаю; что если при постройкѣ моста молчали о настилкѣ, то это потому, что Толстогубовъ привезъ вамъ въ день свидѣтельства цѣлый возъ сахару... Знаемъ мы васъ! пожалуйста...

Стряпчій, оставшись одинъ съ исправникомъ, выпрямился, его лысая голова поднялась, глаза загорѣлись, какъ у тигра, Это былъ уже не плакса, какъ за минуту передъ тѣмъ, не змѣя, какъ въ разговорѣ съ прокуроромъ, но боецъ, во всеоружіи.

— А! такъ вы, Ираклій Никитичъ, смѣете нападать на меня? Я молчалъ при Петрѣ Андреичѣ, но теперь не стану молчать. Развѣ пастухъ, удавленный въ Тавлѣ, не при васъ былъ принесенъ? Развѣ вы не видѣли явнаго признака удавленія? Развѣ не я вамъ указалъ его? Что вы тогда сказали на это? Вы махнули рукой, да и ушли изъ избы; а послѣ — развѣ не вы подмахнули свидѣтельство? Мы теперь сочтемся. Погибать, такъ погибать вмѣстѣ... Развѣ не знаю я о всѣхъ безобразіяхъ вашего хваленаго Земскаго Суда? Развѣ не показывалъ я вамъ, что пакеты, отправляемые изъ суда, положимъ, хоть 15 сентября, получаются на стану мѣсяцемъ ранѣе? Что вы отвѣчали мнѣ на это? Вы просили меня молчать. А теперь? Я на все, сударь, свидѣтелей представлю; я покажу вамъ, каково со мной ссориться, покажу!

И онъ задыхался отъ злости, говоря это; жилы на лбу и вискахъ его напряглись. Онъ былъ и страшенъ и гадокъ въ эту минуту.

Исправникъ понялъ, что злоба подобнаго человѣка не остановится ни передъ чѣмъ. Онъ зналъ очень хорошо, что человѣкъ, рѣшившійся вывезти свою мать (съ завязаннымъ ртомъ, чтобы она не кричала) изъ дома своей родной сестры, гдѣ она жила, для того, чтобъ ея именемъ требовать части имѣнія и вынудить у нея духовное завѣщаніе, рѣшится на все по злобѣ. Къ тому же стряпчій былъ нуженъ ему во всякое время. Что онъ безъ него при слѣдствіяхъ при поднятіи мертвыхъ тѣлъ, при вводахъ во владѣніе? Онъ смирился передъ нимъ и старался его успокоить.

— Да изъ чего горячитесь вы, Панфилъ Никитичъ? Развѣ я вамъ сказалъ что нибудь оскорбительное? Вы хотѣли насъ съ Петромъ Андреичемъ въ грязь затоптать передъ прокуроромъ, хотѣли выставиться—и требуете, чтобы мы молчали передъ вами. Поставьте себя на нашемъ мѣстѣ и сознайтесь, что это не могло не показаться обиднымъ. Полноте, помиримтесь. Я человѣкъ незлопамятный и, право, не желаю вамъ зла.

Стряпчій тоже очень хорошо зналъ, что исправникъ ему нужный человѣкъ, что всюду, гдѣ стряпчему бываетъ пожива, исправникъ можетъ ее у него отнять, и онъ, скрѣпя сердце, протянулъ ему руку.

— Хорошо, Ираклій Григорьичъ, я съ своей стороны тоже готовъ доказать вамъ, что я незлопамятенъ, хоть вы и крѣпко меня обидѣли. И за что? Что я сдѣлалъ такого? сказалъ, что арестанты по моимъ настояніямъ высылаются изъ острога скорѣе, нежели какъ, можетъ быть, были бы высланы?.. Да развѣ это не моя обязанность? Вы знаете, за это мы отвѣчаемъ больше, нежели вы. Да и потомъ, развѣ неправда, что я хлопочу всегда объ этомъ и когда вы подъ часъ говорите: «да нельзя, Панфилъ Никитичъ, погодимъ... арестантъ еще нуженъ... можетъ случиться, что надо будетъ ему дать очную ставку», я всетаки прошу васъ отослать его, представляя, что можно будетъ вытребовать въ другой разъ. И хотя вы иногда и отвѣчаете мнѣ, что отъ этого каждый арестантъ пройдетъ верстъ сотъ пять лишняго, я вамъ говорю: «что за важность! пусть погуляетъ.» Зато у насъ къ 1 числу нѣтъ ни одного въ острогѣ. Правда это или нѣтъ?

— Правда, правда, отвѣчалъ исправникъ, смѣясь:—вы всегда объ этомъ такъ хлопочете, какъ будто бы это было дѣло Богъ знаетъ какой важности.

— Экіе вѣдь вы какіе! да какже не важность? Чѣмъ же выказать себя передъ начальствомъ? Развѣ вы не слыхали, какъ его превосходительство при ревизіи сказалъ: «въ К—скомъ острогѣ всегда мало арестантовъ!» значитъ замѣтилъ; а если замѣтилъ, что мудренаго, что и въ Петербургѣ министру когда нибудь тявкнетъ: «у меня, дескать, батюшка ваше превосходительство, отличные чиновники... Въ К*, напримѣръ, никогда въ острогѣ арестантовъ нѣтъ.» — А министръ ему на то: «Такъ вы бы ихъ представили къ наградѣ.» Анъ смотришь, Аннушка какъ тутъ или годовой окладъ! Вы знаете, у меня пятеро дѣтей, да и Пелагея Петровна моя такая плодущая, что, пожалуй, еще пятерыми наградитъ.

При мысли объ Аннушкѣ или годовомъ окладѣ, лицо стряпчаго прояснилось, и на губахъ показалась та сладенькая улыбка, какая бывала у него всегда, когда онъ былъ доволенъ. Исправникъ радъ былъ, что эта непріятная сцена окончилась и что ему съ этой стороны бояться болѣе нечего, и тоже развеселился и, пойдя рука объ руку со стряпчимъ къ толпѣ дворянъ, стоявшихъ въ другомъ углу, принялся разсказывать какіе-то анекдоты объ утонувшей въ ведрѣ воды бабѣ, о двѣнадцати Дунькахъ своего дяди и прочее....

(Окончанія этого очерка не найдено.)

III.

ВВОДЪ ВО ВЛАДѢНІЕ.

Большая площадь въ городѣ К* образуетъ длинный четырехугольникъ, съ одной стороны обставленный линіею каменныхъ и деревянныхъ домовъ самой затѣйливой и разнообразной формы, съ другой — полуразвалившимися заборами, съ третьей — горами навоза, дѣлающими воды рѣчки, на которой стоитъ городъ, нестерпимо вонючими, потому что въ нее стекаютъ постоянно жижа изъ навоза и кровь изъ боенъ, съ примѣсью разлагающихся несъѣдомыхъ внутренностей убиваемыхъ животныхъ. Четвертая сторона этой площади, постоянно грязной, потому что на ней два раза въ недѣлю базары, а не метутъ ее никогда, занята большимъ двухэтажнымъ каменнымъ домомъ, съ высокимъ крыльцомъ по срединѣ, на которомъ вѣчно торчитъ кто нибудь: или приказный, возвращающійся изъ трактира и остановившійся поглазѣть, или несчастный челобитчикъ съ неясными доказательствами правоты своей въ рукахъ и ясными въ боковомъ карманѣ, или сельскій засѣдатель, вѣчно съ любовію взирающій на эту площадь, потому что онъ на ней выросъ, возмужалъ, пріобрѣлъ значеніе и деньги, и остановившійся на крыльцѣ, чтобъ взглянуть на это поле своей жизненной битвы, гдѣ всякій аршинъ запечатлѣнъ его потомъ и трудомъ выбить копѣйку изъ кармана другаго и переселить въ свой собственный. Но чаще, особенно въ часы послѣ-полуденные, на широкомъ крыльцѣ стоятъ сложа руки или сидятъ на ступенькахъ унтеръ-офицеры съ галунами — счетчики Казначейства; дежурные изъ судовъ; высокіе солдаты — разсыльные Земскаго Суда, жалованье которыхъ размѣряется ихъ ростомъ, такъ что самый высокій получаетъ сравнительно цѣлымъ рублемъ и даже больше жалованья въ мѣсяцъ, нежели другой, средняго роста, и, наконецъ, въ кафтанахъ, долгополыхъ сюртукахъ, бекешкахъ, поддевкахъ, азямахъ и казакинахъ десятскіе полиціи и сторожа судовъ.

Такъ какъ посѣщеніе этого дома съ широкимъ крыльцомъ такъ же неизбѣжно для васъ, любезный читатель, живущій въ провинціи, какъ неизбѣжна смерть, то я и хочу описать вамъ его, для того собственно, чтобы избавить васъ отъ неудовольствія спрашивать, куда и какъ итти въ случаѣ надобности. Спрашивать въ уѣздной жизни вообще какъ-то неудобно. Вамъ или не отвѣтятъ вообще, или махнутъ рукою въ неопредѣленномъ направленіи и скажутъ: *тамъ*! такъ что послѣ отвѣта вы знаете еще меньше, нежели прежде, когда ничего не знали.

Итакъ, пойдемте.

Домъ, въ которой мы съ вами входимъ, присутственныя мѣста, или, еще короче, Судъ. Ежели вы посмотрите на него нѣсколько издали, вы тотчасъ замѣтите, что онъ раздѣляется на двѣ части одной, очень характеристической чертой: изъ семи или девяти оконъ, составляющихъ фасадъ его, по два окна отъ каждаго угла цѣлы,—остальные, въ серединѣ, непремѣнно съ перебитыми стеклами. Это признакъ, по которому вы всегда можете отличить домъ этотъ отъ частныхъ домовъ. Хотя въ послѣднихъ бываютъ перебитыя стекла, но зато безъ симметричности. Войдя на крыльцо, вамъ представятся лѣстница наверхъ и двери направо или налѣво, съ веревками вмѣсто ручки, дотого грязными, что грязь эту не смоешь никакой водой, — развѣ отскоблишь ножемъ. Одна изъ дверей этихъ ведетъ въ Уѣздное Казначейство, въ первой комнатѣ котораго стоитъ сундукъ съ гербовой бумагой; передъ сундукомъ—стулъ съ изломанной спинкой и ободранной кожей, пожертвованный когда-то какимъ-то казначеемъ за негодностію, а на стулѣ — счетчикъ, продающій бумагу и за каждый листъ взыскивающій, смотря по мѣстности и обычаю, пять, три, двѣ и даже одну копѣйку серебромъ съ листа противу той цѣны, какая на томъ листѣ напечатана. Къ этому сбору всѣ такъ привыкли, что никто даже и не говоритъ о незаконности его. «Видно, батюшка, такъ слѣдуетъ», скажетъ мужикъ очень равнодушно, ежели вы его спросите, зачѣмъ съ него взяли лишнюю копѣйку.

Во второй комнатѣ сидятъ чиновники: бухгалтеръ, журналистъ и писцы; передъ ними, на столахъ, большія книги съ цифрами, а въ столахъ—большіе ящики, куда кладутся приношенія: серебряные рубли, полтинники, двугривенные и гривенники, смотря по важности вносимой суммы, т. е. подушныхъ, рекрутскихъ, откупныхъ и проч.

Замѣтимъ, что приношенія со вносимой суммы берутся во второй комнатѣ; съ выдаваемой же суммы — въ третьей комнатѣ, гдѣ возсѣдаетъ казначей, или толстобрюхій, или вовсе безъ брюха, но сухой и желтый отъ геморроя. Тутъ находится невысокая рѣшотка съ широкой доской, на которой стоятъ маленькіе вѣски съ треугольными мѣдными плоскими дощечками, вмѣсто чашекъ, и на нихъ вѣшается золотая и серебряная монета,— вѣски, замѣняющіе казначею оброчную деревню, съ постояннымъ и вѣрнымъ доходомъ. — «Не вышелъ вѣсъ, надобно приплатить столько.» Это единственныя слова, которыя произноситъ онъ съ своего треножника. Тутъ какъ ни разговаривай, пожалуй хоть кричи и выходи изъ себя, а приплату давай, — а не дашь приплаты, такъ подавай другія деньги или пошелъ вонъ. Другія деньги! оно хорошо говорить въ столицѣ, гдѣ мѣнялы есть, а въ уѣздномъ городѣ, гдѣ всего на все одна мѣняльная лавка, да и та за промѣнъ беретъ чортъ знаетъ что, право, заговоришь иначе и отдашь казначею столько приплаты, сколько потребуетъ, только бы не томилъ и выпустилъ душу на покаяніе. Въ этой же комнатѣ у желѣзныхъ дверей стоитъ солдатъ съ ружьемъ, — а за желѣзной дверью кладовая, гдѣ хранятся деньги, гербовая и вексельная бумага, ящики Уѣзднаго Суда, Магистрата и Думы и все, что обязано хранить Казначейство подъ личною отвѣтственностію казначея.

Ежели, войдя на широкое крыльцо, вы пойдете на лѣстницу наверхъ и поворотите налѣво, то войдете непремѣнно прямо въ канцелярію Земскаго Суда, комнату, набитую мужиками, солдатами, чиновниками и женщинами. Мужики — это просители или арестанты; солдаты—это алгвазилы арестантовъ или безсрочно-отпускные и отставные, обязанные прописать свои отпуски и отставки и жить для этого въ городѣ иногда по цѣлой недѣлѣ, питаясь мірскимъ подаяніемъ, хотя это именно запрещено въ ихъ паспортахъ и отставкахъ; чиновники—это канцелярія Земскаго Суда, начинающая свой день въ судѣ, а кончающая въ трактирѣ съ пятью и даже десятью рублями дефицита въ карманѣ, несмотря на то, что годовой окладъ ихъ жалованья есть десять, пятьнадцать рублей въ годъ; женщины — это или арестантки, или жены солдатъ, пришедшія брать свидѣтельство на прожитіе или провіантъ, записать кантониста или выслушать извѣстіе о смерти мужа, забытаго тотчасъ послѣ отдачи, какъ забываютъ умершаго тотчасъ послѣ его похоронъ.

За канцеляріей слѣдуетъ присутствіе, большая комната, большею частію зеленаго цвѣта, со столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, забрызганнымъ чернилами.

Сюда я введу читателя, и здѣсь собственно и начнется разсказъ мой.

На президентскомъ мѣстѣ, за столомъ, сидитъ человѣкъ съ кошачьей физіономіей, лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, въ парикѣ, необыкновенно приглаженномъ, и височками, заворачивающимися кружкомъ, въ черномъ очень потертомъ сюртукѣ и широчайшихъ штанахъ. Это исправникъ Левъ Петровичъ Федеренковъ, служившій въ милиціи 1807 года и украшенный за это серебряною медалью. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, Левъ Петровичъ живъ и проворенъ, говоритъ тихо и чрезвычайно осторожно, точь въ точь кошка въ хрустальной лавкѣ, пробирающаяся между посудою за мышью и твердо знающая, что за разбитую рюмку будутъ сѣканцы.

По правой сторонѣ его, на первомъ мѣстѣ, сидитъ господинъ худой и длинный, съ длинными волосами чернаго цвѣта, съ желтымъ лицомъ, съ неподвижными глазами, которыми онъ смотритъ куда-то прямо,—фигура молодая, недурная собою, ежели хотите, но дотого неподвижная отъ безсмыслія и лѣни, что, глядя на нее, трудно рѣшить, спитъ ли она, думаетъ ли что, или такъ себѣ, сидитъ только, потому что надобно же дворянскому засѣдателю въ извѣстные часы дня сидѣть въ Земскомъ Судѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Исправникъ относится къ засѣдателю, засѣдатель слушаетъ его, но, судя по выраженію лица, не слышитъ ничего. Дворянскій засѣдатель Верейскій, выбранный дворянами по усильной просьбѣ исправника, находящаго свою выгоду въ ничтожествѣ Верейскаго, подписываетъ безпрекословно все, что ему ни подадутъ, если бумага предварительно уже подписана исправникомъ, съ которымъ онъ даже не смѣетъ и вступать въ разговоръ, а въ крайнихъ случаяхъ обращается только очень вѣжливо къ секретарю, который на это всегда очень невѣжливо и даже грубо отвѣчаетъ такою фразою, которая въ переводѣ значитъ: не твое дѣло распрашивать! подписывай! больше отъ тебя ничего не требуютъ.

Рядомъ съ дворянскимъ засѣдателемъ, нѣсколько скрытый зерцаломъ, сидитъ сельскій засѣдатель, въ дубленомъ полушубкѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти-пяти, съ большою рыжею бородою и сѣрыми плутовскими глазами, которые безпрестанно перебѣгаютъ отъ одного лица къ другому, несмотря на то, что онъ очень прилежно пишетъ какіе-то каракули, «дѣлая (что называется) отмѣтки въ распорядительномъ»—работа, которая видимо занимаетъ его только механически, а самъ онъ, весь превратясь въ уши, внимаетъ медоточивымъ словамъ исправника, старающагося убѣдить свою аудиторію въ томъ, въ чемъ она напередъ согласна, и проповѣдывающаго скорѣе для успокоенія собственной совѣсти, нежели для убѣжденія предсѣдящихъ.

По другую сторону стола, начиная съ нижняго конца, сидитъ и копается въ бумагахъ лысенькій старичокъ въ потертомъ и чрезвычайно засаленномъ сюртучишкѣ, безъ пуговицъ, съ пряжкою безпорочной службы и панталонами въ сапогахъ. Старичокъ этотъ, другой сельскій засѣдатель, Виссаріонъ Астафьичъ

Горюновъ, коллежскій регистраторъ, замѣчательный только тѣмъ, что владѣетъ въ городѣ домомъ въ тридцать рублей ассигнаціями, о чемъ онъ весьма часто и весьма добродушно напоминаетъ всякому, считая себя обывателемъ и домовладѣльцемъ, и еще тѣмъ, что можетъ выпивать полштофа «ерошки» (какъ онъ выражается) не переводя духу. Что-то въ родѣ прислужника при исправникѣ, онъ дѣлаетъ безпрекословно все, что ему велятъ, не разсуждая и даже не позволяя себѣ думать, за что передъ Рождествомъ да какъ нибудь еще лѣтомъ получаетъ позволеніе на лошадкѣ, взятой судомъ на «поруки» или «на росписку», объѣхать помѣщиковъ за благостынею, какъ-то: мучкою, крупицею, пшенцомъ, бараниной, иногда вареньицемъ, часто старыми жилетами и панталонишками и даже сюртучишками, негодными къ употребленію, которые Виссаріонъ Астафьичъ носитъ, не находя нужнымъ передѣлывать (потому что за передѣлку надобно все-таки платить деньги), и замѣняя иногда только пуговицы, если костяшки изъ нихъ вывалились, веревочками. Такое доброхотное подаяніе есть цѣль всего служенія Виссаріона Астафьича. Сунутъ ему въ руки приказъ исправника: «давать изъ обывательскихъ по дѣламъ ссужбы», и поѣдетъ онъ себѣ по уѣзду, выпрашивая гдѣ двугривенный, гдѣ фунтъ маслица, гдѣ десятокъ яицъ и кланяясь всѣмъ: помѣщику, если онъ самъ живетъ въ имѣніи, прикащику, кто бы онъ ни былъ: нѣмецъ ли, пропитанный табакомъ, или дворовый человѣкъ, старостѣ и бурмистру. Какъ какой-то древній философъ, Виссаріонъ Астафьичъ видитъ въ человѣкѣ—человѣка; что ему за дѣло, помѣщикъ ли онъ, прикащикъ, или бурмистръ? для него они равны: и тотъ и другой могутъ дать ему и мучки, и крупицъ, и яичекъ, и баранинки; а въ этомъ-то и вопросъ! какъ говоритъ Гамлетъ.

Въ минуту нашего разсказа, Виссаріонъ Астафьичъ писалъ, какъ умѣлъ и что умѣлъ, и почти не слушалъ исправника, обращавшагося преимущественно къ лицу, сидѣвшему подлѣ Виссаріона Астафьича и занимавшему центръ этого собранія. Секретарь сидѣлъ за особымъ столомъ, съ перомъ за ухомъ, и, облокотясь на одну руку, слушалъ исправника съ видимымъ участіемъ, часто потирая руки съ пріятно озабоченнымъ видомъ и улыбаясь.

Секретарь этотъ, котораго портретъ необходимъ для полноты картины, былъ молодой человѣкъ, высокаго роста, недурной наружности, еслибъ выраженіе лица его, особенно глазъ, обведенныхъ синимъ, морщинистымъ кружкомъ, не заключало въ себѣ чего-то враждебнаго, эгоистическаго, наглаго и холоднаго. Онъ былъ не глупъ; но умъ этого человѣка, направленный на недоброе, готовъ былъ бороться со всѣми препятствіями для достиженія своихъ цѣлей. Онъ смотрѣлъ на исправника пытливо. Надо думать, что, при разсказѣ его, онъ не только слушалъ, но и соображалъ, куда вѣрнѣе нанести ударъ, для того, чтобъ сдѣлаться властелиномъ, быть Земскимъ Судомъ одному, безъ раздѣленія, понимая, между тѣмъ, что исправникъ боецъ опытный, что побѣда можетъ обойтись дорого, и что можно погибнуть въ этой борьбѣ.

— Вотъ изволите видѣть, господа, говорилъ, между тѣмъ, исправникъ своимъ тихимъ, мѣрнымъ голоскомъ и обращаясь преимущественно къ стряпчему, а черезъ него и къ секретарю, въ которомъ тоже угадывалъ противника, а главное—человѣка, съ которымъ надо будетъ пополамъ дѣлить грѣховное, тогда какъ доселѣ онъ пользовался имъ одинъ: — дѣло въ томъ, что князь здѣсь не надолго—на какихъ нибудь нѣсколько дней; а ввести его во владѣніе имѣніемъ необходимо теперь же: иначе, можетъ возникнуть споръ. Вы понимаете, какъ важно устроить все это прежде пріѣзда повѣреннаго сестры покойнаго, а повѣренный, по свѣдѣніямъ, уже выѣхалъ изъ Петербурга, но, вѣроятно, чѣмъ нибудь задержанъ въ Москвѣ, къ нашему счастію. Надо воспользоваться этимъ временемъ и устроить все такъ, чтобъ къ его пріѣзду имѣніе было за княземъ. Вамъ извѣстно, что, при открытіи спора, имѣніе берется въ опеку или казенный присмотръ впредь до окончанія дѣла. Дѣло можетъ продолжиться десять, пятьнадцать лѣтъ; а князь — это благороднѣйшій человѣкъ, баринъ въ полномъ смыслѣ, вельможа, могущій быть полезнымъ для всѣхъ насъ, господа—будетъ лишенъ владѣнія четырьмя тысячами душъ на неопредѣленное время. Неужели вы не раздѣляете моего мнѣнія, что не помочь ему неделикатно съ нашей стороны, неприлично наконецъ?... да и что онъ о насъ подумаетъ? что мы мужики, невѣжи, не умѣемъ сортировать людей и мѣняемъ его Богъ знаетъ... на какую-то барыню, неизвѣстную, вѣроятно, такъ.... какую нибудь....

— Она дѣйствительная статская совѣтница, Левъ Петровичъ! возразилъ стряпчій, очень хорошо понимавшій, что нѣсколько минутъ противорѣчія возвысятъ цѣну его согласія и заставятъ исправника походить за нимъ:—развѣ дѣйствительная статская совѣтница можетъ быть какая нибудь? Напрасно вы это говорите, Левъ Петровичъ!

— Вы меня совсѣмъ не такъ понять изволили, Аристархъ Андреичъ, совсѣмъ не такъ. Не къ ущербу чести отнесся я такъ о сестрѣ покойнаго генерала,—совсѣмъ нѣтъ! и сохрани меня даже Богъ подумать это! я хотѣлъ только доложить вамъ, что не помочь князю въ его дѣлѣ, когда онъ такой знатный баринъ, нехорошо, неделикатно. Вотъ что хотѣлъ я сказать.

Секретарь, между тѣмъ, всталъ и, остановясь за стуломъ стряпчаго, спросилъ исправника:

— А позвольте узнать, Левъ Петровичъ, что это за дѣло такое, о которомъ вы изволите такъ интересоваться?

Исправникъ поднялъ голову однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ движенiй, которыя бываютъ только тогда, когда ударъ послѣдуетъ прямо въ сердце, окинулъ секретаря пытливымъ взглядомъ и, видя, что онъ смотритъ ему прямо въ глаза, понялъ, что «благодарность» князя пойдетъ на три равныя части, и что удержать за собою однимъ поле битвы нечего и думать. Онъ вздохнулъ невольно....

— Я не интересуюсь особенно, отвѣчалъ онъ секретарю: — потому что мнѣ тутъ нѣтъ никакой выгоды, но желаю только передать Аристарху Андреичу, какъ лестно было бы для всѣхъ насъ услужить князю и какъ много можетъ быть онъ намъ полезенъ своимъ высокимъ ходатайствомъ и у начальника губернiи и даже у министра. Какъ человѣкъ новый у насъ въ уѣздѣ, вы, конечно, не знаете, что за лицо такое князь: достающееся ему имѣнiе лучшее не только въ уѣздѣ, даже въ губернiи, и жалко, истинно жалко было бы видѣть, что оно перейдетъ въ чуждыя, незнакомыя руки.

— Не наше дѣло судить о томъ, кому оно перейдетъ: надо только смотрѣть, чтобъ все было по закону, возразилъ стряпчiй методически.

— Ваша правда, Аристархъ Андреичъ, севершенная правда. Законъ прежде всего... Я передъ нимъ преклоняюсь и никогда не осмѣлился бы предложить вамъ что нибудь противное закону... Но разсудите только одно: развѣ закону не все равно, кому бы имѣнiе ни досталось — князю ли, или барынѣ, будетъ ли оно принадлежать тому, или другому? Закону отъ этого ни теплѣе, ни холоднѣе; еще выгоднѣе ему, чтобъ оно пошло князю, потому что перейдетъ въ чужой родъ, т. е. другую фамилiю, и надо будетъ внести крѣпостныя пошлины, тогда какъ этой барыни... какъ бишь ее? Хватова, Хлестова... пришлось бы заплатить только за однѣ гербовыя. Я говорю это въ видахъ казеннаго интереса, и вамъ, Аристархъ Андреичъ, ужь по этому одному, кажется, должно бы стараться способствовать всѣми мѣрами къ тому, чтобъ.... князь же, притомъ, благороднѣйшій человѣкъ...

— Да, конечно, отвѣчалъ стряпчій, вынимая зубочистку изъ жилетнаго кармана и начиная ковырять въ зубахъ, несмотря на то, что еще онъ ничего не ѣлъ:—я не говорю, чтобъ... только... вы, Левъ Петровичъ, сами знаете...

— Да какже не знать, Аристархъ Андреичъ! О! въ этомъ отношеніи будьте покойны: князь такой благороднѣйшій, такъ умѣетъ цѣнить...

— Вотъ видите ли, Левъ Петровичъ, вы знаете, я человѣкъ семейный: два сына у меня въ гимназіи, три сына дома, дочь невѣста, самъ слѣпъ становлюсь — надо подумать о будущемъ. Слова хороши; но вѣдь, вы знаете, слова... что такое слова? это звукъ пустой, ими сытъ не будешь.

— О, да на этотъ счетъ будьте покойны, Аристархъ Андреичъ: князь умный человѣкъ, очень хорошо понимаетъ вещи и смотритъ на нихъ здраво, прямыми глазами....

— Я служу давно, продолжалъ стряпчій:—и много видалъ на своемъ вѣку. Всякіе случаи бывали. Бывали и такіе, что наговорятъ съ три короба, а кончится такъ, ничѣмъ... пустота одна.

Секретарь, видя, что дѣло у нихъ почти улаживается, и опасаясь остаться на бобахъ, вдругъ спросилъ исправника:

— Вы обѣщали мнѣ разсказать, Левъ Петровичъ, что это за дѣло такое.

Исправнику очень не хотѣлось разсказывать теперь, когда стряпчій былъ ужь на мази, но, видя два неподвижно на него устремленные глаза секретаря и понимая, какъ много можетъ онъ сдѣлать вреда, если захочетъ итти противъ, долженъ былъ покориться необходимости.

— Я не знаю, что у васъ за страсть распрашивать, началъ онъ съ замѣтною досадою:—но для того, чтобъ вы не подумали, что я хочу дѣлать что нибудь втихомолку, я разскажу вамъ вкратцѣ, въ чемъ дѣло. Здѣсь въ уѣздѣ жилъ очень богатый помѣщикъ Мяснинъ, генералъ былъ, большія связи имѣлъ и, по указу сенатскому, подъ надзоромъ земской полиціи находился.

Родства у него одна сестра родная... Хлестова ли, Хватова ли, чортъ ее знаетъ. Она живетъ въ Петербургѣ. Мяснинъ былъ съ ней въ разладѣ, и при жизни они не видались.... Да! позабылъ вамъ сказать: кромѣ этой сестры, была у него еще другая сестра, только сводная, за княземъ Верейскимъ. Она умерла, и остался у нея сынъ, молодой князь, который здѣсь теперь. Мяснинъ умеръ третьягодня и оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ все свое имѣніе отдаетъ князю. Какое тамъ у него имѣніе, родовое или благопріобрѣтенное, это не наше дѣло; только Палата утвердила духовное завѣщаніе и прислала указъ въ Уѣздный Судъ, чтобъ ввести князя во владѣніе имѣніемъ.

— Скоренько, однако, повернула Палата! замѣтилъ секретарь.

— Это ужь вопросъ другой. Для такой особы, какъ князь, можно дѣлать и скоренько. Нынче поутру указъ изъ Палаты привезъ повѣренный, и въ Уѣздномъ Судѣ пишутъ ужь журналъ и исходящую къ намъ...

— А что въ законѣ сказано? возразилъ неожиданно стряпчій. — Какая тутъ къ чорту исходящая, когда журналъ еще стряпчимъ не пропущенъ... Судья прытокъ больно...

— Какъ это вы все горячо принимаете, Аристархъ Андреичъ! началъ опять исправникъ. — Ужь, конечно, безъ пропуска стряпчаго нельзя послать исходящей — кто этого не знаетъ? Ужь, вѣрно, они придутъ къ вамъ и просить станутъ... Впрочемъ, вѣдь журналъ дѣло домашнее, Аристархъ Андреичъ: не нынче напишутъ, такъ завтра — бѣды нѣтъ отъ этого. Только бы угодить, а тамъ...

— Да, угодить.... видно вы, Левъ Петровичъ, того.... такъ вамъ хорошо....

Исправникъ хотѣлъ разсердиться, но, видно, разсудилъ, что это ни къ чему не поведетъ, и промолчалъ.

Неотвязчивый секретарь смотрѣлъ ему въ глаза и, кажется, ожидалъ окончанія разсказа. Этотъ взглядъ безпокоилъ исправника. Сколько ни былъ онъ привыченъ къ дѣламъ такого рода, но тутъ чувствовалъ, что два глаза смотрѣли на него такъ пронзительно, какъ будто хотѣли сосчитать, сколько бѣленькихъ и красненькихъ переселились въ его карманъ изъ кармана княжескаго. Это было ему неловко. Чтобъ не подать повода думать, что онъ оскорбился намекомъ стряпчаго о томъ, «что ему хорошо», онъ обратился къ секретарю и продолжалъ:

— Я вамъ не досказалъ исторіи княжескаго дѣла. Видите ли, повѣренный Хлестовой долженъ пріѣхать на дняхъ, можетъ быть нынче даже. Надо предупредить его, пока онъ не подалъ исковой жалобы, потому что, кажется, между нами сказать, имѣніе чуть ли не родовое. Намъ, понимаете, до этого дѣла нѣтъ. Предписала Палата, да и кончено... по указу дѣйствуемъ, и все тутъ... А тамъ ужь Палата барахтайся, какъ знаетъ сама; до насъ это не касается. Теперь я прошу Аристарха Андреича выполнить тихо, безъ огласки, келейнымъ образомъ, покорнѣйшую просьбу князя—ввести его во владѣніе. Но для того, чтобъ избѣжать лишняго разговора, который, знаете, всегда какъ-то и прибавитъ лишнее и, пожалуй, до начальства дойдетъ и испортитъ все дѣло, я предлагаю — тутъ исправникъ понизилъ голосъ — ввести князя во владѣніе здѣсь, не выходя изъ присутствія. На князя можно разсчитывать, какъ на каменную стѣну: за нимъ дѣло не станетъ. Увѣренъ, что вы всѣ, господа, продолжалъ онъ, окинувъ глазами троихъ засѣдателей: — сору изъ избы не вынесете, тѣмъ болѣе, что въ этомъ состоитъ ваша личная польза. Князь великодушенъ, я васъ завѣряю въ этомъ.

Тѣ, къ которымъ относились эти слова, поклонились. Дворянскій засѣдатель даже что-то промычалъ одобрительно.

— Оно, конечно, началъ стряпчій: — почему человѣку удовольствія не сдѣлать... бѣда не большая... на мѣсто ли поѣдемъ вводить во владѣніе, здѣсь ли введемъ, это, право, передъ закономъ все равно, только бы соблюдена была вся законная формальность и сохраненъ казенный интересъ.... все остальное — вздоръ. А привяжутся наслѣдники, что не на мѣстѣ вводили во владѣніе, такъ что жь? развѣ это дѣло не нашихъ рукъ? на мѣстѣ, дескать, вводили, да и кончено! Поди доказывай. Самое худшее, что̀ можетъ быть — пришлютъ губернскаго чиновника. Что жь такое, пусть пришлютъ! Всѣ люди, всѣ человѣки.... пріѣдетъ и уѣдетъ, только бы князь-то, знаете, не обмишулилъ насъ.

— Не безпокойтесь, Аристархъ Андреичъ: все будетъ, какъ слѣдовать должно.

— Ежели такъ, то я согласенъ. Только, знаете, словамъ вѣрить нельзя: надо бы по рукамъ.

— Конечно... впрочемъ за этимъ дѣло не станетъ.

— Ну, а какъ напримѣръ?

— Я, право, не знаю, да вѣдь и дѣло-то не мое. Знаете ли что? не послать ли намъ за повѣреннымъ князя, чтобъ онъ пріѣхалъ сюда? Здѣсь обо всемъ переговоримъ и все уладимъ. А, какъ вы думаете, Арефій Иванычъ? спросилъ исправникъ, обращаясь къ секретарю.

— Я непрочь, Левъ Петровичъ; да и отбиваться отъ своего начальника — неловко и не приходится. Только, какъ сейчасъ весьма справедливо замѣтилъ Аристархъ Андреичъ, словамъ вѣрить нельзя. Когда нужно кому что, золотыя горы сулитъ; а сдѣлай ему дѣло, и начнетъ... и то, и другое, и пятое, и десятое, и обойдется какой нибудь бездѣлушкой. А вы знаете, такое дѣло не тѣмъ пахнетъ. Тутъ надо обезпечить себя, для того, чтобы въ случаѣ, ежели слѣдствіе нарядятъ, можно было отпоръ дать. Да! вотъ еще что, чтобъ не забыть: какже насчетъ понятыхъ-то?

— На сей счетъ безпокоиться не извольте-съ! сказалъ вдругъ лысый сельскій засѣдатель, выпрямясь на своемъ мѣстѣ: — это-съ мы обработаемъ-съ. Понятые безграмотные-съ: такъ все равно, кто бы за нихъ не подписалъ. У меня здѣсь въ судѣ зять служитъ-съ — наинадежнѣйшій человѣкъ-съ, доложу вамъ: не вынесетъ-съ.

— Да ежели служитъ, такъ нельзя же ему подписаться по безграмотству! замѣтилъ стряпчій.

— Оно-съ, Аристархъ Андреичъ, не то, чтобъ служитъ-съ, а такъ, только ходитъ-съ по дѣламъ. Такъ оно и можно-съ. А человѣкъ наидежнѣйшій, право-съ.

— Ну, хорошо. Такъ посылайте за повѣреннымъ. Да такъ и накажите, чтобъ съ собой захватилъ.... А иначе я не... знаете, очертя голову такого серьёзнаго дѣла дѣлать нельзя! сказалъ секретарь.

— Конечно, конечно! перебилъ его стряпчій, видимо обрадованный согласіемъ членовъ. — Эй, сторожъ! закричалъ онъ.

Кривой инвалидъ, въ длинной военной шинели, вошелъ въ присутствіе.

— Ступай сейчасъ на постоялый дворъ къ Пузыреву.... знаешь, на Московской улицѣ... а? знаешь, что ль?

— Знаю, ваше благородіе!

— Такъ тамъ, въ большомъ домѣ... смотри, входъ съ улицы.... стоитъ пріѣзжій изъ Петербурга баринъ: Протолеонъ

Иванычъ Иволгинъ... слышишь? не позабудь же... Протолеонъ Иванычъ.

— Слушаю, ваше благородіе!

— Такъ ступай къ нему... слышишь же?.. ему самому скажи... а тамъ зря не болтай.... Левъ Петровичъ, дескать, проситъ пожаловать сюда... Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе!

— Ну, такъ ступай.

Солдатъ вышелъ.

— Теперь займемся приготовленіемъ вводнаго листа. Арефій Иванычъ! это вы ужь возьмите на себя. Знаете, какъ писать?

— Писать просто надо, Левъ Петровичъ, и покороче, чтобъ меньше придирки было. Такого-то, молъ, числа, временное отдѣленіе, прибывъ на мѣсто въ село Гостянку и собравъ понятыхъ изъ окрестныхъ селеній такихъ-то и такихъ-то и отобравъ отъ нихъ показаніе, что спора противъ имѣнія нѣтъ, что земли въ завладѣніи нѣтъ, что имѣніе Мяснину принадлежало съ незапамятныхъ временъ, ввело князя Верейскаго въ то село Гостянку съ деревнями такими-то, всего по ревизіи столько-то душъ, въ безспорное владѣніе, въ чемъ и составило сей вводный листъ, за подписью присутствующихъ и приложеніемъ казенной печати.

— Какже, вѣдь священника надо, къ присягѣ понятыхъ приводить! робко замѣтилъ дворянскій засѣдатель.

— Это послѣ можно сдѣлать. Составимъ здѣсь клятвенное обѣщаніе, оставимъ пробѣлъ, чтобъ вписать имена, а нашъ депутатъ подмахнетъ. Онъ малый славный! отвѣчалъ секретарь.

— Ну, а понятые?

— Это я, сударь, ваше высокоблагородіе, Левъ Петровичъ, все сдѣлаю какъ надо, отвѣчалъ до сего времени молчавшій сельскій засѣдатель съ бородой. — Во всѣхъ селеніяхъ, около Гостянки, я знаю по именамъ человѣкъ, пожалуй, хоть до полусотни. Кого прикажете, того и впишемъ.

— А какъ да сохрани Богъ, кто нибудь изъ нихъ грамотѣ знаетъ, а мы напишемъ, что по неумѣнію грамотѣ приложилъ руку: анъ и нехорошо.

— Мы такихъ подберемъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ снова сельскій засѣдатель: — что не знаютъ грамотѣ; а ежели и знаютъ, какая бѣда? Не пойдутъ же справляться, знаешь ты, дескать, грамотѣ, али нѣтъ. Ежели бы и спросили, развѣ языкъ съ костями, что ли? не знаю, дескать, да и полно. Это ужь, ваше высокоблагородіе, Левъ Петровичъ, оставьте-съ: наше дѣло....

— Ну, хорошо, хорошо! такъ пишите.

Секретарь уткнулся въ бумагу и началъ выводить на ней буквы. Сельскіе засѣдатели тоже писали. Воцарилось молчаніе. Дворянскій засѣдатель какъ-то странно пыхтѣлъ. Исправникъ ходилъ взадъ и впередъ. Стряпчій взялъ X томъ Свода Законовъ, нашелъ главу о вводахъ во владѣніе и медленно пережевывалъ каждое слово.

Такъ прошло съ четверть часа. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась настежь, какъ распахивается она для большихъ оказій: ревизіи губернатора или чего нибудь подобнаго,—и въ комнату вошелъ повѣренный князя, Иволгинъ. Въ растворенную дверь видно было, какъ всѣ приказные повскакали съ своихъ мѣстъ и вытянули шеи, чтобъ видѣть, какъ войдетъ Иволгинъ и какой ему пріемъ сдѣлаютъ присутствующіе. Даже уголки зеленаго каленкора, завѣшивавшаго стеклянную дверь присутствія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялись, послѣ чего слѣдовала продолжительная топотня. Можно было догадываться, что кривой сторожъ отпихивалъ отъ двери любопытныхъ.

Иволгинъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, одѣтый щегольски, со стеклышкомъ въ глазу и съ развязными манерами. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ петербургскимъ чиновникамъ, которые считаютъ провинцію страною дикарей и медвѣдей, а себя ставятъ очень высоко, въ родѣ г. Надимова, и воображаютъ, что, входя въ сношенія съ медвѣдями, они удостоиваютъ ихъ великой чести. Онъ раскланялся и безъ церемоній тотчасъ сѣлъ. Исправникъ, стряпчій и секретарь бросились привѣтствовать его. Засѣдатели ограничились тѣмъ, что, постоявъ на своихъ мѣстахъ, сѣли, когда сѣли старшіе, и принялись опять чертить по бумагѣ.

Когда всѣ заняли свои мѣста, и Иволгинъ подлѣ исправника, этотъ послѣдній только что не торжественнымъ голосомъ началъ:

— Мы съ Аристархомъ Андреичемъ (показывая на стряпчаго) просили васъ сюда, Протолеонъ Иванычъ, для того, чтобъ объявить вамъ, что мы согласны на ваше предложеніе ввести князя во владѣніе, не ѣздя на мѣсто. Мы твердо надѣемся, что князь вполнѣ оцѣнитъ наше искреннее желаніе быть ему полезными.... и.... и.... оцѣнитъ.

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь, господа! отвѣчалъ Иволгинъ. — Князь человѣкъ благородный и умѣетъ цѣнить заслуги.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія. Всѣ ожидали окончанія фразы Иволгина; но какъ этого окончанія не послѣдовало, то стряпчій началъ:

— Мы рѣшились сдѣлать угодное князю, Протолеонъ Иванычъ, и увѣрены, что князь понимаетъ, какую жертву мы ему приносимъ, какой отвѣтственности себя подвергаемъ изъ желанія быть ему пріятными. Мы вполнѣ надѣемся, что князю это уже извѣстно, что вы все это изволили передать ему, Протолеонъ Иванычъ, что вы уже приняли всѣ должныя мѣры къ тому, чтобъ....

Стряпчій замялся на нѣсколько минутъ, но потомъ продолжалъ съ твердостію:

— Чтобъ мы не имѣли причины раскаяваться въ нашей снисходительности. Въ писаніи сказано: «тяготы другъ друга носите», и въ другомъ мѣстѣ: «люби ближняго, какъ самого себя». Исполняя заповѣдь христіанскую, мы готовы служить; но надобно, чтобъ и вы....

— Не угодно ли ко мнѣ, господа? сказалъ неожиданно Иволгинъ, какъ бы озадаченный торжественностію разговора. — Тамъ мы можемъ закусить.... потомъ....

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, отвѣчалъ стряпчій. — Мы просили васъ сюда, здѣсь дѣло и кончимъ-съ. Теперь все зависитъ отъ васъ. Вамъ извѣстно, что даже и указъ Уѣзднаго Суда еще не полученъ здѣсь, что я даже не пропустилъ еще объ этомъ журнала-съ. Но, единственно желая сдѣлать уваженіе князю... уважая и васъ-съ, мы согласны. Вводный листъ составленъ; стòитъ только переписать его набѣло. Это будетъ готово черезъ пять минутъ.

Иволгинъ вертѣлся на своемъ мѣстѣ и не зналъ, что дѣлать. Замѣтно было, что онъ не ожидалъ такого скораго приступа. Онъ предложилъ было еще разъ кончить дѣло, а потомъ ѣхать къ нему; но всѣ отказались съ благородною твердостью.

Тогда Иволгинъ всталъ и сказалъ съ запинкою:

— Позвольте, Левъ Петровичъ, нѣсколько словъ.... наединѣ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ исправникъ.

И они отошли къ окну.

— Вы меня сконфузили, Левъ Петровичъ, началъ Иволгинъ: — когда князь вручилъ вамъ деньги, онъ полагáлъ, что это дѣло кончено со стороны Земскаго Суда и что вы уже переговорите съ этими господами сами.

— Я такъ и сдѣлалъ, Протолеонъ Иванычъ, какъ изволите сами видѣть. Но то, о чемъ вы изволите говорить, относится лично ко мнѣ и не имѣетъ связи съ этими господами.... къ тому жь, это такъ мало, ничтожно даже.... что....

— Мало? спросилъ удивленный Иволгинъ.

— Какже не мало! Развѣ вы думаете, что мы не знаемъ, что значитъ четыре-тысячи душъ съ пятьнадцатью-тысячами десятинъ заливныхъ луговъ. Тамъ 1,231 тягло, Протолеонъ Иванычъ! Мы тоже кое-что понимаемъ. Неужели вы полагали, что мы не знаемъ счету? И за вводъ такого имѣнія, когда вамъ дорога, позвольте замѣтить, каждая минута, нельзя же отдѣлаться пустяками. Тутъ тысячами пахнетъ, а не сотнями. Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Я обѣщаніе свое сдержалъ — переговорилъ съ господиномъ стряпчимъ, съ членами Земскаго Суда, и спросилъ ихъ согласіе; теперь отъ васъ самихъ зависитъ кончить съ ними.... Я умываю руки.

— Нѣтъ! помилуйте! отвѣчалъ озадаченный Иволгинъ, потрогивая мизинцемъ затылокъ: — я такъ только, замѣтилъ.... не то, чтобы...

Исправникъ поспѣшно отошелъ отъ него и, подойдя къ стряпчему, началъ ему что-то говорить на ухо, на что стряпчій отвѣчалъ вполголоса:

— Мы хотѣли служить... нашей ласки не принимаютъ.... такъ пусть дѣлаютъ что хотятъ. До меня это больше не касается... Прощайте, Левъ Петровичъ! — и съ этимъ словомъ онъ началъ искать свой картузъ. — Да когда принесутъ журналъ изъ Уѣзднаго Суда, прибавилъ онъ совсѣмъ громко, такъ скажите, что теперь поздно... чтобъ оставили до завтра... и на домъ не трудились посылать: меня ныньче цѣлый день не будетъ дома.

Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ выйти. Засѣдатели встали и поклонились ему.

Тогда Иволгинъ, видя, что медвѣди опутали его, какъ барана, и что онъ очень ошибся, полагая, что они за честь сочтутъ служить ему безвозмедно, и что изъ тѣхъ денегъ, которыя ему отданы княземъ для ввода, врядъ ли что можно оставить себѣ, а придется приложить еще своихъ, и по инстинкту понимая, что если выпустить стряпчаго изъ комнаты, то курсъ возвысится, быстрымъ движеніемъ остановилъ его, примолвя:

— Что это вы, Аристархъ... Аристархъ...

— Андреичъ! докончилъ стряпчій.

— Аристархъ Андреичъ! продолжалъ Иволгинъ.—Помилуйте, за что же тутъ сердиться? Я только такъ сказалъ безъ умысла... Левъ Петровичъ слишкомъ горячо принялъ...

— Да нѣтъ-съ, Протолеонъ Иванычъ, можетъ быть, вы думали, что мы того-съ... Знаете, всяко бываетъ... Мы на чести, Протолеонъ Иванычъ... и съ нами такъ поступать-съ... Можетъ, вы полагали, что вы петербургскіе-съ, такъ...

— О, помилуйте, Аристархъ Андреичъ, я вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло: такого благородства, такого вниманія... право, мнѣ такъ совѣстно...

Тогда Левъ Петровичъ подошелъ на выручку Иволгина.

— Ну, полноте, Аристархъ Андреичъ! Протолеонъ Иванычъ молодъ: не сообразилъ.... къ тому жь, петербургскій. Знаете, у нихъ не то, что у насъ, въ провинціи: они люди полированные; а мы простяки — на всякую службу готовы, изъ добраго слова служимъ... Такъ ужь вы, Аристархъ Андреичъ, извините, пожалуйста, Протолеону Иванычу...

— Да я ничего-съ, отвѣчалъ стряпчій смиренно:—я такъ только-съ, Левъ Петровичъ, хотѣлъ дать почувствовать Протолеону Иванычу, что и мы не лѣвой рукой носъ утираемъ. Впрочемъ, ничего... только, чтобъ онъ вникнулъ и поскорѣе отпустилъ насъ... Жена чай пить дожидается...

Тогда Иволгинъ взялъ ихъ обоихъ за руку и отвелъ опять къ окну.

— Послушайте, господа, сказалъ онъ:—сознаюсь вамъ, что я неопытенъ въ дѣлахъ такого рода: я въ губерніяхъ никогда не былъ. Въ Петербургѣ у насъ не такъ. Тамъ позовешь нужнаго человѣка въ извѣстную какую нибудь гостинницу, отобѣдаешь съ нимъ вмѣстѣ и тамъ переговоришь все какъ надо. Здѣсь же, видите ли, присутствіе.... зерцало.... посторонніе люди... Мнѣ казалось...

— О, это ничего-съ! отвѣчалъ исправникъ:—люди все свои, домашніе; да, къ тому жь, вѣроятно, и они забыты не будутъ... такъ объ этомъ и говорить нечего.

Иволгинъ мялся и не зналъ, какъ сказать то, что вертѣлось у него на языкѣ.

Стряпчій это замѣтилъ.

— Вы не стѣсняйтесь, Протолеонъ Иванычъ: мы всѣ такъ васъ уважаемъ и любимъ, что примемъ отъ васъ всякое слово и откровенно скажемъ вамъ....

— Я бы желалъ знать, сколько, рѣшился наконецъ вымолвить Иволгинъ.

— Да оно, вотъ видите ли что, Протолеонъ Иванычъ! Люди вы хорошіе, такъ, слѣдственно, поймете все, что мы для васъ дѣлаемъ. Отвѣтственности тутъ бездна. Мы можемъ погубить себя. Такъ вы не скупитесь. Мы люди всегда вамъ нужные будемъ. Будетъ здѣсь у князя имѣніе, такъ безъ судовъ вѣдь не обойдется. Всяко бываетъ: залогъ, перезалогъ, надбавочныя, взысканія, рекруты... Все это дѣло нашихъ рукъ и насъ не минетъ. Такъ насъ надо поберечь.

И онъ нарочно, медленно и съ разстановкой говорилъ эти слова, какъ бы для того, чтобъ Иволгинъ хорошенько обдумалъ ихъ значеніе. Бѣдный Иволгинъ совсѣмъ растерялся. Всѣ разсчеты, такъ великолѣпно сдѣланные по невинной системѣ: «щечи его казну, твоя казна прибудетъ», разлетѣлись въ прахъ передъ толпою неучей, мужиковъ, провинціальной дряни. Онъ, петербургскій чиновникъ, такъ много нахваставшій князю о своихъ юридическихъ знаніяхъ, о своей опытности, разбитъ, уничтоженъ, превращенъ въ ничто, смѣшанъ съ грязью мелкими чиновниками мелкаго уѣзднаго городишка. Самолюбіе его жестоко страдало. Надо было поплатиться — вотъ что онъ видѣлъ и чувствовалъ. Какъ ни тяжело ему было, однако онъ смирился.

— Сколько? повторилъ онъ почти жалобно.

Стряпчій былъ неумолимъ. Глаза секретаря впились въ Иволгина, желая пронизать его сукно со стороны сердца, а подъ этимъ сукномъ открыть сафьянный бумажникъ, съ кипою бѣленькихъ, красненькихъ и синенькихъ. Исправникъ, хоть и обезпечившій себя, глядѣлъ какъ-то непріязненно. Засѣдатели изъ-за стола метали пытливые, враждебные, полные требованія взгляды. Вся комната, всякое изорванное кресло, всякій изломанный стулъ какъ будто повторяли: «Денегъ, денегъ!»

Иволгинъ вынулъ бумажникъ и хотѣлъ выкладывать оттуда бумажки; но исправникъ, какъ ястребъ, налетѣлъ на него и втолкнулъ въ амбразуру окна, сквозь уголъ которой не могли просмотрѣть нескромные глаза канцеляріи, ежели бъ даже они подняли всѣ четыре уголка каленкора, закрывавшаго дверь.

— Вы не торопитесь, Протолеонъ Иванычъ, сказалъ онъ: — надобно прежде объясниться. Я готовъ на все.... Аристархъ Андреичъ тоже.... господа засѣдатели тоже. Это дѣло любовное, дружеское и по дружески должно кончиться. Обидно вамъ будетъ — скажите. Мы готовы оказать вамъ и всякую услугу и всякое снисхожденіе.

— Но скажите же мнѣ наконецъ, началъ Иволгинъ, пришедшій нѣсколько въ себя: — чего вы отъ меня хотите? Главное, сколько? Я поручился князю, что окончу это дѣло, и мнѣ надо кончить его, во что бы то ни стало.

— Вы, Протолеонъ Иванычъ, много не тревожьтесь. Все будетъ къ вашему удовольствію. Мы, право, всѣ васъ такъ полюбили, что въ огонь и въ воду за васъ готовы. Вы намъ скажите прямо, по совѣсти: какую сумму ассигновалъ князь на расходы въ нашемъ городѣ? а мы вамъ скажемъ, кому и сколько надо дать. Можетъ быть, вы не знаете: вѣдь дѣло ваше щекотливое, и надо дѣйствовать какъ можно скорѣе.... такъ останавливаться передъ какой нибудь лишней сотнягой необдуманно, очень необдуманно.

— Я не могу вамъ сказать, господа, отвѣчалъ Иволгинъ: — сколько князь назначилъ, потому что этого не знаю. Онъ только сказалъ: «надобно кончить это!» а я отвѣчалъ: «будетъ кончено, князь!» Поэтому-то я и желалъ слышать отъ васъ цифру.

— Ежели вы такъ откровенно и дружески говорите съ нами, прибавилъ стряпчій: — то и мы со Львомъ Петровичемъ будемъ съ вами говорить откровенно и дружески. Начнемте съ начала. Вотъ Льву Петровичу дайте кругленькую, потому что въ немъ вся сила: онъ старшій членъ временнаго отдѣленія; г. дворянскому засѣдателю — двѣ-три сотни, по вашему усмотрѣнію; гг. сельскимъ засѣдателямъ, — что хотите, это зависитъ отъ васъ: они люди бѣдные, жалованье получаютъ малое и за васъ Бога молить будутъ. Какъ дадите по сотенкѣ, такъ они вамъ и спасибо скажутъ. А вотъ Арефій Иванычъ, продолжалъ онъ, указывая на секретаря: — трудился и писалъ самъ вводъ.... да и человѣкъ онъ нужный, такъ обѣгать его не надобно. Знаете пословицу: «не плюй въ колодезь, случится водицы испить», и другую: «ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ»? Пренебрегать, знаете, никѣмъ не надобно. Всяко бываетъ. Четыре-пять сотенокъ вамъ не будетъ обидно, а молодому человѣку поощренье.

— Ну, а вамъ, Аристархъ Андреичъ? спросилъ Иволгинъ, уже сильно озадаченный.

— Мнѣ? что мнѣ? Я человѣкъ маленькій, послѣдняя спица въ колесницѣ. Я, вотъ видите ли, и въ Уѣздномъ Судѣ журналецъ вашъ пропущу и здѣсь подъ вводомъ подпишусь. Безъ меня, знаете, нельзя ни здѣсь, ни тамъ. Предоставляю это вашему великодушію. Только бы Богъ привелъ служить добрымъ людямъ. Вы, однако, не думайте, Протолеонъ Иванычъ, чтобъ мы, этакъ, притѣсненіе вамъ какое.... нѣтъ, сохрани Господи! мы по любви и расположенію.... а для другаго — ни, ни! ни за что!... Нельзя, дескать, закономъ запрещено.

— Но, однако? началъ опять Иволгинъ: — мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы довольны были. Да и сами разсудите, что жь мнѣ жалѣть-то чужихъ денегъ?

— Такъ ужь кругленькую-то дайте, да и Богъ съ вами. За-то такъ обдѣлаемъ, что иголки подпустить нельзя будетъ. Сунься-ка тогда повѣренный Хлестовой, такъ носъ ему утремъ, что только ноги дай Богъ унести.... другу и недругу закажетъ.... право, такъ!

Иволгинъ помялся, а дѣлать было нечего, скрѣпя сердце, началъ онъ вынимать деньги. При этомъ сельскіе засѣдатели, дворянскій засѣдатель и секретарь такъ уткнули носы въ бумаги и прикинулись такъ сильно занятыми письмомъ, что могли безъ всякой лжи сказать, что не видали, какъ исправникъ и стряпчій получили свои части. Когда эта операція кончилась, стряпчій, выйдя изъ амбразуры, кивнулъ головою секретарю, и тотъ пошелъ на его мѣсто; за нимъ послѣдовалъ дворянскій засѣдатель, потомъ сельскіе, которые при этомъ низко поклонились.

Когда все это кончилось, секретарь подошелъ къ исправнику и показалъ ему написанный имъ набѣло вводъ во владѣніе. Прочитавъ его про себя, исправникъ передалъ его стряпчему и когда тотъ прочелъ его, тоже про себя, то примолвилъ:

— Хорошо. Что жь еще? Ну, перекрестясь, съ Богомъ!

И передалъ бумагу исправнику.

Исправникъ сѣлъ и подписалъ; за нимъ подписалъ стряпчій. Послѣ пригласили Иволгина дать росписку, что онъ принялъ имѣніе. Когда Иволгинъ подписывалъ, секретарь шопотомъ напомнилъ ему, что съ него надо за гербовую бумагу, на которой написанъ вводъ и копія съ него. Рыжая борода, между тѣмъ, награфила имена понятыхъ, бывшихъ при вводѣ; секретарь скорехонько переписалъ ихъ и шепнулъ Виссаріону Астафьичу позвать наинадежнѣйшаго человѣка подписаться за понятыхъ, по неумѣнію ихъ грамотѣ. Лысый засѣдатель вскочилъ, какъ отъ прикосновенія электрической искры, и побѣжалъ изъ присутствія. Черезъ минуту онъ ввелъ какого-то пухлаго господина, отъ котораго сильно пахло водкой, и небритаго съ недѣлю. Что-то тупое и дикое выражалось во всей физіономіи этого человѣка; на немъ былъ мундирный фракъ, дырявый на локтяхъ, почти безъ пуговицъ, а жилетъ, бывшій когда-то пестрымъ шелковымъ, превратился въ грязный лоскутъ, на которомъ не было видно уже ни тѣней, ни рисунка.

Когда этотъ наинадежнѣйшій человѣкъ вошелъ въ комнату, исправникъ указалъ ему пальцемъ на стулъ секретаря, который положилъ передъ нимъ бумагу и началъ диктовать вполголоса:

— Къ сему... показанію... и подпискѣ... вмѣсто крестьянъ... Трофимова... Аверьянова... Ненюкова... Раскина... Любавина... Андреева... Гнусова... Живорыбова... Хохляткина... Кознова... Лапочкина... и другихъ... того же села Кудинова... Ивашкина тожь... да деревни Хрюминой: Большакова.... Севрюгина... Плишкина... и Мордопхаева... за неумѣніемъ ихъ грамотѣ... по ихъ личному прошенію... отставной подканцеляристъ... Ларіонъ Силинъ сынъ... Эмпедокловъ руку приложилъ.

Наинадежнѣйшій человѣкъ писалъ молча дрожащей рукой, и когда кончилъ, секретарь сунулъ ему въ руку синенькую. Не говоря ни слова, даже не поклонясь, онъ вышелъ, и по выраженію его лица, по всей его фигурѣ можно было ясно видѣть, что онъ не понялъ что́, зачѣмъ и за кого его заставили подписать. Виссаріонъ Астафьичъ очень справедливо называлъ его «наинадежнѣйшимъ». Онъ могъ бы подписать свой смертный приговоръ, не догадавшись, ни о комъ, ни о чемъ идетъ дѣло. Черезъ секунду его уже не было въ судѣ.

Тогда исправникъ, стряпчій и секретарь поздравили Протолеона Иваныча съ окончаніемъ дѣла...

ОТВѢТЪ И. С. ТУРГЕНЕВУ.

Поэтъ! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любимъ родину съ тобой?
Зачѣмъ въ разлукѣ съ ней, наперекоръ злословью,
Готово сердце въ насъ истечь до капли кровью
По красотѣ ея родной?

Что жь! Пусть весна у насъ позднѣе и короче,
Но вотъ дождались наконецъ:
Синѣй, мечтательнѣй божественныя очи,
И раздражительнѣй немеркнущія ночи,
И зеленѣй ея вѣнецъ.

Вчера я шелъ въ ночи и помню очертанье
Багряно-золотистыхъ тучъ.
Не могъ я разгадать: то яркое сіянье
Вечерней ли зари послѣднее прощанье,
Иль утра пламеннаго лучъ?

Какъ будто, среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица сѣвера спала,
Подъ обаяньемъ сна, горда и неизмѣнна;
И надъ громадой ночь, блѣдна и вдохновенна,
Какъ ясновидящая шла.

Не вѣрилося мнѣ, а взоры различали,
Скользя по ясной синевѣ,
Чьи корабли вдали на рейдѣ отдыхали,
А воды, не струясь подъ ними, отражали
Всѣ флаги пестрые въ Невѣ....

Заныла грудь моя; но въ думахъ окриленныхъ
Съ тобой мы встрѣтилися, другъ:
О, вѣрь, что никогда въ объятьяхъ раскаленныхъ
Не могъ такихъ ночей, вполнѣ разоблаченныхъ,
Лелѣять сладострастный югъ!

А. ФЕТЪ.

* * *

Намъ говорятъ, что міръ земной
Исполненъ зла и всякой скверны,
Что родъ людей, въ грѣхѣ, больной
Идетъ дорогою невѣрной;
Что онъ испорченъ съ давнихъ лѣтъ,
Что онъ къ добру совсѣмъ не годенъ,
И что онъ небу не угоденъ
За то, что въ немъ смиренья нѣтъ.

Намъ говорятъ, а мы не вѣримъ:
Мы видимъ въ томъ одни слова;
Но многому зато мы вѣримъ,
Чему не вѣрили сперва.

Намъ говорятъ, что умъ людской
Есть навожденье духа злобы,
Что и порочный и плотской
Во тьмѣ блуждаетъ онъ до гроба;
Что все намъ сказано давно,
Что знать намъ ничего не надо,
Что лишь въ невѣдѣньи отрада,
А мыслить — страшно и грѣшно.

Намъ говорятъ, а мы не вѣримъ:
Мы видимъ въ томъ одни слова;
Но многому зато мы вѣримъ,
Чему не вѣрили сперва.

Намъ говорятъ, что чувствъ языкъ —
Опасный нашъ руководитель,
Что въ сердце намъ давно проникъ
Злой духъ — нашъ общій искуситель,
Что долгъ велитъ намъ поступать
Противъ свободнаго желанья;
Что наши лучшія мечтанья
Всегда должны мы отвергать....

Намъ говорятъ, а мы не вѣримъ:
Мы видимъ въ томъ одни слова;
Но многому зато мы вѣримъ,
Чему не вѣрили сперва.

Вл. Павловъ.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Можно сказать, что у путешественниковъ, отправляющихся за границу, одно общее чувство. Это неопредѣленное чувство ожиданія, надежды, любопытства можно только сравнить съ ощущеніями театрала, входящаго въ заново отдѣланный театръ, смотрѣть новую пьесу, про которую много наговорили, но которой еще не удалось видѣть. Онъ не новичекъ въ театрѣ; но это ничего не значитъ. Въ сердцѣ человѣка запасъ надеждъ неистощимъ. «Вотъ скоро самъ увижу—говоритъ театралъ — можетъ быть, будетъ хорошо.» То же самое говоритъ про себя отъѣзжающій за границу. Глазъ нашъ привыкъ къ роднымъ полямъ и лѣсамъ. Если мы ѣдемъ по Россіи, насъ занимаетъ цѣль, съ которою мы пустились въ дорогу; а декорація путешествія тихо проходитъ мимо, едва замѣчаемая. За границей самый хладнокровный поворачиваетъ голову къ стеклу вагона; а бòльшая часть, по преданію, восхищается и тамъ, гдѣ восхищаться нечѣмъ.

Уже у Англійской набережной, на пароходѣ, который долженъ былъ везти насъ на Кронштадтскій рейдъ, къ большому почтовому пароходу «Прусскій Орелъ», слышалось смѣшеніе языковъ. Здѣсь французъ изъ Бордо, вставя стеклышко въ глазъ и глотая окончанія словъ, условливался съ своею полновѣсною дамою въ томъ, что имъ заказать на завтракъ; тамъ старуха-нѣмка, говоря съ дѣтьми, которыхъ провожала до Кронштадта, испускала какіе-то гортанные, болѣзненные звуки и повременамъ подносила платокъ къ раскраснѣвшимся глазамъ. Русскій купецъ, отъѣзжающій по дѣламъ, давалъ окончательныя наставленія родственникамъ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ ни слова иностраннаго не знаетъ. А вѣдь не унываетъ! и будетъ вездѣ, гдѣ нужно, и обдѣлаетъ все, что слѣдуетъ....

Но вотъ паръ пересталъ клокотать, шрапъ сняли, и пароходъ плавно и быстро полетѣлъ ко взморью. Всякій не только знаетъ, далеко ли до Кронштадта, но, взглянувъ на часы, почти можетъ опредѣлить минуту, въ которую ступитъ на палубу почтоваго парохода; а, между тѣмъ, всѣ спрашиваютъ: «скоро ли пріѣдемъ?» Кажется, рейдъ нарочно отъ насъ уходитъ. Пріѣхали наконецъ, и все ринулось на палубу «Прусскаго Орла». Шумъ, говоръ, толкотня. Странное дѣло! Почтовый пароходъ чуть ли не въ десять разъ болѣе того, на которомъ мы пріѣхали, между тѣмъ, на палубѣ давка едва ли еще не хуже прежняго. Тюки, ящики, чемоданы совершенно загородили дорогу къ каютамъ; а каждому хочется именно въ каюту. И неудивительно: всякому желательно взглянуть на уголокъ и шкапчикъ, въ которомъ ему придется просидѣть трое сутокъ, а при неблагопріятной погодѣ, быть можетъ, и болѣе. Прусскому капитану, видно, не въ диковинку подобныя сцены. Надобно видѣть, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ онъ расхаживаетъ въ новомъ мундирѣ со штабъ-офицерскими эполетами. Когда каждый нашелъ свое мѣсто, ящики и чемоданы ушли въ трюмъ, а провожающіе на прежній пароходъ, помѣщеніе на «Прусскомъ Орлѣ» оказалось не только, по возможности, удобнымъ, но даже изящнымъ. Я говорю о первыхъ мѣстахъ. Тутъ все придумано для того, чтобы путешественникъ незамѣтно перенесся съ Кронштадтскаго рейда на штеттинскій берегъ. Переборки и двери изъ карельской березы и краснаго дерева, наличники и ручки у замковъ изъ прекрасно разрисованнаго фарфора, большая свѣтлая обѣденная зала, карточные и шахматные столы, даже библіотека съ французскими и нѣмецкими книгами. Я искалъ русскихъ. Нѣтъ. Жаль! пора бы! «Скоро ли обѣдать?» раздавалось отовсюду.—«А вотъ, какъ только пойдемъ. Дожидаемъ почту. Она сейчасъ должна быть.»

Черезъ часъ мы весело сидѣли за столомъ, и кто-то справедливо замѣтилъ, что мы уже въ Пруссіи. Точно, все нѣмецкое:

кушанья, монета, прислуга, языкъ,—словомъ, пловучая нѣмецкая колонія. «Посмотрите, посмотрите, наши корабли!» Въ эту минуту мы проходили мимо двухъ линейныхъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ, на значительномъ отъ Кронштадта разстояніи. Въ самомъ дѣлѣ, что это за громады! Нашъ пароходъ, въ сравненіи съ ними, лодка.... Берега уходятъ все далѣе и далѣе. Обѣдъ кончился; лѣниво берешься за кофе. Дамы разошлись — что дѣлать?

— Не составить ли преферанса?

— Что жь? можно.

— А есть ли карты?

— Есть.

— Русскія?

— Нѣтъ, прусскія.

— Все равно, давай!

Оказывается, что короля отъ валета не отличишь. Но попривыкли, и дѣло пошло какъ по маслу. Подали свѣчи. Въ залѣ зажгли лампы и снова застучали ножами и вилками. Послѣ ужина или чаю, назовите какъ хотите, прогулка по палубѣ, и затѣмъ каждый отправляется на свою койку... Въ первый день погода была чудная, и морская болѣзнь безпокоила немногихъ; зато на второй вѣтеръ сталъ свѣжѣе, волны побѣлѣли, и къ обѣду не явилось и половины путешественниковъ. Тѣмъ не менѣе капитанъ неизмѣнно приходилъ къ обѣду въ полной формѣ и садился въ концѣ стола. Хотя общество собралось чуть не совсѣхъ концовъ свѣта, за все время переѣзда между пассажирами не было и тѣни непріятности. Англичане чинно сидѣли гдѣ нибудь въ углу, французы гуляли или читали, нѣмцы курили или спали, русскіе играли въ карты. Только въ послѣдній день между нѣмцами возникъ было крупный разговоръ. Пагубный примѣръ русскихъ подѣйствовалъ и на нихъ, — у другаго ломбернаго стола они составили свою партію. Я усѣлся на диванѣ подлѣ русскихъ. Время приближалось къ обѣду, и капитанъ, войдя на этотъ разъ съ веселымъ лицомъ, объявилъ, что земля показалась. Вдругъ одинъ изъ партнёровъ за нѣмецкимъ столомъ громко замѣтилъ зрителю о неприличіи совѣтовъ играющимъ со стороны лицъ, не участвующихъ въ играхъ. Въ отвѣтъ на это полновѣсный нѣмецъ громовымъ голосомъ сталъ доказывать, что онъ имѣетъ полное право (на что? не знаю), и что желать увѣрить его въ противномъ значитъ считать его болваномъ (Dummer Junge) — самое обидное выраженіе на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣднее слово сказано было съ удареніемъ, по которому первый ораторъ могъ принять нелюбезность, пожалуй, и на свой счетъ. Но онъ замолчалъ, и слава Богу.

Желая достовѣрно узнать, успѣю ли въ тотъ же день отправиться въ Берлинъ, я обращался къ слугамъ съ вопросомъ о времени поѣздовъ желѣзной дороги. «Да вы сходите въ каюту къ капитану: тамъ есть «Прусскій почтовый дорожникъ», сказалъ мнѣ кто-то. Я пошелъ. Отворяю дверь и застаю капитана. Но каково было мое изумленіе, когда на стѣнѣ каюты я увидалъ небольшой, но прекрасно писанный образъ Николая Чудотворца, въ серебряной ризѣ, съ золоченымъ вѣнцомъ.

— Капитанъ! откуда у васъ этотъ образъ? Вѣдь вы лютеранинъ? воскликнулъ я невольно.

— Что жь это васъ такъ изумляетъ? Развѣ вы хотите мнѣ запретить дорожить этимъ образомъ и чтить его? отвѣчалъ капитанъ.

— Но по какому случаю онъ у васъ?

— Его оставила моему кораблю русская дама. Въ бурную ночь, когда, и по моему мнѣнію, пароходъ былъ въ опасности, я нашелъ этотъ образъ на палубѣ и на другой день сталъ спрашивать, чей онъ. Дама, о которой я вамъ говорю, сказала, что вчера она сама вынесла его на палубу и теперь проситъ меня оставить на спасенномъ кораблѣ. Съ тѣхъ поръ онъ у меня въ каютѣ и останется здѣсь навсегда, пока я живъ.

Отъ Свинемюнде до Штеттина еще четыре часа ѣзды на пароходѣ. Чѣмъ выше подымаешься по Одеру, тѣмъ уже становится эта рѣка, и большое судно принуждено итти половиннымъ ходомъ, если капитанъ не хочетъ волненіемъ, образующимся отъ быстраго движенія парохода, повыкидать безчисленныя лодки, привязанныя у плоскихъ береговъ, и вслѣдъ затѣмъ заплатить штрафъ за поврежденія. Берега Одера мѣстами живописны и представляютъ уже довольно яркій обращикъ нѣмецкой жизни. Бульверъ, въ своей книгѣ: «Англія и Англичане», указывая на туземные недостатки, постоянно ставитъ въ примѣръ Пруссію. И онъ правъ.

Мнѣ кажется, всякаго путешественника, кто бы и съ какимъ бы направленіемъ онъ ни былъ, не можетъ не поразить эта жизнь, въ которой, какъ въ хорошо устроенномъ кораблѣ, не пропадаетъ даромъ малѣйшій закоулокъ. Тутъ воспользовались всѣмъ. Наука, трудъ, капиталъ, опытъ, искусство сосредоточили свои силы къ достиженію возможнаго порядка и благосостоянія. Одеръ постоянно затягиваетъ свое русло иломъ, и на всемъ значительномъ протяженіи отъ Фришгафа до Штеттина (верстъ 40) машины, расчищающія русло рѣки, неутомимо заняты безконечною работою. Илъ, ими добываемый, не пропадаетъ даромъ. Окрестные поселяне съ радостію накладываютъ его, въ видѣ плотины, вдоль плоскихъ береговъ, и мало по малу образуется защита отъ наводненія и въ то же время полоса самой плодородной почвы. Рѣчные пароходы шныряютъ взадъ и впередъ; а версты за двѣ до Штеттина, по обѣимъ сторонамъ рѣки, такое множество купеческихъ судовъ, что большой пароходъ, въ избѣжаніе несчастія, принужденъ двигаться, какъ черепаха... Таможенный офицеръ, сѣвшій къ намъ на пароходъ въ Свинемюнде, успѣлъ, до прихода въ Штеттинъ, осмотрѣть всѣ наши вещи, такъ что мы ни минуты не были задержаны у пристани. «Да ты погляди-ка только — раздалось на русскомъ языкѣ за моей спиною, когда мы столпились у трапа — у нихъ и собаки не гуляютъ. Возитъ телѣжку, сердечная, а живетъ по пашпорту. Вѣдь ей билетъ выправленъ, значитъ. Право!» Оглядываюсь: русскій купецъ говоритъ товарищу.

На желѣзную дорогу въ день пріѣзда мы не поспѣли. Надобно было поневолѣ дожидаться курьерскаго поѣзда, отправляющагося въ два часа ночи, или утренняго, который отходитъ въ 7 часовъ. Я избралъ послѣднее. Описывать Штеттинъ не буду. Возьмите первое попавшееся изображеніе стариннаго нѣмецкаго города и подпишите подъ нимъ: Дрезденъ, Лейпцигъ, Штеттинъ, вы ошибетесь въ размѣрахъ и частностяхъ, а не въ общемъ впечатлѣніи. Отправляюсь въ отель. Комната въ третьемъ этажѣ, окнами на дворъ. Во дворѣ небольшой каменный бассейнъ съ живою рыбой. По срединѣ фонтанъ; но онъ, вѣроятно бьетъ по праздникамъ. Вокругъ фонтана бесѣдка изъ дикаго винограда. По срединѣ ея мраморная скамья. По угламъ прекрасные тюльпаны и великолѣпныя белладонны. Что-то эти цвѣты мнѣ подозрительны! Ужь не искусственные ли они? Ни одинъ листокъ, ни одинъ лепестокъ не шевельнется. Правда, вечеръ необыкновенно тихъ, да къ тому же кругомъ каменныя стѣны саженъ въ 8 вышины. Скучно. Ѣхать некуда, спать рано. Пойду шататься, въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что, послѣ трехсуточнаго пребыванія на морѣ, вамъ кажется, будто тротуары, каменныя лѣстницы, дома,—словомъ, все подъ вами шатается. Въ театръ итти не стòитъ. Еслибы я былъ нѣмецкій или англійскій туристъ, то разсмотрѣлъ бы въ подробности вотъ этотъ соборъ; но такъ какъ это памятникъ не только не первой и не второй, а развѣ десятой величины, то я поглядѣлъ на него съ одной да съ другой стороны, сказалъ про себя: «что жь? соборъ ничего», и пошелъ въ магазинъ за покупками. Вотъ прусская мелкая монета (серебряный грошъ—3 коп.)—камень преткновенія для иностранца. На всякой такой монетѣ цифра; но она означаетъ не число содержащихся въ ней грошей, а сколько монетъ составляютъ талеръ. На 5-ти-грошовой, напр., написано 6, т. е. шестая часть талера. По величинѣ не узнаешь. Иная монета въ 5 грошей болѣе 10-ти-грошовой. Надпись заросла грязью и зеленью: гадко въ руки взять, а поневолѣ берешь. Куда ни сунься, доставай пять грошей. Вамъ нуженъ извощикъ? Только что вы приняли къ нему направленіе, за вами раздается рѣзкій свистъ, и незнакомый человѣкъ спѣшитъ опередить васъ, отворяетъ дверцы у колясочки и помогаетъ подъ локоть сѣсть. Вы кивнули ему головой, а онъ протягиваетъ руку и проситъ на водку. Разумѣется, все купленное мной въ Штеттинѣ никуда не годилось. Жиды меня и обманули и обочли. Они ждутъ русскихъ и шведовъ, какъ воронъ крови. Бòльшая часть проѣзжихъ знаютъ это напередъ, а, между тѣмъ, всѣ, сгоряча, покупаютъ и бываютъ обмануты. Подъѣзжая къ гостинницѣ я встрѣтилъ конно-артиллерійскую прислугу, возвращающуюся верхомъ, безъ орудія, въ казармы. Лошади, какъ вообще прусскія лошади, напоминаютъ англійскихъ верховыхъ. Но полно таскаться. Кажется, новаго болѣе ничего не увидишь; а завтра надобно проснуться спозаранокъ. Въ шесть часовъ утра слуга принесъ счетъ и кофе, а въ половинѣ седьмаго объявилъ, что коляска готова. На желѣзной дорогѣ я взялъ билетъ на первое мѣсто. Глядь: наши русскіе тутъ же.

— Господа! сядемте вмѣстѣ, сказалъ я.

— Но вы на какомъ?

— На первомъ.

— Помилуйте! тамъ скука. Мы всѣ на второмъ.

Подхожу къ вагонамъ: одна карета перваго класса, и та пустая. «Нѣтъ, думаю себѣ, ни за что туда не сяду». На остальныхъ мѣстахъ усаживаются, суетятся. Гляжу, француженка съ парохода и еще какой-то господинъ, очевидно нѣмецъ, ей чужой, сидятъ одни въ каретѣ втораго класса. Я отворилъ дверцы и сѣлъ противъ француженки. Послѣ первыхъ словъ, она сдѣлала мнѣ выговоръ за то, что во время переѣзда я мало обращалъ вниманія на дамъ, и показала даже въ лицахъ, какъ разсѣянно я на нихъ смотрѣлъ. Я постарался исправить ошибку и всю дорогу увѣрялъ собесѣдницу, что нѣмецъ, сидящій съ закрытыми глазами, въ противоположномъ углу восьмимѣстной кареты, спитъ непробуднымъ сномъ. Машина шла очень быстро, и мы незамѣтно прикатили въ Берлинъ. Надо осмотрѣть столицу Пруссіи. Но возможно ли русскому осматривать Берлинъ? Это все то же, что осматривать Москву. А почему же не осматривать Москвы? Сказать по правдѣ, мы ничего не осматриваемъ — ни своего, ни чужаго. Это мнѣ напоминаетъ слѣдующій случай. Мѣсяцъ тому назадъ я сидѣлъ въ Петербургѣ у одного извѣстнаго русскаго поэта. До обѣда было еще далеко. Хозяину захотѣлось прогуляться.

— Куда?

— На острова далеко: опоздаешь къ обѣду.

— Въ Лѣтній садъ: кстати посмотримъ памятникъ Крылову.

— А вы видѣли памятникъ?

— Нѣтъ.

— А вы?

— Тоже нѣтъ.

Оказалось, что мы хотя петербургскіе жители, а памятника не видали. Поѣхали, посмотрѣли и остались довольны. Мало этого: едва мы пріѣхали домой, вошелъ общій нашъ знакомый литераторъ.

— Гдѣ вы были господа?

— Смотрѣли памятникъ Крылова.

— А, а!!!

— А вы, милостивый государь, видѣли памятникъ?

— Нѣтъ.

— Ну, какъ же вамъ не стыдно! А еще патріотъ, русскій литераторъ....

И мы продолжали въ этомъ родѣ нападать на нашего знакомаго. Мало и этого: когда почтовый пароходъ остановился у Штеттинскаго порта, французъ, не знающій ни слова по русски, подошелъ ко мнѣ и, ни съ того, ни съ другаго, обратился съ вопросомъ:

— Будьте такъ добры, милостивый государь, скажите, какъ имя русскаго поэта, которому въ Лѣтнемъ саду поставленъ монументъ?

— Крыловъ.

Французъ досталъ бумагу и карандашъ.

— Какъ это пишется?

— K–r–y–l–o–f–f.

— Merci, monsieur!

И онъ записалъ это имя.

Теперь его родственники и знакомые узнаютъ, что у насъ былъ Крыловъ; а они, можетъ быть, и черезъ двадцать лѣтъ не узнаютъ, что у насъ былъ Пушкинъ. Итакъ, отправлюсь осматривать Берлинъ.

Что въ немъ новаго?

Какъ что? Во первыхъ, монументъ Фридриха Великаго, во вторыхъ, Новый Музей, въ третьихъ, заведеніе Кроля. Правда, монументъ всѣ видѣли на картинкѣ. Но на картинкахъ онъ плохъ, а на дѣлѣ истинно прекрасенъ. Всѣ фигуры на пьедесталѣ выработаны съ добросовѣстной отчетливостью и не лишены характера и движенія. Несмотря на огромные размѣры конной статуи великаго монарха, во всемъ памятникѣ соблюдена удивительная гармонія. Можно сдѣлать одно замѣчаніе: такую статую слѣдовало бы поставить на болѣе открытомъ мѣстѣ, а не въ концѣ улицы, спиною къ бульвару. Спрашивается: откуда ее смотрѣть? Съ площади? Но вы видите статую спереди, стало быть съ невыгодной для нея точки зрѣнія. Съ бульвара? То же самое, если еще не хуже. Съ тротуаровъ? Памятникъ такъ колоссаленъ, что вы видите его снизу опять нехорошо.

Прежде, чѣмъ стану говорить о Новомъ Музеѣ, позволю себѣ сказать по поводу его нѣсколько словъ. Новый Музей можно, по справедливости, назвать послѣднимъ шагомъ архитектуры, по пути, проложенномъ для нея Шинкелемъ. Шинкель отбросилъ всѣ смѣшанные роды и обратился къ чисто-греческому. Пусть рѣшаютъ спеціалисты, въ какой мѣрѣ онъ былъ правъ — я пишу не разсужденіе объ архитектурѣ, а разсказываю фактъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдній шагъ этого направленія, въ примѣненіи къ Новому Музею, пантеону пластическихъ искусствъ, вполнѣ удаченъ. Говоря о Шинкелѣ, нельзя не сказать, что этотъ замѣчательный художникъ, бывшій столько лѣтъ главнымъ начальникомъ строительной части въ Пруссіи, самъ неусыпно трудившійся надъ каждымъ вновь воздвигаемымъ памятникомъ, и черезъ руки котораго шли милліоны, умеръ если не въ нищетѣ, то, по крайней мѣрѣ, не оставя семейству никакого состоянія. Новый Музей, соединенный колоннадою со старымъ, такъ называемымъ Шинкелевскимъ, выстроенъ по плану Штюлера. Зданіе главнымъ фасадомъ обращено на востокъ. Длина его триста-сорокъ футовъ, т. е. безъ малаго пятьдесятъ саженъ, а высота сто футовъ, т. е. слишкомъ четырнадцать саженъ. Несмотря на то, что надъ музеемъ трудятся неутомимо, и что бо́льшая часть залъ уже открыта для любопытныхъ, совершенно оконченъ внутри онъ еще такъ скоро быть не можетъ. И слава Богу! это постоянный предметъ соревнованія для художниковъ и ученыхъ, постоянно отверстыя врата генію. Зданіе сооружено въ три этажа. Нижній предназначенъ для египетскихъ, отечественныхъ и сѣверныхъ древностей и этнографическихъ собраній. Во второмъ помѣщаются гипсовые снимки скульптурныхъ произведеній: греческихъ, древне и ново-римскихъ, средне-вѣковыхъ и новѣйшаго времени. Однимъ словомъ, здѣсь передъ лицомъ науки и искусства нагляднымъ образомъ предстанетъ вся исторія скульптуры. Третій этажъ—для кунсткамеры и собранія гравюръ. Середину музея, поперекъ, черезъ всѣ три этажа прорѣзаетъ зала лѣстницы (такъ называемая Treppenhaus). Зала эта продолговата, несмотря на классическую соразмѣрность высоты и ширины съ длиною; а высота ея, какъ мы видѣли, болѣе четырнадцати саженъ. Можете себѣ представить, что это за громада! Ступени гигантской лѣстницы еще доселѣ тщательно заклеены холстомъ и бумагою. Мѣстами только, гдѣ бумага протерлась отъ ходьбы, просвѣчиваетъ дымчатый мраморъ, отполированный, какъ зеркало. Стѣны первой лѣстницы, до поворотовъ направо и налѣво, покрыты гипсовыми снимками съ античныхъ барельефовъ. Потолокъ, расписанный въ греческомъ вкусѣ, великолѣпенъ. Честь и слава Пруссіи за ея благородное стремленіе на поприщѣ искусства!

Носятся слухи, что въ Берлинѣ будетъ основано отдѣльное министерство свободныхъ искусствъ, въ томъ числѣ и поэзіи. Зала лѣстницы, безспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій. Васъ не удивило бы увидать на первой площадкѣ гигантскую статую Фидіева Зевеса. А, между тѣмъ, какая гармонія, какъ вамъ легко дышать! Кажется, сама Паллада-Аѳина, встрѣтя васъ у входа между колоннами изъ каррарскаго мрамора, подняла на руки и несетъ показывать свое жилище. Но это архитектурная часть. Взгляните на стѣны: всѣ гигантскіе фрески — работы Каульбаха, при помощи учениковъ его Мура, Эхтера и другихъ. Повернитесь налѣво, къ южной сторонѣ. Эта стѣна совершенно отдѣлана. На правой видѣнъ только одинъ оконченный фрескъ «Битва Гунновъ»; вся остальная часть заставлена лѣсами, съ которыхъ торчитъ конецъ громаднаго картона. Ходите, смотрите; а, между тѣмъ, геніальный художникъ трудится надъ вашей головой и упрочиваетъ свою славу. Прежде, чѣмъ станете разсматривать отдѣльныя произведенія Каульбаха, взгляните на всю стѣну. Какъ хороши эти тоны въ промежуткахъ между главными картинами! Безъ этихъ тоновъ картины сливались бы и утомляли зрѣніе; а теперь все улыбается и ярко выступаетъ вамъ навстрѣчу. Три главныя картины на южной стѣнѣ представляютъ: «Паденіе Вавилона», «Цвѣтущій вѣкъ Греціи» и «Разрушеніе Іерусалима». Скажу хотя нѣсколько словъ о содержаніи каждой. Въ «Паденіи Вавилона», въ небѣ надъ башней, является Господь, въ сопровожденіи ангеловъ, кидающихъ молніи на гордое созданіе человѣка. Вавилонскій столпъ разрушается; народъ, трудившійся надъ его сооруженіемъ, въ ужасѣ бѣжитъ, и домы низринуты въ прахъ. Внизу башни, на первомъ планѣ, потомки Сима, Хама и Іаѳета расходятся по разнымъ направленіямъ отдѣльными группами. Сколько жизни и выраженія въ каждой! Вотъ удаляются вѣрующіе въ истиннаго Бога, напутствуемые Его благословеніемъ. Какое чистое, прекрасное племя! Бѣлые быки влекутъ безъискусственную колесницу прародителя, окруженнаго веселыми дѣтьми и многочисленными стадами. Но вотъ уходятъ и потомки Хама. Съ какою дикою жадностію уноситъ этотъ эѳіопъ своего безобразнаго идола! Закоснѣлость и тупость изувѣрства во всѣхъ его чертахъ. Но громъ Іеговы грянулъ, — и всѣ усилія человѣческія тщетны. Напрасно клевреты столпостроителя Нимврода подгоняютъ рабочихъ, подвозящихъ матеріалы. Вы видите: одинъ изъ нихъ, отдавая приказанія, въ озлобленіи кричитъ; но его уже не понимаютъ. Языки смѣшались. На первомъ планѣ, въ правомъ углу картины, кирпичами, приготовленными для постройки, убиваютъ архитектора. Все нарушилось, все измѣнилось; одинъ Нимвродъ непреклоненъ. Напрасно жена и дѣти, распростертыя у ступеней полуразрушеннаго трона, умоляютъ его (прелестная группа); онъ одинъ, какъ сатана, коснѣетъ въ гордынѣ. Во второй картинѣ: «Цвѣтущій вѣкъ Греціи», Каульбахъ живописно воплотилъ слова Геродота: «Гомеръ и Гезіодъ даютъ грекамъ боговъ». Сивилла правитъ рулемъ челнока, въ которомъ слѣпой пѣвецъ Иліона подъѣзжаетъ къ берегу. Ѳетида, мать воспѣваемаго Ахиллеса, поднявшись по поясъ изъ волнъ, внемлетъ пѣснопѣнію; греческіе пѣвцы, ваятели и живописцы, спѣшатъ во срѣтеніе Гомера. Дикіе пеласги бѣгутъ изъ лѣсовъ къ берегу, алкая просвѣщенія. Надъ этой сценой яркая радуга съ облаковъ, разстилающихся надъ моремъ, съ правой стороны (со стороны поющаго Гомера) перекинулась въ лѣсъ, надъ столпившимися греками, и по этому воздушному мосту боги спускаются на землю. Вправо Зевесъ и Юнона съ павлиномъ. Надъ ними паритъ орелъ. Влѣво хоръ боговъ, предводимый Аполлономъ и музами. Яркая и въ то же время воздушная радуга придаетъ не только самой картинѣ, но и всей стѣнѣ нѣжный, улыбающійся колоритъ. Третья картина изображаетъ «Разрушеніе Іерусалима». Пророки Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ появились въ небесахъ надъ городомъ. Карающіе ангелы исполняютъ ихъ предсказанія. Іерусалимъ и храмъ Соломона объяты пламенемъ; вожди іудейскіе лежатъ, сраженные молніей. Съ правой стороны Титъ, окруженный ликторами, верхомъ, вступаетъ въ городъ побѣдителемъ. Впереди его трубятъ герольды; за нимъ виднѣются римскіе легіоны. Вправо, на первомъ планѣ, ангелъ напутствуетъ юныхъ христіанъ. По срединѣ первосвященникъ храма Соломонова въ бѣлой одеждѣ. Онъ не можетъ пережить паденія храма и закалывается. Влѣво вѣчный жидъ, преслѣдуемый демонами, бѣжитъ скитаться, томиться и никогда не умирать. Рѣшаюсь обратить вниманіе ваше на послѣдній большой фрескъ Каульбаха, находящійся съ правой стороны площадки, то есть на сѣверной стѣнѣ. Въ «Битвѣ Гунновъ», падшіе съ обѣихъ сторонъ на кровавомъ полѣ, по преданію, воскресаютъ и вступаютъ въ бой съ новымъ ожесточеніемъ. Надъ сценой сраженія, происходящаго на землѣ, покрытой трупами, мало по малу возвращающимися къ жизни, въ облакахъ новая картина битвы. Тутъ Атилла самъ предводительствуетъ неистовыми полчищами. Въ рукѣ его окровавленный многоконечный бичъ. Но христіанству суждено восторжествовать надъ варварствомъ. Римляне, подъ предводительствомъ Аэція, начинаютъ одерживать верхъ. О двухъ остальныхъ фрескахъ: «Крестовые Походы» и «Реформація», которые, рядомъ съ «Битвою Гунновъ», будутъ украшать сѣверную стѣну залы, ничего сказать не могу—они закрыты лѣсами—но постараюсь передать общее впечатлѣніе, произведенное на меня тѣми, которые я видѣлъ. Я не боюсь, если сужденіе мое о такомъ важномъ предметѣ отдѣлится слишкомъ рѣзко отъ общаго. Я пишу не приговоры, а передаю собственныя впечатлѣнія, которыя стараюсь уяснить и оправдать передъ самимъ собою. Смотря на геркулесовскіе подвиги одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ художниковъ, я допытывался у самого себя простаго безпристрастнаго слова, непосредственнаго чувства и — увы! — пришелъ къ убѣжденію, что въ дѣлѣ чистаго искусства, въ дѣлѣ вкуса современный голосъ не правъ, и въ Германіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Холодъ, дидактика и безвкусіе, то есть искусственность — вотъ отличительные признаки нашего искусства и чувства. Восхищаться зимою дорогимъ букетомъ потому только, что онъ дорогъ, не значитъ понимать и любить природу. Нашъ вѣкъ не любитъ ничего простаго: ему все подавай съ перцемъ. Викторъ Гюго, въ предисловіи къ «Notre Dame de Paris», говоритъ: книгопечатаніе убило архитектуру. Можно прибавить: трезвая реформація коснулась таинственнаго покрова Изиды, а цинизмъ послѣднихъ двухъ вѣковъ сорвалъ его, и напрасно современное искусство силится прикрыть ликъ богини. Толпа видѣла его. Тайна нарушена. Пиѳія говоритъ уже не по внушенію бога, а подъ вліяніемъ искусственнаго раздраженія и по отрывочнымъ воспоминаніямъ. Повторяю: я не боюсь показаться страннымъ, пожалуй, дикимъ, но опасаюсь только, чтобы слова мои не были не поняты или превратно истолкованы.

Первымъ моимъ впечатлѣніемъ, при входѣ въ музей, было чувство признательности и благоговѣнія къ величію замысла и исполненія. Съ тѣмъ же чувствомъ смотрѣлъ я на картины Каульбаха и убѣжденъ, что его раздѣляетъ со мной каждый зритель, для котораго искусство не пустая забава, а лучшій даръ, какимъ благословенна жизнь. Сколько знанія, труда, изученія потратилъ Каульбахъ на свои фрески! Какая обдуманность въ цѣломъ, какая изящная правда въ подробностяхъ! Огромныя картины большею частію отдѣланы мелкими штрихами, какъ гравюры. Какой трудъ! Каульбахъ сдѣлалъ все, что могъ, при огромныхъ средствахъ своего таланта и учености. Главный недостатокъ его произведенiй принадлежитъ не ему, а вѣку. Этотъ недостатокъ—символичность, дидактизмъ. Не говоря о театральности нѣкоторыхъ фигуръ, напримѣръ, первосвященника въ «Разрушенiи Iерусалима», не могу не сказать, что картины Каульбаха не видѣнiя художника, перенесенныя на стѣну, а диссертацiя на степень доктора философiи, написанная кистью. Уже самые сюжеты картинъ говорятъ вамъ, что здѣсь вся исторiя человѣчества отъ столпотворенiя до реформацiи. Это живописная философiя исторiи. Всѣ фрески вмѣстѣ — символъ, каждая картина отдѣльно — символъ, каждая группа — символъ, каждое лицо—символъ, и каждая подробность—опять-таки символъ, переходящiй иногда въ неясность. Такъ, напримѣръ, передъ «Битвою Гунновъ» между зрителями возникъ споръ. Одни утверждаютъ, что у Атиллы въ рукахъ факелъ, другiе говорили— бичъ. И точно, многочисленные, развѣвающiеся концы ярко-краснаго бича легко въ нѣкоторомъ разстоянiи принять за пылающiй факелъ. Положите, если хотите, бичъ, на какое угодно время, въ сосудъ, наполненный кровью, онъ все таки не приметъ того ярко-краснаго цвѣта, который художникъ придалъ ему на картинѣ. Но вѣдь Атилла—бичъ Божiй! Говоря символическимъ языкомъ, художникъ хотѣлъ сказать: Атилла шелъ съ кровавымъ бичемъ, и вотъ, жертвуя истиною, онъ представилъ его съ бичемъ, похожимъ на факелъ.

Я останавливаюсь на этой подробности, только вполнѣ убѣжденный, что дидактизмъ и преднамѣренность сильно вредятъ свободному творчеству.

Собранiе древностей Египетскаго Музея очень богато и уступаетъ въ этомъ отношенiи только лондонскому, ватиканскому и лейденскому. Въ 1827 году покойный король Фридрихъ-Вильгельмъ III основалъ Египетскiй Музей, скупивъ замѣчательныя частныя собранiя; а экспедицiя 1843 года значительно его обогатила. Впечатлѣнiе зрителя полно и глубоко. Куда ни обратитесь, на что ни взгляните, передъ вами не казарма, загроможденная всякой всячиной, а музей, въ которомъ архитектура, скульптура, живопись и мозаическое искусство употребили всѣ усилiя указать каждой вещи приличное мѣсто и перенесть зрителя въ эпоху, безмолвные представители которой его окружаютъ. Первая зала выстроена въ видѣ преддверiя египетскаго храма — atrium. На карнизѣ iероглифическая надпись слѣдующаго содержанiя: «Королевскiй орелъ солнца; мститель Пруссіи, король—сынъ солнца—Фридрихъ-Вильгельмъ IV—Филопатеръ—Эвергетъ—Эвхаристъ—Любимецъ смерти и сна—побѣдоносный властитель Рейна и Вислы—сынъ Германіи, повелѣлъ поставить въ этомъ зданіи колоссы, статуи и картины, столпы и надгробные памятники и много всякаго добра, привезеннаго изъ Египта и Эѳіопіи.» Сходнаго содержанія надпись и на лѣвой сторонѣ. Іероглифы, окруженные кольцами и находящіеся надъ большими надписями, изображаютъ попеременно имена: Фридрихъ-Вильгельмъ, Елисавета. На египетскихъ надписяхъ имена царей отдѣлялись кольцами отъ прочихъ іероглифовъ. Остальные іероглифы, подражанія египетскимъ оригиналамъ, сняты съ колоннъ Карнакскаго храма. Стѣны залы покрыты ланшафтами, изображающими египетскія мѣстности и зданія. Тутъ вы видите пирамиду Хеопса, дендерскій храмъ Хаторы (египетской Афродиты), двойную статую Мемнона (чрезвычайно эффектно восходящее солнце, дискъ котораго заслоненъ головою статуи, находящейся на второмъ планѣ), мемфисскія пирамиды, Карнакскій храмъ и пр. Всѣ ландшафты работы извѣстныхъ художниковъ. Обстановленные такимъ образомъ колоссальные памятники египетской древности еще сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе. Вы точно, черенесенные волшебной силой, ходите по древнему Египту. Прежде всего бросаются въ глаза два сфинкса барана: лѣвый—оригиналъ, правый—подражаніе. Двойные ряды подобныхъ сфинксовъ, обращенныхъ другъ къ другу головами, вели ко входамъ ѳивскихъ храмовъ и дворцовъ. Овенъ съ дискомъ солнца на головѣ—эмблема *Амонъ-Ра*, египетскаго Зевеса. Между колѣнъ сфинксовъ, передъ грудью, изображеніе Озириса (на языкѣ іероглифовъ—Аменописъ, у грековъ—Мемнонъ). Посреди atrium'а, между сфинксами, жертвенникъ. Въ глубинѣ, противу входа, два колосса изъ порфира, изображающіе: одинъ Рамзеса II (Сезостриса), другой — Сезуртазена I, сидящими на престолахъ, на которыхъ написаны имена этихъ царей. Съ правой и съ лѣвой сторонъ—рядъ надгробныхъ камней. Такіе камни помѣщались у египтянъ внутри гробницъ и изсѣкались изъ гранита, известняка или песчаника. Надписи, которыми они покрыты, говорятъ о жертвоприношеніяхъ усопшаго Озирису, первообразу человѣка, судіи въ мірѣ тѣней, сопровождаемому сестрами: *Изидой* и *Нефти*, или сыномъ *Горусомъ*. Нерѣдко жертвоприношенія и гимны относятся къ богу *Пре-Атму*, въ образѣ человѣка, съ головою копчика и дискомъ солнца (символу вечерняго солнца, съ которымъ соединялась мысль о разлукѣ съ землей). На нѣкоторыхъ изображеніяхъ олицетворена апоѳеоза самого умершаго. Онъ сидитъ съ усопшей родственницей на креслахъ, и родные приносятъ ему жертву, какъ Озирису.

Бо́льшая часть камней изъ мемфисскаго некрополя, только немногіе — изъ ѳивскихъ катакомбъ, потому что въ Верхнемъ Египтѣ преобладалъ обычай класть въ гробницы папирусы, а въ нижнемъ клали исписанные камни.

Изъ atrium'а выходишь въ залу, построенную въ формѣ египетской колоннады. Во второмъ ея отдѣленіи—гигантская статуя царя Горуса II, сына Аменописа III (Мемнона). На стѣнахъ—изображенія ежедневныхъ занятій: полевыхъ, домашнихъ и т. п. Здѣсь же, внизу картинъ, въ рамкахъ за стекломъ—рядъ развернутыхъ папирусовъ. Ихъ очень много. Если бы не знать, что это исписанная плева растенія, можно принять эти листы за тафту, покрытую печатными знаками. Въ третьей, исторической залѣ, построенной въ видѣ Бени-гассанскихъ катакомбъ, находятся частію статуи боговъ, царей, первосвященниковъ и государственныхъ сановниковъ, частію другіе историческіе памятники: жертвенники, надписи, произведенія искусствъ и т. д. Стѣны покрыты историческими изображеніями. Все это чрезвычайно интересно и драгоцѣнно для спеціалиста; но мимо стеклянныхъ ящиковъ самый равнодушный посѣтитель не пройдетъ безъ особеннаго изумленія и раздумья. Здѣсь уже не снимки, не камни дошли до насъ, а вещи самыя преходящія, уже по существу своему обреченныя тлѣнію — и, между тѣмъ, онѣ нетлѣнны. Передъ вами длинный рядъ священныхъ животныхъ: ибисовъ, копчиковъ, кошекъ, ихневмоновъ, рыбъ, лягушекъ и пр. Я замѣтилъ женскую косу, какъ будто только что вышедшую изъ рукъ парикмахера. Вотъ обувь изъ древесной коры, напоминающая намъ русскій лапоть. И какъ все это сохранилось! Перья и шерсть не только вполнѣ сохранились, но даже мало измѣнили природный цвѣтъ. Тутъ не нужно толкователей. Вы съ перваго раза узнаете знакомое животное. То же можно сказать и о плодахъ: гранатахъ, финикахъ, сикоморахъ и проч.

Какой странный, своеобычный народъ были древніе египтяне! Вотъ египетскій анекдотъ, котораго, не имѣя, къ сожалѣнію, справокъ подъ руками, не могу передать съ обозначеніемъ именъ. Египтянинъ, страстно любившій древне-греческаго оратора, завѣщалъ положить сочиненія его въ собственное брюхо при погребеніи. Волю завѣщателя, изображенную на гробѣ іероглифами, прочли недавно и, вскрывъ брюхо муміи, нашли греческій свертокъ. Теперь въ Лейпцигѣ появилось изданіе рѣчей греческаго оратора, жившаго за много лѣтъ до Демосѳена и сочиненія котораго, безъ египетской причуды, никакъ бы до насъ не дошли. Я говорилъ уже о полнотѣ и силѣ впечатлѣнія, производимаго на зрителя Египетскимъ Музеемъ. Это мистическій міръ иносказаній. Тутъ все символъ: религія, законъ, обычай и искусство. Съ этой точки зрѣнія произведенія египетскаго искусства не лишены своей прелести. Вдумайтесь въ аттрибуты того или другаго божества, и вы убѣдитесь, какъ тонко они избраны. Но не такой красоты ищетъ сердце наше въ современномъ искусствѣ. Что ни говорите, а сухопарый, синій или коричневый человѣкъ съ птичьей головой — уродъ. Символизмъ — или наивность дѣтства, или безсиліе дряхлости. Ребенку простительно играть неодушевленными предметами, придавая имъ качества, которыхъ они не имѣютъ; но что сказать про взрослаго, котораго застаешь въ залѣ, сидящимъ на опрокинутомъ столѣ и погоняющимъ скамейки, несмотря на невозможность убѣдить себя, будто скамейки — лошади, а опрокинутый столъ — сани? Между тѣмъ, новѣйшее искусство такъ и порывается играть всѣми возможными деревяшками....

Нѣтъ! нѣтъ! пойдемте скорѣе во второй этажъ: тамъ древняя Греція. Тамъ сухой жезлъ символа прозябъ и распустился живыми, неувядающими цвѣтами миѳа. Тамъ нѣтъ сентенцій. Тамъ одинъ законъ, одно убѣжденіе, одно слово — *красота*.

Въ первой залѣ, такъ называемой греческой, стѣны расписаны профессорами Ширмеромъ, Бирманомъ, Шмидтомъ и другими. Куда ни обратитесь, навстрѣчу вамъ улыбается древняя Эллада: «Роща Зевеса Ликейскаго»; «Ликейскія могилы» (въ Малой Азіи); «Крѣпость Сиракузы и храмъ Минервы»; «Видъ Эгины съ храмомъ Зевеса Пангелленія»; «Внутренній видъ Акрополя, со статуей Минервы»; «Внутренній видъ храма Юпитера Олимпійскаго, со знаменитой статуей бога», и проч. Рисунки истинно прекрасны. Во всей залѣ нѣтъ скамьи, которая не была бы сдѣлана по античному оригиналу. Между статуями прежде всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе слѣпокъ съ «Борьбы вокругъ тѣла Патрокла». Эта группа извѣстна подъ именемъ *Эгинетовъ*. Она въ 1811 году отъискана подъ развалинами Эгинскаго храма, куплена наслѣдникомъ баварскаго престола и возстановлена Торвальдсеномъ. Оригиналъ теперь въ Мюнхенѣ. Вся группа расположена такъ, что по срединѣ находятся стоящія фигуры, съ боковъ въ согнутомъ, а въ двухъ нижнихъ углахъ въ лежачемъ положеніи. Минерва, въ полномъ вооруженіи, съ эгидой на груди, держитъ въ лѣвой рукѣ щитъ, а въ правой — копье. Съ правой стороны греки стараются спасти умирающаго Патрокла, котораго Аяксъ прикрываетъ щитомъ; съ лѣвой — нагнувшійся троянецъ хочетъ перетащить Патрокла на свою сторону. Но довольно. Не буду описывать, ни даже именовать всѣхъ Минервъ, Вакховъ, Аполлоновъ, находящихся въ этой и послѣдующихъ залахъ. Во первыхъ, недостаточно о нихъ читать: ихъ надо видѣть; а во вторыхъ, мнѣ, быть можетъ, придется еще увидѣться съ оригиналами снимковъ, помѣщенныхъ въ Новомъ Музеѣ. Скажу два слова о впечатлѣніи. Случалось ли вамъ въ концѣ зимы, хворому, просидѣть въ душной комнатѣ? Вы обжились въ спертой атмосферѣ, васъ окурили уксусомъ, задушили лекарствами, и вамъ казалось подъ конецъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другаго воздуха. И вотъ, въ исходѣ мая, вамъ позволено въ первый разъ выйти въ расцвѣтающій садъ. Что вы чувствовали, вдыхая весенній воздухъ? То же чувство испытываетъ современный человѣкъ, одаренный хотя малѣйшей способностію понимать красоту, вступая въ среду произведеній греческаго искусства.

Посмотрите на эти группы, на эти отдѣльныя лица! Какое движеніе и сила и, въ то же время, какое спокойствіе! Ни одинъ боецъ не осклабился, ни одно лицо, напримѣръ, у сражающихся эгинетовъ, не искажено усиліемъ. Это, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрно законамъ природы, зато вѣрно законамъ красоты. Ни одно изваяніе не забываетъ, что оно мраморъ, каждый страстный образъ помнитъ, что онъ прежде всего идеалъ.

— Мы съ вами этакъ опоздаемъ къ обѣду, замѣтилъ мой товарищъ.

Я взглянулъ на часы: половина четвертаго.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора.

«Мы вышли — я мчался на борзомъ конѣ», т. е. въ извощичьей коляскѣ, и долго еще бѣлоснѣжные боги и герои стояли у меня передъ глазами. 6 часовъ вечера. Въ театръ итти не стóитъ: лѣтомъ лучшіе артисты не играютъ. У меня и безъ того осталось незавидное воспоминаніе о нѣмецкой сценѣ. Теперь, быть можетъ, дѣло поправится. Но куда дѣвать вечеръ въ городѣ, гдѣ никого не знаешь? А къ Кролю? Быть въ Берлинѣ—и не видать Кроля! Развѣ это возможно? Мой любезный соотечественникъ не отказался взглянуть и на эти диковинки. Мы снова сѣли въ коляску и поѣхали за заставу, въ паркъ. Паркъ, хотя въ большомъ размѣрѣ, напоминаетъ наши острова... ну, хоть Каменный. Тѣ же расчищенныя дорожки и шоссе, тѣ же сосны и ели, подъ которыми такъ вычищено и выметено, что самое пламенное воображеніе не можетъ признать лѣса въ этомъ раутѣ вышколенныхъ деревьевъ. Скорѣе можно повѣрить искренней веселости этихъ разряженныхъ господъ, попадающихся навстрѣчу.

Извощикъ остановился у воротъ огромнаго зданія. Въ кассѣ мы заплатили по полтиннику и получили право наслаждаться всѣми диковинами. Домъ, или, пожалуй, дворецъ, въ который мы входимъ, былъ, какъ говорятъ, выстроенъ антрепренёромъ Кролемъ, котораго заведеніе перешло по наслѣдству къ дочери. Теперь у обанкрутившихся Кролей его купила компанія на акціяхъ, и не будетъ удивительно, если она раззорится въ свою очередь. Несмотря на тысячи посѣтителей, по полтинникамъ немного наберешь; а чего стоитъ поддержка такого зданія. Вездѣ бронза, зеркала, драпри. Множество залъ. Главная и огромна и богата.... не скажу: изящна. Золото, малахитъ и опять золото,—всюду золото. По стѣнамъ великолѣпно отдѣланныя ложи, по паркету разставлены стулья, и въ углубленіи одной изъ продольныхъ стѣнъ — сцена.

Мы какъ разъ попали на представленіе. Боже мой! опять то же самое. Можно помириться съ тѣмъ, что у актрисы нѣтъ ни малѣйшаго таланта: это бы еще не бѣда; но зачѣмъ она такъ безобразно причесалась, зачѣмъ такъ адски кривляется и приподымается на цыпочки, находя, вѣроятно, что въ мірѣ нѣтъ ничего граціознѣе ея? Самая пьеса усыпительна до раздражительности. При маломъ пріемѣ опіума, человѣкъ засыпаетъ, при большомъ — приходитъ въ неистовство. Мы не дослушали и вышли въ садъ. Сколько экзотическихъ цвѣтовъ по клумбамъ и вазамъ! А! да это мои подозрительные штеттинскіе тюльпаны и белладонны. Такъ и есть: они изъ жести, и изъ каждаго цвѣтка брызжетъ фонтанчикъ. Цвѣты сдѣланы прекрасно, даже вблизи можно ихъ принять за настоящіе; но какъ вамъ нравится самая мысль заставить изъ каждаго цвѣтка днемъ бить фонтанчикъ, а вечеромъ — струю горящаго газа? Не желая быть опрометчивымъ въ сужденіи, я задалъ себѣ вопросъ: отчего не заставить бить фонтаны изъ сапоговъ? Если добиваться одной новизны, то этого, кажется, тоже еще не было. Садъ обнесенъ высокою стѣною, и не заплатившій за входъ не можетъ наслаждаться безплатно. Подъ навѣсомъ липовыхъ аллей разставлены столы для охотниковъ поѣсть и попить на открытомъ воздухѣ. Мы спросили шипучаго лимонаду — и тутъ не посчастливилось: подали какого-то кисловатаго меду съ инбиремъ. Между гуляющими много гвардейскихъ офицеровъ. Въ сторонѣ устроенъ тиръ изъ пружиннаго карабина, стрѣляющаго стальною шпилькою съ шелковой или волосяной кисточкой, сообщающей вѣрность полету. Конечно, это игрушка; но я любовался ловкости, съ которой два офицера выстрѣлили на пари по пятьнадцати разъ, и изъ тридцати выстрѣловъ гипсовая цѣль была разбита двадцать-восемь разъ.

— Какъ бы я желалъ видѣть ученье прусской кавалеріи! сказалъ я своему спутнику.

— Дѣло, кажется, нетрудное: обратитесь къ любому кавалерійскому офицеру—онъ вамъ скажетъ, когда и гдѣ можете видѣть ихъ ученье.

Я такъ и сдѣлалъ. Молодой кирасирскій штабъ-офицеръ, къ которому я обратился, сказалъ мнѣ, что если я завтра выѣду за Галльскую заставу (Hallische-Thor), то увижу гвардейскихъ кирасиръ.

— Но, прибавилъ онъ: — теперь только домашнія, эскадронныя ученья.

— Они-то меня болѣе всего интересуютъ.

— Въ такомъ случаѣ выѣзжайте между восемью и девятью часами утра. Вы гдѣ остановитесь?

Я назвалъ гостинницу.

— Въ пятидесяти шагахъ отъ васъ берейторскій манежъ. Тамъ можете получить лошадь.

Я поклонился и ушелъ. Зазвонили ко второму акту комедіи. Публика отправилась досматривать пьесу; а намъ, кажется, смотрѣть болѣе нечего.

— Не пора ли домой?

Это восклицаніе услыхали русскіе, пріѣхавшіе съ нами на пароходѣ.

— Какъ это можно, съ этихъ поръ домой! Мы прочли въ афишѣ, что сегодня публичный балъ Гофъ-Егеръ: такъ мы туда. Не хотите ли?

— Пожалуй!

Опять коляска покатилась по аллеямъ совершенно стемнѣвшаго парка. Ѣхали, ѣхали; наконецъ и Гофъ-Егеръ на лицо. Ну, это другое дѣло. Садъ пустъ и теменъ. Большая полинявшая зала тоже скудно освѣщена. На стѣнѣ, противу входа, поблекшій театральный занавѣсъ.

— Что, и тутъ театръ?

— Нѣтъ, это прежде игрывали, а теперь давно уже не играютъ.

— Да гдѣ же публика, дамы?

— Еще будутъ, а, можетъ быть, и не будутъ.

Стеклянный корридоръ, въ которомъ накрыты столы для ужина, не менѣе мрачнаго вида.

Въ залѣ, у дверей, стоитъ какой-то господинъ лѣтъ подъ сорокъ, великолѣпно расчесанный, въ бѣломъ галстухѣ и такихъ же лайковыхъ перчаткахъ. Правая нога отставлена небрежно, и у него вообще предпріимчивая осанка. Музыканты, взобравшись на авансцену, усѣлись стѣною къ занавѣсу и заиграли польку. Изъ сада вошли три дамы и сѣли на диванъ. Предпріимчивый господинъ подошелъ къ одной изъ нихъ, сдѣлалъ съ нею кругъ польки, раскланялся, и подошелъ къ другой, проплясалъ съ этою и подошелъ къ третьей. Вошли три-четыре человѣка мужчинъ и еще двѣ-три дамы.

Предпріимчивый опять за свое. Наша молодежь уже завязала съ дамами разговоръ. Подошелъ и я.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ въ бѣломъ галстухѣ?

— Танцъ-директоръ.

— Что жь онъ одинъ все танцуетъ, точно по найму?

— Какже, онъ за это жалованье получаетъ.

— А, а! Однако, пора домой; нето завтра проспишь ученье.

Поутру въ восьмомъ часу я уже напился кофею, а въ восемь мнѣ привели лошадь. На взглядъ еще туда-сюда.

— А каково она ходитъ? спросилъ я у рейткнехта.

— Да она участвовала въ кадрили! былъ отвѣтъ.

Когда и гдѣ, я не распрашивалъ. Ѣхать пришлось по мостовой, версты полторы или двѣ. Оказалось, что лошадь моя если и участвовала въ кадрили, то должно быть очень давно. Но дѣлать нечего—и на томъ спасибо. Вдали за заставой показались два эскадрона гвардейскихъ кирасиръ и эскадронъ драгунъ. Они учились порозпь на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Не желая опоздать, я пустился рысью къ ближайшему кирасирскому эскадрону, и первый, встрѣтившійся мнѣ офицеръ, былъ майоръ, который наканунѣ такъ любезно пригласилъ меня. Не находясь во фронтѣ, онъ могъ снова отвѣчать на мои распросы. На этотъ разъ полковой командиръ самъ училъ эскадронъ.

— Что получаетъ у васъ кавалерійская лошадь? спросилъ я майора.

— Три кружки (3 Mützen) овса, пять фунтовъ сѣна и пять фунтовъ соломы въ день.

Майоръ уже спросилъ мою фамилію и сказалъ, что не разъ бывалъ въ Петербургѣ. Поэтому я спросилъ, какъ велика кружка, въ сравненіи съ нашимъ гарнцемъ.

— Гораздо меньше.

— Такъ ваши лошади получаютъ корму вдвое меньше противъ нашихъ?

— Да.

— Зато подъемнымъ отпускается особая дача?

— Нѣтъ, и подъемныя должны продовольствоваться изъ того же количества.

— У насъ этому не повѣрятъ. Однако, ваша лошадь въ прекрасномъ тѣлѣ.

— Да; но она и корму получаетъ вдвое противъ казенныхъ.

— Славная лошадь! Что здѣсь стоитъ такой конь?

— На ваши деньги слишкомъ двѣ тысячи рублей серебромъ.

— Лошадь прекрасная, но, по нашимъ цѣнамъ, дорого.

— Здѣсь дешевле не купить. У меня семь верховыхъ, а мало такихъ, которыя обошлись бы дешевле.

— А какъ у васъ производство?

— Туго.

— Но, судя по вашимъ лѣтамъ и чину, этого предполагать нельзя.

— Да; но я обошелъ многихъ товарищей.

Въ это время скомандовали: «къ церемоніальному маршу, въ карьеръ». Майоръ долженъ былъ ѣхать на флангѣ, и я за нимъ.

Какъ ни жаль мнѣ было принуждать своего почтеннаго кадрилиста, но дѣлать было нечего: ему пришлось проскакать порядочный конецъ по рыхлому полю.

Съ фланга мнѣ все было видно. Ученье кончилось, и эскадронъ пошелъ въ казарму. Драгуны тоже потянулись съ плаца. Ихъ мундиры напоминаютъ нашихъ жандармовъ.

— Не хотите ли ближе взглянуть на драгунъ? У нихъ хорошій сортъ лошадей, сказалъ майоръ, обращаясь ко мнѣ.

Надо было проститься.

— Позвольте, сказалъ я: — и мнѣ, въ свою очередь, узнать, кого я долженъ благодарить за обязательное вниманіе?

— Принцъ Мекленбургскій.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, меня не удивляетъ число верховыхъ лошадей, которое едва ли найдется у другаго офицера.

Его высочество слегка улыбнулся. Я откланялся и поѣхалъ въ гостинницу. На этотъ разъ мой вороной, почуявъ манежъ и конюшню, не требовалъ особаго понужденія. Пора въ Дрезденъ. Славная вещь — сѣть желѣзныхъ дорогъ! Куда ни задумай — близко. Лѣтъ черезъ пять, Богъ дастъ, и у насъ изъ Петербурга будетъ въ Одессу ближе, чѣмъ изъ Пскова въ Новгородъ или изъ Воронежа въ Тамбовъ. Чѣмъ долѣе смотришь на панораму, бѣгущую за стекломъ вагона, тѣмъ болѣе удивляешься благоустройству Пруссіи. Въ глазахъ рябитъ отъ маленькихъ городовъ, мелькающихъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Вспомните, тутъ все живутъ люди, изъ которыхъ немногіе обрабатываютъ землю, а всѣ ѣдятъ хлѣбъ, — и, между тѣмъ, посмотрите, какая неблагодарная почва. Хлѣба плохи, особливо рожь. Да на чемъ ей и рости-то? Песокъ, глина, хрящь. Самое количество и величина засѣянныхъ полей ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что глазъ привыкъ видѣть въ Средней и Южной Россіи, гдѣ, куда ни взглянешь, море волнующихся посѣвовъ, и такъ и хочется затянуть кольцовскую:

«Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ,
Ты не пой, косарь, про широку степь....»

Здѣсь даже смотрѣть жалко. Земля обработана, какъ огородъ, а рожь ростетъ, какъ падалица. Какимъ же образомъ все огромное народонаселеніе продовольствуется произведеніями этой скудной почвы? — мало того: Пруссія ежегодно отпускаетъ въ

Англію значительное количество хлѣба; всѣ одѣты прилично, по состоянію. Встрѣтишь извощика или поселянина—лошадь, возъ, сбруя, — все въ порядкѣ; босыхъ почти нѣтъ, и ни одного нищаго. Мѣстами старые сосновые и еловые лѣса напоминаютъ наши сѣверныя губерніи; а глядя на обширныя полосы молодаго сѣяннаго лѣса, я невольно спрашивалъ сидящихъ въ вагонѣ пруссаковъ: много ли дичи по кустарникамъ, которые, повидимому, лучшій пріютъ для тетеревей и куропатокъ?

— Мало.

— А зайцевъ много?

— Есть, но тоже мало.

Не выглядывай вдали изъ-за тополей эти бѣлыя строенія съ остроконечными кровлями, подумалъ бы, что подъѣзжаешь съ сѣвера Россіи къ среднимъ губерніямъ. Справа и слѣва бѣлыя полосы цвѣтущей гречихи, какъ разостланныя полотна, упираясь въ самую дорогу, напоминаютъ родину. Мѣстность ровная, и сходство тѣмъ поразительнѣй, что и здѣсь гречиха сѣется по бо́льшей части клоками. Время отъ времени поѣздъ прогремитъ по мостику, перекинутому черезъ небольшой ручей, который, сверкнувъ двумя-тремя излучинами, прячется за прибрежный тростникъ и быстро убѣгаетъ изъ квадрата окна. Однако, несмотря на внѣшнее сходство мѣстности, климатъ беретъ свое. Сѣно почти свезли, рожь поспѣла и въ иныхъ мѣстахъ скошена. По мѣрѣ приближенія къ Саксоніи пшеница становится желтѣе и желтѣе, а сегодня только 28 іюня (10 іюля). Курьерскіе поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ идутъ, какъ нашъ пассажирскій, тридцать-пять верстъ въ часъ; но обыкновенный—не болѣе двадцати-осьми. Это тѣмъ болѣе непріятно, что, желая наверстать потерянное время, на станціяхъ останавливаются на самый короткій срокъ: полторы, двѣ, три минуты. Если хотите закусить, то, сообразивъ заранѣе, сколько порцій намѣрены взять, приготовьте деньги, разсчитывая за каждую по два съ половиною гроша (семь съ половиною копеекъ). Всѣ порціи приготовлены въ эту цѣну, все равно, чего ни спросите: тартинку, рюмку ликера, чашку кофе, стаканъ лимонада, тарелку вишень или земляники,—все равно—два съ половиною гроша. Зато на станціяхъ, гдѣ сходятся рельсы различныхъ дорогъ, и пассажировъ пересаживаютъ изъ однѣхъ каретъ въ другія, поѣзды, во избѣжаніе столкновеній, должны дожидаться одинъ другаго. Такъ, на станціи Риза, въ Саксоніи, пришлось намъ сидѣть почти три-четверти часа. Чѣмъ болѣе поѣздъ углубляется въ Саксонію, тѣмъ цвѣтущѣе становится природа и пышнѣе созрѣвшая жатва. Вотъ наконецъ вправо и влѣво горы, покрытыя виноградникомъ, окружающія Дрезденъ. Богатыя деревни, тянущіяся по сосѣднимъ долинамъ, можно, пожалуй, принять за города. Вино изъ мѣстнаго винограда плохо; но здѣсь многія фабрики выдѣлываютъ шампанское, которое, будто бы, трудно отличить отъ французскаго. Я его не пилъ—не знаю, а можетъ быть и пилъ—и тоже не знаю. Поѣздъ остановился — мы въ Дрезденѣ.

— Въ какую гостинницу прикажете? спросилъ извощикъ, захлопывая дверцы коляски.

Я хотѣлъ было отвѣчать: «въ какую хочешь, только порядочную», но, вспомня, что мнѣ рекомендовали Hôtel de Berlin, спросилъ:

— Далеко ли это?

— Да по другую сторону Эльбы, отъ моста недалеко.

— Ступай.

Городомъ пришлось проѣхать довольно долго. Хотя собственно Дрезденомъ восхищаться нечего, какъ это дѣлаютъ нѣмцы; но онъ все-таки одинъ изъ лучшихъ представителей старыхъ нѣмецкихъ городовъ. Дома очень высоки: у нѣкоторыхъ я насчиталъ до семи этажей. Поговорите-ка съ саксонцемъ: онъ вамъ докажетъ, что мостъ на Эльбѣ чудо искусства,— а мостъ не больше и не лучше московскаго Каменнаго, которымъ никто не думаетъ восхищаться. Въ гостинницу я пріѣхалъ, по здѣшнему, довольно поздно, то есть часу въ шестомъ пополудни. Театра сегодня нѣтъ, читать и на желѣзной дорогѣ надоѣло, смотрѣть замѣчательные предметы поздно.

— Вотъ, сказалъ дрезденскій житель: — если бы вы послушали нашу знаменитую пѣвицу г-жу Бюрде-Ней; но ея теперь нѣтъ въ городѣ. Прошлую зиму она производила фуроръ въ Лондонѣ.

— Она завтра поетъ въ моцартовомъ «Похищеніи изъ Сераля», замѣтилъ услужливый оберъ-кельнеръ.

Саксонецъ съ жаромъ опровергалъ справедливость такого показанія и ушелъ въ полномъ убѣжденіи, что Бюрде-Ней за тридевять земель услаждаетъ слушателей. Я велѣлъ на всякій случай принести афишу и билетъ на завтрашнее представленіе. У входа въ столовую, между сотнями объявленій, большими красными буквами напечатано: «Циклорама путешествія по Калифорніи, до золотыхъ пріисковъ», и вслѣдъ затѣмъ на огромномъ листѣ расписано, какіе профессора живописи трудились надъ картиной въ нѣсколько десятковъ саженей и кто да кто удостоилъ признать ее образцовой. Что жь! отчего не посмотрѣть на циклораму, особливо, когда ничего другаго сегодня видѣть нельзя, да и завтра будетъ трудно, по случаю воскресенья?

Мнѣ указали гостинницу, въ которой показываютъ циклораму. Вхожу. Въ залѣ такъ темно, что сначала рѣшительно нельзя различить окружающихъ предметовъ. Но мало по малу глазъ привыкаетъ. А! да тутъ есть и зрители! Передъ занавѣсомъ съ одной стороны столъ и стулъ, съ другой—ройяль. Стало быть, мы поѣдемъ по Калифорніи съ музыкой. Такъ и есть. Господинъ въ черномъ фракѣ заигралъ увертюру, и вслѣдъ затѣмъ изъ-за кулисъ вышелъ французъ и сѣлъ за столикъ. Увертюра кончена, французъ застучалъ палочкой, занавѣсъ поднялся. «Я буду имѣть честь, мм. гг., сопровождать васъ по пути къ золотымъ пріискамъ. Вы видите, караванъ скоро тронется въ дорогу, и конный индѣецъ, какъ это всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, готовъ въ проводники. Вмѣстѣ съ углубленіемъ нашимъ въ страну, всѣ предметы, встрѣчающіеся намъ на пути, примутъ ретроградное движеніе; по явленіе будетъ то же самое, какъ если бы почтенная публика, сидя въ вагонѣ желѣзной дороги, обгоняла тише движущійся караванъ. Теперь мы отправляемся.» Французъ отвѣсилъ поклонъ, стукнулъ палочкой, и мы поѣхали въ мнимомъ вагонѣ. Несмотря на великолѣпное объявленіе, не скажу, чтобы профессора, писавшіе циклораму, превзошли своимъ искусствомъ мои ожиданія, хотя иныя мѣста безконечной картины сдѣланы недурно,—напримѣръ, ночной пожаръ въ степи. Индѣйцы, хитрые на выдумки, особенно, гдѣ дѣло касается того, чтобы ограбить европейцевъ, поджигаютъ по вѣтру сухую траву противъ мѣста, на которомъ въ извѣстное время будетъ находиться караванъ. Вы видите, яркая стѣна пламени широко охватила ночной горизонтъ, и красные языки его, извиваясь, какъ исполинскія змѣи, все ближе и ближе подползаютъ къ несчастнымъ путникамъ. Въ караванѣ ужасъ и смятеніе. Индѣйцамъ только того и нужно: они ограбятъ путешественниковъ, а сами уйдутъ по знакомымъ лишь имъ однимъ ущельямъ, куда пламя не проникаетъ, не находя себѣ пищи на голыхъ уступахъ. Не знаю, до какой степени вѣрна природѣ циклорама; но эти безводныя степи, перевалы и овраги, поросшіе лѣскомъ, засѣвшимъ у небольшаго ручья или стремительной рѣчки, которую волы, запряженные въ фуры, должны переходить чуть не вплавь, напоминаютъ новороссійскую природу. Занавѣсъ уже два раза опускали, а конца все еще нѣтъ. Французъ за столикомъ и нѣмецъ за фортепьяно не щадили себя, стараясь другъ передъ другомъ овладѣть нашимъ воображеніемъ, одинъ—посредствомъ краснорѣчивыхъ объясненій предметовъ, другой—соотвѣтственной музыкой. Но—увы!—это попури какъ-то плохо дѣйствовало, вылетая изъ стараго, разстроеннаго ройяля. Нѣтъ, не доѣду до пріисковъ, а уйду въ свою гостинницу. По небольшому народонаселенію (не болѣе 90,000), Дрезденъ довольно оживленъ. Щегольскіе экипажи и извощичьи коляски то-и-дѣло снуютъ черезъ Новый рынокъ (Neumarkt). Гуляющимъ безпрестанно перерѣзаютъ дорогу подмастерья, перевозящіе на разнокалиберныхъ тачкахъ и тѣлѣжкахъ хозяйскіе матеріалы. Нельзя не задать себѣ вопроса: зачѣмъ и здѣсь, какъ въ Берлинѣ, припрягаютъ въ телѣжки собакъ? Тамъ, по крайней мѣрѣ, собаки огромнаго роста, обѣщающаго силу, а затѣмъ и помощь человѣку. Но какую помощь могутъ оказать эти собаченки? И какъ съ ними порой обходятся! Вотъ широкоплечій бѣлокурый парень захотѣлъ бросить телѣжку у тротуара и зайти въ полпивную. Несчастная собака не поняла его движенія и, собравшись съ силами, оттащила порожнюю телѣжку на два шага отъ порога. Парень зашелъ спереди и ударомъ каблука въ голову остановилъ ея рвеніе. Посмотрите, съ какимъ пристыженнымъ видомъ она облизывается. Ей, очевидно, не столько больно, сколько стыдно своей недогадливости. Бѣдняжка убѣждена, что въ цѣломъ мірѣ собаки ходятъ въ дышлѣ исправнѣе ея. Не знаю, справедлива ли пословица: «нѣмцы обезьяну выдумали», но не подлежитъ сомнѣнію, что они собаку если не съѣли, то, по крайней мѣрѣ, невѣроятно вышколили. Обратите вниманіе на маневры этой большой, мохнатой собаки, подгоняющей двухъ телокъ, которыхъ мясникъ ведетъ на веревкѣ. Телята, чуя недоброе, упираются и мычатъ. Безъ собаки нѣмецъ не довелъ бы ихъ куда слѣдуетъ; но она безостановочно маячится у самыхъ заднихъ ногъ упрямцевъ, замѣтя возрастающее сопротивленіе, лаетъ и толкаетъ носомъ непокорнаго. Такое самоотверженіе, конечно, не проходитъ даромъ. Телята, подвигаясь впередъ, лягаютъ безпрестанно и такъ ловко, что голова собаки звучитъ подъ ударами, какъ пустое лукошко. Руководясь однимъ инстинктомъ, собака отмстила бы за нестерпимую боль; но она понимаетъ, что нельзя кусать теленка, предназначеннаго на жаркое, и что всякое занятіе имѣетъ свои невыгодныя стороны.... Чудный вечеръ! Тепло и легко дышать. Городской шумъ мало по малу утихаетъ, извощики уѣзжаютъ на квартиры, и носильщики (портшезы) предлагаютъ свои услуги. Въ ночное и дождливое время портшезъ—обыкновенный экипажъ дрезденскихъ дамъ, возвращающихся съ бала, если нѣтъ собственнаго. Темнѣетъ, и газовые фонари вспыхиваютъ одинъ за другимъ. Пора спать. Съ вечера меня увѣряли, будто въ воскресенье нельзя ничего видѣть; но, не теряя надежды, я часовъ въ десять утра пошелъ попытать счастья. Картинная галлерея недавно перенесена изъ прежняго помѣщенія въ новое, собственно для нея возведенное зданіе, заложенное по плану Семпера въ 1847 году и находившееся съ 1849 года подъ вѣдѣніемъ Генеля и Крюгера. По этой причинѣ я долго не могъ добиться, гдѣ она. Наконецъ у входа швейцаръ объявилъ, что съ одиннадцати часовъ можно видѣть галлерею, а до тѣхъ поръ предлагалъ мнѣ осмотрѣть собраніе драгоцѣнностей, извѣстное подъ названіемъ «Зеленыхъ Сводовъ» (Grüne Gewölbe). Дѣлать нечего, отправляюсь въ дворъ королевскаго дворца и въ правомъ углу нахожу запертую дверь «Зеленыхъ Сводовъ». Но тутъ вотъ какое обстоятельство: надобно дожидаться вожатаго — толкователя и въ то же время надсмотрщика за посѣтителями, которыхъ число не можетъ превышать пяти. Обходъ залъ совершается обыкновенно въ часъ времени, за что проводнику платится два талера,—слѣдовательно, копѣекъ по тридцати пяти съ каждаго посѣтителя,—и, вы можете быть увѣрены, здѣшніе любопытные не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока выходъ предшествовавшихъ не совпадетъ съ установленнымъ наибольшимъ числомъ новыхъ. Если партія не условлена заранѣе, ждать приходится долго. Ничего—ждутъ. На этотъ разъ на скамьѣ у входа я засталъ француза съ женой.

— Скоро ли выйдутъ посѣтители? спросилъ я.

— Должно быть скоро: давно пошли.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте сейчасъ съ первымъ проводникомъ.

— Какже мы пойдемъ? Насъ всего трое—надо подождать еще двоихъ.

— А стòитъ ли смотрѣть «Зеленый Сводъ»?

— О! c'est bien beau! тутъ большое собраніе богатствъ.

— Положимъ; но подобныя собранія, если не представляютъ замѣчательныхъ памятниковъ искуства, мертвый капиталъ—не болѣе.

— Не говорите этого. Всякая достопримѣчательность—самый живой капиталъ не только для города, но и для всего края. Путешественникъ заранѣе говоритъ себѣ: «въ такомъ-то городѣ нужно видѣть то-то и то-то», а вслѣдствіе безпрестаннаго движенія городъ цвѣтетъ.

Французъ правъ. Безъ сомнѣнія, въ Дрезденѣ не было бы и одной-трети пріѣзжихъ, не будь въ немъ, напримѣръ, Картинной Галлереи.

Во время нашей болтовни желѣзная дверь отворилась и по лѣстницѣ сошли пять человѣкъ.

— Можно итти? спросилъ я проводника.

— Можно.

— Пойдемте, обратился я снова къ французамъ.

— Нѣтъ, мы обождемъ французскаго проводника.

Я поклонился и пошелъ одинъ. Не знаю, почему пять или шесть залъ со сводами названы «Зелеными»? Я ничего зеленаго невидалъ. Кругомъ по стѣнамъ стеклянные шкапы, наполненные разною средневѣковою утварью, золотыми, серебряными, бронзовыми и эмалевыми вещами. Если вещь незатѣйлива и изящна, будьте увѣрены, она принадлежитъ къ XV или XVI вѣку. Чѣмъ къ болѣе близкой эпохѣ она относится, тѣмъ менѣе въ ней характера и вкуса, несмотря на то, что на иныя произведенія позднѣйшаго времени употреблены годы невѣроятнаго труда. Замѣчательнѣе прочихъ древностей двѣ вазы, которыя считаются работой Бенвенуто Челлини, да комната коронныхъ драгоцѣнностей саксонскихъ монарховъ. Алмазныя цѣпи, серьги, вѣнцы, запонки, пуговицы, по величинѣ, чистой водѣ и ровному подбору камней, невольно останавливаютъ вниманіе зрителя. Я не ошибся, предполагая увидать много рѣдкаго по цѣнѣ, а не по художественному достоинству. Французы все еще сидятъ у входа. Я поклонился и побѣжалъ въ Картинную Галлерею. Обширное зданіе въ три этажа. Въ нижнемъ—снимки со скульптурныхъ произведеній, второй и третій заняты картинами. Большая и высокая ротонда, подъ стекляннымъ куполомъ, съ рафаэлевскими и нидерландскими коврами по стѣнамъ, раздѣляетъ галлерею на двѣ равныя части. Куда изъ нея ни сойдите по ступенькамъ, на восточную или на западную половину, передъ вами анфилада изъ трехъ громадныхъ залъ, съ тою разницею, что съ одной стороны васъ встрѣчаютъ произведенія испанцевъ, неаполитанцевъ, нидерландцевъ и нѣмцевъ, а съ другой—итальянскія школы. Кромѣ этихъ шести, а съ ротондою семи, главныхъ залъ, освѣщенныхъ сверху, въ каждомъ концѣ зданія по три залы, уступающія первымъ по величинѣ, — и затѣмъ, съ одной стороны фасада, длинный рядъ комнатъ, въ которыя свѣтъ падаетъ съ боку. Этихъ комнатъ счетомъ двадцать-одна, и всѣ онѣ служатъ какъ бы дополненіемъ школъ, представители которыхъ помѣщены въ главныхъ залахъ зданія. Въ третьемъ этажѣ рядъ такихъ же комнатъ, и все, можно сказать, переполнено картинами. Какъ ни ухитрялись достигнуть самаго выгоднаго освѣщенія и какъ саксонцы ни гордятся результатомъ своихъ усилій, говоря по справедливости, все-таки многія прелестнѣйшія картины первоклассныхъ мастеровъ отсвѣчиваютъ и блестятъ такъ, что даже досадно смотрѣть. Описывать Дрезденскую Галлерею не буду. Ее надо изучать, а изучивъ — мало написать нѣсколько томовъ. Я буду говорить о моемъ впечатлѣніи и о картинахъ, заставившихъ меня останавливаться не какъ художника или дилеттанта, а какъ простаго зрителя, какихъ здѣсь перебываютъ тысячи. Но, возвращаясь воспоминаніемъ къ видѣнному, чувствую, что не могу исполнить и этого. Какъ описать «Царство Флоры» (Пуссена), Quos ego, т. е. Нептуна, укрощающаго бурю (Рубенса), или его же «Императора Карла V», вѣнчаемаго побѣдой и попирающаго одной ногой силена, въ то время, какъ Венера и Амуръ плачутъ въ сторонѣ? Можно ли описывать нѣжное и сочное, какъ румяный плодъ, тѣло вандиковой «Данаи», къ которой Юпитеръ спускается на ложе золотымъ дождемъ, или рембрандтовъ «Пиръ Эсѳири у Агасвера», или его самого съ бокаломъ въ рукѣ и женою, сидящей у него на колѣняхъ; «Святую Магдалину» (famosissima Maddalena) Аллегри-Корреджіо (Antonio) или (его же) всему свѣту извѣстное «Поклоненіе Пастырей» (Корреджіева Ночь)? Все это такъ разнообразно по содержанію, по мысли и исполненію, что слова могутъ только затмить впечатлѣніе, производимое одними именами этихъ произведеній. Къ такимъ твореніямъ генія можно вполнѣ отнести стихъ Гюго:

«Hélas! je t'aime tant qu'à ton nom seul je pleure».

13251

Какая страшная сила, какая геніальная правда! Посмотрите на рембрандтовскаго «Ганимеда», уносимаго орломъ. Вамъ, можетъ быть, и въ голову бы не пришло искать въ картинѣ Рембрандта воспроизведенія извѣстнаго греческаго миѳа: такъ далеко художникъ отошелъ концепціей отъ образа, возникающаго передъ нами при мысли о похищеніи Ганимеда Но эту невѣрность миѳу онъ заставляетъ забыть изумительной вѣрностью природѣ и творческой правдѣ. Передъ вами не юноша, плѣнившій Юпитера, и котораго самому большому орлу едва ли поднять на небо, а трехъ-четырехлѣтній ребенокъ, висящій въ воздухѣ. Огромный и умный слуга Зевеса схватилъ игравшее дитя за спинку рубашки и мощно подымаетъ къ небу свою ношу. Между тѣмъ, страшные когти, которыми орелъ поддерживаетъ малютку, и глазъ хищной птицы нисколько васъ не успокоиваютъ. Быть можетъ, орелъ уноситъ мальчика на заоблачное гнѣздо въ пищу дѣтямъ, чему бывали примѣры. Ребенокъ очевидно только что лакомился. Пучекъ спѣлыхъ ягодъ замеръ у него въ правой рученкѣ. Всмотритесь въ его фигуру, въ кислое и въ то же время вопросительное выраженіе лица и замершія руки. Онъ уже плачетъ, но сейчасъ зареветъ. Бо́льшей правды ни одно искусство сказать не можетъ. Вы до малѣйшаго оттѣнка видите всѣ душевныя и тѣлесныя ощущенія мальчика. Рубашка, на которой онъ виситъ, рѣжетъ ему подъ мышками и связала руки. Онъ еще молодъ и не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается и гдѣ онъ. Но ему больно и страшно въ высотѣ, — страшно отъ присутствія хищной птицы, которая такъ нецеремонно съ нимъ обходится. Если на лицѣ его нѣтъ и тѣни отчаянія, требующаго сознанія, зато, вы видите, ребенокъ и капризничаетъ и страдаетъ, и удивленъ и запуганъ. Послѣднее чувство дотого преобладаетъ въ бѣдномъ малюткѣ, что заставляетъ его дѣлать то же самое, чѣмъ прославилась извѣстная корова Поля Поттера (въ нашемъ Эрмитажѣ). А вотъ одно изъ самыхъ капитальныхъ сокровищъ Дрезденской Галлереи: гольбейнова «Мадонна». Гансъ Гольбейнъ младшій, родившійся въ Аугсбургѣ, а по мнѣнію другихъ — въ Базелѣ, въ 1489, и умершій въ Лондонѣ въ 1554, написалъ эту картину для базельскаго бургомистра Іакова Мейера, представивъ его съ семействомъ подъ покровомъ Пресвятой Дѣвы. Это въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію; но справедливо ли преданіе, по которому на картинѣ Пречистая держитъ на рукахъ больное дитя Мейера, не рѣшено. Болѣе двухсотъ лѣтъ мастерское произведеніе, доставшееся наслѣдникамъ Мейера, переходило изъ рукъ въ руки, пока въ 1743 г. не было куплено въ Венеціи для Дрездена, извѣстнымъ графомъ Альгаротти, просвѣщеннымъ любимцемъ Августа Саксонскаго и Фридриха Великаго. Здѣсь религіозный и мѣстный характеръ выражается на картинѣ не только въ одеждахъ и какой-то эпической неподвижности, но и въ разъединеніи половъ. Какъ во храмѣ, по правую руку Божіей Матери—Іаковъ Мейеръ преклоняетъ колѣни съ двумя сыновьями, а по лѣвую, разно съ мужчинами, его жена Анна Шекенторлинъ съ матерью и дочерью. Такія затруднительныя условія геній художника умѣлъ превратить во всемогущія средства, которыми онъ передаетъ свою благоговѣйную душу. Изъ залы гольбейновой «Мадонны» выходишь съ душею, затихнувшей до дна; преисполняешься тѣмъ невозмутимо сладостнымъ чувствомъ, которымъ вѣетъ отъ мейерова семейства, преклоненнаго передъ Царицей Небесъ. Долго еще ходилъ я изъ залы въ залу, изъ комнаты въ комнату. Самыя разнообразнѣйшія впечатлѣнія смѣнялись одно другимъ, отъ усилія зрѣнія въ глазахъ стало горько, а напряженное вниманіе истощилось дотого, что я сталъ бродить полубезсознательно, какъ сомнамбулъ. Вдругъ внезапная мысль озарила меня, и, поднявъ голову, я обратился къ какому-то сѣдому старичку съ просьбой показать мнѣ залу Сикстинской Мадонны, —подъ вліяніемъ Мурильо, Рубенса, Корреджіо, Рембрандта, Гольбейна и другихъ, я совершенно забылъ о «Мадоннѣ» Рафаэля.

— Направо, угольная комната, первая дверь, отвѣчалъ старичокъ.

Помню, я перешагнулъ завѣтный порогъ безъ всякаго волненія. Въ угольной комнатѣ «Сикстинская Мадонна» помѣщена одна, такъ же, какъ и гольбейнова, на противоположномъ концѣ галлереи. Единственное окно прекрасно освѣщаетъ огромную картину, противъ которой стоятъ диванчики для зрителей, чего я не замѣтилъ въ залѣ «Мадонны» Гольбейна. Меня поразила необыкновенная тишина, царствовавшая въ комнатѣ, въ которой находилось до пятнадцати человѣкъ посѣтителей. Не подымая головы, я прошелъ до мѣста, откуда хорошо могъ видѣть картину. Поднявъ глаза, я уже ни на минуту не могъ оторвать ихъ отъ небеснаго видѣнія. Сколько каждый изъ насъ видѣлъ копій, гравюръ, литографій съ геніальнѣйшаго творенія Рафаэля! но всѣ онѣ не только не напоминаютъ, а, напротивъ, грубо искажаютъ безсмертное произведеніе. Этого человѣкъ не въ силахъ повторять. Какъ благословлялъ я въ душѣ короля саксонскаго за то, что онъ запретилъ снимать дагерротипы съ этой картины и только извѣстнѣйшимъ художникамъ лично разрѣшаетъ писать съ нея копіи. Картина удивительно сохранена и свѣжа. Въ настоящее время она за стекломъ, которое, однакожь, не мѣшаетъ наслажденію,—напротивъ, возвышаетъ его мыслію, что еще черезъ сотни лѣтъ она будетъ неизсякаемымъ источникомъ восторга. Прежде, какъ говорятъ, картина постоянно была обставлена мольбертами пачкуновъ, которые, искажая на своихъ холстахъ видѣніе Рафаэля, только мѣшали тихому созерцанію посѣтителей. О! какъ я радуюсь, что я не знатокъ живописи, не дилеттантъ: можетъ быть, впечатлѣніе мое не было бы такъ полно и сладко. Когда я смотрѣлъ на эти небесныя, воздушныя черты, мнѣ ни на мгновеніе не приходила мысль о живописи или искусствѣ; съ сердечнымъ трепетомъ, съ невозмутимымъ блаженствомъ я вѣровалъ, что Богъ сподобилъ меня быть соучастникомъ видѣнія Рафаэля. Я лицомъ къ лицу видѣлъ тайну, которой не постигалъ, не постигаю и, къ величайшему счастію, никогда не постигну. Пусть эта святая тайна вѣчно сіяетъ, если не передъ моими глазами, по крайней мѣрѣ, въ моемъ воспоминаніи... Въ растворенномъ окнѣ, подъ раздвинутыми зелеными занавѣсками, на облакѣ появилась Пречистая съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Съ правой Ея стороны, на колѣняхъ передъ Ней, св. Сикстъ, съ лѣвой—великомученица Варвара. Два младенца-ангела, опершись на подоконникъ, ищутъ глазами своихъ владыкъ. Развѣ это картина? развѣ это сочинено? Оторвите хотя на мигъ вашъ взоръ отъ Пречистой и взгляните на двухъ младенцевъ-ангеловъ: они не только чистые служители божества, но и блаженные его созерцатели. Вся воздушная фигура Мадонны, дыша, плавно паритъ къ вамъ навстрѣчу. Вы это видите собственными глазами. Въ глубинѣ небесной лазури мало по малу возникаютъ свѣтлые лики милліоновъ ангеловъ, окружающихъ Божество. Но, взглянувъ разъ на лики Пречистой и Божественнаго Младенца, вы не будете и не можете глядѣть ни на что. Такого яснаго, лучезарнаго чела, такихъ глазъ не можетъ быть у человѣка. Самая нѣжная, самая святая мать не можетъ такъ глядѣть на васъ. Спаситель на рукахъ Матери — совершенный младенецъ отъ одного до двухъ лѣтъ: въ этомъ убѣждаютъ Его ликъ и дѣтскіе члены; но никакой геній не можетъ сіять тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, какимъ свѣтится каждая его черта. Точно также свѣтятся чело и глаза Богоматери; но свѣтъ ихъ мягче, хотя не менѣе ощутителенъ для зрѣнія. Надъ божественными ликами никакого ореола, а, между тѣмъ, небесная красота ихъ свѣтится и проникаетъ своими дрожащими лучами до глубины души. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! это не картина. Я просидѣлъ передъ образомъ Мадонны di San Sisto два часа и понялъ, почему по улицамъ народъ толпою слѣдовалъ за Рафаэлемъ. Изъ Галлереи я вынесъ неподдѣльный восторгъ и счастье, котораго уже не утрачу въ жизни. Послѣ этого, разумѣется, мнѣ не хотѣлось смотрѣть на другія картины и было жаль смутить чѣмъ бы то ни было торжественное настроеніе души; но въ ротондѣ рафаэлевскихъ ковровъ какая-то барыня заставила меня невольно улыбнуться наивностію своего восклицанія. Она вела за руку мальчика лѣтъ шести и въ ту минуту, когда я проходилъ шагахъ въ двухъ мимо нея, громко сказала ему:

— Хорошенько смотри, сынъ мой: это тебѣ на всю жизнь.

Въ голосѣ слышалось выраженіе душевнаго убѣжденія матери, желающей пользы своему ребенку.

Возвращаясь въ гостинницу, я наткнулся, какъ нарочно, на смѣну саксонскаго караула. Въ Германіи вокругъ музыкантовъ всегда толпа. Въ отношеніи ловкости надобно отдать справедливость саксонскимъ солдатамъ, и въ особенности офицерамъ. Послѣдніе преимущественно изъ спеціальныхъ школъ, и у нихъ чрезвычайно порядочный видъ. Что касается до солдатъ, то, по одиночкѣ и какъ люди, они красивы и ловки, а въ массѣ—нѣтъ воинственной осанки. Впрочемъ, и не мудрено, если взять въ соображеніе краткость времени, проводимаго ими въ строю. Наравнѣ съ другими, музыканты пользуются правомъ кратковременной службы; но правительство лучшимъ изъ нихъ предлагаетъ хорошее жалованье, такъ что они находятъ разсчетъ добровольно оставаться при полку и нерѣдко сѣдыми усами и бакенбартами отбиваютъ отъ молодыхъ однополчанъ. У саксонской пѣхоты, какъ у нашей кавалеріи, инструменты всѣ безъ исключенія мѣдные; а какъ съ Саксоніи начинается полоса Германіи, гдѣ всякій простолюдинъ врожденный музыкантъ, то нельзя безъ удовольствія слушать ихъ полковой музыки: такъ стройно и мягко это у нихъ выходитъ. На афишѣ я прочелъ имя госпожи Бюрде-Ней; начало въ шесть часовъ. Пробило половина пятаго, когда я всталъ изъ-за стола и отъ нечего дѣлать пошелъ на террасу, возвышающуюся по лѣвому берегу Эльбы. Видъ съ террасы очень хорошъ. Вправо и влѣво по обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся горы. То, что синѣетъ вправо изъ-за ближайшихъ горъ, покрытыхъ виноградникомъ, Саксонская Швейцарія. Внизу у ногъ вашихъ течетъ Эльба. Не представляйте себѣ какой нибудь великолѣпной рѣки. Въ Дрезденѣ Эльба едва ли поспоритъ обиліемъ воды съ Москвой-рѣкою. Тѣ же плоскодонныя барки, только окрашенныя, по бо́льшей части охрой. Вотъ уже третья, медленно пробравшись подъ аркой каменнаго моста, еще медленнѣе подняла спущенную мачту и, расправивъ парусъ, тихо пошла въ слѣдъ другимъ, противъ теченія. Слава Богу, шесть часовъ, и я получу понятіе о Дрезденскомъ театрѣ, котораго зданіе, несмотря на странную архитектуру, снаружи довольно казисто. Съ террасы до театра недалеко. Зайдешь за соборъ — тутъ и есть. Зала, какъ оказалось, и мала, и плохо освѣщена, и еще хуже расписана. Оперу Моцарта «Похищеніе изъ Сераля» даютъ довольно рѣдко, хотя она очень хороша. Теноръ, похитититель прекрасной султанши, пѣлъ съ чувствомъ, но безъ голоса; высокія ноты онъ додѣлывалъ руками. Зато султанша, г-жа Бюрде-Ней, составляетъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность. У нея сильный и чистый голосъ, но невыносимыя гримасы при руладахъ и отсутствіе даже тѣни чувства. Ея единственная задача—доказать вамъ, что въ вашемъ горлѣ не помѣстятся вся эта дробь и крючковатые возгласы, и что если она этими пилюлями только что не подавилась, такъ единственную потому, что она Бюрде-Ней. Дополняя портретъ, вообразите пожилую, безобразную, растолстѣвшую, задыхающуюся отъ шнуровки женщину, одѣтую съ поразительнымъ безвкусіемъ. Не будь опера сочиненія Моцарта и представься малѣйшая возможность продраться къ выходу изъ нѣмецкаго партера, я ушелъ бы домой.

Часто слышишь у насъ жалобы на недостатокъ общественной жизни. Спорить противъ ея удобства и пользы напрасно; а тѣмъ не менѣе она приноситъ множество условій обременительныхъ, къ которымъ русскій человѣкъ не привыкъ. Поѣздъ желѣзной дороги, пароходъ, дилижансъ, table d'hôte не будутъ васъ дожидаться; надо самому позаботиться и всюду поспѣть и ничего не потерять. Послѣднюю задачу я разрѣшаю такъ дурно, что вездѣ что нибудь забуду: въ одномъ мѣстѣ платокъ, въ другомъ книгу, въ третьемъ сигары, и т. д. Желая попасть обыденкой въ Карлсбадъ, я принужденъ былъ встать въ четыре часа утра и отправиться на желѣзную дорогу въ пять. Изъ Дрездена до Хемница по желѣзной дорогѣ пять часовъ ѣзды, да изъ Хемница дилижансъ, отходя въ четыре часа послѣ обѣда, идетъ до Карлсбада часовъ семь. Слѣдовательно, въ двѣнадцать часовъ ночи я буду въ Карлсбадѣ, отдохну, и слѣдующій день у меня въ полномъ распоряженіи. Въ Хемницѣ съ нѣкоторыхъ поръ завелась такая фабричная дѣятельность и столько получается заказовъ изъ Пруссіи и другихъ частей Германіи, что онъ современемъ обѣщаетъ заслужить имя саксонскаго Манчестера. Теперь въ Германіи уже не то, что было прежде. Бывало, посмотрятъ вашъ паспортъ на границѣ Таможеннаго Союза, и вы во все время путешествія можете не доставать его изъ чемодана. Теперь другое дѣло: куда ни пріѣзжайте, въ какомъ трактирѣ ни остановитесь, второе слово, которымъ васъ встрѣтитъ хозяинъ: «пожалуйте паспортъ». Въ Хемницѣ со мной случилось то же самое.

— Сейчасъ, отвѣчалъ я, преспокойно раскрывая дорожную сумку.

Паспорта въ ней не оказалось. Я въ карманы — и тамъ нѣтъ. Выбрасываю до бездѣлицы всѣ вещи изъ чемодана — нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Гдѣ взять паспортъ? Писать ли въ Россію, или ѣхать назадъ въ Дрезденъ, просить консула о новомъ видѣ?

— Не забыли ли вы паспорта въ Дрезденѣ, въ гостинницѣ? отозвался нѣмецъ, замѣтившій, какъ мнѣ досадна моя неудача. — Съѣздите на желѣзную дорогу и спросите по телеграфу.

Я послушалъ добраго совѣта и, запросивъ въ дрезденской гостинницѣ о паспортѣ, возвратился къ обѣденному столу и велѣлъ съ досады подать бутылку montebello. Не успѣлъ я отпить и половины, какъ явился посланный съ телеграфической депешей и извѣстіемъ, что паспортъ мой пріѣдетъ съ вечернимъ поѣздомъ. Пришлось ночевать въ Хемницѣ; но, обрадованный возвратившимся паспортомъ, я не сталъ уже роптать въ этотъ вечеръ на скуку.

Въ шесть часовъ утра дилижансъ тронулся въ Карлсбадъ. За Хемницемъ начинаются первые уступы Рудныхъ горъ. Чѣмъ далѣе движется медленный дилижансъ, тѣмъ круче подымается шоссе и выше съ обѣихъ сторонъ отвѣсныя скалы, у подошвы которыхъ проѣзжаешь. Буковые лѣса замѣняются сосновыми съ сѣверными березами по опушкамъ; еще выше ельникъ и кустарникъ и наконецъ мшистыя растенія, окружающія тощій можжевельникъ. Зелень изъ сочной темно-зеленой постепенно переходитъ въ желто-бурый цвѣтъ, и окрестныя горы начинаютъ плавать въ голубомъ туманѣ. Русскій, даже сочувствующій красотамъ природы, едва ли съ чужихъ словъ угадаетъ и возсоздастъ впечатлѣнія, возбуждаемыя страной гористой: въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Крыма и Финляндіи, нѣтъ горъ. Не хочу этимъ сказать, чтобы картины нашихъ безбрежныхъ степей были лишены своей прелести. Въ природѣ нѣтъ ничего рѣзкаго. Кто ее любитъ, долженъ привыкнуть всматриваться въ ея стыдливую, застѣнчивую красоту. Напрасно станетъ просить неподдѣльнаго восторга у горной природы человѣкъ, равнодушно проѣзжающій вечеромъ по сѣрой степной дорогѣ, между назрѣвающей пшеницы или трехаршинной ржи, и которому не легче, не свободнѣй дышать, глядя на широкую темно-зеленую массу, по которой задорный перепелъ то побѣжитъ, раскачивая былинки, то вдругъ, превратясь въ осторожность и вниманіе, замретъ, вытянувъ любопытную головку. Вотъ почему меня такъ бѣсятъ неумѣстные восторги тупыхъ спутниковъ съ одной стороны, и вотъ почему я вполнѣ убѣжденъ съ другой, что русскіе художники современемъ растолкуютъ всему свѣту красоту роднаго ландшафта, точно такъ же, какъ голландцы растолковали особенную прелесть своего.

На австрійской таможнѣ слишкомъ долго насъ не задержали. Главный камень преткновенія—табакъ. Или запаситесь иностраннымъ табакомъ и заплатите огромную пошлину, или обреките себя на австрійскія сигары, которыхъ курить невозможно безъ головокруженія и дурноты. Со мною былъ небольшой запасъ: надолго ли хватитъ? Опять въ гору да въ гору.

Не успѣлъ дилижансъ перевалиться за саксонскую границу, нищіе, какъ по мановенію волшебнаго жезла, обступили его со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ посѣвы скуднѣй и зеленѣй, т. е. менѣе созрѣли. На иныхъ высотахъ пшеница только выколашивается, тогда какъ въ Саксоніи ее на дняхъ будутъ жать. Сѣно хорошаго качества изобильно, а рогатый скотъ тирольской породы крупенъ и красивъ. Самое названіе Рудныхъ горъ говоритъ о разработкѣ металловъ. Въ прежнее время пріиски были богаче; но до сихъ поръ добываютъ много серебра, болѣе же всего, и во многихъ мѣстахъ Богеміи, находятъ каменнаго угля. Вотъ причина, по которой всѣ горы покрыты лѣсами, несмотря на множество фабрикъ, находящихся въ странѣ и потребляющихъ огромное количество топлива. Въ полдень дилижансъ встащился на самую возвышенную точку Рудныхъ горъ — Зонненвирбель (Sonnenwirbel). Мы съ товарищемъ вышли изъ кареты и пошли пѣшкомъ. Панорама, открывающаяся влѣво съ дороги, вдоль широкаго ущелья между двухъ горныхъ отраслей, истинно великолѣпна. Горный туманъ, переходя въ отдаленіи изъ свѣтло-голубаго цвѣта въ волокнисто-молочный, сливается наконецъ съ небомъ и облаками; а группы лѣсовъ, массами врѣзывающіяся въ это дымчатое море, принимаютъ неуловимо причудливыя очертанія тучъ, такъ что не различишь, что такое передъ глазами: лѣса въ туманѣ или облака на небѣ? Слава Богу! дорога начинаетъ спускаться. Еще три-четверти часа, и мы будемъ въ Карлсбадѣ, къ которому такъ жадно стремятся больные со всего свѣта. Самый городъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣчки, между двумя горными хребтами, какъ въ котлѣ, предстаетъ глазамъ путешественника почти въ ту минуту, когда дилижансъ въѣзжаетъ на его мостовую.

Если не взглядывать вправо и влѣво, черезъ черепичныя крыши однообразныхъ трехъ и четырехэтажныхъ домовъ, на темно-и свѣтло-зеленыя стѣны почти отвѣсно подымающихся сосновыхъ, еловыхъ и буковыхъ лѣсовъ, испещренныхъ живописными глыбами сѣрыхъ скалъ, а смотрѣть только передъ собою, вдоль тѣсныхъ улицъ, первое впечатлѣніе не будетъ ни отрадно, ни поэтично. Нѣмецкій городокъ — и только. Всѣ дома, хотя и каменные, не болѣе, какъ гостинницы для пріѣзжающихъ, и въ цѣломъ Карлсбадѣ нѣтъ дома безъ вывѣски на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, обозначающей прозваніе или девизъ: Черный Медвѣдь, Золотой Слонъ, Золотой Щитъ, Единорогъ и т. д. Описать одинъ день карлсбадской жизни значитъ описать весь сезонъ, потому что жизнь на водахъ вставлена въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ выдвигать ее можно только въ ущербъ здоровью. Такъ, по крайней мѣрѣ, толкуютъ здѣшніе врачи, и больные строго исполняютъ предписанія.

Съ ранняго утра все на ногахъ. Въ пять часовъ у любаго источника можете убѣдиться, что есть сотни людей, болѣе васъ хлопочащихъ о возстановленіи утраченнаго здоровья. Рѣдко приходится безпрепятственно дойти до ключа: обыкновенно надо становиться въ концѣ длинной вереницы, faire queue, и, только подвигаясь шагъ за шагомъ, дождаться, въ свою очередь, слова: «прошу стакана», съ которымъ одна изъ дѣвочекъ, чернающихъ изъ источника, протянетъ къ вамъ руку. Процессъ довольно скучный, и неудивительно, что нѣкоторыя русскія дамы, англичанки, француженки и нѣмки посылаютъ со стаканомъ галунами расшитыхъ лакеевъ, а сами у выхода ожидаютъ кружку солоновато-теплой или горячей воды. Теплыхъ ключей въ Карлсбадѣ много, но главныхъ, при которыхъ выстроены галлереи, четыре: Шлоссъ-бруннъ, Ней-бруннъ, Мюль-бруннъ и наконецъ перлъ и гордость Карлсбада — Шпрудель. Впродолженіе пяти-недѣльнаго леченія больныхъ заставляютъ обыкновенно перепробовать всѣ температуры теплой воды, начиная со Шлоссъ-брунна, едва ли превышающаго теплотой парное молоко, до Шпруделя, доходящаго до шестидесяти градусовъ жару, который надо изловчиться пить, не обжигая рта. Въ первые дни вода ужасно противна; но потомъ привыкаешь. Утромъ, съ шести до семи часовъ, въ двухъ галлереяхъ у Нейбрунна и Шпруделя играютъ оркестры Лабицкаго, и, должно отдать полную справедливость, играютъ прекрасно. Послѣ восьми музыка умолкаетъ, толпы гуляющихъ рѣдѣютъ у источниковъ, цвѣточницы уносятъ не распроданные букеты, и рѣдко-рѣдко какой нибудь запоздавшій паціентъ, морщась, давится горячею водою. Всѣ теперь на Старой Долинѣ (Alte Wiese). Не воображайте, въ самомъ дѣлѣ, зеленой долины: Старая Долина—просто улица,

По лѣвую сторону рѣчки *Пепель*, извивающейся въ видѣ буквы Г между горъ и раздѣляющей Карлсбадъ, какъ я уже говорилъ, на двѣ части, съ одной стороны улицы—большіе каменные дома, набитые вверху жильцами, а внизу всевозможными магазинами, съ другой — густолиственные каштаны, подъ сѣнью которыхъ, во всю длину улицы, тянется одноэтажное зданіе, въ родѣ нашихъ гостиныхъ рядовъ, занимаемое исключительно магазинами. Тутъ найдете все, чѣмъ промышленность и мода умѣютъ увѣрить въ необходимости той или другой вещи, и, благодаря большому стеченію народа, дѣла промышленниковъ идутъ отлично. О числѣ посѣтителей можно судить потому уже, что въ Карлсбадѣ, гдѣ постоянныхъ жителей отъ четырехъ до пяти тысячъ, изъ которыхъ бо́льшая половина довольствуется ситнымъ хлѣбомъ, и гдѣ больнымъ не позволяется ѣсть въ день болѣе пяти-шести небольшихъ булокъ, этихъ булокъ ежедневно выпекается шестьдесятъ тысячъ. Въ девять часовъ утра все временное народонаселенiе Карлсбада, подъ каштанами Старой Долины, у небольшихъ столовъ, за кофеемъ. Только проходя наканунѣ весь день по горамъ и лѣсамъ да поднявшись снова спозаранокъ и не смѣя съ тѣхъ поръ, впродолженiе трехъ часовъ, почти присѣсть для отдыха, можно понять алчность, съ какою пацiентъ придвигаетъ къ себѣ чашку ароматнаго кофе. Любой больной скажетъ вамъ: «утреннiй кофе—самая отрадная эпоха карлсбадскихъ сутокъ». И въ шесть часовъ вечера большинство пьетъ кофе за тѣми же столами, подъ тѣми же каштанами, но это уже далеко не то. Если хотите исполнять въ точности врачебныя предписанiя, идите послѣ кофе гулять до обѣда, идите послѣ обѣда до вечерняго кофе, идите послѣ кофе. Правда, вслѣдствiе восхожденiй и нисхожденiй по горамъ и дѣйствiя водъ, ноги откажутся служить вамъ, но васъ будутъ увѣрять, что это отлично. Въ часъ пополудни, т. е. время table d'hot'овъ, публика превращается изъ сѣрыхъ невзрачныхъ коконъ въ блестящихъ мотыльковъ. Недаромъ дамы стеклись со всего свѣта, а у модистокъ и магазинщиковъ разложены и развѣшены всевозможные наряды. Какихъ-какихъ не встрѣтишь платьевъ, шляпокъ и мантилiй! А прически? Это цѣлыя поэмы или, по крайней мѣрѣ, прологи, увертюры, интродукцiи. Нарядная дама, выходя изъ дому, знаетъ заранѣе, что на нее будутъ безсознательно обращены тысячи мужскихъ и тысячи женскихъ глазъ, отъ которыхъ не ускользнетъ малѣйшiй бантикъ, незамѣтнѣйшiй поворотъ гребенки. Только и слышно:

— Серизовыя ленты?

— Нѣтъ, въ амазонской шляпкѣ.

— Англичанка.

— Соломенная гирлянда.

— Изъ Парижа.

— Вѣнская отдѣлка.

— Какъ мила!

Обѣдаютъ въ хорошую погоду тоже, бо̀льшею частiю, подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, служащимъ преддверiемъ гостинницъ.

Съ прiѣзда первые дни было холодно, и я обѣдалъ въ гостинницѣ. Гулять итти не хотѣлось, и, для моцiона, я велѣлъ поставить шары и началъ русскую партiю. Словоохотный нѣмецкій маркеръ болталъ безъ умолку. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Вы, должно быть, изъ Россіи?

— Да. А ты почему говоришь по русски?

— Помилуйте-съ, я русскій, пріѣхалъ съ господиномъ, баринъ изволили скончаться, и вотъ я пятьнадцатый годъ здѣсь.... жена, дѣти....

Космополитъ, растолкуйте, пожалуйста, отчего, при одинаковомъ образованіи, одинъ народъ веселъ и живетъ изо дня въ день насущными радостями, иногда самыми дѣтскими, другой носитъ печать невыносимой апатіи и скуки? Не угодно ли взглянуть на этихъ двухъ разряженныхъ вѣнокъ, что прошли мимо. Неужели кавалеръ ихъ превзошелъ всѣхъ мужчинъ въ Карлсбадѣ любезностію и остроуміемъ? У его дамъ, если не радость, по крайней мѣрѣ, веселье во всѣхъ чертахъ. А сколько поляковъ и полекъ! Пройдитесь по Старой Долинѣ, вамъ покажется, что вы въ Варшавѣ. Трескучія и шипящія согласныя, какъ фейерверки, летаютъ вокругъ васъ; но замѣтите ли вы хотя одно угрюмое лицо? Француженки высшаго круга умѣреннѣе въ выраженіи радости; но все видно, что онѣ довольны и не скучаютъ. Зато наши соотечественницы очевидно съ утра до ночи заняты разрѣшеніемъ міровыхъ вопросовъ. Глубокомысленная дума не сходитъ съ лица. Напрасно кавалеръ отпустилъ шутку — шутка не пошла въ прокъ. Въ отвѣтъ на нее губы раздвинулись на улыбку, которой вполнѣ противорѣчитъ выраженіе глазъ. Этотъ баринъ видимо погруженъ въ созерцаніе собственнаго достоинства и хочетъ удивить Карлсбадъ соломенной шляпой съ черными лентами да великолѣпной драпировкой пледа. Можетъ быть, онъ отчасти въ этомъ и успѣетъ; но ему адски скучно. Теперь посмотрите на лэди, сопровождаемую двумя миссъ. За ними бредетъ сѣдой старичокъ въ бѣломъ галстухѣ. Ему волей-неволей приходится развозить своихъ автоматовъ по свѣту. Имъ, всѣмъ четыремъ, нестерпимо скучно и, можно держать англійское пари, никогда не будетъ весело. Вотъ еще англичанка. Ей лѣтъ подъ пятьдесятъ, и она рѣшилась веселиться одна. Накутавъ на себя всевозможныхъ мантилій, она неподвижно усѣлась на спинѣ осла, котораго погонщикъ, ударами палки и визгливымъ понуканьемъ, заставляетъ подыматься въ гору. Ливрейный лакей, въ бѣлыхъ штиблетахъ, застегнутыхъ сверху широкимъ галуномъ, слѣдуя въ почтительномъ разстояніи, несетъ на рукѣ еще мантилью на всякій случай. Лицо его выражаетъ глубокое убѣжденіе въ важности подвига, совершаемаго въ настоящую минуту его госпожой, у которой кислое выраженіе лица превосходитъ всякое описаніе. Ей противны и горы, и оселъ, и погонщикъ, и каменистая дорога; но вѣдь за катанье на ослѣ въ горы платятъ деньги,—слѣдовательно, это удовольствіе, и, во что бы то ни стало, надо имъ воспользоваться съ четырехъ до семи часовъ пополудни. Можно ли человѣку добровольно такъ себя мучить!? Зато полновѣсный венгерецъ, съ отекшими лицомъ, затылкомъ и ногами, который сейчасъ провалилъ мимо, съ усиліемъ опираясь на камышевую трость, — не чета этимъ господамъ. Когда, поутру, у Шпруделя Лабицкій заигралъ попури изъ національныхъ венгерскихъ пѣсенъ, толстякъ не выдержалъ: сталъ пошатываться, притопывать ногами и чуть не махнулъ венгерку; а вѣдь старику подъ шестьдесятъ лѣтъ! Спрашивается, какой музыкой можно заставить хотя бы одиннадцатилѣтняго англичанина сдѣлать подобное неприличіе?

Окрестныя карлсбадскія возвышенности на большое разстояніе покрыты дорожками, взбирающимися зигзагами до горныхъ вершинъ, высота которыхъ доходитъ до 4,000 футовъ. Всякій проѣзжій платитъ за весь курсъ около пяти рублей серебромъ. На сумму, образующуюся изъ этихъ сборовъ, магистратъ поддерживаетъ общественныя зданія минеральныхъ водъ, нанимаетъ музыку и расчищаетъ дорожки на публичныхъ гуляньяхъ. Положимъ, сумма, ежегодно собираемая, значительна, однако, содержать въ примѣрномъ порядкѣ какихъ нибудь 50 верстъ лѣсныхъ дорожекъ — тоже не бездѣлица. Въ Германіи курятъ табакъ всѣ и всюду; но пойдите по какому угодно направленію въ горы, вы не замѣтите на усыпанной пескомъ дорожкѣ ни конца сигары, ни желтаго листка, ни сухой вѣточки. Говорятъ, все это метутъ рано поутру, когда никто еще не гуляетъ. Съ каждой вершины панорама окрестныхъ горъ плаваетъ въ голубомъ туманѣ; а въ ясную погоду можно даже различить хребетъ, убѣгающій въ Тироль. Растительность чудная. Очертанія и переливы оттѣнковъ зелени нагорныхъ лѣсовъ разнообразны, свѣжи и чрезвычайно мягки. Каждое выдавшееся дерево, каждая отдѣльная группа вѣтвей пышна и въ то же время просится въ общую гармонію. Недаромъ, говорятъ, итальянскіе ландшафтные живописцы ѣздятъ въ Германію писать деревья. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы во многихъ здѣшнихъ лѣсахъ показался червь, изсушающій цѣлыя дачи съ быстротой, не позволяющей даже своевременно срубать пораженныя деревья, стволы которыхъ дѣлаются затѣмъ ни къ чему не пригодными. Само собою разумѣется, мелкая промышленность загородныхъ кофейныхъ встрѣчаетъ васъ почти на каждомъ шагу. Такъ какъ больнымъ запрещается, во первыхъ, все горячительное, а во вторыхъ, всякое излишество въ пищѣ, то кушанье и напитки отпускаются полупорціями, а отношеніе количества кофе и сливокъ обозначается мѣстнымъ выраженіемъ. Спросите полпорціи *на лицо* (rechts), вамъ подадутъ большой фарфоровый кофейникъ и маленькій сливочникъ; спросите полпорціи *наизнанку* (verkehrt), получите то же самое въ обратномъ содержаніи. Въ Карлсбадѣ можно убѣдиться во врожденномъ стремленіи человѣка какимъ бы то ни было образомъ продлить свое *я* и увѣковѣчить его. Не одинъ Горацій вправѣ сказать:

«Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной!»

— всѣ отвѣсныя скалы, куда только могла достигнуть пишущая рука, всѣ стѣны и балюстрады бесѣдокъ испещрены именами лицъ всѣхъ націй и состояній. Въ самыхъ скалахъ вырѣзаны надписи или вставлены стихи на мраморныхъ и металлическихъ плитахъ. Сколько стиховъ итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, латинскихъ, венгерскихъ, русскихъ, — словомъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ! даже евреи не отстали отъ прочихъ и отъ правой руки къ лѣвой воспѣли Карлсбадъ. Разумѣется, общею темою этихъ каменныхъ альбомныхъ страницъ—кипящій Шпрудель, вырывающійся изъ нѣдра земли, бѣлымъ дымящимся фонтаномъ, у струй котораго страждущіе толпятся съ надеждою въ стѣсненной груди. Каковы самые стихи можете судить по русскому образцу непоименованнаго автора, въ пользу котораго уже говоритъ краткость:

«Когда-то славился Парнасъ
Струями чистой Иппокрены;
Въ нашъ вѣкъ водою гигіены
Карлсбадъ славнѣе во сто разъ.»

Изрѣдка, между тысячами широковѣщательныхъ афоризмовъ, memento и т. п., попадаются короткія, задумчивыя, милыя надписи. По Маріенбадской дорогѣ, близъ гостинницы *Зала Дружбы* (Freundschaftssaal), за мостикомъ, перекинутымъ черезъ Тепель, на скалѣ, подъ зеленой подвижною сѣнью наклонившихся вѣтвей, вырѣзано большими буквами вверху русское: *Авось*, а подъ нимъ — нѣмецкое: Wiedersehen! Въ этихъ двухъ словахъ весь русскій человѣкъ. Быть можетъ, душа истомилась, а шутитъ — молодецъ! Ближайшая, надъ самымъ городомъ нависшая гора *Оленій Прыжокъ* (Hirschsprung) весьма живописна, когда на нее смотрѣть изъ Карлсбада.

Сѣрыя скалы, подымаясь уступами другъ надъ другомъ вмѣстѣ, и скрываютъ корни высокихъ сосенъ и просвѣчиваютъ между ихъ вершинами. Преданіе указываетъ на скалу, съ которой, будто бы, олень, преслѣдуемый царской охотой, спрыгнулъ въ долину и, попавъ въ Шпрудель, первый открылъ цѣлебный источникъ. Въ честь легенды на этой скалѣ поставленъ бронзовый олень, которому до Шпруделя пришлось бы совершить полетъ почти въ полверсты: но преданія не заботятся о правдоподобіи. Долго не могъ я понять, отчего олень изъ Карлсбада бѣлъ, какъ снѣгъ, а подойдешь съ нагорной стороны — темная бронза. Наконецъ, рискуя сорваться со скалы и сломить шею, я полѣзъ вверхъ, и загадка объяснилась просто: его съ лѣвой стороны, обращенной къ городу, выкрасили бѣлой краской, чтобы на темной зелени ярче обозначался очеркъ статуи, тогда какъ съ правой бѣлый ея цвѣтъ совершенно бы сливался съ небомъ и облаками. На самой вершинѣ горы, на большой каменной плитѣ, нѣмецкая надпись:

«Посвящается Высочайшимъ Властителямъ могущественнаго Русскаго Императорскаго Дома, осчастливившимъ Карлсбадъ своимъ посѣщеніемъ.»

Въ заглавіи Высочайшихъ именъ изображено:

Петръ Великій 1710, 1711, 1712.

Проѣзжайте всю Россію, ступайте въ Архангельскъ, на Кавказъ, въ Ревель, въ Воронежъ, въ Новороссійскій край, въ Германію, Голландію, Францію, вездѣ за полтораста лѣтъ передъ вами прошелъ державный исполинъ и оставилъ богатырскій слѣдъ свой. Мысль, невольно поражающая всякаго русскаго при взглядѣ на карлсбадскій памятникъ, посвященный Россійскому Императорскому Дому, выражена стихами на особой голубой доскѣ, вправо отъ нѣмецкой:

«Великій Петръ! твой каждый слѣдъ
Для сердца русскаго есть памятникъ священный;
И здѣсь, средь гордыхъ скалъ, твой образъ незабвенный
Встаетъ въ лучахъ любви и славы и побѣдъ.
Намъ святы о тебѣ преданья вѣковыя,
Жизнь русская еще тобой озарена
И памяти твоей, Великій Петръ, вѣрна
Твоя великая Россія.

Кн. П. Вяземскій.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ памятника, надъ самымъ обрывомъ скалы, небольшая площадка, обнесенная перилами. Съ нея весь Карлсбадъ, какъ на ладони. Чтобы представить полную программу дня, приведу перечень карлсбадскихъ удовольствій. Плохой театръ, панорама Варны, Одессы, Севастополя и прочее, черный слонъ, ученѣйшій пудель, стяжавшій лавры во всѣхъ частяхъ свѣта, поющіе тирольцы, стрѣльба въ цѣль изъ машинныхъ штуцеровъ, два раза въ недѣлю концертъ Лабицкаго на Старой Долинѣ подъ каштанами и въ субботу балъ въ залѣ минеральныхъ водъ. Побывавъ только у слона да въ театрѣ, могу сказать одно: слонъ исполнялъ заученныя роли, какъ совершеннѣйшій актеръ, а актеры играли, какъ совершеннѣйшіе слоны. Въ девять часовъ вечера Карлсбадъ, вслѣдствіе докторскихъ наставленій, спитъ глубокимъ сномъ. Недѣли двѣ тому назадъ, воротясь въ шесть часовъ вечера съ прогулки, застаю у себя на столѣ пакетъ. Что такое? Телеграфическая депеша: «Я во Франценсбадѣ. Если можешь, пріѣзжай немедля, или я къ тебѣ пріѣду. Рѣшайся. Жду отвѣта у телеграфа. N. N.» Встрѣтиться съ человѣкомъ близкимъ и на родинѣ отрадно, а неожиданное свиданіе на чужбинѣ—счастье. Я стремглавъ побѣжалъ на гору къ телеграфу. Что писать? Если поѣду во Франценсбадъ, свиданіе наше, по причинѣ курса моего леченія, не можетъ быть продолжительно, и надолго ли N. N. во Франценсбадѣ — не знаю, а въ Карлсбадѣ мы могли бы провести хотя нѣсколько дней вмѣстѣ. Попрошу N. N. пріѣхать сюда. Но едва депеша ушла, мнѣ пришло на умъ простое соображеніе: Франценсбадъ такой же Бадъ, какъ и Карлсбадъ; слѣдовательно, уѣхавъ ко мнѣ, N. N. также точно можетъ не портить своего курса. Вслѣдствіе этого новой депешей прошу разрѣшенія вопроса о водолеченіи. Нѣтъ отвѣта.

— Вѣроятно, гуляетъ, замѣтилъ чиновникъ на телеграфѣ.

— А! гуляетъ! стало быть, навѣрное пьетъ воды. Пишите поскорѣй: дожидайся меня, я сейчасъ выѣду; завтра утромъ буду. Такъ, такъ, такъ, такъ.... Что?

— Не принимаютъ депеши.

— Почему?

— Да вѣрно поздно. Послѣ девяти часовъ нѣтъ службы.

Ужъ въ Германіи такъ: Wier haben keinen Nachtdienst, да и только, и ступай домой. Что жь теперь дѣлать? Чего добраго, я во Франценсбадъ, а N. N. въ Карлсбадъ. Подожду до утра: авось, получу отвѣтъ. На другой день, половина восьмаго — нѣтъ отвѣта, а въ восемь дилижансъ отходитъ. Ѣду!

Во Франценсбадъ, то есть за пятьдесятъ верстъ, почтовая карета дотащилась въ четыре часа пополудни. Небольшой городокъ напомнилъ бы, низменными, засѣянными полями, его окружающими, русскій уѣздный городъ, но широко разбѣжавшійся вѣнецъ горъ, синѣющихъ на горизонтѣ, ясно говоритъ, что вы все-таки не въ Россіи, а въ Богеміи. Бѣгу на квартиру N. N.

— Дома?

— Нѣтъ. Въ два часа уѣхали въ Карлсбадъ.

Экое горе! Пожалуй, не застанетъ меня въ Карлсбадѣ и проѣдетъ далѣе. Скорѣй на телеграфъ. «Жди въ Карлсбадѣ: я сейчасъ прискачу на курьерскихъ.» Въ коляску заложили пару большихъ лошадей, и почтарь, перекинувъ трубу черезъ плечо, съ мѣста тронулся крупной рысью. Нѣмецкій курьеръ не то, что въ Россіи носитъ это имя и что Гоголь прозвалъ «птицей-тройкой», а все-таки въ четыре часа я проѣхалъ тѣ же пятьдесятъ верстъ, которыя въ дилижансѣ протащился семь. На одной даже станціи молодой почтальонъ, разсвирѣпѣвъ, пустилъ лошадей въ галопъ и заставилъ прохожихъ, оборачиваясь, смотрѣть на насъ, какъ на воздушныя видѣнія въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ». Между Франценсбадомъ и Карлсбадомъ, по обѣимъ сторонамъ шоссе, на большое протяженіе зеленѣетъ какой-то молодой лѣсъ. Сначала я подумалъ: не виноградники ли? Подъѣзжаю — хмѣль, вьющійся по двухсаженнымъ тычинкамъ, поставленнымъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, такъ что далѣе пяти шаговъ глазъ не проникаетъ въ чащу этого эфемернаго лѣса. Надо видѣть, на какомъ сыпучемъ, сѣромъ пескѣ онъ растетъ; а денегъ за него наберутъ пропасть. Въ иныхъ мѣстахъ хозяинъ не удовольствовался одной жатвой и промежутки между хмѣлемъ засадилъ картофелемъ. Солнце стало садиться и наполнило долины между горами синимъ, розовымъ, золотымъ и фіолетовымъ туманомъ. Прелесть! Въ одномъ мѣстѣ старикъ-почтальонъ вдругъ остановилъ лошадей и, проворно соскочивъ съ козелъ, бросился къ задней оси коляски. Я обернулся посмотрѣть, что такое. Два босыхъ мальчика, какъ зайцы, уходили прочь, а почтальонъ снялъ съ задней ступеньки два чистые деревянные сосуда и поставилъ на шоссе.

— Ну, идите же, берите ваши кадки! кричалъ онъ мальчикамъ, держа бичъ на готовѣ.

Надо было видѣть, съ какими плаксивыми лицами охотники кататься подходили къ своему судьѣ и съ какой быстротой пустились снова въ бѣгство, унося сосуды. Началась травля. Старикъ-почтальонъ не зналъ, за которымъ бѣжать. Наконецъ одному изъ ловкихъ бѣглецовъ не посчастливилось: онъ упалъ на картофельной грядѣ, и въ два взмаха резолюція была подписана.... Въ четверть десятаго я былъ уже въ Карлсбадѣ и засталъ у себя N. N., а на столѣ — три утреннія телеграфическія депеши, отвѣты на вчерашніе вопросы. Отвѣты были переданы на телеграфъ еще съ вечера, но, какъ звуки мюнхгаузенскаго рожка, застывшіе на морозѣ, пролежали безгласно цѣлую ночь и уже безъ вѣдома хозяина оттаяли и зазвучали въ девять часовъ утра, когда я пустился въ дорогу. «Wier haben keinen Nachtdienst!»

На прошлой недѣлѣ его величество король прусскій, проѣздомъ изъ Маріенбада, посѣтилъ Карлсбадъ и обѣдалъ у его величества короля Оттона, постояннаго посѣтителя здѣшнихъ водъ. Національный костюмъ греческаго короля и его свиты очень живописенъ. Послѣ обѣда въ гостинницѣ, занимаемой его величествомъ Оттономъ, передъ которой вокругъ хора музыкантовъ собралось множество народа, ихъ величества отправились гулять на Старую Долину, гдѣ тоже были встрѣчены стеченіемъ публики и оркестромъ Лабицкаго, расположившагося на эстрадѣ, подъ каштанами. Въ шесть часовъ ихъ величества удостоили своимъ посѣщеніемъ здѣшній театръ; а въ восемь, съ наступленіемъ ночи, въ полугорѣ противъ Старой Долины, засверкалъ подъ короной вензель F. W. IV, а бесѣдка на Hirschsprung, посвященная Высочайшимъ Особамъ Россійскаго Императорскаго Дома, загорѣлась тройнымъ вѣнцомъ разноцвѣтныхъ огней. Вчера проводилъ N. N. Богъ дастъ, недѣли черезъ двѣ увидимся въ Парижѣ. А мнѣ еще дней десять придется просидѣть въ Карлсбадѣ. Погода прекрасная, окрестности живописны, жизнь дешева до невѣроятія; а, между тѣмъ, скучно, какъ той англичанкѣ, что веселится по заданнымъ урокамъ. Хотя бы заснуть на это время. Доктора и этого не позволяютъ. «Спать и ѣсть какъ можно менѣе, а ходить какъ можно болѣе.» Нечего сказать, славный афоризмъ! Если теперь, въ половинѣ лѣта, въ цвѣту, Карлсбадъ не можетъ похвастать особеннымъ весельемъ, каково тутъ зимой, когда всѣ дома и лавки пусты, а горныя дороги и улицы дотого засыпаетъ снѣгомъ, что дилижансы откапываютъ и таскаютъ народомъ. Не далѣе, какъ въ прошлую зиму, около многихъ домовъ, улицы на сажень заносило снѣгомъ.

Поневолѣ вспомнишь стихи Гейне:

Здѣсь, напротивъ, такъ пустынны
Горъ холодныхъ вышины,
И зимой мы совершенно
Будто въ снѣгъ погребены.

А. ФЕТЪ.

Волнуется море,
Свѣжи небеса,
И вѣтеръ попутный
Надулъ паруса.

Желанье, надежда
У всѣхъ на глазахъ:
Ну, братья, скорѣе
На всѣхъ парусахъ!

И вотъ въ отдаленьи
Полоска легла —
Твой берегъ желанный,
Родная земля!...

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

ИЗЪ КОРАНА.

Всесильный рекъ — и свѣтомъ дня
Все озарилось въ мигъ единый.
Онъ создалъ духовъ изъ огня,
Онъ создалъ смертнаго изъ глины;
Онъ звѣзды съ блѣдною луной
И солнце съ яркими лучами
Заставилъ въ тверди голубой
Ходить воздушными путями;
Онъ перлы бросилъ въ глубь пучинъ
И гадамъ дно ихъ далъ въ обитель;
Онъ двухъ востоковъ властелинъ
И двухъ закатовъ Онъ зиждитель.
Но все, что видишь ты, пройдетъ
И предъ лицомъ Его сотрется:
Земля, моря, небесный сводъ
И все, въ чемъ пламя жизни льется.
Одинъ останется лишь Онъ
Съ своею вѣчною державой,
Премудръ, всесиленъ, окруженъ
Своимъ могуществомъ и славой.
И въ день тотъ вспыхнетъ неба твердь
И въ свитокъ пламенный совьется
И треснетъ надвое, и смерть
Дождемъ къ вамъ огненнымъ польется.

И на невѣрномъ ляжетъ знакъ
Его лукавствъ и ухищреній,
И будетъ вверженъ онъ во мракъ
Иль въ пламень вѣчный для мученій.
Но правовѣрный въ этотъ день
Возьметъ отъ Господа въ награду
Двухъ вертоградовъ темныхъ сѣнь
И двухъ источниковъ прохладу;
И будутъ двухъ родовъ плоды
Висѣть на вѣтвяхъ тамъ зеленыхъ,
И течь струи живой воды
Изъ двухъ источниковъ студеныхъ;
И въ ночь чудесныхъ сновъ рои
Къ его слетятся изголовью,
И примутъ гуріи съ любовью
Его въ объятія свои.

Н. ГРЕКОВЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

XIII.

МАНДАРИНЪ.

Мандаринъ — чуть ли не съ бѣлымъ шарикомъ по сану, но самаго китайскаго закона — мандаринъ этотъ правилъ по китайскому обычаю, будто взялъ управленіе свое на откупъ. «Отъ превратности судебъ не уйдешь—говаривалъ онъ со вздохомъ—а потому надо сегодня подумать о завтрашнемъ днѣ....»

И помощникъ былъ у него, въ числѣ другихъ, прехорошій, держалъ порядокъ въ городѣ всегда приличный сану случайныхъ посѣтителей и первый являлся, подавая собою примѣръ, въ мундирѣ и полной формѣ, съ рапортомъ о благополучіи. Глядя въ это время на него, никто бы не могъ усомниться въ этомъ благополучіи: оно написано было у него на кругломъ, благообразномъ лицѣ. Расправа его, какъ и судъ и правда мандарина съ бѣлымъ шарикомъ, была всегда сообразна съ числомъ сахарныхъ головъ и другихъ хозяйственныхъ потребностей, подносимыхъ просителями, и самъ онъ, утѣшая совѣсть свою, говаривалъ въ тѣсномъ кружкѣ: «отъ благодарности не отказываюсь, видятъ Богъ, не отказываюсь, а вопіющаго за мною нѣтъ ничего, я не злодѣй.»

Вотъ и дошли какъ-то слухи, подальше и повыше, объ этомъ мандаринѣ и о помощникахъ его, — слухи не корыстные, отъ которыхъ иному не поздоровится. Я говорю: *иному*, потому что инаго и пила не беретъ, и топоръ не рубитъ; иной прогуливается вѣкъ свой подъ сводомъ законовъ, какъ у себя дома, и не зацѣпитъ ни за пень, ни за сукъ — все обойдетъ. Дошли, однакожь, слухи, и прислали опаснаго человѣка провѣдать: что-де тамъ такое дѣется и творится, почемъ міръ воздыхаетъ?

Но и наши не дремлютъ; на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей: почты за двѣ, за три кто-то перешепнулся съ ними о томъ, кого и зачѣмъ и когда ждать. Помощникъ, какъ гораздо пониже чиномъ и помоложе, сробѣлъ было немного; а старшій китайскій мандаринъ и усомъ не ведетъ.

— Какъ былъ я еще въ твоемъ чинѣ, сказалъ онъ ему:—такъ видывалъ всякихъ: иной съ перваго разу не даетъ и приступиться, копытомъ землю роетъ, полымемъ изъ ноздрей пышетъ, а ржетъ, что огнемъ палитъ. Походишь около него помаленьку, подашь ему голосъ, потреплешь да погладишь его — глядь, анъ сѣлъ и поѣхалъ!

Опасный пріѣхалъ. Молва, какъ я сказалъ, давно его опередила и разславила, что спуску не будетъ никому и ни въ чемъ. Зналъ уже и самъ онъ кой-что по наслышкѣ, и потому спокойный и беззаботный видъ мѣстнаго начальства его озадачилъ; всѣ рапорты о благополучіи обставлены были, по наружности, такимъ довольствомъ и покоемъ, что имъ нельзя было не вѣрить. Сталъ онъ доискиваться, подкапываться, да какъ-то кладъ не дается: вотъ только, кажется, нашелъ, анъ въ трехъ словахъ дадутъ такое законное объясненіе, что только пожмешь плечами да и отойдешь, а ину пору и извинишься, самъ на себя вину поклеплешь. Опять иное дѣло попадется, вотъ, кажется, хоть удавись, не вылѣзетъ, такъ обстоятельства оказываются затяжными: много еще нужно справокъ и слѣдствій, до облеченія всего этого въ законную форму, и конца дѣла намъ не видать, какъ ушей своихъ.

Рвется и бьется мой опасный — видитъ и слышитъ, что тутъ да тамъ у него сквозь пальцевъ проскочило, по усамъ текло, да въ ротъ не попало, и ужь не знаетъ, какъ ему быть, а съ пустыми руками воротиться не охота. Вотъ и слышитъ онъ, между прочимъ, отъ прикормлениковъ своихъ, что-де такой-то купчишко, катаясь въ милости начальства, какъ сыръ въ маслѣ, безстрашно посягаетъ на все: ему-де не только обвѣсъ и обмѣръ ни почемъ, а есть за нимъ дѣла еще и почище, что и сказать вслухъ страшно: онъ-то и переводитъ фальшивыя деньги и этимъ разбогатѣлъ скоро; да есть-де у него и товарищи въ этомъ дѣлѣ, одинъ коренной православный, другой крещеный жидъ. Эта шайка хозяйничаетъ безстрашно, и на нее нѣтъ суда; случалось раза два, что они попадались, такъ вывертываются, какъ съ гуся вода, и ничего имъ не сдѣлаешь.

Опасный мой, разузнавъ толкомъ дѣло, насторожилъ ловушку свою — и монетчики попались на сей разъ, какъ куръ во щи. «Ура! — подумалъ про себя ловецъ — насилу-то, насилу! Ну, хоть что другое не удалось, а ужь въ этомъ дѣлѣ не отвертятся: улика на лицо, вотъ она, вынута при понятыхъ, при свидѣтеляхъ — семь цѣлковиковъ, и все оловянные. Пусть же отдѣлываются, пусть укажутъ, откуда они у нихъ взялись!»

Начальство вполнѣ раздѣляло и рвеніе и самое негодованіе ловца насчетъ этой поимки: надо строжайше изслѣдовать и непремѣнно открыть, откуда фальшивыя деньги взялись.

Дѣло пошло своимъ чередомъ, и потворства не было никакого: цеховой пробирный мастеръ засвидѣтельствовалъ, что цѣлковые эти оловянные; понятые засвидѣтельствовали и подписали, что деньги найдены въ *выручкѣ* такой-то лавки; нашлось и еще двое старыхъ покупателей, которые также представили по оловянному цѣлковому, полученному въ сдачѣ изъ этой же лавки, и хотя нехорошо, что они не представили ихъ во́-время, но ловецъ брался ихъ выручить, лишь бы получить всѣ улики на мошенниковъ. Какія затѣи были у мѣстнаго начальства, у мандарина о бѣломъ шарикѣ и у помощника его — этого никто не зналъ; но они проводили преспокойные и превеселые вечера, какъ бывало въ прежнее мирное время, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что имъ бы нельзя не заботиться объ этомъ случаѣ, по разнымъ прежнимъ отношеніямъ своимъ къ этой тайнѣ. Сверхъ того, дѣло вовсе ни съ чѣмъ несообразное, ходятъ по городу слухи, будто и нынѣшнее-то дѣло уже улажено, между переводчиками фальшивыхъ денегъ и мандаринами, такъ что обѣ стороны довольны и обѣ спокойны. Это что-то мудрено!

Слѣдствіе приходитъ къ концу и ограничивается тѣмъ, что лавочникъ не знаетъ, отъ кого принялъ деньги, признанныя фальшивыми, утверждая, что ему знать и помнить это, при множествѣ покупателей, нельзя. Но, при всѣхъ уликахъ, это не отговорка. Опасный, на всякій случай, оградился всѣми предосторожностями и, между прочимъ, просверлилъ фальшивые цѣлковые и припечаталъ ихъ на снуркѣ къ листу бумаги, на которомъ содержится опись ихъ.

— Ваше превосходительство! прошепталъ подручникъ, прибѣжавъ, запыхавшись, къ мандарину о бѣломъ шарикѣ: — бѣда!

— А что такое?

— Да вотъ, извольте видѣть, слѣдствіе препровождено на законное постановленіе, а цѣлковые-то на снуркѣ и припечатаны!

Мандаринъ посмотрѣлъ опытнымъ глазомъ на цѣлковые, на печать, взглянулъ и на подручника своего, пошелъ, не говоря ни слова, въ кабинетъ свой, вынесъ оттуда девять цѣлковыхъ того же года и чекана, какъ припечатанные, и, подавая ихъ своему подручнику, сказалъ спокойно:

— Я, братъ, думалъ, что ты съ годами умнѣешь, а ты все тотъ же дуракъ: на, возьми, коли у тебя нѣтъ своихъ, просверли ихъ да и припечатай на мѣсто этихъ.

Подручникъ невольно ударилъ себя ладонью въ лобъ, но потомъ сказалъ:

— А печать?

— Да ты погляди, отвѣчалъ тотъ: — со страху небо съ овчину видится! Погляди, печать-то твоя....

И, въ самомъ дѣлѣ, цѣлковые припечатаны были, въ полномъ присутствіи слѣдователей, печатью полиціи.

Итакъ, цѣлковые были просверлены и припечатаны, а найденные у лавочника исчезли. Мандаринъ представилъ припечатанные цѣлковые куда слѣдовало, при такомъ донесеніи:

«Здѣсь-де найдены цѣлковые, признаваемые фальшивыми, и пробирный мастеръ удостовѣряетъ тоже; но до передачи дѣла въ судъ надо знать положительно, фальшивыя ли деньги эти; я что-то сомнѣваюсь, и потому представляю ихъ на разсмотрѣніе.»

А оттуда и шлютъ ихъ назадъ, приказывая сказать дурака пробирному мастеру и увѣдомляя, что цѣлковые эти не фальшивые, а настоящіе. Сообщая это все опасному ловцу, въ самой простодушной бумагѣ, мандаринъ нашъ прибавилъ только къ тому отъ себя:

«А какъ цѣлковые эти, по распоряженію вашему, были просверлены и, на основаніи постановленій, потеряли ходъ и цѣнность свою, то не угодно ли вамъ выслать то же число ихъ, для вознагражденія потерпѣвшихъ отъ сего убытокъ.»

XIV.

КРУГОВАЯ БЕСѢДА.

Кадниковъ городишко небольшой, а въ свое время жили тамъ весело. Въ то время, о которомъ я говорю, случилось тамъ молодыхъ и порядочныхъ людей, которые дружно вмѣстѣ сходились и потѣшались, человѣкъ шесть; всѣ они были стрѣльцы, охотники, любили просторъ, лѣсъ да чистое поле, не боялись подъ часъ и топкаго болота и удосуживались отъ занятій своихъ по цѣлымъ днямъ и даже по недѣлямъ, живали въ окружныхъ деревняхъ, забавлялись охотой.

Однажды, осенью, добрая шаечка эта собралась ѣхать верстъ за двадцать, гдѣ надѣялась порядкомъ поживиться, и отправилась съ вечера въ двухъ легонькихъ долгушахъ, забравъ съ собою лягавыхъ собакъ своихъ, ружья, запасъ пороху и дроби и непричудливую закуску, надѣясь отчасти на крестьянское молоко, яйцы и курицы. Но, подъѣхавъ къ перевозу, гдѣ по ту сторону рѣчки вплоть по берегу стояли гостепріимныя, знакомыя избы и тянулась улочка вверхъ по горѣ, путники наши встрѣчены были неожиданною и непріятною вѣстію, что въ прошлую ночь бурей сорвало паромъ и согнало далеко внизъ по рѣкѣ, гдѣ его насилу перехватили. Теперь все было въ растройствѣ, и прежде утра не могло быть никакой переправы. Подумавъ немного, охотники наши рѣшились расположиться на берегу и ждать разсвѣта.

Поставивъ съ двухъ сторонъ долгуши свои, таборъ устроился по срединѣ между нами; разостлали ковры и войлоки, развели огонь, поставили походный таганъ и принялись стряпать ужинъ. Возникъ было споръ, варить ли кашицу, или крошить лапшу; но старый охотникъ, который не могъ уснуть порядкомъ не поѣвъ пельменей, помирилъ всѣхъ, объявивъ, что сырыя, готовыя пельмени припасены въ достаточномъ количествѣ, и что онъ самъ берется положить ихъ счетомъ, по два десяточка на брата, въ кипяточекъ.

— Въ пельменяхъ, прибавилъ онъ: — душа какъ въ перинахъ лежитъ — сущая благодать!

Итакъ, усѣлись и улеглись вокругъ огня, кто съ трубкой, кто съ новомодной цигаркой, которая въ то время не такъ давно еще дошла до Кадниковъ и не успѣла вытѣснить собою окончательно благородный чубукъ, а кто и такъ, прищуривая на теплѣ глаза и открывая, отъ избытка роскоши, то одинъ бокъ, то другой. Кто-то вздумалъ потребовать круговаго разсказа, потому что еще было рано и спать никому не хотѣлось, и первый чередъ палъ, по общему приговору, на стараго охотника, который взялся готовить пельмени.

— Да что жь я вамъ буду разсказывать? спросилъ онъ: — этакъ, врасплохъ, когда еще и голова не набита пельменями, ничего не придумаешь. Вотъ развѣ, когда они попадутъ уже въ брюхо — это иное дѣло; а натощахъ ничего не вспомнишь.

«Ну», сказали прочіе, «разскажите что нибудь изъ похожденій вашихъ на охотѣ: ихъ, чай, у васъ было не мало — есть о чемъ поговорить!»

— На охотѣ, отвѣчалъ тотъ: — да на охотѣ ничего такого особеннаго со мною, сколько припомню, не случалось. Что жь, напримѣръ, если я вамъ скажу, что поймалъ разъ живаго дупеля, который, взлетѣвъ, попалъ головкой въ самый зонтикъ морковника, такъ что двѣ вѣтки захлеснулись вокругъ шеи, и бѣднякъ попался, какъ въ силокъ; если разскажу, что одинъ крестьянинъ при мнѣ положилъ на одинъ зарядъ цѣлый мѣшокъ савчиковъ, такъ что не сталъ и стрѣлять больше и насилу донесъ ихъ домой, а мы дали ему на мѣстѣ пять зарядовъ пороху, за то только, чтобы онъ, изъ любопытства, дозволилъ ихъ пересчитать, и насчитали сто-двадцать-три; если я скажу вамъ, что, убивъ дупеля въ летъ, вдругъ увидѣлъ, что передо мною въ зеленой травкѣ еще кто-то перевернулся вверхъ бѣлымъ брюшкомъ, и что я, стало быть, убилъ тѣмъ же зарядомъ еще другаго долгоносаго, который сидѣлъ тутъ притаясь подъ кочкой, такъ что его никто и не видалъ; если когда разскажу, какъ мы однажды волка загнали въ колодезь, гдѣ онъ плавалъ часа три, покуда мы наконецъ не управились съ нимъ, накинувъ ему петлю изъ возжей на шею, а затѣмъ вытащили, связали, сострунили и привезли домой живьемъ; или какъ волкъ, затравленный, убитый и привѣшенный, покуда мы закусывали, за заднія ноги на дерево, очнулся, досталъ передними лапами до земли, вытянулся на нихъ сколько могъ впередъ и поймалъ зубами одного изъ завтракавшихъ за воротникъ: все это старо и васъ не утѣшитъ, а, между тѣмъ, по пословицѣ: «хоть ѣшь не ѣшь, а за обѣдъ почтутъ, хоть наслушались, хоть нѣтъ, а за разсказъ почтите». Я свое сдѣлалъ, начинай другой!

Всѣ разсмѣялись; но спорить было нельзя, и слѣдующій, хотя онъ, по внезапности перехода на него очереди, и не успѣлъ приготовиться, разсказалъ народное бѣлорусское преданіе о Иванѣ и Аннѣ.

Въ то время, когда поляки вынуждали всѣхъ жителей тѣхъ краевъ принимать унію и когда православнымъ житья не было отъ бернардиновъ, базиліановъ, доминикановъ и другихъ заклятыхъ враговъ своихъ, жилъ молодой, ловкій и умный крестьянинъ, православный, о которомъ только осталось въ памяти народной, что его звали Иваномъ. Во всѣхъ дѣлахъ противъ притѣснителей, поляковъ, дѣло безъ Ивана не обходилось: онъ говорилъ, увѣщевалъ своихъ, давалъ раду, т. е. совѣтъ, и сильно и смѣло нападалъ на поляковъ, которые боялись и ненавидѣли его, но никакъ не могли съ нимъ справиться. Вотъ они и стали пріискивать средства, какъ бы погубить его, коли не силою, такъ хитростію: они узнали, что у Ивана была невѣста, прекрасная дѣвушка, умная, красавица, но чванная щеголиха, которая любила казать себя людямъ, охорашиваясь передъ ними и завлекая молодцовъ себѣ въ поклонники, — словомъ, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, была она немного легка и тщеславна; а, между тѣмъ, Иванъ любилъ ее безъ ума. Зная сильный, необузданный и страстный нравъ его, можно было предугадать навѣрняка, что измѣна Анны должна бы была его погубить. И вотъ на какое дѣло пошли ксендзы: они отъискали и подпустили къ ней такого молодца, на котораго крѣпко надѣялись; снабжая его деньгами и щегольскою одеждой, они дали ему средство угождать Аннѣ, обманывать ее и увѣрить, что онъ богачъ, что у отца или дяди его въ Польшѣ есть богатыя *майонтки* — помѣстья; былъ ли, не былъ ли онъ шляхтичемъ, но назвался имъ, и тщеславная Анна охотно ему вѣрила, особенно, когда онъ постоянно сталъ за нею ухаживать и, не обращая вниманія на прочихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, явно и гласно предпочиталъ ее даже лучшимъ шляхтянкамъ... У бѣдной Ганнуси вскружилась голова. Сперва она, правда, не могла и не хотѣла забыть своего щираго Иванька, дозволяла себѣ только *жартовать* — шутить, играть — съ богатымъ молодымъ шляхтичемъ; но когда онъ сказалъ ей прямо, что знать не хочетъ ни одной шляхтянки, а любитъ ее одну и ее только хочетъ за себя взять, то у нея вскружилась голова.... Опомнясь и боясь Ивана, она уговорилась бѣжать съ новымъ поклонникомъ своимъ въ Польшу. Все было втихомолку слажено и подготовлено, ксендзы дали названному шляхтичу денегъ и бричку, и чета наша ночью пустилась въ путь.

Но несчастный Иванъ не дремалъ: онъ молча зналъ и видѣлъ все, что дѣлалось, не зная только, вѣрить ли глазамъ и ушамъ своимъ, доколѣ не убѣдился, по неволѣ, въ измѣнѣ своей Анны. Она и суженый ея оба такъ были заняты собою, что позабыли объ Иванѣ и думать; а онъ слѣдилъ и наблюдалъ за ними, между тѣмъ, какъ ксендзы, со спокойнымъ и злобнымъ духомъ, смотрѣли со стороны на все, что дѣлалось. Имъ было все равно, они не щадили никого, лишь бы погубить Ивана, который мѣшалъ и противился лукавымъ намѣреніямъ ихъ и удерживалъ народъ отъ перехода въ латинство. Иванъ подстерегъ чету, далъ имъ уѣхать, но догналъ ихъ на самой грани литовской и закололь изъ своихъ рукъ обоихъ. Сдѣлавъ это, онъ долго сидѣлъ надъ трупомъ Ганнуси и смотрѣлъ ей въ мертвыя очи. Сердце его отошло, онъ заплакалъ, вырылъ самъ яму подъ дубомъ, положилъ туда обоихъ и засыпалъ землей. Самъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

Съ тѣхъ поръ, въ окружности этого мѣста, носятся тѣни убитыхъ, по ночному туману, а вдалекѣ за ними крадется тѣнь Ивана, съ ножемъ въ рукахъ. Въ лунную ночь, когда низменности покрыты мглою, можно видѣть ихъ, особенно поднявшись на курганъ, повыше тумана: напередъ медленно проносится по воздуху соперникъ Ивана и, покруживъ на мѣстѣ, будто осматривая, нѣтъ ли соглядатаевъ, начинаетъ манить рукой; тогда изъ ручья, протекающаго близъ дуба, всплываетъ на воздухъ прекрасная Анна, накрывая рукой кровавую рану противъ самаго сердца, и они вмѣстѣ несутся надъ туманомъ по воздуху, то рука въ руку, то обнявшись. Поселяне говорятъ, что когда Ганнуся проносится по свѣтлому мѣсяцу, то онъ сквозитъ черезъ нее, какъ сквозь тонкое, дымчатое облачко. Затѣмъ является Иванъ и, также покруживъ по воздуху, быстро пускается на чету. Соперникъ его стремглавъ падаетъ въ могилу свою, Ганнуся тихо опускается въ ручей, а Иванъ, покруживъ одинъ, уходитъ изъ виду въ темную даль. Все это повторяется иногда много разъ втеченіе лунной ночи; но съ пѣтухами тѣни исчезаютъ и скрываются въ невѣдомыхъ тайникахъ и затишахъ своихъ, до слѣдующей ночи.

Третій товарищъ поправилъ головни у костра и вызвался разсказать другое народное преданіе, подъ-стать Ивану и Ганнусѣ.

Старухи бываютъ иногда упрямы. Одной изъ такихъ старухъ вздумалось итти съ мѣшкомъ зерна въ ближнюю деревню, на мельницу, и домашніе никакъ не могли ее удержать, хоть и говорили ей, что теперь уже поздно, на дворѣ непогода, ночи осеннія, темныя и она не дойдетъ за-свѣтло съ тяжелымъ мѣшкомъ до мельницы. Но все это сама она лучше знала, а потому взвалила мѣшокъ на плечи и пошла.

Что напророчили ей люди, то и случилось: по дождю, по слякоти и впотьмахъ, съ мѣшкомъ своимъ за плечами, она выбилась изъ силъ на половинѣ дороги, сѣла, стала выть и злиться, а наконецъ проклинать себя и своихъ, которые ее отпустили, не пожалѣвъ старуху въ такую погоду, и помянула при этомъ еще разъ десятокъ чорта, который-де невѣсть зачѣмъ ее понесъ. Вдругъ, слышитъ она, ѣдетъ кто-то по дорогѣ, да еще и пѣсни поетъ: она обрадовалась, привстала и только собралась было просить проѣзжаго подвезти ее, какъ молодой парень, правившій троичной телѣгой, самъ остановился противъ нея и спросилъ:

— Что ты, бабушка? аль тужишь о чемъ?

— Да какже, родимый, не тужить—такъ и такъ, и вотъ какая бѣда надо мною встряслась!

— Садись, бабушка: я подвезу, да еще и прокачу лихо!

Старухѣ моей никой кладъ, взмостилась, взлѣзла на телѣгу и такъ рада, ровно вотъ дома на печку взобралась!...

«Вотъ — подумала она, усѣвшись — не безъ добрыхъ людей таки на свѣтѣ.»

Ямщикъ ѣдетъ и поетъ пѣсню: «Любилъ-де я дѣвку, и она меня любила пуще всего на свѣтѣ; да вишь, людямъ, завидно стало; на доброе дѣло нескоро подобьешь ихъ, а на худое — это нипочемъ, охочихъ много. Вотъ насъ и развели врозь; меня къ ней не пускаютъ, а ее ко мнѣ; а тамъ взяли, ее отдали за другаго, за какого-то старика вдовца, а меня женили, тожь по чужой волѣ, ни себѣ на радость, ни мнѣ въ угоду, а такъ, что воля дана старому обижать малаго. Прошло съ годъ, мы съ нею не видались; а какъ только увидѣлись да, перекинувъ слово-другое, про житье-бытье свое горькое узнали да другъ на друга взглянули, то и рѣшились ума; вотъ и положили мы: ей, чтобы убить постылаго мужа своего, а мнѣ — задушить свою докуку смертную, жену.

«Такъ и сталось, какъ положили. Да какъ сошлись мы съ нею послѣ, по уговору, да взглянули опять другъ на друга, то сердце такъ и повернулось, что въ ней, что во мнѣ: и смотрѣть не смогли мы одинъ на другаго, а заплакали, да и разошлись врознь, и разошлись навсегда. Пришла злая кручина, поглядѣла на насъ и принялась грызть, сперва ее, и извела ее въ конецъ, скоро; исчахла бабенка и померла. Тутъ пришла кручина злая на меня, подступила подъ ретивое сердце, управилась и со мной, заѣла и меня на смерть и пошла.»

— Что жь, бабушка, ты, чай, думаешь конецъ пѣсни? Нѣтъ, погоди: «вотъ какъ заѣла насъ обоихъ злая кручина, тогда только и узнали мы, какова за дѣла такія бываетъ расправа: она, бѣдная, пошла до вѣку таскать стариковъ по болоту, а мнѣ вотъ досталось возить старухъ по горамъ. Какъ только кто ночью помянетъ чорта, вотъ какъ ты, бабушка, такъ мы по должности своей и подхватимъ—она старика, а я старуху, да и возимъ ихъ до первой смѣны, покуда другой либо другая проговорятся; вотъ я одну ссадилъ теперь, что года два возилъ, а тебя посадилъ. Какъ смѣна тебѣ придетъ, такъ и тебя ссажу—да знаешь ли куда? ужь не на вольный свѣтъ, а въ пекло, въ жупелъ, въ огонь. Эхъ, сивенькія! ударю! катай до смѣны!»

Ахнула бабушка и взвыла. Съ тѣхъ поръ, какъ только ночь настанетъ, такъ они вдвоемъ и ѣздятъ: онъ сидитъ да докучную пѣсню поетъ, все ту же да все про то же, а старуха съ мѣшкомъ своимъ сидитъ да голосомъ воетъ!

— Что вы, братцы, сказалъ четвертый товарищъ:—на ночь, да еще и въ чистомъ полѣ, такое нехорошее разсказываете, что нехотя позадь себя оглядываешься, а тамъ темно, какъ въ дубинѣ, особенно, когда отведешь глаза отъ огня! Лучше я вамъ разскажу, за что тетка прогнала меня изъ дому и лишила наслѣдства: это будетъ хоть глупо, да повеселѣе!

Тетка моя — царство ей небесное — была барыня дикая: съ нею, бывало, никому не сговорить, ни совладать, а что самодурью заладитъ, такъ хоть ей осиновымъ коломъ въ ушахъ ковыряй, она тебѣ все будетъ говорить: соломенка!

Насъ было два брата, воспитывались мы въ корпусѣ, гащивали у тетки по праздникамъ, и какъ ни особой комнаты, ни кроватей для насъ въ домѣ не было, то на это время въ небольшомъ боковомъ покоѣ приставляли къ дивану четыре стула и стлали на этомъ помостѣ общую для двухъ братьевъ постель. Наконецъ я, какъ старшій, выпущенъ былъ годомъ прежде брата въ офицеры, и тетка позволила мнѣ довольно милостиво приходить къ ней во всякое время, и если отпустятъ, то, пожалуй, оставаться и ночевать. Я забылъ сказать, что тетушка моя была чистѣйшая дѣвственница, не терпѣла ни духу волокитства, и что я съ братомъ были ближайшіе наслѣдники ея.

Вотъ, братцы мои, и натянулъ я въ первый разъ мундиръ офицерскій, да вѣдь еще и съ эполетами.... бѣгу къ теткѣ, ногъ подъ собой не слышу. Она рада, обнимаетъ, приглашаетъ остаться: «сегодня вечеромъ у меня повеселись — да, или ты не танцуешь — ну, хоть такъ погуляешь, посмотришь на людей; вотъ, познакомься: это внучатныя сестрицы твои, отъ дѣдушки Семена Иваныча; онѣ пріѣхали погостить ко мнѣ изъ Торжка.» Я расшаркался и подошелъ къ ручкѣ: правда, что двѣ премиленькія сестрички, хоть бы и не изъ Торжка пріѣхать, а откуда угодно.

Приходитъ вечеръ. Слѣпой музыкантъ сѣлъ за фортепьяно, гостей сошлось довольно, и пошла пляска. Я, какъ человѣкъ вовсе не плящущій, съ молодыхъ лѣтъ крѣпко скучаю на такихъ вечерахъ и хоть ты распинай меня, бывало, далѣе полуночи не выдержу — усну, какъ пить дамъ; а что же было въ то время, когда я привыкъ, по корпусному, ложиться спать въ девятомъ часу! Пляска въ самомъ разгарѣ, а я, назѣвавшись и намигавшись до безсилія, пошелъ промыслить темнаго уголка, гдѣ бы мнѣ прикурнуть. Заглядываю въ боковой покойчикъ — темно; иду на привычное мѣсто, къ дивану — такъ вотъ было и обмеръ отъ радости: постель моя уже постлана, все готово, только осталось потрудиться да растянуться!

Не откладывая добраго дѣла, я тотчасъ же въ три пріема разоблачился и кувырнулся на перину. Тутъ я замѣтилъ, правда, что къ дивану приставлены были стулья и постлано для двоихъ, какъ всегда, бывало, дѣлалось для меня съ братомъ; «ну, что жь — подумалъ я — мнѣ отъ этого не хуже будетъ спать, все одно; видно, горничная теткина забылась и думала, что мы здѣсь оба, тогда какъ братъ мой остался въ корпусѣ.

Давно, и очень давно уже, покоился я истинно богатырскимъ сномъ, какъ вдругъ что-то сильно и тяжело на меня обрушилось, такъ что я проснулся въ страшномъ испугѣ, полагая, что на меня обвалился весь потолокъ. Я вскочилъ съ постели своей, ударился обо что-то лбомъ, наткнулся на кого-то руками — и въ то же мгновеніе въ ушахъ моихъ, и, притомъ, вплоть подлѣ нихъ, раздался пронзительный крикъ или визгъ, которому вторилъ еще другой голосокъ, какъ отчаянная флейта; затѣмъ что-то глухо стукнуло и все опять замолкло, а вокругъ меня сдѣлалось пусто.

Нѣсколько секундъ сидѣлъ я въ самомъ странномъ недоумѣніи, не будучи въ состояніи ни понять, ни сообразить, что тутъ сталось, какъ вдругъ въ дверяхъ показался свѣтъ, и тетка, услышавшая отчаянный крикъ племянницы, самолично, со свѣчей въ рукахъ, явилась на помощь. Но только лишь свѣча слегка освѣтила комнату, какъ тотъ же крикъ и визгъ возобновился около меня, и кто-то сильно потянулъ съ меня одѣяло, вѣроятно, нуждаясь въ немъ для собственнаго своего употребленія. Теперь только опомнился я, разглядѣлъ и сообразилъ я, что бѣдныя внучатныя сестрицы мои, пріѣхавшія изъ Торжка, сидѣли въ страшномъ испугѣ, прижавшись на полу въ уголки, одна по лѣвую руку отъ меня, за рядкомъ приставленныхъ къ дивану стульевъ, и укрывалась подушкой; другая же, въ ногахъ, за диваномъ, и эта-то противница моя всѣми силами старалась стянуть съ меня одѣяло, которое я успѣлъ, однако же, схватить зá верхній край и, какъ сильнѣйшій, не выпускалъ изъ рукъ. Обѣ онѣ подняли отчаянный трикъ, чтобы тетка не вносила свѣчи. Тетка остановилась въ испугѣ и недоумѣніи въ дверяхъ и, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ спросила: «что это? что такое дѣлается?» Наконецъ она поняла изъ отрывочныхъ словъ дѣвицъ и изъ моихъ невинныхъ объясненій, что тутъ сдѣлалось. Постель, на этотъ разъ, постлана была вовсе не для меня, а для сестрицъ; я же не замышлялъ худаго, завладѣлъ ею по праву обычая и спалъ очень спокойно, когда онѣ обѣ, по разъѣздѣ гостей, простились и пошли укладываться. Зная, что у окна въ комнатѣ этой не было ни ставни, ни занавѣсокъ — сестрицы уже три дня гостили у тетки — и увидавъ огонь въ окнѣ у проживавшихъ насупротивъ сосѣдей, барышни мои рѣшили, чтобы не брать съ собою въ спаленку свою свѣчи, и потому вошли и приготовились совсѣмъ ко сну впотьмахъ. Бесѣдуя между собою о бывшихъ танцахъ, о кавалерахъ, о томъ и о семъ, онѣ беззаботнно стали укладываться, и, такъ какъ, по устройству кровати-дивана въ углу, съ приставленными стульями неудобно было подняться на помостъ этотъ иначе, какъ въ ногахъ, то одна изъ дѣвицъ и опустилась оттуда съ размаху во всю длину свою на постель....

Хотя и съ трудомъ, однако, наконецъ дѣло это все объяснилось; но не такъ легко было окончить его и развести насъ по принадлежности, врознь, не говорю уже успокоить тетку: вы сами видите, что тутъ вышло нѣчто въ родѣ козы, волка и капусты, сошедшихся на перевозѣ. Комната была очень слабо освѣщена, потому что свѣча стояла въ сосѣдней комнатѣ; скромная тетушка, дѣвица лѣтъ шестидесяти, въ отчаяніи заламывала руки, сердилась, бранила меня, но дѣлу не помогала. Она вызывала то ихъ, то меня, но никому изъ насъ, въ томъ положеніи, въ какомъ мы находились, нельзя было тронуться съ мѣста. Тетушка проклинала меня и выходила изъ себя; но дѣло отъ этого не спорилось. Горничная показалась было, услышавъ эту суматоху; но тетушка прогнала ее, а сама долго не знала, что начать. Послѣ долгихъ споровъ, перекоровъ и недоумѣній, заключено было наконецъ между нами перемиріе на такомъ основаніи, чтобы тетушка, зажмурясь, принесла бѣднымъ сосѣдкамъ моимъ по салопу, съ помощію котораго онѣ благополучно отступили въ другіе апартаменты; затѣмъ уже мнѣ приказано было одѣться; между тѣмъ, тетушка все время стояла за дверьми въ залѣ и напускалась на меня страшною грозой.... Изъ самаго простаго, пустаго и развѣ только что забавнаго случая она, въ порывѣ негодованія, сочинила міровое событіе.... никакія объясненіи мои не могли вразумить и умилостивить: вообразите, что несчастная Діана эта встрѣтила меня, какъ негоднаго мальчишку, пощечиной, въ ту же минуту выпроводила на улицу, заперла за мной дверь и съ тѣхъ поръ не нускала къ себѣ въ домъ! Этого мало: она лишила меня наслѣдства и передала все небольшое состояніе почти чужимъ, но какимъ то родственникамъ по десятому колѣну!

Товарищи разсмѣялись и, принимаясь за поспѣвшій ужинъ, не менѣе того потребовали пятаго разсказа. Этотъ пятый товарищъ не желалъ, однако же, сдѣлать какое либо упущеніе по части пельменей, и потому разсудилъ пожертвовать для разсказа своего не болѣе времени, какъ нужно было для нагрузки съѣдомаго изъ котелка въ деревянную чашку. «Конный полкъ былъ на ученьи — началъ онъ — а конный почтальонъ, на разбитой несчастной клячѣ, въ самое то время пустился въ три ноги черезъ площадь, когда скомандовали въ атаку: «маршъ-маршъ!» Бѣдный почтальонъ мой попался, какъ въ тенёта: несмотря ни на какое отчаянное стараніе, не можетъ уйти отъ несущагося прямо на него строя и видитъ неминучую участь свою быть смятымъ и раздавленнымъ! «Стой!» закричалъ онъ громовымъ голосомъ погибающаго и, продолжая колотить клячу свою пятками по ребрамъ, пустился по улицамъ и проулкамъ и благополучно скрылся. Полкъ, разумѣется, осадилъ и остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный; солдаты слышали команду, которую ожидали, но не могли въ суматохѣ различить, откуда она послѣдовала. Долго розъискивали, кто осмѣлился произнести это громогласное, роковое *стой*, и наконецъ оказалось, что это былъ отчаянный крикъ погибающаго почтальона.

— Хорошо, сказалъ начальникъ пельменей и полевой атаманъ: все хорошо, что мы слышали; но дѣло не кончено: есть еще шестой. А ну, дядя, сказалъ онъ, обращаясь къ сторожу разстроеннаго перевоза, подсѣвшему тутъ же у огонька и слушавшему не безъ удовольствія господскія ро́зсказни: — вотъ тебѣ чашка съ пельменями, а ты намъ разскажи что нибудь.

Сторожъ улыбнулся и зачесалъ затылокъ.

— Да что жь я вамъ разскажу? развѣ вотъ про пьянаго медвѣдя, да какъ черезъ него дѣдушка убился? Извольте!

И онъ началъ, кадниковскимъ го̀воромъ:

Вотъ видишь, дѣло было лонись — аль нѣтъ, въ третьемъ годѣ — мы помногу-таки овса сѣемъ въ загородахъ, да полямъ, подъ большимъ-то лѣсомъ; къ дядѣ Ивану въ полосу и повадился гостенекъ покушивать овесецъ. Онъ и говоритъ, въ воскресенье, какъ всѣ дома были въ собраньи, на улицѣ, говоритъ: ребята! мою полосу всю овсени̇къ-медвѣдь довелъ; убьемте его, не то и вашему овсу то жь будетъ. Да какъ его убьешь? на загородахъ елей нѣтъ, лабазовъ (полати, помостъ) сдѣлать негдѣ; а Максимъ десятникъ и надоумилъ: какіе-де тутъ на овсеника лабазы! великъ ли онъ и весь-то! а мы вотъ что, состроимъ-ко диковинку: нальемте вина въ ушатъ—для міра изъяна большаго не будетъ; поставимте ушатъ на полосу, онъ себя и угоститъ! Ладно; мы къ ночи и изготовили винцо-отъ и наладили ловушку. Поутру я вскочилъ еще до солнышка — гляжу, и другіе встали, дожидаютъ. Вотъ разсвѣло, мы и пошли всей деревней, и большіе и челядь мелкая, кто съ топоромъ, кто съ чѣмъ, всѣ пошли на иванову полосу; а у десятника была съ собой и рогатина. Мы вишь тетерокъ сильемъ ловимъ, а ружей въ деревнѣ нашей нѣтъ ни у кого. Ну, стали подходить — всѣ и оробѣли: никто нейдетъ впередъ къ ушату на полосу, хоть что хошь дѣлай! Максимъ съ рогатиной зоветъ хозяина, дядю Ивана, а тотъ кричитъ: здѣсь, здѣсь, — а самъ ни съ мѣста. Я было пошелъ, да подумалъ: что бахвалить передъ другими, народу много, пусть идутъ. Тутъ негдѣ возьмись нашъ Лыско, собака: ощетинился, озлился да туда, черезъ огородъ-отъ, да и заурчалъ не своимъ голосомъ. Тутъ всѣ въ одинъ голосъ гайкнули да разомъ и вскочили, а медвѣдь, какъ баринъ какой, развалился въ овсѣ; да такъ-то похрапываетъ, что отъ гаму нашего всилу пробудился, да, пробудившись, только что головой потряхиваетъ, лапами подрягиваетъ, а онѣ его вишь и не слушаются: ни съ мѣста, лежитъ да и только! Вотъ штука то была, баринушко! обуха три дали ему въ лобъ, да и полно; пожелали всѣ живаго домой привести; послали за ужищемъ (веревкой), опутали всего, а онъ хмѣльной да сонный, вотъ хоть побожиться тебѣ, еще самъ лапы подставляетъ; шумъ да гамъ такой, всѣ ребятишки, всѣ бабы сбѣжались — потащили волокомъ медвѣдя того, глядимъ — ай, что это, Господи, на дорогѣ мой дѣдушка лежитъ! глядь, анъ сердечный не живой! Вотъ тебѣ и медвѣдь; что-молъ такое это? — Жалко и дѣдушку, да и не малая надо всѣми стряслась бѣда: поволокутъ въ судъ всѣхъ, и Богъ знаетъ что будетъ. Онъ вишь, прости Господи душу его, на пустоши нашей сидѣлъ, жегъ валы (лѣсъ), да и задумалъ въ этакую рань пріѣхать домой; а дорога съ пустошей мимо загородъ нашихъ лежитъ: онъ старикъ ѣхалъ верхомъ да еще охлябь (безъ сѣдла), вотъ какъ мы на медвѣдя-то загамили всѣ въ голосъ, лошадь и шарахнулась въ сторону, а дѣдушка сердечный, какъ пить далъ, съ нея торчмя головой, да въ битую дорогу темемъ; тутъ тебѣ и духъ вонъ. Ну, какъ быть, — поволокли въ деревню и его, и медвѣдя; дошли до деревни — дѣдушко-отъ сталъ вздыхать, отвелъ духъ, ожилъ; тутъ мы съ радостей давай медвѣдя въ лобъ колотить да шкуру съ него и сняли. Вотъ оно какъ было дѣло-то, баринъ, съ пьянымъ медвѣдемъ! а дѣдушка жилъ себѣ еще, все жилъ, покуда не померъ.

Между тѣмъ, стало уже не рано, и охотники наши, собираясь со свѣтомъ на промыселъ, поужинавъ, завернулись въ охобн свои разнаго покроя и повалились на полати спать. Когда же первый изъ нихъ на зарѣ потянулся и выглянулъ извнѣ плаща на бѣлый свѣтъ, то увидѣлъ, что паромъ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ и переправа была устроена. Вскочивъ, разбудилъ онъ товарищей, и черезъ четверть часа берегъ этотъ опустѣлъ; черезъ часъ, выстрѣлы стали уже раздаваться на противоположномъ берегу, перекатываясь среди общей тишины по гладкой, какъ зеркало, рѣчкѣ.

XV.

ДРУГАЯ КРУГОВАЯ БЕСѢДА.

Наохотясь досыта или, по крайней мѣрѣ, до сумерекъ и усталости, кадниковцы наши заѣхали на ночь къ знакомому крестьянину, заняли клуню его, гдѣ было свободнѣе и привольнѣе, чѣмъ въ избѣ, развели огонекъ, подъ страхомъ своей отвѣтственности, разсѣлись вокругъ, съ большимъ нетерпѣніемъ, ожидая дальнѣйшаго распорядка полеваго атамана. Такъ какъ днемъ ничего не варилось, а всѣ были съ утра въ работѣ и довольствовались, какъ онъ выражался, сухомяткой, то приставлено было два блюда: кашица, для положенія основанія, и опять-таки пельмени, на закрѣпу. Между тѣмъ, какъ вчерашній вечеръ, проведенный въ круговой бесѣдѣ, всѣмъ полюбился, то и было опять предложено каждому разсказать по были или небылицѣ.

— Чуръ меня на хвостъ, закричалъ атаманъ, а то вы меня опять врасплохъ захватите!

— Жилъ-былъ молодой парень — началъ первый чередной — жилъ зажиточный купецъ, который давно уже любилъ дѣвушку, небогатую, но умную, смирную и красавицу, да при жизни отца своего никакъ не смѣлъ на ней жениться, почему и оставался холостымъ до своей воли, а отдавъ отцу послѣдній долгъ и почетъ, вскорѣ обвѣнчался съ нею и жилъ такъ, что и радостно и завидно было смотрѣть на чету эту со стороны. Вотъ Богъ услышалъ молитву ихъ и благословилъ честное житье ихъ, и приходитъ время, что ожидать имъ скоро перваго ребенка. И радостно стало и страшно. Много они говорили объ этомъ промежъ собой, утѣшая другъ друга, а наконецъ, когда ужь стала подходить пора, молодая жена, обнявъ мужа своего, сказала:

— Дастъ Богъ — все кончится благополучно. Отъ слова не сбудется; но еслибъ пришлось мнѣ умереть, не сѣтуй, другъ мой, и на это: мы съ тобой свидимся; а о сынѣ нашемъ — потому что я тебѣ рожу сына — не заботься: я его не покину, ужь я Бога объ этомъ умолила.

Больше не сказала она ничего, а мужъ, заплакавъ отъ такихъ рѣчей, не сталъ болѣе распрашивать, а старался только утѣшить ее и ободрить.

На бѣду мужа, однако, молодая, добрая и пригожая хозяйка его, видно, сказала все это не спроста, а знала больше его: все сбылось: сыночка она ему подарила, а сама не перемоглась—позвала мужа, простилась съ нимъ, еще разъ просила не забыть, что она ему говорила, и преставилась. Нечего и говорить вамъ о томъ, какъ горевалъ бѣдный вдовецъ и тужилъ, не смогши послушаться покойницы, которая наказывала ему не плакать по ней и не скучать. Но надо было тотчасъ же позаботиться о сироткѣ, и отецъ, приказавъ отъискать хорошую, надежную кормилицу, не пожалѣлъ ничего, чтобы устроить дѣло это какъ можно лучше. И точно, нашли кормилицу молодую, хорошую, бабенку здоровую и къ тому еще добрую и заботливую, такъ что, казалось, и желать больше нечего; а, между тѣмъ, дѣло все какъ-то не ладилось: ребенокъ не хотѣлъ брать груди у кормилицы и кричалъ цѣлый день, ночью же лежалъ спокойно и даже никогда не вскрикивалъ, хоть и просыпался.

Никто не могъ понять, что бы это значило, и сама кормилица больше всѣхъ убивалась по пріемышѣ своемъ, котораго любила, какъ свое родное дитя. Вотъ она и стала примѣчать за нимъ, не спать по ночамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ей разъ показалось, будто люлька скрипѣла ночью и качалась; и точно, на слѣдующую ночь убѣдилась она, что не ошиблась: что-то прошло по комнатѣ тише тѣни, подошло къ колыбели, и кормилица услышала, на этотъ разъ ясно, что ребенокъ сосетъ. Она испугалась и не знала, что дѣлать, но пролежала смирно, едва дыша, и видѣла опять, какъ впотьмахъ мелькнуло что-то по комнатѣ, противъ окна, а затѣмъ дверь скрипнула и опять тихо притворилась. Послѣ этого малютка спалъ спокойно до утра.

Кормилица пришла на утро, испуганная, къ хозяину и разсказала ему въ страхѣ, что покойница-мать ходитъ по ночамъ кормить ребенка, и вотъ почему онъ днемъ не беретъ чужой груди и кричитъ, а по ночамъ покойно спитъ. Хозяинъ долго не вѣрилъ этому, но наконецъ рѣшился лечь на ночь неподалеку ребенка и стеречь, что будетъ. Онъ видѣлъ и слышалъ почти то же, что кормилица, но по темнотѣ ночи не могъ распознать, кто или что ходитъ. Поутру молодой вдовецъ сталъ крѣпко задумываться, не зная, что дѣлать; его обдавало суевѣрнымъ страхомъ. Подумавъ, пошелъ онъ посовѣтоваться съ хорошими товарищами, молодыми людьми, съ которыми былъ друженъ еще до женитьбы. Они потолковали и, не вѣря такому диву, положили притти на ночевую къ своему пріятелю, чтобы во всемъ самимъ убѣдиться. Легли, не засыпая, и стали стеречь: около полуночи дверь тихо отшатнулась, что-то, медленно и едва касаясь пола, пронеслось по комнатѣ, и вскорѣ младенецъ началъ чмокать и сосать. Одинъ изъ посѣтителей, немного погодя, всталъ, пошелъ въ другую комнату, засвѣтилъ свѣчу и вошелъ съ нею; но онъ не увидалъ ничего, кромѣ того, что безпокойный, будто испуганный, ребенокъ метался головкой во всѣ стороны, какъ будто чего-то не доискивался, а потомъ сталъ плакать.

Потолковавъ объ этомъ на другой день, пріятели хозяина стали, однакожь, утверждать, что никто изъ нихъ ничего положительнаго не видалъ, и потому надо повторить опытъ; а одинъ изъ нихъ прибавилъ, что онъ, помнится, слышалъ когда-то отъ стариковъ, какъ въ подобномъ случаѣ надо поступить: надо поставить свѣчу подъ новый горшокъ и, какъ только что нибудь явится, вдругъ поднять горошокъ и освѣтить комнату: тогда привидѣніе не успѣетъ скрыться, и его можно увидѣтъ.

Сдѣлали все, какъ положили, и улеглись. Около полуночи слышатъ опять то же: и дверь отозвалась, и походка чья-то, легкая и едва только слышная, казалось, и младенецъ зачмокалъ. Тогда одинъ изъ гостильщиковъ снялъ горшокъ: всѣ вдругъ увидѣли покойную, молодую жену хозяина, которая, въ саванѣ своемъ, стояла на колѣняхъ подлѣ зыбки младенца и кормила его мертвою грудью... Медленно встала она, взглянула тусклыми глазами на смертельно перепуганнаго мужа, пошла тихими шагами къ двери, еще разъ оглянулась и скрылась. Всѣ вскочили и пошли вслѣдъ за нею, прослѣдили ее изъ дому по улицѣ, и другой, и третьей и наконецъ, остановясь неподалеку кладбища, видѣли, какъ она, перекрестясь на всѣ четыре стороны, опустилась въ могилу, а надъ мѣстомъ этимъ какъ будто въ облакахъ заиграло легкое зарево. Всѣ въ страхѣ воротились домой, не зная, что сказать и что подумать.

Младенецъ послѣ этого вовсе отказался отъ груди кормилицы, кричалъ день и ночь, и какъ мать его болѣе не являлась, то бѣдняжка, несмотря ни на какія старанія и заботы несчастнаго отца, хилѣлъ, слабѣлъ и вскорѣ умеръ. Его похоронили въ одномъ мѣстѣ съ матерью, которой гробъ, при этомъ случаѣ, нашли въ цѣлости, съ забитой крышкой, какъ онъ былъ поставленъ. Купецъ сталъ со дня на день скучать, молчалъ, задумывался, бросилъ всѣ дѣла свои и наконецъ лишился ума; а всѣ свидѣтели этого происшествія съ испугу сдѣлались заиками.

— И я вамъ разскажу коротенькое народное преданіе, началъ второй на очереди: — но только въ другомъ родѣ: не о мертвецахъ то есть, но и не о живыхъ.

Волга и сестра ея Вазуза, вытекая и та и другая маленькими рѣчушками, одна въ Тверской, другая въ сосѣдней съ нею, Смоленской губерніи, заспорили, кто изъ нихъ будетъ больше, сильнѣе и старше. Не переспоривъ другъ друга ничѣмъ, потому что онѣ въ пеленкахъ были обѣ равны, рѣшились пуститься бѣжать навыпередки: ляжемъ вмѣстѣ спать, да кто раньше встанетъ и прежде добѣжитъ до моря до Хвалынскаго, тому и почетъ. Легли; но Вазуза почти не смыкала глазъ, поднялась еще ночью, выбрала себѣ прямую дорогу и шибко потекла. Волга проснулась на зорѣ, умылась, одѣлась, Богу помолилась и пошла, ни быстро, ни тихо, средней побѣжкой; но, узнавъ объ измѣнѣ Вазузы, она пустилась ей въ перейми, догнала ее въ Зубцовѣ и тутъ отрѣзала ей дорогу; тутъ Волга такъ грозно напустилась за измѣну эту на Вазузу, что эта больно испугалась, присмирѣла и назвалась мѐньшею сестрою; а какъ Волга перерѣзала ей путь и самохвалкѣ Вазузѣ по сыртамъ и горамъ бѣжать было несподручно, слабость же свою она познала, то и покорилась и стала просить старшую сестру взять ее съ собою, не попомнивъ лиха, да снести на море. Волга приняла ее, и съ тѣхъ поръ живутъ и плывутъ онѣ мирно. Вазуза, однако же, по старой привычкѣ, просыпается всегда весной раньше Волги, бѣжитъ къ ней, будитъ ее, и онѣ вмѣстѣ уносятся на глубокое, синее море. Надо замѣтить, что Вазуза, по быстротѣ склона русла и по множеству родниковъ, точно, всегда вскрывается раньше Волги.

Третьяго понукнули, толкнувъ подъ бокъ, и онъ началъ такъ:

— Былъ у одного мужика котъ, который въ молодости мышей ловилъ, а подъ старость залѣнился, аль у него ужъ поясница заболѣла, только сталъ онъ плохъ въ домѣ и по хозяйству ни къ чему не годенъ; а какъ его кормить не кормили, то онъ и сталъ промышлять самъ — только не мышами, какъ бывало прежде, а молочкомъ, сметанкой, маслицемъ и творожкомъ, который, видно, больно ему по зубамъ пришелся. Вотъ хозяйка и напустилась на мужика, чего-де онъ смотритъ, на что держитъ въ домѣ кота, который вовсе избаловался, въ годъ со днемъ ни одной мышкѣ даже и хвоста не отгрызъ, а день за день бѣдокуритъ. Первое, сказала она, что надъ нами, я слышала, и мыши смѣются, а другое, намъ и отъ кота самого житья нѣтъ, — не устережешься!

— Ну, такъ что жь ты на меня напустилась? управилась бы сама, какъ знаешь. Что, онъ сынъ мнѣ, что ли?

Хозяйка отвѣчала, что это не женское дѣло, а мужику-де слѣдуетъ отвезти кота въ лѣсъ, какъ поѣдетъ по дрова, и тамъ его покинуть. Такъ мужикъ нашъ и сдѣлалъ: онъ поѣхалъ по дрова, взялъ съ собою кота въ мѣшокъ, навалилъ хворосту и, кончивъ дѣло, развязалъ мѣшокъ и закинулъ бѣднаго кота въ овражекъ, а самъ поѣхалъ. «Вотъ—подумалъ котъ—кабы я былъ собакой, хоть она и врагъ мой, то побѣжалъ бы теперь за возомъ; а съ моей натурой дѣлать этого не приходится. Видно, оставаться тутъ и пропадать!»

— Здравствуй, Котафей Иванычъ! сказала Лиса Патрикѣевна, увидавъ этого гостя.

— Здравствуй, коли хочешь, сказалъ котъ, отворотивъ рыло, потому что былъ сердитъ на мужика.

— Какъ ты попалъ къ намъ сюда и зачѣмъ пожаловалъ?

Котафей Иванычъ разсказалъ все:

— Бывало, поѣмъ, да и на бокъ, сказалъ онъ: — оттого я гладокъ; а теперь, какъ вотъ состарѣлся и никуда не гожусь, такъ за дурное поведеніе сосланъ сюда. Вотъ и пришлось пропадать.

«Погоди — подумала лиса — нельзя ли будетъ изъ этого случая получить какую прибыль: Котафей Иванычъ такой звѣрь, что здѣсь въ лѣсу никто его не видалъ и не знаетъ: можно будетъ попугать имъ народъ.

— Вотъ что, другъ мой Котафей Иванычъ, сказала лиса: — мнѣ тебя жаль, я помогу тебѣ: пойдемъ, поживи у меня — большихъ затѣй нѣтъ, мы люди небольшіе, а чѣмъ Богъ послалъ, коли не прогнѣваешься!

— Спасибо на добромъ словѣ, отвѣчалъ Котафей: — пойдемъ

И лиса отвела его въ нору, раскопавъ ее пошире, раструбомъ, чтобъ пострашнѣе казалось, а коту велѣла залечь тамъ и отдохнуть, сама же побѣжала собирать сходку.

Сошлись всѣ звѣри, и малый и великій, и слушаютъ, что будетъ говорить лиса; а она, поздоровавшись честно и пожелавъ міру всякаго добра, сказала:

— Слышали ль вы, други, что въ нашей волости дѣется? Къ намъ присланъ новый бурмистръ, да такой страшный, какого мы еще и не видали: вотъ пойдутъ тяжкія времена! Прозывается онъ Котафей Иванычъ; рыло у него съ усами, языкъ игляной, очи что свѣчи, когти что грабли, хвостъ змѣиный: шерстка мягкая, да думка злая! спитъ, такъ храпитъ, по человѣчьи, а не спитъ, такъ я одно только слово и слышала отъ него: все кричитъ: мало, мало, мало — хоть какой приносъ не принеси! Такъ вотъ что, міряне, онъ уже выбилъ меня изъ дому! Полюбилась ему моя бѣдная землянка. Что жь! Богъ съ нимъ, я бы объ этомъ не тужила — обидѣлъ, такъ мнѣ съ нимъ не тягаться. Я бы съ чадами и домочадцами своими ушла куда нибудь, подъ пень, подъ колоду, такъ не пускаетъ, велитъ кормить себя. Вотъ оно мнѣ одной и не подъ силу. И сама я и челядь мелкая моя почитай не ѣвши сидимъ, а бурмистръ нашъ все съѣлъ одинъ, что я запасла и заполевала. Вотъ онъ и приказалъ мнѣ собрать сходку да повѣстить всѣмъ знать и помнить и бояться новаго бурмистра, Котафея Иваныча; приказалъ онъ міру сдѣлать раскладку, чтобъ день за день скоромный столъ былъ. Вотъ, міряне, больше мнѣ говорить нечего, сами знаете что дѣлать: вы умнѣе меня; а сердитъ, и больно сердитъ новый нашъ бурмистръ.

Зашумѣлъ міръ и пошелъ ходить ходенемъ, какъ волна морская. «Что дальше, то не легче», ворчалъ, почесываясь, мишка; однако, никто не отказался ни отъ чего, что міръ на кого положитъ, и разошлись всѣ, помня каждый, что и когда надо ему нести къ лисьему двору; а на первый разъ порядили такъ, чтобы итти завтра всѣмъ на поклонъ къ Котафею Иванычу и всѣмъ принести ему по гостинцу. Вотъ пришли, разложили все съ великимъ страхомъ: волкъ четверть телятины принесъ, медвѣдь пива-меду наварилъ, хорекъ ощипалъ и очистилъ утку, а харчиха его принесла пару яицъ, — словомъ, всякъ что могъ, — и стоятъ кругомъ, ждутъ, итти не смѣютъ. Выглянула изъ норы лиса, поздоровалась шопотомъ со всѣми.

— Почиваетъ еще бурмистръ нашъ, сказала она: — а будить его я не смѣю: больно сердитъ. Не поскучайте, люди добрые, подождите.

— Послушай, кума... началъ было медвѣдь.

Но лиса, высунувъ опять голову, сказала:

— Нѣтъ, Михайло Потапычъ, извини: я теперь ужь не кума, я бурмистерша. Котафей Иванычъ присланъ былъ къ намъ на управу холостымъ, а я также, сами вы знаете, перебивалась какъ могла сирою вдовицей. Вотъ онъ нынѣ и смиловался надо мной и почтилъ вѣрную службу мою—взялъ меня въ хозяйки; а по отчеству, коли знать не побрезгаете, зовутъ меня Патрикѣевной.

Всѣ звѣри переглянулись, пожали плечами да и замолчали, а миша понурилъ голову, сталъ повертывать туда и сюда лапу свою и разсматривать когти. Немного погодя, лисанька вышла и стала подзывать стариковъ, чтобъ подходили на поклонъ къ бурмистру, кланялись ему ниже и звали на угощеніе. Всѣ звѣри боятся, ни одинъ не трогается съ мѣста, — только поглядывая другъ на друга, говорятъ:

— Иди ты напередъ, иди ты!

Наконецъ присудили итти кабану, самому старому, который уже почти мохомъ обросъ; но какъ только онъ подступилъ и захрюкалъ, хоть и самымъ почтительнымъ образомъ, то бурмистерша торопливо закричала на него и прогнала, сказавъ, что этотъ человѣкъ никакой обходительности и хорошихъ обычаевъ не знаетъ. Стали вызывать мишку. Мишукъ пошелъ да какъ увидѣлъ въ темной норѣ пару глазъ, какъ огонь, которые освѣщали круглую, страшную морду съ усами, то насилу устоялъ на ногахъ, промычалъ что-то, оробѣлъ, поклонился и отошелъ.

— Прочь, закричала лиса: — самъ идетъ, самъ идетъ!

И всѣ звѣри отошли и попрятались, кто на деревьяхъ, кто за кустами и пнями. Котафей Иванычъ вышелъ чинно, и, между тѣмъ, какъ Лиса Патрикѣевна уговаривала его на ушко поднять хвостъ какъ можно повыше и писать имъ по воздуху разводы, онъ подошелъ къ приготовленному для него столу и началъ было кушать. Тутъ онъ, по старой привычкѣ своей, заурчалъ:

— Мало, мало, мало.

И въ то же время, покосившись на сторону, гдѣ мишка зашелестѣлъ листьями, выглядывая изъ-за куста на диковиннаго бурмистра, подумалъ, что это мышь, а потому не утерпѣлъ и бросился туда въ одинъ прыжокъ: всѣ звѣри со страху попадали, никто на ногахъ не устоялъ,—думали, что пришелъ послѣднiй часъ ихъ; вскочивъ, пустились они бѣжать всѣ безъ оглядки и очистили весь лѣсъ, гдѣ поселилась лиса со своимъ бурмистромъ; ей сдѣлалось спокойно и просторно и охотиться привольно. Такимъ-то образомъ хитрая лиса, взявъ къ себѣ на хлѣбы дряхлаго, неспособнаго кота, закинутаго мужикомъ, напугала и выжила имъ изъ лѣсу всѣхъ звѣрей.

— Настоящая охотничья сказка, замѣтилъ четвертый товарищъ, за которымъ теперь стояла очередь: — волки да медвѣди! А я скажу вамъ побасенку про жида.

Шелъ мужикъ дорогой, и нагоняетъ его еврей:

— Здравствуй, мужичекъ!

— Здорово!

— А куда ты идешь?

— Иду впередъ, видишь.

— Ну и я туда иду, такъ пойдемъ вмѣстѣ, покуда по пути.

— Пойдемъ.

Пошли стороной, подлѣ дороги, и дошли до канавки. Еврей перескочилъ, у него изъ-за пазухи и выпалъ кошелекъ съ деньгами, а мужикъ подхватилъ его скоро да и самъ перескочилъ. Жидъ тотчасъ спохватился и проситъ мужика:

— Ну, ты хорошiй человѣкъ, это все я знаю, однако, пожалуйста, отдай мнѣ кошелекъ.

— Какой?

— Да ты поднялъ его, я видѣлъ.

— Нѣтъ, врешь.

— Ну дай же, я тебя обънщу.

— Нѣтъ, не дамъ.

— Ну такъ полно шутить, отдай деньги.

— Я тебѣ говорю, что денегъ твоихъ не бралъ и не видалъ.

Жидъ долго усовѣщивалъ мужика и наконецъ просилъ воротиться опять на то мѣсто, гдѣ онъ обронилъ деньги. Тутъ онъ, стараясь напомнить мужику какъ что было, показалъ ему на дѣлѣ: какъ онъ шелъ впереди, какъ дошелъ до канавы, какъ собралъ полы халата въ руки, перескочилъ, деньги выпали, — потомъ заставилъ мужика прыгать, требуя, чтобъ онъ показалъ, какъ онъ нагнулся и поднялъ деньги; но мужикъ отказался, говоритъ:

— Я денегъ твоихъ не видалъ и примѣра такого не бывалаго показывать не хочу.

— Коли такъ, говоритъ жидъ: — то пойдемъ къ пану: пусть онъ насъ разсудитъ.

— Пожалуй, пойдемъ.

Идутъ и все дорогою спорятъ. Вотъ жидъ и спрашиваетъ:

— Ну, добрый человѣкъ, скажи жь мнѣ правду, когда будемъ мы передъ паномъ стоять, что ты будешь говорить?

— А извѣстно, все то же, что денегъ твоихъ не видалъ.

— Нѣтъ, сердце мое, ты говори такъ, какъ я буду говорить.

— А ты какъ будешь говорить?

— А вотъ какъ, говори ты за мною: шли мы двохъ по дорогѣ.

— Шли мы двохъ по дорогѣ.

— Дошли мы двохъ до канавы.

— Ну, дошли мы двохъ до канавы.

— Я черезъ канаву скокъ.

— Я черезъ канаву скокъ.

— Кошелекъ съ деньгами въ канаву покъ.

— Кошелекъ съ деньгами въ канаву покъ.

— А ты хапъ!

— А ты хапъ!

— Нѣтъ, постой, сердце, спохватился жидъ: — не такъ — ты говори: а я хапъ!

— Да коли ты самъ признаешься, что ты хапнулъ его, сказалъ мужикъ: — такъ намъ и толковать больше съ тобой не о чемъ.

— Нѣтъ, сердце мое, добрый ты человѣкъ, вотъ на, я тебѣ дамъ на чарочку пятакъ, только говори по правдѣ: когда я скажу: ты, то ты говори: я; а коли я скажу: я, то ты говори: ты.

— Я и то такъ говорю: ты говоришь, что я поднялъ кошелекъ, а я говорю, что ты.

— Нѣтъ, полно шутить, говори же такъ, на себя.

Мужикъ взялъ пятакъ и переговорилъ слѣдомъ за евреемъ все, какъ тому хотѣлось; тогда еврей успокоился, повторилъ дорогой еще разъ урокъ этотъ и просилъ только, чтобы мужикъ не забылъ этого и также точно говорилъ передъ паномъ. Идутъ дальше, и жидъ все тоже опять твердитъ мужику, а какъ этотъ только заупрямится и не хочетъ говорить по немъ, то жидъ ему даетъ пятакъ; такимъ образомъ, покуда дошли они до пана, онъ ему передавалъ до десяти пятаковъ и былъ доволенъ, что глупый мужикъ затвердилъ наконецъ урокъ свой и говорилъ вслѣдъ за жидомъ ни въ чемъ ни сбиваясь.

Приходятъ къ пану, начали судиться. Мужикъ отпирается, говоритъ только, что денегъ жидовскихъ не видалъ: это была правда, потому что онѣ были въ кошелькѣ, и онъ, точно, ихъ не видалъ, а видѣлъ и поднялъ съ деньгами кошелекъ. Жидъ говоритъ:

— Пане вельмозный! какъ шли мы до вашей мосьци, то онъ мнѣ самъ признавался. Вотъ пусть паночекъ позволитъ, я самъ стану спрашивать его: онъ добрый человѣкъ, все скажетъ; а вы только слушайте. Ну, говори, сердце, за мною, какъ говорилъ дорогой: шли мы по дорогѣ, дошли мы до канавы, я черезъ канаву скокъ, кошелекъ съ деньгами покъ, а ты хапъ!

— Нѣтъ, я денегъ твоихъ и не видалъ.

— Вотъ видишь, какой же ты невѣрный челеловѣкъ: передъ паномъ не хочешь такъ говорить, какъ говорилъ дорогой... Позвольте, паночекъ, я съ нимъ выду въ сѣни, потолкую: онъ, глупый человѣкъ, забылъ, какъ говорилъ прежде.

Вышли, а панъ сталъ въ дверяхъ и слушаетъ, что они будутъ говорить. Жидъ сталъ попрекать мужика, зачѣмъ онъ его обманулъ:

— Я тебѣ дорогою передавалъ сколько пятаковъ, чтобъ ты помнилъ хорошенько, какъ надо говорить, а ты опять свое. За что же я тебѣ давалъ деньги? Нà возьми, вотъ тебѣ еще, только, смотри, говори за мною вѣрно, хорошенько, какъ я тебя училъ, да также говори и передъ паномъ....

Услышавъ это, панъ вдругъ растворилъ дверь, прибилъ жида за то, что учитъ глупаго мужичка на себя самого наговаривать напраслину, и выгналъ ихъ обоихъ вонъ.

Пятый товарищъ, полевой атаманъ, который также бывалъ въ Литвѣ, взялся разсказать нéбыль о евреѣ на соснѣ и о зайцахъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ было набито биткомъ столько жидовъ, что они ужь, какъ говорится, сѣли другъ на друга, и не было имъ одному отъ другаго житья: проѣзжаго, бывало, чуть не разорвутъ на клочки, потому что всѣ голодны, каждому надо поживиться; на базарѣ, коли что дешево, съ бою берутъ, другъ передъ другомъ, такъ что бѣдному мужику страшно подступиться — разорвутъ, какъ собаки, и не будешь знать послѣ, на комъ искать. Вотъ одному еврею понадобилось купить кое-что, онъ и поѣхалъ на торгъ въ ближнее селеніе, надѣясь тамъ достать, что нужно, подешевле. Пріѣхалъ, закупилъ соли, масла, свѣчей, нитокъ, иголокъ, наперстковъ и отправился вечеромъ домой; а пора была осенняя и ночи темныя. Между тѣмъ, сталъ онъ заботиться, что долго промѣшкалъ и домашніе его будутъ по немъ безпокоиться; сталъ онъ также шибко побаиваться самъ, чтобы въ лѣсу чего съ нимъ не случилось; гналъ клячу свою и чуть не загналъ ее вовсе, потому что дороги были плохія, а возъ тяжелый, да еще къ тому онъ заѣхалъ ночью на такую раздорожицу, которой не могъ признать впотьмахъ и не зналъ, куда ѣхать; лошадь же онъ замучилъ и задергалъ такъ, что и она сбилась, тогда какъ сама, вѣрно, дошла бы хорошо. Думалъ онъ, думалъ, бился, бился, а пришлось одному ночевать въ непогодь въ лѣсу. Вотъ онъ слѣзъ съ воза, выпрягъ и привязалъ лошадь, давъ ей корму, а самъ разсудилъ, что ему ночевать у воза опасно: коли недобрые люди набѣгутъ, то убьютъ непремѣнно, ни за грошъ; поэтому онъ повозку и лошадь покинулъ, выбралъ въ сторонѣ такую сосну, на которую бы можно было взлѣзть, и, ободравшись весь, взобрался подъ самый вершокъ сосны этой и сидитъ, радуясь безопасному притону своему, а самъ все смотритъ внизъ, на повозку и лошадь, что-то тамъ дѣлается; но темь стоитъ такая, что не видать ни зги, и путникъ отдался на волю Божью.

Вдругъ еврей слышитъ издали протяжный крикъ, будто кто въ лѣсу аукается, и крикъ этотъ приближается къ нему съ разныхъ сторонъ. Сперва было онъ очень испугался, думая, что это непремѣнно какая нибудь шайка воровская, вышедшая его искать; но когда крикъ приблизился, то бѣдный жидъ, дрожа отъ страха, вдругъ узналъ, какъ ему показалось, голоса своихъ любезныхъ дѣтей: «такъ и есть—говорилъ онъ—такъ и есть, они, бѣдненькіе, захлопотались безъ меня, что я больно промѣшкалъ, и теперь, видно, Сузька моя вывела ихъ всѣхъ въ лѣсъ меня искать: точно такъ, я слышу, это голосокъ моего маленькаго Шмуля, а это моя Хаичка....» Здѣсь, здѣсь, началъ еврей подавать голосъ, надсѣдаясь; а тѣ продолжаютъ себѣ кричать, то приближаясь, то опять удаляясь, будто его и не слышатъ. Еврей выходитъ изъ себя, во все горло кричитъ и аукаетъ, не постигая, отчего вся семья его оглохла; а, между тѣмъ, это перекликались зайцы, зычно покрикивая человѣческимъ голосомъ, чего еврей мой дотолѣ отъ роду не слыхалъ; и чѣмъ поперемѣнно зайцы то подбѣгали ближе, то дальше, тѣмъ онъ больше выходилъ изъ себя, кричалъ во все горло, что онъ здѣсь; то спускался въ полдерева, то опять подымался, опасаясь слѣзть вовсе и стараясь разсмотрѣть что нибудь впотьмахъ. Онъ дотого докричался и добѣсился, ругая домашнихъ своихъ, которые ходятъ вокругъ, а на крикъ его не отзываются, что со свѣтомъ слѣзъ съ дерева промокшій, ободранный, осиплый, усталый и совсѣмъ больной; онъ рѣшительно выбился изъ силъ. Къ разсвѣту, само собой разумѣется, вся семья его исчезла, и онъ опять остался въ лѣсу одинъ.

Впрягши лошадь, онъ все еще не могъ опознаться и долго плуталъ по лѣсу, покуда наконецъ встрѣчный крестьянинъ не указалъ ему дороги. Пріѣхавъ домой и позвавъ всѣхъ, чтобъ переносить въ корчму покупки, онъ грозно на нихъ напустился: «какіе вы, говоритъ, дураки, вышли меня искать — ну, и спасибо вамъ за это — такъ зачѣмъ же вы не слушали моего голоса? я вамъ отвѣчалъ, кричалъ, кричалъ — вотъ, совсѣмъ охрипъ и говорить даже не могу, и грудь болитъ. Теперь лишній расходъ: надо пить шалфей!»

Домашніе всѣ смотрятъ на него, какъ на шальнаго, и наконецъ уже, когда сошлись также посторонніе и еврей показалъ, какъ именно жена и дѣтки его кричали, дѣло объяснилось и тогда засмѣяли, такъ что онъ сидѣлъ дома съ недѣлю, пилъ шалфей и никуда не смѣлъ показать глазъ. Долго еще дразнили и сердили его, спрашивая: «а что, каково поживаютъ твои дѣти въ лѣсу?»

— Хороша твоя сказка, сказалъ одинъ изъ товарищей: — теперь кругъ обошелъ всѣхъ; а, между тѣмъ, все-таки еще одинъ собесѣдникъ остался и за нимъ сказка: — Что ты чужому смѣху смѣешься, сказалъ онъ, обратясь къ хозяину избы, который подошелъ впродолженіе разсказовъ, присѣлъ и слушалъ. — А ты найди свой да и смѣйся. Ну, говори что нибудь, — мы слушаемъ.

Хозяинъ пожался и почесался немного, отговариваясь незнаніемъ сказокъ и былей, но потомъ сказалъ:

— Вѣдь у насъ хорошихъ сказокъ нѣтъ: простыя все, мужицкія; вотъ, напримѣръ, какъ портной съ волка мѣрку сымалъ. Коли не осудите, такъ, пожалуй, такую разсказать можно.

— Говори. Какая есть, такую подавай!

— Портной, который ходилъ по деревнямъ и обшивалъ людей, пошелъ куда ему надо было, въ сосѣднюю деревню, и въ лѣсу встрѣтилъ волка. Для портнаго это дѣло непривычное и страшное, а потому, когда волкъ сказалъ ему: теперь ложись, я тебя съѣмъ, то бѣднякъ сталъ отмаливаться; а когда волкъ не прощалъ его и хотѣлъ было ужь начать, безъ всякаго милосердія, не позволяя ему даже напередъ Богу помолиться и проститься съ родными, то портной сталъ увѣрять, что ему мѣста не будетъ въ волчьей требушинѣ, заспорилъ объ этомъ съ волкомъ и выпросилъ себѣ одну милость: чтобъ волкъ позволилъ снять съ себя мѣрку, можно ли будетъ портному въ немъ помѣститься.

— Ну, мѣряй, сказалъ волкъ: — да поскорѣй!

Портной выхватилъ изъ кармана мѣрку, прикинулъ на волка, а самъ, протянувъ руку къ заду, вдругъ замоталъ себѣ волчій хвостъ на руку да, доставъ изъ-за пазухи утюгъ, давай волка утюжить. Тотъ рвался долго, но не могъ вырваться, и видитъ, что смерть его пришла.

— Постой, говоритъ, помилуй:—и я у тебя одной милости прошу: возьми хвостъ мой, коли онъ тебѣ нуженъ, да ужь меня-то отпусти. Я не трону тебя, убѣгу.

Портной досталъ ножницы, отстригъ волку хвостъ по самую рѣпицу и говоритъ:

— Пошелъ, на всѣ четыре стороны!

Такъ портной нашъ снялъ мѣрку съ волка, проутюжилъ его и откроилъ ему хвостъ.

Волкъ побѣжалъ, но вскорѣ страшно завылъ и собралъ вокругъ себя сходку. Пришло волковъ болѣе десятка. Когда онъ разсказалъ имъ, что портной сдѣлалъ надъ нимъ, какъ обманулъ его и опозорилъ, то они рѣшили изорвать и съѣсть этого портнаго и стали его догонять и окружать. Видя такую новую бѣду, портной взлѣзъ на ель, сидитъ и глядитъ на волковъ и не знаетъ, что дѣлать. Волки же, посовѣтуясь между собой, сказали: «Давай доставать его. Становись ты, куцый, первый, а мы по одному горкой на тебя, такъ и доберемся до него.»

Портной глядитъ — подмостились они и полѣзли, одинъ на другаго, одинъ на другаго, и ужь близко, близко къ нему подбираются. Вотъ онъ, испугавшись, не зная, что дѣлать, глянулъ внизъ и говоритъ: «Ну, лѣзьте, лѣзьте; а ужь никому такъ не достанется, какъ куцому!»

Куцый, какъ только услышалъ это, выскочилъ изъ-подъ низу, и вся горка разсыпалась и половина волковъ перебилась, прочіе разбѣжались, а портной благополучно ушелъ.

— Вотъ острастка-то ину-пору и дороже побоевъ живетъ, покончилъ мужикъ; а собесѣдники, посмѣясь выдумкѣ этой, вскорѣ улеглись и наутро возвратились домой. —

XVI.

НАПРАСЛИНА.

Давно, когда-то, говорятъ, жилъ баринъ въ деревенькѣ своей, какъ водится, а еще болѣе какъ водилось, съ огромной дворней. Дворня эта съѣдала его совсѣмъ, да дѣлать было нечего — дѣвать ее некуда: не сгонишь. Она досталась ему въ наслѣдство съ четырехсотъ душъ, распавшихся на шесть или на семь частей, по числу наслѣдниковъ. Онъ былъ очень недоволенъ раздѣломъ: ему достались плохенькіе мужички и разбойникъ на разбойникѣ изъ дворовыхъ. Пытался было онъ и переводить ихъ на пашню и отпускать на оброкъ, да какъ-то не ладилось и это: дармоѣды все опять сбивались въ кучу въ огромной застольной, выстроенной когда-то на сто человѣкъ дворни, малыхъ и великихъ, съ русскою печью величиною въ скирду сѣна. Все это сердило нашего помѣщика, выводило его изъ терпѣнія, и, правду сказать, жолчь у него частенько чрезъ мѣру разливалась. Онъ привыкъ, по стародавнему обычаю, къ короткой расправѣ и, къ сожалѣнію, не зналъ въ ней мѣры и не умѣлъ безъ нея управиться.

Въ домѣ былъ кучеръ, уже въ лѣтахъ, съ тремя сыновьями. Этотъ кучеръ, пользуясь старшинствомъ своимъ, какъ бывшій кучеръ стараго барина, а равно и дурною славою своею, которая говорила, что онъ-де у барина отъ рукъ отбился, бунтовалъ и подымалъ всю дворню, молодцуя нахальствомъ своимъ и нерѣдко угрозами такого рода, которыя доставляли ему полное уваженіе всей застольной братіи. Онъ, и пьяный и трезвый, всегда толковалъ о томъ только, что баринъ этотъ никуда не годится и что ему не сдобровать.

Младшій сынъ кучера, мальчикъ, слабый здоровьемъ и испорченный такимъ отцомъ съ самаго корня, однажды провинился. Баринъ былъ очень сердитъ и наказалъ его, выместивъ при этомъ случаѣ, можетъ быть, на сынѣ и отцовскіе успѣхи. Дѣло было не новое, и никто много объ этомъ не заботился, кромѣ отца, кучера, который, продумавъ до вечера, выдумалъ неслыханное и невиданное доселѣ средство, чтобы показать, или утолить — не знаю, какъ и выразиться — свою родительскую любовь: онъ позвалъ надежныхъ помощниковъ и подручниковъ своихъ, двухъ старшихъ сыновей, и сказалъ имъ: «пойдемте-ка, ребята, да задушимъ Ѳедьку—то есть младшаго сына—что ужь, пусть пропадаетъ, все одно; онъ же мальчикъ хилый, жалѣтъ его нечего — вы двое у меня останетесь. А задушивъ его, въ городъ, да и донесемъ, что засѣкъ его баринъ: вотъ мы ему и всучимъ такую щетинку, что онъ вовѣкъ не раздѣлается.»

Насталъ вечеръ. Видно, старшіе сыновья нашли предложеніе отца очень дѣльнымъ. Всѣ трое выждали время послѣ ужина, когда никого въ избѣ не было, и порѣшили Ѳедьку.... А сдѣлавъ дѣло, подняли всю дворню, всю деревню, которая ждала только случая, чтобы гласно обнаружить расположеніе свое къ помѣщику, и поскакали въ городъ. Судъ тотчасъ же наѣхалъ. Улика на лицо и такъ ясна, что не въ чемъ сомнѣваться. Барина увезли, продержали нѣсколько мѣсяцевъ, судили и сослали.

Конечно, барина нѣтъ. Никто доселѣ не зналъ правды, кромѣ кучера и двухъ сыновей его. Всѣ они трое верховодили теперь, когда имѣніе попало подъ опеку, пуще прежняго и пили безъ просыпу; но никто изъ нихъ, даже пьяный, не проговаривался, не смѣя похвалиться поступкомъ своимъ, какъ водится въ другихъ случахъ, даже и передъ своими братьями: дѣло, конечно, выходило изъ ряду вонъ. Злодѣйству этому едва ли можно найти противень.

Настала лѣтняя пора, когда все идетъ на работу, кромѣ малыхъ и старыхъ, когда и лѣнивому не посидится дома и пьяницѣ скучно и стыдно одному на деревнѣ. Дворъ нашего сосланнаго помѣщика былъ такъ же пустъ, какъ и вся деревня. Одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалъ у себя для покосу помочь, купивъ ведра два вина, и, кто только могъ держать въ рукахъ косу, всѣ были тамъ.

На порогѣ крыльца знакомой намъ застольной сидѣла одна-одинехонька дѣвочка лѣтъ семи. Она жевала покинутый ей огромный сукрой хлѣба и кормила куръ и цыплятъ, покрывавшихъ всѣ ступени крыльца. Все было тихо. На улицахъ послышался стукъ телѣги, которая остановилась у воротъ; а здоровый мужикъ, въ круглой шляпѣ съ высокой тульей и пережабиной на ней, вошелъ на дворъ, оглянулся и подошелъ прямо къ дѣвочкѣ. Это былъ коробейникъ, разнощикъ, который уже нѣсколько лѣтъ сряду заѣзжалъ на перепутьи въ эту деревню и приставалъ на барскомъ дворѣ у старой ключницы, съ которой у него было давнишнее знакомство и которой внучка теперь сидѣла на порогѣ.

— Здорово, Анютка! сказалъ онъ, подходя къ ней: — здорово! Что у васъ никого не видать?

— Да на покосѣ.

— А бабушка гдѣ?

— И бабушка на покосѣ, и ее подчивать станутъ виномъ.

— А, вотъ какъ! Ну, что жь у васъ дѣлается? Всѣ здоровы?

— Здоровы.

— А что жь у васъ въ барской усадьбѣ ставни-то закрыты?

— Да барина нѣтъ, вишь, давно.

— А гдѣ жь онъ?

— Въ городъ взяли.

— Какъ взяли? зачѣмъ?

— Да дѣдушка Андрей (т. е. кучеръ) задавилъ, вишь, дядю Ѳедора — ужь тотъ молился, молился имъ — вотъ и задавилъ.

Коробейникъ, глядя на ребенка, хотѣлъ было разсмѣяться на эту болтовню, однако, спросилъ прежде:

— Да гдѣ же дядя Ѳедоръ?

— Померъ, къ Богу ушелъ, унесли, отвѣчалъ ребенокъ.

Все это показалось коробейнику очень дико и несвязно, а, между тѣмъ, онъ зналъ, что ребенокъ этотъ неглупъ и всего этого самъ не придумаетъ. Пріѣзжій сталъ его распрашивать, отъ нечего дѣлать, и дѣвочка разсказала, что я-де сидѣла на печи въ застольной, а дядя Ѳедоръ лежалъ на лавкѣ, а дѣдушка Андрей пришелъ съ Иваномъ и Кирилой (т. е. со старшими сыновьями), а дѣдушка Андрей и насѣлъ на дядю Ѳедора, и всѣ они налегли. Ужь дядя Ѳедоръ молился имъ, молился, — нѣтъ! задавили; а я испугалась, да молчу все, да такъ на печи до утра и просидѣла. Вотъ и померъ дядя Ѳедоръ.... А барина за это взяли въ судъ, да вотъ и нѣтъ его.

Коробейнику какъ-то стало страшно. Не добившись толку, но зная, что дѣдушка Андрей былъ истинный разбойникъ, онъ почуялъ недоброе—снялъ шляпу, перекрестился, не велѣлъ дѣвочкѣ никому сказывать, что онъ былъ, и поѣхалъ прямо дальше, въ городъ, до котораго всего было верстъ десятокъ.

Въ городѣ у разнощика былъ издавна знакомый дворникъ, или содержатель постоялаго двора. Приставъ у него, онъ вечеромъ присѣлъ съ нимъ на особицу и сталъ распрашивать, что такое сдѣлалось въ такой-то деревнѣ. Хозяинъ разсказалъ ему, что помѣщика за то и то сослали. Тогда разнощикъ понялъ все и ужаснулся. Въ страхѣ онъ пересказалъ слышанное отъ дѣвочки хозяину и просилъ его объ этомъ не говорить. Но хозяинъ былъ умнѣе своего постояльца и вскочилъ съ лавки, когда все это услышалъ.

— Избави Богъ! сказалъ онъ: — что ты со мною дѣлаешь?... Да я тебя и держать не стану ни одного часу: я такой бѣды съ тобой наживу, что и не раздѣлаешься! Нѣтъ, любезный прiятель, власть твоя, продолжалъ онъ, ухвативъ поясъ и шапку: — а ты иди со мной тотчасъ же къ начальству, да тамъ объявимъ все; а не то, гляди, какая бѣда прикинется! —

Нечего дѣлать нашему коробейнику: вздохнувъ тяжело и проклиная судьбу, которая занесла его не въ добрый часъ въ деревушку, онъ пошелъ за хохяиномъ. Съ нихъ сняли допросъ, отправились въ деревню, захватили врасплохъ пьянаго кучера съ сыновьями, дали имъ выспаться, заперши ихъ всѣхъ порознь, и, послѣ продолжительнаго запирательства, одинъ изъ сыновей сбился, тамъ сознался во всемъ, а тамъ уличили и другихъ, отца его и брата.

Помѣщика воротили изъ ссылки, а кучера съ двумя сыновьями отправили на его мѣсто.

В. ДАЛЬ.

ВЕЧЕРЪ У ВЗМОРЬЯ.

Засверкалъ огонь зарницы,
На гнѣздѣ умолкли птицы,
Тишина лѣса объемлетъ,
Не качаясь колосъ дремлетъ,
День блѣднѣетъ понемногу,
Вышла жаба на дорогу.

Ночь свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ ,
Подъ луною море млѣетъ.
Различишь прилежнымъ взглядомъ,
Какъ двѣ чайки, сидя рядомъ,
Тамъ на взморьи плоскодонномъ
Спятъ на камнѣ озарённомъ.

А. ФЕТЪ.

КЪ МЕФИСТОФЕЛЮ.

Довольно ты людей пугалъ
И надъ мечтами ихъ ругался,
Клеймилъ, позорилъ, отрицалъ
И общимъ страхомъ потѣшался.

Теперь насъ трудно испугать:
Растетъ и крѣпнетъ наше племя;
Чему мы вѣримъ въ наше время,
Того тебѣ не осмѣять.

ВЛ. ПАВЛОВЪ.

ЗОЯ.

Я знаю ту стезю, застѣнчивая Зоя,
Которою въ часы томительнаго зноя
Украдкой ходишь ты къ пустыннымъ берегамъ,
Гдѣ лебедь лишь скользитъ порою по волнамъ.
Не разъ я видѣлъ тамъ, закрытъ вѣтвями клена,
Какъ погружалась ты въ ихъ голубое лоно
И въ блескѣ дивныхъ формъ являлась предо мной,
Охваченная вся ревнивою волной.
Тогда мнѣ приходилъ на память лебедь страстной,
Гонявшійся въ волнахъ за Ледою прекрасной,
И все казалось мнѣ какимъ-то чуднымъ сномъ,
И въ обаяньи чувствъ, и сладкомъ и нѣмомъ,
Въ то время отъ тебя не могъ отвесть я взгляда,
Обвороженъ тобой, пустынныхъ водъ Наяда....

Н. ГРЕКОВЪ.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

СѢВЕРНАЯ СТОРОНА.—ПОѢЗДКА ВЪ КОРАБЕЛЬНУЮ, НА ИНКЕРМАНЪ, ВЪ ДОКИ И НА ЮЖНУЮ СТОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ (*).

При переходѣ главнаго штаба крымской арміи изъ Бахчисарая въ Одессу, нѣкоторая часть офицеровъ отправлялась на пароходѣ «Андіи» изъ Севастополя. Я былъ въ этомъ числѣ. Мы поѣхали изъ Бахчисарая втроемъ, на почтовыхъ. Мои товарищи за что-то бранили Бахчисарай и даже рѣчку Чурукъ-су, читая про нее стихи, сочиненные однимъ офицеромъ:

Льется, льется Чурукъ-су....

Но мнѣ было скучно. Я съ грустію глядѣлъ, какъ уходили отъ насъ бахчисарайскіе тополи. Прекрасные сады Бельбека, которые тянутся потомъ подлѣ дороги цѣлую станцію, наводили на меня ту же грусть. Мнѣ не хотѣлось прощаться съ Крымомъ.

Мы подъѣхали къ Севастополю со стороны бывшаго новаго базара, чтò подлѣ кладбища. На немъ замѣтно было болѣе движенія, нежели въ послѣдніе дни осады. Тамъ и тамъ показывались кучками солдаты, матросы и даже какія-то бабы. Извѣстно, что базаръ расположенъ былъ по горѣ, сверху внизъ. Въ началѣ его, вверху, близъ дороги, прибавилось нѣсколько балагановъ, построенныхъ изъ остатковъ разныхъ судовъ и парохо-

---

(*) См. статью изъ «Крымскихъ Замѣтокъ» въ VIII книжкѣ «Современника» 1856 г.

довъ. Рядомъ съ простою дранью сіяли лакированныя чинаровыя и палисандровыя доски бывшихъ капитанскихъ каютъ. Подлѣ русской сосны, пустившей на солнцѣ смолу, красовался темный американскій дубъ и блестѣло черное дерево. Это все были живо импровизованныя жилища моряковъ, поселившихся здѣсь послѣ оставленія Севастополя. Гдѣ нибудь изъ-за балагана высовывалась матросская фуражка съ бѣлымъ кантомъ и обличала обитателей. Неподалеку отъ одного такого помѣщенія я увидѣлъ знакомыхъ мнѣ мраморныхъ львовъ Графской пристани и двѣ статуи, спасенныя какимъ-то любителемъ. Я обрадовался имъ, какъ добрымъ пріятелямъ. Сколько страшныхъ и пріятныхъ воспоминаній соединялось съ ними! Гордо лежатъ царственные звѣри и смотрятъ на бухту. Они скоро лягутъ опять на прежнія мѣста. Поклонитесь имъ, кто ихъ увидитъ: они стòятъ поклона! Въ нихъ перешла сила того молодца, кто вспомнилъ о нихъ въ страшную ночь, схватилъ и перевезъ на Сѣверную.... и они тогда жили и чувствовали!...

За базаромъ, по горамъ, виднѣлись лагери и военные обозы. Кое-гдѣ стояли орудія.

Когда мы стали подъѣзжать къ Сѣверному укрѣпленію, я замѣтилъ необыкновенное множество ямъ, вырытыхъ бомбами; но осколковъ не было: ихъ уже подобрали. Въ иномъ мѣстѣ такъ много было ямъ, что телѣга едва-едва не опрокидывалась, наѣзжая на нихъ. И вотъ Сѣверное укрѣпленіе! Тѣ же ворота, валъ и мостикъ; но за валомъ все измѣнилось. Широкій дворъ крѣпости представлялъ грустную пустыню. Подлѣ самыхъ воротъ, направо и налѣво, еще уцѣлѣло два-три дома, гдѣ живетъ комендантъ съ офицерами; но вдали желтѣли однѣ развалины. Земля была усѣяна осколками бомбъ. По всей этой пустынѣ двигался только одинъ человѣкъ, какой-то матросъ. Мы спросили о пароходѣ. Онъ отвѣчалъ, что пароходъ стоитъ противъ Михайловской батареи, и мы тотчасъ туда отправились. По всей дорогѣ поминутно встрѣчались ямы отъ бомбъ. Мы проѣхали мимо оригинальной батареи на мыскѣ, у Сѣверной балки. Батарея глядѣла попрежнему. Длинныя жерла огромныхъ орудій красиво свѣшивались надъ бухтой, за которой виднѣлась южная сторона Севастополя, еще казавшагося издали городомъ. Домикъ на горѣ, у Сѣверной балки, въ которомъ жили Великіе Князья, и ниже, у пристани, гауптвахта почти не существо-

---

(*) Она въ это время называлась 22-мъ нумеромъ.

вали. Отъ небольшихъ каменныхъ домиковъ, окружавшихъ когда-то пристань, гдѣ вѣчно суетились торговки, варились какія-то похлебки для матросовъ, зеленѣли кучи арбузовъ, продавались сигары и табакъ,—отъ всего этого остались желтые глиняные столбики и кучи мусору. Я взглянулъ на то мѣсто бухты, гдѣ горѣлъ фрегатъ «Коварна»: никакого слѣда, ни одной щепки. Но подлѣ, у самаго мыска, лежалъ, покачнувшись на бокъ, пароходъ «Херсонесъ», а направо отъ него виднѣлись остатки затопленнаго транспорта (*) «Гагры». Михайловская батарея уцѣлѣла совершенно; изъ-за нея, вдали, попрежнему выглядывала Константиновская. Пароходъ «Андія» бросилъ якорь между ними, противъ Нахимовской земляной батареи, устроенной по плану покойнаго адмирала и, кажется, заложенной имъ самимъ.

Мы прибыли рано, за цѣлыя сутки до отхода «Андіи». Мнѣ хотѣлось увидать кого нибудь изъ знакомыхъ; но это оказалось не такъ легко. Въ Михайловской батареѣ, гдѣ во время осады я зналъ почти всѣхъ, теперь все были новыя лица. Я спросилъ о командирѣ парохода «Херсонесъ», Иванѣ Григорьевичѣ Рудневѣ. Мнѣ сказали, что онъ живетъ въ одномъ изъ бывшихъ госпитальныхъ бараковъ за Куриной балкой. Я отправился его отъискивать, — и опять сказались мнѣ севастопольскіе горы и холмы. Пройдя мимо четвертаго нумера, гдѣ было замѣтно нѣкоторое движеніе, показывались кучки матросовъ, я спустился съ горы и, вмѣсто бараковъ, увидѣлъ однѣ голыя стѣны, безъ крышъ и безъ оконъ. Бывшій станціонный дворъ представлялъ тотъ же видъ. Какъ можно было подумать, что здѣсь кто нибудь живетъ. Все смотрѣло пустыней и разрушеніемъ. Но, пройдя далѣе, по направленію къ Панеотовой балкѣ, я замѣтилъ въ концѣ нѣсколько цѣлыхъ бараковъ: тутъ-то и жилъ Рудневъ, и тутъ еще копошилась жизнь. Рудневъ былъ большой хозяинъ. Онъ умѣлъ вездѣ устроиться съ полнымъ комфортомъ. Такимъ знали его и на морѣ, таковъ онъ былъ и на сушѣ. Противъ его оконъ я увидѣлъ конюшню съ тройкой сытыхъ лошадей; подлѣ, у сѣннаго сарая, былъ прислоненъ столбъ съ рѣзной фигурой прекрасной женщины: это была Ольвія, украшавшая яхту князя Барятинскаго, которая долго стояла рядомъ съ «Коварной». Я встрѣтился съ ней, какъ съ пріятельницей. Неподалеку въ кухнѣ шелъ

(*) Такъ обыкновенно попросту называютъ транспортное судно.

говоръ. Все жило, все напоминало уголокъ какого нибудь городка, и какъ странно и непріятно было оглянуться и увидѣть рядъ разбитыхъ стѣнъ и кучи камней.... Я вспомнилъ одно обстоятельство, которое сблизило меня съ Иваномъ Григорьевичемъ. Во время осады, у него, какъ у добраго и предупредительнаго хозяина, былъ заготовленъ подлѣ Сѣвернаго укрѣпленія балаганъ, на случай отступленія. Балаганъ былъ пустъ. Когда насъ, въ концѣ августа, сильно стали тревожить бомбы и ядра, я хотѣлъ переѣхать въ этотъ балаганъ и 26 августа, послѣ обѣда, собрался къ Ивану Григорьевичу, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ. Я сидѣлъ въ каютѣ, разрѣзывая одну книгу и дожидаясь трехъ часовъ. Оставалось только полчаса, какъ вдругъ ударила бомба. Не соберись я къ нему, я бы легъ, по обыкновенію, спать. Не знаю, разбудилъ ли бы меня кто нибудь во время пожара; но я знаю, что мы оставили въ огнѣ четырехъ спящихъ матросовъ и одного раненаго. Не было никакой возможности о нихъ позаботиться: пламя лилось рѣкою, и фрегатъ обнялся имъ въ десять минутъ. Припоминаніе этого обстоятельства придало еще болѣе значенія нашей дружеской встрѣчѣ на этихъ развалинахъ. Странно: отъ мысли, что за стѣною пустыня и нѣтъ ничего, кромѣ разрушенныхъ бараковъ, раскиданныхъ камней, ядеръ и осколковъ, какъ-то теплѣе становилось въ уголкѣ Ивана Григорьевича, какъ-то веселѣе зашумѣлъ самоваръ. Иванъ Григорьевичъ досталъ откуда-то куличъ, присланный ему на пароходѣ «Андіи» изъ Одессы, наставилъ на столъ ветчины, телятины, разныхъ закусокъ. Посуда была пароходная, съ «Херсонеса». Немногимъ удалось спасти хоть что нибудь, при затопленіи судовъ, — Иванъ Григорьевичъ спасъ рѣшительно все и самый пароходъ привалилъ въ такомъ мѣстѣ, откуда легко его было вытащить. И теперь «Херсонесъ» уже поднятъ и гуляетъ опять по Черному морю. Я сталъ осматривать комнаты Ивана Григорьевича: вездѣ было множество всякой мебели, въ гостиной даже стоялъ рояль, по стѣнамъ висѣли картины.

Немного спустя къ нему явились еще два гостя, оба знакомые мнѣ по Севастополю: докторъ Василій Ивановичъ Тарасовъ и священникъ Петропавловской церкви отецъ Арсеній, пріѣхавшіе изъ Симферополя. Мы провели вечеръ въ самыхъ пріятныхъ бесѣдахъ, вспоминая осаду, и ночевали у милаго моряка. Всѣмъ нашлось по дивану, съ бѣльемъ, подушками и одѣялами.

На другой день намъ вздумалось посѣтить Корабельную, и мы выпросили у Ивана Григорьевича гичку. Онъ далъ намъ ее, прося беречь, потому что она принадлежала когда-то Нахимову. Я принялъ на себя обязанность хранить ее и съ большимъ наслажденіемъ сѣлъ у руля и взялся за веревки (*), которыя много разъ бывали въ рукахъ адмирала. Мы перелетѣли бухту по направленію къ Аполлоновой балкѣ, дабы прежде всего осмотрѣть Малаховъ курганъ: на мѣстѣ бывшей пристани еще остались кое-какія чурки и плотъ, къ которому мы и причалили. Какъ и прежде, все пространство отъ пристани до водопровода и нѣсколько дальше было покрыто ядрами, бомбами, картечью, лоскутками одеждъ и всякимъ соромъ. Но между русскими изношенными сапогами уже валялись французскіе башмаки, подкованные гвоздями, и кое-гдѣ глядѣло изъ-подъ грязи красное сукно французскихъ брюкъ. За арками водопровода, налѣво, мы увидѣли глубокую траншею, обнесенную турами, которая извивалась въ гору довольно далеко и, вѣроятно, имѣла сообщеніе съ Малаховымъ. Эта траншея была выведена французами уже послѣ, по оставленіи нами Севастополя, въ октябрѣ или въ ноябрѣ. Но когда вы бросите взоръ назадъ, черезъ бухту, на наши сѣверныя батареи, тонущія вдали, за зыбью волнъ, вамъ покажется невѣроятнымъ, чтобы онѣ могли вредить непріятелю и заставить его ползти шагъ за шагомъ, окапываться валами и ставить ряды туровъ: такъ далеко оттуда эти батареи.

Мы пошли къ Малахову извѣстной широкой улицей въ гору и потомъ повернули налѣво, къ заставѣ, мимо того трактира, изъ котораго былъ взятъ для раненаго Нахимова *послѣдній* ледъ. Трактиръ назывался «Ростовъ на Дону». Представьте, онъ еще живъ; въ нижнемъ этажѣ уцѣлѣли даже окна со стеклами, за которыми мелькали французы и блестѣли штыки. Тамъ была, вѣроятно, караульня или харчевня. Но кругомъ все было пустынно; только у иныхъ бутокъ стояли англійскіе гвардейцы, въ медвѣжьихъ шапкахъ, всѣ до одного, которыхъ мы встрѣтили, рослые и красивые. Они дѣлали намъ на караулъ. Повернувъ изъ заставы направо, мы увидѣли себя на истинномъ полѣ побоищъ и смерти. Никогда до той минуты я не встрѣчалъ столько накиданныхъ ядеръ и осколковъ. Много разъ во время

(*) Руль у гички бо̀льшею частію устроивается на веревкахъ, которыя для красы обтягиваются сукномъ.

осады я бывалъ на этомъ самомъ полѣ; но тогда не было и половины того, что мы увидѣли. Осколокъ отъ осколка лежалъ не больше, какъ на поларшина; а въ иныхъ мѣстахъ виднѣлись и цѣлыя сплошныя кучи ядеръ и бомбъ. И такъ смотрѣло все поле, на версту и дальше. Бѣлостоцкая церковь была разбита совсѣмъ. Домики направо, у подножія Малахова, представляли кучи мусору и глины. И вотъ мы поднялись на священный Малаховъ курганъ! Онъ былъ совершенно то же, что и всякій другой разбитый бастіонъ: осѣвшіе и разрытые валы, полузасыпанные рвы. Въ одномъ изъ нихъ, налѣво отъ горжи, стоялъ большой деревянный крестъ, съ такою надписью:

8
Septembre
1855
Unis pour la Victoire, | Du Soldat c'est la Gloire!
Réunis par la Mort, | Des braves c'est le Sort!

Я насилу-насилу нашелъ дорогу къ башнѣ, которой, какъ и всегда, долго не было видно. Отъ башни уцѣлѣлъ только нижній этажъ. Надъ дверью были замѣтны слѣды копоти. Въ башнѣ помѣщалось нѣсколько французскихъ солдатъ. Изъ-за одного бугра торчали ружья, составленныя въ козлы, съ навѣшенными на нихъ сумками. На самой башнѣ, или, правильнѣе, на ея остаткахъ, стояли двѣ будки: наша и французская, вѣялъ трехъ-цвѣтный флагъ и ходилъ часовой.

Я спустился на ту сторону кургана, черезъ мостикъ, чтобы увидѣть, на сколько приблизились ихъ траншеи къ нашимъ, передъ взятіемъ кургана; но я ничего не могъ отъискать: многія траншеи были искусно засыпаны землей. Пришлось смѣрять нѣсколько сомнительныхъ разстояній: нигдѣ не было меньше шестидесяти саженъ. На всемъ пространствѣ этого пологаго спуска, гдѣ забываешь о всякомъ курганѣ, мнѣ безпрестанно попадались подъ ноги мѣшки, набитые землей, но лежавшіе такъ плотно, что ихъ нельзя было и пошевелить. Все это поле многихъ и страшныхъ побоищъ было усѣяно какими-то красивенькими алыми цвѣтами, въ родѣ мелкихъ астръ, и желтыми и лиловыми тюльпанами. Какъ и на четвертомъ бастіонѣ (*), я набралъ въ одну минуту полные карманы пуль. Между ними попадалось много русскихъ.

(*) См. статью въ VIII книжкѣ «Современника», стран. 186.

Отецъ Арсеній и Тарасовъ пошли въ доки, а я остался срисовать развалины Малаховой башни. Черезъ полчаса мы рѣшили соединиться на пристани, въ Аполлоновой балкѣ.

Когда я началъ рисовать, ко мнѣ подошли двое французскихъ солдатъ и стали разговаривать со мной весьма просто и дружелюбно. Я спросилъ, нѣтъ ли между ними такихъ, которые были на курганѣ въ послѣдній приступъ.

«Нѣтъ, ужь тѣ уѣхали во Францію, отвѣчали они:—а мы здѣсь недавно.»

Я зарисовался и немного опоздалъ: когда я спускался въ Аполлонову балку, мои пріятели уже сидѣли въ лодкѣ.

Мы понеслись вдоль по бухтѣ, къ Инкерману, гдѣ отцу Арсенію хотѣлось осмотрѣть церковь, когда-то возобновленную по его плану и подъ его наблюденіемъ.

Отъ Аполлоновой балки до Черной рѣчки вѣрныхъ четыре версты; но мы, въ бесѣдахъ, и не замѣтили, какъ вдругъ изъ широкой бухты очутились въ узкихъ берегахъ, покрытыхъ камышами. Надо было править рулемъ какъ можно внимательнѣе, чтобы не налетѣть на берегъ. Рѣчка же поминутно поворачивала, довольно крутыми изгибами, то вправо, то влѣво. Проѣхавъ съ версту по рѣкѣ, мы увидѣли деревянный мостикъ, на которомъ стоялъ англійскій часовой; рѣчка раздваивалась. Нѣсколько лодокъ показалось въ другомъ рукавѣ. Французскіе и англійскіе солдаты и офицеръ ловили по берегу удочкой рыбу, стоя въ камышахъ; но между ними виднѣлись иногда и наши матросы, въ одной рубашкѣ и въ шапкѣ съ бѣлымъ кантомъ и нумеромъ экипажа. Какія-то бѣлыя лиліи, въ три цвѣтка, во множествѣ красиво поднимались надъ камышами. Мы проѣхали подъ мостъ и, проплывъ еще съ полверсты, причалили къ берегу.

По правую руку отъ насъ высилась крутая, скалистая гора, изрытая древними пещерами, къ которымъ давнымъ-давно не было подходу, потому что рухнули ихъ подножія и теперь казались гнѣздами птицъ. Налѣво, далеко, виднѣлись Инкерманскія высоты, гдѣ когда-то стоялъ нашъ лагерь. Немного далѣе выступала Мекензіева гора, а прямо противъ насъ чернѣла отвѣснымъ треугольникомъ Инкерманская скала, также изрытая пещерами. По срединѣ ея была древняя церковь, съ балкономъ, висѣвшимъ въ воздухѣ, и за этимъ балкономъ бѣлѣли сосновыя доски затворенныхъ дверей.

Мы скоро подошли къ этой скалѣ и поднялись вверхъ по каменнымъ ступенямъ. Древняя Инкерманская башня, хранимая столькими вѣками, рухнула въ одинъ годъ подъ грозою войны. Кто видалъ ее въ началѣ осады, едва могъ узнать теперь. Мы осмотрѣли старыя цитерны, заросшія травой, прошлись по скалѣ до того мѣста, откуда открываются Ѳедюхины горы, и спустились въ церковь. У входа въ нее, передъ другими ступенями, насъ встрѣтили нѣсколько русскихъ солдатъ, приставленныхъ смотрѣть за сборомъ въ пользу Инкерманскаго монастыря. Направо отъ дверей, на скалѣ, висѣла кружка. Мы вошли въ церковь, гдѣ, по преданію, служилъ папа Климентъ Римскій, сосланный сюда въ заключеніе. Въ задней части алтаря, подъ потолкомъ, былъ высѣченъ въ той же скалѣ правильный крестъ, сохранившійся весьма хорошо. Вся церковь была ничто иное, какъ пещера. Отъ нея вѣяло древностію; но алтарь, иконостасъ и образа смотрѣли очень ново. Всѣ они были изстрѣляны пулями; а нѣкоторыя изъ иконъ, писанныя на холстѣ, были вырѣзаны изъ рамъ. Кто это сдѣлалъ, неизвѣстно: русскіе ли, чтобы не оставить на виду святыню, или французы, взявшіе себѣ иконы изъ любопытства. Наружныя двери, выходившія на балконъ, также были изстрѣляны: онѣ-то и принимали на себя первые удары; а потомъ, пробивъ двери, пуля неслась въ алтарь и ударяла въ стѣну. Въ одномъ мѣстѣ, подлѣ окна, я замѣтилъ большую пробоину ядромъ. Отецъ Арсеній повѣрилъ сборъ въ кружкѣ и просмотрѣлъ книгу съ именами жертвователей. Между ними было много французовъ и англичанъ. Солдаты, смотрѣвшіе за церковью, говорили, что французы поминутно приходятъ и кладутъ въ кружку деньги. Кое-гдѣ на стѣнахъ я прочелъ французскія и англійскія фамиліи.

Когда мы спустились внизъ, сталъ накрапывать дождикъ, который проводилъ насъ до лодки и увеличился еще болѣе при выѣздѣ нашемъ на рейдъ. Къ счастію, плыть было по вѣтру, и мы доѣхали скоро, но только измочились. Иванъ Григорьевичь далъ намъ бѣлья и шинелей. Вечеромъ я простился съ добрымъ хозяиномъ и съ гостями и перебрался на пароходъ.

На другой день, 21 апрѣля, капитанъ объявилъ намъ, что снимается послѣ обѣда, часа въ три. Куда было дѣвать время? Я выпросилъ у него гичку и поѣхалъ въ доки, которыхъ еще не видалъ послѣ разрушенія.

Мы въѣхали въ доковую бухту мимо нѣсколькихъ иностранныхъ судовъ. Въ началѣ ея все сохранилось по прежнему. Морскіе магазины стояли не тронутые. Множество народу двигалось по лѣвому берегу, таская разныя вещи въ одинъ изъ магазиновъ. Болѣе всего было красномундирныхъ англичанъ; но попадались и французы. Въ боковую дверь магазина было кинуто нѣсколько досокъ. Часть красномундирниковъ подымалась вверхъ съ какими-то однообразными узелками на плечахъ, а другая часть сходила внизъ по другимъ доскамъ, правѣе. Это дѣлалось совершенно правильно и безостановочно; красныя фигуры мелькали одна за другой, какъ въ извѣстной дѣтской игрушкѣ выплываютъ и уплываютъ утки. Покамѣстъ я двигался тихо по каналу до перваго мостика, гдѣ и вышелъ на берегъ, красныя утки уплывали и выплывали изъ магазина. Нѣсколько фуръ и телегъ подвозили имъ разныя вещи. А иногда и шестерка дюжихъ лошадей тащила просто по землѣ, на цѣпяхъ, тяжелую желѣзную полосу. Случалось, что цѣпи лопались отъ упора тяжести; сидѣвшій на переднемъ конѣ французъ, въ синей шинели и красной фескѣ, соскакивалъ, бранился, прилаживалъ желѣзныя постромки опять, и опять полоса бороздила землю и тяжко звенѣла по мостовой.

Я дошелъ до шлюзовъ и увидѣлъ разрушеніе. Надо признаться, доки были взорваны отлично. Все мѣсто отъ шлюзовъ до конца представляло огромную чашу, полную каменьями и бревнами, которые какъ бы кто встряхнулъ нѣсколько разъ въ этой чашѣ, но такъ, что ни одного камня не выскочило вонъ и ни одного не осталось въ берегахъ. Я видѣлъ очень много взрывовъ; но ни одинъ не поразилъ меня такъ, какъ доки. Это chef-d'oeuvre взрывы. Неподалеку отъ шлюзовъ торчали изъ-подъ каменныхъ волнъ обломки парохода «Первазъ-Бахрѝ», когда то чинившагося въ докахъ. Высовывались труба и часть колесъ. Это было очень живописно. Возвышавшійся по ту сторону зеленый берегъ, съ развалинами Александровскихъ казармъ, придавалъ еще болѣе эффекта картинѣ. Поэзія одолѣвала тяжелое впечатлѣніе. Я сталъ рисовать, какъ вдругъ закапалъ дождь. Я долженъ былъ уйти въ ближайшій магазинъ, въ которомъ, у входа, толпились нѣсколько англійскихъ гвардейцевъ, въ ихъ великолѣпныхъ медвѣжьихъ шапкахъ. Всѣ были молодцы и въ самыхъ свѣжихъ и чистыхъ мундирахъ. Сколько я замѣчалъ, въ одеждѣ англичане брали постоянный перевѣсъ передъ всѣми другими войсками. На смотру, который давалъ нашему главнокомандующему Пелиссье въ началѣ апрѣля 1855 года, англичане, по сознанію самихъ французовъ, затмили ихъ и всѣхъ блескомъ мундировъ.

Я хотѣлъ продолжать работу изъ магазина; но изъ него былъ уже другой видъ. Рядомъ находилась еще дверь, откуда, какъ мнѣ казалось, я увижу то же самое, что съ берега. Я заглянулъ въ дверь: она вела въ офицерское помѣщеніе. На столѣ лежало нѣсколько книгъ. На стѣнѣ висѣлъ красный мундиръ. Но гдѣ хозяинъ и съ кѣмъ объясниться? Въ дверяхъ вертѣлся какой-то неопредѣленный молодецъ, смуглый лицомъ, въ курткѣ, въ шароварахъ и фескѣ. Я заговорилъ съ нимъ по французски. Молодецъ не отвѣчалъ ничего и только кивалъ отрицательно головою.

— Стало быть, вы англичанинъ?

Онъ молчалъ и кивалъ по прежнему головою.

Что было дѣлать? Дай спрошу по татарски.

Лишь только я произнесъ нѣсколько словъ, все пошло, какъ по писанному. Молодецъ оказался турокъ. (*) Онъ былъ въ услуженіи у англичанина, занимавшаго комнату, и въ то же время училъ его по турецки. Турокъ побѣжалъ и привелъ откуда-то своего хозяина. Это былъ молодой, высокій мужчина, въ чорномъ сюртукѣ.

— Пожалуйста, войдите! сказалъ онъ по французски, съ самымъ убійственнымъ произношеніемъ: — здѣсь все къ вашимъ услугамъ.

Мы сѣли передъ столомъ на диванчикъ. Англичанинъ показалъ мнѣ свои занятія: словари и грамматики всевозможныхъ языковъ. Этотъ чудакъ учился у себя въ каморкѣ, при вѣчномъ трещаніи каменнаго угля въ каминѣ, нѣсколькимъ языкамъ вдругъ и, между прочимъ, русскому.

— Я и по русски немножко понимаю, сказалъ онъ мнѣ именно этой фразой; но онъ понималъ только эту фразу, и то съ трудомъ.

Я пробылъ у него недолго, потому что каменный уголь распространялъ непріятный запахъ и духоту. И въ этой духотѣ учиться по словарю десяти языкамъ вдругъ!

Дождикъ пересталъ, и я, кончивъ работу, намѣревался ѣхать на южную сторому, пообѣдать.

(*) Крымско-татарскій языкъ и турецкій весьма сходны между собою. Это, можно сказать, одинъ и тотъ же языкъ.

Странный англичанинъ посматривалъ на меня, какъ будто желая, чтобы я пригласилъ его съ собой. Это былъ одинъ изъ тѣхъ нерѣшительныхъ, сующихся господъ, которые никогда не знаютъ, что имъ дѣлать, и увлекаются водоворотомъ всякаго случая, всякаго посторонняго обстоятельства.

Я пригласилъ его.

— Поѣдемте! очень радъ! сказалъ онъ и какъ будто уже раскаявался, что согласился, а, между тѣмъ, заносилъ ногу въ гичку.

Мы сѣли и поѣхали на Графскую.

Около морскихъ магазиновъ было все то же движеніе. Въ бухту входилъ большой англійскій пароходъ и остановился близъ Павловскаго мыса. Онъ подъѣхалъ, какъ мнѣ показалось, принимать заготовленный въ магазинахъ грузъ и потомъ отплыть восвояси.

Мы скоро причалили къ Графской и поднялись по каменнымъ ступенямъ къ бывшему дворцу Государыни Екатерины.

Я уже сказалъ въ «Замѣткахъ» о посѣщеніи южной стороны (*), что на мѣстѣ дворца Государыни остались только четыре стѣны, къ которымъ пристроенъ досчатый навѣсъ съ надписью: «Café restaurant». Такъ какъ я ѣхалъ обѣдать, то и отправился прямо туда; но тамъ было чрезвычайно грязно и бѣдно. Кромѣ какой-то соленой рыбы и сыру ничего не предлагалось. Много было только вина, портеру и всякихъ напитковъ. Нѣсколько полокъ было уставлено разными бутылками и бутылочками. За однимъ изъ маленькихъ столовъ, покрытымъ черной клеенкой, сидѣлъ молодцоватый пьемонтскій солдатъ за кружкой неизвѣстнаго напитка. На немъ была сѣрая шинель, подтянутая чернымъ глянцовымъ ремнемъ, а на головѣ черная лакированная шляпа съ большими полями и съ чернымъ султаномъ изъ конскихъ волосъ, надѣтая немного на бекрень, но хмѣль бекренилъ ее каждую минуту больше и больше.

Непостижимый сующійся любитель разныхъ языковъ былъ все еще со мною. Я спросилъ его, не знаетъ ли онъ ресторации получше. Онъ отвѣчалъ только: «пойдемте!» и мы пошли по площади къ ресторации, устроенной въ домѣ Собранія: она была еще грязнѣе первой. Нѣсколько французскихъ солдатъ шумѣли за чарками, сидя на чемъ попало: на камняхъ, на какихъ-то чуркахъ и просто на землѣ. Я спросилъ у одного,

---

(*) «Современникъ», № VIII, стран. 183.

нѣтъ ли гдѣ ресторации получше. Спрошенный живо отдалился отъ компаніи и началъ мнѣ объяснять, что есть нѣсколько хорошихъ ресторацій подальше, тамъ, за горой, при чемъ онъ указывалъ въ сторону Морской улицы.

Мы пошли въ Морскую, миновали два-три ресторана, смотрѣвшіе очень незатѣйно, и наконецъ остановились у одной вывѣски, которая не могла не привлечь моего особеннаго вниманія: она вытягивалась длиннымъ языкомъ на полъ-улицы, въ воздухъ, и на этомъ языкѣ была *русская* надпись: «Офицерская Гостинница». Посмотримъ, что за офицерская гостинница!

Мы взошли по каменнымъ ступенямъ въ большую комнату, гдѣ стояло нѣсколько столовъ и висѣло зеркало въ золотой рамѣ. Русскій генералъ завтракалъ въ одномъ углу, окруженный офицерами. Въ слѣдующей комнатѣ, съ поломъ, пробитымъ бомбой, сидѣли также русскіе офицеры и кромѣ нихъ двое французскихъ солдатъ. Бомба, падая, пробила, конечно, и крышу. Крышу починили, потому что въ дыру дулъ вѣтеръ и лилъ дождикъ; а полъ оставили такъ: самъ заживетъ!

Мы устроились въ этой пробитой комнатѣ и заказали обѣдъ явившемуся къ нашимъ услугамъ бѣлокурому и рябому французу, въ сюртукѣ, въ фескѣ и башмакахъ, летавшему, какъ вѣтеръ. Это былъ, кажется, самъ хозяинъ. Представшій потомъ гарсонъ, въ синей блузѣ, въ широкихъ красныхъ брюкахъ и также въ фескѣ, румянолицый, съ тонкими усиками, оказался неугомоннымъ болтуномъ, и, притомъ, онъ сильно выпилъ и отпускалъ такія вещи, что пришлось его устранить.

Намъ подали яичницу, сваренную сносно, бифстексъ, хуже котораго я ничего не ѣлъ, и порядочный бисквитный пирогъ, затѣмъ кофею, портеру и какого-то вина. Все это подавалось несносно медленно. Летающій хозяинъ и гарсонъ куда-то пропадали, и я ловилъ ихъ уже на дворѣ.

Мы заплатили довольно дорого, около шести рублей серебромъ, и вышли. Англичанинъ пошелъ налѣво, а я отправился къ пристани, но дорогой зашелъ поклониться нашимъ адмираламъ, похороненнымъ подлѣ Библіотеки. Мнѣ говорили, что могила Нахимова была разрыта; я осмотрѣлъ ее внимательно и не замѣтилъ ничего.

Подходя къ пристани, я остановился не надолго передъ дворцомъ Государыни Екатерины, чтобы его срисовать; но вдругъ пошелъ дождикъ. Неподалеку была какая-то лавочка. Хозяинъ ея, французъ, замѣтилъ мое затрудненіе и сталъ звать къ себѣ:

«пожалуйста, войдите —сказалъ онъ — мы устроимъ рисованье отсюда.»

Я вошелъ. Услужливый французъ мигомъ очистилъ мнѣ мѣсто, убралъ прочь какую-то кадушку и вытеръ прилавокъ, залитый виномъ и масломъ.

Я расположился рисовать; а французъ сначала глядѣлъ, а потомъ сѣлъ въ сторону и заснулъ.

Среди такого уединенія, когда хлеставшій дождикъ разогналъ пѣшеходовъ, когда ничто не мелькало у меня передъ глазами и въ лавкѣ было такъ тихо, я не могъ не предаться воспоминаніямъ.

По какому-то странному случаю, мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было то самое, откуда я рисовалъ когда-то дворецъ Государыни, еще совершенно цѣлый. Это было 15 августа, въ предпослѣднюю бомбардировку. Одинъ мой пріятель, лейтенантъ Акимовъ, усадивъ меня на боченкѣ, пошелъ къ обѣдни въ Николаевскую батарею, и я видѣлъ, какъ ядро, дѣлая рикошетъ по площади, пронеслось въ нѣскольких аршинахъ передъ нимъ. Воздухъ поминутно наполнялся разными свистами. Кончивъ работу, я самъ пошелъ къ обѣдни. Церковь была полна, и нельзя было никакъ пробраться внутрь. Я сталъ въ дверяхъ. Помню, какъ прошелъ графъ Сакенъ. Помню, какъ всѣ молились, нисколько не думая о ядрахъ и бомбахъ, которыя гудѣли надъ батареей и прыгали по площади. Часто былъ слышенъ трескъ разрушаемыхъ зданій; но никто ни разу не оборотилъ головы. Великъ въ такія минуты человѣкъ русскій. Этотъ день былъ, между прочимъ, днемъ открытія знаменитаго моста, и я прошелъ по немъ, возвращаясь на «Коварну».

Вотъ что припомнилось мнѣ; но скоро хозяина разбудили посѣтители — солдаты, требовавшіе табаку и сигаръ, которыхъ онъ и отпустилъ имъ сію же минуту.

Я срисовалъ остатки дворца и Собранія, гдѣ былъ главный перевязочный пунктъ. Въ это время подошелъ ко мнѣ матросъ и объявилъ, что на пароходѣ выкинутъ призывный флагъ. Я поблагодарилъ француза и сѣлъ въ гичку. Когда мы прибыли, на пароходѣ уже перекликали пассажировъ.

Черезъ часъ зашумѣли колеса, подымая пѣнистую волну.

Прощай, Крымъ! прощай, незабвенный Севастополь! Я влѣзъ на кожухъ и долго смотрѣлъ въ сторону исчезающаго города....

Н. БЕРГЪ.

Одесса. 1856. Іюнь.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

Изъ Шиллера.

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать.
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣритъ ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ ангеловъ святыхъ, и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатство.

Но бѣдное дитя — поэзія святая,
Такая жь скромная пастушка, какъ и ты,
Священныя права заслугѣ возвращая,
Взнесла тебя къ звѣздамъ на крыліяхъ мечты.
Ты создана душой, — и, окруженный славой,
Переживетъ вѣка твой образъ величавой.

Міръ любитъ помрачать невѣріемъ холоднымъ
Все то, что высоко, что блещетъ и горитъ;
Но есть еще сердца съ стремленьемъ благороднымъ
И съ вѣрою во все, что сердцу говоритъ.
Пускай клевещетъ Момъ и тѣшитъ вкусъ народный:
Лишь благородный умъ чтитъ образъ благородный.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВЪ РОССІИ.

Г. ЧИЧЕРИНА.

(«Русскій Вѣстникъ». кн. III, IV, XII и XIII.)

При всеобщей симпатіи нашей публики къ изученію отечественной старины, распространяться о его значеніи было бы излишне. Но не всѣ стороны старины одинаково занимательны, особенно при практическомъ взглядѣ, который у насъ господствуетъ. У насъ очень немногочисленъ классъ людей, желающихъ знанія для самаго знанія: большинство ищетъ практическаго примѣненія свѣдѣній, которыя добываются наукой, и довольно холодно смотритъ на тѣ ея выводы, которые не удовлетворяютъ этой потребности. Такъ и въ нашей археологіи. То, что касается давно исчезнувшихъ явленій народной жизни, имѣвшихъ только отдаленное и слабое вліяніе на современный бытъ, болѣе занимаетъ спеціалистовъ, чѣмъ массу читателей: таковы изысканія о славянской миѳологіи. Но есть въ археологіи вопросы, которымъ публика горячо сочувствуетъ: именно вопросы исторіи права, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно вполнѣ понять окружающій насъ порядокъ вещей. Только исторія даетъ ключъ къ безпристрастному взгляду на отношенія сословій и на развитіе ихъ правъ. Въ статьѣ, заглавіе которой нами выписано, поднятъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашей юридической исторіи.

Г. Чичеринъ самъ опредѣлилъ точку зрѣнія, съ которой критика должна смотрѣть на его трудъ:

«Я хотѣлъ только возбудить важный историческій вопросъ и собрать нѣсколько данныхъ, могущихъ способствовать его уясненію.... вопросъ этотъ едва затронутъ и требуетъ еще долгой разработки.

«Мы не имѣемъ претензіи написать полную исторію сельской общины въ Россіи. Это трудъ, который потребовалъ бы слишкомъ обширныхъ изслѣдованій; да едва ли въ настоящее время есть для этого достаточно изданныхъ матеріаловъ. Наша цѣль гораздо ограниченнѣе: мы хотѣли только выставить на видъ читателю нѣкоторыя историческія данныя, могущія служить къ уясненію этого важнаго вопроса.»

Послѣ этого критика можетъ дополнить недостаточность фактовъ, собранныхъ авторомъ, или, по крайней мѣрѣ, указать на тѣ стороны вопроса, которыя или рѣшены неудовлетворительно, или оставлены въ тѣни. Но она не имѣетъ права осуждать автора за неполноту его изслѣдованія, если ее замѣтитъ. Приведемъ еще выписку изъ статьи г. Чичерина; она докажетъ, что даровитый авторъ желаетъ критики именно такого рода.

«Вопросъ этотъ имѣетъ важное значеніе не только въ наукѣ, но и въ жизни, и для того, чтобы привести его къ нѣсколько удовлетворительному рѣшенію, не будутъ излишни совокупныя силы всѣхъ занимающихся нынѣ русскою исторіею. *Разумѣется, здѣсь дѣло не въ томъ, хорошо или дурно доказано извѣстное положеніе, а въ томъ: на сколько оно справедливо.* Здѣсь идетъ разработка ученаго вопроса, при которой нельзя оставить безъ вниманія ни ошибочныхъ выводовъ и изслѣдованій, ни безосновательныхъ опроверженій.»

Хотя этими словами авторъ какъ бы отказывается защищать литературное достоинство своего труда, но мы считаемъ обязанностью поблагодарить его за увлекательность изложенія и за живой интересъ, который онъ умѣлъ сообщить занимавшему его вопросу. Въ этомъ отношеніи особенно хорошъ отвѣтъ г. Бѣляеву («Р. Вѣстн. №№ XII и XIII). Замѣтимъ кстати, что пренебреженіе ученыхъ къ литературной сторонѣ ихъ изслѣдованій, (примѣры котораго, однако, годъ отъ году становятся рѣже) оказываетъ вредное вліяніе и на распространеніе ихъ выводовъ: не разъ, безтолково высказанныя истины оставались безплодными или вовсе забывались, пока не попадали въ руки даровитому человѣку.

Основныя мысли г. Чичерина имъ высказаны въ четырехъ тезисахъ. (Рус. Вѣстн., кн. IV, стр. 600—601) и существенно заключаются въ слѣдующемъ:

«Наша сельская община не родовая, а государственная, она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.... она развивалась по тѣмъ же началамъ, по которымъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи.... Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою, и изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними; тогда.... все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца, и значеніе сельской общины было чисто владѣльческое и финансовое. Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на землевладѣльцевъ съ конца XVI вѣка и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души. Наша община — результатъ прошедшей исторіи народа, образовавшаго изъ себя великое государство, и въ которомъ государственныя начала проникаютъ до самыхъ низшихъ слоевъ общественной жизни.»

Въ эти положенія свелъ самъ г. Чичеринъ выводы изъ своего изслѣдованія. Остановимся на нихъ.

Самъ авторъ («Р. В.», кн. III, стр. 375) на историческое изученіе всякаго вопроса смотритъ, какъ на лучшую повѣрку наблюденій надъ дѣйствительностью. Но если исторія, съ одной стороны, объясняетъ дѣйствительность, то, съ другой, дѣйствительность должна служить еще болѣе строгой повѣркой результатовъ, добытыхъ историческимъ изслѣдованіемъ. Попытаемся сдѣлать подобную повѣрку въ настоящемъ случаѣ. Мы не думаемъ окончательно опровергнуть выводы автора. Мы только желаемъ изложить нѣкоторыя сомнѣнія, возбужденныя чтеніемъ статьи г. Чичерина. Если онъ ихъ разрѣшитъ, тѣмъ лучше: они уже не будутъ безпокоить читателя. Если же нѣтъ, то вопросъ останется спорнымъ, и это его положеніе, можетъ быть, вызоветъ болѣе зрѣлыя изслѣдованія: въ обоихъ случаяхъ наша цѣль будетъ достигнута.

Итакъ, по мнѣнію историка, современныя общины созданы усиліями государства. Боясь утомить читателя длинными выписками, отсылаемъ его къ стр. 780 въ XII-й «кн. Р. Вѣстн.»: онъ найдетъ тамъ объясненіе того, что авторъ разумѣетъ подъ понятіемъ о государствѣ. По мнѣнію г. Чичерина, нераздѣльность территоріи и верховной власти и постоянство законовъ — отличительныя черты государства. Изъ этихъ трехъ условій характеръ *начала* (принципа), характеръ юридическаго основанія имѣетъ только *постоянство законовъ.* Оно отличаетъ государство отъ всякой случайной связи людей, только при немъ нераздѣльность верховной власти и территоріи будетъ не случайнымъ, а разумнымъ и необходимымъ явленіемъ. Но самое постоянство законовъ тогда только является прочной основой государственнаго быта, когда основано на извѣстныхъ началахъ, въ которыхъ проявляются понятія о юридическихъ отношеніяхъ, сообразныя съ характеромъ, бытомъ и потребностями народа. Эти начала должны быть сознаны народомъ и правительствомъ. Но степень относительной развитости народа и его правительства не всегда одна и та же для обоихъ. Иногда духъ правительства упорно держится старины, между тѣмъ, какъ народъ развивается: тогда реформы являются не произвольными дѣйствіями законодательной власти, а какъ бы уступкой силѣ общественнаго мнѣнія и народнымъ требованіямъ. Это мы видимъ въ Англіи. Иногда же народъ въ умственномъ развитіи и въ зрѣлости юридическихъ понятій отстаетъ отъ правительства, которое тогда беретъ на себя руководствовать его въ дальнѣйшемъ образованіи и съ этою цѣлью вводитъ реформы, необходимость которыхъ оцѣнивается лишь впослѣдствіи. Сообразно съ этимъ различіемъ государственность не одинаково развивалась у различныхъ народовъ: у иныхъ ея формы и понятія брались прямо съ туземной почвы, выработывались сначала въ сословіяхъ и отъ дробности восходили къ единству; у другихъ государственныя идеи пришли извнѣ, развились подъ чужимъ вліяніемъ и долго господствовали въ законахъ прежде, чѣмъ переходили въ народное сознаніе, прежде, чѣмъ осмысливались и выливались въ національныя формы.

Убѣжденъ ли г. Чичеринъ, что это время своеобразнаго юридическаго развитія настало для нашихъ общинъ? Повидимому, *да.* Иначе, какъ понимать то, что общины «имѣютъ устройство, вытекшее изъ сословныхъ обязанностей, *подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ, проникшихъ до низшихъ слоевъ общественной жизни*»?

Въ этихъ словахъ есть нѣкоторая неясность, если сравнить ихъ съ мнѣніями автора насчетъ исторіи нашихъ общинъ. Слѣдя больше за измѣненіями въ политическомъ и административномъ устройствѣ, чѣмъ за развитіемъ понятій и гражданственности въ нашемъ простомъ народѣ, г. Чичеринъ, можетъ быть, и здѣсь имѣетъ въ виду однѣ внѣшнія формы, одни административныя названія? Но тогда что значитъ выраженіе, что эти *начала* проникли въ низшіе или какіе бы то ни было слои общественной *жизни*? Еслибъ дѣло шло о формахъ, мы бы не спорили.

Форма можетъ быть самобытная, можетъ быть взятая и извнѣ. Но форма не есть еще *начало* въ жизни юридическаго лица, какъ платье не есть существенное въ жизни лица физическаго. Въ формѣ можетъ выразиться сущность предмета; но форма можетъ и затемнить эту сущность. Форма мѣняется, и иногда очень быстро; но *начало* въ жизни юридическаго лица развивается медленно, цѣлостно, служа органической, хотя часто скрытной, связью всѣхъ ея явленій; это начало въ данномъ случаѣ есть разумное и народное сознаніе о справедливости. Безъ него самое совершенствованіе формъ показываетъ развитіе понятій въ законодательной власти, но не развитіе общественной жизни.

Если это начало, находящее высокую степень развитія въ понятіи о государствѣ, если это начало проникло до низшихъ слоевъ общественной жизни, какъ говоритъ г. Чичеринъ, то мы должны находить сознаніе *народомъ* своихъ обязанностей предъ государствомъ, убѣжденіе *народа* въ справедливости государственныхъ началъ; но къ этому выводу ничто насъ не приготовляетъ въ статьяхъ г. Чичерина, на это сознаніе обязанностей и правъ нашимъ народамъ и въ дѣйствительности ничто не указываетъ.

Дѣло идетъ не болѣе и не менѣе, какъ объ указаніи исторіей, на какой степени гражданскаго развитія стоитъ теперь наше низшее сословіе. «Не самохвальство намъ потребно, а самосознаніе», и «самая печальная истина лучше самой обольстительной лжи», говоритъ г. Чичеринъ. Постараемся послѣдовать этимъ прекраснымъ правиламъ въ рѣшеніи вопроса: дѣйствительно ли государственныя начала оказали большое вліяніе на юридическія понятія нашихъ поселянъ?

Сознаніе обязанностей и государственныхъ началъ предполагаетъ глубокое уваженіе къ закону, твердое пониманіе правъ своего сословія и рѣшимость ими пользоваться въ степени, дозволенной закономъ, и защищать ихъ всѣми законными путями. Сознаніе обязанностей исторически идетъ послѣ сознанія правъ, какъ цѣна ихъ пріобрѣтенія и охраненія. Естественное стремленіе необразованнаго человѣка—къ произволу. Уже при дальнѣйшемъ развитіи гражданственности являются взаимныя ограниченія правъ между гражданами и принятіе ими всѣми обязанностей для поддержанія союза, равно необходимаго для благосостоянія каждаго, именно государственнаго союза. До тѣхъ поръ эти обязанности исполняются по принужденію, и ихъ справедливость не сознается. Для нашего простаго народа неясно самое понятіе о правѣ: онъ уважаетъ только фактъ, руководствуется обычаемъ въ опредѣленіи своихъ домашнихъ отношеній, наконецъ стоитъ на слишкомъ низкой степени умственнаго образованія, чтобы видѣть что либо существенное въ отвлеченномъ правѣ. Россія устроена на началахъ государственныхъ, и потому поселяне не могутъ съ ними не сталкиваться. Но соотвѣтствуетъ ли понятію о государствѣ форма, въ которую ихъ мысль облекаетъ эти идеи? По нашему мнѣнію, нельзя отвѣчать утвердительно. Пояснимъ это примѣрами.

Всего болѣе общедоступно по своей немногосложности должно бы быть понятіе о единствѣ Россіи. Нашъ народъ единодушно его поддерживаетъ; но какъ онъ его понимаетъ? О внутренней связи всѣхъ частей государства онъ и не думаетъ. Поселянинъ великоруссъ смѣется надъ малороссіяниномъ, ненавидитъ татарина, презираетъ жида. Малороссіянинъ, жидъ, татаринъ низшихъ классовъ, каждый съ своей стороны, такими же глазами смотрятъ на всѣхъ не одноплеменныхъ съ ними. Не имѣя понятія о томъ, что такое гражданинъ, они не могутъ видѣть въ нихъ и согражданъ. Что же остается поселянину для объясненія единства Россіи? Внѣшній фактъ: единство подчиненія, но не закону — идеѣ отвлеченной, а потому ему недоступной — а подчиненія лицу и волѣ Царя, т. е. личности видимой и потому не нуждающейся въ объясненіи. Какже онъ смотритъ на характеръ этого подчиненія?

Г. Чичеринъ утверждаетъ, что у насъ «патріархальности уже нѣтъ и слѣдовъ; если въ нравахъ и сохранились обычаи и выраженія, напоминающіе древній родовой бытъ, то это обломки старины, которые въ учрежденіяхъ уже потеряли всякое значеніе.» Это положеніе высказано слишкомъ вообще. Въ учрежденіяхъ, т. е. въ «Сводѣ Законовъ», родовой бытъ, правда, потерялъ всякое значеніе; но потерялъ ли онъ его въ жизни народа? По пѣснямъ, хороводамъ и сказкамъ, еще сохранившимся въ наше время, археологи возстановили часть славянскихъ миѳовъ, несмотря на то, что Россія тому уже почти девятьсотъ лѣтъ приняла христіанство. Можно еще съ большей достовѣрностью возстановить понятія родоваго быта, по существующимъ его остаткамъ. Они очень многочисленны и очень важны. Вы ихъ найдете не въ однихъ обрядахъ при свадьбахъ, не въ однѣхъ хороводныхъ пѣсняхъ. Ихъ вліяніе на самую основу быта и понятій народа очень велико, потому что по нимъ устроена его семейная жизнь. Почти во всѣхъ великороссійскихъ земледѣльческихъ губерніяхъ вы встрѣтите общую собственность нераздѣленныхъ братьевъ, при безотчетномъ управленіи хозяина и при подчиненіи ему прочихъ членовъ семьи, даже и не въ матеріальныхъ вопросахъ. А это прямо остатокъ родоваго быта. Онъ еще такъ живъ въ умахъ народа, что подобные факты часто встрѣчаются и у мѣщанъ и у купцовъ. Не станемъ вспоминать о безусловномъ подчиненіи дѣтей отцу и жены мужу, о томъ, какъ рѣдко сыновья требуютъ наслѣдства своей матери, которое, однако, имъ предоставлено закономъ. Исключенія есть. Но они происходятъ во имя перевѣса одной личности надъ другой, а не во имя чего нибудь общепризнаннаго, какъ права. Такія исключенія могли и должны были встрѣчаться и во времена безусловнаго господства родоваго быта. Дѣло не въ нихъ, а въ народномъ воззрѣніи.

Конечно, родъ уже не такъ разростается, какъ до пришествія варяговъ; не встрѣчаемъ примѣровъ, чтобъ власть старшаго или хозяина была признаваема отдаленными боковыми отраслями. При отношеніяхъ уже не исключительно родовыхъ, открылась для этихъ отраслей возможность существовать отдѣльно. Онѣ ею воспользовались, но внутри себя ввели то же устройство, какое существовало въ прежнемъ, обширномъ родѣ. Онъ распался; но его понятія не исчезли. Принудить отпавшихъ къ повиновенію, снова соединиться родъ уже не можетъ, встрѣтивъ иныя власти, съ которыми не имѣетъ силъ бороться, вступивъ въ отношенія, которыя дѣлаютъ это соединеніе безполезнымъ. Нельзя и утверждать, чтобъ родовой бытъ служилъ до сихъ поръ единственнымъ основаніемъ нашихъ общинъ. Но его понятія еще живутъ въ семьяхъ, его воззрѣнія на власть служатъ основой ихъ управленія; а это много, много значитъ. Простолюдинъ родится, живетъ и умираетъ у своего очага, имъ воспитывается: не мудрено, что и не прикасающееся къ этому очагу онъ судитъ по тѣмъ понятіямъ, которыя господствуютъ въ его семейномъ бытѣ. Найдетъ ли онъ въ немъ дробность интересовъ, собственность отдѣльныхъ лицъ и раздѣлъ наслѣдства послѣ каждаго изъ нихъ, — словомъ, отношенія гражданскія, онъ выростетъ на сознаніи своихъ правъ, на пристрастіи къ своей прибыли; въ верховной власти онъ будетъ цѣнить только защиту своихъ правъ и интересовъ. Но если онъ воспитанъ въ понятіяхъ о родовомъ единствѣ, если онъ видитъ повиновеніе всего дома одному лицу — старшему, хозяину, который свою власть, однако, не употребляетъ въ свою исключительную пользу и такъ же не знаетъ личныхъ интересовъ, какъ и подчиненные ему родственники, то, разумѣется, такому поселянину верховная власть будетъ представляться не иначе, какъ въ видѣ подобнаго же хозяина, только съ болѣе обширнымъ полемъ дѣйствій. Онъ будетъ ее понимать не иначе, какъ неограниченной и принадлежащей одному лицу, не будетъ считать ея правъ, не подумаетъ объ опредѣленіи своихъ отношеній къ ней, потому что у него въ домѣ *всѣ* права принадлежатъ старшему, а отношенія къ нему другихъ, подчиненныхъ лицъ семейства неопредѣленны: все это мы видимъ въ земледѣльческихъ общинахъ великороссійскихъ губерній. Для нашихъ крестьянъ не слушаться Царя, какъ не слушаться отца, было бы грѣхомъ, неисполненіемъ нравственно-религіознаго, а не государственнаго закона.

Но если такъ, то учрежденія, въ которыхъ и законодатель, и г. Чичеринъ, и мы будемъ видѣть послѣдствіе государственныхъ началъ, государственной необходимости, основанной на правѣ и облеченной въ юридическую форму, въ законъ, — эти учрежденія поселянинъ пойметъ совершенно иначе, растолкуетъ ихъ себѣ по своему, а чего не пойметъ, то будетъ исполнять по привычкѣ безусловнаго повиновенія. Формы этихъ учрежденій будутъ мѣняться, онъ имъ всѣмъ будетъ подчиненъ, и все-таки его сознаніе останется почти на одной и той же степени неразвитости. Въ нашемъ «Сводѣ» нѣтъ ничего патріархальнаго; но въ толкованіи его народомъ очень много патріархальнаго, и это авторъ напрасно упустилъ изъ виду.

Въ отвѣтѣ г. Бѣляеву г. Чичеринъ уже не такъ рѣшительно опровергаетъ существованіе патріархальныхъ отношеній; но его мнѣнія на этотъ счетъ оказываются сбивчивѣе, чѣмъ въ первыхъ двухъ статьяхъ. Съ одной стороны, читаемъ: «Отрицать вліяніе родовыхъ отношеній значитъ отрицать исторію», съ другой — послѣ сравненія общины патріархальнаго періода съ средне-вѣковою — авторъ спрашиваетъ: «могло ли въ этой послѣдней что либо остаться изъ прежняго быта?»

Если ничего не могло остаться, гдѣ же вліяніе этого быта? Мы не беремся рѣшить вопроса, могло ли что либо остаться изъ него; но мы видимъ изъ фактовъ, что многое осталось.

Возраженіями своего противника, повидимому, принужденный вновь провѣрить свои заключенія, авторъ нашелъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ казалось сначала, нашелъ многія противорѣчія и недоразумѣнія, вообще, взглянувъ глубже на предметъ, увидалъ въ немъ разнообразіе живаго развитія, а не простоту отвлеченнаго построенія. Г. Чичеринъ справедливо замѣтилъ, что разрѣшеніе этихъ противорѣчій есть задача жизни и дѣлаетъ прогрессъ необходимымъ; но напрасно онъ коснулся этой мысли вскользь: отъ этого онъ не замѣтилъ важнѣйшаго противорѣчія: между воззрѣніями на право, съ одной стороны, князей, а съ другой — народа. Корень этого противорѣчія — въ различіи ихъ гражданскаго развитія.

Не объяснивъ его, г. Чичеринъ смѣшалъ общественное развитіе съ законодательнымъ, нашему поселянину приписалъ необыкновенную легкость перехода отъ одной формы общежитія къ другой, отъ одного характера къ другому. Читатель, припоминая, какъ медленны были успѣхи нашей гражданственности въ тѣ тысячелѣтія, которыя предшествовали призванію Рюрика, какъ мало участвуетъ поселянинъ въ умственномъ движеніи и совершенствованіи, завѣщанномъ реформою Петра Великаго, читатель съ удивленіемъ видитъ въ статьѣ г. Чичерина, что малочисленная, полукочевая дружина въ короткое время измѣнила всѣ отношенія, существовавшія въ массѣ народа. Невольно, притомъ, приходитъ на память, какъ мало была населена Россія даже при Петрѣ, какъ мало обработана при Екатеринѣ II, какъ мало поддается нашъ народъ чьему бы то ни было вліянію еще теперь. Все это заставляетъ съ недовѣрчивостью смотрѣть на выводы авторы. Но, вникнувъ въ собранные имъ факты, можно дѣло рѣшить довольно просто. Моменты развитія опредѣлены авторомъ такъ: сначала община патріархальная, потомъ тягловая, наконецъ государственная. Еслибъ дѣло шло о внутреннемъ развитіи общинъ, тягловой ихъ типъ стоялъ бы на второмъ планѣ, какъ нѣчто внѣшнее; поставя его на первый планъ, авторъ обнаружилъ, что онъ разсматривалъ не исторію общинъ, а исторію княжескихъ воззрѣній на общину. Но это двѣ вещи различныя. Мы признаемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, что формы общинъ мѣнялись. Если бы эти измѣненія ихъ имѣли тотъ самый характеръ, который имъ приписываетъ г. Чичеринъ, то и тогда, съ точки зрѣнія автора, могла быть раскрыта лишь формальная сторона предмета. И тогда, какъ и теперь, осталось бы нетронутымъ важнѣйшее въ исторіи нашихъ общинъ—исторія ихъ внутренняго развитія, успѣховъ въ нихъ гражданственности, нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній.

Мы готовы сказать съ г. Чичеринымъ, что на такой трудъ у насъ еще нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. Мы не ставимъ ему въ вину, что онъ не предпринялъ его; но слѣдовало указать на существованіе этой стороны вопроса, установить предѣлы своего изслѣдованія, чтобы читатель не давалъ выводамъ автора объема, котораго они не должны имѣть. Самые эти выводы были бы тогда отчетливѣе и потому полезнѣе для науки, которая могла бы ихъ принять безусловно, а теперь не можетъ: они не объемлютъ всего того, что должны обнять; а истинное относительно частности въ примѣненіи къ общему бываетъ нерѣдко несостоятельно. Еслибъ г. Чичеринъ оговорился, то читатель понялъ бы, какъ могло случиться, что, при непрерывномъ и постепенномъ развитіи, средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего общаго ни съ древними, ни съ нынѣшними; онъ увидалъ бы, что тутъ идетъ рѣчь только о формахъ, и, притомъ, въ странѣ, гдѣ онѣ не выработываются сами, а ихъ даетъ верховная власть, соображаясь не столько съ прошедшимъ, сколько съ цѣлями, которыя ею предположены въ будущемъ.

Мы бы не стали долго останавливаться на необходимости оговорки, а просто указали бы на ту сторону предмета, которую разсмотрѣлъ авторъ, при чемъ замѣтили бы, что она не единственная существующая, — но самъ авторъ заставилъ насъ распространиться объ этомъ предметѣ. Онъ говоритъ: («Русскій Вѣстн.», кн. XIII, стр. 164 и 165): «*Въ перемѣнахъ общественнаго быта выражается и самое развитіе сознанія народнаго.*» И далѣе: «При внимательномъ изученіи исторіи права, даже послѣ статьи г. Бѣляева, мы все-таки приходимъ къ заключенію, что *общинная жизнь* «развилась у насъ подъ вліяніемъ общихъ государственныхъ мѣръ, «а не мѣстныхъ обычныхъ постановленій. *Духъ русскаго народа* «*выразился преимущественно въ созданіи государства*: отсюда истекаютъ основныя начала его общественной жизни.»

Здѣсь уже нѣтъ, повидимому, никакой неясности, и потому мы должны были показать, какъ понимаетъ русскій народъ тѣ изъ государственныхъ началъ, которыя ему всего доступнѣе: единство территоріи и права верховной власти. Къ сказанному выше мы не желаемъ прибавлять нравоописательнаго очерка: предметъ неистощимъ, онъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Поѣздивъ по Россіи, поговоривъ съ крестьянами, вникнувъ въ ихъ понятія, каждый увидитъ, на сколько въ созданіи государства участвовалъ духъ русскаго народа, на сколько личность нашихъ царей. Духъ и характеръ народа легче прочувствовать, чѣмъ объяснить. Но когда дѣло идетъ о созданіи чего либо самимъ народомъ, вслѣдствіе этого духа и характера, тогда они должны ярко выразиться на создаваемомъ и отчетливо быть приняты самимъ создающимъ, т. е. народомъ.

Чтобъ духъ народа преимущественно выразился въ созданіи государства и чтобъ изъ этого выраженія *истекали начала его общественной жизни*, надо, чтобы они выработались одно за другимъ, развиваясь сообразно условіямъ народнаго быта, сознаваясь всѣмъ народомъ, во всѣхъ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ; чтобъ это сознаніе, какъ всякое историческое развитіе, вышло изъ частностей, но мало по малу обобщилось, подъ вліяніемъ успѣховъ просвѣщенія; наконецъ, чтобы въ народѣ эти послѣдніе были довольно велики для сознанія всѣми сословіями идеи о государствѣ, и, притомъ, такъ, чтобъ она была понята не безотносительно, а въ приложеніи къ дѣйствительности, чтобъ, возвысясь до постиженія отвлеченной идеи, народъ еще уразумѣлъ, какъ она служитъ основаніемъ всѣхъ подробностей государственной организаціи. Но такое развитіе народа еще ни разу не было замѣчено въ исторіи; такое устройство государства указывало бы на степень просвѣщенія, которой ни одна изъ европейскихъ державъ еще не достигала, до котораго и намъ еще не близко.

Мы вовсе не думаемъ, чтобъ въ нашемъ прошедшемъ или въ настоящемъ авторъ видѣлъ такой идеалъ совершенства. Но зачѣмъ неточность въ выраженіяхъ и, притомъ, тамъ, гдѣ читатель всего менѣе можетъ ожидать ея: среди возраженія противъ неясныхъ понятій господина Бѣляева? Приведенные нами отрывки поставлены господиномъ Чичеринымъ, какъ выводы изъ его изслѣдованій; а въ выводѣ всякое слово важно и должно быть оправдано фактами. Можетъ быть, г. Чичеринъ хотѣлъ сказать, что наше правительство понимаетъ духъ русскаго народа и соображается съ нимъ въ издаваемыхъ учрежденіяхъ? Но это вовсе не наша особенность: это свойство, общее всѣмъ правительствамъ. Да и зачѣмъ въ дѣйствіяхъ правительства видѣть выраженіе не правительственнаго, а народнаго сознанія, и, къ тому же, говоря о сельскихъ общинахъ? Что распоряженія верховной власти могутъ имѣть и, съ теченіемъ времени, имѣютъ вліяніе на народное сознаніе, неоспоримо. Но авторъ говоритъ о самостоятельной дѣятельности духа нашего народа.

Отъ заключеній, выражающихъ общую мысль статьи, переходя къ подробностямъ ея, мы думаемъ, что трудно соглашаться съ авторомъ въ воззрѣніи на первое, исходное положеніе нашей исторіи — въ воззрѣніи на свойства и характеръ родоваго быта. Вотъ мнѣніе г. Чичерина:

> «Патріархальная община можетъ удержаться въ народѣ только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ его бытъ не вторгаются новыя стихіи, разлагающія прежнія родственныя отношенія. Онъ (князь) не являлся здѣсь (*) только замѣною родоначальника, воображаемымъ представителемъ рода. Постороннее лицо никогда не можетъ замѣнить родоначальника: все значеніе послѣдняго состоитъ въ его кровномъ старшинствѣ, въ его родственной связи съ членами общины, чего въ постороннемъ лицѣ никогда нельзя предположить. Начальникъ пришлой дружины могъ пріобрѣсть правительственныя права, принадлежавшія прежде родовому старшинѣ, но, во всякомъ случаѣ, онъ пріобрѣталъ ихъ не въ качествѣ родоначальника, а какъ верховный землевладѣлецъ, какъ глава гражданскаго общества. Наконецъ, родовые старшины были только въ отдѣльныхъ общинахъ; родоначальниковъ же, владѣвшихъ обширнымъ округомъ, вовсе не было, а потому и князья не могли заступить ихъ мѣсто.»

(*) Авторъ говоритъ о наслѣдованіи княземъ послѣ бездѣтнаго смерда. Насчетъ этого частнаго случая мы съ нимъ согласны, но не вполнѣ, какъ читатель увидитъ ниже.

Здѣсь все основано на недоразумѣніи, для объясненія котораго надо начать дѣло издалека.

Исторія не знаетъ того времени, когда племя еще не существовало, а существовалъ одинъ прототипъ его, родъ, съ своимъ еще живымъ родоначальникомъ. Она можетъ только догадываться и возсоздавать гипотетически тѣ исключительно кровныя отношенія, которыя тогда существовали и служили исходной точкой дальнѣйшаго развитія и первой ступенью гражданственности. Исторія знаетъ, однако, періодъ, довольно близкій къ этой первоначальной формѣ: періодъ патріархальныхъ отношеній въ племенахъ, образовавшихся изъ этого рода. Когда мы встрѣчаемъ выраженіе: «родовой бытъ», то говорится о бытѣ подобныхъ племенъ, а не первоначальной семьи.

Въ такомъ племени каждый родъ имѣетъ своего родоначальника или старшаго, заступающаго его мѣсто; но сознаніе степени родства съ общимъ родоначальникомъ племени, слѣдовательно, и съ единоплеменными родами, очень неясно для каждаго его родственника. Въ родѣ младшіе члены ничего не значатъ внѣ своей связи со старшимъ: старшинство есть единственное начало власти. Если явится необходимость въ соединеніи цѣлаго племени подъ властью одного лица, то на него перенесутъ понятія о подобномъ старшинствѣ, старшіе въ отдѣльныхъ родахъ слѣлаются младшими въ отношеніи къ нему. Онъ замѣнитъ несуществующаго общаго родоначальника племени, какъ живое олицетвореніе единоплеменности. Признаніе за нимъ другихъ правъ на господство указываетъ уже на выходъ племени изъ родоваго быта. Но бо̀льшею частію, особенно въ племенахъ осѣдлыхъ, каковы были славяне, мы не встрѣчаемъ такихъ начальниковъ цѣлаго племени, а роды управляются или старшими своими членами, или заступающими ихъ мѣсто и живутъ отдѣльно. На это есть положительное указаніе въ лѣтописи: «живяхху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ».

Но ни одно общество не можетъ существовать отдѣльно, безъ отношеній къ другимъ. Сомкнутый въ себѣ родъ, встрѣчаясь съ другимъ, уже видитъ въ немъ новую стихію быта, возможность неродственныхъ отношеній: это не мѣшаетъ, однако, существованію родовыхъ общинъ. Какже объяснить это? Единоплеменностью? Но родъ управляется на основаніи старшинства, а двухъ равно старшихъ родственниковъ нельзя предположить; слѣдовательно, тутъ будетъ равенство между старшими каждаго рода—или равенство подчиненія главѣ племени, или равенство ихъ, какъ равныхъ владыкъ, пользующихся каждый у себя одними и тѣми же правами. Но это послѣднее не есть уже послѣдствіе родоваго начала, а понятіе чуждое, нарушающее, въ нѣкоторой мѣрѣ, однородность жизненныхъ элементовъ общества, вносящее въ него зародышъ иныхъ отношеній. Но если вмѣсто единоплеменнаго рода предположимъ племена съ иными формами общежитія, другаго происхожденія, съ которыми, смотря по обстоятельствамъ, родъ то въ ссорѣ, то въ дружбѣ, то какой сильный напоръ иныхъ стихій придется ему испытать и какое разрушительное вліяніе могутъ они имѣть на его начала!

Еслибъ у насъ не было лѣтописныхъ скидѣтельствъ, мы были бы готовы повѣрить г. Бѣляеву, что славянскія родовыя общины не могли выдержать этой борьбы съ племенами финскими и латышскими и, подъ вліяніемъ ея, перемѣнили свой родовой союзъ на болѣе крѣпкій, на договорный. Но лѣтопись намъ прямо указываетъ на существованіе родовыхъ общинъ во время призванія варяговъ. Всѣ послѣдующія событія показываютъ, что еще живы были въ то время родовыя воззрѣнія: какъ же это могло случиться? какъ спаслись они отъ разложенія?

Лѣтописи не говорятъ объ этомъ ни слова. Мы можемъ только догадываться и судить по аналогіи.

Мы знаемъ, что на всякое общество постоянно оказываютъ вліяніе чуждые ему элементы; но, подчиняясь имъ или вступая съ ними въ борьбу, оно переработываетъ ихъ по своему, понимаетъ ихъ на основаніи своихъ воззрѣній, выработанныхъ предшествовавшей исторіей. Чѣмъ эти воззрѣнія ограниченнѣе, тѣмъ менѣе особенностей остается въ переработанномъ началѣ, — другими словами, тѣмъ ограниченнѣе его вліяніе. Оттого такъ медленны первые шаги на пути совершенствованія, такъ труденъ выходъ изъ состоянія непосредственности и изъ обычнаго права. Человѣкъ, воспитанный въ духѣ патріархальности, съ умомъ, вѣчно скованнымъ тѣсной сферой родовыхъ интересовъ, сжившійся съ нею, будетъ все мѣрять этой мѣркой, всюду увидитъ родственныя отношенія,—такъ точно негръ видитъ всюду фетишей, — и тотъ и другой будутъ прибѣгать къ натяжкамъ, къ произвольнымъ предположеніямъ, лишь бы связать непонятный для нихъ фактъ съ доступной имъ средой: дѣйствуя такимъ образомъ, они будутъ логичны, хотя ихъ логика будетъ, можетъ быть, и непонятна для насъ. Г. Чичеринъ отрицаетъ важность замѣны родоначальника постороннимъ лицомъ. Но, между тѣмъ, вообще замѣна родоначальника кѣмъ либо есть душа родоваго быта. Повиновеніе дѣтей отцу существуетъ всюду; но перенесеніе этихъ отцовскихъ правъ съ одного лица на другое, безъ дробленія, безъ освобожденія членовъ рода изъ-подъ власти, не встрѣчается ни въ одной формѣ общежитія, кромѣ родоваго быта. Г. Чичеринъ видитъ его основу въ господствѣ кровнаго старшинства. Это справедливо, но не вполнѣ. Она въ господствѣ не факта кровнаго старшинства, а представленія о немъ; а на кого переносятся эти представленія — вопросъ посторонній. Они могутъ быть перенесены на старшаго и на не старшаго. Но даже въ первомъ случаѣ является уже фикція, очень понятная самому роду. Онъ признаетъ старшаго отцомъ, не отличаетъ его отъ кровнаго отца. Вообще въ разсмотрѣніи патріархальныхъ воззрѣній надо остерегаться стремленія къ стройному, логическому ихъ построенію:

«Les enfants n'ont pas tant d'esprit» (*)

какъ говоритъ Беранже въ одной пѣснѣ. Дѣло идетъ о воззрѣніяхъ младенческаго возраста, современныхъ младенчеству религіи и отвлеченныхъ понятій. Логика младенца не всегда убѣдитъ взрослаго, а часто покажется ему безсмысленной. То же можно сказать и о логикѣ дикаго: его понятія о правѣ не соотвѣтствуютъ нашимъ; онъ фаталистъ; для него фактъ — судъ Божій, послѣднее рѣшительное доказательство, — слѣдовательно, всякій фактъ законенъ, остается только приложить къ нему теорію: являются фикціи, замѣны правъ одного лица правами другаго, что тѣмъ легче, что само по себѣ лицо ничего не значитъ. Если естественное старшинство не уважено кѣмъ либо, если, мимо старшаго, кто либо захватилъ власть въ домѣ, въ родѣ рѣдко найдется довольно сознанія права, чтобъ возстановить это нарушеніе его,—развѣ обиженный успѣетъ силою воротить утраченныя права.

Итакъ, преклоненіе передъ фактами и фикціи старшинства — явленія обыкновенныя въ патріархальный періодъ.

Повторяемъ, что у насъ нѣтъ лѣтописныхъ извѣстій, чтобъ всѣ эти явленія происходили въ славянской общинѣ; но ничто также не доказываетъ, чтобъ они не имѣли въ ней мѣста. Они согласны съ общими историческими законами, съ нѣкоторыми фактами, и теперь еще существующими; поэтому мы ихъ можемъ принять за гипотезу довольно вѣроятную.

Но и г. Чичеринъ не изъ положительныхъ фактовъ вывелъ характеристику родоваго быта, а изъ общихъ соображеній; слѣдовательно, и у него стоитъ гипотеза: пусть судитъ читатель, вѣроятнѣе ли она, чѣмъ выведенная нами. Съ своей стороны, мы не можемъ быть судьями въ этомъ дѣлѣ.

Есть, однако, у г. Чичерина одинъ положительный фактъ: князь наслѣдовалъ бездѣтному смерду. Въ родовомъ бытѣ нѣтъ различія

(*) Дѣти не довольно умны для этого.

сыновей отъ племянниковъ, нѣтъ наслѣдованія, нѣтъ частной собственности, — а все это встрѣчается въ приводимомъ фактѣ.

Г. Чичеринъ говоритъ, что «здѣсь князь не былъ замѣной родоначальника.» Спрашивается, какимъ образомъ и теперь, при исчезновеніи родовыхъ воззрѣній, могли бы мы объяснить наслѣдованіе чужимъ, безъ завѣщанія со стороны умирающаго, мимо родныхъ? Начало личныхъ правъ ведетъ къ свободѣ завѣщанія: о ней здѣсь нѣтъ и помину, — стало быть, это не есть юридическое послѣдствіе дружинныхъ началъ. Г. Чичеринъ видитъ въ князѣ верховнаго землевладѣльца, главу гражданскаго общества. Положимъ, что это вѣрно. Но какъ ни велики права, обыкновенно соединяемыя съ этими двумя понятіями, въ числѣ ихъ нѣтъ права наслѣдовать мимо боковыхъ отраслей. Если даже предположить, что князь былъ господиномъ, а смерды — рабами, то должно принять, что собственности у нихъ не было, а всѣ ихъ стяжанія принадлежали князю, все равно, былъ ли смердъ живъ, или умиралъ, оставлялъ ли онъ дѣтей, или нѣтъ.

Пусть князь и наслѣдовалъ смерду: этотъ фактъ ничего не доказываетъ насчетъ того, какъ смердъ смотрѣлъ на права князя.

Пока г. Чичеринъ говоритъ о правахъ князя, мы съ нимъ не споримъ. Князья завоевали бо́льшую часть славянскихъ племенъ, потомъ очень часто завоевывали удѣлы, князья были законодателями, — слѣдовательно, фактически имѣли всѣ права верховнаго владычества и давали имъ юридическую санкцію. Но совершенно иначе стоитъ вопросъ о вліяніи этихъ княжескихъ правъ на народный бытъ, объ убѣжденіяхъ самого народа въ началахъ, служившихъ источникомъ и оправданіемъ правъ княжеской власти. Талантливый авторъ коснулся этого вопроса вскользь и смѣшалъ его съ другимъ, о которомъ мы сейчасъ говорили; оттого оба рѣшены слишкомъ поспѣшно: по нашему мнѣнію, окончательнаго приговора нельзя произвесть за недостаткомъ данныхъ. Но вотъ нѣсколько соображеній.

Черезъ 150 лѣтъ послѣ призванія Рюрика его потомки уже подчинялись понятію о родовомъ старшинствѣ. Между тѣмъ, на Западѣ дружина принесла понятіе о равенствѣ дѣтей между собой. Слѣдовательно, родовые счеты были знакомъ натурализаціи, *ославяненья*, если можно такъ выразиться, побѣдителей. Родовыя понятія должны были безусловно господствовать въ народѣ, чтобъ подчинить себѣ его чужеземныхъ владыкъ. Неужели можно предположить, что, когда владычествующій родъ ищетъ, въ кого изъ своихъ членовъ воплотить фикцію родоначальника, подданные, искони воспитанные въ патріархальныхъ понятіяхъ, отрѣшаются отъ нихъ при объясненіи себѣ правъ этого рода? Мы не понимаемъ возможности подобнаго отрѣшенія. Напротивъ, очень естественно стремленіе объяснить права князя тѣми же понятіями о власти, которыя уже существовали,—именно понятіями о родовой власти. Сознаніе кровнаго родства тутъ вовсе не необходимо: необходимо только процвѣтаніе родовыхъ отношеній въ сферѣ частной жизни, котораго г. Чичеринъ не отрицаетъ; а при этомъ условіи старшинство очень часто предполагается тамъ, гдѣ не существуетъ въ дѣйствительности.

Есть положительные факты, что въ родовой союзъ вступали люди, не связанные никакими кровными отношеніями съ его членами: таковы были рабы и впродолженіе рабства и по освобожденіи; на это указываютъ ихъ названія: челядь, домочадцы.

Предвидимъ возраженіе отъ тѣхъ, которыя находятъ государственныя понятія у славянъ до призванія варяговъ. «Ихъ призва«ли: тутъ начало договора, сознаніе цѣлей призванія, потребность «благоустройства, — словомъ, указаніе на образованность гораздо «высшую, чѣмъ та, которая должна бы существовать при родовомъ «бытѣ.» Такое возраженіе уже не разъ было дѣлано. Г. Бѣляевъ, въ I книгѣ «Русской Бесѣды», настаиваетъ на этомъ фактѣ призванія, опровергая мнѣніе г. Чичерина о завоеваніи Россіи. Мы, съ своей стороны, не можемъ согласиться съ г. Бѣляевымъ. Пусть Рюрикъ и былъ призванъ: это еще не многое доказываетъ. Владиміръ съ варягами завоевываетъ Русь; Ярославъ ее завоевываетъ опять у Святополка; удѣлы безпрестанно отымаются силой: ясно, что фактъ первоначальнаго призванія теряетъ свою важность при послѣдующихъ событіяхъ. Въ исторіи мы нерѣдко видимъ, что лица, призванныя, какъ помощники, дѣлаются настоящими завоевателями.

Остается въ разбираемомъ фактѣ другая сторона: указаніе на степень образованности славянъ. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», — слѣдовательно, была потребность порядка. «Приди и правь нами», — слѣдовательно, туземныя власти уже были несостоятельны. Наконецъ поводъ, по которому эти убѣжденія высказались — родовыя усобицы: «возста родъ на родъ и не бѣ въ нихъ правды».

Такова сущность лѣтописнаго разсказа.

Гг. Чичеринъ и Бѣляевъ согласны въ томъ, что здѣсь высказался упадокъ родоваго быта. Но первый относитъ его начало ко времени изгнанія варяговъ, второй — къ разселенію славянъ на сѣверѣ. Первому можно возразить, что бытъ, существовавшій тысячи лѣтъ, не разрушается въ какое нибудь десятилѣтіе; второму— что его предположеніе вѣроятно, но что мы видимъ изъ лѣтописей положительные факты автономіи родовъ, и что источники молчатъ о времени, когда начался упадокъ родовыхъ началъ. Нельзя притомъ не замѣтить, что въ патріархальномъ быту драки безпрерывны, благодаря кровной мести и поклоненію передъ фактомъ. Междоусобія поэтому не составляютъ еще доказательства упадка родоваго быта; ничего также не доказываетъ замѣчаніе лѣтописца, что въ славянахъ *не было правды*. Лѣтописецъ былъ христіанскій монахъ, усвоившій себѣ высокія понятія о правдѣ. Грубое, языческое пониманіе ея славянами за два вѣка до его рожденія не могло удовлетворить его. Наконецъ, мы думаемъ, что междоусобія, требуя отъ рода единодушія, которое одно могло спасти его отъ погибели, тѣснѣе соединяли его членовъ вокругъ старшаго, слѣдовательно, скорѣе должны были поддержать, чѣмъ разрушить родовой союзъ.

Тѣмъ не менѣе остается фактъ, что варяги были призваны, чтобъ ввести порядокъ, который не могъ быть введенъ туземными властями.

О немъ много было толковъ (*). Краткость лѣтописнаго свидѣтельства открывала обширное поле догадкамъ. Мы воздержимся отъ нихъ, но напомнимъ читателю, что Новгородъ лежалъ на торговомъ пути съ береговъ Балтійскаго моря въ Грецію, и близъ него же шелъ другой водный путь, къ Волгѣ, въ азіатскія мусульманскія владѣнія. Какъ велики были торговля славянъ и транзитъ по Волхову — не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, междоусобія мѣшали торговымъ оборотамъ, и потому вдоль воднаго пути должна была прежде всего родиться потребность порядка. О томъ, какъ велика была образованность прибрежныхъ жителей, лѣтопись не упоминаетъ, хотя и говоритъ о необразованности другихъ славянскихъ племенъ, которые были чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ грубѣе. По соображенію съ послѣдующими обстоятельствами, можно догадываться и рѣшить этотъ вопросъ гипотетически, но не съ полной достовѣрностью. Очень вѣроятно, что степень развитія славянъ была невысока. Иначе, собственный ихъ бытъ заключалъ бы въ себѣ стихіи порядка, и не зачѣмъ было бы искать ихъ у варяговъ. Кажется, и понятія о правѣ были не развиты; по крайней мѣрѣ, лѣтопись не говоритъ, чтобъ славяне себѣ выговорили права и чтобъ съ Рюрикомъ заключили договоръ, для ихъ обезпеченія. Эти соображенія не очень подтверждаютъ мнѣніе, будто государственныя понятія у насъ встрѣчаются со времени призванія Рюрика, а гражданскія общества существовали задолго до него; «но не самохвальство намъ нужно, а самосознаніе».

(*) Остроумныя соображенія встрѣчаются въ книгѣ г. Соловьева: «Отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ».

Послѣ этого, можетъ быть, слишкомъ длиннаго, отступленія приступимъ къ разсмотрѣнію приведенныхъ нами мнѣній г. Чичерина. Сущность ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Князь могъ пріобрѣсть правительственныя права, принадлежавшія родовому старшинѣ, но, во всякомъ случаѣ, онъ ихъ пріобрѣталъ не въ качествѣ родоначальника, а какъ верховный землевладѣлецъ, какъ глава гражданскаго общества».

Князь, глава договорнаго общества, дружины, пришелъ въ страну, управлявшуюся на основаніи патріархальныхъ идей. Должно предположить, что онъ не на одинакихъ началахъ управлялъ этими противоположными элементами Руси—дружиной и общинами: должно предположить двойственность въ его положеніи. На нее указалъ г. Соловьевъ въ приведенномъ выше сочиненіи, разбирая сначала борьбу, потомъ союзъ между Ярославомъ I и новогородцами. Въ чемъ, вѣроятно, заключалось устройство славянскихъ пламенъ, мы видѣли; чѣмъ же была дружина?

«Дружина — говоритъ авторъ — была составлена изъ людей, чуждыхъ другъ другу, соединенныхъ однѣми личными цѣлями и заключившихъ союзъ, основанный на доброй волѣ каждаго.»

Тутъ есть неточность. Изъ этихъ словъ надо бы заключить, что въ дружинѣ на первомъ планѣ стояли отношенія между дружинниками. Знаменитое свидѣтельство Тацита (*) и многочисленныя, до насъ дошедшія, подробности объ устройствѣ германскихъ дружинъ доказываютъ, напротивъ, что въ дѣйствительности дружина была основана на подчиненіи одному лицу, а не на союзѣ своихъ членовъ. Пусть это подчиненіе совершалось по свободному договору, оно все же не уравнивало правъ начальника и дружины. Это вполнѣ должно примѣняться и къ нашимъ княжескимъ дружинамъ. На западѣ, напримѣръ, въ Галліи, франки (**), получивъ аллодіальныя земли, какъ собственность, нѣсколько отдалились отъ своихъ королей, отчего уменьшилась власть этихъ послѣднихъ; но она всетаки была очень велика. Правильнаго раздѣла земель, какой былъ въ Англіи послѣ 1066 г., не было при Меровингахъ, да и аллодіальная собственность быстро исчезала. Дружинники на Западѣ только тогда получили большое значеніе, какъ землевладѣльцы, когда его утратили, какъ члены дружины. У насъ нѣтъ свидѣтельствъ о выдѣлѣ земли варягамъ, но есть прямыя указанія на то, что дружина требовала одной только дани. Свенельду и его дружинѣ даны были не земли, а взиманіе дани, которому такъ завидовала дружина Игоря, да и долгое время спустя, даже ири Иванѣ III, въ награду жа-

---

(*) De Morib. Germanorum. XIV.

(**) И то не *всѣ* франки.

ловались чаще кормленія, дани, чѣмъ земли. Если мы будемъ смотрѣть на князя только какъ на главу дружины, если вспомнимъ удобоподвижность, дальніе походы и непрочность завоеваній первыхъ нашихъ князей, то должны предположить, что цѣль ихъ была — собирать дань, а не вступать въ поземельныя отношенія со славянами. Самый выдѣлъ бѣлыхъ (*) земель, вѣроятно, произошелъ гораздо позднѣе, чѣмъ покореніе славянъ, именно въ то время, когда варяжская дружина слилась съ покоренными и отчасти подчинилась ихъ вліянію.

Г. Бѣляевъ опровергаетъ мнѣніе г. Чичерина, будто князь завладѣлъ русской землей какъ частной собственностью.

Замѣтимъ, что грамоты, на которыхъ основываются ученые соперники, относятся къ гораздо позднѣйшему времени, когда вліяніе идей римскаго права, отчасти занесенныхъ къ намъ изъ Византіи, долгія междоусобія, дробленіе удѣловъ, затемнѣніе понятій о родовомъ старшинствѣ, ордынскіе выходы, — словомъ, четыре вѣка исторической дѣятельности должны были повести къ бóльшей опредѣленности правъ, что выразилось въ частыхъ грамотахъ и договорахъ. Слѣдовательно, изъ состоянія поземельной собственности въ XIV и XV вѣкахъ нельзя достовѣрно заключить о понятіяхъ и правахъ, существовавшихъ въ X, и о вліяніи дружиннаго элемента, принесеннаго Варягами; а источники варяжскаго періода такъ скудны, что встрѣчающіяся въ нихъ извѣстія должны быть дополнены путемъ наведенія, который даетъ только вѣроятныя заключенія. Это заставляетъ насъ смотрѣть на вопросъ о поземельныхъ правахъ первыхъ князей, какъ на нерѣшенный. Но замѣтимъ, что врядъ ли родовыя общины заботились о томъ, какія права пріобрѣталъ князь. Понятіе о частной собственности противорѣчитъ родовымъ воззрѣніямъ; а при малочисленности населенія должна была цѣниться не земля, а ея обработка, слѣдовательно, не право собственности, а фактъ владѣнія, который всегда оставался за общиной. Еще и теперь низшій классъ неясно сознаетъ свои права, несмотря на неутомимую законодательную дѣятельность нашего правительства, которая такъ плодотворно развилась со времени изданія Уложенія, и которая немогла не имѣть сильнаго вліянія и на низшій классъ. Невозможно предположить, чтобъ рус-

---

(*) Насчетъ бѣлыхъ земель существуютъ различныя мнѣнія. Г. Чичеринъ ихъ считаетъ свободными отъ податей; г. Бѣляевъ, основываясь на одномъ мѣстѣ «Русской Правды» (объ *обълении* бѣглаго закупа), считаетъ ихъ частной собственностью. Не беремся произнесть приговоръ между учеными соперниками; но мнѣніе г. Бѣляева намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ свидѣтельство, на которое оно опирается, древнѣе.

скій поселянинъ за 1,000 лѣтъ отчетливѣе зналъ свои права, чѣмъ теперь. А теперь, срубивъ барское дерево, на вопросъ: «какъ ты смѣлъ рубить *мое* дерево?»—крестьянинъ часто отвѣчаетъ: «вѣдь и мы ваши». Отвѣтъ, повидимому, нисколько не логическій. Но вникните въ него: онъ прямо указываетъ на пониманіе власти помѣщика, какъ quasi-семейной; поэтому въ глазахъ мужика его принадлежность господину установляетъ его права на собственность этого господина.

Еще и теперь довольно распространено между крестьянами мнѣніе, что *земля есть Божія.* Оно ключъ къ уразумѣнію того, какимъ образомъ родовая община могла равнодушно смотрѣть на присвоеніе княземъ правъ на ея землю. Родовой бытъ одна изъ первыхъ ступеней гражданскаго развитія; въ немъ все обусловливается обычаемъ, а не закономъ, слѣдовательно, фактомъ, а не разсудочнымъ понятіемъ. Поэтому все зыбко и неопредѣленно. Мудрено ли, что, привыкнувъ понимать всякую власть, какъ нѣчто неограниченное, но мягкое и неопредѣленное, древніе славяне подчинились всѣмъ распоряженіямъ князей, но притомъ дѣлали и свои распоряженія, что на земли предъявлялись и общинныя и княжескія права?

Г. Чичеринъ собралъ доказательства разнообразія княжескихъ правъ и земельныхъ отношеній; но въ нихъ мы ни разу не видали взгляда самой общины. Съ этой точки зрѣнія всего скорѣе объясняется и наслѣдованіе послѣ бездѣтнаго смерда. Это было произвольно захваченное право, какихъ было много при устройствѣ варварскихъ королевствъ на западѣ. Князь заблагоразсудилъ смотрѣть на это наслѣдство, какъ на выморочное, и дѣлалъ изъ него свою частную собственность; а смерды видѣли въ этомъ волю лица, которому привыкли повиноваться безусловно, какъ старшему надъ старшими. Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, этотъ фактъ доказываетъ вліяніе дружинныхъ понятій на законъ, а не на воззрѣнія, нравы общинъ.

Перейдемъ къ вліянію дружинныхъ началъ. У автора замѣтна нѣкоторая неопредѣленность во взглядѣ на силу этого вліянія.

Съ одной стороны онъ признаетъ сильное вліяніе родовыхъ началъ на сферу частной дѣятельности, и, притомъ, въ то время, когда общество смотрѣло на всѣ права какъ на частныя, а съ другой говоритъ: «она-то (дружина) была призвана играть въ Россіи первую роль, принесенныя ею начала, расширяясь и развиваясь, обняли наконецъ всѣ общественныя отношенія народа, такъ что мало осталось мѣста для прежнихъ родовыхъ союзовъ.»

Этой послѣдней фразѣ не надо давать слишкомъ большой важности. Союзъ родовъ, какъ политическое цѣлое, есть нѣчто случайное, основанное на внѣшней необходимости, безъ твердой юридической основы. Къ тому же, родовые старшины, привыкнувъ къ самовластію, нелегко уживались въ отношеніяхъ равенства съ другими старшинами. Но внутреннее устройство рода гораздо крѣпче и потому удерживается дольше. Поэтому родовые союзы могли рушиться не измѣняя существенныхъ чертъ народнаго быта, не уничтожая въ немъ господства родовыхъ идей. Потому, несмотря на уничтоженіе политической самостоятельности родовъ, сомнительно, чтобъ дружина «*была призвана играть въ Россіи первую роль*». Изъ ея устройства, изъ нравовъ славянъ мы видимъ, что эта роль принадлежала не ей, а князю.

Конечно, какъ болѣе близкая къ нему, чѣмъ смерды, она имѣла больше правъ, больше значенія, чѣмъ они. Князь дорожилъ дружиной, никогда не покидавшей его, дѣлился съ ней добычей, обезпечивалъ жизнь ея членовъ высокими вирами, совѣтовался съ ними; но на все это была его воля, все это значеніе не было основано на народномъ законѣ.

Къ тому же дружина вводила начало частныхъ правъ, слѣдовательно разрозненности лицъ, частныхъ фактовъ. Оно и на западѣ, въ населеніи, которое было подготовлено римскимъ владычествомъ къ пониманію правъ, произвело хаосъ, пока дружина не сложилась въ сословіе, не выработала своего соціальнаго ученія — феодализма. У насъ дружина встрѣтила замкнутые роды, которые не имѣли никакого стремленія къ строго-опредѣленнымъ юридическимъ понятіямъ. Княжеская власть и кочевой характеръ мѣшали дружинѣ сложиться въ независимое сословіе. Племенное различіе съ покоренными скоро сгладилось и тоже не могло лечь въ основаніе дружинному слiянію. Слѣдовательно, со стороны дружины была дѣятельность разрозненныхъ и даже несамостоятельныхъ лицъ, со стороны родовъ — бытъ, основанный на преданіи. Слишкомъ сомнительно, чтобъ послѣдній явился побѣжденнымъ.

Здѣсь мы противорѣчимъ выводамъ г. Чичерина, имѣющимъ, повидимому, фактическую основу. «Понятно—говоритъ онъ («Рус. Вѣстникъ», № XIII, стр. 133—134)—что, съ пришествіемъ дружи-«ны, съ кореннымъ переворотомъ всего общественнаго быта, не «могла сохраниться прежняя патріархальная община.

«Въ ней явились два новыя начала, которыя должны были про-«извести глубокое измѣненіе въ самыхъ ея основахъ: это—вотчин-«ный элементъ и стремленіе къ кочеванію.»

Результаты этихъ двухъ началъ выражены у автора такимъ образомъ:

«Вмѣсто прежней осѣдлой общины, заключенной въ себѣ самой, живущей на своей землѣ, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній, управляющей собственными дѣлами; вмѣсто прежняго патріархальнаго быта, который существовалъ въ то время, когда, по выраженію лѣтописца, «живяху кождо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ», образовалась община, живущая на чужой землѣ, *имѣющая главною цѣлью* нести тягло въ пользу землевладѣльца, получающая въ судьи княжескаго слугу, отпускаемаго на кормленіе, окруженная воинственными сосѣдями, подверженная безпрерывнымъ набѣгамъ, съ населеніемъ, безпрерывно обновляющимся, съ постояннымъ переходомъ изъ рукъ въ руки поземельныхъ участковъ, то предаваемыхъ запустѣнію, то заселяемыхъ вновь.»

Дѣйствительно, контрастъ поразительный, и авторъ какъ будто въ правѣ воскликнуть: «Могло ли тутъ остаться что нибудь изъ прежняго быта?»

И когда подумаемъ, что лѣтъ двѣсти спустя случилось закрѣпленіе крестьянъ и снова, точно также радикально, перемѣнился весь бытъ низшаго сословія, невольно придетъ на умъ сомнѣніе: про нашу ли исторію идетъ рѣчь, про нашихъ ли поселянъ говоритъ г. Чичеринъ?

Но пусть читатель почувствуетъ нѣкоторую недовѣрчивость.... не къ выводамъ ученаго автора, а къ собственнымъ впечатлѣніямъ, и его поразитъ довольно неожиданное открытіе.

Удивительная вещь перспектива! Благодаря ей, какимъ нибудь голышикомъ можно заслонить Кавказскій хребетъ: стоитъ только этотъ голышикъ приблизить къ глазу. Благодаря перспективѣ, дѣлаются многія чудеса: на сценѣ театра вы видите широкіе луга, даль, — а въ самомъ дѣлѣ она—узкое пространство съ грубо расписанными картонными декораціями.

Выведенная г. Чичеринымъ противоположность—тоже результатъ перспективы. Всмотримся въ нее ближе.

И во первыхъ, о какихъ общинахъ идетъ рѣчь? Г. Чичеринъ, оспаривая г. Бѣляева, говоритъ, что различіе между городами и селами родилось въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ. Не будемъ съ нимъ спорить насчетъ городовъ московскихъ, такъ какъ рѣчь идетъ не о нихъ. Но неужели вся наша древняя исторія не показываетъ значенія Новгорода, Пскова, Кіева, Смоленска, Ростова, какъ самостоятельныхъ единицъ, хотя и не всѣ между ними были независимыми? Слѣдовательно, въ древней исторіи города имѣли значеніе и должны были отличаться отъ селъ? Когда и отъ какихъ причинъ они его утратили — вопросъ, сюда не относящійся. Не забудемъ, что нашъ авторъ говоритъ объ управленіи, о судѣ, о внутреннемъ порядкѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ общинъ, — слѣдовательно, объ условіяхъ, объемлющихъ всю юридическую жизнь; а съ этой точки зрѣнія не стóитъ даже разсматривать вопросъ: отличался ли Великій Новгородъ отъ деревушки? Впослѣдствіи времени насчетъ управленія и правъ жителей онъ могъ и не отличаться; но это случилось, вѣрно, не во время періода, когда дружина имѣла значеніе.

Итакъ, въ приведенныхъ выводахъ дѣло идетъ о сельской общинѣ.

Чѣмъ же была она до призванія варяговъ, до вторженія въ нее дружиннаго элемента?

На этотъ счетъ мы знаемъ очень мало: приводимое г. Чичеринымъ мѣсто о патріархальномъ бытѣ, относящееся, впрочемъ, до однихъ полянъ, нѣсколько словъ о семейномъ бытѣ другихъ славянскихъ племенъ, болѣе грубыхъ — вотъ и все, что представляетъ лѣтопись.

Тѣмъ необходимѣе вѣрно понять это немногое. Прежде всего замѣтимъ, что въ немъ ничего не говорится объ общинахъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ о Новгородѣ и о Кіевѣ; но мы говоримъ не о городахъ. Изъ словъ лѣтописи скорѣе слѣдуетъ, что у насъ *не было* общинъ: «живяху кождо съ родомъ своимъ»—гдѣ же тутъ община? Тутъ одинъ только родъ. Могъ ли онъ разростись въ общину? Сомнительно, потому что бóльшая часть земель, занимаемыхъ славянами, а потомъ бóльшая часть Московскаго государства были не очень плодородны, а воздѣлыванье ихъ и теперь не совершенно. Тогда было еще хуже, что доказывается частыми голодными годами. Голодъ, необходимость обработывать поля вдали отъ роднаго крова, разстоянія, густые лѣса, — все должно было обусловливать распаденіе рода, если онъ былъ слишкомъ многочисленъ. Позднѣе, въ писцовыхъ книгахъ, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ часто по два или по три двора, а во дворѣ по два или по три работника, рѣдко по четыре или по пяти и больше.

Отсутствіе уваженія къ родственникамъ, въ которомъ лѣтописецъ упрекаетъ всѣ славянскія племена, кромѣ полянъ, подтверждаетъ наше мнѣніе.

Были ли постоянно осѣдлы эти роды? Опять — лѣтописецъ объ однихъ полянахъ, жителяхъ плодородной Кіевской губерніи, говоритъ: «живяху на своихъ мѣстахъ», а о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ — «живяху въ лѣсѣ яко всякій звѣрь». Тутъ нѣтъ доказательствъ, чтобъ они были осѣдлы. Причины, которыя принуждали родъ раздробляться, должны были принуждать его иногда и къ кочеванью. Что приводимыя авторомъ причины, родившіяся впослѣдствіи, могли усилить кочеваніе, и что соединеніе Руси воедино дало ему большіе размѣры, неоспоримо; но родилось оно не отъ дружины. Г. Чичеринъ не привелъ ни одного источника въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Остается вотчинный элементъ. Но его развитіе относится къ тому времени, когда князья изъ удалыхъ начальниковъ дружины сдѣлались ловкими владѣльцами. Когда на сцену выступили территоріальныя отношенія и князья сдѣлались осѣдлы, элементы вотчинный и дружинный были даже враждебны: такъ, представителемъ перваго является Георгій Всеволодовичъ, а представителемъ послѣдняго — Мстиславъ, человѣкъ совершенно иныхъ убѣжденій. Можетъ быть, вотчинный элементъ и былъ отчасти послѣдствіемъ понятій дружины, но, во всякомъ случаѣ, онъ указываетъ на ихъ видоизмѣненіе: не дружина внесла въ общину, а князья, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыя частью пришли извнѣ, — напримѣръ, татарская дань.

Если славянская сельская община состояла изъ одного рода, то основа ея въ семейномъ устройствѣ. Вотчинный элементъ не измѣнилъ его основъ: оно до сихъ поръноситъ почти чистый родовой характеръ, который въ XVI вѣкѣ былъ еще замѣтнѣе, какъ видно изъ «Домостроя». Разбирая отрывокъ изъ этой книги («Р. В.», XIII кн., стр. 41), г. Буслаевъ чрезвычайно вѣрно замѣчаетъ: «одному и тому же наказанію подвергаются и жена, и дѣти, и слуги; потому жена унижена до рабыни, но, съ другой стороны, и слуги сравнены съ женой и дѣтьми.» А это чисто родовая черта, основная въ родовомъ бытѣ. Несмотря на потерю политической автономіи, старшій остался властелиномъ и судьей рода. Вотчинный элементъ обложилъ членовъ рода податями, которыхъ они прежде не платили, для сбора ихъ ввелъ чиновниковъ, сначала какъ прикащиковъ частнаго лица, потомъ прикрѣпилъ земледѣльцевъ къ землѣ, — но не коснулся ни одной изъ этихъ мѣръ внутренняго устройства рода. Видъ общины сталъ иной, но она осталась невредимой; родъ потерялъ только политическую автономію, т. е. независимость въ государственныхъ сношеніяхъ съ другими родами.

Если нѣтъ указаній на то, чтобъ у насъ существовали общины до варяговъ, то самое изслѣдованіе г. Чичерина намъ доказываетъ, что до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ настоящихъ общинъ тоже не было; по крайней мѣрѣ, не было ни общиннаго владѣнія (общинники продавали участки, которыми владѣли на правѣ пользованія изъ-за тягла — на это авторъ разбираемой статьи привелъ много убѣдительныхъ цитатъ), ни общиннаго суда. Выборные являлись для сбора податей, община—не имѣла никакой власти надъ членами.

Остается фактъ, что община отвѣчала за уплату податей. Г. Чичеринъ говоритъ, что это дѣлало ее юридическимъ лицомъ. Съ этимъ мы не можемъ согласиться. Подать лежала не на общинѣ—союзѣ людей, а на участкѣ. Было на немъ много жителей—ее платили многіе; если изъ нихъ часть расходилась, платили остальные. У насъ не было ничего подобнаго римскимъ куріямъ, которыхъ члены не могли покинуть. Выходъ изъ общины былъ свободенъ и не сопровождался никакимъ лишеніемъ политическихъ правъ; сословій въ строгомъ смыслѣ не существовало.

Наконецъ, самые участки, какъ податныя единицы, не были нераздѣльны. Продавали обжу, пол-обжи, малую часть обжи, и, притомъ, «Царя и Вел. Князя земли, а своего владѣнія». И нѣтъ доказательствъ, чтобъ покупщикъ становился членомъ общины, хотя онъ и бралъ на себя уплату податей. Напротивъ, продавали даже монастырямъ. Г. Чичеринъ не согласенъ съ нами. Онъ говоритъ:

Тягло, которое она тянула въ пользу землевладѣльца, связывало ее въ одно.

Между тѣмъ, это не мѣшало ея членамъ расходиться, куда кто хотѣлъ, даже итти въ холопы.

Г. Бѣляевъ справедливо замѣтилъ, что «отправленіе тягла скорѣе разстроивало, чѣмъ поддерживало общину». Такъ, римскія куріи упали, благодаря тяжелымъ податямъ и несмотря на превосходную муниципальную организацію, которой наши общины не имѣли. Но когда послѣ этого дѣльнаго замѣчанія критикъ «Русской Бесѣды» основаніе нашихъ общинъ находитъ въ «складѣ русскаго ума», онъ вызываетъ блестящее опроверженіе г. Чичерина, съ которымъ нельзя не согласиться.

Слабость нашей общины оказалась вполнѣ, когда Грозный вызвалъ выборное начало къ участію въ управленіи и попытался дать общинамъ государственное значеніе,—но не надолго: въ XVII вѣкѣ власть воеводы совершенно подавила власть старостъ и цаловальниковъ. Г. Чичеринъ говоритъ, что это произошло отъ разрозненности общинъ, что эта разрозненность не давала развиться общинному духу и потому община была не въ состояніи сама контролировать своихъ выборныхъ; а правительственному контролю, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, было легче подвергнуть одного воеводу, чѣмъ двадцать старостъ.

Замѣна выборныхъ властей опредѣленными отъ правительства случилась уже по прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ и служитъ какъ бы доказательствомъ, что и оно не сильно подѣйствовало на развитіе общественнаго духа, — по крайней мѣрѣ, сначала.

Мы упомянули объ укрѣпленіи крестьянъ: въ жизни нашихъ общинъ это рѣшительный моментъ. Имъ обусловились, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, весь ихъ юридическій бытъ, какой существуетъ въ настоящее время, неотчуждаемость земель, общее владѣніе, характеръ разселенія.

Но нельзя было бы, кажется, ввести общаго владѣнія всей общины, если бы оно не существовало въ отдѣльныхъ родахъ, нельзя потому, что человѣкъ никогда добровольно не откажется отъ частной собственности.

Закрѣпленіе было мѣрой правительственной; слѣдовательно, и въ устройствѣ общинъ главную роль играло правительство, а не сознаніе самихъ общинниковъ. Этотъ выводъ подтверждается слабостью общественной жизни между нашими крестьянами, которые до сихъ поръ не вполнѣ привыкли къ своему выборному управленію и къ своей общинной организаціи. Все доказываетъ, что она только зарождается, и что ея развитіе, ея вліяніе на цивилизацію народа и на сознаніе имъ своихъ правъ и своихъ обязанностей еще впереди.

Какое же вліяніе имѣли до сихъ поръ правительственныя распоряженія на народное сознаніе, когда зародился общественный духъ въ нашемъ низшемъ сословіи, и въ чемъ онъ проявлялся, какое гражданственное развитіе скрывалось подъ зыбкими формами нашихъ древнихъ общинъ, — всѣ эти вопросы еще не затронуты, и, можетъ быть, много времени пройдетъ прежде, чѣмъ наука будетъ въ состояніи рѣшить ихъ.

А. СѢВЕРЦОВЪ.

ЛЕССИНГЪ.

ЕГО ВРЕМЯ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ГЛАВА II.

Нѣмецкая литература до Лессинга. — Готтшедъ и саксонская школа. — Бодмеръ и швейцарская школа. — Клопштокъ.—Галлеръ.—Гагедорнъ. — Рабенеръ. — Геллертъ. — Университеты и школы. — Публика. — Начала новой жизни. — Томазіусъ. — Мозеръ.

Трудно представить себѣ что нибудь печальнѣе и безнадежнѣе того порядка вещей, жертвою котораго была Германія въ первой половинѣ XVIII вѣка. Французскіе историки не находятъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы характеризовать состояніе Франціи въ послѣдніе годы правленія Людовика XIV, во времена Регента и Людовика XV. Но всѣ тѣ бѣдствія, которыя терпѣлъ французскій народъ въ эту эпоху, правда, очень тяжелыя, незначительны, можно сказать, въ сравненіи съ тѣми ужасными страданіями, какія терпѣлъ нѣмецкій народъ, — именно, терпѣлъ, потому что не было въ немъ даже ропота, недовольства своимъ положеніемъ, не было мысли о чемъ нибудь лучшемъ. Тяжесть, угнетавшая людей, была такъ велика, что даже надежды и стремленія были въ нихъ подавлены. Они отупѣли ко всему, стали равнодушны даже къ своей судьбѣ. Германія была чѣмъ-то подобнымъ чудовищному шильйонскому подземелью; нѣмецкій народъ, томившійся въ этомъ удушливомъ мракѣ втеченіе цѣлаго столѣтія, походилъ, наконецъ, на Боннивара, который свыкся съ своимъ подземельемъ такъ, что потерялъ даже скорбь о себѣ и впалъ въ холодную, безсмысленную апатію. Подобно ему, нѣмецкій народъ могъ бы сказать, вспоминая свое состояніе послѣ Тридцатилѣтней войны:

....Что потомъ сбылось со мной,
Не помню: свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я.
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ смутную слилося тѣнь.
То не было ни ночь, ни день....
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, солнца и свѣтилъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть, — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Подавленный тяжелой мглой,
Недвижный, хладный и нѣмой....

Послѣдніе отголоски умирающей народной жизни слышатся въ литературѣ, первыя надежды, первыя требованія народа обыкновенно высказываются устами его поэтовъ и литераторовъ. Народъ, потерявшій или еще не получившій силы дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, говоритъ, ищетъ свѣта въ словѣ, если не находитъ его въ жизни, жадно слушаетъ воодушевленныхъ негодованіемъ и надеждами своихъ поэтовъ. Даже и этого не было въ Германіи. Писали чрезвычайно много, читали не такъ много, но все-таки очень много. Стихотворцевъ, литераторовъ и ученыхъ Германія въ первой половинѣ прошлаго вѣка имѣла тысячи, читателей — десятки тысячъ; но изъ этихъ тысячъ писателей едва пять-шесть человѣкъ говорили о чемъ нибудь заслуживающемъ вниманія, да и тѣхъ никому не было охоты слушать. Всѣ остальные сочиняли торжественныя оды, идилліи, безсмысленныя басни и безсмысленные панегирики, безжизненныя эпопеи, писали мертвыя диссертаціи о мертвыхъ предметахъ, — и ихъ читали, ими восхищались, и они сами собою восхищались. Перья скрипѣли, литературныя самолюбія надувались, часто бранились, но чаще взаимно воспѣвали свое величіе. Во всемъ этомъ не было ни смысла, ни жизни; но публика была совершенно довольна и счастлива: она воображала, что имѣетъ литературу, не предчувствуя даже, что языкъ данъ человѣку не для стихотворнаго или педантическаго пустословія.

Быть можетъ, даже русская публика, несмотря на свою чрезвычайную малочисленность, болѣе способна служить опорою и почвою для сильнаго литературнаго развитія, нежели нѣмецкая въ прошломъ вѣкѣ: у насъ читаютъ немногіе; но изъ этихъ немногихъ половина ищетъ въ книгѣ смысла и своимъ разумнымъ голосомъ заставляетъ иногда смиряться невѣжественные толки, заставляетъ задумываться тупую апатію, своею симпатіею поддерживаетъ святой жаръ въ благородныхъ писателяхъ. Мы восхищаемся Гоголемъ, не хотимъ знать о другихъ писателяхъ (быть можетъ, и талантливыхъ, но какое намъ до того дѣло?), которые толкутъ воду и занимаются пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Наша литература очень слаба и блѣдна, наша публика—горсть людей; но эта литература, каково бы ни было ея достоинство, все-таки стремится къ жизни и свѣту, эта публика, каково бы ни было ея число, все-таки требуетъ отъ литературы мысли и жизни. Въ Германіи предъ эпохою появленія Лессинга и того не было: Лисковъ прошелъ незамѣченнымъ, а Готтшедъ, Бодмеръ, Рабенеръ, Геллертъ, Галлеръ, Клопштокъ имѣли толпы подражателей и легіоны почитателей.

Сама по себѣ, нѣмецкая литература до Лессинга представляетъ очень мало интереса, какъ явленіе тунеядное и безжизненное. Но для людей, занимающихся исторіею русской литературы, ея изученіе должно имѣть большую важность, потому что всѣ мертвые стихотворцы-педанты и прозаики-педанты, которыми восхищались нѣмцы въ половинѣ прошлаго вѣка, были переводимы на русскій языкъ и, вѣроятно, восхищали немногочисленныхъ нашихъ грамотныхъ людей въ ту пору или нѣсколько позднѣе и служили образцами подражанія для сыновъ россійскихъ музъ. Въ каталогѣ Смирдина мы находимъ, кромѣ множества другихъ нѣмецкихъ писателей того же разряда, Вейссе, Галлера (девять сочиненій), Геллерта (шестьнадцать сочиненій), Гесснера (девять сочиненій), Готтшеда, Клопштока, Крамера (пятьнадцать сочиненій), Мейера, Рабенера (одиннадцать сочиненій). Читатели замѣтятъ, что особенно пустымъ и сухимъ писателямъ наиболѣе было счастья въ русской литературѣ, и Геллертъ, въ шестнадцати видахъ поучавшій русскую публику, далеко оставляетъ за собою геніальнаго Клопштока, давшаго русской литературѣ только три книги, и благороднаго Мозера, изъ котораго было переведено только два сочиненія. Надобно сказать, что и впослѣдствіи эта прекрасная пропорція не была нарушаема, какъ не нарушается она и теперь въ нашей переводной литературѣ, гигантами которой, изъ всѣхъ европейскихъ писателей, являются

Поль де-Кокъ и знаменитый авторъ «Монте Кристо» и «Трехъ Мушкатеровъ». Утѣшительно видѣть постоянство въ чемъ бы то ни было: постоянство—прекрасное качество во всѣхъ сферахъ жизни, а особенно въ умственной жизни, которая, къ сожалѣнію, у иныхъ народовъ въ иныя времена такъ подвержена бываетъ безпокойнымъ треволненіямъ. Насъ успокоиваютъ на этотъ счетъ воспоминанія о прошедшемъ и настоящія явленія: надъ всѣми русскими и иностранными писателями возвышается у насъ мирный гражданинъ Коцебу, на величественномъ подножіи, состоящемъ изъ 143 (сто-сорокъ-три: эта цифра не опечатка) твореній, которыми позаимствовалась у него русская литература. Утѣшительно видѣть, какъ искусство наше умѣетъ находить неистощимое умственное богатство въ самыхъ заплесневѣлыхъ лужахъ.

Никогда — даже въ то время, когда вслѣдъ за Жуковскимъ принялись у насъ переводить великаго Шиллера, ни послѣ, когда энтузіасты-юноши чуть не сходили съ ума отъ олимпійца Гёте — никогда нѣмецкая словесность не имѣла такого вліянія на нашу литературу, какъ въ то время, когда она сама была пуста, мертва и ничтожна. Лишь только стала она оживляться, какъ уже и начала уменьшаться наша любовь къ ней, и мы обратились къ болѣе сроднымъ нашему уму источникамъ умственнаго удовольствія, отъисканнымъ, къ великому нашему восхищенію, у Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Эпоха Лессинга совершенно охладила нашу любовь къ нѣмецкой литературѣ. Однако же, мы не возлюбили не всѣхъ нѣмецкихъ писателей поголовно: нѣтъ! тѣ, которые сохранили въ своихъ сочиненіяхъ милыя для насъ черты старой, до-лессинговской литературы, продолжали пользоваться нашимъ благосклоннымъ вниманіемъ: любили мы поразмыслить надъ глубокомысленными твореніями Юнга-Штиллинга и Эккартсгаузена, любили позабавиться прелестными въ простоуміи своемъ романами Фанъ-деръ-Фельде и Августа Лафонтена (сорокъ-девять разъ являлись различныя его творенія на русскомъ языкѣ для нашего удовольствія), а больше всѣхъ любили мы, какъ выше показано, добраго и честнаго Коцебу, пострадавшаго за правду, которую такъ безразсудно отвергало суетное нѣмецкое юношество (*).

(*) Пушкинъ справедливо замѣчаетъ о французскомъ вліяніи на русскую литературу въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка:

«Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout.
«Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи; но без-
«дарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мар-
«монтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ, овладѣваютъ русской словесностью.»

Совершенно таково же было, нѣсколько ранѣе, и отношеніе нашей словесности къ нѣмецкой литературѣ. Интересно видѣть, какъ нѣмцы понимаютъ

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать причину краткости обзора нѣмецкой литературы до Лессинга, который должны представить въ этой главѣ. Нѣкоторые изъ читателей, знающихъ огромное вліяніе ея на русскую литературу, могли бы полагать, что интересно знать подробно дѣятельность писателей, которыхъ у насъ переводили и которымъ подражали съ такою любовью, достойною лучшаго предмета. Нѣтъ, это навело бы только безполезную скуку. Людямъ, которые разработываютъ исторію нашей словесности прошедшаго вѣка, необходимо основательно изучать всѣхъ этихъ Крамеровъ, Бодмеровъ, Геснеровъ съ братіею, потому что многія русскія сочиненія прошлаго вѣка, притворяющіяся оригинальными произведеніями русскаго ума, въ сущности не болѣе, какъ передѣлки сочиненій того или другаго изъ забытыхъ нынѣ нѣмецкихъ писателей. Какъ все касающееся родной исторіи интересно для насъ, то и изслѣдованіе нѣмецкой до-лессинговской литературы съ цѣлью объяснить развитіе русской литературы имѣетъ свою важность. Но сами по себѣ писатели, славившіеся тогда въ Германіи, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если тотъ или другой изъ нихъ и памятенъ еще самимъ нѣмцамъ, то почти всегда потому только, что Лессингъ обезсмертилъ его имя, такъ или иначе упомянувъ о немъ. Сами по себѣ сохранились въ благодарной памяти своихъ соотечественниковъ очень немногіе, да и то почти исключительно изъ тѣхъ, которые не пользовались громкою извѣстностью въ свое время. У нѣмцевъ, Лискова, какъ у насъ Кантемира, оцѣнили только уже много лѣтъ спустя послѣ его смерти: они въ свое время не имѣли вліянія. Подробно говорить о другихъ значило бы понапрасну терять время, и мы ограничимся только немногими указаніями на значительнѣйшія имена до Лессинга. Нѣсколькихъ страницъ слишкомъ достаточно будетъ для характеристики того состоянія, въ какомъ нашелъ нѣмецкую литературу ея великій преобразователь.

Каково было состояніе нѣмецкой литературы въ началѣ XVIII вѣка, можно судить по одному тому, что Шлоссеръ, въ предисловіи къ своей «Исторіи XVIII вѣка», обозрѣвая, вмѣстѣ съ политическою, и литературную жизнь европейскихъ народовъ въ это время, и го-

---

свою литературу до Лессинга, какъ французы (конечно, только тѣ, которые не изъ числа безсмысленныхъ болтуновъ) понимаютъ своихъ Мармонтелей и тому подобныхъ мудрецовъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ прилично смотрѣть и на нашу литературу прошедшаго вѣка. Послѣдовать этому совѣту будетъ не безполезно, между прочимъ, для г. Галахова, который, вѣроятно, не написалъ бы возраженій на статью г. Лайбова, помѣщенную въ «Современникѣ», если бы хотя нѣсколько сообразилъ смыслъ своихъ словъ.

воря о французской, англійской, итальянской литературѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нѣмецкой, какъ будто бы она вовсе и не существовала.

Въ самомъ дѣлѣ, она существовала тогда на столько же, на сколько существовала русская литература въ ту эпоху, когда вся состояла изъ напыщенныхъ одъ и эпопей да изъ дубоватыхъ анакреонтическихъ стихотвореній. Немногимъ лучше была она и черезъ сорокъ лѣтъ. Правда, на мѣсто прежнихъ знаменитостей явились новыя громкія имена; правда, оптимистъ можетъ замѣтить, что новыя знаменитости были нѣсколько лучше прежнихъ, что Готтшедъ, при всей своей бездарности и недобросовѣстности, лучше какого нибудь напыщеннаго Лоэнштейна или Гюнтера, потому что писалъ, по крайней мѣрѣ, вразумительнымъ языкомъ; оптимистъ, видящій повсюду прогрессъ, можетъ видѣть его и въ періодѣ нѣмецкой литературы отъ 1700 до 1750 года. Но прогрессъ этотъ совершался до излишества сообразно правилу Октавіана: «спѣши медлительно», и въ половинѣ XVIII вѣка положеніе нѣмецкой литературы было до крайности жалко или презрительно. Она еще оставалась рабскимъ подражаніемъ всему, что было мертваго и пустаго въ литературахъ французской и англійской, она оставалась совершенно чужда народной жизни, въ ней владычествовали такіе люди, какъ Готтшедъ и Бодмеръ, въ ней прославлялись, какъ величайшіе поэты вселенной, какъ нѣмецкіе Гомеры, Мильтоны и Гораціи, такіе поэты, какъ Рабенеръ, Геллертъ и имъ подобные.

Французская псевдо-классическая литература достаточно ославлена у насъ: довольно сказать: «нѣмцы благоговѣли передъ Буало», и всякія объясненія о степени плодотворности французскаго вліянія на нѣмецкую литературу становятся излишними. Но надобно сказать нѣсколько словъ о томъ, каковы были англійскіе писатели, раздѣлявшіе съ Буало владычество надъ умами германскихъ писателей. Эти писатели были Аддисонъ, Стиль, Попъ и Томсонъ. Всѣ они стоили другъ друга по безжизненности и фальшивости направленія, хотя и отличались одинъ отъ другаго бо̀льшею или мѐньшею степенью таланта, и, говоря безпристрастно, надобно признаться, что Буало былъ ничѣмъ не хуже ихъ. Чтобы это сужденіе не показалось излишне суровымъ, приведемъ слова Шлоссера о Попѣ и Аддисонѣ: читатели повѣрятъ намъ на слово, что мнѣніе наше о достоинствахъ Стиля и Томсона могло бы быть подтверждено такими же цитатами.

«Поэзія Попа болѣе всего щеголяетъ пріятностью и гладкою формою. Его стихъ превосходенъ, слогъ прекрасенъ, языкъ правиленъ; но у него нѣтъ ни поэтическаго творчества, ни оригинальности, ни силы. Человѣкъ съ такою холодною, слабою и тщеславною натурою, какъ Попъ, который съ необыкновеннымъ усердіемъ старался льнуть къ каждому лорду и суетливо хлопоталъ о томъ, чтобы образовать вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора и нѣчто въ родѣ аристократической комфортабельности, этотъ человѣкъ, жадный къ славѣ и деньгамъ, былъ какъ бы созданъ природою за тѣмъ, чтобы быть проповѣдникомъ фальшиваго и софистическаго направленія въ образованіи. Онъ былъ католикъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ученикъ и другъ кощуна Болингброка, утверждалъ, что всегда оставался вѣренъ догматамъ своей церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ провозглашалъ эгоизмъ. Онъ умѣлъ изворачиваться такъ ловко, что обѣ враждовавшія тогда партіи, приверженцы старины и друзья прогресса, считали его своимъ союзникомъ. Тотъ самый трудъ, который доставилъ Попу славу и независимое состояніе, знаменитый переводъ «Иліады», служитъ свидѣтельствомъ искусственности его направленія. Поэтъ, который понималъ бы духъ Гомера, почелъ бы недостойнымъ дѣломъ переводить «Иліаду», не зная по гречески, и прикрашивать ее мишурными блестками. Сравнивая переводъ съ подлинникомъ, мы можемъ только изумляться изнѣженности и испорченности вкуса, реторичности и ненатуральности переводчика, прославленнаго Джонсономъ, оракуломъ свѣтскихъ салоновъ. Три другія произведенія Попа, на которыхъ вмѣстѣ съ переводомъ «Иліады» основалась его слава, еще яснѣе показываютъ и содержаніемъ и формою, до мельчайшихъ подробностей жизненныхъ и литературныхъ, что поэзія Попа была только порожденіемъ духа, господствовавшаго при Версальскомъ дворѣ, и служила только проповѣдницею искусственной, сладострастной, пустой салонной жизни. Это обнаруживаетъ относительно литературы «Опытъ о критикѣ», относительно жизни — поэма «Похищенный Локонъ», относительно религіозныхъ и нравственныхъ правилъ — «Опытъ о человѣкѣ». «Опытъ о критикѣ» излагаетъ теорію той поэтической школы, къ которой принадлежали Драйденъ и Попъ. Подобно Буало, Попъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о творческомъ вдохновеніи, которое создаетъ художественную форму вмѣстѣ съ идеею: зато у него излагаются очень хитрыя правила для сочиненія стихотворныхъ произведеній въ любомъ родѣ. Чтобы показать характеръ этихъ наставленій, припомнимъ только знаменитое правило о необходимости украшать природу, чтобы придать ей модный покрой, какъ придается онъ фраку или жилету. Потому-то Вида, авторъ извѣстной реторики, безъ церемоніи ставится Попомъ на ряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ. «Похищеніе Локона» — шутливая поэма въ духѣ совершенной распущенности нравовъ, бывшей тогда модною, написана въ подражанiе одной изъ поэмъ Буало. Содержанiе поэмы составляютъ модные обычаи свѣтскаго круга, уваженiемъ къ которому проникнутъ авторъ. «Опытъ о человѣкѣ», по сознанiю самого Попа, есть переложенiе въ стихи философiи Болингброка, ставившей цѣлью человѣческой—удовольствiе. Собственнаго образа мыслей Попъ не имѣлъ, какъ доказываютъ его письма.

«Аддисонъ и его друзья хотѣли подчинить англiйскую литературу холодной правильности, господствовавшей у французовъ, которымъ форма казалась важнѣе содержанiя. По ихъ мнѣнiю, не вдохновенiе дѣлаетъ великимъ писателя, а разсчитанность, остроумничанье и искусственность. Превозносимыя достоинства этихъ стилистовъ основываются на томъ, что они хотѣли только занимать, а не вести впередъ публику, хотѣли слегка щекотать, а не глубоко потрясать умы, — основаны на пошлости и реторикѣ. Реторика и софизмы были главными качествами нравственныхъ лицемѣровъ, въ главѣ которыхъ стоялъ Аддисонъ. Онъ, по злому капризу судьбы, былъ государственнымъ секретаремъ, хотя не былъ въ состоянiи ни говорить въ Парламентѣ, ни писать дѣловыхъ бумагъ, потому что отъ чрезвычайной заботливости о красотѣ слога и реторическихъ фигурахъ не могъ справиться съ депешею, если принимался сочинять ее — фактъ, какъ нельзя лучше характеризующiй подобныхъ ему писателей: реторы отъ созданiя мiра всегда были тщеславны и никуда не годны для практической жизни. Зато сочинялъ онъ множество назидательныхъ трактатовъ. На вопросъ: какимъ образомъ эти сухiе прозаики, въ которыхъ не было ни искры поэзiи, могли предписывать своему и послѣдующему времени законы вкуса и достичь славы, которою еще продолжаютъ пользоваться, хотя едва ли кто нынѣ читаетъ или въ состоянiи прочесть ихъ выглаженныя и прикрашенныя, вялыя и сухiя работы? — на этотъ вопросъ отвѣчать легко. Дворъ и знать ввели моду считать реторику за поэзiю, а морализированье — за литературу. Вильгельмъ III, Анна и ихъ министры прославили и возвысили Аддисона. У этихъ людей не было ни вкуса, ни понятiя о чемъ либо кромѣ дѣловыхъ занятiй или интригъ; потому плоская и многоглаголивая прикрашенность необходимо должна была нравиться имъ лучше истинной поэзiи или сильной прозы. Попъ содѣйствовалъ прославленiю Аддисона, потому что съ проницательностью, свойственною людямъ его разбора, предчувствовалъ, что Аддисонъ никогда не помрачитъ его самого. Каковъ былъ модный вкусъ, которому Аддисонъ обязанъ былъ своимъ возвышенiемъ и распространенiю котораго потомъ содѣйствовалъ онъ, ясно видно изъ исторіи этого писателя. Онъ началъ съ латинскихъ стихотвореній, которыя поднесъ Буало. Буало вообще находилъ, что нелѣпо писать стихи на мертвомъ языкѣ, но отвѣчалъ комплиментами на почтительное приношеніе англичанина. Похвала эта составила славу Аддисона. Послѣ того воспѣвалъ онъ Рисвикскій миръ и Гохштедтскую битву и описывалъ Италію въ поэмѣ, которую можно было написать не выѣзжая изъ Англіи. Потомъ трагедія его «Катонъ» произвела такой шумъ, заслужила такое всеобщее одобреніе, что можно было спросить себя: не измѣняла ли себѣ въ этомъ случаѣ нація, имѣвшая Шекспира и столькихъ другихъ вдохновенныхъ драматурговъ, а теперь восхищавшаяся сухою правильностью и пустою реторикою? но тутъ все зависѣло не отъ характера націи, а отъ моды аристократическихъ салоновъ. «Катонъ» сочиненъ по правиламъ Буало, съ соблюденіемъ трехъ единствъ, съ примѣсью любовныхъ сценъ, и герой пьесы въ шлафрокѣ читаетъ Федона. Въ знаменитомъ журналѣ Аддисона «Зритель» господствуютъ реторическая проза, выглаженное, искусственное стихотворство; все было написано по правиламъ реторики и піитики, но ни въ чемъ не было ни искры генія, ни слѣда одушевленія, ни нравственнаго здоровья, ни силы. Въ «Зрителѣ» проповѣдуется прикрашенность соблюдающей внѣшнія приличія испорченности нравовъ, которая владычествовала тогда въ высшемъ англійскомъ обществѣ, проповѣдуется система жизни, подобная развратному лицемѣрію французскаго двора при Людовикѣ XIV и кардиналѣ Флёри. Аддисонъ съ педантическою точностью рисовалъ нравы и характеры; но о немъ можно сказать то же самое, что говорили объ учителѣ его, Буало: отъ его сочиненій пахнетъ масломъ ночной лампады, при свѣтѣ которой неутомимо обдѣлывалъ онъ свой слогъ. Онъ восхищалъ высшее общество тѣмъ, что давалъ ему въ украшенномъ видѣ изображеніе его собственныхъ нравовъ, представляемыхъ, какъ образецъ для подражанія другимъ классамъ. Мораль Аддисона основана на ханжествѣ, а истина передѣлывается такъ, что никого не можетъ оскорбить или испугать. Мораль у Аддисона главное дѣло во всѣхъ разсказахъ и аллегоріяхъ; но, чтобы никого не оттолкнула она, нравственныя требованія смягчаются дотого, что все льстящее моднымъ обычаямъ представляется добродѣтелью.»

Трудно не соглашаться съ этими сужденіями, какъ и вообще рѣдки тѣ случаи, въ которыхъ здравомыслящій человѣкъ не найдетъ справедливымъ понятія Шлоссера, котораго по внутреннему достоинству его твореній надобно признать первымъ историкомъ нашего вѣка.

Если таковы были писатели, служившіе оракулами для нѣмецкихъ литераторовъ первой половины XVIII вѣка, легко себѣ вообразить, много ли жизни, много ли поэтическаго достоинства, много ли справедливыхъ литературныхъ понятій можно найти у знаменитостей нѣмецкой литературы того времени. Для нашей цѣли — объясненія, въ какомъ состояніи нашелъ ее Лессингъ — довольно будетъ сказать по нѣскольку словъ о людяхъ, пользовавшихся особенною славою или вліяніемъ во второй четверти XVIII вѣка.

Около 1730-тыхъ годовъ сильнѣйшимъ лицомъ въ нѣмецкой литературѣ былъ Готтшедъ; черезъ нѣсколько лѣтъ выступили противъ него и его послѣдователей (саксонской школы) Бодмеръ и его друзья (швейцарская школа). Борьба этихъ двухъ школъ ведена была обѣими враждующими партіями съ величайшимъ ожесточеніемъ и страшнымъ шумомъ, безъ малѣйшаго соблюденія какихъ бы то ни было приличій. Споръ этотъ составляетъ важнѣйшій фактъ въ нѣмецкой литературѣ 1740-выхъ годовъ. Посмотримъ же, каковы были противники и о какихъ предметахъ шелъ споръ. (*)

Готтшедъ былъ послѣдователь Буало и поклонникъ французскаго псевдо-классическаго направленія.

Значительнаго положенія въ нѣмецкой литературѣ достигъ онъ ловкою разсчитанностью своего образа дѣйствій. Поселясь въ Лейпцигѣ, онъ сначала льстилъ людямъ, которые имѣли въ рукахъ средства помочь ему, потомъ, когда, благодаря имъ, пріобрѣлъ громкій голосъ въ литературныхъ дѣлахъ, сталъ превозносить каждаго, кто, въ свою очередь, соглашался быть его льстецомъ. Этимъ путемъ ему удалось получить владычество въ учено-литературномъ обществѣ, которое существовало въ Лейпцигѣ. Единственною цѣлью его дѣятельности былъ личный интересъ, и только для увеличенія своей славы и власти онъ старался пробудить участіе къ нѣмецкой литературѣ въ публикѣ. Вкусъ публики былъ такъ грубъ, невѣжество ея такъ велико, что сочиненія Готтшеда, человѣка хитраго, но лишеннаго литературныхъ талантовъ, и кліентовъ его, людей бо̀льшею частію совершенно бездарныхъ, удовлетворяли общему требованію: Готтшедъ безсовѣстно прославлялъ своихъ послѣдователей, они, въ свою очередь, прославляли его, и публика, оглушенная этимъ крикомъ, еще не способная имѣть самостоятельнаго мнѣ-

---

(*) Мнѣнія, которыя кажутся автору справедливыми, почти всѣ высказаны у Шлоссера. Факты, здѣсь приводимые, такъ общеизвѣстны, что не нуждаются въ подтвержденіи цитатами, которыя, впрочемъ, желающій найдетъ у Гервинуса, Гиллебранда, Шефера и другихъ историковъ нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Во многихъ мѣстахъ мы, конечно, просто переводимъ того или другаго изъ этихъ писателей.

нія, вѣрила всѣмъ этимъ своекорыстнымъ похваламъ и считала наглаго шарлатана съ его креатурами за великихъ писателей. Готтшедъ написалъ грамматику, піитику, реторику, издавалъ критическій журналъ и считался законодателемъ языка и вкуса. Правда, сужденія его о писателяхъ были пристрастны и недобросовѣстны, понятія его о литературѣ мелочны и пошлы, но они приходились по вкусу тогдашней публики. Посредствомъ лейпцигскаго «Нѣмецкаго Общества» Готтшедъ вошелъ въ сношенія съ безчисленными другими литературными обществами, которыя существовали въ каждомъ городѣ и городкѣ. Онъ льстилъ тщеславію, которое обыкновенно бываетъ главнымъ качествомъ литературныхъ корпорацій; онъ льстилъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ важныя оффиціальныя положенія въ университетахъ, еще болѣе льстилъ тѣмъ придворнымъ и аристократамъ, которые имѣли претензію быть меценатами. Титулованнымъ поэтамъ, какъ бы ни были они бездарны, Готтшедъ подобострастнѣйшимъ образомъ курилъ ѳиміамъ: такъ, напримѣръ, онъ превозносилъ до небесъ жалкій переводъ Горація, изданный безъ имени переводчика, узнавъ, что переводчикъ—графъ фонъ-Зольмсъ; а барона Шёнайха, сочинителя нелѣпѣйшей поэмы «Терезіада», ставилъ онъ выше Клопштока, называлъ величайшимъ изъ эпическихъ поэтовъ вселенной и торжественно вѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ. Личность Готтшеда вполнѣ обрисовывается передъ нами однимъ анекдотомъ, который разсказанъ въ автобіографіи Гёте (Wahrheit und Dichtung). Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, молодой человѣкъ съ нѣкоторыми другими юношами отправился на поклоненіе свѣтилу нѣмецкой словесности:

«Слуга ввелъ насъ въ большую комнату и сказалъ, что г. Готтшедъ сейчасъ выйдетъ. При этомъ показалось намъ, что онъ жестомъ показалъ на сосѣднюю комнату, въ знакъ того, что мы должны итти туда. Не знаю, ошиблись ли мы, понявъ его движеніе въ этомъ смыслѣ, но, отворивъ дверь, мы очутились зрителями странной сцены: въ тотъ самый мигъ, изъ противоположной двери явился Готтшедъ, плечистый мужчина гигантскаго роста, въ зеленомъ дамасовомъ шлафрокѣ, подбитомъ красною тафтою, и съ безпредѣльною лысиною на громадной головѣ. Послѣдней бѣдѣ готовилась быстрая помощь: изъ третьей двери выскочилъ слуга, держа въ рукѣ парикъ, и, съ испугомъ на лицѣ, кинулся къ барину. Готтшедъ, совершенно хладнокровно, не обнаруживая ни малѣйшей досады, лѣвою рукою взялъ у лакея парикъ и, очень искусно сажая его на голову, правою рукою далъ лакею такую пощечину, что бѣдняга, будто играя роль въ водевилѣ, кубаремъ вылетѣлъ за дверь, послѣ чего достопочтенный хозяинъ очень важно попросилъ насъ садиться и, не переводя духа, проговорилъ довольно длинное и очень милое привѣтствіе.»

Восхитительно это невозмутимое спокойствіе, съ которымъ знаменитый хозяинъ, одною рукою поправляя парикъ, другой даетъ крѣпкую пощечину слугѣ и вслѣдъ затѣмъ съ совершеннымъ апломбомъ начинаетъ говорить заранѣе обдуманныя любезности гостямъ. Очевидно, что почтенный Готтшедъ былъ недоступенъ волненіямъ сердца — онъ неизмѣнно дѣйствовалъ по правилу, которое разъ навсегда поставилъ себѣ: «проступки должны быть наказываемы, а всѣмъ, кого нѣтъ надобности наказывать, должно говорить любезности.» Точно также разсчитанно и холодно дѣйствовалъ онъ и въ литературѣ: безпощадно бранилъ всякаго, кто сдѣлалъ ему какую нибудь непріятность, безстыдно превозносилъ каждаго, отъ кого слышалъ лесть себѣ или могъ ожидать какихъ нибудь услугъ. Литературныя достоинства или недостатки произведенія тутъ нимало не принимались въ соображеніе, — притомъ же, Готтшедъ и не имѣлъ способности замѣчать ихъ; весь вопросъ состоялъ исключительно въ личныхъ отношеніяхъ автора къ Готтшеду. Безсовѣстность такого самовластителя въ литературѣ вызвала наконецъ нѣкоторыхъ изъ обиженныхъ имъ писателей на борьбу противъ него. Предводителемъ этой партіи, враждебной лейпцигскому диктатору, явился швейцарецъ Бодмеръ, уже имѣвшій въ Цюрихѣ и окрестныхъ городахъ толпу кліентовъ.

Въ противоположность Готтшеду, Бодмеръ былъ человѣкъ честный; но, подобно Готтшеду, онъ былъ лишенъ и вкуса и таланта, а, между тѣмъ, хотѣлъ быть судьею въ поэзіи и считалъ себя великимъ поэтомъ. Поклонниковъ у него находилось очень много, даже между людьми, имѣвшими образованіе или поэтическую славу. Они говорили, что эпическая поэма Бодмера «Ной» выше мильтонова «Потеряннаго Рая» и самой «Иліады». До старости Бодмеръ сохранилъ ребяческую впечатлительность и опрометчивость, вмѣстѣ съ безмѣрнымъ и чрезвычайно раздражительнымъ самолюбіемъ. Оракуломъ въ литературныхъ мнѣніяхъ служилъ ему Аддисонъ, «Зрителю» котораго самодовольно подражалъ журналъ Бодмера «Бесѣды Живописцевъ», далеко уступавшія «Зрителю», хотя и англійскій журналъ, какъ мы видѣли, имѣлъ не слишкомъ много положительнаго достоинства.

Готтшедъ и Бодмеръ сначала были въ хорошихъ отношеніяхъ между собою: одинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ журналѣ другаго, тотъ хвалилъ его произведенія и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, въ образѣ понятій не было между этими людьми значительной разницы: одинъ вѣровалъ въ Буало, другой въ Аддисона, ученика

Буало. Но оба были люди тщеславные, оба проникнуты суетнымъ желаніемъ не встрѣчать противорѣчія. Скоро Готтшедъ сталъ считать партію Бодмера вредною для себя: она мѣшала его единовластію въ литературѣ. Швейцарцы осмѣлились даже издавать руководства къ піитикѣ, какъ будто бы не издано было такое руководство Готтшедомъ! Значитъ, они посягали на его права: кто смѣлъ предписывать законы поэзіи, когда они даны уже имъ, великимъ Готтшедомъ? Онъ началъ бранить Бодмера и его друга Брейтингера, эти, разумѣется, отвѣчали ему въ такомъ же тонѣ, пасквили посыпались градомъ съ обѣихъ сторонъ, и загорѣлась непримиримая война.

Споръ шелъ о предметахъ мелочныхъ и ничтожныхъ, лишенъ былъ всякаго живаго содержанія, какъ и должно было ожидать: какіе важные недостатки могъ открыть въ понятіяхъ или произведеніяхъ послѣдователей Аддисона ученикъ Буало, или въ понятіяхъ и произведеніяхъ приверженцевъ Буало ученикъ Аддисона? Спорили о словахъ, о достоинствѣ того или другаго выраженія и т. д.; но этотъ пустой споръ былъ крикливъ и задоренъ, потому что дѣло велось собственно изъ-за оскорбленій личнаго самолюбія: считаться ли Бодмеру нѣмецкимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, или бездарнымъ писакою? считаться ли Готтшеду нѣмецкимъ Корнелемъ и Расиномъ, или его драмы достойны осмѣянія? Кому изъ двухъ противниковъ быть нѣмецкимъ Гораціемъ, законодателемъ въ области поэзіи? Кто изъ нихъ Аристархъ и кто Зоилъ? Точно таковы же были отношенія и всѣхъ другихъ саксонцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Готтшеда, и швейцарцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Бодмера: каждый изъ нихъ кричалъ, защищая славу, которою пользовался въ своей партіи, и браня противниковъ за то, что они не признавали его великимъ писателемъ.

Полемика была пуста, но не была безплодна; громкій шумъ привлекъ вниманіе общества: оно стало поневолѣ думать о литературѣ, когда изъ литературныхъ лагерей стали неумолкаемо раздаваться неистовые крики. Научить эти крики не могли пока еще ровно ничему; но хорошо было уже и то, что прежняя усыпительная монотонность нелѣпыхъ панегириковъ замѣнилась бойкимъ, задирающимъ споромъ, пробуждающимъ любопытство. Не безполезна была эта неистовая полемика и потому, что заставила публику нѣсколько недовѣрчивѣе прежняго смотрѣть на авторитеты, нѣсколько самостоятельнѣе прежняго судить о достоинствѣ писателей и сочиненій: до того времени публика тупо вѣрила всему, что ей говорили; теперь по необходимости надобно было каждому рѣшать, кто изъ споровшихъ справедливѣе. Борьба была упорна; но черезъ нѣсколько лѣтъ побѣда стала склоняться на сторону швейцарцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя они вообще не отличались ни вкусомъ, ни дарованіями, но въ партіи Готтшеда было еще больше безвкусія и бездарности; хотя швейцарцы держались понятій педантическихъ и безжизненныхъ, но въ школѣ Готтшеда педантизмъ былъ еще безжизненнѣе; хотя они были чистые формалисты, но у готтшедіанцевъ формализмъ былъ еще болѣе сухъ и мелоченъ. Такъ, напримѣръ, въ спорахъ о языкѣ швейцарцы защищали употребленіе оригинальныхъ выраженій, Готтшедъ былъ пуристомъ и осуждалъ каждый новый терминъ, каждое выраженіе, не освященное долговременнымъ употребленіемъ, и доходилъ въ этомъ случаѣ до очевиднѣйшей тупости: онъ нападалъ на такія слова, какъ меланхолія, симпатія, сцена, фантазія; нелѣпыми нововведеніями казались ему и такія слова, какъ, напримѣръ, das Entlocken, das Grosse, unbewusst, unentwickelt, die Mitternacht, das Lächeln, — слова, столь же невинныя и понятныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ на русскомъ понятны и невинны соотвѣтствующія имъ слова: похищеніе, величіе, безсознательно, неразвитый, полночь, улыбка. Въ спорѣ о теоріи словесности швейцарцы защищали права если не творческой фантазіи (о которой ни та, ни другая партія не имѣла понятія, подобно своимъ иноземнымъ оракуламъ), то, по крайней мѣрѣ, права лирическаго чувства, а Готтшедъ училъ писать стихотворенія при помощи однихъ только разсчитанныхъ по пальцамъ правилъ и осуждалъ піитику Брейтингера за то, что по ней не научишься писать эпопей, драмъ, одъ, — между тѣмъ (говорилъ онъ), моя піитика учитъ «безошибочнымъ образомъ изготовлять стихотворныя произведенія во всевозможныхъ родахъ». Изъ этихъ словъ можно уже съ достовѣрностью заключать, что піитика Брейтингера была нѣсколько лучше готтшедовой, хотя она написана также въ духѣ сухаго формализма.

Когда люди, подобные Готтшеду и Бодмеру, спорили о владычествѣ надъ литературою, конечно, не могло быть истинно замѣчательныхъ дарованій между знаменитостями этой литературы, и сама литература не могла имѣть живаго содержанія; иначе, хитрая или тупоумная посредственность и не имѣла бы средствъ овладѣвать до такой степени законодательствомъ въ области изящнаго. Мы уже сказали, что нѣтъ надобности перечислять всѣхъ писателей, которые считались тогда славными, и которые были забыты, какъ только оживилась литература. Довольно будетъ назвать три-четыре имени, пользовавшіяся или особеннымъ уваженіемъ, или особенною любовью публики. Къ такимъ писателямъ принадлежатъ Галлеръ, Рабенеръ и Геллертъ.

Дидактическія поэмы Буало и особенно Попа имѣли рѣшительное вліяніе на Галлера, который былъ великимъ ученымъ, но самъ сознавался, что лишенъ поэтическаго таланта,—и не только таланта не было у него, но и вкуса, потому что Вейсе, очень посредственнаго драматурга, который подражалъ то французамъ, то англичанамъ, ставилъ онъ выше Шекспира, а приторный Геснеръ нравился ему больше Ѳеокрита. Собственныя произведенія Галлера, особенно знаменитыя его поэмы «Альпы» и «О происхожденіи зла», могутъ имѣть ученое достоинство, но чужды поэтическаго одушевленія. Стремясь къ возвышенности, онъ достигаетъ только суровой сухости; стремясь къ теплотѣ и трогательности картинъ, даетъ онъ только холодныя и скучныя описанія. Въ «Альпахъ» описываются красоты горной природы и изображаются въ идиллическомъ видѣ нравы горныхъ жителей, которые, не зная о жадности и любостяжаніи, сохранили у себя блаженство золотаго вѣка. Поэма «О происхожденіи зла» объясняетъ, что человѣку дана свободная воля, что Богу угодно было предоставить людямъ выборъ между добромъ и зломъ; потомъ изображается состояніе первыхъ людей до грѣхопаденія, паденіе діаволовъ и прегрѣшеніе первыхъ людей — это подробный разсказъ библейскаго преданія, съ примѣсью различныхъ философскихъ замѣчаній. Поэма «О происхожденіи зла» имѣла большой успѣхъ и породила сотни подражаній. Многочисленные послѣдователи Галлера безъ всякой заботы о требованіяхъ поэзіи цѣликомъ перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты, сохраняя даже ученую систематическую форму въ своихъ виршахъ,—они просто перефразировали Лейбница и Вольфа, прикрашивая ихъ заимствованіями изъ Попа и Томсона, — сочиняли стихотворныя разсужденія о намѣреніяхъ Божіихъ при созданіи вселенной, о законахъ разума, о прививаніи коровьей оспы, объ искусственномъ орошеніи полей, о пользѣ математическихъ наукъ для поэта, о томъ, что произрастеніемъ травы доказывается существованіе Божіе, и т. д.

Кромѣ дидактическихъ и описательныхъ поэмъ, Галлеръ писалъ сатиры; но эти сатиры лучше всего остальнаго показываютъ, какъ чужда была всякаго живаго содержанія нѣмецкая литература того времени. Онѣ направлены не противъ пороковъ или смѣшныхъ слабостей нѣмецкаго общества, а противъ парижскихъ философовъ. Самъ Галлеръ объявляетъ, что не имѣетъ охоты заниматься современными нравами своей родины, потому что это безполезно да и не нужно.

Несмотря на чрезвычайное уваженіе къ эпической поэзіи, которая считалась верховнымъ родомъ искусства, Галлера читали довольно мало, а его послѣдователей еще меньше,—но каждый чувствовалъ на себѣ обязанность превозносить эти поэмы. Галлера называли нѣмецкимъ Виргиліемъ. Титулы, которыми украшались Рабенеръ и Геллертъ, были скромнѣе: Рабенеръ считался не болѣе, какъ нѣмецкимъ Ювеналомъ, а Геллертъ—нѣмецкимъ Лафонтеномъ; но за скромность этихъ титуловъ Геллертъ и Рабенеръ вознаграждались тѣмъ, что ихъ сочиненія были любимѣйшимъ чтеніемъ нѣмецкой публики. Для насъ, которые часто слышимъ преувеличенныя сужденія о глубинѣ и серьёзности содержанія тѣхъ писателей, которые считаются представителями сатирическаго направленія въ русской литературѣ, не безполезно будетъ знать, какъ нѣмцы нынѣ судятъ о Рабенерѣ, котораго можно сравнить съ нашими писателями по обширности круга, которымъ занята его иронія, и по смѣлости, съ какою обличаетъ онъ недостатки своей народной жизни. Это сравненіе можетъ привести насъ къ сомнѣнію въ томъ, дѣйствительно ли есть серьёзное содержаніе даже въ тѣхъ произведеніяхъ нашей литературы, которыя особенно извѣстны безпощаднымъ (будто бы) сарказмомъ, съ которымъ разоблачаютъ передъ нами важнѣйшіе (будто бы) наши недостатки. Безъ сомнѣнія, у насъ есть писатели гораздо болѣе даровитые, нежели Рабенеръ, и произведенія, имѣющія гораздо болѣе художественнаго достоинства, нежели его сатиры. Но мы здѣсь говоримъ о границахъ содержанія, доступнаго ироніи. Мы находимъ, что у насъ есть произведенія, безпощадно карающія важнѣйшіе общественные пороки, — такъ говорили и нѣмцы добраго стараго времени о сатирахъ Рабенера. Интересно знать, какъ думаютъ нынѣ о Рабенерѣ въ Германіи, уже имѣя понятіе о томъ, какова бываетъ истинная сатира. Потому приведемъ сужденіе Гервинуса объ этомъ писателѣ.

«Рамлеръ, въ предисловіи къ переводу Баттё (говоритъ Гервинусъ), хвалитъ Рабенера, называя его улыбающимся сатирикомъ, писателемъ мужественно прекраснымъ, упреки котораго поучительны, воображеніе котораго неистощимо, въ сочиненіяхъ котораго представленъ цѣлый рядъ картинъ и характеровъ. У кого достало бы охоты перечитать сатиры Рабенера, тотъ увидѣлъ бы, что надобно сказать о немъ совершенно противное. Что касается неистощимости воображенія, надобно признаться, что эти сатиры совершенно чужды всякой поэзіи: творческой фантазіи нѣтъ въ нихъ ни капли. Его произведенія—чистая проза. Смѣлости и рѣзкости онъ совершенно лишенъ; онъ робокъ и скученъ. Для нынѣшнихъ читателей довольно взглянуть на заглавія его сатиръ, чтобы убѣдиться въ томъ: «О поздравленіяхъ съ праздникомъ», «Похвала постельнымъ собачкамъ», «О несчастныхъ мужьяхъ» — вотъ каковы поучительныя задачи рабенеровой сатиры. Сатирическія посланія его превозносились какъ нѣчто удивительное — въ какомъ же кругу вращается тутъ остроуміе сатирика? — Невѣжда-помѣщикъ ищетъ себѣ дешеваго учителя, — горничная рекомендуетъ на это мѣста человѣка, который ей нравится; вдова пастора пріискиваетъ себѣ жениха; проситель подкупаетъ судью, и т. д. Правда, эти недостатки существовали въ обществѣ; правда, сатира, карая пороки, можетъ для разнообразія касаться и мелочныхъ слабостей. Но сатирикъ обнаруживаетъ незнакомство свое съ жизнью, когда, думая объ исправленіи великаго общественнаго зданія, занимается подчисткою подобныхъ незначительныхъ шероховатостей въ мелкихъ уголкахъ. Рабенеръ, Цахаріэ и Геллертъ не истребили мелочныхъ недостатковъ, надъ которыми изощтряли свое остроуміе; но всѣ эти мелочи упали сами собою, когда молодое поколѣніе въ 1770-тыхъ годахъ потрясло своими ударами все зданіе, къ которому принадлежали эти ничтожныя подробности. Рабенеръ могъ бы оставить безъ вниманія пустяки, которыми занимался, еслибъ обратилъ свою сатиру противъ великихъ недостатковъ, порожденныхъ жизнью его народа въ его время и препятствовавшихъ прогрессу; а онъ бился противъ маловажныхъ и существующихъ вездѣ и повсюду привычекъ. Предметы, которыми занимается его насмѣшка, слишкомъ мелки. Онъ самъ признается, что въ Германіи объ учителѣ деревенской школы нельзя говорить той правды, которую въ Англіи говорятъ о первыхъ сановникахъ королевства. Самъ Геллертъ — человѣкъ не слишкомъ смѣлый — понимаетъ, что сатира слишкомъ стѣснена, если говоритъ только о порокахъ частной жизни: описывая вельможъ, она, по его словамъ, бываетъ краснорѣчивѣе, нежели издѣваясь надъ мелкими людьми. Рабенеръ не дерзаетъ приближаться съ своею насмѣшкою къ великолѣпнымъ палатамъ: онъ прямо отказывается говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны «превосходительные люди». Разумѣется, можно находить и оправданія для Рабенера: вѣдь и его сатиры возбуждали неудовольствіе.»

Сужденіе Гервинуса не должно считать слишкомъ суровымъ, — подобно ему, думаютъ о робкой сатирѣ Рабенера всѣ. Въ подтвержденіе этихъ словъ приведемъ сужденія Шлоссера:

«Можно ли отъ Рабенера, человѣка, занимавшаго должность сборщика податей при саксонскомъ министрѣ Брюлѣ, стало быть, составившаго себѣ карьеру самымъ печальнымъ образомъ въ самыя печальныя времена, — можно ли ожидать отъ такого человѣка смѣлыхъ мыслей? А безъ смѣлости возможна ли сатира? Сатирѣ не должно быть дѣла до тѣхъ пороковъ, которые гнѣздятся въ ничтожныхъ людяхъ — нравы толпы исправляются не поэзіею, а другими путями — она должна разоблачать пышныя личины, ослѣпляющія простаковъ, она должна рѣзко изобличать пустоту и лицемѣріе, соединенное съ ложнымъ блескомъ. Сатира Рабенера щадитъ (очень благоразумно) истинныхъ враговъ человѣчества и родины, щадитъ людей, которые безстыдно презираютъ общественное мнѣніе, она занимается только бабьими сплетнями. Она не понимаетъ, что мелкихъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ не исправишь насмѣшками; они бьются изъ-за куска насущнаго хлѣба, ихъ недостатки происходятъ не отъ злой воли, а отъ нужды.»

Еще слабѣе и ничтожнѣе Рабенера былъ по своему направленію Геллертъ, пользовавшійся, однакожь, огромною популярностью. Онъ отъ природы былъ трусливъ и суетенъ, — обстоятельства развили въ немъ эти качества. Какъ жалка и безцвѣтна была его натура, можно судить по слѣдующему разсказу, который помѣщенъ въ англійскомъ «Годичномъ указателѣ» событій и новостей (The Annual Register) за 1762 годъ. Разсказъ этотъ слишкомъ хорошо характеризуетъ вообще всѣхъ знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей той эпохи, которой принадлежитъ Геллертъ, потому помѣщаемъ его вполнѣ. Онъ лицомъ къ лицу ставитъ передъ нами этихъ жалкихъ педантовъ, вѣчно занятыхъ только одною мыслью о томъ, хороши ли ихъ собственныя сочиненія, — заботою о томъ, чтобы стихи были гладки, языкъ чистъ и правиленъ и всѣ правила пiитики и реторики были строго соблюдены, — этихъ жалкихъ людей, ждавшихъ себѣ чести, а литературѣ пользы отъ милости меценатовъ, людей, не знавшихъ жизни, не имѣвшихъ понятія о томъ, что писатель долженъ быть óрганомъ желаній своего народа, его руководителемъ и защитникомъ.

«Подлинный разговоръ между королемъ прусскимъ и талантливымъ Геллертомъ, профессоромъ изящной словесности при Лейпцигскомъ университетѣ, заимствованный изъ письма изъ города Лейпцига, отъ 27 января 1761 года.

18 минувшаго октября, въ третьемъ часу вечера, когда профессоръ Геллертъ, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, сидѣлъ въ шлафрокѣ, за своимъ письменнымъ столомъ, кто-то постучался въ дверь его квартиры.

— Милости просимъ, войдите, сударь! сказалъ Геллертъ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ вошедшій: — имя мое Квинтусъ Ицилиусъ; мнѣ очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, столь славнымъ въ литературномъ мірѣ. Впрочемъ, я пришелъ къ вамъ не отъ себя, а по приказанію его величества, короля прусскаго, который желаетъ васъ видѣть и приказалъ мнѣ проводить васъ къ нему.

Геллертъ извинялся своимъ нездоровьемъ, но согласился слѣдовать за майоромъ Квинтусомъ, который ввелъ его въ кабинетъ его величества, гдѣ и произошелъ между королемъ и этими двумя писателями слѣдующій разговоръ:

Король. Вы профессоръ Геллертъ?

Геллертъ. Точно такъ, ваше величество!

Король. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ о васъ, какъ о человѣкѣ высокихъ достоинствъ. Откуда вы родомъ?

Геллертъ. Изъ Ганихена, что близъ Фрейберга.

Король. Какая причина, что у насъ нѣтъ хорошихъ нѣмецкихъ писателей?

Майоръ Квинтусъ. Предъ лицомъ вашего величества стоитъ превосходный нѣмецкій писатель, сочиненія котораго французы почли достойными перевода и котораго называютъ они германскимъ Лафонтеномъ.

Король. Это, г. Геллертъ, конечно, служитъ сильнымъ доказательствомъ вашихъ достоинствъ. Скажите, читали вы Лафонтена?

Геллертъ. Читалъ, государь, но не подражалъ ему. Я стараюсь быть оригинальнымъ въ своемъ родѣ.

Король. И прекрасно дѣлаете. Но скажите, какая причина тому, что у насъ въ Германіи не много писателей такихъ хорошихъ, какъ вы?

Геллертъ. Ваше величество, кажется, предубѣждены противъ нѣмцевъ.

Король. Нимало.

Геллертъ. Или, по крайней мѣрѣ, противъ нѣмецкихъ писателей.

Король. Это быть можетъ; въ самомъ дѣлѣ, я не высокаго мнѣнія о нихъ. Отчего происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ историковъ?

Геллертъ. У насъ есть, государь, нѣсколько хорошихъ историковъ, — между прочимъ, Крамеръ, продолжатель Боссюэта, и ученый Масковъ.

Король. Нѣмецъ продолжалъ «Всемірную Исторію» Боссюэта! возможно ли?

Геллертъ. Не только продолжалъ, но и совершилъ это трудное дѣло съ величайшимъ успѣхомъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ въ областяхъ вашего величества провозгласилъ это продолженіе равняющимся боссюэтовой исторіи по краснорѣчію и превосходящимъ ее по точности.

Король. Отчего же происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошаго перевода Тацита на нѣмецкій языкъ?

Геллертъ. Этотъ авторъ чрезвычайно труденъ для перевода, и французскіе переводы, какіе нынѣ существуютъ, совершенно лишены всякаго достоинства.

Король. Съ этимъ я согласенъ.

Геллертъ. Много есть различныхъ причинъ, препятствовавшихъ доселѣ нѣмцамъ сдѣлаться знаменитыми въ различныхъ отрасляхъ литературы. Когда науки и искусства процвѣтали между греками, римляне занимались только губительнымъ искусствомъ войны. Не можемъ ли мы считать настоящаго времени воинскимъ вѣкомъ Германіи? Не могу ли также я прибавить, что наши соотечественники не были одушевляемы такими покровителями наукъ, какъ Августъ и Людовикъ XIV?

Король. Да вѣдь у васъ въ Саксоніи было цѣлыхъ два Августа (*).

Геллертъ. Правда, государь, и потому въ нашей странѣ явились хорошіе начатки.

Король. Какимъ образомъ можете вы ожидать Августа въ Германіи, столь раздробленной?

Геллертъ. Я сказалъ не въ томъ смыслѣ, государь: я желаю только, чтобы каждый государь ободрялъ въ своихъ областяхъ людей съ истиннымъ талантомъ.

Король. Вы никогда не выѣзжали изъ Саксоніи?

Геллертъ. Однажды я былъ въ Берлинѣ.

Король. Вамъ нужно бы путешествовать.

Геллертъ. Государь, я не имѣю никакой наклонности къ путешествіямъ; а еслибы и имѣлъ, мои обстоятельства непозволилибы мнѣ путешествовать.

Король. Скажите, какой болѣзнью вы страдаете? я предполагаю, болѣзнью ученыхъ?

Геллертъ. Назову ее такъ, когда вашему величеству угодно почтить меня этимъ именемъ, котораго, безъ величайшаго тщеславія, не могъ бы я дать самъ себѣ.

Король. Я, подобно вамъ, страдалъ этою болѣзнью и, кажется, могу излечить васъ: дѣлайте только моціонъ, ѣздите гулять верхомъ каждый день и разъ въ недѣлю принимайте ревеню.

(*) То есть Августъ III, тогда царствовавшій, и Августъ II, бывшій его предшественникомъ.

Геллертъ. Это лекарство, государь, могло бы для меня быть хуже самой болѣзни: если моя лошадь была бы здоровѣе и бодрѣе меня, я не смѣлъ бы сѣсть на нее; а если она хуже меня, немного пользы было бы мнѣ отъ прогулки верхомъ на ней.

Король. Ну, такъ ѣздите гулять въ экипажѣ.

Геллертъ. Я не такъ богатъ, чтобъ имѣть на то средства.

Король. А, вотъ этимъ-то обстоятельствомъ обыкновенно и больны нѣмецкіе литераторы. Правда, худыя нынѣ времена.

Геллертъ. Худыя, ваше величество! Но если бы благость вашего величества дала миръ Германіи....

Король. Да развѣ отъ меня это зависитъ? Развѣ вы не слышали, что противъ меня соединились три державы?

Геллертъ. Знанія мои, государь, преимущественно заключаются въ древней исторіи; новую изучалъ я гораздо менѣе.

Король. Изъ эпическихъ поэтовъ кого вы предпочитаете — Гомера или Виргилія?

Геллертъ. Безъ сомнѣнія, Гомеръ, какъ оригинальный геній, заслуживаетъ предпочтенія.

Король. Но Виргилій, однако же, писатель болѣе изящный.

Геллертъ. Мы живемъ во времена, слишкомъ отдаленныя отъ гомеровыхъ, и не можемъ составить себѣ опредѣлительнаго сужденія о языкѣ и нравахъ того древняго періода; потому я полагаюсь на сужденіе Квинтиліана, который отдаетъ преимущество Гомеру.

Король. Но мы, однако же, не должны съ рабскимъ подобострастіемъ подчиняться сужденіямъ древнихъ.

Геллертъ. Я и не подчиняюсь имъ слѣпо. Я только принимаю ихъ мнѣнія, когда древность облекаетъ предметъ такимъ туманомъ, который не даетъ мнѣ различить его черты и, слѣдовательно, отнимаетъ возможность собственнаго сужденія.

Король. Вы, какъ я слышалъ, написали басни, замѣчательныя по изяществу и остроумію. Можете вы прочитать мнѣ одну изъ нихъ?

Геллертъ. Не умѣю вамъ сказать, государь, могу ли: память моя далеко не хороша.

Король. Постарайтесь; я пока пройдусь по комнатѣ и дамъ вамъ время собраться съ мыслями.... (*Черезъ нѣсколько минутъ.*) Можете теперь исполнить мое желаніе?

Геллертъ. Могу, государь!

«Аѳинскій живописецъ, занимавшійся своимъ искусствомъ болѣе изъ желанія славы, нежели изъ любви къ прибытку, спросилъ у знатока живописи мнѣнія о своей картинѣ, представлявшей бога Марса. Знатокъ не скрылъ отъ него, что находитъ картину неудовлетворительною. Живописецъ защищалъ свое произведеніе. Критикъ отвѣчалъ на его возраженія, но не могъ убѣдить его. Въ это время подходитъ невѣжда, бросаетъ взглядъ на картину и, не подумавъ ни минуты, съ восторгомъ восклицаетъ: «Боже! какое мастерское произведеніе! Марсъ живой дышетъ на этомъ полотнѣ! Какія прекрасныя ноги! Какой вкусъ, какое величіе въ этомъ шлемѣ, въ этомъ щитѣ, во всемъ вооруженіи ужаснаго бога!» Живописецъ покраснѣлъ, взглянулъ на знатока съ видомъ смущенія, признанія въ своихъ ошибкахъ и сказалъ: «Теперь я убѣдился, что ваше сужденіе основательно.» Невѣжда удалился, и живописецъ истребилъ свою картину.»

Король. Какой же смыслъ въ этой баснѣ?

Геллертъ. Нравоученіе таково: «когда сочиненія писателя не удовлетворяютъ вкусу хорошаго судьи, это даетъ сильное основаніе думать о нихъ неблагопріятно; но когда они бываютъ превозносимы глупцомъ, не колеблясь должно бросить ихъ въ огонь.»

Король. Прекрасно, г. Геллертъ! Стихотвореніе ваше превосходно, и въ изобрѣтеніи басни есть какое-то изящество. Я понимаю красоту и достоинство этого произведенія. Но когда Готтшедъ читалъ мнѣ переводъ «Ифигеніи», у меня передъ глазами былъ французскій оригиналъ, и я не понялъ ни слова изъ того, что онъ читалъ. Если я останусь здѣсь дольше, вы почаще приходите ко мнѣ и читайте мнѣ ваши басни.

Геллертъ. Не знаю, государь, долженъ ли я отваживаться на чтеніе: я привыкъ говорить нараспѣвъ, какъ говорятъ у насъ въ горахъ.

Король. Ну да, по силезскому акценту. Нѣтъ, все-таки вы должны читать ваши басни: иначе, онѣ много потеряютъ. Навѣстите же меня еще, и поскорѣе.

Когда г. Геллертъ ушелъ, король сказалъ:

— Это совершенно не такой человѣкъ, какъ Готтшедъ. А на слѣдующій день, за столомъ, онъ сказалъ, что «изъ всѣхъ ученыхъ нѣмцевъ Геллертъ самый умный и разсудительный.»

Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что онъ написанъ безъ всякой иронической цѣли. Хроника, въ которой онъ помѣщенъ, хочетъ показать, что король Фридрихъ II умѣлъ цѣнить таланты; а, между тѣмъ, какою горькою насмѣшкою надъ Геллертомъ кажется этотъ анекдотъ! Какъ пошло и глупо каждое его слово, какъ тупы его понятія о литературѣ! — Отчего она въ незавидномъ положеніи? спрашиваетъ Фридрихъ, — «оттого, что у насъ нѣтъ Августовъ и меценатовъ», очень добродушно отвѣчаетъ Геллертъ, не зная, что именно меценатство, съ одной стороны, подобострастіе съ другой губятъ литературу. Отчего вы блѣдны? спрашиваетъ король. — Оттого, что все сижу въ своемъ кабинетѣ за книгою, отвѣчаетъ Геллертъ, какъ истинный Вагнеръ, не имѣя даже предчувствія о томъ, что поэту быть въ кругу людей полезнѣе, нажели читать Буало, Готтшеда и Бодмера. И какъ робѣетъ этотъ бѣднякъ! Онъ запинается, онъ теряется, ему нужно дать время образумиться, чтобы онъ могъ припомнить какую нибудь изъ своихъ басенъ. И какую же басню выбираетъ онъ для чтенія передъ Фридрихомъ — полководцемъ, законодателемъ, человѣкомъ жизни и дѣятельности? басню, заключающую наставленіе для жалкихъ Вагнеровъ, подобныхъ самому баснописцу! Видно, что никакъ не можетъ онъ выйти изъ узкаго круга пустыхъ вопросовъ о гладкости слога и литературныхъ красотахъ, о критикѣ и антикритикѣ, видно, что жизнь и міръ для него ограничиваются сочиненіемъ стишковъ и полученіемъ заслуженныхъ похвалъ отъ Готтшеда или Бодмера, да милостиваго покровительства отъ Брюля за благонамѣренность стремленій и красоту слога!

Въ такомъ жалкомъ состояніи находилась нѣмецкая литература около половины XVIII вѣка. Она совершенно оправдывала собою извѣстную аксіому, что литература есть выраженіе общества. Германія находилась въ нравственной зависимости отъ чужеземцевъ, литература ея была рабскимъ подражаніемъ англійской и французской литературамъ; нравственное единство народа, вслѣдствіе продолжительнаго политическаго раздробленія, было утрачено—нѣмецкая литература также утратила свое единство: Лейпцигъ былъ центромъ саксонской школы, Цюрихъ — швейцарской, въ Берлинѣ была своя школа, въ Гамбургѣ своя, въ Кёнигсбергѣ своя; направленіе, которому будетъ слѣдовать писатель, опредѣлялось не столько влеченіемъ его таланта, сколько принадлежностью его къ той или другой области: саксонецъ дѣлался послѣдователемъ Готтшеда, южный германецъ ученикомъ Бодмера, сѣверный германецъ подражателемъ Галлера. Въ жизни нѣмецкаго народа господствовали апатія, пустота, — та же самая пустота господствовала и въ литературѣ; подобострастный формализмъ сковывалъ жизнь общества, — онъ же сковывалъ и литературные таланты; общество было робко, безпрекословно отдавалось въ добычу каждому, кто хотѣлъ грабить его, — такъ и литература подчинялась каждому шарлатану съ громкимъ голосомъ, который хотѣлъ господствовать въ ней.

Неудивительно послѣ этого, что высшіе классы общества пренебрегали родною литературою и читали исключительно французскія книги: въ нѣмецкихъ нашли бы они только повтореніе того, что гораздо лучше было высказано французскими писателями временъ Людовика XIV.

Виновницею жалкаго состоянія литературы всегда бываетъ публика: если публика многочисленна и проникнута живыми стремленіями, нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы остановить развитіе литературы, нѣтъ затрудненій, которыя не были бы побѣждены требованіями общества. Степень умственнаго развитія въ массѣ нѣмецкой публики совершенно соотвѣтствовала общему состоянію литературы. Педантизмъ, робость, подобострастіе и предразсудки всякаго рода владычествовали въ обществѣ. Мы говорили, что оно раздѣлялось на касты, чуждавшіяся одна другой; главною двигательницею жизни въ каждой кастѣ было мелочное тщеславіе, преклоненіе передъ высшими, презрѣніе къ низшимъ. Религіозное одушевленіе исчезло послѣ Тридцатилѣтней войны, но осталась вражда различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: католики, лютеране, кальвинисты ненавидѣли другъ друга; религіозныя и нравственныя понятія были суровы и грубы; вообще, умственная жизнь была стѣснена предразсудками и предубѣжденіями.

Наука, которая должна была бы противодѣйствовать этимъ неблагопріятнымъ для народнаго развитія отношеніямъ и вести націю впередъ, при распространившейся привычкѣ къ педантству и формализму, получила такой видъ, что сама служила однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій прогрессу умственной и общественной жизни. Университеты и школы, вообще говоря, не просвѣщали, а только еще болѣе затуманивали умы. Всѣ науки преподавались съ каѳедръ и разработывались въ кабинетахъ, въ самой сухой и мертвой формѣ. Ученый обыкновенно былъ педантомъ и формалистомъ, слѣпо вѣрившимъ тому, чему научился отъ своего бывшаго наставника; онъ безъ всякой критики компилировалъ факты, не отыскивая въ нихъ смысла, заботясь только о систематичности и внѣшней ученой формѣ. Мертвый догматизмъ владычествовалъ во всѣхъ отрасляхъ науки, отъ философіи до изученія древнихъ языковъ, отъ законовѣдѣнія до теоріи словесности. Параграфы, аксіомы, теоремы, леммы, королларіи, подраздѣленія заставляли забывать о живомъ содержаніи въ нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, которыя излагались съ такою же сухостью, какъ алгебра или геометрія. Въ исторіи больше всего занимались хронологическими и генеалогическими таблицами и мелочными подробностями, не обращая вниманія на смыслъ фактовъ и связь событій; въ законовѣдѣніи господствовалъ взглядъ совершенно отвлеченный и односторонній, такъ что примѣненіе его къ жизни было страшнымъ бѣдствіемъ для всего народонаселенія: юристы были истинными мучителями для Германіи; въ богословіи сохранялись понятія, свойственныя среднимъ вѣкамъ, и самый протестантизмъ сталъ неподвиженъ и безжизненъ если не больше, то не меньше католицизма. Книги вообще писались такъ сухо и тяжело, что только записные ученые рѣшались читать ихъ. Еще въ 1765 году Зульцеръ говорилъ:

«Книги остаются исключительно въ рукахъ однихъ профессоровъ, студентовъ и журналистовъ, и мнѣ кажется, что писать для настоящаго поколѣнія—дѣло, едва ли стоющее труда. Если въ Германіи существуетъ читающая публика внѣ круга людей, по ремеслу своему обязанныхъ обращаться съ книгами, то я долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ — я не знаю о существованіи такой публики. Я вижу за книгами только студентовъ, кандидатовъ, тамъ и сямъ одинокаго профессора, изрѣдка проповѣдника. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную — дѣйствительно, совершенно незамѣтную—частицу, не имѣетъ и понятія, что такое литература, философія, что такое разумно нравственныя убѣжденія и вкусъ.»

Картина, составляющаяся изъ фактовъ, нами исчисленныхъ, очень мрачна; но никто изъ знакомыхъ съ политическимъ и умственнымъ состояніемъ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка не скажетъ, чтобы можно было представлять себѣ это состояніе въ иномъ свѣтѣ. «Гнуснѣйшее варварство» (die hässlichste Barbarei) — вотъ выраженіе, которымъ характеризуетъ положеніе своего отечества около 1750 года Гервинусъ; а Гервинусъ принадлежитъ къ числу людей очень умѣренныхъ, даже слишкомъ умѣренныхъ въ своемъ образѣ мыслей: онъ патріотъ, иногда даже слишкомъ пристрастный къ родной старинѣ.

Но пришло время, когда ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не могъ оставаться въ закоснѣлости своихъ недостатковъ и предубѣжденій, когда каждая нація почувствовала потребность новой, лучшей жизни, — и Германія пробудилась изъ своей нелѣпой и тяжелой летаргіи.

Свѣжимъ воздухомъ вѣяло на нее изъ Франціи, изъ Англіи, — лучи новаго свѣта стремились на нее изъ этихъ странъ, опередившихъ ее въ XVII вѣкѣ. Крѣпокъ былъ сонъ, долго медлила Германія пробудиться отъ него; густъ былъ мракъ, тяготѣвшій надъ нею, но свѣтъ таки восторжествовалъ надъ мракомъ, и открылись наконецъ глаза, отягощенные мертвою дремотою.

Мы видѣли, что подражаніе французамъ въ жизни, подражаніе французамъ и англичанамъ въ литературѣ не имѣло для Германіи никакихъ слѣдствій, кромѣ дурныхъ, — это потому, что подражаніе всегда бываетъ внѣшнимъ формализмомъ, убивающимъ духъ, а подражателями бываютъ только люди ограниченные, лишенные мысли, лишенные собственнаго содержанія. Но кромѣ внѣшняго формалистическаго вліянія одного народа на другой есть другое вліяніе, живое и плодотворное, состоящее въ томъ, что успѣхи народа, стоящаго на высшей степени развитія, служатъ предметомъ размышленія для живыхъ людей другаго народа, отставшаго на пути развитія. Эти люди, занятые мыслью о средствахъ помочь своему народу, находятъ въ жизни другихъ націй примѣры, которыми облегчаются ихъ собственныя соображенія, находятъ факты, которыми пользуются они, какъ доказательствами для убѣжденія массы въ необходимости и возможности улучшеній, требуемыхъ положеніемъ націи. Всѣ народы, двигаясь впередъ при помощи успѣховъ, совершенныхъ болѣе счастливыми ихъ собратами, всегда сначала подчинялись формалистическому вліянію, потому что форма понятнѣе содержанія для неразвитаго человѣка; но потомъ, когда умственныя сношенія становились тѣснѣе, благодаря формалистическому сближенію, начиналась возможность вдумываться и въ содержаніе цивилизованной жизни, формы которой были уже извѣстны. Тогда иноземное вліяніе переставало быть противоположно народной жизни, — напротивъ, при помощи уроковъ и истинъ, выработанныхъ жизнью собратій, народная жизнь быстро развивалась, — развивалась сообразно собственнымъ потребностямъ и условіямъ, то есть вполнѣ самостоятельно, такъ что исчезалъ всякій слѣдъ умственной зависимости отъ другихъ народовъ именно въ то время, когда сближеніе съ ними начинало приносить обильнѣйшіе плоды.

Такъ было и съ нѣмецкимъ народомъ. Англія и Франція во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше Германіи въ концѣ XVII вѣка. Вліяніе ихъ на Германію было неизбѣжно. Оно отразилось во всѣхъ сферахъ жизни, сначала чисто формалистическимъ образомъ, — и на первый разъ слѣдствія сближенія казались неблагопріятными для Германіи: мы видѣли, какъ сначала были развращены французскимъ вліяніемъ высшіе классы, какъ обезсмыслена была литература подражаніемъ французской и англійской. Но это было только неизбѣжное временное зло, предшествующее прочному благу и несущее въ себѣ сѣмена его. Да и само по себѣ это зло было зломъ только по сравненію съ идеаломъ народной жизни въ будущемъ, а вовсе не по сравненію съ предшествующимъ ея состояніемъ. Какова бы ни была подражательная нѣмецкая литература, все жъ это была литература, принадлежащая періоду цивилизаціи, какой прежде не имѣла Германія. Каковы бы ни были пороки и злоупотребленія, введенные въ государственную жизнь подражаніемъ французскому двору, бѣдствія, отъ нихъ происходившія, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое происходило отъ учрежденій и обычаевъ, развитыхъ самою германскою жизнью: корнемъ зла былъ произволъ съ одной стороны, подобострастіе и апатія съ другой; а эти отношенія не были занесены изъ Франціи: они выросли на нѣмецкой почвѣ.

Рано появились въ Германіи мыслящіе люди, которые, не останавливаясь на временномъ злѣ, какое можетъ приносить сближеніе малообразованнаго народа съ болѣе образованнымъ, всѣми силами старались о сближеніи нѣмцевъ съ французами, — не для одного заимствованія внѣшнихъ формъ, но для развитія нѣмецкой образованности. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ истинно великій дѣятель нѣмецкаго просвѣщенія, Христіанъ Томазіусъ (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка),—Томазіусъ, о которомъ Шлёцеръ говорилъ, что онъ принесъ человѣчеству болѣе пользы, нежели всѣ греческіе философы и поэты. Здѣсь не мѣсто подробно говорить о всей неутомимой дѣятельности этого благодѣтеля своей родины, не мѣсто излагать исторію его борьбы противъ юридическихъ предразсудковъ и беззаконій (Христіанъ Томазіусъ былъ профессоромъ законовѣдѣнія сначала въ Лейпцигскомъ университетѣ, потомъ, когда защитники грубаго невѣжества и педантства заставили его удалиться изъ Лейпцига, онъ получилъ каѳедру въ Галле, гдѣ уже пользовался сильнымъ вліяніемъ), не мѣсто здѣсь говорить о борьбѣ его противъ варварскаго законодательства, противъ пытокъ и жестокихъ наказаній, не мѣсто разсказывать, какъ онъ успѣлъ доказать, что нелѣпо вѣрить въ вѣдьмъ и жечь бѣдныхъ старухъ: мы здѣсь должны обратить вниманіе только на одну сторону его дѣятельности, касавшуюся общаго образованія нѣмецкаго народа.

Въ то время, какъ Томазіусъ получилъ каѳедру въ Лейпцигѣ, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; нѣмецкій языкъ былъ презираемъ учеными. Томазіусъ жестоко нападалъ на жалкую школьную латынь и совѣтовалъ нѣмцамъ то время, которое пропадаетъ у нихъ въ сочиненіи латинскихъ гекзаметровъ, употребить на изученіе французскаго языка и литературы и по примѣру французовъ полюбить свой родной языкъ. Онъ доказывалъ, что отъ привычки писать всѣ учебныя и ученыя книги, не только по спеціальнымъ наукамъ или богословію, но даже по физикѣ, естественной исторіи, географіи, и отъ обыкновенія, по которому во всѣхъ школахъ всѣ предметы преподавались на латинскомъ языкѣ, масса публики лишается всякихъ средствъ къ образованію. Да и самыя науки, уединясь отъ жизни, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ записныхъ ученыхъ, приняли совершенно педантическую форму, забыли о всякомъ соотношеніи съ жизнью и требованіями здраваго разсудка. Въ 1688 году смѣлый противникъ школьной латыни изумилъ всѣхъ, объявивъ, что будетъ на нѣмецкомъ языкѣ читать лекціи о томъ, какъ по примѣру французовъ можно сблизить науку съ жизнью. Это привело въ ужасъ всю тьмочисленную толпу почтенныхъ педантовъ: тысячи голосовъ поднялись противъ дерзкаго латынеотступника; но Томазіусъ одержалъ побѣду, хотя не скоро: лѣтъ черезъ двадцать или двадцать-пять въ Лейпцигскомъ университетѣ уже многіе профессоры читали лекціи по нѣмецки. Крики противниковъ не устрашили Томазіуса; онъ только увидѣлъ необходимость сдѣлать судьею въ вопросѣ о доступности науки для публики всю публику, а не однихъ педантовъ, которые единодушно возстали на него: въ томъ же году (1788) Томазіусъ началъ издавать учено-критическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ — дѣло неслыханное до того времени. Изъ самаго заглавія, хитросплетеннаго на латинскій ладъ, мы можемъ судить о достоинствѣ нѣмецкаго слога въ этомъ журналѣ: онъ назывался сначала «Забавныя и серьёзныя, разумныя и простодушныя мысли о всякаго рода полезныхъ книгахъ и вопросахъ», а потомъ: «Вольныя, веселыя и серьёзныя, но разсудительныя и законосообразныя мысли, или ежемѣсячные разговоры обо всемъ, преимущественно же о новыхъ книгахъ». (*) Но дѣло не въ томъ, каковы показались бы наивныя статейки этого журнала нынѣшнему читателю: дѣло въ томъ, что это былъ первый журналъ, издававшійся на родномъ языкѣ, доступный каждому нѣмцу, а не однимъ школьнымъ латинистамъ. Надобно прибавить, что по характеру своему онъ разнился отъ безчисленныхъ тогдашнихъ латинскихъ журналовъ, какъ небо отъ земли: въ латинскихъ журналахъ господствовалъ мракъ педантизма, проповѣдывались всѣ дубовые предразсудки, укоренившіеся въ одичавшихъ за пустыми преніями головахъ,—въ журналѣ Томазіуса слышался голосъ здравомыслящаго человѣка, думающаго не о томъ, чтобы затуманить читателямъ глаза мелочнымъ гелертерствомъ, а о томъ, чтобы прояснить ихъ понятія, сдѣлать ихъ также людьми здравомыслящими.

Философія и тогда, какъ въ средніе вѣка, продолжала въ Германіи быть основною наукою всѣхъ наукъ. Томазіусъ хотѣлъ излагать ее на нѣмецкомъ языкѣ; но это намѣреніе показалось ученому люду столь дерзкимъ и опаснымъ, что нѣмецкое руководство Томазіуса къ философіи не было разрѣшено къ печатанію, какъ оскорби-

---

(*) Scherz-und ernsthafte, vernünftige und einfältige Gedanken über alerhand nützliche Bücher und Fragen. Позднѣе: Freimüthige, lustige und ernsthafte, jedoch Vernunft-und Gesetzmässige Gedanken oder Monatsgespräche über allerhand, vornehmlich aber neue Bücher.

тельное для достоинства науки. Только черезъ много лѣтъ, въ Галле, гдѣ Томазіусъ успѣлъ пріобрѣсть себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, удалось ему издать эту книгу.

Каковы были въ то время люди, которыхъ Томазіусъ хотѣлъ изъ латинскихъ схоластиковъ сдѣлать нѣмецкими писателями, показываетъ ужь то одно обстоятельство, что этотъ знаменитый юристъ долженъ былъ читать лекціи о нѣмецкомъ слогѣ, заставлять своихъ слушателей подавать ему маленькія упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, поправлять слогъ этихъ упражненій, даже заставлять молодыхъ людей читать передъ собою въ слухъ по нѣмецки,—словомъ, дѣлать то самое, что дѣлаютъ нынѣ учители грамматики въ приходскихъ училищахъ.

Онъ постоянно указывалъ своимъ слушателямъ и читателямъ на французовъ, объясняя, до какой степени этотъ народъ выше французовъ по своему умственному развитію и гуманности своихъ обычаевъ. Самая мысль о необходимости писать для нѣмцевъ по нѣмецки, а не по латынѣ, была утверждена въ Томазіусѣ примѣромъ французовъ. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы его слушатели учились французскому языку, читали французскія книги: вы тогда научитесь презирать мертвое педантство—говорилъ онъ—нравы ваши смягчатся, сближеніе съ французской образованностью разовьетъ вашъ умъ.

Нѣмцы не были еще въ то время приготовлены вполнѣ воспользоваться этою частью его наставленій: французское вліяніе на массу долго еще ограничивалось чисто формальнымъ подражаніемъ. Но и тогда уже являлись отдѣльныя личности, развитію которыхъ французская литература приносила существенную пользу; число такихъ личностей съ теченіемъ времени увеличивалось, они оказывали полезное вліяніе на окружающую ихъ среду. Наконецъ на прусскомъ престолѣ явился ученикъ новой французской литературы и справедливо былъ названъ великимъ, не за одну свою геніальность, но и за тѣ блага, которыми наслаждались подъ его правленіемъ его подданные, за свою заботливость о народномъ благѣ, за свои возвышенныя понятія объ обязанностяхъ правителя.

Но другая цѣль, къ которой стремился Томазіусъ, была имъ достигнута вполнѣ: онъ успѣлъ убѣдить своихъ современниковъ въ необходимости замѣнить педантскую латынь понятнымъ для народа роднымъ языкомъ. По примѣру его «Ежемѣсячныхъ Разговоровъ» возникло множество нѣмецкихъ журналовъ; скоро историки, юристы, потомъ и философы, стали предпочитать нѣмецкій языкъ латинскому въ своихъ сочиненіяхъ; число профессоровъ, читавшихъ лекціи по нѣмецки, быстро увеличивалось; въ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ распространилось еще быстрѣе.

Сближеніе съ образованнѣйшими странами, Франціею, Ангіею, Германіею не было еще такъ тѣсно, чтобы оказывать прямое благодѣтельное вліяніе на всю массу общества. Но являлись уже между спеціальными учеными люди, стоявшіе въ уровень съ требованіями вѣка. Правда, число ихъ было очень незначительно, они оставались еще рѣдкими исключеніями изъ общаго правила, — но все-таки явленіе ихъ доказывало возможность нѣмцу быть человѣкомъ, стоящимъ наровнѣ съ образованными людьми народовъ, опередившихъ въ развитіи его націю. Являлись даже великіе ученые, двигавшіе науку впередъ, между тѣмъ, какъ прежде педанты тратили свое время на безплодныя схоластическія пренія. Первымъ изъ этихъ людей былъ Лейбницъ. Современникомъ Лессинга былъ Винкельманъ, нѣсколько старше его былъ Гейне, обновившій изученіе древнихъ языковъ, сдѣлавшій классическую филологію наукою о древнемъ мірѣ, изъ науки, руководившей единственно къ педантической болтовнѣ на искаженномъ латинскомъ языкѣ. Шпальдингъ, Землеръ, Михаэлисъ, трудами которыхъ началась новая эпоха въ протестантской теологіи, были современники Лессинга. Реймарусъ былъ нѣсколько старше его. Шлёцеръ, знаменитый въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія не менѣе, нежели въ русской исторіографіи, былъ нѣсколько моложе Лессинга. Его имя у насъ достаточно знакомо, и мы скажемъ только, что журналъ, который этотъ благородный и безстрашный человѣкъ сталъ, по возвращеніи изъ Россіи, издавать въ Германіи, былъ грозою всѣхъ беззаконниковъ, терзавшихъ Германію. Но мы должны остановиться на другомъ писателѣ, современномъ Лессингу, Мозерѣ, имя котораго у насъ мало извѣстно, хотя въ старину было у насъ переведено его знаменитое сочиненіе «Владыка и Служитель». Подобно Шлёцеру, онъ имѣлъ сильное вліяніе на пробужденіе нѣмецкой публики изъ ея вѣковой апатіи, и его имя не должно быть опускаемо, когда говорится о возрожденіи Германіи.

По своему слогу и вообще по всему характеру изложенія, Мозеръ принадлежитъ къ писателямъ прежней эпохи: онъ оставался чуждъ близкихъ литературныхъ сношеній съ Лессингомъ и его сподвижниками, и, говоря о дѣятельности Лессинга, мы не будемъ имѣть случая упоминать о немъ. Потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ здѣсь. Мозеръ писалъ устарѣлымъ и дурнымъ слогомъ, потому указываемъ на старинный русскій переводъ знаменитѣйшей изъ его книгъ «Владыка и служитель», чтобы познакомить съ характеромъ его сочиненій читателей, неимѣвшихъ случая познакомиться съ ними въ подлинникѣ. Переводъ этотъ, изданный въ 1766 году, посвященъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Русскій слогъ почтеннаго переводчика до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ нѣмецкому слогу автора. Содержаніе сочиненія писатели новой школы уже и въ то время находили не совершенно удовлетворительнымъ: средства, которыми Мозеръ хочетъ помочь описываемымъ злоупотребленіямъ — совѣты и нравственныя сентенціи — считали они недостаточными, или, лучше сказать, совершенно безсильными; нынѣшніе нѣмецкіе историки литературы находятъ, что и критическая часть книги написана очень робко, намеки на порядокъ дѣлъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ владѣніи слишкомъ общи и темны. Но въ свое время она, подобно другимъ сочиненіямъ Мозера, принесла пользу развитію той части публики, для которой слишкомъ высоки были сочиненія, написанныя лучшимъ языкомъ. Мозеръ не удовлетворялъ людей образованныхъ, но для людей не болѣе какъ только знавшихъ грамотѣ онъ былъ хорошимъ писателемъ.

Въ собственно такъ называемой литературѣ около половины XVIII вѣка также начали являться писатели — поэты и критики — новаго направленія, съ дѣльными понятіями о литературѣ, съ живымъ содержаніемъ, — сюда относятся особенно Вейсе, Рамлеръ, Николаи, Клейстъ. Всѣ они были или сподвижниками, или учениками Лессинга, и мы часто будемъ встрѣчать ихъ имена въ его біографіи, и тогда ближе познакомимся съ ихъ направленіемъ и силами.

Всѣ эти явленія показываютъ, что преобразованіе и оживленіе нѣмецкой литературы было неизбѣжно. Сближеніе нѣмцевъ съ образованнѣйшими націями было уже такъ тѣсно, что слѣдствія знакомства не могли ограничиваться однимъ пустымъ формальнымъ подражаніемъ: умственная жизнь должна была подвергнуться рѣшительнымъ перемѣнамъ; но — какъ и когда произойдетъ эта реформа, въ какихъ границахъ и съ какою силою совершится она? Это было рѣшено появленіемъ Лессинга.

Ходъ великихъ міровыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержатъ ее, не говоря уже о плотинахъ, произвольно устроиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересыплетъ Рейна или Волги, и всесильная рѣка однимъ напоромъ выброситъ на берегъ всѣ сваи и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца хотѣла преградить ея теченіе; единственнымъ результатомъ безразсудной попытки будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоялся бы рѣкою и зеленѣлъ роскошнымъ лугомъ, будетъ навремя истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны, — а рѣка пойдетъ-таки своимъ путемъ, зальетъ всѣ пропасти, пророетъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей воли, ни отъ какой личности. Они совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣнія или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершится оно — это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ — появленіе сильныхъ личностей, которыя характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замедляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающею силою правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ въ движеніе массы.

Не отъ появленія Лессинга, какъ мы видѣли, зависѣло то, оживится ли, или будетъ погрязать въ прежней мертвой апатіи нѣмецкій народъ. Великое событіе приближалось неотвратимо и неизбѣжно. Но безъ него медленно, безпорядочно совершилось бы то, что при его помощи совершилось быстро, рѣшительно и гармонически. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы ослѣпить и оглушить нѣмцевъ такъ, чтобы они не видѣли того, что дѣлается, не слышали того, что говорится въ Англіи, Франціи, Голландіи. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы удержать ихъ отъ сближенія съ болѣе образованными и болѣе счастливыми націями; не было силы въ мірѣ, которая могла бы уничтожить необходимость рѣшительнаго измѣненія въ жизни нѣмецкаго народа, когда онъ довольно познакомился съ новымъ и лучшимъ порядкомъ жизни у другихъ націй. Роковое событіе не зависѣло отъ присутствія или отсутствія личности Лессинга.

Но какимъ путемъ, какою силою совершится оно? Силою ли военныхъ событій, законодательныхъ и административныхъ мѣръ, силою ли чистой науки или вліяніемъ литературы? Фридрихъ Великій, мудрый правитель, геніальный полководецъ, сидѣлъ на престолѣ одного изъ сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ; черезъ нѣсколько времени, главою имперіи явился одинъ изъ благороднѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ исторіи, человѣкъ, единственною мыслью котораго было благо подвластныхъ ему народовъ, государь, какого не видѣла земля, быть можетъ, со временъ Марка Аврелія. Казалось, возрожденіе націи должно совершиться чрезъ этихъ государей, путемъ завоеванія и административныхъ реформъ при Фридрихѣ, путемъ законодательныхъ реформъ при Іосифѣ II — и, однако же, оно не совершилось этими путями, — почему не совершилось ими, не мѣсто здѣсь говорить о томъ, — быть можетъ, потому, что въ новой исторіи вообще оказываются безсильными тѣ личности, которыя, слишкомъ полагаясь на свою силу, не ищутъ помощи своему начинанію въ самостоятельной дѣятельности всей массы народа. Оставалось для возрожденія два пути: путь науки и путь литературы. Наука начала совершать свое дѣло, но она дѣйствуетъ медленно; нѣсколько поколѣній должны были бы смѣниться, пока чистое знаніе проникло бы въ жизнь.

Ускорится ли совершеніе этого дѣла вмѣшательствомъ литературы, этой быстрой посредницы между знаніемъ и жизнью? Тутъ уже все зависѣло оттого, явятся ли въ литературѣ геніальные дѣятели, которые вѣрною и сильною рукою поведутъ и направятъ литературу къ исполненію великаго дѣла, совершеніе котораго предоставлялось ей безсиліемъ военныхъ, законодательныхъ и административныхъ попытокъ возрожденія.

Явился въ Германіи поэтъ съ великимъ талантомъ—Клопштокъ. Всему благородному, повидимому, сочувствовалъ онъ, всего великаго и прекраснаго хотѣлъ онъ; но—вина ли то воспитанія, вина ли суетныхъ заботъ о собственномъ безсмертіи, вина ли его болѣзненной организаціи, вина ли его разсудка, не довольно проницательнаго и свѣтлаго — онъ, снискавъ чистую и громкую славу своему имени, не могъ ничего сдѣлать для своего народа. Передъ нимъ всѣ преклонились; но только немногіе читали его, и изъ читавшихъ никто ничему не научился отъ него, или, вѣрнѣе сказать, кто читалъ его, тотъ или осуждалъ его направленіе, или увлекался на ложный путь, впадалъ въ безплодную сантиментальность, въ туманныя грёзы и дѣлался человѣкомъ, чуждымъ жизни, вреднымъ въ жизни. Мы встрѣтимся въ біографіи Лессинга съ Клопштокомъ и его послѣдователями или союзниками и тамъ найдемъ доказательства этому печальному сужденію. Итакъ, отъ Клопштока нѣмецкій народъ не могъ ожидать ничего, кромѣ суетнаго удовольствія считать у себя одною знаменитостью больше.

Оставались люди, бывшіе впослѣдствіи очень полезными, какъ сотрудники Лессинга; но мы увидимъ, что это были люди второстепенныхъ дарованій, съ хорошими стремленіями, но безъ яснаго сознанія, какъ и что нужно дѣлать, — люди съ хорошими убѣжденіями, но безъ вѣрнаго такта, безъ твердаго и послѣдовательнаго образа мыслей, — люди, которыхъ дѣятельность, во всякомъ случаѣ, была бы не безполезна, но которые не имѣли силы совершить ничего великаго и содѣйствовать совершенію чего нибудь важнаго могли только подъ руководствомъ геніальнаго человѣка, который указывалъ бы имъ дорогу, соединялъ бы и направлялъ ихъ усилія.

Кромѣ Лессинга, не было въ нѣмецкой литературѣ человѣка, который могъ бы дать ей рѣшительное и плодотворное вліяніе на судьбу нѣмецкаго народа. Будетъ или не будетъ нѣмецкая литература сильнѣйшею двигательницею народной жизни, ускорится ли ея вмѣшательствомъ развитіе народа, или предоставлено будетъ только медленному дѣйствію чистой науки, — разрѣшеніе этого вопроса совершенно зависѣло оттого, будетъ ли между нѣмецкими литераторами Лессингъ, т. е. будетъ ли геніальный человѣкъ, который вѣрно пойметъ положеніе и потребности своего народа, постигнетъ всю важность, которая должна имѣть литература для его жизни, твердо и рѣшительно укажетъ литературѣ, что и какъ должна она дѣлать, который, руководя дѣятельностью другихъ, самъ геніальными произведеніями доставитъ литературѣ преобладающую важность между предметами, возбуждающими интересъ въ своемъ народѣ, сдѣлаетъ литературу средоточіемъ національной жизни.

Въ совершеніи этого дѣла величіе Лессинга.

Онъ доставилъ нѣмецкой литературѣ силу быть средоточіемъ народной жизни и указалъ ей прямой путь, онъ ускорилъ тѣмъ развитіе своего народа.

Это опредѣленіе границъ историческаго значенія Лессинга необходимо для того, чтобы предохранить себя отъ безграничнаго превознесенія его: въ самомъ дѣлѣ, личность этого человѣка такъ благородна, величественна и вмѣстѣ такъ симпатична и прекрасна, дѣятельность его такъ чиста и сильна, вліяніе его такъ громадно, что чѣмъ болѣе всматриваешься въ черты этого человѣка, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе проникаешься безусловнымъ уваженіемъ и любовью къ нему. Геніальный умъ, благороднѣйшій характеръ, твердость воли, пылкость и нѣжность души, сердце, открытое сочувствію ко всему, что прекрасно въ мірѣ, сильныя, но чистыя страсти, жизнь безъ тѣни порока или упрека, полная борьбы и дѣятельности, — все, чѣмъ можетъ быть прекрасенъ и великъ человѣкъ, соединялось въ немъ.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Сочиненія Николая Васильевича Гоголя. *Шесть томовъ. 1856.*

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. *Поэма* **Николая Васильевича Гоголя.** *Томъ I. Изданіе третіе. Москва. 1855.*

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. *Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ второй. (Пять главъ.) Москва. 1855.*)

СТАТЬЯ ВОСЬМАЯ.

Бываютъ писатели, пользующіеся незавиднымъ счастіемъ ни въ комъ не возбуждать неудовольствія своими сочиненіями, не вызывать никого на противорѣчіе себѣ, не имѣть противниковъ. Незавидно это счастіе, потому что оно достается только людямъ пустымъ, занимающимся единственно реторическими распространеніями банальныхъ фразъ. Истина только потому и называется истиною, что противоположна заблужденію, лжи; а если существуетъ заблужденіе, то люди, его раздѣляющіе, станутъ, конечно, возражать противъ истины; если есть ложь, то люди, ее поддерживающіе, станутъ вооружаться противъ человѣка, ее разрушающаго. Не только въ искусствѣ, не только въ нравственныхъ, философскихъ, общественныхъ вопросахъ ни одна дѣльная мысль не можетъ быть высказана, не подавая повода къ возраженіямъ, даже въ математическихъ наукахъ, столь точныхъ и доказательныхъ, истина никогда не принималась безъ противорѣчій со стороны многихъ. Ньютоновъ законъ тяготѣнія долго казался нелѣпостью большинству астрономовъ. «Небесная Механика» Лапласа до сихъ поръ возбуждаетъ споры. Только учебники ариѳметики не находятъ противорѣчія, потому что все ихъ содержаніе ограничивается сязательными истинами. Только писатели безъ убѣжденій, безъ образа мыслей, безъ содержанія и смысла умѣютъ говорить такъ, что ни въ комъ не пробуждаютъ желанія спорить противъ ихъ пустословія.

Бѣлинскій, человѣкъ съ твердыми убѣжденіями,—человѣкъ, высказывавшій много важныхъ и новыхъ въ нашей литературѣ истинъ, не могъ не имѣть многихъ противниковъ. Онъ касался живыхъ вопросовъ; потому во многихъ людяхъ, интересы которыхъ основывались на господствующихъ заблужденіяхъ, вражда противъ него доходила до непримиримаго ожесточенія. Не широки размѣры русской литературы, но горы бумаги были исписаны возраженіями и обвиненіями противъ Бѣлинскаго.

Каждый человѣкъ имѣетъ свои недостатки, каждый можетъ ошибаться; у всякаго писателя есть свои слабыя стороны. Надобно было бы предполагать, что въ сотняхъ обвиненій, въ тысячахъ возраженій противъ Бѣлинскаго найдутся нѣкоторыя справедливыя указанія на его недостатки и ошибки: вѣдь, натурально, не былъ же онъ изъятъ отъ общей человѣческой участи не быть непогрѣшительнымъ. Между противниками Бѣлинскаго были люди очень умные, напр., Н. А. Полевой, были люди, считавшіеся учеными (которыхъ не исчисляемъ, потому что людямъ, считающимся учеными, нѣтъ числа: ихъ у насъ едва ли не больше, нежели людей грамотныхъ). Много лѣтъ, со всевозможною старательностію, они искали у Бѣлинскаго ошибокъ, чтобъ имѣть случай побранить его. Какъ бы, казалось, не найти? И находили. Но удивительны были эти находки. О нѣкоторыхъ обвиненіяхъ мы уже говорили: это чистыя выдумки,—напримѣръ, фраза, будто бы онъ возстаетъ противъ славныхъ нашихъ писателей, когда, напротивъ, онъ упрочилъ за ними въ исторіи литературы почетное, быть можетъ, даже слишкомъ почетное мѣсто; другая фраза, будто бы его требованія были слишкомъ велики, когда, напротивъ, они были чрезвычайно умѣренны (*)—

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что если теперь желанія образованнѣйшей части публики таковы, что могутъ быть удовлетворены очень легко (доказательства тому были даны публикою въ послѣднее время очень осязательнымъ образомъ), за это надо много благодарить Бѣлинскаго, всѣми силами старавшагося пріучить насъ предпочитать дѣйствительное, хотя бъ и скромное удовлетвореніе фантазерскимъ желаніямъ, и положительно указавшаго намъ мѣру разумныхъ требованій.

странно и вспомнить о такихъ несообразныхъ съ фактами обвиненіяхъ. А это были едва ли еще не самыя лучшія; другія еще гораздо болѣе странны. Неудачность всѣхъ нападеній на Бѣлинскаго объясняется, впрочемъ, очень просто: во первыхъ, во всемъ существенномъ правда была на его сторонѣ, какъ то всегда бываетъ въ дѣятельности, служащей дѣйствительному прогрессу; а мелочныхъ недостатковъ не могли его противники открыть у него, потому что были люди отсталые или непроницательные и вообще не понимали дѣйствительнаго положенія ученыхъ вопросовъ, о которыхъ шла рѣчь, а жизненные вопросы понимали превратнымъ или пристрастнымъ образомъ. Оттого-то обвиненія, которыя высказывались ими, были направлены совершенно неудачно. Два-три примѣра мы уже видѣли. Не менѣе забавно то обвиненіе, которое относилось къ предмету, изложенному нами во второй половинѣ предъидущей статьи.

Каждый, кто перечитываетъ статьи Бѣлинскаго въ хронологическомъ порядкѣ, видитъ, что онѣ тѣсно связаны между собою, что въ развитіи его мнѣній нѣтъ ни перерыва, ни внезапныхъ поворотовъ, что это развитіе совершалось правильно и совершенно постепенно, почти неуловимымъ образомъ; а, между тѣмъ, находились люди, съ удивительною мѣткостію обвинявшіе Бѣлинскаго въ томъ, что «нынѣ онъ самъ противорѣчитъ тому, что говорилъ за мѣсяцъ». Какъ могло возникнуть мнѣніе, столь очевидно противорѣчившее всѣмъ извѣстной твердости и послѣдовательности убѣжденій Бѣлинскаго? Дѣло въ томъ, что люди, не одаренные излишнею проницательностію, вѣчно останавливаются на отдѣльныхъ фразахъ, не вникая въ связь и смыслъ рѣчи, и потому имъ постоянно грезятся противорѣчія. Въ одной статьѣ Бѣлинскаго говорилось, напримѣръ, что, по сравненію съ англійскою, французскою, нѣмецкою литературами, русская все еще *очень бѣдна*; въ другой статьѣ говорилось, что нынѣ стала она *богаче* содержаніемъ, нежели была прежде. Вотъ и найдено противорѣчіе: Бѣлинскій иногда говоритъ, что наша литература бѣдна, иногда, что она богата. Таковы-то всегда были противорѣчія, въ которыхъ упрекали Бѣлинскаго. Иногда онъ и самъ наводилъ своихъ обвинителей на подобныя открытія: замѣтивъ какую нибудь ошибку въ той или другой изъ прежнихъ своихъ статей, онъ безъ всякой ложной робости самъ указывалъ эту ошибку. Особенную радость доставилъ его противникамъ слѣдующій случай. Когда вышелъ «Тарантасъ» гр. Соллогуба, Бѣлинскому сначала показалось, что авторъ вѣритъ въ разумность тѣхъ преобразованій въ правахъ, предположенія о которыхъ излагаются въ его книгѣ, и въ краткомъ извѣщеніи о выходѣ «Тарантаса» мнѣніе о книгѣ произносится съ этой точки зрѣнія. Когда Бѣлинскій внимательнѣе вдумался въ идею «Тарантаса», ему показалось, что во многихъ странныхъ мнѣніяхъ можно оправдать автора, предположивъ, что онъ высказываетъ ихъ иронически; потому въ большой критической статьѣ о «Тарантасѣ» (которая помѣщена въ слѣдующей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ») было сказано: «беремъ назадъ свои слова» — какой превосходный случай кричать о шаткости убѣжденій Бѣлинскаго! А, между тѣмъ, стоитъ только сличить рецензію, которая отвергалась критическою статьею, съ соотвѣтствующими мѣстами этой послѣдней, и мы увидимъ, что различіе между ними ничтожно: если бы самъ Бѣлинскій не высказалъ, что взглядъ его измѣнился, никто бы того и не могъ замѣтить (*).

(*) Въ краткой рецензіи («Отечественныя Записки» 1845 г., № 4) говорилось:

«Тарантасъ» графа Соллогуба — сочиненіе оригинальное и интересное. Это пестрый калейдоскопъ парадоксовъ, иногда оригинальныхъ, иногда странныхъ, замѣтокъ самыхъ вѣрныхъ, наблюденій самыхъ тонкихъ, съ выводами, иногда поражающими своею истинностью, мыслей необыкновенно умныхъ, картинъ яркихъ, художественно набросанныхъ, разсужденій дѣльныхъ, чувствъ горячихъ и благородныхъ, иногда доводящихъ автора до крайности и односторонности въ убѣжденіяхъ. Это книга живая, пестрая, одушевленная, разразнообразная, — книга, которая возбуждаетъ въ душѣ читателя вопросы, тревожитъ его убѣжденія, вызываетъ его на споры и заставляетъ его съ уваженіемъ смотрѣть даже и на тѣ мысли автора, съ которыми онъ не соглашается. Это не романъ, не повѣсть, не путешествіе, не философскій трактатъ, не журнальная статья, но и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Авторъ является въ своей книгѣ и литераторомъ, и художникомъ, и публицистомъ, и мыслителемъ.»

А въ критической статьѣ, появившейся черезъ мѣсяцъ («Отечественныя Записки» 1844 г., № 5) было сказано:

«Многіе видятъ въ «Тарантасѣ» какое-то двойственное произведеніе, въ которомъ сторона непосредственнаго, художественнаго представленія дѣйствительности превосходна, а сторона воззрѣній автора на эту дѣйствительность, его мыслей о ней, будто бы исполнена парадоксовъ, оскорбляющихъ въ читателѣ чувство истины. Подобное мнѣніе несправедливо. Тѣ, кому оно принадлежитъ, не довольно глубоко вникли въ идею автора, и *объективную* вѣрность, съ какою изобразилъ онъ характеръ одного изъ героевъ «Тарантаса» — *Ивана Васильевича* — приняли за выраженіе его личныхъ убѣжденій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ авторъ «Тарантаса» столько можетъ отвѣчать за мнѣнія героя своего *юмористическаго* разсказа, сколько, напримѣръ, Гоголь можетъ отвѣчать за чувства, понятія и поступки дѣйствующихъ лицъ въ его *Ревизорѣ* или *Мертвыхъ Душахъ*. Между тѣмъ, ошибочный взглядъ лучшей части читателей на «Тарантасъ» очень понятенъ: при первомъ чтеніи, можетъ показаться, будто бы авторъ не чуждъ желанія, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, черезъ Ивана Васильевича, нѣкоторыя изъ своихъ воззрѣній на русское общество, — и тѣмъ легче увлечься подобнымъ ошибочнымъ мнѣніемъ, что необыкновенный талантъ автора и его мастерство живо-

Обстоятельство это само по себѣ вовсе не важно, и только такой строгій къ себѣ человѣкъ, какъ Бѣлинскій, могъ почесть нуж-

---

писать дѣйствительность лишаютъ читателя способности спокойно смотрѣть на картины, которыя такъ быстро и живо проходятъ передъ его глазами. Мы сами на первый разъ увлеклись рѣзкимъ противорѣчіемъ, которое находится между этими безпрестанно смѣняющимися и безпрестанно поражающими новымъ удивленіемъ картинами и между странными — чтобъ не сказать: нелѣпыми — мнѣніями Ивана Васильевича. Это заставило насъ забыть, что мы читаемъ не легкіе очерки, не силуэты, а произведеніе, въ которомъ характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны художественно, и въ которомъ нѣтъ ничего произвольнаго, но все необходимо проистекаетъ изъ глубокой идеи, лежащей въ основаніи прозведенія. Такимъ образомъ, беремъ назадъ свое выраженіе въ рецензіи о «Тарантасѣ» (въ 4-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»), что въ немъ, вмѣстѣ съ дѣльными мыслями, много и парадоксокъ. Только въ XV и XVI главахъ авторъ «Тарантаса» говоритъ съ читателемъ отъ своего лица; и вотъ — кстати замѣтить — эти-то главы больше всего сбиваютъ читателя съ толку, раздвояя въ его умѣ произведеніе графа Соллогуба и ужасая его множествомъ страшныхъ парадоксовъ. Но мы не скажемъ, чтобъ это были парадоксы: это скорѣе мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться безусловно и которыя вызываютъ на споръ. Послѣднее обстоятельство даетъ имъ полное право на книжное существованіе: съ чѣмъ можно спорить и что стòитъ спора, то имѣетъ право быть написаннымъ и напечатаннымъ. Есть книги, имѣющія удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже говоря все истину и правду, съ которою читатель вполнѣ соглашается; и, наоборотъ, есть книги, которыя имѣютъ еще болѣе удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностью ихъ направленія съ его убѣжденіями; онѣ служатъ для читателя повѣркою его собственныхъ вѣрованій, потому что, прочитавъ такую книгу, онъ или вовсе отказывается отъ своего убѣжденія, или умѣряетъ его, или, наконецъ, еще болѣе въ немъ утверждается. Такой книгѣ охотно можно простить даже и парадоксы, тѣмъ болѣе, если они искренны и авторъ ихъ далекъ отъ того, чтобъ подозрѣвать въ нихъ парадоксы. Вотъ другое дѣло — парадоксы умышленные, порожденные эгоистическимъ желаніемъ поддержать вопіющую ложь въ пользу касты или лица: такіе парадоксы не стòятъ опроверженія и спора; презрительная насмѣшка — единственное достойное ихъ наказаніе....»

Разница, какъ видимъ, состоитъ единственно въ томъ, что прежде Бѣлинскому многія изъ мыслей, излагаемыхъ Иваномъ Васильевичемъ, казались мнѣніями самого автора; потомъ ему вздумалось, что можно предполагать въ изложеніи этихъ мнѣній тонкую иронію со стороны графа Соллогуба, и что только въ двухъ главахъ (разсказывающихъ воспитаніе Василія Ивановича и Ивана Васильевича) графъ Соллогубъ прямо излагаетъ свои собственныя понятія, — только изъ этихъ главъ можно заключать объ истинныхъ мнѣніяхъ автора: въ другихъ случаяхъ кажущіеся парадоксы, быть можетъ, скрываютъ подъ собою иронію. Но отъ этого новаго предположенія измѣняется только сужденіе о соображеніяхъ, руководившихъ авторомъ «Тарантаса», и только. Взглядъ самого Бѣлинскаго на вещи нимало не измѣняется отъ того, будетъ ли онъ спорить противъ одного Ивана Васильевича, или будетъ думать, что мысли, высказываемыя Иваномъ Васильевичемъ, отчасти раздѣляетъ и авторъ «Тарантаса». И, дѣйствительно, критическая статья о «Тарантасѣ» безпощадно опровергаетъ нымъ указывать ошибку, и незначительную и незамѣтную. А еслибъ вздумалось ему совершенно прикрыть ее, это было бы очень лег-

---

парадоксы, все равно, отъ лица ли Ивана Васильевича, или отъ лица автора они высказываются. Вотъ, напримѣръ, начало разбора XV главы, разсказывающей біографію Василія Ивановича: иронія критики нимало не смягчается тѣмъ, что мнѣнія, имъ опровергаемыя, излагаются прямо отъ лица автора:

Изобразивъ съ такою поразительною вѣрностью «воспитаніе» *Василія Ивановича* и сказавъ, что даже и оно не испортило его доброй натуры, авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и прадѣды воспитывались такъ же, какъ и *Василій Ивановичъ*, а, между тѣмъ, не въ примѣръ намъ, были отличнѣйшіе люди, съ твердыми правилами, что особенно доказывается тѣмъ, что они «крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по *какому-то странному* (?) внушенію (?!), любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ» (*стр.* 179). Здѣсь авторъ что-то темновато розсуждаетъ; но, сколько можемъ мы понять, подъ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старые обычаи, которыхъ наши дѣды и прадѣды, дѣйствительно, крѣпко держались. Кому не извѣстно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только съ малѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая возбуждаетъ такой энтузіамъ въ авторѣ «Тарантаса», и которая заключается въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ, именно изъ того и вытекала, что наши дѣды и прадѣды, какъ говоритъ графъ Соллогубъ, были точно «люди не грамотные» (*стр.* 179). Мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется.... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень не сильны. Китайцы тоже отличаются этою добродѣтелью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но еще больше китайцевъ отличаются этою добродѣтелью безчисленныя породы безсловесныхъ, которыя совсѣмъ не способны знать грамотѣ, и которыя до сихъ поръ живутъ точь-въ-точь. какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія.... Вотъ, если бы авторъ «Тарантаса» нашелъ гдѣ нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполнѣ раздѣлили бы его....

Мы не будемъ говорить, какъ *Василій Ивановичъ* служилъ въ Казани, плясалъ на одномъ балу *казачка* и влюбился въ свою даму; но мы не можетъ пропустить *рацеи* его «дражайшаго родителя», въ отвѣтъ на «покорнѣйшую» просьбу «послушнѣйшаго» сына о благословеніи на бракъ: «Вишь, щенокъ, «что затѣялъ; еще на губахъ молоко не обсохло, а ужъ о бабѣ думаетъ». Отъ матери онъ услышалъ то же самое. Воля мужа была ей закономъ. «Даромъ, что пьяница», думала она, «а все-таки мужъ». При этомъ, авторъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «такъ думали въ старину!» Хорошо думали въ старину! прибавимъ мы отъ себя. Когда милый «тятенька» Василія Ивановича умеръ отъ сивухи, добрые его крестьяне горько о немъ плакали: картина была умилительная. .. Авторъ очень остроумно замѣчаетъ, что «любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и *почти неизъяснимая*»: мы въ этомъ столько же увѣрены, какъ и онъ.... Наконецъ, *Василій Ивановичъ* женился и поѣхалъ въ Мордасы; на границѣ помѣстья, всѣ мужики, *стоя на колѣняхъ*, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. «Русскіе крестьяне — говоритъ авторъ — не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, ко: стоило только употребить въ критической статьѣ оборотъ такого рода: «въ предъидущей книжкѣ мы сказали, что «Тарантасъ» наполненъ парадоксами», и, перефразировавъ прежнее сужденіе, продолжать: «да, авторъ часто вдается въ крайности, въ односторонность,—это тѣмъ страннѣе, что самъ онъ очень часто и удачно подсмѣивается надъ этою односторонностью, выставляя съ тонкою ироніею нелѣпость понятій своего героя, Ивана Васильевича». Читатель согласится, что посредствомъ этого оборота легко было бы выразить все, что выражено въ выписанномъ нами отрывкѣ критической статьи, и съ тѣмъ сохранить совершенное внѣшнее согласіе этой статьи съ прежнимъ отзывомъ. Такъ постоянно и дѣлаютъ почти всѣ писатели. Только немногіе, слишкомъ твердые въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ, слишкомъ ясно понимающіе, что они идутъ во всемъ существенномъ по прямой дорогѣ, не боятся сами выставлять на видъ всѣ свои ошибки (*).

но *тихо* и *трогательно* выражаютъ свою преданность, и *жалокъ тотъ, кто* видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ и не вѣруетъ въ ихъ искренность» (*стр.* 187). Объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ. Еслибъ *Василій Ивановичъ* спросилъ у своего старосты, отчего крестьяне такъ радуются, староста, навѣрное, отвѣтилъ бы:

. . . . . . они
На радости, тебя увидя, пляшутъ.

(*) Говоря строго, надобно признаться, что ошибки въ настоящемъ случаѣ не было вовсе, и что Бѣлинскій не имѣлъ основательной причины брать назадъ прежнія слова. Авторъ «Тарантаса» очевидно подсмѣивается во многихъ случаяхъ надъ Иваномъ Васильичемъ; но столь же очевидно, что во многихъ случаяхъ онъ выставляетъ его сужденія, какъ основательныя и справедливыя. Потому обѣ фразы: «въ парадоксахъ Тарантаса» «скрывается иронія» и «парадоксы эти высказываются какъ положительная истина»,—обѣ эти фразы равно могутъ быть употреблены, равно близки къ правдѣ: на однѣхъ страницахъ «Тарантаса» выставляется нелѣпымъ то самое, что на другихъ представляется глубокою мудростью. Противорѣчіе въ книгѣ, а не въ критикѣ.

Мы изложили дѣло въ томъ видѣ, какъ оно было понято большинствомъ тогдашней публики и литераторовъ, принявшихъ оговорку Бѣлинскаго въ серьёзномъ смыслѣ. На самомъ же дѣлѣ ближе къ правдѣ было бы другое понятіе о ея смыслѣ. Критическая статья о «Тарантасѣ» написана очень ѣдко; нелѣпость мнѣній Ивана Васильича обнаруживается въ ней самымъ колкимъ образомъ. Потому слова: «эти мнѣнія не должны быть приписываемы автору, онъ самъ вмѣстѣ съ нами смѣется надъ нами и написалъ книгу свою именно съ тою цѣлію, чтобъ обнаружить ихъ нелѣпости»,—слова эти, по всей вѣроятности, внушены только желаніемъ оказать возможную пощаду писателю, эти слова внушены деликатностію,—другаго смысла не слѣдовало бы и искать въ нихъ. Такимъ образомъ, всѣ громкія выходки противъ Бѣлинскаго, будто бы въ самомъ дѣлѣ отказывавшагося отъ мнѣнія, высказаннаго за мѣсяцъ, — всѣ эти выходки были, по настоящему, основаны на недогадливости о смыслѣ его оговорки. Примѣрами такой недогадливости богата бѣдная исторія нашей литературы.

Исторія съ «Тарантасомъ», нами разсказанная, была самымъ важнымъ изъ тѣхъ случаевъ, на которые ссылались противники Бѣлинскаго въ доказательство шаткости его мнѣній; другіе доводы ихъ были еще забавнѣе; но было бы слишкомъ долго припоминать эти другіе случаи. Наша литература вообще имѣетъ еще слишкомъ мало опытности, и только этимъ объясняется возможность до чрезвычайности странныхъ недоразумѣній и невѣроятныхъ промаховъ, примѣры которыхъ такъ часты въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, правдоподобное ли дѣло, чтобы писателя, подобнаго Бѣлинскому, могли обвинять въ шаткости мнѣній, когда скорѣе можно было говорить о чрезвычайномъ упорствѣ его? Ни въ одной изъ западно-европейскихъ литературъ, болѣе опытныхъ, такое странное недоразумѣніе невозможно.

Мы не безъ намѣренія останавливаемся на обвиненіяхъ противъ Бѣлинскаго, хотя они по своей совершенной пустотѣ не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія: для характеристики положенія нашей литературы они имѣютъ свою цѣну. Важность историческаго явленія опредѣляется не только его безотносительнымъ содержаніемъ, но и сравненіемъ его съ другими окружающими явленіями. Отсталость, мелочность или пустота направленій, которыя существовали въ русской литературѣ внѣ критики Бѣлинскаго, заставляютъ насъ вдвойнѣ дорожить этою критикою (*).

Чѣмъ внимательнѣе будемъ мы сравнивать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи, написанныя Бѣлинскимъ, тѣмъ очевиднѣе будетъ обнаруживаться, что развитіе его понятій совершалось совершенно логически, постепеннымъ, почти неуловимымъ образомъ. Но и представленное въ предъидущей статьѣ сравненіе шести годичныхъ отчетовъ его о русской литературѣ, въ «Отеч. Запискахъ» служитъ уже достаточнымъ доказательствомъ тому. Продолжать это сравненіе и на два послѣдніе отчета, помѣщенные въ «Современникѣ», было бы излишне, потому что никто не утверждалъ, чтобы въ послѣднее время мнѣнія Бѣлинскаго измѣнялись; напротивъ того, подъ конецъ его жизни многіе стали говорить, что Бѣлинскій началъ по-

---

(*) Нѣтъ надобности повторять, что Бѣлинскаго должно считать только дѣятельнѣйшимъ представителемъ направленія, считавшаго между своими послѣдователями почти всѣхъ даровитыхъ и образованныхъ русскихъ писателей, и что говоря: «внѣ критики Бѣлинскаго были только пустота и отсталость, «мы говоримъ только: «внѣ направленія, представителемъ котораго въ критикѣ былъ Бѣлинскій, нѣтъ ничего замѣчательнаго или плодотворнаго», а вовсе не имѣемъ желанія уменьшать заслуги другихъ полезныхъ дѣятелей того времени, раздѣлявшихъ съ Бѣлинскимъ честь быть выразителями живыхъ мыслей. Бѣлинскій былъ, какъ мы уже говорили, только одинъ, первый или дѣятельнѣйшій изъ многихъ.

вторяться, что его новыя статьи не болѣе, какъ перифразы прежнихъ — мнѣніе, столь же основательное, какъ и всѣ упреки, разсмотрѣнные нами прежде. Повторимъ: наша литература такъ молода и неопытна, что безпрестанно встрѣчаются въ ней самыя наивныя недоразумѣнія, для разъясненія которыхъ надобно бываетъ серьёзно и подробно разсуждать о самыхъ элементарныхъ понятіяхъ.

Бѣлинскій писалъ критическія статьи о русской литературѣ впродолженіе четырнадцати лѣтъ. Онѣ разсѣяны по нѣсколькимъ журналамъ. Читатели журналовъ постоянно смѣняются одни другими. Изъ пятидесяти человѣкъ, читавшихъ «Отечественныя Записки» 1845 года, едва ли одинъ былъ знакомъ съ «Телескопомъ» 1835 года и едва ли пять человѣкъ слѣдили за «Отеч. Записками» съ 1840 года; изъ десяти человѣкъ, читавшихъ «Современникъ» 1847 года, едва ли одинъ читалъ «Отеч. Записки» за всѣ предъидущіе годы. Возможно ли было бы въ статьѣ «Отеч. Зап.» 1845 года уклониться отъ необходимаго объясненія того или другаго понятія на томъ основаніи, что оно ужь объяснено въ «Телескопѣ» 1835 года, когда изъ людей, для которыхъ писана статья 1845 г., только очень немногіе были знакомы съ этимъ прежнимъ объясненіемъ? Критическая статья пишется для публики, она должна имѣть въ виду, что различные годы даже одного и того же журнала имѣютъ постоянно измѣняющійся кругъ читателей. Оттого повторенія въ критическихъ статьяхъ неизбѣжны. Такъ всегда и бываетъ у всѣхъ писателей, занимающихся критикою. Конечно, если соединить въ одинъ переплетъ всѣ статьи Бѣлинскаго, многія страницы этого сборника будутъ заключать повторенія, — но должно помнить, что эти статьи были разсѣяны по сотнямъ книгъ. Избѣгать повтореній было бы въ критическомъ писателѣ страннымъ педанствомъ, — безъ повтореній ни одна изъ его статей не была бы понятна и для десятой доли своихъ читателей. Возьмите любой сборникъ критическихъ статей автора, писавшаго впродолженіе многихъ лѣтъ, и вы увидите, что половина его страницъ заключаютъ повтореніе сказаннаго въ другой половинѣ. У насъ теперь въ модѣ критическія статьи Маколея—укажемъ хотя на нихъ: просматривая этотъ сборникъ, вы въ двадцати мѣстахъ найдете одни и тѣ же разсужденія о временахъ Елисаветы, о реформаціи въ Англіи, о вліяніи на ходъ англійской исторіи островитянскаго положенія Англіи, о вліяніи того обстоятельства, что въ Англіи долго не было постоянной арміи, и т. д., и т. д. Но въ Англіи никому не можетъ прійти въ голову упрекать за то Маколея, говорить, что онъ повторяется, что онъ исписался; а у насъ говорилось это о Бѣлинскомъ, и говорившіе не подозрѣвали, что говорятъ несообразно съ здравымъ смысломъ.

Впрочемъ, мало сказать, что повторенія для Бѣлинскаго были столь же необходимы, какъ, напримѣръ, для Маколея: они были для русскаго критика гораздо необходимѣе, нежели для англійскаго. Это зависитъ отъ различнаго положенія и литературы нашей и публики.

Мнѣнія, которыя излагаетъ Маколей, излагаются сотнями другихъ англійскихъ писателей; они занесены въ книги, которыя находятся въ библіотекѣ каждаго имѣющаго библіотеку хотя изъ сотни книгъ (а число такихъ людей въ Англіи въ тысячу разъ больше, нежели у насъ), — и, однако же, Маколею было необходимо двадцать разъ повторять одну и ту же мысль. У насъ не то. Мнѣній, которыя излагались Бѣлинскимъ, вы не могли найти ни въ одной русской книгѣ, ни въ одномъ журналѣ, кромѣ того, въ которомъ писалъ онъ.

Европейская публика привыкла къ дѣятельной умственной жизни. Она приготовлена ко всякой новой мысли, готова съ перваго раза замѣтить и оцѣнить ее. У насъ — мы хотѣли бы сказать: у насъ то же самое, но факты говорятъ совершенно не то. У насъ даже старыя мысли, если только въ нихъ есть что нибудь живое, возбуждаютъ недоумѣніе, будто неслыханная новость — вотъ и свидѣтельство о томъ, съ какимъ успѣхомъ бывали замѣчены и оцѣнены эти старыя мысли, когда являлись въ нашей литературѣ новыми. Намъ нужно твердить, твердить и твердить, чтобы въ нашемъ вниманіи, въ нашей памяти утвердилось наконецъ то, о чемъ мы читаемъ.

Не споримъ, есть у насъ люди, составляющіе исключеніе изъ этого правила — слишкомъ грустно было бы, если и того не было — но журнальныя статьи пишутся не для людей, составляющихъ исключеніе. А если кто вздумалъ бы сомнѣваться въ справедливости сказаннаго нами, то очень легко привести доказательства, не покидая рѣчи о Бѣлинскомъ: сколько въ послѣдніе годы было случаевъ, что однихъ писателей хвалили, другихъ осуждали за новыя, будто бы, мысли, а, между тѣмъ, эти мысли были заимствованы изъ статей Бѣлинскаго, да, въ довершеніе эффектности доказательства въ нашу пользу, обыкновенно принадлежали къ числу мыслей, которыя чаще всего повторялъ онъ. Примѣровъ легко набрать десятки. Укажемъ только одинъ, истинно восхитительный: когда была мода на библіографію, прославившіеся въ то время библіографы были превозносимы особенно за то, что чрезъ нихъ критическая исторія нашей литературы воздвигается на основаніи совершенно новомъ —

на основаніи разработки фактовъ, о необходимости которой (будто бы) прежде у насъ и не думали, считая (будто бы) подробное изслѣдованіе фактовъ безполезнымъ. Къ этимъ похваламъ присоединялись упреки Бѣлинскому за то, что онъ, самъ (будто бы) пренебрегая разработкою фактовъ, доказывалъ (будто бы) безполезность ея. Говорить это можно было только забывъ или вовсе никогда не имѣвъ понятія, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, Бѣлинскій твердилъ о необходимости разработки фактовъ, возбуждалъ къ ней неутомимо, ободрялъ каждый сколько нибудь сносный опытъ въ этомъ родѣ. Надобно прибавить, что онъ самъ неутомимо занимался этою разработкою и собралъ для исторіи нашей литературы во сто разъ больше фактовъ, нежели кто нибудь изъ современныхъ ему или позднѣйшихъ писателей по части исторіи литературы. Такихъ восхитительныхъ примѣровъ можно было бы найти очень много въ журналахъ нашихъ за пятидесятые годы. Эти ошибки, кажется, слишкомъ ясно доказываютъ, что память у насъ довольно коротка, и что слишкомъ упорно нужно твердить намъ одну и ту же мысль, чтобы она сколько нибудь вошла въ наше сознаніе.

По необходимому условію критической дѣятельности, у Бѣлинскаго часто встрѣчаются повторенія основныхъ мыслей, и тѣ, которые видѣли въ этомъ неизбѣжномъ качествѣ всякой критики особенный недостатокъ Бѣлинскаго, обнаруживали только свое незнакомство съ понятіями объ условіяхъ, сообразно съ которыми долженъ дѣйствовать критикъ. Но тѣ, которые выводили изъ этихъ повтореній заключеніе, что въ послѣдніе годы Бѣлинскій только повторялъ сказанное имъ прежде, не прибавляя ничего новаго, что онъ исписался, — эти строгіе судьи обнаруживали, что они не въ состояніи даже понимать смысла читаемыхъ статей и въ своихъ сужденіяхъ руководятся только отъискиваніемъ сходныхъ словъ. Въ 1842 году Бѣлинскій говорилъ о значеніи Ломоносова, и въ 1847 также — этого было для нихъ довольно: они рѣшали, что въ 1847 году онъ не сказалъ о Ломоносовѣ ничего больше, какъ то, что говорилъ за пять лѣтъ. А, между тѣмъ, стоило бы только сравнить соотвѣтствующія страницы въ двухъ обзорахъ, и они увидѣли бы, что въ 1847 году Бѣлинскій, кратко упоминая о тѣхъ вопросахъ по поводу Ломоносова, которые объяснилъ прежде, главное вниманіе обращаетъ на вопросы, которыхъ прежде не касался. Общаго между двумя этими эпизодами только то, что они говорятъ объ одномъ писателѣ и написаны по одному и тому же общему понятію о характерѣ его сочиненій, — они согласны между собою въ общемъ взглядѣ на Ломоносова; но ихъ содержаніе, частныя мысли, въ нихъ развиваемыя, совершенно различны. Въ 1842 году Бѣлинскій доказывалъ, что оды Ломоносова внушены не жизнью, а подражаніемъ иноземной реторической поэзіи. Почему такъ было и могло ли быть иначе, при тогдашнемъ положеніи русской умственной жизни, объ этомъ онъ не говорилъ въ 1842 году. Въ 1847 году, кратко упомянувъ, что поэзія Ломоносова есть поэзія подражательная, Бѣлинскій не останавливается на этомъ фактѣ, а объясняетъ его необходимость, доказываетъ, что именно по своей подражательности оды Ломоносова удовлетворяли потребностямъ того времени, что подражаніе явленіямъ цивилизованной жизни было тогда для насъ необходимѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ дѣломъ — спрашивается: неужели содержаніе этого эпизода не совершенно ново въ сравненіи съ содержаніемъ прежняго эпизода? Чудно устроенъ свѣтъ, и хорошо, что не нашимъ противникамъ Бѣлинскаго пришлось рѣшать вопросъ объ отношеніи, напримѣръ, Нибура къ Титу Ливію или Адама Смита къ Ксенофонту: они тотчасъ бы открыли, что англійскій экономистъ не болѣе, какъ повторилъ греческаго, а нѣмецкій историкъ — латинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, предметы одни и тѣ же у нихъ: Нибуръ и Титъ Ливій, оба говорятъ о Ромулѣ и Нумѣ, о Цинциннатѣ и Камиллѣ; Адамъ Смитъ и Ксенофонтъ, оба говорятъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, о земледѣліи и ремеслахъ. Какое намъ дѣло до того, что въ сочиненіи одного разсматриваются одни вопросы, въ сочиненіи другаго — совершенно другіе? Обѣ книги имѣютъ одинъ общій предметъ, одинаковое заглавіе — чего же больше? Не ясно ли, что позднѣйшая изъ двухъ книгъ должна быть повтореніемъ болѣе старой? зачѣмъ вникать въ смыслъ? — это дѣло не безопасное, да и не всякому оно по силамъ.

Кто вникаетъ въ смыслъ, не ограничивая своего разумѣнія исключительно именами и словами, тому, конечно, всегда казался чистою нелѣпостію упрекъ Бѣлинскому за повтореніе стараго или даже и за неподвижность. Трудно даже повѣрить, чтобы кому нибудь могло притти на мысль выбрать такую тему для своихъ филиппикъ; а, между тѣмъ, Бѣлинскаго, дѣйствительно, постоянно упрекали въ томъ, что онъ вѣчно повторяетъ одно и то же, хотя для всякаго читавшаго его статьи поразительнѣйшею чертою въ дѣятельности этого писателя должно было бы представляться постоянное стремленіе его впередъ. Вообще, говоря объ упрекахъ, какіе дѣлались Бѣлинскому, чувствуешь себя совершенно неловко, какъ бы разсуждалъ о томъ, справедливо ли упрекать Волгу за то, что вода стоитъ въ ней неподвижно. Что дѣлать съ такимъ мнѣніемъ о неподвижности воды Волги? Объяснять его неумѣстность кажется оскорбительнымъ для глазъ и здраваго смысла; а, между тѣмъ, попробуйте не отвѣчать, если кто нибудь выскажетъ его, — и человѣкъ, высказавшій этотъ остроумный упрекъ, будетъ воображать, что онъ остается правъ. А если такихъ остроумныхъ людей много, то на совѣсти вашей будетъ лежать тяжелый грѣхъ, когда вы оставите ихъ въ заблужденіи.

Мы приведемъ еще только одинъ примѣръ въ опровержeніе страннаго заблужденія, о которомъ упомянули сейчасъ.

Рядъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ одно стройное цѣлое; всѣ эти статьи написаны подъ вліяніемъ одной мысли, по одному общему плану, и, кажется, до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову утверждать, чтобы статьи эти въ чемъ нибудь противорѣчили одна другой или чтобы общій планъ не былъ въ нихъ строго соблюденъ. Однако же, перечитывая статьи о Пушкинѣ, изъ которыхъ первая помѣщена въ шестой книгѣ «Отеч. Зап.» 1843 года, а послѣдняя въ одиннадцатой книгѣ 1846 года, невозможно не замѣтить, что взглядъ Бѣлинскаго постепенно становится все шире и глубже, а содержаніе статей все рѣшительнѣе проникается интересами національной жизни. Такъ, напримѣръ, въ началѣ первой статьи значеніе Пушкина объясняется преимущественно съ художественной точки зрѣнія, а въ заключеніи послѣдней статьи сильнѣе, нежели чисто художественное достоинство произведеній Пушкина, выставляется на видъ значеніе его дѣятельности для нашего общества, въ которомъ его поэзіею пробуждалась гуманность (*). Четвертая статья, разсматривающая лицейскія стихотворенія Пушкина, занимается преимущественно формальнымъ объясненіемъ той связи, въ какой манера Пушкина находится съ манерами предшествовавшихъ ему поэтовъ. Шестая, говорящая о «Русланѣ и Людмилѣ», «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Братьяхъ Разбойникахъ», ограничивается чисто

(*) Вотъ окончаніе послѣдней изъ статей о Пушкинѣ:

«Заключаемъ. Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ, художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. Потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человѣкомъ». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски кроткаго, мягкаго и нѣжнаго, и все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ.»

литературными сужденіями объ этихъ произведеніяхъ; но въ седьмой статьѣ («Цыганы», «Полтава») понятія Алеко о любви уже служатъ поводомъ къ эпизоду о нравственныхъ понятіяхъ, а въ осьмой и девятой статьяхъ, заключающихъ разборъ «Онѣгина», эпизоды подобнаго рода занимаютъ ужѐ наибо́льшее число страницъ. Такъ, перечитывая статьи, составляющія, повидимому, совершенно однородное цѣлое, строго выполненныя по заранѣе обдуманному плану, мы можемъ видѣть, какъ расширяется кругъ предметовъ, говорить о которыхъ Бѣлинскій считаетъ своею главною обязанностью, и какъ чисто литературный взглядъ его все болѣе и болѣе оживляется, соединяясь съ заботою о другихъ потребностяхъ общества, какъ самая литература все яснѣе и яснѣе является Бѣлинскому служительницею интересовъ не столько искусства, сколько общества.

Заговоривъ о тѣхъ упрекахъ, какіе дѣлались Бѣлинскому, мы хотимъ покончить съ этимъ предметомъ и для того должны сказать нѣсколько словъ относительно обвиненія, столь же неосновательнаго въ сущности, такъ и всѣ предъидущія, но имѣвшаго, по крайней мѣрѣ, тѣнь внѣшняго правдоподобія для людей, которые судятъ объ умѣ и другихъ дарованіяхъ писателя не по его сочиненіямъ, а по формальнымъ обстоятельствамъ его жизни.

Лавуазье былъ генеральный откупщикъ, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и дѣятельныхъ по финансовой части директоровъ огромнаго коммерческаго предпріятія; но онъ создалъ новѣйшую химію, и никто въ Европѣ не вздумалъ отвергать его заслуги наукѣ на томъ основаніи, что-де онъ былъ промышленникъ: нѐкогда ему было основательно заниматься химіею. Вильгельмъ Гумбольдтъ былъ дипломатъ, былъ министръ; но онъ написалъ геніальныя сочиненія по филологіи, — и никто въ Европѣ не думалъ отвергать достоинство этихъ сочиненій на томъ основаніи, что-де нѐкогда было Гумбольдту основательно заниматься филологіею: онъ писалъ депеши, велъ переговоры и писалъ резолюціи на дѣловыхъ бумагахъ. Анкетиль Дюперронъ былъ матросомъ, потомъ слугою въ Остъ-Индіи, — но онъ первый изучилъ зендскій языкъ и познакомилъ Европу съ огнепоклонническою цивилизаціею, — и опять никто не вздумалъ спорить противъ него на томъ основаніи, что-де нѐкогда матросу и лакею заниматься науками. Яковъ Бемъ, получивъ такое воспитаніе, которое едва научило его читать и писать, занялся для своего пропитанія сапожнымъ мастерствомъ и до конца жизни шилъ очень хорошіе сапоги, но, кромѣ того, написалъ геніальныя философскія творенія, — и опять-таки никто въ Европѣ не думаетъ говорить, что должны быть они плохи, потому-де, что куда же сапожнику быть хорошимъ философомъ: его дѣло точать сапоги и сучить дратву.

Это происходитъ отъ недогадливости умныхъ и образованныхъ людей въ Европѣ. Они, бѣдняжки, не подумали о самомъ легкомъ и вѣрномъ средствѣ судить, хороши ли ученыя сочиненія такого-то автора. А вѣрнѣйшее средство это состоитъ въ томъ, чтобы спросить у автора: «покажи-ка намъ свои дипломы, скажи-ка, гдѣ ты кончилъ курсъ, какія ученыя общества приняли тебя въ число своихъ членовъ, какую должность ты занимаешь?» Есть дипломы у автора, занимаетъ онъ ученую должность, — значитъ и ученыя его сочиненія прекрасны.

Это правило съ успѣхомъ было у насъ примѣняемо къ Н. А. Полевому, но еще съ бо́льшимъ успѣхомъ къ Бѣлинскому. «Человѣкъ-де былъ не получившій никакихъ дипломовъ, — ну, и значитъ, не могъ основательно писать объ ученыхъ предметахъ.»

Бѣлинскій не былъ ни сапожникомъ или матросомъ, ни дипломатомъ или банкиромъ, никакое житейское ремесло не отвлекало его отъ книгъ, но у него не было дипломовъ: какая же тутъ можетъ быть ученость, посудите сами.

Да посмотрите, догадливые судьи, на самыя сочиненія и рѣшайте вопросъ объ учености писателя по его твореніямъ.

Этого способа повѣрки своихъ знаній Бѣлинскій не можетъ бояться. Будущіе біографы Бѣлинскаго разскажутъ намъ, когда и чѣмъ именно онъ занимался и какъ пользовался доступными ему средствами для пріобрѣтенія знаній, — мы пишемъ не біографію, насъ занимаютъ здѣсь не люди, а только ихъ сочиненія, — и потому для насъ довольно знать, что изученіе сочиненій Бѣлинскаго самымъ неоспоримымъ образомъ опровергаетъ всякія сомнѣнія въ основательности его знаній. У насъ мало было писателей, которыхъ можно было бы сравнить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Кажется, нельзя сказать, чтобы кругъ вопросовъ, обнимаемыхъ его сочиненіями, былъ тѣсенъ, а, между тѣмъ, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всѣхъ вопросахъ, какихъ ни касался онъ, онъ имѣлъ понятія очень основательныя, которымъ могли бы позавидовать многіе ученые писатели.

Что же касается его спеціальной науки — исторіи русской литаратуры, онъ былъ и до сихъ поръ остается первымъ знатокомъ ея. Въ этомъ отношеніи никто изъ нашихъ ученыхъ не могъ до сихъ поръ сравниться съ нимъ. Вообще, надобно признаться, Бѣлинскій, будучи значительнѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ критиковъ, былъ и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ ученыхъ. Это фактъ, неоспоримо доказываемый его сочиненіями. Сомнѣваться въ томъ значитъ обнаруживать или недостатокъ научнаго образованія въ себѣ, или свое незнакомство съ сочиненіями Бѣлинскаго.

Для иныхъ (впрочемъ, можно быть увѣреннымъ, очень немногихъ) можетъ показаться излишнею суровостью съ нашей стороны то, что мы не дѣлали ни малѣйшихъ уступокъ въ пользу людей, осыпавшихъ Бѣлинскаго упреками и обвиненіями, — неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти люди были совершенно неправы? — Совершенно неправы, — и тутъ нѣтъ ничего особеннаго или страннаго для людей, имѣющихъ понятіе объ исторіи, которая очень часто говоритъ о случаяхъ совершенно подобныхъ, часто показываетъ намъ, что одна изъ боровшихся партій была совершенно права, и всѣ обвиненія, взводившіяся на нее противниками, были совершенно ложны, происходя единственно отъ недальновидности, невѣжества, неблагонамѣренности и тому подобныхъ отрицательныхъ качествъ. «Но неужели, могутъ спросить насъ далѣе, вы хотите доказать, что критическая дѣятельность Бѣлинскаго — полное осуществленіе абсолютнаго идеала критики?» — Дѣло вовсе не въ томъ. Каждый писатель сынъ своего вѣка, и когда развитіе мысли съ теченіемъ времени становится выше той степени, которая была свойственна его эпохѣ, когда являются воззрѣнія болѣе полныя и глубокія, нежели каковы были его воззрѣнія, тогда, конечно, его произведенія перестаютъ быть совершенно удовлетворительными. Мы нимало не сомнѣваемся въ томъ, что будущее развитіе человѣческой мысли далеко превзойдетъ своею полнотою и глубиною все, что произвела мысль нашего вѣка; мы увѣрены и въ томъ, что русской литературѣ предстоитъ великое развитіе, и что для того времени, когда настанетъ эта эпоха высшаго развитія, будетъ казаться неудовлетворительнымъ все существовавшее или существующее нынѣ въ русской литературѣ, въ томъ числѣ и критика Бѣлинскаго. Соображая аналогическій ходъ развитія другихъ литературъ, мы можемъ даже предусматривать, какія именно стороны нашей нынѣшней литературы будутъ казаться слабыми для того времени, можемъ предвидѣть и то, чѣмъ критика, соотвѣтствующая духу того времени, будетъ отличаться отъ критики Бѣлинскаго: она будетъ гораздо требовательнѣе, и, сравнительно съ нею, критика Бѣлинскаго будетъ казаться слишкомъ умѣренною въ своихъ требованіяхъ, слишкомъ уклончивою или даже слишкомъ слабою по выраженію этихъ требованій; предметы, о которыхъ тогда будетъ вести рѣчь русская литература, будутъ важнѣе, нежели были до сихъ поръ, — потому и критика будетъ находить недостойнымъ своего вниманія многое, что кажется въ нынѣшней литературѣ дѣломъ великой важности. Но эта эпоха еще впереди, и скоро ли настанетъ она, трудно рѣшить: что̀ будетъ, можно предвидѣть, скоро ли и какимъ образомъ будетъ, нельзя сказать.

Предварительныя объясненія наши кончены, и мы теперь можемъ приступить къ подробному изложенію литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго. Въ этомъ дѣлѣ мы постоянно будемъ приводить его собственныя слова, и трудъ нашъ ограничивается только выборомъ важнѣйшихъ мѣстъ изъ его послѣднихъ статей. Для бо̀льшей точности, мы не будемъ даже отступать ни отъ того порядка, въ которомъ писаны были онѣ, ни отъ того порядка, въ которомъ излагаются эти мысли въ каждой статьѣ: мы просто представимъ извлеченіе изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, зная, что это будетъ пріятнѣе всего для читателей, полезнѣе всего для литературы.

Начинаемъ наши извлеченія анализомъ статьи Бѣлинскаго, помѣщенной въ «Петербургскомъ Сборникѣ» — «Мысли и замѣтки о русской литературѣ».

Безотносительное достоинство нашей литературы, по мнѣнію Бѣлинскаго, еще не очень велико. Это понятіе важно, потому что мы, радуясь своимъ успѣхамъ, слишкомъ наклонны воображать, что уже недалеко осталось намъ до того, чтобы стоять на ряду съ образованнѣйшими народами и отдыхать на воображаемыхъ лаврахъ. Необходимо напоминать намъ, что эта высокая мечта не болѣе, какъ мечта. Если мы чѣмъ можемъ по справедливости гордиться, то, безъ сомнѣнія, литературою: она составляетъ лучшую сторону нашей жизни; а между тѣмъ, и литература наша до сихъ поръ находится въ состояніи, близкомъ къ младенчеству. Но, несмотря на свою слабость, для насъ она имѣетъ чрезвычайную важность:

«Какова бы ни была наша литература, во всякомъ случаѣ, ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться: въ ней, въ одной ей, вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми.

«Въ нашемъ обществѣ преобладаетъ духъ разъединенія: у каждаго нашего сословія все свое, особенное — и платье, и манеры, и образъ жизни, и обычаи, и даже языкъ. Духъ разъединенія враждебенъ обществу: общество соединяетъ людей, каста разъединяетъ ихъ. Этотъ духъ особности такъ силенъ у насъ, что даже и новыя сословія, возникшія изъ новаго порядка дѣлъ, основаннаго Петромъ Великимъ, не замедлили принять на себя особенные оттѣнки. Чему удивляться, что дворянинъ на купца, а купецъ на дворянина вовсе не походятъ, если иногда почти то же различіе существуетъ и между ученымъ и художникомъ?... У насъ еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются вѣрными благородной рѣшимости не понимать, что такое искусство и зачѣмъ оно; у насъ еще много художниковъ, которые и не подозрѣваютъ живой связи ихъ искусства съ наукою, съ литературою, съ жизнію. И потому сведите *такого* ученаго съ *такимъ* художникомъ, и вы увидите, что они будутъ или молчать, или перекидываться общими фразами.... Несомнѣнно то, что у насъ есть сильная потребность общества и стремленіе къ обществу; а это уже важно. Реформа Петра Великаго не уничтожила, не разрушила стѣнъ, отдѣлявшихъ въ старомъ обществѣ одинъ классъ отъ другаго; но она подкопалась подъ основаніе этихъ стѣнъ и если не повалила, то наклонила ихъ на бокъ, — и теперь со дня на день онѣ все болѣе и болѣе клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственнымъ своимъ щебнемъ и мусоромъ, такъ что починять ихъ значило бы придавать имъ тяжесть, которая, по причинѣ подрытаго ихъ основанія, только ускорила бы ихъ, и безъ того неизбѣжное, паденіе. И если теперь раздѣленныя этими стѣнами сословія не могутъ переходить черезъ нихъ, какъ черезъ ровную мостовую, зато легко могутъ перескакивать черезъ нихъ тамъ, гдѣ онѣ особенно пообвалились или пострадали отъ проломовъ. Все это прежде дѣлалось медленно и незамѣтно, теперь дѣлается и быстрѣе и замѣтнѣе, — и близко время, когда все это очень скоро и начисто сдѣлается. Желѣзныя дороги пройдутъ и подъ стѣнами и черезъ стѣны, туннелями и мостами; усиленіемъ промышленности и торговли онѣ переплетутъ интересы людей всѣхъ сословій и классовъ и заставятъ ихъ вступить между собою въ тѣ живыя и тѣсныя отношенія, которыя невольно сглаживаютъ всѣ рѣзкія и ненужныя различія.

«Но начало этого сближенія сословій между собою, которое есть начало образующагося общества, отнюдь не принадлежитъ исключительно нашему времени: оно сливается съ началомъ нашей литературы. Общественное просвѣщеніе потекло у насъ въ началѣ ручейкомъ мелкимъ и едва замѣтнымъ, но зато изъ высшаго и благороднѣйшаго источника — изъ самой науки и литературы. Наука у насъ и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда какъ образованіе только еще не разрослось, но уже укоренилось. Листъ его мелокъ и рѣдокъ, стволъ не высокъ и не толстъ, но корень уже такъ глубокъ, что его не вырвать никакой бурѣ, никакому потоку, никакой силѣ: вырубите этотъ лѣсокъ въ одномъ мѣстѣ, но корень дастъ отпрыски въ другомъ, и вы скорѣе устанете вырубать, нежели устанетъ онъ давать новые отпрыски и разрастаться....

«Говоря объ успѣхахъ образованія нашего общества, мы говоримъ объ успѣхахъ нашей литературы, потому что наше образованіе есть непосредственное дѣйствіе нашей литературы на понятія и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже нѣсколько поколѣній, рѣзко отличающихся одно отъ другаго, положила начало внутреннему сближенію сословій, образовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго *средняго сословія* отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредочивается на любви къ литературѣ.

«Различіе литературнаго образованія общества перешло въ жизнь и раздѣлило людей на различно дѣйствующія, мыслящія и убѣжденныя поколѣнія, которыхъ живые споры и полемическія отношенія, выходя изъ принциповъ, а не изъ матеріальныхъ интересовъ, являютъ собою признаки возникающей и развивающейся въ обществѣ духовной жизни. И это великое дѣло есть дѣло нашей литературы!...

«Литература была для нашего общества живымъ источникомъ даже практическихъ нравственныхъ идей. Она началась сатирою и въ лицѣ Кантемира объявила нещадную войну невѣжеству, предразсудкамъ, сутяжничеству, ябедѣ, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которыя она застала въ старомъ обществѣ не какъ пороки, но какъ правила жизни, какъ моральныя убѣжденія. Каковъ бы ни былъ талантъ Сумарокова, но его сатирическіе нападки на «крапивное сѣмя» всегда будутъ заслуживать почетнаго упоминовенія отъ историка русской литературы. Комедіи фонъ-Визина были еще болѣе заслугою передъ обществомъ, нежели передъ литературою. Отчасти тоже можно сказать и объ «Ябедѣ» Капниста. Басня потому такъ хорошо и принялась у насъ, что она принадлежитъ къ сатирическому роду поэзіи. Самъ Державинъ, поэтъ по преимуществу лирическій, былъ въ то же время и сатирическимъ поэтомъ, какъ, напримѣръ, въ «Фелицѣ», «Вельможѣ» и другихъ пьесахъ. Наконецъ пришло время, когда въ нашей литературѣ сатира перешла въ юморъ, который высказывается въ художественномъ воспроизведеніи житейской дѣйствительности. Конечно, смѣшно было бы предполагать, чтобъ сатира, комедія, повѣсть или романъ могли исправить порочнаго человѣка; но нѣтъ сомнѣнія, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробужденію его самосознанія, покрываютъ порочнаго презрѣніемъ и позоромъ. Не даромъ же многіе у насъ не могутъ безъ ненависти слышать имени Гоголя и его «Ревизора» называютъ «безнравственнымъ» сочиненіемъ, которое слѣдовало бы запретить. Равнымъ образомъ, теперь уже никто не будетъ такъ простодушенъ, чтобы думать, что комедія или повѣсть можетъ взяточника сдѣлать честнымъ человѣкомъ: нѣтъ! кривое дерево, когда оно уже выросло и потолстѣло, не сдѣлаешь прямымъ; но вѣдь у взяточниковъ такъ же бываютъ дѣти, какъ и у невзяточниковъ: тѣ и другія, еще не имѣя причинъ считать безнравственными яркія изображенія взяточничества, восхищаются ими и незамѣтно для самихъ себя обогащаются такими впечатлѣніями, которыя не всегда оказываются безплодными въ ихъ послѣдующей жизни, когда они дѣлаются дѣйствительными членами общества. Впечатлѣнія юности сильны, и юность то и принимаетъ за несомнѣнную истину, что прежде всего поразило ея чувство, воображеніе и умъ. И вотъ какимъ образомъ дѣйствуетъ литература уже не на одно образованіе, но и на нравственное улучшеніе общества. Какъ бы то ни было, но это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, что только въ послѣднее время у насъ начало дѣлаться замѣтнымъ число людей, которые нравственныя убѣжденія стараются осуществлять на дѣлѣ, въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ и во вредъ своему общественному положенію....

«Не менѣе этого неоспоримъ и тотъ фактъ, что литература служитъ у насъ точкою соединенія людей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ *внутренно* разъединенныхъ. Мѣщанинъ Ломоносовъ, за свой талантъ и свою ученость, достигаетъ важныхъ чиновъ, и вельможи допускаютъ его въ свой кругъ. Бѣдный дворянинъ Державинъ, за свой талантъ, самъ дѣлается вельможею, — и между людьми, съ которыми сблизила его литература, онъ нашелъ не однихъ меценатовъ, но и друзей. Казанскій купецъ Каменевъ, написавшій балладу «Громвалъ», пріѣхавъ въ Москву по дѣламъ, пошелъ познакомиться съ Карамзинымъ, а черезъ него перезнакомился со всѣмъ московскимъ литературнымъ кругомъ. Это было назадъ тому *сорокъ лѣтъ*, когда купцы хаживали только въ переднія дворянскихъ домовъ, и то по дѣламъ, съ товарами или за должкомъ, объ уплатѣ котораго смиренно докучали. Первые журналы русскіе, которыхъ и самыя имена теперь забыты, издавались кружками молодыхъ людей, сблизившихся между собою чрезъ общую имъ всѣмъ страсть къ литературѣ. Образованность равняетъ людей. И въ наше время уже нисколько не рѣдкость встрѣтить дружескій кружокъ, въ которомъ найдется и знатный баринъ, и разночинецъ, и купецъ, и мѣщанинъ,—кружокъ, члены котораго совершенно забыли раздѣляющія ихъ внѣшнія различія и взаимно уважаютъ другъ въ другѣ просто людей. Вотъ истинное начало образованной общественности, созданное у насъ литературою! Кто изъ имѣющихъ право на имя человѣка не пожелаетъ отъ всей души, чтобъ эта общественность росла и увеличивалась не по днямъ, а по часамъ, какъ росли наши сказочные богатыри! Какъ все живое, общество должно быть органическимъ, то есть множествомъ людей, связанныхъ между собою *внутренно*. Денежные интересы, торговля, акціи, балы, собранія, танцы — тоже связь, но только внѣшняя, слѣдовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренно связываютъ людей общіе нравственные интересы, сходство въ понятіяхъ, равенство въ образованіи и, при этомъ, взаимное уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Но всѣ наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша сосредоточивалась до сихъ поръ и еще долго будетъ сосредоточиваться исключительно въ литературѣ: она живой источникъ, изъ котораго просачиваются въ общество всѣ человѣческія чувства и понятія....

«Любовь къ крайностямъ въ сужденіяхъ — одно изъ свойствъ еще не установившейся натуры русской: русскій человѣкъ любитъ или не въ мѣру хвастаться, или не въ мѣру скромничать.

«Пристаньте къ одной изъ этихъ партій, она сейчасъ же произведетъ васъ въ великіе люди, въ геніи, тогда какъ другая возненавидитъ и объявитъ бездарнымъ человѣкомъ. Но, во всякомъ случаѣ, имѣя враговъ, вы будете имѣть и друзей. Держась же безпристрастнаго, *трезваго* мнѣнія объ этомъ предметѣ, вы возстановите противъ себя обѣ стороны. Одна изъ нихъ обременитъ васъ своимъ моднымъ, попугайнымъ презрѣніемъ; другая, пожалуй, объявитъ васъ человѣкомъ безпокойнымъ, опаснымъ, подозрительнымъ, ренегатомъ и будетъ писать на васъ литературныя донесенія — разумѣется, публикѣ.... Самое непріятное тутъ то, что вы не будете поняты, и въ вашихъ словахъ будутъ находить то неумѣренныя похвалы, то неумѣренную брань, но не будутъ видѣть въ нихъ вѣрной характеристики факта дѣйствительности, какъ онъ есть, со всѣмъ его добромъ и зломъ, достоинствами и недостатками, со всѣми противорѣчіями, которыя онъ носитъ въ самомъ себѣ. Это особенно прилагается къ нашей литературѣ, которая представляетъ собою столько крайностей и противорѣчій, что, сказавъ о ней что нибудь утвердительное, тотчасъ же должно сдѣлать оговорку, которая большинству публики, больше любящему читать, нежели разсуждать, легко можетъ показаться отрицаніемъ или противорѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, сказавъ о сильномъ и благотворномъ вліяніи нашей литературы на общество и, слѣдовательно, о ея великой для насъ важности, мы должны оговориться, чтобы этому вліянію и этой важности не приписали бо́льшихъ размѣровъ, нежели какіе мы разумѣли, и, такимъ образомъ, не вывели бы изъ нашихъ словъ такого заключенія, что мы не только имѣемъ литературу, но еще и богатую литературу, которая смѣло можетъ стать наравнѣ съ любою европейскою литературою. Подобное заключеніе было бы всячески ложно. У насъ есть литература, и литература, богатая талантами и произведеніями, если брать въ соображеніе ея средства и молодость, — но наша литература существуетъ только для насъ: для иностранцевъ же она еще вовсе не литература, и они имѣютъ полное право не признавать ея существованія, потому что они не могутъ черезъ нее изучать и узнавать насъ, какъ народъ, какъ общество. Литература наша слишкомъ молода, неопредѣленна и безцвѣтна для того, чтобы иностранцы могли видѣть въ ней фактъ нашей умственной жизни...

«Для иностранцевъ интереснѣе другихъ были бы въ хорошихъ переводахъ тѣ созданія Пушкина и Лермонтова, которыхъ содержаніе взято изъ русской жизни. Такимъ образомъ, *Евгеній Онѣгинъ* былъ бы для иностранцевъ интереснѣе *Моцарта и Сальери*, *Скупаго Рыцаря и Каменнаго Гостя*. И вотъ почему самый интересный для иностранцевъ русскій поэтъ есть Гоголь. Этотъ успѣхъ понятенъ: кромѣ огромности своего художническаго таланта, Гоголь строго держится въ своихъ сочиненіяхъ сферы русской *житейской* дѣйствительности. А это-то всего и интереснѣе для иностранцевъ: они хотятъ черезъ поэта знакомиться съ страною, которая произвела его. Въ этомъ отношеніи Гоголь — самый національный изъ русскихъ поэтовъ, и ему нельзя бояться перевода, хотя, по причинѣ самой національности его сочиненій, и въ лучшемъ переводѣ не можетъ не ослабиться ихъ колоритъ.

«Но и этимъ успѣхомъ не должно слишкомъ заноситься. Для поэта, который хочетъ, чтобъ геній его былъ признанъ вездѣ и всѣми, а не одними только его соотественниками, національность есть первое, но не единственное условіе: необходимо еще, чтобъ, будучи *національнымъ*, онъ въ то же время былъ и *всемірнымъ*, то есть, чтобы національность его твореній была формою, тѣломъ, плотью, физіономіею, личностію духовнаго и безплотнаго міра общечеловѣческихъ идей. Другими словами: необходимо, чтобъ національный поэтъ имѣлъ великое *историческое* значеніе не для одного только своего отечества, но чтобы его явленіе имѣло *всемірно-историческое* значеніе. Такіе поэты могутъ являться только у народовъ, призванныхъ играть въ судьбахъ человѣчества всемірно-историческую роль, то есть своею національною жизнію имѣть вліяніе на ходъ и развитіе всего человѣчества. И потому, если, съ одной стороны, безъ великаго генія отъ природы, нельзя быть всемірно-историческимъ поэтомъ, то, съ другой стороны, и съ великимъ геніемъ иногда можно быть не всемірно-историческимъ поэтомъ, то есть имѣть важность только для одного своего народа. Здѣсь значеніе поэта зависитъ уже не отъ него самого, не отъ его дѣятельности, направленія, генія, но отъ значенія страны, которая произвела его. Съ этой точки зрѣнія, у насъ нѣтъ ни одного поэта, котораго мы имѣли бы право поставить наравнѣ съ первыми поэтами Европы.»

Таланты есть повсюду и всегда; но не одни только таланты нужны для того, чтобы литература имѣла положительное достоинство· только содержаніе придаетъ истинную цѣну ея произведеніямъ.

«Почти каждый образованный французъ считаетъ необходимымъ имѣть въ своей библіотекѣ всѣхъ своихъ писателей, которыхъ общественное мнѣніе признало классическими. И онъ читаетъ и перечитываетъ ихъ всю жизнь свою. У насъ—что грѣха таить?—не всякій записной литераторъ считаетъ за нужное имѣть старыхъ писателей. И вообще у насъ всѣ охотнѣе покупаютъ новую книгу, нежели старую; старыхъ писателей у насъ почти никто не читаетъ, особенно тѣ, которые всѣхъ громче кричатъ о ихъ геніи и славѣ. Это отчасти происходитъ оттого, что наше образованіе еще не установилось и образованныя потребности еще не обратились у насъ въ привычку. Но тутъ есть и другая, можетъ быть, еще болѣе существенная причина, которая не только объясняетъ, но частію и оправдываетъ это нравственное явленіе. Французы до сихъ поръ читаютъ, напримѣръ, Рабле, или Паскаля, писателей XVI и XVII вѣка: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что этихъ писателей и теперь читаютъ и изучаютъ не одни французы, но и нѣмцы, и англичане,— словомъ, люди всѣхъ образованныхъ націй. Языкъ этихъ писателей, и особенно Рабле, устарѣлъ; но *содержаніе* ихъ сочиненій всегда будетъ имѣть свой живой интересъ, потому что оно тѣсно связано со смысломъ и значеніемъ цѣлой исторической эпохи. Это доказываетъ ту истину, что только *содержаніе* можетъ спасти отъ забвенія писателя.»

Источникъ, изъ котораго возникаетъ богатая литература — богатство и сила умственной жизни въ обществѣ. У насъ этого еще нѣтъ:

«Вообще, вмѣстѣ съ удивительными и быстрыми успѣхами въ умственномъ и литературномъ образованіи, проглядываютъ у насъ какая-то незрѣлость, какая-то шаткость и неопредѣленность. Истины, въ другихъ литературахъ давно сдѣлавшіяся аксіомами, давно уже не возбуждающія споровъ и не требующія доказательствъ, у насъ все еще не подвергались сужденію, еще не всѣмъ извѣстны.

«Вспомните только, что произведеніе, вѣрно схватывающее какія нибудь черты общества, считается у насъ часто пасквилемъ, то на общество, то на сословіе, то на лица. Отъ нашей литературы требуютъ, чтобы она видѣла въ дѣйствительности только героевъ добродѣтели да мелодраматическихъ злодѣевъ, и чтобы она и не подозрѣвала, что въ обществѣ можетъ быть много смѣшныхъ, странныхъ и уродливыхъ явленій. Каждый, чтобъ ему было широко и просторно жить, готовъ, еслибъ могъ, запретить другимъ жить. Явился у насъ писатель, юмористическій талантъ котораго имѣлъ дотого сильное вліяніе на всю литературу, что далъ ей совершенно новое направленіе. Его стали порочить. Хотѣли увѣрить публику, что онъ—Поль-де-Кокъ, живописецъ грязной, неумытой и непричесанной природы. Онъ не отвѣчалъ никому и шелъ себѣ впередъ. Публика, въ отношеніи къ нему, раздѣлилась на двѣ стороны, изъ которыхъ самая многочисленная была рѣшительно противъ него, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей раскупить, читать и перечитывать его сочиненія. Наконецъ и большинство публики стало за него: что дѣлать порицателямъ? они начали признавать въ немъ талантъ, даже большой, хотя, по ихъ словамъ, идущій и не по настоящему пути, но, вмѣстѣ съ этимъ, стали давать знать и намекали прямо, что онъ, будто бы, унижаетъ все русское, оскорбляетъ почтенное сословіе чиновниковъ, и т. п. Всѣ мнѣнія находятъ у насъ мѣсто, просторъ, вниманіе и даже послѣдователей. Что же это, если не незрѣлость и не шаткость общественнаго мнѣнія? Но, совсѣмъ этимъ, истина и здравый вкусъ все-таки идутъ твердыми шагами и овладѣваютъ полемъ этой безпорядочной битвы мнѣній. Все это доказываетъ, что и литература и общество наше еще слишкомъ молоды и незрѣлы, но что въ нихъ кроется много здоровой жизненной силы, обѣщающей богатое развитіе въ будущемъ.»

НОВЫЯ КНИГИ.

октябрь 1856.

Стихотворенія Н. Некрасова. *Москва. 1856.*

Читатели, конечно, не могутъ ожидать, чтобы «Современникъ» представилъ подробное сужденіе о «Стихотвореніяхъ» одного изъ своихъ редакторовъ.

Мы можемъ только перечислить здѣсь пьесы, вошедшія въ составъ изданной теперь книги. Вотъ ихъ списокъ:

Поэтъ и Гражданинъ, Въ дорогѣ, Власъ, Въ деревнѣ, Огородникъ, Извощикъ, «Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ», На улицѣ, Вино, Тройка, Забытая деревня, Школьникъ, Псовая охота, Гадающей невѣстѣ, Пьяница, Нравственный человѣкъ, Маша, Секретъ, Княгиня, Прекрасная партія, Въ больницѣ, Колыбельная пѣсня, «Отрадно видѣть, что находитъ», Филантропъ, Современная ода, Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго, Саша, Муза, Новый годъ, «Ты всегда хороша несравненно», Памяти пріятеля, Передъ дождемъ, «Тяжелый крестъ достался ей на долю», «Ахъ, были счастливые годы», «Блаженъ незлобивый поэтъ», «Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой», «Мы съ тобой безтолковые люди», Свадьба, Воспоминаніе, Письма, 14 іюня 1854 года, Петербургское утро, «Пускай мечтатели осмѣяны давно», «Самодовольныхъ болтуновъ», «Чуть-чуть не говоря: ты сущая ничтожность», За городомъ, «Безвѣстенъ я, я вами не стяжалъ», Влюбленному, «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», «Я за то глубоко презираю себя», «Такъ это шутка», Несжатая полоса, «Я посѣтилъ твое кладбище», Старыя хоромы, «Да, наша жизнь текла мятежно», Застѣнчивость, «Внимая ужасамъ войны», «Я сего дня такъ грустно настроенъ», «Когда изъ мрака заблужденья», Старики, На родинѣ, Буря, Послѣдняя элегія, «Давно, отвергнутый тобою», «Если мучимый страстью мятежной», Отрывокъ, Сознаніе, Въ черный день, «Я не люблю ироніи твоей», Т......ву, Прости, «Какъ ты кротка, какъ ты послушна», «Замолкни, Муза мести и печали.»

Читатели замѣтятъ, что многія изъ этихъ пьесъ не были еще напечатаны. Нѣкоторыя изъ бывшихъ напечатанными являются нынѣ въ видѣ болѣе полномъ, нежели какъ были напечатаны прежде.

Изъ тѣхъ, которыя не были напечатаны, мы приведемъ здѣсь пьесы: «Поэтъ и Гражданинъ», «Забытая Деревня», «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго».

ПОЭТЪ И ГРАЖДАНИНЪ.

ГРАЖДАНИНЪ (входитъ).

Опять одинъ, опять суровъ,
Лежитъ — и ничего не пишетъ.

ПОЭТЪ.

Прибавь: хандритъ и еле дышетъ —
И будетъ мой портретъ готовъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Хорошъ портретъ! Ни благородства,
Ни красоты тутъ нѣтъ, повѣрь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умѣетъ дикій звѣрь.....

ПОЭТЪ.

Такъ что же?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да глядѣть обидно.

ПОЭТЪ.

Ну такъ уйди.

ГРАЖДАНИНЪ.

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь самъ,

Какое время наступило;
Въ комъ чувство долга не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно прямъ,
Въ комъ дарованье, сила, мѣткость,
Тому теперь не должно спать....

ПОЭТЪ.

Положимъ, я такая рѣдкость,
Но нужно прежде дѣло дать.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ новость! Ты имѣешь дѣло,
Ты только временно уснулъ,
Проснись: громи пороки смѣло....

ПОЭТЪ.

А! знаю: «вишь куда метнулъ!»
Но я обстрѣленная птица....
Жаль, нѣтъ охоты говорить *(беретъ книгу)* —
Спаситель Пушкинъ! — вотъ страница!
Прочти — и перестань корить!

ГРАЖДАНИНЪ (читаетъ).

«Не для житейскаго волненья,
«Не для корысти, не для битвъ,
«Мы рождены для вдохновенья,
«Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.»

ПОЭТЪ (съ восторгомъ).

Неподражаемые звуки!...
Когда бы съ Музою моей
Я былъ немного поумнѣй,
Клянусь, пера бы не взялъ въ руки!

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, звуки чудные.... ура!
Такъ поразительна ихъ сила,
Что даже сонная хандра
Съ души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!...
И я восторгъ твой раздѣляю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живѣе къ сердцу принимаю....

ПОЭТЪ.

Не говори хоть чепухи!...
Ты рьяный чтецъ, но критикъ дикiй
Такъ я, по твоему — великiй,

Повыше Пушкина поэтъ?
Скажи пожалуйста?!...

ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, нѣтъ!
Твои поэмы безтолковы,
Твои элегіи не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны.
Въ ночи, которую теперь
Міръ доживаетъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо, —
Ты твердо свѣточъ свой держалъ;
Но небу было не угодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно.
Дрожащей искрою, въ потьмахъ,
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался....
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!
Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ни откуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать....

Гроза молчитъ; съ волной бездонной
Въ сіяньи спорятъ небеса
И вѣтеръ ласковый и сонной
Едва колеблетъ паруса, —
Корабль бѣжитъ красиво, стройно,
И сердце путниковъ спокойно,
Какъ будто вмѣсто корабля
Подъ ними твердая земля....
Но громъ ударилъ; буря стонетъ,
И снасти рветъ и мачту клонитъ, —
Не время въ шахматы играть,
Не время пѣсни распѣвать!
Вотъ песъ — и тотъ опасность знаетъ
И бѣшено на вѣтеръ лаетъ:
Ему другаго дѣла нѣтъ....

А ты что дѣлалъ бы, поэтъ?
Ужель въ каютѣ отдаленной
Ты сталъ бы лирой вдохновенной
Лѣнивцевъ уши услаждать
И грохотъ бури заглушать?

Пускай ты вѣренъ назначенью,
Но легче ль родинѣ твоей,
Гдѣ каждый преданъ поклоненью
Единой личности своей?
Наперечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята.
Богъ-помочь имъ!... а остальные?
Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другіе — сладкіе пѣвцы,
А третьи.... третьи — мудрецы:
Ихъ назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездѣйствуютъ, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даромъ гибнуть не хотимъ,
Мы ждемъ: авось поможетъ время
И горды тѣмъ, что не вредимъ!»
Хитро скрываетъ умъ надменной
Себялюбивыя мечты,
Но.... братъ мой! кто бы ни былъ ты,
Не вѣрь сей логикѣ презрѣнной!
Страшись ихъ участь раздѣлить,
Богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ,
И не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть!...
Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,
Не будетъ гражданинъ достойной
Къ отчизнѣ холоденъ душой —
Ему нѣтъ горше укоризны....
Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь,
Иди и гибни безупрёчно —
Умрешь не даромъ: дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь....

А ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ,

Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Все-обнимающей Любви;
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.
Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробитъ,
А изъ-подъ молота летитъ
И брызжетъ самъ собою пламень!...

ПОЭТЪ.

Ты кончилъ?... чуть я не уснулъ.
Куда намъ до такихъ воззрѣній!
Ты слишкомъ далеко шагнулъ.
Учить другихъ — потребенъ геній,
Потребна сильная душа,
А мы съ своей душой лѣнивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоимъ мѣднаго гроша.
Спѣша извѣстности добиться,
Боимся мы съ дороги сбиться
И тропкой торною идемъ,
А если въ сторону свернемъ —
Готовься хоть бѣжать со свѣта!...
Куда жалка ты, роль поэта!
Блаженъ безмолвный гражданинъ:
Онъ, музамъ чуждый съ колыбели,
Своихъ поступковъ господинъ,
Ведетъ ихъ къ благодарной цѣли,
И трудъ его успѣшенъ, споръ....

ГРАЖДАНИНЪ.

Не очень лестный приговоръ.
Но твой ли онъ? тобой ли сказанъ?
Ты могъ бы правильнѣй судить:
Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.

А что такое гражданинъ?
Отечества достойный сынъ. —
Ахъ, гдѣ же онъ? Кто не сенаторъ,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта.
И даже чуждъ душѣ поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!..
Ему тяжелый жребій палъ,
Но доли лучшей онъ не проситъ:
Онъ какъ свои на тѣлѣ носитъ
Всѣ язвы родины своей
. . . .
. . . .
Гроза шумитъ и къ безднѣ гонитъ
Надежды шаткую ладью,
Поэтъ клянетъ, или хоть стонетъ,
А гражданинъ молчитъ и клонитъ
Покорно голову свою;
Когда же.... но молчу. Хоть мало,
И въ наши дни судьба являла
Достойныхъ гражданъ: знаешь ты
Ихъ участь — преклони колѣни!
Лѣнтяй! смѣшны твои мечты
И легкомысленныя пѣни;
Въ твоемъ сравненьи смыслу нѣтъ.
Вотъ слово правды безпристрастной:
Блаженъ болтающій поэтъ
И жалокъ гражданинъ безгласной!

ПОЭТЪ.

Не мудрено того добить,
Кого ужь добивать не надо.
Ты правъ: поэту легче жить —
Въ правдивомъ словѣ есть отрада.
Но былъ ли я причастенъ ей?
Ахъ, въ годы юности моей
Печальной, безкорыстной, трудной,
Короче: очень безразсудной —
Куда ретивъ былъ мой Пегасъ!
Не розы — я вплеталъ крапиву
Въ его размашистую гриву

И гордо покидалъ Парнасъ;
Безъ отвращенья, безъ боязни
Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни;
Въ суды, въ больницы я входилъ.
Не повторю, что тамъ я видѣлъ...
Клянусь, я честно ненавидѣлъ,
Клянусь, я искрепно любилъ!
И что жъ?... мои послышавъ звуки,
. . . .
. . . .
. . . .
Что было дѣлать? Безразсудно
Винить людей, винить судьбу...
Когда бъ я видѣлъ хоть борьбу,
Бороться сталъ бы, какъ ни трудно,
Но... впрочемъ главная бѣда:
Я молодъ, молодъ былъ тогда!
Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мнѣ блага лучшія свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько бъ ни было причинъ,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При словѣ: честный гражданинъ.
Тотъ роковой, напрасный пламень
Донынѣ сожигаетъ грудь,
И радъ я, если кто нибудь
Въ меня съ презрѣньемъ броситъ камень.
Бѣднякъ! и изъ чего попралъ
Ты долгъ священный человѣка?
Какую подать съ жизни взялъ,
Ты — сынъ больной больнаго вѣка?...
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюмъ и полонъ озлобленья
У двери гроба я стою...

Ахъ! пѣснію моей прощальной
Та пѣсня первая была!
Склонила Муза ликъ печальной
И, тихо зарыдавъ, ушла.
Съ тѣхъ поръ не часты были встрѣчи:
Украдкой, блѣдная, придетъ

И шепчетъ пламенныя рѣчи
И пѣсни гордыя поетъ.
Зоветъ то въ города, то въ степи,
Завѣтнымъ умысломъ полна;
Но . . . .
И мигомъ скроется она.
Не вовсе я ея чуждался,
Но какъ боялся! какъ боялся!
Когда мой ближній утопалъ
Въ волнахъ существеннаго горя —
То громъ небесъ, то ярость моря
Я добродушно воспѣвалъ.
Бичуя маленькихъ воришекъ
Для удовольствія большихъ,
Дивилъ я дерзостью мальчишекъ
И похвалой гордился ихъ.
Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презрѣнья горькаго полна.
Теперь напрасно къ ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Какъ свѣтъ, я самъ ее не знаю
И не узнаю никогда.
О, Муза! гостьею случайной
Являлась ты душѣ моей,
Иль пѣсень даръ необычайной
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знаетъ? рокъ суровый
Все скрылъ въ глубокой темнотѣ.
Но шелъ одинъ вѣнокъ терновый
Къ твоей угрюмой красотѣ...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ.

I.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила;
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу»—думаетъ старушка.

II.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ —
«Вотъ прiѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»
Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово —
И землицу нашу отдадутъ намъ снова!»

III.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный:
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ прiѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большiе — дѣло чуть за споромъ —
«Вотъ прiѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ...

IV.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда плута — урожай сторицей;
Прежнiе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредитъ....
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

V.

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ — новый.
Стараго отпѣли, новый слезы витеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ГАРАНСКАГО.

(Переводъ съ французскаго: Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in-4°. Paris. 1836.)

Я путешествовалъ недурно: русскiй край
Оригинальности имѣетъ отпечатокъ;

Не то, чтобъ въ деревняхъ трактиры были — рай,
Не то, чтобъ въ городахъ писцы не брали взятокъ, —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встрѣтите нигдѣ вы:
Пространство широко раскинутыхъ степей
Лугами здѣсь зовутъ; начнутся ли посѣвы —
Не ждите имъ конца! подобно островамъ
Зеленые лѣса и сѣрыя селенья
Пестрятъ равнину ихъ, и любо видѣть вамъ
Картину сельскаго обычнаго движенья....
Подобно муравью трудолюбивъ мужикъ;
Ни грубости ихъ рукъ, ни лицамъ загорѣлымъ
Я больше не дивлюсь: я видѣть ихъ привыкъ
Въ работахъ полевыхъ чуть не по суткамъ цѣлымъ.
Не только мужики здѣсь преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, «страду»,
И грустно видѣть, какъ иныя блѣдны, слабы!
Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ;
Но должно бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ.
Не такова ли цѣль — въ нѣмецкихъ сюртукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между нами?
. . . .
. . . .
. . . . Какія рѣки здѣсь! ....
Какіе здѣсь лѣса! Пейзажъ природы русской
Современемъ собьетъ, я вамъ ручаюсь, спѣсь
Съ природы реинской, не только что съ французской!
Во Франціи провелъ я молодость свою;
Предъ ней, какъ говорятъ въ стихахъ, все клонитъ выю,
Но все жь по совѣсти и громко признаю,
Что я не ожидалъ найти такой Россію!
Природа не дурна: въ томъ отдаю ей честь, —
Я славно ѣлъ и спалъ, подъячимъ не далъ штрафа....
Да, средство странствовать и по Россіи есть —
Съ французской кухнею и съ русскимъ титломъ графа!
Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому лукавый ихъ языкъ:
Помѣщикъ не живетъ, а нѣмецъ-управитель
Непьющій человѣкъ, но . . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ужели господа въ Россіи таковы?
Я къ многимъ заѣзжалъ: иные, точно, грубы —
Мужъ *ты* своей женѣ, жена супругу *вы*,
. . . .
Но есть премилые: прилично убранъ домъ,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяинъ съ Франціей и съ Англіей знакомъ,
Хозяйка не заснетъ безъ моднаго романа;
Ну все какъ водится у развитыхъ людей,
Которые глядятъ прилично на предметы
И врядъ ли мужиковъ трактуютъ, какъ свиней....

Я также наблюдалъ — въ окно моей кареты —
И бытъ крестьянина: онъ нищеты далекъ!
По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжая,
Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ
И гаркнули: «ура»!... Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: «довольны ли?...» кричатъ: «довольны всѣмъ!»
— И управителемъ? — «Довольны...» О работахъ
Я съ ними говорилъ, поилъ ихъ — и затѣмъ,
Бекаса подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ,
Поѣхалъ далѣе.... Я мало съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ,
Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель
Казался между нихъ отецъ и покровитель....

Чего же имъ еще?... А если, точно, есть
Любители . . . .
Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство —
Чего же медлишь ты, сатиры грозный бичъ?...
Я книги русскія перебиралъ все лѣто:
Пустѣйшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшія темны, какъ стертая монета!
Жаль, дремлетъ русскій умъ. А то чего бъ вѣрнѣй?
Правительство казнитъ открытаго злодѣя,
Сатира дѣйствуетъ и шире и смѣлѣй,
Какъ пуля находить виновнаго умѣя.
Сатирѣ ужь не разъ обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россія)
Услугой важною . . . . . .

Землевѣдѣніе Азіи, Карла Риттера. *Часть I. Общее введеніе и восточная окраина Азіи. Перевелъ и дополнилъ дѣйств. членъ Императорскаго Русскаго Геграфическаго Общества* П. Семеновъ. *Изданіе Импер. Рус. Геогр. Общ. на иждивеніи члена-соревнователя* П. В. Голубкова. *Спб. 1856.*

Въ литературѣ нашей немного книгъ, которыя бы имѣли столько важности по содержанію и научнымъ достоинствамъ, какъ трудъ г. Семенова, —и, замѣчая впечатлѣніе, производимое такими капитальными предпріятіями, нельзя не согласиться, что каждое подобное явленіе надолго останавливаетъ на себѣ наше вниманіе, поражая насъ количествомъ труда и времени, потраченныхъ на него ученымъ; но, къ сожалѣнію, причина такого вниманія вовсе не утѣшительна. До сихъ поръ наука еще остается у насъ по бо̀льшей части принадлежностью небольшаго кружка спеціалистовъ: правда, общее сознаніе публики утвердило за ней всѣ права на почетъ и уваженіе, но это сознаніе какъ бы вынуждено только внѣшними завоеваніями науки въ обществѣ, а не внушено истиннымъ, безкорыстнымъ сочувствіемъ къ ея успѣхамъ. Такое положеніе дѣла обнаруживаетъ немалое вліяніе и на самое развитіе научныхъ занятій: наши ученые въ трудахъ своихъ почти всегда ограничиваются вовсе не обширными, частными вопросами предмета, разработываютъ какую нибудь одну его сторону, и здѣсь ихъ трудолюбіе останавливается на монографіяхъ и очеркахъ, не касаясь цѣлаго содержанія науки. Въ доказательство нашихъ словъ, сто̀итъ указать на бѣдность нашей литературы въ сочиненіяхъ по исторіи филологіи общей и классической, древностямъ, этнографіи, политической экономіи, не говоря о другихъ наукахъ, представляющихъ не столь общеинтересное содержаніе. Мы думаемъ, что въ этомъ виноваты не столько сами ученые, сколько недостаточно развитыя потребности цѣлаго общества. Тѣмъ болѣе чести для тѣхъ, кто посвящаетъ себя долгому и кропотливому труду изъ интересовъ самой науки, не разсчитывая на большой успѣхъ и сочувствіе въ публикѣ. Къ числу подобныхъ трудовъ, быть можетъ, надобно отнести и вышедшую теперь книгу г. Семенова, которая если и не найдетъ себѣ многихъ читателей въ обществѣ, то будетъ, несмотря на то, чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ нашей географической литературы и, вѣроятно, не останется даже безъ вліянія на ея распространеніе.

Мысль о переводѣ риттеровой «Азіи» на русскій языкъ принадлежитъ нашему Географическому Обществу, плодотворная дѣятельность котораго уже выразилась многими полезными и любопытными изданіями. Оно воспользовалось для этого суммами, пожертвованными его членомъ–соревнователемъ П. В. Голубковымъ, но, при ограниченности средствъ, рѣшилось перевести тѣ только части сочиненія, которыя относятся до Россіи и странъ, съ нею пограничныхъ, т. е. Китайской имперіи, Турана и Ирана, оставляя безъ перевода описаніе странъ, болѣе отдаленныхъ, напримѣръ, Аравіи, обоихъ полуостровов Индіи и т. д. Первоначально трудъ раздѣленъ былъ на отдѣльныя части между нѣсколькими редакторами, именно между гг. Семеновымъ и Гирсомъ, А. П. Болотовымъ, Я. В. Ханыковымъ и В. В. Григорьевымъ; но всѣ послѣдніе отвлечены были отъ своихъ занятій или служебными назначеніями, или другими обстоятельствами, и потому не могли докончить дѣла такъ, какъ оно было начато. Одинъ г. Семеновъ имѣлъ достаточно времени, чтобы приготовиться къ такому не легкому труду, какъ дополненіе Риттера, и во время пребыванія за границею имѣлъ случай воспользоваться лекціями и указаніями самого Риттера и богатыми пособіями въ публичныхъ библіотекахъ европейскихъ столицъ. Изданная имъ часть риттеровой «Азіи» составляетъ толстый томъ почти въ 750 страницъ; онъ заключаетъ въ себѣ переводъ текста Риттера вмѣстѣ съ многочисленными дополненіями и примѣчаніями г. Семенова, такъ что полная обработка предмета вмѣщаетъ и самостоятельныя изъисканія послѣдняго.

Мы не беремъ на себя трудной задачи повѣрить выводы г. Семенова и предоставляемъ это ученымъ специалистамъ; постараемся только познакомить читателя съ цѣлью и значеніемъ этого предпріятія. Многотомное сочиненіе Риттера есть одинъ изъ тѣхъ капитальныхъ ученыхъ трудовъ, которые въ одно и то же время бываютъ послѣднимъ словомъ науки объ извѣстныхъ ея фактахъ и указываютъ новый путь для ея послѣдующаго развитія: отъ нихъ, какъ отъ новой точки отправленія, идутъ новыя изслѣдованія, которыя окончательно упрочиваютъ новой системѣ господствующее значеніе въ наукѣ. Понятно, почему Географическое Общество, стремясь къ распространенію въ нашей публикѣ географическихъ свѣдѣній посредствомъ знакомства съ иностранными сочиненіями, остановилось именно на книгѣ Риттера: чтобы привить у насъ географическія занятія на прочномъ основаніи, чрезвычайно полезно было усвоить русской литературѣ одно изъ классическихъ сочиненій по этому предмету, а между ними «Землевѣдѣніе» Риттера стоитъ едва ли не на первомъ планѣ. Г. Семеновъ просто и удовлетворительно объясняетъ, въ чемъ состояла заслуга Риттера для науки, т. е. какое новое начало внесено имъ въ обработку этого предмета, который прежде понимали обыкновенно, какъ механическое соединеніе разныхъ чисто фактическихъ свѣдѣній, не представляющихъ никакой научной системы. Приводимъ слова г. Семенова.

«Карлу Риттеру — говоритъ онъ — принадлежитъ честь основанія цѣлаго отдѣла науки землевѣдѣнія, или, лучше сказать, новаго направленія въ ней, именно такъ называемой *сравнительной географіи*.

«Мнѣ часто случалось слышать сужденія людей, даже образованныхъ, не признававшихъ географію за самостоятельную науку, а принимавшихъ ее за аггрегатъ или мозаику очень разнородныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ наукъ. Отсутствіе географіи въ университетскомъ преподаваніи въ Россіи показываетъ, какъ кажется, что это мнѣніе укоренилось и у насъ. Оно происходитъ, вѣроятно, оттого, что географія — наука о землѣ — есть слово, которому можно дать очень различные объемы и опредѣленія. Можно разумѣть географію въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Въ обширномъ смыслѣ предметъ ея есть полное изслѣдованіе земнаго шара, т. е. законовъ строенія его, съ его твердою, жидкою и воздушною оболочками, законовъ отношенія его къ другимъ планетамъ и къ обитающимъ на немъ организмамъ. Въ этомъ смыслѣ географія есть, дѣйствительно, не наука, а цѣлая естественная группа наукъ, связанныхъ между собою тождествомъ предмета изслѣдованія, разсматриваемаго нами только въ различныхъ отношеніяхъ.

«Раздѣленіе географіи въ этомъ смыслѣ на отдѣльныя науки прямо проистекаетъ изъ отношеній, въ которыхъ можно разсматривать землю. Она можетъ быть именно изслѣдуема: a) въ отношеніи къ другимъ тѣламъ небеснымъ, преимущественно къ планетамъ солнечной системы, b) сама по себѣ въ отношеніи законовъ ея строенія и c) въ отношеніи къ человѣку.

«Первое составляетъ предметъ математической географіи, второе—физической географіи, и третье — двухъ наукъ: этнографіи и статистики.... Всѣ эти четыре отдѣла составляютъ, сколько мнѣ кажется, четыре независимыя науки, представляющія приложеніе къ землезнанію, даже четырехъ различныхъ классовъ наукъ, именно *математико-астрономическихъ* въ математической географіи, *физико-естественныхъ* въ физической, *филологическихъ* въ этнорафіи и *политическихъ* въ статистикѣ. Но затѣмъ еще остается обильная масса свѣдѣній для географіи въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ географія есть *физіографія земной поверхности*, т. е. описаніе какъ постоянныхъ, неизгладимыхъ вѣками чертъ ея, набросанныхъ самою природою, такъ и перемѣнныхъ, изгладимыхъ, произведенныхъ рукою человѣческою. У этой-то географіи въ тѣсномъ смыслѣ оспаривали значеніе науки, утверждая, что она имѣетъ только ея форму, а не сущность, заключая въ себѣ аггрегатъ частныхъ описаній, безъ изслѣдованій какихъ бы то ни было *законовъ природы*. Дѣйствительно, всякій предметъ изслѣдованія, для того, чтобы быть наукой, долженъ быть ею не по одной формѣ, но и по сущности, т. е. заключать въ себѣ изслѣдованіе законовъ природы. И съ этой точки зрѣнія географія, въ самомъ дѣлѣ, не была наукою, а только естественнымъ сборникомъ фактовъ до Риттера, точно такъ же, какъ исторія до основанія философіи исторіи могла почитаться только повѣствованіемъ, а не наукою.

«Но Риттеръ и его школа превратили мертвый, хотя систематическій, сборникъ фактовъ въ стройный организмъ науки, изслѣдованіемъ *законовъ устройства земной поверхности*, *законовъ вліянія ея на развитіе рода человѣческаго*. Это составило предметъ новаго направленія землевѣдѣнія, или новаго его отдѣла, которому Риттеръ далъ названіе *сравнительной географіи*, и который относится къ географіи, какъ философія исторіи къ исторіи. Вотъ значеніе и заслуга Риттера въ исторіи землевѣдѣнія.»

Кромѣ общей цѣли передать русской публикѣ знаменитое твореніе Риттера, при изданіи «Землевѣденія» предполагались и другія частныя цѣли, по нашему мнѣнію, очень достижимыя. Именно: Географическое Общество имѣло въ виду, во первыхъ, возбуждая интересъ къ изслѣдованіямъ объ Азіи, побудить къ большимъ трудамъ мѣстныхъ изъискателей и доставить имъ лучшій сборникъ трудовъ предшествовавшихъ; во вторыхъ, утвердить русскую географическую терминологію введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго географическаго сочиненія въ наше время и установить однообразное правописаніе азіятскихъ географическихъ именъ, и, наконецъ, продолжить и дополнить риттерову «Азію» свѣдѣніями, собранными въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ, со времени перваго изданія книги Риттера. Нетрудно видѣть, что каждое изъ этихъ предначертаній основано на дѣйствительной, а не на воображаемой потребности нашей публики и нашей науки. Съ одной стороны, большая часть нашихъ мѣстныхъ географовъ ограничиваются почти только своими личными и вообще мѣстными свѣдѣніями, не принимая въ разсчетъ данныхъ, которыя правильно или неправильно приняты иностранными учеными или даже вошли въ науку, какъ нѣчто несомнѣнное; между тѣмъ, только для этихъ мѣстныхъ наблюдателей возможно полное исправленіе ошибокъ и замѣненіе ихъ вѣрными фактами, а посторонній критикъ всегда болѣе или менѣе подвергается опасности впасть въ новыя недоразумѣнія. Съ другой стороны, утвержденіе географической терминологіи, далеко не вполнѣ извѣстной у насъ, можетъ быть приведено однимъ знакомствомъ съ содержаніемъ современной науки, потому что языкъ усвоиваетъ чуждые ему прежде термины и спеціальныя названія въ томъ только случаѣ, когда литература усвоиваетъ понятія, ими выражаемыя: установленіе терминологіи извѣстнаго предмета есть вмѣстѣ и шагъ къ самостоятельной разработкѣ науки, — одно существуетъ и развивается вмѣстѣ съ другимъ. Конечно, нельзя быть увѣреннымъ, что всѣ термины, употребляемые г. Семеновымъ и переведенные имъ съ нѣмецкаго, будутъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса — они могутъ быть замѣнены впослѣдствіи другими, болѣе удачными: по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ попытку систематическаго введенія географическихъ терминовъ. Столько же необходимо установленіе однообразнаго правописанія азіятскихъ географическихъ именъ, которыя вообще представляютъ множество затрудненій и для европейскихъ ученыхъ: до сихъ поръ нерѣдко бываетъ, что одна и та же азіятская мѣстность обозначается въ путешествіяхъ и ученыхъ сочиненіяхъ подъ самыми разнообразными названіями, такъ что для читателя не-спеціалиста иногда совершенно невозможно угадать тождество однѣхъ съ другими. Таковы особенно китайскія или вообще восточно-азіятскія имена городовъ, рѣкъ, горъ и т. п.: одинъ разъ они написаны правильно знатокомъ дѣла, въ другой разъ переиначены какимъ нибудь путешественникомъ, не знавшимъ туземнаго языка и не вслушавшимся хорошенько въ чуждые звуки; въ третій разъ написаны также правильно, по другому мѣстному пропроизношенію, и такъ далѣе. Въ заключеніе составляется цѣлый рядъ именъ для одного и того же предмета. Чтобы избѣжать, по возможности, недостатковъ подобнаго рода, г. Семеновъ втеченіе цѣлаго полугода слушалъ лекціи китайскаго языка профессора Шотта, въ Берлинѣ, и послѣ совѣщанія съ Шоттомъ и нашимъ ученымъ синологомъ г. Васильевымъ, въ настоящемъ трудѣ принялъ, съ немногими измѣненіями, правописаніе, введенное о. Іакинѳомъ: такимъ образомъ, онъ могъ устранить всѣ сомнительныя чтенія китайскихъ географическихъ названій и привести ихъ къ одной постоянной нормѣ.

Но существенная заслуга г. Семенова состоитъ въ исполненіи главнѣйшей части его труда, т. е. дополненіи и продолженіи риттерова «Землевѣдѣнія Азіи», на основаніи новыхъ путешествій и ученыхъ изслѣдованій. Чтобы показать наглядно, какъ обширны были дополненія г. Семенова, замѣтимъ, что текстъ Риттера занимаетъ только около двухъ-пятыхъ цѣлаго тома, остальное написано г. Семеновымъ: слѣдовательно, значительная доля въ этомъ изданіи была самостоятельнымъ трудомъ переводчика. Онъ передавалъ текстъ Риттера безъ всякихъ измѣненій, указывая, въ короткихъ примѣчаніяхъ, ошибки или неточности, обнаруженныя позднѣйшими изъисканіями, но послѣ каждаго параграфа приводитъ изложеніе новѣйшихъ открытій и дополняетъ или исправляетъ положенія Риттера результатами позднѣйшихъ путешествій и изслѣдованій. Эта трудная и многосложная работа, по словамъ г. Семенова, была значительно облегчена системою, которой слѣдуетъ изложеніе Риттера и которая опредѣляется не политическими и этнографическими раздѣленіями страны, а чисто-топографическими условіями мѣстности, — разсматриваетъ горные хребты, рѣчные бассейны, возвышенности и низменныя страны и т. п. Слѣдуя тому же порядку, переводчикъ бо̀льшею частью соединялъ подъ готовыми рубриками свѣдѣнія, доставленныя новой литературой предмета, сравнивалъ ихъ между собою и высказывалъ собственные выводы. Въ другихъ случаяхъ авторъ дополненій находилъ новыя точки зрѣнія или новые предметы для описанія. Мы увидимъ далѣе, что при этомъ г. Семеновъ нерѣдко приводитъ факты очень любопытные и до сихъ поръ неизвѣстные наукѣ. Въ дополненіяхъ къ введенію Риттера, объясняющему общую физіономію географическихъ особенностей Азіи, переводчикъ помѣстилъ между прочимъ новѣйшую статью этого ученаго, читанную имъ въ засѣданіи Берлинской Академіи въ 1850 г., о пространственномъ устройствѣ всей наружной поверхности земнаго шара и вліяніи его на ходъ развитія исторіи человѣчества,—статью, гдѣ данныя разработываемой здѣсь науки являются въ ближайшемъ приложеніи къ исторіи человѣческаго развитія. Новыя черты для общей характеристики Азіи заимствованы г. Семеновымъ изъ знаменитаго сочиненія А. Гумбольдта «Центральная Азія», которое представило множество новыхъ выводовъ объ этой странѣ, бывшихъ плодомъ собственныхъ наблюденій знаменитаго ученаго, собранныхъ на мѣстѣ и обставленныхъ всѣмъ богатствомъ его обширной географической эрудиціи. Извлеченія изъ этой книги едва ли не будутъ новостью для русскихъ читателей. Въ мѣстныхъ описаніяхъ авторъ дополненій воспользовался, между прочимъ, послѣдними путешествіями, которыя, при малой извѣстности описываемой стороны Азіи, т. е. восточной ея окраины, пролили новый свѣтъ на многіе темные пункты ея географіи: кромѣ записокъ миссіонеровъ Гюцлафа, Вероля, де-ла-Брюньера, Хюка и Габе и другихъ путешественниковъ, г. Семеновъ привелъ и русскіе источники для изученія этихъ земель, — онъ извлекъ нѣкоторые факты изъ описаній переѣздовъ о. Іакинѳа, г. Ковалевскаго, воспользовался трудами членовъ нашей пекинской миссіи. Очень любопытные факты для топографіи восточной окраины Азіи доставлены были г. Семенову содѣйствіемъ нашего ученаго синолога В. П. Васильева, участвовавшаго въ одной изъ пекинскихъ миссій (нынѣ профессора китайскаго языка въ Спб. Университетѣ) и собравшаго многочисленные матеріалы для исторіи Китая по туземнымъ источникамъ, бо̀льшею частью доселѣ неизвѣстныыъ. Таковы, напримѣръ, изложенныя здѣсь по переводу г. Васильева оригинальныя реляціи китайцевъ, путешествовавшихъ въ этихъ краяхъ въ X и XII столѣтіяхъ; не менѣе интересны: довольно обширное описаніе южной Маньчжуріи, составленое ссыльнымъ китайцемъ У-чэнемъ, жившимъ тамъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія, и разсказъ о переѣздѣ У-чэня оттуда до китайской границы, также переведенные г. Васильевымъ изъ китайскихъ источниковъ (стр. 217 — 235). Авторъ дополненій и въ другихъ случаяхъ не разъ пользовался свѣдѣніями и матеріалами г. Васильева, отъ котораго наука можетъ ожидать трудовъ очень значительныхъ. Въ распоряженіи автора дополненій были слѣдующія ненапечатанныя еще статьи г. Васильева: 1) «Объ исторіи Ляосской и Гиньской династіи», 2) «О Нингутѣ», 3) «О татарахъ и монголахъ», 4) «О Тибетѣ», 5) «Извлеченіе изъ географіи области Чэнъ-дэфу». Наконецъ, внѣ изслѣдованій чисто-топографическихъ, напр., въ общемъ опредѣленіи положенія Азіи относительно Европы и границы между обѣими частями свѣта, г. Семеновъ указываетъ многія наблюденія, произведенныя въ различныхъ мѣстахъ русскими учеными экспедиціями и сводитъ изслѣдованія Бэра, Паррота, Фусса, Ленца, Савича, Влангали и другихъ. Въ дополненіяхъ переводчика особенно необходимо замѣтить его историко-этнографическія изслѣдованія о племенахъ, населявшихъ описываемыя страны. Сюда относятся три статьи г. Семенова, исполненныя имъ болѣе или менѣе самостоятельно. Въ одной изъ нихъ, разсматривая область южной Маньчжуріи и часть Монгольскаго нагорья, авторъ старается опредѣлить историческую роль этихъ странъ, и именно объяснить, какое взаимное дѣйствіе имѣли холодное нагорье и теплая, роскошная низменность, граничащія между собою въ горной окраинѣ, составляющей сѣверную границу собственнаго Китая, и чѣмъ выразилась ихъ противоположность въ историческихъ отношеніяхъ туземныхъ племенъ (стр. 392—452); въ другой статьѣ авторъ говоритъ о происхожденіи и этнографическихъ отношеніяхъ племени Хунну, которое одни ученые вмѣстѣ съ Дегинемъ признаютъ гуннами, другіе — народомъ совершенно особеннымъ (стр. 630—638 и др.); третья посвящена розъисканію о происхожденіи монголовъ и татаръ (стр. 700—714).

Въ первой статьѣ г. Семеновъ представляетъ любопытное приложеніе сравнительно-географическаго метода къ объясненію китайской исторіи, въ которой, по выводамъ его, замѣтно отразилось вліяніе упомянутой противоположности между нагорными и низменными странами на границѣ сѣвернаго Китая. Однѣ изъ этихъ странъ были постоянно заняты дикими кочевыми ордами разныхъ племенъ, другія—осѣдлыми китайцами, знакомыми съ промышленностью и земледѣліемъ: богатыя страны Срединнаго государства должны были имѣть особенную прелесть для дикихъ племенъ сѣвернаго нагорья, жившихъ среди бѣдной и суровой природы и тѣмъ самымъ пріученныхъ къ хищничеству и разбою, и, дѣйствительно, исторія говоритъ о постоянномъ наплывѣ этихъ варварскихъ племенъ на цивилизованную страну Китая. Но такъ какъ для бо̀льшаго успѣха нападеній имъ необходимы были нѣкоторыя условія—удобный путь изъ горъ въ низменности и стратегическіе пункты для завоеваній, гдѣ бы они могли утвердиться съ полною свободою — то извѣстныя мѣста на границахъ этихъ земель получили для нихъ особенную важность и образовали современемъ обыкновенную или даже необходимую дорогу для чуженародныхъ нашествій. Сообразно съ тѣмъ, куда направлялись главныя силы нападающихъ, измѣнялся и центръ тяжести Китайскаго государства: столица его переносилась то на сѣверо-западъ, то на сѣверо-востокъ; когда варвары овладѣвали сѣвернымъ Китаемъ, то центръ государства переходилъ за вторую оборонительную линію, образуемую рѣкою Хуанъ-хэ, наконецъ еще далѣе, къ нынѣшнему Нанкину, если варварская династія крѣпко утверждалась на сѣверѣ и національные властители не подчинялись ей окончательно и сохраняли самобытность государства. Но бывали и другія явленія, когда завоеватели или отъ внутренняго раздора, или отъ продолжительнаго владычества ослабѣвали и должны были уступать усиливавшемуся китайскому вліянію: тогда происходило обратное движеніе, и китайская цивилизація снова мало по малу обнимала сѣверныя области, также находя себѣ особенные пути распространенія, какъ опредѣленными путями происходили самыя нашествія. Такимъ образомъ, на этой почвѣ постоянно смѣняли другъ друга эти явленія, какъ періодическій приливъ и отливъ. Такимъ приливомъ было въ XIII столѣтіи господство монгольскаго племени въ Китаѣ, которое въ XIV вѣкѣ должно было опять уступить туземному началу, распространившему потомъ свои колонизаціи до глубины Маньчжуріи. «Послѣдній періодъ прилива, прорывающійся въ Китай той же обычной дорогой—заключаетъ авторъ—въ полномъ апогеѣ въ началѣ XVII вѣка, когда *маньчжуры* покоряютъ все Срединное царство и раздвигаютъ свои предѣлы далеко на западъ. Послѣдній періодъ отлива начинаетъ ощущаться нынѣ, *съ упадкомъ маньчжурской династіи*, съ уничтоженіемъ маньчжурской національности и съ тѣмъ необыкновеннымъ движеніемъ внутри Китая, которое втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ обращаетъ вниманіе Европы, смотрящей на него, какъ на неразгаданную еще загадку.»

Въ другой статьѣ г. Семеновъ старается указать происхожденіе того народа, который извѣстенъ былъ въ эпоху переселенія народовъ подъ именемъ гунновъ. По мнѣнію Дегиня и другихъ ученыхъ, принявшихъ его мнѣніе, напр., Палласа, Шмидта, о. Іакинѳа, гунны однозначительны съ хунну (Hiong-nu), упомянутыми въ китайскихъ лѣтописяхъ, и принадлежатъ къ монгольскому племени; но извѣстный оріенталистъ Клапротъ иначе понималъ этотъ вопросъ и, считая гунновъ народомъ, одноплеменнымъ съ мадьярами и, слѣдовательно финскимъ, въ племени хунну видѣлъ родоначальника тюркскихъ народовъ. Мнѣнія Клапрота приняты были и другими извѣстными учеными, между прочимъ, Аб. Ремюза и Риттеромъ и получили обширное распространеніе; но г. Семеновъ находитъ болѣе близкими къ истинѣ новыя изслѣдованія С.-Мартена, Неймана и Вивьенъ-де-С.-Мартена. Разобравъ критически основанія, на которыхъ держится теорія Клапрота, онъ приходитъ къ тому результату, что подъ именемъ гунновъ и хунну должно понимать одинъ и тотъ же народъ, но принадлежавшій не къ монгольскому, а къ финскому племени, и обитавшій въ древности въ Алтаѣ.

Вопросъ о происхожденіи монголовъ и татаней, или татаръ, представляющій много любопытнаго въ отношеніи къ русской исторіи, до сихъ поръ очень теменъ, за недостаткомъ опредѣлительныхъ источниковъ, и можетъ быть пока рѣшенъ предположительно.

Мы упомянули въ общихъ чертахъ содержаніе книги, изданной г. Семеновымъ. По самой сущности предмета, дополненія риттерова текста составляютъ цѣлый сборникъ отдѣльныхъ изысканій о разныхъ мѣстностяхъ восточнаго края Азіи, въ предѣлахъ Китайской имперіи; но всѣ эти изысканія связаны одною господствующею мыслью и исполнены по одному методу. «Земледѣліе Азіи» будетъ богатымъ прибавленіемъ къ русской географической литературѣ, и если дальнѣйшее изданіе риттерова текста будетъ сопровождаться также добросовѣстно и съ такимъ же знаніемъ дѣла составленными дополненіями, каковы настоящія дополненія г. Семенова, то оно можетъ получить и вообще высокое значеніе въ наукѣ, какъ достойное продолженіе труда, уже пользующагося огромнымъ авторитетомъ въ географической литературѣ. Наконецъ, подобное изданіе можетъ имѣть вліяніе и на ходъ географическихъ занятій у насъ; для мѣстныхъ сибирскихъ наблюдателей оно представляетъ собраніе новѣйшихъ изслѣдованій о пограничныхъ земляхъ и методу топографическаго опредѣленія мѣстностей, вообще же принесетъ большую пользу, облегчая знакомство съ современной европейской наукой. Что касается до внѣшности изданія, она очень удовлетворительна; но читателя непріятно поражаетъ значительное число корректурныхъ недосмотровъ.

Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году. *Сочиненіе флигель-адъютанта графа* Николая Орлова. *Съ пятью планами. Спб. 1856.*

Въ послѣдніе годы военная литература получила у насъ особенное развитіе: въ короткій промежутокъ времени вышло довольно значительное количество книгъ, заключающихъ или изслѣдованіе о теоретическихъ вопросахъ военнаго искусства, или изложеніе военной исторіи, или исторію войскъ и военныхъ учрежденій; недавняя Крымская кампанія также не разъ была предметомъ для нашихъ военныхъ спеціалистовъ. Многія изъ этихъ сочиненій отличаются несомнительными достоинствами, прекраснымъ знаніемъ дѣла и критическимъ талантомъ. Къ числу ихъ присоединяется теперь и сочиненіе графа (нынѣ князя) Орлова, которое составитъ одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній нашей военной литературы въ послѣднее время.

Въ книгѣ князя Орлова, изданной подъ скромнымъ заглавіемъ «Очерка», читатель найдетъ не только исторію самаго похода Наполеона, но также и изложеніе многихъ обстоятельствъ, приготовившихъ знаменитую катастрофу Іены и Ауэрштета. Именно: въ первыхъ двухъ главахъ сочиненія авторъ подробно разсматриваетъ военныя средства обѣихъ сторонъ передъ кампаніей 1806 года и, сравнивъ ихъ между собою во всѣхъ главныхъ отношеніяхъ: касательно управленія, способовъ комплектованія, вооруженія, обученія войскъ и пр., приводитъ въ заключеніе общую картину обѣихъ армій, гдѣ ясно обнаруживаетъ недостатки одной изъ нихъ, разстроенной и обезсиленной рутиною и педантизмомъ, и блестящія достоинства другой, мало знакомой съ теоріею, но вполнѣ преданной своему геніальному предводителю и своему дѣлу. Тогдашняя прусская армія, которой должно было дѣйствовать противъ величайшаго изъ полководцевъ новаго времени, представляла странное зрѣлище. Авторъ даетъ слѣдующій очеркъ ея внѣшняго положенія, въ которомъ трудно было предугать, и, дѣйствительно, только немногіе предугадывали, ея истинную эфемерность:

«Сформированное великимъ курфирстомъ, усовершенствованное Фридрихомъ Великимъ, войско прусское въ началѣ нынѣшняго столѣтія почиталось первымъ въ Европѣ. Почти всѣ генералы участвовали въ Семилѣтней войнѣ; на нихъ смотрѣли съ уваженіемъ, какъ на учениковъ Фридриха. Ежегодно дѣлаемые ими маневры привлекали множество иностранцевъ. Всѣ удивлялись необыкновенному искусству и соображеніямъ прусскихъ генераловъ, а офицеры слыли учеными, знатоками своего дѣла. Ихъ почитали исполненными геніальнымъ духомъ Фридриха: въ сущности они были только напитаны его уставомъ. Солдаты были выучены превосходно и въ стойкѣ, маршировкѣ, пріемахъ ружьемъ неподражаемы. Разводъ въ Потсдамѣ былъ идеаломъ военной Европы. Всѣ наперерывъ старались поддѣлываться подъ одежду и обученіе прусскихъ войскъ.» (Стр. 3—4.)

Находились, правда, люди, разсказываетъ далѣе авторъ, которые сомнѣвались въ непобѣдимости прусскихъ войскъ, какъ Гиберъ, еще во время Фридриха предсказывавшій будущій упадокъ Пруссіи; но общественное мнѣніе не вѣрило этимъ сомнѣніямъ. Пруссаки оставались приверженцами старыхъ учрежденій, Нови, Сенъ-Готарду и Маренго предпочитали Росбахъ и Лейтенъ, и когда въ нашихъ училищахъ, по повелѣнію Императора Павла I, преподавали маренгскій походъ, въ Берлинѣ изучали только марши и дѣйствія Фридриха. Авторъ вполнѣ разоблачаетъ недостатки, таившіеся подъ этою гордою наружностью и заключавшіеся въ дурномъ внутреннемъ управленіи: на цѣлую треть прусское войско составлялось изъ иностранцевъ; вооруженіе, обученіе и боевые пріемы производились по старымъ обычаямъ, которые вполнѣ были удобны при Фридрихѣ, но вовсе не были удовлетворительны противъ искусства такого врага, какъ Наполеонъ. Прусская кавалерія сохранила превосходное устройство; но ей недоставало генераловъ, подобныхъ Цитену и Зейдлицу (стр. 17). Совершенно въ другихъ обстоятельствахъ находилось устройство французскихъ войскъ того времени: въ ихъ составѣ и управленіи были всѣ элементы, необходимые для порядка и успѣха, и, по возможности, устранялись всѣ мелочи, не имѣвшія существенной важности. Сравненіе французскихъ войскъ съ военными средствами Пруссіи привело автора къ такому выводу о ихъ взаимномъ отношеніи: «Пруссаки и французы представляли два совершенно разныя начала. Первые, исполненные преданій Фридриха, были войскомъ теоріи; вторые, участвовавшіе въ недавнихъ побѣдахъ Наполеона, были войскомъ практическимъ. Иначе сказать, война 1806 года представляла борьбу учености съ опытомъ, вѣка минувшаго съ вѣкомъ настоящимъ.» (Стр. 68—69.)

Въ этой противоположности авторъ указываетъ причину полной неудачи, постигшей прусскую армію при встрѣчѣ съ новымъ военнымъ искусствомъ. Не менѣе удачна характеристика лицъ, которыя, съ той и другой стороны, были исполнителями военныхъ плановъ, и отъ которыхъ зависѣла счастливая и несчастная развязка событій: авторъ хорошо знакомъ съ тогдашнимъ положеніемъ и личнымъ составомъ прусскаго военнаго управленія; для своихъ очерковъ онъ пользовался не только печатно извѣстными свѣдѣніями, но и рукописными источниками (напримѣръ, стр. 38). Наконецъ, самая исторія военныхъ дѣйствій изложена съ большимъ искусствомъ: авторъ умѣлъ сгруппировать факты, не упуская изъ виду ни одного обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на результатъ кампаніи, и указываетъ главныя ошибки прусскихъ предводителей, которыя повлекли за собой общее пораженіе прусскихъ войскъ. Изложеніе военныхъ дѣйствій объясняется подробными планами; на пяти приложенныхъ картахъ изображаются сраженія при Сальфельдѣ, Іенѣ и Ауэрштетѣ, и планы окрестностей Пренцлау и Любека.

Въ приложеніяхъ помѣщены нѣкоторыя объяснительныя статьи, между прочимъ, краткія біографическія замѣтки о Гарденбергѣ, Штейнѣ и Бюловѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что книга князя Орлова, написанная еще въ 1852 году, съ Высочайшаго соизволенія посвящена авторомъ памяти въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая I, и издана съ благотворительною цѣлью.

Для легкаго чтенія. *Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Т. III. Спб. 1856.*

Мы уже говорили о началѣ этого изданія, которое составляется изъ произведеній любимыхъ беллетристовъ нашей публики. Оно скоро подвигается впередъ, и вышедшій теперь третій томъ интересенъ не менѣе двухъ первыхъ. Въ немъ помѣщены: «Антонъ-Горемыка», одна изъ первыхъ и изъ лучшихъ повѣстей г. Григоровича; пять стихотвореній г. Фета; «Жена часоваго мастера», разсказъ Н. Станицкаго; «Тьма», стихотвореніе г. Тургенева; «Красильниковы», повѣсть изъ купеческаго быта, напечатанная года два или три тому назадъ въ «Москвитянинѣ» и имѣвшая большой успѣхъ въ читающей публикѣ, псевдонима Печерскаго; далѣе «Осенняя скука», деревенская сцена, Н. А. Н—ва; «Къ отцу», стихотвореніе А. —аго; «Ипохондрикъ», письма къ пріятелю, А. С—а, и «Кружевница», повѣсть г. Михайлова.

Для помѣщенія въ четвертомъ томѣ назначены слѣдующія статьи:

«Разсказъ лезгинца Асана о похожденіяхъ своихъ», повѣсть В. И. Даля.

Стихотворенія графа А. К. Толстаго.

«Десять дней въ Севастополѣ» (во время осады), Н. В. Берга.

«Гдѣ тонко, тамъ и рвется», комедія И. С. Тургенева.

«Агарь», стих. Я. П. Полонскаго.

Стихотворенія Н. А. Некрасова.

«Портретистъ», повѣсть Н. Станицкаго.

Очерки Финляндіи, *путевыя записки* А. Милюкова. *1851—1852 г. Спб. 1856.* (Изъ «Морскаго Сборника» 1856 г.)

Въ этой книжкѣ г. Милюковъ разсказываетъ свои переѣзды по Финляндіи, которую онъ проѣхалъ почти изъ конца въ конецъ два раза: въ первый разъ онъ ѣхалъ чрезъ Шлиссельбургъ, Коневецъ и Валаамъ въ Сердоболь, по восточному краю Финляндіи, и чрезъ С.-Микель, Иматру и Выборгъ возвратился въ Петербургъ; въ другую поѣздку онъ направился чрезъ Фридрихсгамъ, Тавастгусъ и Таммерфорсъ къ водопаду Кюро и потомъ изъ Або переѣхалъ въ Гельсингфорсъ и здѣсь оставилъ Финляндію. Автору давно хотѣлось познакотиться съ этой оригинальной страной, и онъ такъ объясняетъ причины, по которымъ Финляндія особенно его интересовала. «Въ наше время ѣздить по Европѣ пріятно — говоритъ онъ — но тамъ все извѣстно вамъ, какъ въ знакомомъ саду, гдѣ вы знаете каждую дорожку. Безъ большаго таланта и благопріятныхъ обстоятельствъ теперь не скажешь ни одного новаго слова объ Италіи или Рейнѣ, описанныхъ въ сотняхъ томовъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Финляндія, напротивъ, похожа въ этомъ смыслѣ на дикій лѣсъ, о которомъ вы слыхали однѣ таинственныя сказки, и куда входите безъ составленныхъ заранѣе впечатлѣній. Туристы не проникали въ нее далѣе Иматры и гельсингфорскрхъ купаленъ.» Объясненіе совершенно достаточное. Неизвѣстность посѣщаемой страны даетъ путешественнику гораздо болѣе случаевъ сказать что либо новое, дѣлаетъ кругъ его наблюденій обширнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется намъ, налагаетъ на него и нѣкоторыя особенныя требованія. Путешественникъ въ такомъ случаѣ долженъ знакомить читателя своихъ замѣтокъ со всѣми выдающимися чертами края, съ физіономіей, богатствомъ или бѣдностью его природы, національными свойствами его населенія, характеровъ быта и т. д.: всѣ эти обстоятельства имѣютъ полное и одинаковое право на его вниманіе. Авторъ можетъ задавать себѣ особенныя цѣли, когда говоритъ о странѣ болѣе или менѣе извѣстной всѣмъ, можетъ ѣхать въ Англію и видѣть тамъ однѣ машины, можетъ отправиться въ Италію и находить тамъ только статуи и картины, можетъ путешествовать по Германіи и говорить только о литературѣ и наукѣ, — это будетъ немного странно, но въ порядкѣ вещей. Г. Милюковъ видѣлъ въ Финляндіи только однѣ красоты природы, передаетъ свои личныя впечатлѣнія, навѣянныя этою природой, но, судя по заглавію книжки, не имѣлъ цѣлью описывать одинъ процессъ путешествія, какъ дѣлаютъ это многіе путешественники: читатель обманывается, ожидая встрѣтить въ его путевыхъ замѣткахъ не только описанія гранитныхъ горъ и Иматры, но и характеристику жителей страны, обладающей этими горами и Иматрой. Правда, есть нѣкоторыя страны, дотого поражающія своей великолѣпной природой, что путешественникъ изъ-за нея не видитъ болѣе ничего занимательнаго; но и здѣсь одна внѣшняя природа не удовлетворяетъ любопытству туриста, и онъ скрашиваетъ свой разсказъ чертами изъ человѣческой дѣйствительности. Вообще интересъ этнографическій есть едва ли не существенный интересъ путешествія, и хотя онъ иногда скрывается за картинами другаго рода, но потомъ снова пріобрѣтаетъ главное мѣсто: природа интересна для насъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, мы понимаемъ ее нераздѣльно съ тѣмъ вліяніемъ, которое она производитъ на его характеръ и образъ жизни. Въ Финляндіи это соотношеніе обнаруживается довольно рѣзкими явленіями, и тѣмъ болѣе оно останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя; притомъ, этотъ край такъ мало извѣстенъ у насъ, что мы вправѣ ожидать отъ путешественника замѣтокъ о его разноплеменномъ населеніи. Г. Милюковъ встрѣчался съ этимъ населеніемъ только на станціяхъ и рѣдко говоритъ о немъ, можетъ быть, потому, что и мало узналъ его. Итакъ, надобно довольствоваться тѣмъ, что даетъ намъ авторъ. Зато описанія финляндской природы въ книжкѣ г. Милюкова могутъ вполнѣ удовлетворить читателя: авторъ хорошо знакомитъ съ дикимъ, своеобразнымъ характеромъ этой страны, «близкой къ полюсу, сосѣдней гиперборейскому морю.» Онъ проводитъ передъ глазами читателя оригинальныя картины, то гранитныхъ скалъ ея, нагроможденныхъ одна на другую давнишними переворотами природы, то обширныхъ озеръ, изливающихся прихотливо между горными хребтами, то великолѣпныхъ водопадовъ и проч. Мы не знаемъ въ русской литературѣ другаго изображенія знаменитой Иматры, которое бы лучше передало красоты этого водопада. Г. Милюковъ посѣщалъ особенно края Финляндіи, наименѣе извѣстные, и нашелъ въ нихъ много замѣчательныхъ мѣстностей, вполнѣ способныхъ привести въ восхищеніе любителей природы.

Г. Милюковъ разсказываетъ свои похожденія легко и свободно, приводитъ иногда довольно забавные дорожные анекдоты и встрѣчи и такъ просто передаетъ свои впечатлѣнія, что читатель съ любопытствомъ слѣдитъ за его переѣздами до конца книги. Совершенное отсутствіе педантизма и сухости, которыми часто страдаютъ разсказы неопытныхъ туристовъ, составляетъ немалое достоинство «Очерковъ Финляндіи».

Булавка, *комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* **В. Яковлевскаго.**

Комедія г. Яковлевскаго такъ слаба, что нѣтъ возможности даже улыбнуться надъ нею. Скука — единственное чувство, которое наводитъ знакомство съ нею, — и потому не будемъ знакомить читателя ни съ ея содержаніемъ ни съ ея остроуміемъ.

Дѣтство и Отрочество. *Сочиненіе* **графа Л. Н. Толстаго.** *Спб. 1856.*

Военные разсказы графа Л. Н. Толстаго. *Спб. 1856.*

Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ разборъ этихъ замѣчательныхъ книгъ, которыя вышли на дняхъ, а теперь скажемъ только, что нѣкоторые изъ военныхъ разсказовъ являются нынѣ въ видѣ, значительно дополненномъ противъ того, въ какомъ напечатаны были въ нашемъ журналѣ. Особенно должно сказать это о расказѣ: «Севастополь въ Маѣ».

НАРОДНЫЙ БЫТЪ

ВЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

ЗАПИСКИ О МАЛМЫЖСКОМЪ УѢЗДѢ (ВЪ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IV.

Обычаи, соблюдаемые при разныхъ случаяхъ. — Домашнія лекарственныя снадобья и способы леченія разныхъ болѣзней. — Наговоры. — Лекарки-шептуницы. — Запуки. — Присловья.

Я описалъ обычаи и обряды, соблюдаемые нашими крестьянами при рожденіи дѣтей и похоронахъ. Теперь укажу на обычаи, соблюдаемые и при другихъ житейскихъ случаяхъ.

Во время пожара бросаютъ противъ вѣтра красныя яйца, называемыя христовскими, которыми нарочно запасаются въ каждомъ домѣ и, на божницахъ передъ иконами, берегутъ отъ Пасхи до Пасхи, на случай пожаровъ. Обычай бросать яйца противъ вѣтра основанъ на суевѣрномъ убѣжденіи, что оттого можетъ перемѣниться направленіе вѣтра и ослабѣть его сила. Христовскія яйца бросаютъ даже въ самый огонь. «Бывали-де случаи — разсказываютъ наши крестьяне — что, послѣ бросанія яицъ въ пламень, вѣтеръ тотчасъ утихалъ, и тогда зданіе, объятое огнемъ, теплилось, какъ свѣчка.» То же самое дѣйствіе производитъ и верба, освященная въ Вербное воскресенье, если ее будутъ бросать или въ пламень, или противъ вѣтра. Болѣе благочестивые спѣшатъ въ церковь и выносятъ на пожарище иконы.

Когда задумаютъ переходить въ новый домъ, наканунѣ «влазинъ» творятъ квашню или заводятъ опару въ старой квартирѣ; послѣ иконъ, хлѣба и соли переносятъ квашню въ новый домъ и тамъ пекутъ короваи.

Въ болѣзняхъ крестьяне, частію за отдаленностью аптекъ и частію по привычкѣ, употребляютъ домашнія лекарственныя снадобья и свои способы леченія. Есть у нихъ и предохранительныя средства отъ разныхъ несчастій.

Къ ранѣ, нанесенной укушеніемъ бѣшеной собаки, прикладываютъ золы, полученной отъ жженія собачьей шерсти. Лучше-де всего, если шерсть можно получить отъ самой бѣшеной собаки, укусившей человѣка, когда убьютъ ее.

Ужаленный змѣею спѣшитъ окунуться въ рѣкѣ прежде змѣи, ужалившей его, которая будто бы спѣшитъ въ воду всегда прежде ужаленнаго ею. Если ужаленный окунется прежде змѣи, змѣя околѣваетъ.

Кто хочетъ свесть съ тѣла бородавки, долженъ притти въ чужой домъ, оттуда взять мочальную судомойку, такъ, чтобы никто не замѣтилъ этого невиннаго похищенія, и, по возвращеніи домой, вытереть ею бородавки и опять отнесть на старое мѣсто съ таинственностью, соблюденною при похищеніи. Судомойку должно брать по три дня изъ трехъ разныхъ домовъ.

Заболѣвшіе головою всходятъ на колокольню во время звона къ обѣднѣ или утрении, или напутываютъ на голову конопляную веревку и въ этомъ уборѣ служатъ молебны св. великомученицѣ Екатеринѣ.

Тѣ, которые хотятъ свесть рябины съ лица, моютъ въ банѣ лицо своими волосами, натертыми камфарнымъ мыломъ.

Когда хотятъ остановить кровь, текущую изъ раны, очерчиваютъ указательнымъ пальцемъ рану три раза, приговаривая: «встань на камень, кровь не канетъ, стань на желѣзо, кровь не полѣзетъ, встань на песокъ, кровь не течетъ.»

Стараются поймать живую змѣю, и глаза ея продѣваютъ иглой съ ниткой. Эту нитку привязываютъ къ шейному гайтану, или снурку, на которомъ виситъ крестъ. Имѣющій такую нитку владѣетъ талисманомъ, защищающимъ его не только отъ ужаленія змѣи, но и отъ укушенія бѣшеной собаки.

Кому начинаютъ ночью видѣться дурные сны, тому должно, пробудясь, укусить подушку и переворотить ее, для того, чтобы переворотились дурные сны на хорошіе.

Въ банку съ хлѣбнымъ виномъ кладутъ живую щуку и настаиваютъ ею это вино 12 сутокъ. Щучьимъ виномъ пользуютъ отъ запоя. Отъ запоя же пользуютъ виномъ, въ которое впускаютъ часть рыбной желчи. Одержимыхъ запоемъ также купаютъ въ рѣкѣ до зари въ Великій четвергъ. Одинъ доморощенный лекарь уговорилъ родныхъ извѣстнаго у насъ пьяницы испытать это вѣрное средство отъучить отъ горѣлки охотника до нея. Выкупали его, привезли домой. «Баба — заговорилъ паціентъ — подай-ка съ морозу-то хорошенькій стаканчикъ: весь прозябъ.»

На страждущую кличемъ, въ самомъ пароксизмѣ болѣзни, надѣваютъ хомутъ потной лошади. Этотъ хомутъ имѣетъ, по мнѣнію крестьянъ, не одни цѣлебныя свойства, нужныя для больной, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ ей способность узнать, кто именно ее испортилъ, и больная, во время клича, наименовываетъ женщину, виновную въ зломъ дѣлѣ, и съ этихъ поръ той женщины всѣ начинаютъ опасаться, безусловно вѣря показанію кликуши. Многія лекарки-шептуницы началомъ своей извѣстности обязаны этимъ выкликаньямъ.

Когда услышатъ первый громъ весной, перекувыркиваются черезъ голову или моются черезъ серебро, для того, чтобы предохранить себя отъ болѣзней на весь годъ.

Нѣкоторыя болѣзни, въ особенности горячка и лихорадка, почитаются живыми существами, которыя кажутся людямъ въ видѣ воробья, ягненка, змѣи и т. п. Впрочемъ, образы, которые принимаютъ на себя горячка или лихорадка, кажутся человѣку всегда не въ естественномъ положеніи, и поэтому онъ долженъ догадываться, что за существо показалось ему, и какое несчастіе соединяется со случаемъ видѣть это существо. Напримѣръ, если здоровому человѣку покажется женщина съ ружьемъ или стриженая, ему, значитъ, показалась лихорадка. Ворона, летающая кверху ногами, пѣтухъ съ головой на хвостѣ, свинья съ овечьей головой и т. п. — это образы, принимаемые на себя горячкою или лихорадкою, и тотъ, кто видитъ ихъ, непремѣнно заболѣетъ тою или другою болѣзнію. Въ нервическихъ болѣзняхъ у больнаго субъекта всегда бываетъ болѣе или менѣе значительный бредъ, даже въ самомъ началѣ болѣзни, когда больной еще мало чувствуетъ въ себѣ присутствіе ея. Простолюдинъ, какъ извѣстно, чувствуетъ себя подлинно-нездоровымъ только тогда, когда сляжетъ въ постель, а пока держится на ногахъ, не перестаетъ увѣрять, что онъ здоровъ, хотя и сознается иногда, что немного одрябъ. Такимъ образомъ, видѣнія, которыя заболѣвающему въ бреду его рисуетъ воображеніе, онъ, мнимо-здоровый, принимаетъ за дѣйствительные образы, въ которыхъ вздумали ему показаться горячка или лихорадка, чтобы имѣть доступъ къ человѣку, увидѣвшему ихъ. Вообще вѣрятъ, что горячка или лихорадка не могутъ войти въ человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не увидитъ ту или другую хоть невзначай. Стóитъ послушать иногда краснобая, который, съ увѣренностью въ истинѣ своихъ словъ, разсказываетъ, какія средства употребляютъ эти хитрыя лихорадки, чтобъ человѣкъ какъ нибудь взглянулъ на нихъ, и какъ онъ, краснобай, благодаря своей догадливости, увертывался отъ того, чтобы не взглянуть на нихъ, и до сихъ поръ не поддается ихъ хитростямъ, не попадаетъ на удочку.

Лихорадку здѣсь называютъ еще *подругою*, изъ опасенія, чтобъ *браннымъ* словомъ (слова: лихорадка, лихоманка, комуха здѣсь употребляются въ смыслѣ словъ бранныхъ) не оскорбить этой особы, и чтобъ она не пришла къ человѣку въ отмщеніе за то, что онъ вздумалъ назвать ее настоящимъ ея ругательнымъ именемъ, если онъ здоровъ, или долго не зажилась въ больномъ. Лекарки-шептуницы еще больше поддерживаютъ въ крестьянахъ вѣрованіе, что лихорадка и горячка существа живыя, давая этимъ болѣзнямъ человѣческія женскія имена. Когда кто нибудь, напримѣръ, приходитъ къ лекаркѣ съ просьбою выгнать лихорадку изъ больнаго родственника, шептуница говоритъ: «пережъ надо узнать, какъ зовутъ подругу», потомъ глядитъ въ воду и, сказавъ, что лихорадку зовутъ Маланьей или Хавроньей, растолковываетъ, до какой степени зла эта подруга, что вотъ какъ учнетъ человѣка подымать да сбельхивать, такъ только зубы чагаютъ, а тутъ вдругъ, знаешь, и броситъ въ огонь да и спать.

«Такъ и есть, такъ и есть», отвѣчаетъ проситель, пораженный вѣрностію описанія болѣзни, и уходитъ отъ лекарки съ чашкой наговоренной воды, въ полной увѣренности, что у его дочери, жены или сына подругу зовутъ Малашей или Хорей.

Всѣхъ лихорадокъ, выпущенныхъ на свѣтъ Божій, двѣнадцать. Каждая изъ нихъ въ однѣ сутки можетъ перебывать стахъ въ двухъ и болѣе домахъ: онѣ неутомимы.

Кстати о лекаркахъ-шептуницахъ. Въ болѣзняхъ людскихъ и болѣзняхъ скота здѣшніе крестьяне бо̀льшею частію прибѣгаютъ къ лекаркамъ-шептуницамъ, которыя, опредѣливъ причину болѣзни въ извѣстномъ человѣкѣ или скотѣ, производятъ леченіе наговорами на винѣ, на водѣ, на рѣдечномъ сокѣ и т. п. Всѣ болѣзни шептуницы приписываютъ урокамъ, или озѣвышамъ, и потому берутся лечить всякія недуги: чахотка такъ чахотка, флюсъ такъ флюсъ, водобоязнь такъ водобоязнь! Имъ все равно: все отъ уроковъ. А въ подтвержденіе, что эти болѣзни начались, дѣйствительно, отъ уроковъ, лекарки, во время наговоровъ, позѣваютъ безпрестанно безъ всякаго состраданія къ своимъ скуламъ. Вотъ ихъ наговоръ отъ уроковъ.

«Лягу я благословясь, встану я перекрестясь, обуюся гладенько, умоюся росою, утруся пеленою, пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, чистымъ звѣздамъ (т. е. чистыми звѣздами) обтычусь, свѣтлымъ мѣсяцемъ подпояшусь, краснымъ солнцемъ покроюсь и пойду въ праву сторону. Въ правой сторонѣ окіянъ-море, на окіянѣ-морѣ лежитъ кипъ-камень, на томъ кипъ-камнѣ стоитъ апостольская Божья церква за тремя дверями, за тремя замками. Дверямъ поклонюся, замкамъ покорюся; замки разопритесь, двери растворитесь и допустите меня до Божіей церкви. Богу помолюся, Христу поклонюся, попрошу я у истинна Христа милости и добраго здоровья въ раба Божія (имя рекъ). Въ Божьей церквѣ стоитъ пристолъ, на томъ пристолѣ сидитъ Госпожа Святая Пресвятая Богородица, Тихонская Богородица, Тихонъ преподобный, Микалай угодникъ, Илья пророкъ, Егорей харабли (*), Михайло Архангелъ, Петръ и Павелъ, Взвиженьё Христово, Вознесеньё святоё, и всѣ святые святители, и всѣ святые апостолы. Утишите, Господи, умирите на ускорѣ-скорѣ скорби и болѣзни, причища, урочища, немочища, жабища, хворища, родимчища, переломища, косто-

---

(*) Должно быть: храбрый.

ломища, мозговыя, нутряныя, денныя, ночныя и полуночныя, тѣлесныя, сердечныя, костяныя и жиленыя, потеготу, отъ мужика еретника, отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки пустоволоски, отъ желтаго зуба, отъ холостаго парня. Поди моя молитва въ раба Божья (имя рекъ) по бѣлому тѣлу, по могучимъ костямъ, по горючей кровѣ, по черной печенѣ, по ретивому сердцу, по яснымъ очамъ. Матушка святая водица, родная сестрица! бѣжишь ты по пенькамъ, по колодамъ, по лузямъ, по болотамъ, и бѣжишь чисто, непорочно; сними съ раба Божья (имя рекъ) всякія болѣзни и скорби. Аминь.»

Есть еще другой наговоръ, называемый «сномъ Пресвятыя Богородицы.

«Спала Мати Божія Пречистая Богородица Дѣва Марія въ городѣ въ Ерусалимѣ въ Божьей церквѣ на пристолѣ. Пришелъ къ Ней Іисусъ Христосъ. Дѣва моя Марія Пречистая Богородица! Гдѣ Ты спала, почивала? А Я спала почивала въ Божьей церквѣ на престолѣ и видѣла Я сонъ про Тебя ужастенъ и страшенъ: кабы Ты, мой Истинный Христосъ, воспоиманъ и связанъ, приведенъ къ кипаристу древу; тѣло Твое піяли, руки и ноги гвоздями прибивали, на главу терновъ вѣнецъ надѣвали, сквозь реберъ копьями прободали, святую кровь проливали, тѣло Твое падало, какъ кора дубовая. Кто сонъ Пресвятой Богородицы въ дому держитъ, за всякъ часъ прочитаючи, тому домъ наполняючи, и кто сонъ Пресвятой Богородицы въ путь носитъ, тому чистая путь, огненный его не беретъ, на огнѣ онъ не горитъ и на водѣ не тонетъ, и пулей того не убьетъ. Кто сонъ Пресвятой Богородицы слушаетъ, ту душу въ адъ не возьмутъ: возьмутъ душу ангелы Господни, понесутъ душу къ Одаму, къ Обраму, къ Асакъ-Аяку. На горѣ на прикрасѣ стоитъ древо, подъ древомъ дѣва, свѣчи она затепляла, Богу молилась, милости у Бога просила въ раба Божья (имя рекъ) человѣка. Поди моя молитва въ раба Божья (имя рекъ) человѣка по бѣлому тѣлу...» и проч. (до конца, какъ выше написано).

Наговоренною водою или обливаютъ больнаго въ банѣ, или, чаще, поятъ. Во время пріема воды наговорной или обливанья шептуницы читаютъ:

«Отъ Духа Святаго печать на немъ Христова, Спасова рука, Пречистой Богородицы крестъ. Тѣмъ крестомъ благословлю, тѣмъ крестомъ перекрещу. Крестъ спаситель, крестъ сохранитель, крестъ знаменущій, крестъ явленный, крестъ всему міру держава, крестъ церквамъ красота, а намъ бы, Господи, легота. Мои уста — замокъ, мой языкъ — ключъ: замкомъ замкну, ключемъ запру, замокъ въ море спущу, а ключъ на небеса заброшу. Аминь.»

Еще коротенькій наговоръ:

«Матушка заря вечерняя Дарья, утренняя Марея, полуночная Макарида! Какъ вы тихо потухаете-поблекаете денныя и ночныя, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) человѣкѣ потухли и поблекли денныя, ночныя и полуночныя. Аминь.»

Впрочемъ, занятія лекарокъ-шептуницъ не ограничиваются однимъ леченіемъ больнаго человѣка, больнаго скота, одними наговорами: онѣ на всякія штуки мастерицы. Каждая лекарка съ умѣньемъ угадывать и лечить болѣзни соединяетъ въ своей особѣ еще другое умѣнье—угадывать, гдѣ лежитъ затерявшаяся вещь, сами ли хозяева ее обложили, или она украдена, и кѣмъ. Извѣстное дѣло, что ворожея почти никогда положительно не угадываетъ ничего; но, разводя на бобахъ, раскладывая на картахъ или смотря въ ставецъ или ведро воды, она старается говорить двусмысленно, предоставляетъ просителямъ толковать ея слова въ какую угодно сторону. Послѣ, когда отъищется вещь, и когда при этомъ отъискавшіе начнутъ припоминать слова ворожеи, то, разумѣется, даютъ имъ толкованіе, сообразное обстоятельствамъ находки. Это очень естественно. За ворожбу даютъ деньги; а кому захочется сознаться, что онъ даромъ бросилъ деньги? Ворожеи, начинающія свое заманчивое для простолюдинокъ поприще съ угадываній положительныхъ, съ прямымъ указаніемъ на мѣста, гдѣ положена вещь потерянная, и на лица, которыми она покрадена, обыкновенно очень скоро теряютъ свою извѣстность.

Я сказалъ: поприще шептуницъ-ворожей заманчиво для простолюдинокъ. Да и какъ иначе? Ворожей между крестьянами вездѣ и всегда холятъ и почитаютъ: на крестьянскомъ пиру что дорогому свату чарка, то и ворожеѣ чарка, чтобы помнила добро, не забыла въ злой часъ, помогла горю при случаѣ. Украли у бабы сарафанъ, она ворожеѣ денегъ; заболѣли сынокъ, дочка, мужъ, лиходѣй до времени, а сердечный другъ, коли невзгода съ нимъ случилась,—опять къ ворожеѣ, и опять ей деньги; захворала коровушка—куда? извѣстно къ знахаркѣ-шептуницѣ съ поклономъ да съ деньгами, чтобъ приставила голову къ плечамъ, пособила въ нуждушкѣ. Отвсюду деньги, отвсюду поклоны. А ворожея себѣ только на бобахъ раскладываетъ, въ чисту воду поглядываетъ да надъ водой нашептываетъ: работа легкая-прелегкая, а деньги да поклоны валенёмъ валятъ.

Если крестьяне нашего уѣзда уважаютъ лекарокъ-шептуницъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что они чуждаются медиковъ, ихъ рецепты считаютъ дьявольскими росписками и проч. Приглашая священника напутствовать больныхъ, они вмѣстѣ обращаются къ нему за совѣтомъ, чѣмъ лечить больныхъ. Рѣдко бываетъ, чтобъ мужикъ не послушался совѣта священника и не съѣздилъ къ штатному лекарю, если ему позволяетъ капиталъ или домашнія обстоятельства. Крестьяне наши чаще бы, можетъ быть, обращались къ штатнымъ лекарямъ, если бы не выходило при этомъ нѣкоторыхъ неудобствъ. У насъ въ одномъ уѣздномъ городѣ почти нигдѣ не найдешь двухъ лекарей. Лекарь городовой — онъ же лекарь уѣздный, и наоборотъ. Такимъ образомъ, городскій лекарь, будучи исключительно занятъ свидѣтельствованіемъ мертвыхъ тѣлъ по уѣзду и практикой въ самомъ городѣ, мало имѣетъ времени заниматься просьбами мужиковъ, которые, притомъ же, не могутъ доставить должной платы за медикаменты, иногда дорогіе.

По отношенію къ извѣстнымъ случаямъ жизни, малмыжскіе крестьяне имѣютъ свои примѣты, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ *запукъ*.

Если воробышекъ прилетитъ и сядетъ на оконничную раму, это знакъ, что изъ того дома выйдетъ дѣвица въ замужство, если въ домѣ есть взрослая дѣвица; а если нѣтъ, это происшествіе сулитъ радостныя вѣсти.

Въ день Благовѣщенія Богородицы не сидятъ вечеромъ съ огнемъ и совсѣмъ не достаютъ его, изъ опасенія, чтобъ кого изъ семьи не убило молніей въ наступающее лѣто.

Въ Духовъ день не производятъ никакихъ земляныхъ работъ: не пашутъ, не боронятъ, не роютъ земли, и не втыкаютъ даже кольевъ въ землю, вслѣдствіе повѣрья, что будто въ этотъ день мать-земля именинница, и потому надобно дать ей отдыхъ.

Если нечаянно кто нибудь просыплетъ соль во время застолья семьи, то въ предупрежденіе, чтобъ отъ этого обстоятельства, какъ предвѣстника близкой ссоры, дѣйствительно не случилось ссоры въ семьѣ, хозяйка дома три раза беретъ просыпанной соли и кидаетъ черезъ лѣвое плечо.

Никогда не ложатся ногами въ передній уголъ, изъ опасенія подобной выходкой накликать на свою голову несчастіе.

Если въ какомъ дому много завелось клоповъ, то хозяйка этого дома вечеркомъ въ Петровское заговѣнье отправляется къ окну сосѣдняго дома и спрашиваетъ:

— Дома ли хозяева?

— Дома, отвѣчаютъ ей.

— Чѣмъ заговѣлись?

— Говядиной, яицами, молокомъ.

— А клопы чѣмъ заговѣлись?

— А ничѣмъ.

— Ну, такъ клопъ клопа ѣшь, послѣдній самъ себя съѣшь.

Отходитъ къ окну слѣдующаго дома и тамъ повторяетъ то же. Обходивъ, такимъ образомъ, домовъ десятокъ, хозяйка возвращается домой если не съ увѣренностію, то, по крайней мѣрѣ, съ надеждою, что отъ этого замысловатаго средства у нея въ дому непремѣнно переведутся клопы.

Въ Покровскую субботу кормятъ домашній скотъ и птицу лучше и больше обыкновеннаго: оттого скотъ и птица начинаютъ постепенно впродолженіе всей зимы жирѣть, хотя бы послѣ отпускался имъ и не слишкомъ хорошій кормъ.

Крестьянинъ, при входѣ въ лѣсъ за грибами, за ягодами или за чѣмъ нибудь другимъ, дѣлаетъ заговоръ: «я иду въ лѣсъ, клещь лѣзь на лѣсъ, а змѣя за угоду полѣзай подъ колоду.» Послѣ этого заговора змѣя его не ужалитъ и клещь не вопьется въ тѣло.

Не надобно ребенка кормить рыбой, прежде, нежели ему минетъ годъ. Въ противномъ случаѣ онъ долго не будетъ говорить.

Кошку никогда не берутъ въ подарокъ изъ дома въ домъ, если не хотятъ ссоры между этими домами. Въ предотвращеніе возможныхъ непріятностей отдаютъ нѣсколько копѣекъ за кошку.

Собачій вой, слышанный кѣмъ либо въ день именинъ, предвѣщаетъ слышавшему смерть.

Того, кто зачастую надѣваетъ чулки на изнанку, не любятъ люди.

Ежа держать въ дому не годится, затѣмъ, что домъ тотъ, въ которомъ онъ живетъ, непремѣнно постигнетъ несчастіе.

Для того, чтобъ не зашелъ въ домъ «еретикъ» (объясненіе этого слова см. въ 3-й статьѣ), втыкаютъ въ щели внутри дома и въ косяки дверей колючее дикое растеніе, называемое въ простонародіи чертогономъ и растущее во множествѣ на огородахъ.

Человѣкъ, знающійся съ дьяволомъ, въ церкви во время литургіи дальше Херувимской пѣсни стоять не можетъ, потому что дьяволы, съ которыми онъ не разстается, дальше этого времени не могутъ быть въ церкви.

Если во время дождя выйдетъ изъ-за облаковъ солнце — знакъ, что въ это время кто нибудь потонулъ.

Въ сочельники рождественскій и крещенскій не кормятъ куръ вовсе: вѣрятъ, что этимъ средствомъ можно отвратить ихъ отъ поползновенія летать въ огороды въ лѣтнее время

Не надобно ѣсть съ ножа, чтобъ не сдѣлаться злымъ.

Садиться на избной порогъ значитъ добровольно накликать на свою голову несчастіе. Въ особенности дѣвицы боятся садиться на порогъ, боясь, чтобъ женихи, которые засватаютъ ихъ впослѣдствіи, не отступились отъ своего намѣренія.

Крестьяне въ разговорахъ мастера употреблять разныя присловья. Вотъ нѣкоторыя:

Равнодушіе къ чужой бѣдѣ выражаютъ поговоркой: чужая корова для насъ все равно, что доена, что высосана.

Неодинаковость характера въ трезвомъ и пьяномъ состояніи у одного и того же человѣка выражается поговоркой: напьешься, такъ съ королемъ дерешься, а проспишься, такъ свиньи боишься.

О дѣтяхъ, которыя пошли умомъ въ дурака батюшку, говорятъ: отъ свиньи не родятся бобренки, а все поросенки.

Про того, кто взялъ жену издалека, а она вышла не лучше иныхъ прочихъ, говорятъ: ѣздилъ за Молому (рѣка въ Котельническомъ уѣздѣ) по ту же ворону, или: тотъ же навозъ издалека привезъ.

Про глупаго совѣтоподавателя говорятъ: по косому зеркалу не выправишь нарядъ.

Когда кто пожелаетъ кому нибудь исполненія дѣла, или вовсе не сбыточнаго, или которому сбыться трудно, но котораго исполненія всякій по своему состоянію желаетъ, тому говорятъ: и радъ бы въ корольки, да животы коротки.

Есть здѣсь повѣрье, что кто будетъ ограбленъ на день Св. Пасхи, тому вѣкъ житьемъ не поправиться. Это повѣрье въ шутку въ разговорахъ прилагаютъ къ дуракамъ. «Этотъ Ѳеклинко настоящій дуракъ; такой ужь испоконъ вѣку: умомъ-то ровно на Христовъ день ограбленъ.»

Про недогадливаго толкуютъ: умна бы голова, да черепъ толстъ.

Про безпутнаго человѣка, который ничѣмъ не вразумляется, говорятъ: пустой мѣшокъ не уставишь.

Негодяй, испытавшій тѣлесное наказаніе, успокоиваетъ себя поговоркою: на спинѣ не горохъ молотить.

Нерѣдко иной подъ видомъ благотворительности смекаетъ не столько о пользѣ другихъ, сколько о своей собственной; про того говорятъ: онъ хлопочетъ не для дружка, а для своего брюшка.

Про человѣка, который любитъ хвастать своимъ житьемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно не совсѣмъ завидно, говорятъ: у него лепешки каждой день безъ перемежки; три дня не пекутъ, тамъ опять ничего.

ГЛАВА V.

Демонологія крестьянъ. — Домовой.

Крестьяне вѣрятъ существованію нечистой силы въ различныхъ видахъ. Каждый нечистый духъ относится къ особенному разряду, который опредѣляетъ его служебныя должности, характеръ, странности и причуды, и который даетъ ему особое отъ другихъ видовъ имя. Должности одного вида нечистыхъ духовъ не имѣютъ никакого отношенія къ должностямъ другаго: всякій чортъ знаетъ свое дѣло и въ чужія сани, по пословицѣ, не садится. Нечистыхъ духовъ, которые ближе прочихъ держатся къ людямъ, ощутительнымъ образомъ сообщаются съ ними, являются на свѣтъ Божій въ человѣческихъ образахъ, здѣшніе крестьяне дѣлятъ на четыре разряда: на домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ и кладовыхъ.

Домовой завѣдываетъ хозяйскими конюшнями и хлѣвами; бережетъ хозяйскій скотъ или губитъ его. На каждый дворъ полагаютъ по домовому. У каждаго домоваго свой вкусъ: одинъ любитъ шерсть бурую, другой черную, третій бѣлую. Если у хозяина дома въ одну зиму околѣли рыжій жеребенокъ и потомъ рыжій теленокъ, значитъ домовой его двора не любитъ краснаго цвѣта, и хозяинъ ни за что не будетъ держать рыжихъ лошадей и коровъ. Домовой не любитъ въ особенности двоежильныхъ лошадей. Крестьянинъ увѣренъ, что если попадетъ двоежильная лошадь въ конюшню его, домовой постарается уходить ее. А когда домовому удастся задушить двоежильную лошадь, тогда онъ умертвитъ въ той конюшнѣ за нею еще двѣнадцать лошадей, одну за другою. Поэтому добрый хозяинъ двоежильной лошади не возьметъ даромъ. Начнетъ у лошади путаться и полститься грива, это знакъ, что ту лошадь полюбилъ домовой и плететъ ей косу. Правда, домовой какъ будто не косу плететъ, а только гриву путаетъ; но гдѣ же домовому умѣть хорошенько плесть косы, какъ плетемъ мы? Домовой не любитъ цѣлую ночь оставаться впотьмахъ, достаетъ огня посредствомъ огнива и кремня, и теплитъ восковыя тонкія свѣчи; цвѣтъ огня его синій. Съ этимъ огнемъ онъ каждую ночь обходитъ дозоромъ конюшни и хлѣвы и, пересыпавъ овесъ отъ нелюбимой лошади къ лошади, которая ему по нраву, тушитъ огонь. Если у хозяина въ конюшнѣ одна изъ двухъ лошадей отъѣдается, а другая худѣетъ, это приписываютъ продѣлкамъ домоваго. Домовой, въ отсутствіи хозяина, носитъ его одежду, и всегда успѣваетъ ее положить на мѣсто, какъ скоро хозяинъ вздумаетъ надѣть ее на себя. Чтобъ расположить домоваго къ животному, которое онъ не любитъ, кладутъ въ щели хлѣва козьей шерсти, съ разными приговорами: шерсть козью домовой чрезвычайно любитъ. Вообще, домовой больше расположенъ хозяину дѣлать добро, нежели зло.

Домовой кажется людямъ старикомъ, но ростомъ съ пятилѣтняго ребенка, всегда въ красной александринской рубашкѣ, перепоясанной шелковымъ синимъ поясомъ. Онъ совсѣмъ старикъ: лицо сморщенное, борода бѣлая, волосы на головѣ сѣдо-желтые; но глаза всегда горятъ огнемъ. Впрочемъ, человѣку домовой кажется очень рѣдко, и только передъ тѣмъ временемъ, какъ должно прилучиться съ тѣмъ человѣкомъ большое несчастіе, бѣда неминучая. Вотъ разсказъ о подобномъ случаѣ.

Однажды поденьщица, вставъ съ постели, поутру, какъ есть, умылась, повязалась, Богу помолилась, затопила печь да и пошла въ сѣни за ведрами, чтобъ сходить за водой на рѣку. Приходитъ въ сѣни, беретъ коромысло, а ведеръ пошарила-пошарила, не могла впотьмахъ отъискать. Воротилась въ избу, зажгла лучину, пришла опять въ сѣни— смотритъ: ведеръ нѣтъ. Что за оказія? Баба наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья, догадалась. «Это, видно — говоритъ она про себя — сосѣдъ Макаръ Михѣичъ пошутилъ, утащилъ ведро къ проруби на рѣку да и ждетъ тамъ меня.» Бѣжитъ баба съ коромысломъ къ рѣкѣ, сама подъ носъ толкуетъ: «ну ужь этотъ Макаръ Михѣичъ....» Подбѣгаетъ къ проруби, смотритъ: маленькій старичокъ въ красной рубахѣ черпаетъ ея ведрами изъ проруби воду, чтобъ гнѣдуху напоить, а самъ такъ и уставился на нее.... глаза огневые, какъ два каленые угля....

— Съ нами крестная сила! залепетала въ испугѣ поденьщица: — не къ добру, ой, не къ добру показался домовой!

Оборотилась баба, хотѣла бѣжать домой, да ноги служить отказались, какъ будто подсѣкло ее: на дому-то ея всю крышу такъ пламенемъ и обняло.

Домовые, такъ же, какъ и люди, женятся и имѣютъ при себѣ по одной женѣ. Разница только въ томъ, что у насъ православныхъ, въ случаѣ смерти двухъ женъ, позволяется жениться только на третьей, а у домовыхъ это позволеніе простирается до четвертой. Дѣти ихъ мужескаго пола поступаютъ на должности домовыхъ во вновь построенные дворы, а дочери выходятъ замужъ за другихъ домовыхъ. При женитьбѣ домоваго строго разбираются степени родства. Домоваго, посягнувшаго жениться на родственницѣ своей, другіе домовые сожигаютъ на синемъ огонькѣ, и многія знахарки слыхали, какъ домовые жалобно воютъ въ хлѣвахъ при послѣднемъ издыханіи. На другой день, послѣ сожженія домоваго, поступаетъ на его должность другой и въ поминокъ о старомъ домовомъ непремѣнно заставитъ курицу пропѣть по пѣтушиному. Изъ этого видно, что послѣ несчастія, случившагося съ домовымъ, должна постигнуть бѣда кого нибудь изъ обитателей дома, въ которомъ жилъ домовой, потому что пѣніе курицы по пѣтушиному всегда предвѣщаетъ бѣду.

Домовой любитъ всякое окуриваніе, какое крестьяне употребляютъ у себя на домахъ, но не любитъ табачнаго занаху. Свое неудовольствіе за куреніе табаку вымещаетъ онъ, по обыкновенію, не на томъ, кто курилъ, а на самомъ хозяинѣ дома.

Пріѣзжаетъ къ Ермилу о праздникѣ гость изъ сосѣдней деревни. Звали его Игошей. Ермилу былъ онъ родня: сватовъ внукъ, да покойному племяннику его крестовый братъ, — парень хорошій, да голова больно удала: не боится смертнаго грѣха — табачишко покуриваетъ. Однажды, подъ хмѣлькомъ, онъ было закурилъ и при всей компаніи, да какъ Ермилъ порвалъ его, для примѣру, по свойски, за уши да забросилъ у него трубку въ печь, такъ съ тѣхъ поръ парень совсѣмъ пересталъ у него дымить поганью. Паренекъ на это не осерчалъ: быль молодцу не укора. Но, видно, не пошелъ Игошѣ въ прокъ ермиловъ урокъ, впрямь долбилъ Данило, да вкось ушло долбило. Игоша, въ первую же субботу, въ Поляны на базаръ, и промыслилъ новую трубчонку. Нельзя же вдругъ запамятовать и ермилова урока: нашъ парень сталъ оглядываться: какъ, бывало, пріѣдетъ куда, кошель съ табакомъ въ саняхъ и оставитъ, а тамъ, чуть случай изноровится, выйдетъ на улицу, встанетъ за уголокъ, да и курнетъ. Пріѣзжаетъ онъ опять къ Ермилу въ гости.

— Здорово по здорову.... ну, говоритъ, съ праздникомъ.

— Благодарствуй! говоритъ Ермилъ.

— Хлѣбъ да соль, говоритъ Игоша.

— Добро пожаловать къ нашему хозяину, сказали гости.

— Милости просимъ, сказалъ Ермилъ: — каково поживаешь, Игоша?

— Живемъ мало-мало.

— Ну, а что, такой-сякой, поди, опять съ соскомъ?

— Нѣтъ, говоритъ: — опокинулъ; провалъ ее бей и съ трубкой-то.

— То-то же, сказалъ Ермилъ, погладивъ бороду и самодовольно улыбнувшись въ виду всей честной компаніи.

Пошелъ Игоша выпрягать Игренька, выпрягъ его, далъ сѣна, а самъ въ хлѣвъ да и за трубку, накурился, пришелъ, сѣлъ за столъ, не што ему. Къ ночи домой.

— Баба! вздуй-ка огня, заговорилъ ночью Ермилъ: — что-то тошно мнѣ: сусѣдко (домовой) чуть совсѣмъ не задавилъ. Такъ навалился дьяволъ, что ни дыхнуть, ни охнуть не даетъ. А съ чего бы? Кажись, вечеромъ плотно поужиналъ.

Засвѣтила баба огня. Отдышался Ермилъ, потомъ зажалъ ногой лучину и легъ, какъ раньше лежалъ, навзничь. Заснулъ — опять тотъ же приливъ крови къ груди.

— Баба! огня! Фу ты, Осподи! измучитъ меня этотъ сусѣдко совсѣмъ.

Проспалъ ночь кое-какъ Ермилъ.

Поутру баба его пошла въ погребъ. Смотритъ замѣтки на корчагахъ съ пивомъ; на одной корчагѣ замѣтка лежитъ не такъ.

— Ты, говоритъ она мужу, не входя въ избу: — не ходилъ ли ночью въ погребъ?

— Какую ворогушу тамъ я позабылъ! отвѣчаетъ сердито Ермилъ.

— Можетъ, молъ, испить захотѣлъ.

— Аль не было питья-то въ избѣ?... А что?

— Такъ вотъ! кто-то замѣтку въ одной корчагѣ сшевелилъ.

— Замѣтку.... Положила краюшку подъ кокору, а не знаешь, подъ котору. Чай, сама обзабыла, какъ положила замѣтку-то.

На томъ и порѣшили. А притча-то въ томъ, что разозлившійся домовой, оставивъ Ермила, отправился въ погребъ, да и насыпалъ въ одну корчагу зелья, которымъ ссорятъ мужей съ женами, а положить замѣтку на мѣсто и не догадался.

— Не знай, что-то голову все ломитъ, говоритъ Ермилъ.

— Вишь, не доспалъ. Вечерошній-то хмѣль изъ головы не вылѣзъ. Испей пивца натощакъ.

— А и такъ. Тащи-ка.

Взяла хозяйка братину, начерпала изъ той корчаги (недогадливая), на которой замѣтка сдвинута была, поподчивала Ермила, да и сама заурядъ испила.

И пошло, съ тѣхъ поръ, у Ермила съ женою согласье коромысломъ. А до тѣхъ поръ какъ совѣтно жили! Прежде, бывало, Ермилъ хоть и погоняетъ за что жену, дастъ ей тукманку-другую, такъ ужь за дѣло. Надо же поучить жену, если подожжетъ хлѣбъ въ печи или пиво испортитъ! А тутъ за дѣло и безъ дѣла нашъ Ермилъ знай тузитъ свою бабу, знай хаетъ ее, проходу не даетъ. Да и баба-то ровно взбѣсилась. Бывало, она схватитъ отъ Ермила колотушку, проплачется, утрется запономъ да и наровитъ опять заговаривать съ нимъ. А тутъ только того и гляди, чтобъ дѣлать въ супротивность своему хозяину.

Живутъ они этакъ долго. Сталъ догадываться Ермилъ. Это что нибудь да недаромъ. Жили они съ бабой лѣтъ двадцать, да этакаго времечка не запомнятъ. Жена бывала ретива, да все же не бывала такъ нравна. Пошелъ Ермилъ къ знахарю. Знахарь, посмотрѣвъ въ водѣ, разсказалъ ему все, какъ въ руку положилъ. Всему виною былъ

Игоша, который надоѣлъ табакомъ домовому, а этотъ ну вымещать свою досаду на Ермилѣ.

— Экой проклятой! курить по хлѣвамъ! А мнѣ вовсе не въ домекъ.

Далъ знахарь Ермилу стаканъ вина, въ которое положилъ щепотку толченаго ладану съ наговоромъ; выпили его Ермилъ съ хозяйкой и стали жить по старому — дурь какъ рукой сняло.

Явленіе домовыхъ въ очью, гибельное для людей, не знающихся съ нечистой силой, нисколько не опасно для знахарей, которые живутъ съ ними за панибрата, если эти знахари сами исполняютъ условія, заключенныя съ домовыми при знакомствѣ. Способъ сойтись съ домовымъ и заставить его оказывать себѣ услуги довольно многосложенъ. Есть трава плакунъ, растущая въ болотахъ и имѣющая корень чернаго цвѣта. Но плакунъ съ чернымъ корнемъ ни къ чему не годенъ: надобно постараться найти плакунъ съ бѣлымъ корнемъ и навѣсить его себѣ на шелковый поясъ. Къ этому надобно взять озими, добытой съ трехъ полей, завязать ее въ узелокъ, узелокъ привязать къ змѣиной головкѣ, которая должна висѣть на гайтанѣ вмѣсто креста. Въ одномъ ухѣ должна быть вложена козья шерсть, которую въ особенности уважаетъ домовой, а въ другомъ — послѣдній, въ порядкѣ домашней пряжи, клочокъ шерсти лѣтнины, который крестьянка бросаетъ, когда допрядетъ кудель, и который должно подобрать так, чтобъ никто изъ домашнихъ не видалъ того. Потомъ должно перенадѣть сорочку на ночь, то есть на лѣвую сторону, взять горшовикъ и отправиться ночью въ хлѣвъ, гдѣ, завязавъ глаза этимъ горшовикомъ, сложеннымъ вчетверо, и, затворивъ плотно за собою дверь, должно сказать: «сусѣдушко-домосѣдушко! рабъ къ тебѣ идетъ, низко голову несетъ; не томи его напрасно, а заведи съ нимъ пріятство, покажись ему въ своемъ обликѣ, заведи съ нимъ дружбу да служи ему легку службу.» Эти слова искатель знакомства съ домовымъ долженъ повторять до тѣхъ поръ, пока не услышитъ пѣтушинаго пѣнія или легкаго шороха въ хлѣвѣ. Въ первомъ случаѣ ему нечего дѣлать, кромѣ какъ итти спать и приходить въ хлѣвъ на слѣдующую ночь; а въ послѣднемъ случаѣ немедленно долженъ онъ схватиться одною рукою за корень плакуна, а другою за змѣиную головку, и крѣпко держаться за нихъ, что бъ ни дѣлалъ домовой. Если искатель знакомства съ домовымъ не успѣетъ этого сдѣлать или опуститъ изъ рукъ плакунъ, или змѣиную головку, то домовой, схвативъ гайтанъ, порветъ его и змѣиною головкою, повѣшенною на немъ, до полусмерти застегаетъ неловкаго мужика. Въ случаѣ успѣха мужикъ увидитъ передъ собой крошечнаго старика съ огневыми глазами, въ красной рубашкѣ и съ восковой въ рукѣ свѣчею, горящею синимъ огнемъ. Свиданіе начинается условіями. Сначала условія предлагаетъ домовой. Кромѣ безусловно строгой тайны ихъ знакомства, онъ требуетъ отъ искателя, чтобъ тотъ: 1) на каждую ночь представлялъ ему по копѣечной восковой свѣчѣ и поставлялъ свѣчи или оптомъ на годъ, или какъ вздумается маетъ, только чтобъ домовой не оставался безъ освѣщенія ни одной ночи, и 2) непремѣнно держалъ на дворѣ козу. Но если хотя на одинъ день не будетъ на дворѣ козы или хоть по одну ночь домовой останется безъ освѣщенія, то между домовымъ и мужикомъ прекращается дружба. Крестьяне увѣряютъ, что прежде, нежели искателю удастся познакомиться съ домовымъ, домовой ужь мало-мало, что раза два-три непремѣнно застегаетъ его до полусмерти гайтаномъ со змѣиной головкой или шелковымъ поясомъ съ корнемъ плакуна, и искатель въ это время хоть во все горло кричи, его никто не услышитъ въ трехъ шагахъ отъ хлѣва. На выдумки, какъ обмануть искателя, домовой очень замысловатъ. Прежде онъ начнетъ запутывать повязку изъ горшовика: искатель оторопѣетъ, схватится за повязку и начнетъ ее распутывать, но второпяхъ непремѣнно запутаетъ ее еще больше. Тогда домовой тотчасъ срываетъ съ мужика гайтанъ и поясъ и начинаетъ его, по выраженію крестьянъ, дубасить ими, или, если домовой не успѣетъ обмануть искателя на повязкѣ, начинаетъ развязывать поясъ. Искатель въ одной рукѣ держитъ корень плакуна, а другою въ испугѣ крѣпко схватываетея за поясъ и, такимъ образомъ, оставляетъ безъ защиты гайтанъ, которымъ тотчасъ овладѣваетъ домовой, къ несчастію мужика. Не обманувъ его на поясѣ, домовой старается обмануть на гайтанѣ. Это испытаніе искатель знакомства съ домовымъ долженъ выдерживать, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ полчаса. А крестьянинъ, прекратившій съ домовымъ знакомство, самый пропащій человѣкъ. Онъ непремѣнно раззорится и сойдетъ съ ума, а если и не сойдетъ съ ума, то непремѣнно умретъ безъ покаянія, а съ его потомствомъ до четвертаго колѣна будутъ случаться безпрестанныя несчастія.

За условіями, предложенными отъ домоваго, настаетъ очередь мужика предлагать условія домовому: домовой обязывается доводить до свѣдѣнія знахаря все, что дѣлается на свѣтѣ, и помогать ему во всѣхъ дѣлахъ.

Ловкіе знахари при народѣ берутъ изъ церкви свѣчи цѣлыми горстями, какъ будто для домашняго употребленія. А догадливый народъ тотчасъ смекаетъ, на какое дѣло пригодны Антону свѣчи. Простоваты же и знахари-то: сами себя выдаютъ! Между тѣмъ, слава ихъ отъ этой простоватости растетъ чрезвычайно.

Домовой ежеминутно требуетъ отъ своего знакомца работы: не безпокоитъ онъ его только во время сна, но днемъ не даетъ ему покоя. Поѣхалъ ли знахарь на мельницу, поѣхалъ ли въ лѣсъ или въ гости, домовой все съ нимъ: неотступно проситъ у него дѣла. Чтобъ отвязаться отъ докучливости домоваго, знахарь поручаетъ ему такое дѣльце, которое свыше силъ домоваго: заставитъ его принесть въ колоду лошадямъ рѣшето воды съ рѣки, или пересчитать на нивѣ зерна во всѣхъ колосьяхъ, и т. п. Домовой уходитъ, черпаетъ изъ рѣки рѣшетомъ воду — вода выбѣгаетъ назадъ въ рѣку, а онъ все черпаетъ, и впродолженіе цѣлыхъ сутокъ не имѣетъ права оставить работы, которую ему задастъ его знакомецъ. Пойдетъ домовой на заимку, считаетъ зерна въ колосьяхъ, считаетъ, считаетъ да и собьется въ счетѣ; опять сначала давай считать. Глядишь, и просчитаетъ цѣлыя сутки. Между тѣмъ, знахарь выдумываетъ, какую задать ему на другія сутки работу, чтобъ отлучить его отъ себя.

Мужикъ, дружный съ домовымъ, неразговорчивъ. На праздникахъ деревенскихъ онъ, повидимому, мало принимаетъ участія въ весельи; ни говоръ, ни смѣхъ другихъ не вызываютъ улыбки на его лицо. Онъ представляетъ изъ себя какого-то старика, котораго состарило не время, а тяжкія жизненныя волненія. Онъ всегда и вездѣ старается разъигрывать роль человѣка загадочнаго, говоритъ всегда не спроста, загадками, норовитъ сказать все подъ рифму и для ней жертвуетъ смысломъ рѣчи; а потому въ словахъ его простодушные собесѣдники всѣми силами стараются найти толкъ. Чѣмъ меньше знахаря понимаютъ въ разговорахъ, то есть, чѣмъ онъ безтолковѣе говоритъ, тѣмъ выше становится во мнѣніи своихъ слушателей.

Существованію нелѣпаго знакомства людей съ домовыми, а также пользѣ, которую извлекаютъ себѣ люди отъ этого знакомства, вѣрятъ безусловно почти всѣ крестьяне. Невольно приходитъ на мысль вопросъ: скоро ли грамотность, распространяемая правительствомъ между крестьянами, выгонитъ эти безразсудныя вѣрованія изъ круга простонародныхъ убѣжденій?

Знахарю во всемъ удача. Онъ не только про то, что ему нужно, онъ и про людское все знаетъ, да еще какъ знаетъ! не выходя изъ дому. Пойдетъ знахарь мочало закупать, онъ копѣйкой, двумя дешевле покупаетъ противъ другихъ, а сдаетъ дороже цѣлымъ пятакомъ. Пойдетъ ли стрѣлять бѣлокъ, — иной въ цѣлую осень не добудетъ сотни, а онъ въ недѣлю нахлопаетъ сотъ до двухъ. Пойдутъ мужики косить траву — знахарь ни съ мѣста; мужики послѣ плачутся, что у нихъ подкошенная трава ужь съ недѣлю гніетъ подъ дождемъ, а у знахаря стоитъ на корню не подкошена, подрастаетъ да вызрѣваетъ. Прошла недѣля, выпало ведро: мужики огребаютъ въ копны гнилое сѣно, а знахарь коситъ да на другой день послѣ нихъ сметываетъ въ кабаны свое зелено-зеленешенько. А сколько народу ходитъ къ знахарю! Кто проситъ совѣта, кто помощи, всѣ кланяются, всѣ несутъ денежки. Знахарь не садится безъ харча за столъ, не пропуститъ дня, не отвѣдавъ откупщичьей сладости, если захочетъ, можетъ быть вѣкъ пьянъ.... Много прибыли отъ знакомства съ домовымъ, и если бы не страхъ, что до полусмерти забьетъ гайтаномъ, всѣ полѣзли бы въ знахари.

— Не искалъ ли и ты когда нибудь на своемъ вѣку знакомства съ домовымъ? спросилъ я крестьянина, который сообщилъ мнѣ большую часть свѣдѣній, относящихся къ демонологіи поселянъ нашего уѣзда.

— Былъ грѣхъ одинова, сказалъ онъ. — Врагъ ли ужь попуталъ, самъ ли натолкнулся на грѣхъ, не умѣю сказать.

— Разскажи, пожалуйста.

— Взялъ я, знаешь, испасся (запасся), какъ надо, досталъ и плакуна и все, и рубашку выворотилъ, ну и въ уши, знаешь.... Иду въ хлѣвъ.... Дума думу бьетъ; боюсь до смёртоньки. Постоялъ, постоялъ, однако, завязалъ глаза, вошелъ въ хлѣвъ и дверь за собой затворилъ. А сердчишко такъ выскочить и хочетъ. Собрался кое-какъ съ духомъ; только хотѣлъ сказать: сусѣдушко, молъ, домосѣдушко, какъ вдругъ меня кто-то что есть мочи толкнулъ пребольшущимъ кулакомъ въ брюхо, ино чуть я устоялъ. Ноги подкосились у меня; вотъ, думаю, бѣда-то. Попятился я маленько, слышу: кто-то тянетъ меня за поясъ. Держусь плотно и за поясъ и за гайтанъ. Тутъ опять толкъ въ брюхо и опять тянетъ за поясъ; да этакъ-то разъ съ десять, больше: то толкнетъ кто-то въ брюхо, то за поясъ потянетъ. Поясъ былъ крѣпкій, только купилъ бабѣ. Прижало меня ужь къ самой стѣнѣ. Потъ такъ съ меня и льетъ, рубашка стала сыра. А толкать кулачищемъ въ брюхо да тянуть за поясъ проваляцій не унимается. Не стало ужь моей моченьки, закричалъ я во все горло: кричу, одно что кричу, а опустить изъ рукъ гайтанъ и поясъ все не смѣю. Наконецъ слышу, бѣгутъ домашніе. Я давай пуще кричать. Отворили хлѣвъ. Что ты, Софронъ, что ты? кричитъ моя баба. Слышу и братовъ голосъ. Тутъ ужь я ободрился, сорвалъ повязку, гляжу: что, молъ?—а мой черный баранъ все еще толкаетъ меня въ брюхо.... разозлился шатунъ. Онъ въ первой-то разъ какъ бухнулъ меня въ брюхо-то, и попалъ рогами за поясъ. Мои же ребятишки пріучили его бостись: только кого увидаетъ, бодетъ всякаго. Баранъ-отъ, знаешь, тутъ отсаженъ былъ отъ овечекъ и сидѣлъ одинъ. Какъ послышалъ меня и ухватился за свой промыселъ. Проклятый! Трои сутки послѣ того я маялся животомъ.

ГЛАВА VI.

Водяной.

Чертями называютъ всѣхъ нечистыхъ духовъ вообще, и водяныхъ въ особенности: при разговорѣ, съ именемъ чорта всегда соединяется понятіе о водяномъ. Водяной является людямъ, то же, какъ и домовой, человѣкомъ пожилымъ, но не маленькимъ, а въ обыкновенный ростъ мужчины, только съ клинообразной головой, большимъ одутловатымъ брюхомъ, какъ и слѣдуетъ быть водяному, съ расплывшимся лицомъ и длинными, совершенно непропорціональными съ туловищемъ ногами. Водяные живутъ въ озерахъ, прудахъ, во всѣхъ значительныхъ глубинахъ рѣкъ, называемыхъ омутами, и въ особенности при мельницахъ. На каждую мельницу полагаютъ по водяному и даже по нѣскольку водяныхъ, если мельница состоитъ не изъ одной клѣти и если еще каждая клѣть имѣетъ въ себѣ по два или по три постава. Каждый водяной завѣдуетъ своимъ водянымъ колесомъ или двумя, если водяныхъ мало живетъ на мельницѣ. Водяной имѣетъ способность сидѣть на верху колеса даже и въ то время, когда колесо на ходу. Если мельникъ успѣлъ поладить съ водяными, то мельница его приноситъ хозяину выгоду; а если мельникъ не знатокъ своего дѣла, то есть не знаетъ, какъ задобрить водяныхъ, мельница его безпрестанно останавливается: то водяной оберетъ у шестернаго колеса пальцы, то прососетъ дыру у самыхъ вешниковъ, и вода уйдетъ изъ пруда, прежде нежели мельникъ успѣетъ замѣтить проказу водянаго, то прорветъ плотину, то нагонитъ поводь или стопитъ совсѣмъ колеса. На продѣлки онъ большой мастеръ. Поэтому крестьянинъ хозяинъ мельницы, если онъ человѣкъ состоятельный, никогда не найметъ въ мельники человѣка новаго, не бывалаго, а старается найти такого, который бы пользовался репутаціей мельника бывалаго, хоть бы пришлось ему платить вдвое дороже. Мельникъ, дружный съ водянымъ, ходитъ спать съ нимъ на одну постель подъ мельничное колесо, и никто еще не видалъ, чтобъ онъ выходилъ оттуда мокрымъ. Водяной, когда раздобрится, пускаетъ къ себѣ на постель и не однихъ мельниковъ-знахарей.

Отправился по осени Ѳедотъ въ лѣсъ дрова рубить. Расходились руки у Ѳедота: знай таскаетъ и устали не слышитъ; а ему и не въ примѣту, что стали сумерки заволакивать. Нарубилъ ужь далеко больше сажени, глядитъ: совсѣмъ темнѣть стало. Встрепенулся мужикъ, топоръ за поясъ да и пошагалъ къ дому. Отошелъ съ версту, наготово затемнѣло, зги не видно, а онъ изъ чащи далеко еще не выбрался: не то о колоду запнется, не то на сукъ набредетъ, не то прутомъ хлестнетъ его по лицу; хоть ложись середь сыра бору, такъ въ ту же пору. Ѳедотъ зналъ лѣсъ, какъ свои пять пальцевъ: вотъ онъ и сталъ огибать впотьмахъ трущобы, пошелъ по околицамъ, гдѣ лѣсъ почище. Идетъ, идетъ, будто ладно, долго идетъ, а на поляну все выбраться не можетъ. Шелъ еще много времени, выбрался-таки на чистое мѣсто, а не знаетъ, на какое. Осмотрѣлся бы, да темень такая, что и кошка ослѣпнетъ. Сталъ дождикъ накрапывать, а мужикъ все идетъ по полянѣ, не зная самъ, ладно ли держитъ путь. Вдругъ слышитъ: въ сторонѣ кто-то чихнулъ. Мужикъ остановился, слушаетъ: опять кто-то чихнулъ да и прикрякнулъ.

— На добро здоровье! крикнулъ Ѳедотъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, было ему отвѣтомъ.

Пошелъ Ѳедотъ на голосъ. Сошлись.

— Здорово, говоритъ незнакомецъ.

— Здоровенько, говоритъ Ѳедотъ, не видя, кто тутъ стоитъ.—Ты что? Знать, какъ я же, заблудился?

— А ты куда шагаешь? спрашиваетъ незнакомецъ.

— Рубилъ, братъ, въ Застружскомъ лѣсу дрова, да вотъ пробираюсь въ Малиновку. Я Ѳедотъ съ Малиновки.

— Экъ те ошунуло! Пошелъ на солновосходъ, а очутился на закатѣ. Шагни еще разъ пять, такъ и улѣзешь въ Полянской затонъ. Да вотъ этто за рѣкой прямо и Ботыли.

— Ботыли? Неужто? Экъ чортъ мнѣ оглобли-то куда повернулъ! Чуть не на десять верстъ удралъ отъ мѣста, а до дому и всѣ двѣнадцать будутъ.

— Наткось! Мало сказываешь, съ придачею будетъ.

— А ты откуда?

— Съ Мериновщины. Аль Филата не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю, говоритъ Ѳедотъ. — Такъ куда же мнѣ теперь?

— Куда? Жилья вѣдь здѣсь поблизости нѣту-ка, а черезъ рѣку теперь какъ, да и на чемъ? Пойдемъ, парень, ко мнѣ въ шалашъ, коли хошь.

— Ладно. Ты, знать, бѣлокъ бьешь? Много ли надобывалъ?

— Есть-таки.

— Да ты куда это? Ровно въ логъ идешь?

— Въ логъ и есть. У меня тутъ охапка другая и сѣна есть на постилку. Шалашуха хоть не взъемиста, ну, по одежкѣ и ножки тяни, двоимъ улечься можно. Ты только крышу руками не шевель.

— Ну, сказалъ Ѳедотъ, — а самъ думаетъ: «почему бы это не тронуть крышу?»

Взлѣзли Филатъ съ Ѳедотомъ на колѣнкахъ въ шалашъ, посидѣли, побалянтрясили малую толику. Ѳедота сонъ съ устатку такъ и примариваетъ: растянулся онъ, да и заснулъ. Вдругъ черезъ нѣсколько времени пробуждается онъ отъ сильнаго шума надъ крышей. Въ шалашѣ блѣдноватый свѣтъ: свѣтать ужь начало. Лежитъ Ѳедотъ навзничь, смотритъ, крыша у него ровно водяная, а тамъ вверху будто волны такъ и бурлятъ.

— Филатъ! а, Филатъ! что это крыша-то? говоритъ Ѳедотъ, а ужь и протягиваетъ руку.

— Не шевель, говорятъ тебѣ, спи до вставанья.

Переворотился на бокъ Ѳедотъ, а самъ на крышу все искоса поглядываетъ да подумываетъ: что это за Филатъ? Филатъ Филату рознь, — не ровенъ часъ: иной разъ такой Филатъ навернется, что не знаешь, какое имя къ нему лучше подбирается. Переворотился опять на другой бокъ лицомъ къ Филату. Филатъ спитъ, и полушубокъ у него распахнулся: брюхо, какъ у коровы, ноги лошадиныя длинныя-предлинныя, на головѣ шапка съ острымъ верховищемъ, а рожа одутловатая, лопнуть хочетъ, ино стеклится. «Не шибко же поставенъ», подумалъ Ѳедотъ, а самъ опять на крышу уставился. Свѣтать пуще стало. Онъ и увидалъ, что вмѣсто крыши надъ всѣмъ шалашомъ натянута ровно паутина, а на паутинѣ вода, настоящая вода, вотъ такъ и переливается. Не могъ нересилить себя Ѳедотъ, взялъ да пальцемъ и ткнулъ въ крышу-то. Вода вдругъ и побѣжала.

— Филатъ! ай, Филатъ! вода почто-то сверху бѣжитъ.

— Ахъ ты неслухъ этакой! Ну, придется тебѣ покупаться, коли крышу просочилъ.

Самъ какъ соскочитъ, такъ всю крышу и прорвалъ. Ѳедотъ очутился весь въ водѣ на самомъ днѣ омута. Толкнулся ногами и всплылъ наверхъ, глядитъ: онъ середь затона. Тутъ думать нечего! Зачалъ отмѣривать Ѳедотъ сажени, поплылъ къ берегу, чуть не утонулъ, совсѣмъ выбился изъ силъ. Выплылъ, отряхиваться нечего: весь мокрехонекъ; смотритъ: куда плыветъ Филатъ. Филатъ вынырнулъ, погрозилъ пальцемъ Ѳедоту, оскалилъ зубы, снялъ шапку, кивнулъ ему головой, да и на дно. «Съ нами крестная сила, сказалъ Ѳедотъ, перекрестясь: — сгораздило же меня ночевать въ шалашѣ у водянаго!»

Водяные живутъ полными домохозяевами. У нихъ въ омутахъ и озерахъ есть палаты каменныя, большія-пребольшія. Водяные всегда женаты. Водяной прекрасный полъ несравненно безобразнѣе мужескаго. Водяные имѣютъ помногу дѣтей. Старшіе вмѣстѣ съ матерями пасутъ по ночамъ на ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства выгонахъ свой скотъ: коровъ, телятъ, овецъ, свиней и проч., а маленькіе чертенята бѣгаютъ, гдѣ вздумаютъ, никѣмъ не видимые. Водяной женится и на людскихъ дѣвицахъ, которыхъ уводитъ къ себѣ, если онѣ отсулены чорту отцомъ или матерью.

Живетъ на одномъ селѣ вдова Авдотья самъ-другъ съ дочерью Фетиньей. Вдовье житье, извѣстно, каково: ни сопьешь, ни съѣшь небось сладенько, все со слезами пополамъ. Дѣвка у Авдотьи вышла хоть куда, ровно писаная, гладкая, дородная; работать, такъ плохаго мужика за поясъ заткнетъ. Ну, бѣдность одолѣла, такъ что доспѣешь? Не ѣдутъ богатые женихи, а за голышей итти не охота, хоть тѣ давно ужь ее съ руками рвутъ. «Что мнѣ — говоритъ дѣвка — вѣкъ-отъ маяться все равно. Мнѣ и дома съ мамкой не хуже, чѣмъ съ ними жить.» А у самой давно ужь дума думу бьетъ: «какъ-де это людямъ достается счастье? Вонъ у Фили по осени дѣвку отдали въ какой домъ! А что она супротивъ меня? Прясти пущай прядетъ, какъ и всякая; а ткать.... да ей ни одного перебору не выткать. Тошно мнѣ!» Вздохнетъ дѣвка, поправитъ лучину, примется за пряжу, ино веретено поетъ. Попрядетъ, попрядетъ, да опять и опуститъ бѣлы рученьки на колѣни, уставится глазами во что ни есть и не мигнетъ, а слезы такъ въ три ручья и гонятъ. Истомилась вдова, глядя на свое дитятко. Нужда не такъ бы сушила ее, какъ бы да не дочернины слезы. Поглядитъ, поглядитъ старуха на дочь, да и ну выть, ну причитать. Однимъ временемъ, послѣ вытья да причитанья, вдругъ она и обмолвись: «хоть бы чортъ да подостаточнѣе мою дочь посваталъ; такъ нѣтъ вѣдь, и его на грѣхъ не заволочетъ.»

— Ой, мамка! Ты не какъ ужь не знаю чего, сказала дочь.

И опять все смолкло въ утлой избенкѣ; только поетъ фетиньино веретено. Вдругъ у сосѣда на дворѣ залаяла собака. Слушаютъ: заскрипѣли подъ окнами полозья, кто-то остановился у воротъ. Дѣвка въ подполье. Входитъ въ избу старуха, такая безобразная, что плюнуть не грѣхъ. Стоитъ она подъ полатями, не выходитъ изъ-подъ матицы и говоритъ Авдотьѣ:

— У тебя есть бархатъ, а у меня атласъ, такъ не можно ли съобща вмѣстѣ складь? (Присловье свахи, которая, по народному обычаю говоритъ эти слова, стоя подъ полатями.)

— А кто у твоей милости женишокъ?

— Да вотъ онъ самъ на лицо.

При этихъ словахъ вошелъ въ избу женихъ, такой пузатый, что кабы не въ синемъ азямѣ, такъ бариномъ бы ему быть въ ту же пору. Видно, что мужикъ ужь пожилой.

«Вдовецъ», подумала Авдотья.

— А отколь ваша милость? спросила Авдотья жениха.

— Да мы не само ближніе. Торгуемъ здѣсь по пашпорту. Дворище у меня стойтъ, не доѣзжая до Бугульмы верстъ пятьдесятъ, лишь бы не больше.

— Далеко-таки! Нѣтъ, ужь въ эку даль отдавать мнѣ дѣвку жаль. А ино побываете ужо.

Уѣхали.

— Ну, Фетиньюшка! Какъ? Думай да гадай! Тебѣ вѣдь жить-то.

— Ой, мамка! Женихъ-отъ больно невзраченъ. Поди на третьей женится.

— Эхъ ты, неразумная голова! У иного и рожа-то пригожа, да умъ-отъ дуракъ. А онъ человѣкъ торговый, да и....

— Ну, буде!

Пріѣхалъ опять женихъ. Говоритъ: отдавать, такъ отдавать; онъ съ тѣмъ беретъ, чтобъ увезти невѣсту не вѣнчаную, а обвѣнчаться тамъ ужь въ Бугульмѣ, по купецки, съ пѣвчими. А ему отъ невѣсты ничего не надо; онъ ей все привезъ.

Тутъ онъ отдалъ Авдотьѣ большой узелъ. Та зажгла лучины, да къ Фетиньѣ въ подполье. Развязали узелъ, и у бѣдняжекъ глаза разбѣжались. И чего тутъ не было? Сарафаны шелковые, поясы изарбатные, гайтаны серебряные, подвѣски, кольца, перстни, ленты, — все серебро, золото да шелки. Повыла, какъ водится, сначала Авдотья, потомъ повыла Фетинья, тутъ повыли обѣ вмѣстѣ и распрощались. Дѣвку увезли.

Проходитъ девять мѣсяцевъ изо дня въ день. Зять пріѣзжаетъ къ Авдотьѣ.

— Со внучкой поздравляю, говоритъ.

— Охъ ты родной! Что, благополучно?

— Ну, не такъ-то.... утрудилась. А я за тобой. Ужь ты родная мать, такъ ты и бабничай.

— А когда Богъ далъ?

— Вчера только распросталась.

— Ну-у! Ты, знать, на ямскихъ?

— По что! У меня своя пара по сту, не кормя, на одинъ духъ отмахиваетъ.

Сѣли въ сани. Не ѣхали сутокъ; подъѣзжаютъ къ дому. Было ночью. Свѣтъ во всѣхъ окнахъ.

— Это твой-отъ?

— Да вѣдь я живу на починкѣ; здѣсь только и есть, что одинъ мой домъ.

— Вели Богъ на починкѣ-то! Стройся, какъ надо.

Вошла Авдотья въ домъ. Палаты, какъ есть, господскія, а въ домѣ ни живой души.

— Какже это, зятюшко, ты роженицу одну оставляешь? Не ровенъ часъ: индà нечиста сила накинется на сердечную. Тако ея безвременье.

— Небойсь, не накинется. А людей здѣсь гдѣ взять? Близко нигдѣ жилья нѣтъ.

Пришла Авдотья къ дочери въ комнату.

— Что, дитятко, не можешь?

— Не могу, видно, умру, проговорила едва слышно Фетинья.

Наговорила Авдотья на вино, попоила дочку; а самой до разговоровъ ли? Ребенокъ ужь третій день, какъ родился, а еще въ банѣ не мыванъ. Вотъ она понесла ребенка въ баню.

— Ты, говоритъ Авдотьѣ зять, давая ей стклянку: — какъ выпаришь ребенка, возьми да и помажь глаза-то ему изъ этой стклянки, а себѣ, смотри, не мажь: отемнѣешь.

Идетъ Авдотья въ баню; а у ней на рукахъ и на плечахъ, какъ насѣлъ кто: страшно тяжело. Посмотритъ она, пошаритъ по рукамъ и по плечамъ — нѣтъ никого. А ее все давитъ: она чувствуетъ, что на ней сидятъ. Пришла въ баню, какъ рукой сняло, и давить ее не стало; никто у нея не виситъ ни на рукахъ, ни на плечахъ. Слышитъ только въ банѣ возню и на лавкахъ, и на полкѣ. Попарила Авдотья ребенка, окатила его наговорною отъ уроковъ водою, намазала какой-то жидкостью изъ стклянки ему глаза да и задумалась:

«А что, не помазать ли и мнѣ? Нѣтъ, отемнѣю, хуже. Развѣ одинъ глазъ.... ну, кривая буду.... нешто.... мое дѣло старушечье; видѣть и однимъ можно. Бывала съ молоду удала: одинъ-то глазъ не мѣшаетъ и такъ выткнуть въ наказанье за млады лѣта, за глупый умъ.

Помазала одинъ глазъ. Какъ помазала, такъ и увидѣла, что полна баня чертенятъ съ нею. Она было за крестъ, да руки не поднимаются. А тѣ знай бѣсятся. Взяла Авдотья внучку, пошла изъ бани—чертенята всѣ опять на нее насѣли. Идетъ она, и тѣмъ глазомъ, который помазала жидкостью изъ стклянки, видитъ, что она идетъ по тинѣ озерной, какъ будто по какому-то топкому дну; а надъ ней высоко вода такъ и бурлитъ, шумитъ и хлещется о какіе-то невидимые берега. Приду, говоритъ Авдотья, дочери все разскажу: замотала я, злодѣйка, дѣвкину головушку. Приходитъ въ домъ. Зять плачетъ, говоритъ: покончилась. Поглядѣла Авдотья на внучку, и внучку Богъ прибралъ. Повыла старушка надъ трупами дочери и внучки, да и говоритъ зятю: «отвези меня домой; здѣсь мнѣ дѣлать ужь нечего», а сама дрожитъ, какъ осиновый листъ. Да и какъ не дрожать? Во всемъ домѣ только зять водяной, его дѣти чертенята да два трупа, а кругомъ верстъ на сорокъ ни одной человѣчьей души. Зять не перечилъ: запрягъ лошадей, представилъ Авдотью къ мѣсту еще скорѣе стараго, высадилъ ее у избы ея, заворотилъ коней, и слѣдъ простылъ.

Живетъ Авдотья дома, часто видаетъ нечисту силу, но никому о томъ не сказываетъ, чтобъ не узнали, за какого ахида она выдала свою дочь. Идетъ она однажды по базару и видитъ, что зятевы чертенята на прилавкахъ возятся. Не знаю, какъ у васъ, а у насъ бабы больно разговорчивы. Какъ не перемолвить двухъ-трехъ словъ со знакомымъ? Вотъ она и говоритъ:

— А, знакоменькіе! Здорово!

— Здорово! А ты, тетушка, которымъ глазомъ-то насъ видишь?

— Лѣвымъ, дитятко!

Подскочилъ чертенокъ да и выткнулъ ей лѣвый глазъ пальцемъ. Окривѣла старуха и съ тѣхъ поръ не видитъ нечистой силы.

Водяной чрезвычайно золъ и хитеръ. Если онъ захочетъ надоѣсть рыбакамъ, то изъ самыхъ рыбныхъ мѣстъ всю рыбу выгонитъ. Впрочемъ, опытные рыболовы и сами нерѣдко водяныхъ обманываютъ.

Ѣздили по одинъ годъ рыбаки въ Полянской затонъ острожить. Мужички по нашимъ мѣстамъ народъ бывалый; кромѣ посѣвовъ у нихъ всегда есть про запасъ какой нибудь промыселъ. Кто для сплавщиковъ брусья рубитъ, кто посудины мастеритъ, кто мочало деретъ, кули дѣлаетъ или рыбными ловлями занимается. Егоръ да Панфилъ бросили мочало драть, надумали попытать: не будетъ ли улазу на ловляхъ, и взяли на откупъ Полянской затонъ. Ѣздятъ они: все рыба имъ попадаетъ, слава Богу. И сами сыты, и на базаръ возъ другой къ субботѣ, глядишь, притащатъ. Плакаться имъ было не сподручно: съ пустыми руками, не слыхать, чтобы ворочались. Давалъ-таки Богъ поживу, нечего сказать. Вдругъ, ни вѣсть съ чего, рыбы не стало въ затонѣ. Наши рыбаки и такъ, и сякъ.... хоть лобъ разбей—нѣтъ рыбы. И слѣдъ простылъ.

— Что, Егоръ Матвѣичъ, нѣту?

— Не видать, Панфилъ. Эхъ-ма!

— Эхъ-ма!

— Тьфу ты, прости Господи! навожденье какое. Либо мы ослѣпли, либо рыба больно зорка стала.

— Об-охали затонъ-отъ. Всѣмъ, вишь, на диво было, что рыба-то попадала больно, какъ на дурь лѣзла.

— А теперича ровно сквозь землю провалилась. Какъ ровно чортъ ее выпугалъ.

— Самъ чортъ и есть.

Вдругъ какъ хлобыснется возлѣ лодки рыбища, такъ валъ воды и заплеснулъ имъ.

— Ай, ай! Егоръ Матвѣичъ! гляди-ка, какая!

— Молчи, Панфилъ! Это не спроста. Нечистаго, знать, не въ часъ помянули, чтобъ околѣть ему. Что-то я тупъ на глаза-то сталъ. Дозирай-ка ты: есть ли у этой щуки.... щука некакъ?

— Щука, щука! у, какая! вонъ гдѣ! я ее вижу.

— Есть ли у этой щуки на хвостѣ наросное перо?

— Наросное перо? Постой, постой! Нѣту некакъ.... Такъ и есть, нѣту.

— Ну, Панфилъ, греби проворнѣе....

И наши рыбаки опрометью бросились домой.

— Кабы днемъ, говоритъ Егоръ на берегу, утирая потъ съ лица: — ну, нешто.... не такъ еще страховито; а то ночью, съ глазу на глазъ съ нечистымъ. Нѣтъ, тутъ сдѣлай милость.... Безъ наросинаго пера.... Это ужь извѣстно, какого поля ягода.

— Ахъ ты, Господи! Грѣхъ какой случился. Даромъ ночь-то пропала.

— Ночь? Нѣтъ, это еще не бѣда, коли уродилась во ржи лебеда. Вотъ ужь бѣды, какъ ни ржи, ни лебеды. То есть, что, ежели эта щука каналья да вовсе оттуда изъ затону не выйдетъ?... а? почемъ вѣдь знаешь: и человѣку въ душу-то не влѣзешь, не токма что нечистому.

— Надо пообождать, Егоръ Матвѣичъ!

Стали втупикъ наши ребята, и руки опустились. Сидятъ дома дня три-четыре. Время золотое для рыбатства, а такъ уходитъ межь пальцы. Да и оброкъ за ловли спрашиваютъ. Надо же что нибудь дѣлать, чтобъ и безъ рыбы не сидѣть, и денегъ попусту не платить. Этакъ придется, что и самимъ перекусить нечего будетъ. Вотъ Егоръ съ Панфиломъ посовѣтали, посовѣтали, сѣли къ ночи въ лодку да и поволоклись опять въ затонъ. Вѣдь водяной, хоть оно и водяной, хоть и крѣпокъ на своемъ, да и то надо подумать, зачѣмъ-де ему тутъ долго въ затонѣ жить. Можетъ, проѣздомъ зашелъ ночлеговать, ну и ушелъ съ разсвѣтомъ. Плывутъ они да другъ-дружку ободряютъ.

— Чай, теперь ужь нѣтъ щуки-то, Егоръ Матвѣичъ?

— Да не надо быть. Не все же ей тутъ артачиться!

— Вотъ вѣдь она какъ насъ тогда напугала, право! Мнѣ такъ и небо-то съ овчинку показалось. И занбсно было, а будто сплошь звѣзды, звѣзды, и счету нѣтъ. А что, ежели.... ну, да что она намъ сдѣлаетъ эта щука-та? Ну, чай, и рыбы-то теперь есть въ затонѣ, Егоръ Матвѣичъ?

— Какъ не быть. Вѣдь не все же ей шляться мимо роднаго мѣста!

Пріѣхали въ затонъ. Ни рыбинки нѣтъ. Одна только щука похаживаетъ, какъ полный хозяинъ на своемъ подворьѣ, да хвостомъ безъ наросинаго хвоста пошевеливаетъ, а сама такъ о бортъ лодки носомъ и постукиваетъ. И надумалъ было Егоръ пустить въ нее острогой, да какъ зыкнетъ Панфилъ не своимъ голосомъ:

— Перестань! не шевель! сгубитъ насъ водяной!

Такъ страхъ и взялъ нашего Егора, и руки отказались подыматься. Такъ и уѣхали.

Попробовали—пріѣхали днемъ. Рыбы вдоволь, да днемъ рыба на острогу не дается. Что дѣлать? На утро Егоръ съ Панфиломъ отправились на село, отслужили по молебну Спасу да Угоднику Николаю, посулили въ церковь прикладу да къ вечеру и пустились опять-таки въ затонъ. Таже щука; рыбы иной нѣтъ.

— Ужь задамъ же я тебѣ загвоздку, сказалъ Егоръ.—Натка вотъ раскуси!

Да какъ хватитъ послѣ этого щуку въ самый крестецъ и давай тащить ее въ лодку. Анъ тутъ какъ выдернулъ кто у него изъ рукъ острогу-то и такъ сильно качнулъ лодку, что огонь въ воду полетѣлъ,—чуть сами въ лодкѣ усидѣли. Остались наши ребята осередь затона. Зги не видятъ, хоть глазъ выколи. Егоръ былъ парень смышленый, бывалъ ужь въ передѣлахъ-то, видно. Рыбачитъ съ испоконъ вѣку, такъ онъ себѣ на умѣ.

— Теперь, говоритъ, греби, Панфилъ, сильнѣе, а я ужь знаю, куда править и что дѣлать.

Махнулъ разъ двадцать Панфилъ веслами. Лодка и ткнулась на берегъ. Вылѣзли. Егоръ подтащилъ къ берегу осиновый большой пень, надѣлъ на него свой азямъ, шапку, продѣлъ въ рукава палку, надѣлъ на концы рукавицы, подпоясалъ, какъ быть надо, и ушелъ самъ съ Панфиломъ поодаль. Вдругъ вода заколыхалась въ затонѣ. Кто-то выплылъ поверхъ воды да и заголосилъ:

— Рыбакъ, рыбакъ! Коли по рыбѣ инда промахиваешься, такъ и не примался бы въ нашу братью нечисту силу мѣтить.

Да какъ хватитъ послѣ этого егоровой-то острогой въ наряженный пень, такъ ино острога запѣла. «Ты-де вотъ какъ острожи!» а самъ бултыхъ въ воду.

На утро Егоръ съ Панфиломъ пришли къ наряженному пню. Острога вся въ него засѣла по самое деревко, такъ что ее топоромъ ужь вырубали.

Съ тѣхъ поръ нечистой щуки безъ нароснаго на хвостѣ пера въ затонѣ не видали, и рыба опять стала тутъ живмя-жить по прежнему.

— Не мы же, сказалъ Егоръ:—попали въ дураки, а ихна милость, нечисть-та проклятая.

— Нечего сказать, Егоръ Матвѣичъ! ты надулъ-таки; стараго воробья на мякинѣ обманулъ.

Средство войти въ сношенія съ водянымъ просто, но опасно. Беретъ мужикъ сала отъ пяты у мельничной шестерни, намазываетъ имъ у себя пятки, снявъ предварительно крестъ съ шеи. Потомъ босой, на цыпочкахъ (на передней части ступней у ногъ) идетъ онъ къ мельничному колесу, соблюдая величайшую осторожность, чтобъ не приступить на полъ пяткой, намазанной саломъ. Иначе, водяной ни за что не покажется; мало того: онъ ночью непремѣнно задавитъ того человѣка, который безъ пути воруетъ сало изъ-подъ пятки у шестерни и намазываетъ имъ свои пятки. А ужь водяной употребитъ всѣ средства къ тому, чтобы мужикъ, во время путешествія своего на цыпочкахъ къ мельничному колесу, ступилъ на пятки. Въ случаѣ успѣха мужика водяной является въ очью, сидя верхомъ на мельничномъ колесѣ, сколь бы быстро оно ни вертѣлось. Мужикъ братается съ водянымъ на томъ условіи, чтобъ ему не было никакого вреда отъ воды, чтобъ въ ней онъ никогда не могъ утонуть, и даже чтобы вода никогда не мочила его платья, если онъ вздумаетъ и выспаться въ какомъ нибудь омутѣ. Сверхъ того, водяной обязанъ загонять мужику въ сѣти рыбу или насаживать ее на шажки и подольники. Затѣмъ требуетъ мужикъ, чтобъ водяной о своей дружбѣ съ нимъ, мужикомъ, сообщилъ и прочимъ всѣмъ водянымъ, чтобы всѣ они считали его за панибрата, и чтобъ гдѣ онъ будетъ мельничать, тамъ бы мельницы содержались водяными въ самой неукоризненной исправности. Въ замѣнъ всего этого водяной требуетъ, чтобъ мужикъ при постройкѣ всякой новой мельницы клалъ завѣтъ на живую тварь: на свинью, на корову, на овцу и проч., а въ первый разъ на человѣка. Мужикъ, положившій на кого нибудь завѣтъ водяному, не долженъ больше ни о чемъ безпокоиться: водяной, рано или поздно, самъ найдетъ свое отсуленное и затопитъ въ водѣ. Мужикъ, сверхъ того, по смерти своей обязуется впродолженіе сорока дней быть еретникомъ.

Условія знакомства съ водянымъ страшны — замѣчаютъ наивно крестьяне — а выгоды отъ него немного; поэтому охотниковъ сходиться съ водяными очень мало.

Водяной чрезвычайно золъ: отъ него добра рѣдко ожидать можно. Кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ (какъ говорятъ простонародные разсказы), въ которыхъ и водяной играетъ иногда роль духа-благодѣтеля, онъ всегда представляется причиною всѣхъ несчастій, приключающихся людямъ на водѣ. Плыветъ подчалокъ по рѣкѣ извилистой, которая становится судоходною только въ разливъ водъ. Пьяному оплавщику опытные бурлаки совѣтуютъ дать знакъ заблаговременно ударить влѣво — тотъ съ пьяныхъ глазъ махнулъ шляпой вправо. Ухнули бурлаки дружно разъ пять вправо; имъ даютъ другой знакъ; бьютъ влѣво. Но упрямый подчалокъ не слушаетъ: онъ все норовитъ бѣжать по тому направленію, которое указано ему пятью первыми ударами. Вотъ подчалокъ ударился въ колоду, скрытую въ берегѣ рѣки разлившеюся водою. Колода вышибла двѣ слѣги и ушла въ судно аршина на полтора. Судно пошло ко дну; бурлаки спасаются вплавь, выходятъ на берегъ и начинаютъ разсуждать:

— Экъ водяной хозяину-то удружилъ! Мы гнемъ влѣво, а онъ знай воротитъ вправо, взялъ да и нагналъ посудину на колоду. Да вѣдь имъ хозяевамъ что.... народъ богатой! Что у бѣднаго корову задавить, то у богатаго судно затопить—одинакова бѣда. А спробовать иной разъ: крѣпокъ ли подчалокъ,—не мѣшаетъ и кому иному, не то что водяному.

Бѣжитъ по Вяткѣ плотъ, большой плотъ, саженей на сто; бѣжитъ онъ въ водѣ четвертей на десять, и не то чтобы больно въ полую воду. Сплавщикъ знаетъ, гдѣ яръ, гдѣ перекатъ.

— Завози, робя, рыскъ! кричитъ онъ бурлакамъ: — лѣвѣе! Этто вода больно на островъ напираетъ.

Берутъ бурлаки рисковой якорь пудовъ въ тридцать, наваливаютъ его въ завозню, садятся вдевятеромъ и поплыли сзади плота къ сторонѣ саженъ на 70 отъ него. Подбираются дружно подъ якорь, норовятъ спускать въ воду; но, при неосторожности, а нерѣдко и при неловкости двухъ-трехъ изъ нихъ, якорь задѣваетъ лапой за бортъ. Завозня вмѣстѣ съ бурлаками ко дну. Трое вынырнули; двое изъ нихъ хватаются за правило, третій за весла, а шестеро и яву не дали, такъ и затонули.

— Эко, парень, говорятъ бурлаки: — вѣдь вотъ кого водяному не надо, такъ хоть съ камнемъ на шеѣ въ воду бросай — вынырнетъ; а кто ему любъ, такъ и съ кошкой не лазь: шапки не найдешь, не токмя что раба.

Здѣсь вообще думаютъ, что если бы водяной не топилъ людей, то утопшихъ никогда бы и не было, что человѣкъ самъ собою потонуть никогда не можетъ. Вѣрятъ также, что водяной топитъ душу, а не тѣло, которое тотчасъ выплываетъ наверхъ, какъ скоро водяной отрѣшитъ отъ него душу; а душу онъ тотчасъ беретъ въ присягу себѣ. Тѣла утопшихъ водяной старается обезображивать, изъ зависти къ людскому благообразію, такъ какъ самъ онъ не можетъ похвалиться счастливою наружностію. Впрочемъ, тѣла такихъ людей, которые прежде чѣмъ нибудь успѣли заслужить его милость, онъ не только не обезображиваетъ, но, выбросивъ на берегъ, самъ стережетъ, чтобъ плотоядные звѣри не изуродовали, не пожрали ихъ. Многіе-де видали, какъ водяной выброшенному имъ на песчаную косу утопленнику давалъ въ руки долгую вичажину (прутъ древесный), поднималъ его на ноги, таскалъ въ стоячемъ положеніи тѣло его за свиньями, которыя близко подходили къ нему, и самъ, держа въ своей рукѣ руку утопленника, направлялъ удары.

Водяные любятъ иногда пошалить. Вощерма, рѣчка вообще скромная, шумѣть не любитъ, да и нечѣмъ: воды въ ней для мельницъ едва достаетъ. Нашли вдругъ дождевые сильные перевалы. Вощерма вдругъ зашумѣла, поднялась, вышла изъ береговъ, и пошелъ по ней страшный валъ воды, который на пути своемъ прорвалъ всѣ плотины на мельницахъ, стащилъ и вешники, а въ иныхъ мѣстахъ и клѣти, сорвалъ всѣ мосты. Мужички поглядятъ на всѣ разрушенія по Вощермѣ да и примолвятъ:

— Дьяволы эти водяные! Небось не по нашему разгулялись со свадьбой-то, да и поѣздъ-отъ, знать, черезъ горлышко хватилъ: вишь, какъ разомчался. Вѣдь это коней же они, видно, сдержать не могли, коли всѣ мельницы на Вощермѣ прорвали.

— Нѣтъ, робя, не то, замѣчаетъ другой: — поѣздъ былъ шибко великъ; у иной мельницы и сколь воды напретъ, что и ужасти! Тутошны-те водяные не пускаютъ, знать; пыжатся, пыжатся, а нѣтъ — тѣ прорвутъ-таки, врагъ ихъ заверни! А ужь эка-то другая свадьба нонеча.

Водяной не любитъ, когда разговариваютъ про него на водѣ или близко воды. Въ первомъ случаѣ неосторожный подвергается опасности быть опрокинутымъ вмѣстѣ съ лодкою, а во второмъ — водяной постарается охотника столкнуть въ воду или отмстить при удобномъ случаѣ, если не удастся сдѣлать зла въ ту пору. Не любитъ также онъ, когда на водѣ поминаютъ попа, дьяка, медвѣдя, зайца. Ватажные рыболовы проговорившагося проводятъ сквозь строй: каждый изъ рыбаковъ ударяетъ его палкой по разу, въ удовлетвореніе водяному за нанесенную обиду. Тоже дѣлаютъ рабочіе на судахъ и плотахъ. Безъ такого удовлетворенія водяной распугаетъ всю рыбу, и рыболовы только напрасно потеряютъ трудъ и время; а судно или плотъ онъ постарается навесть на косу или посадить на мель и оборвать, при случаѣ, канаты у якорей.

ГЛАВА VII.

Лѣшій.

Мѣстомъ жительства лѣшихъ считаютъ дремучіе лѣса. Но въ этихъ лѣсахъ построены только дома лѣшихъ, гдѣ живутъ ихъ жены, лѣшачихи, и дѣти; сами же лѣшіе дома держатся мало, а разгуливаютъ, гдѣ имъ вздумается. Ростъ лѣшихъ вошелъ въ пословицу. Нѣтъ на свѣтѣ дерева столь высокаго, чтобъ лѣшій не превышалъ его цѣлой головой. Дремучіе лѣса обыкновенно ему по плечо. Водяные много терпятъ отъ лѣшихъ, которые никогда не пропустятъ удобнаго случая насолить имъ. Сколь бы глубокъ омутъ ни былъ, лѣшему онъ всегда по колѣни, и горе водяному, если по пути лѣшій зайдетъ въ его омутъ или озеро, когда тотъ не успѣлъ еще заблаговременно упрятаться со своей семьей по норамъ, которыхъ на этотъ случай про запасъ водяные имѣютъ помногу: тогда водяной не оберется пинковъ. Зато и лѣшему достается; онъ всегда выходитъ изъ омута, занимаемаго водянымъ, съ ногами, изгрызанными до крови по самыя колѣни. Но лѣшимъ звѣринаго жира не займовать: у нихъ звѣри свои. Вытянетъ лѣшій свои ножищи изъ омута, помажетъ раны оленьимъ жиромъ: тотчасъ все заволочетъ свѣжей кожей, и дѣло съ концомъ.

Медвѣдь у лѣшаго любимый звѣрь. Лѣшій, всегдашній охотникъ до вина, никогда почти не выпьетъ ни одного ведра не поподчивавъ заурядъ и медвѣдя. Лѣшій никого кромѣ медвѣдя не беретъ въ услуженіе себѣ. Подкутившій лѣшій любитъ соснуть часокъ другой, и въ это время медвѣдь ходитъ около него дозоромъ, стережетъ отъ нападокъ водяныхъ. Въ баснѣ Крылова «Пустынникъ и Медвѣдь» роль пустынника игралъ едва ли не самъ лѣшій, а роль мухи — водяной; одинъ только медвѣдь былъ тутъ въ собственной своей роли. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсказахъ крестьянъ о медвѣдяхъ, стерегущихъ спящихъ лѣшихъ, есть много сходнаго съ басней Крылова. Водяные съ разныхъ сторонъ подбѣгаютъ къ лѣшему съ намѣреніемъ изгрызть его, пока онъ спитъ; но медвѣдь держитъ ухо востро, бросаетъ въ нихъ цѣлыми колодами, пнями, выдернутыми съ корнемъ, и отгоняетъ ихъ. Бываетъ, мишукъ и промахнется, иногда потрафитъ цѣлой колодой лѣшему въ голову. Лѣшій съ просонковъ только потретъ ушибенное мѣсто своей рукой—величиной съ избную дверь, переворотится на другой бокъ и опять захрапитъ. Лѣшій угощаетъ медвѣдя виномъ, а медвѣдь лѣшаго—медомъ. Самъ лѣшій не смѣетъ прикоснуться къ улью, потому что въ немъ обитаетъ святая тварь (пчела).

Лѣшій никогда не ходитъ просто: спереди и сзади его всегда идетъ сильный вѣтеръ, и по направленію вѣтра можно знать, куда лѣшій держитъ путь. Никто не видалъ, чтобъ лѣшій оставилъ гдѣ нибудь слѣдъ своихъ ногъ, хотя бы прошелъ по песку, по снѣгу или по грязи. Вихрь приписываютъ также лѣшему.

Лѣшій въ очью людямъ кажется человѣкомъ высокаго роста. Длинное и узкое лицо его безъ румянца, никогда не загараетъ отъ солнца и всегда бѣло, какъ воскъ. Глаза у него синіе, неподвижные: онъ никогда не мигаетъ, не сводитъ рѣсницъ. Борода его безъ бакенбартъ; она имѣетъ форму треугольника. Лѣшій и лѣтомъ въ сильные жары ходитъ всегда въ бараньемъ полушубкѣ лѣвою полою наверхъ, какъ и вся нечистая сила одѣваетъ свою одежду. На полушубокъ лѣшій никогда не запоясывается, а полы прижаты плотно къ тѣлу посредствомъ гарусныхъ петель и оловянныхъ или мѣдныхъ пуговицъ; шальваръ не любитъ, а сапоги носитъ безъ подковокъ и безъ гвоздей, чтобъ нигдѣ не отпечаталось слѣда его. Вотъ вамъ портретъ лѣшаго во весь ростъ.

Лѣшій, какъ и водяной, всегда старается вредить людямъ, и отъ него ничего не жди добраго. Онъ уноситъ въ свой лѣсъ, гдѣ у него стоитъ домъ, куръ, утокъ, барановъ, свиней и пр., иногда уноситъ и человѣка, отсуленнаго ему отцомъ или матерью. Поэтому отцы и матери, когда вздумаютъ дать нагонку своимъ дѣткамъ, стерегутся пуще всего, какъ бы не обмолвиться въ сердцахъ и не сказать имъ: лѣшій бы те унесъ. Эти слова, произнесенныя лицомъ постороннимъ или даже и роднымъ, но только не отцомъ и не матерью, остаются безъ вредныхъ послѣдствій для того, къ кому относились; но, сказанныя родителями, они имѣютъ пагубную силу. Лѣшій самъ иногда, присутствуя невидимо при ссорѣ родителей съ дѣтьми, старается внушить первымъ выговорить слова, послѣ которыхъ дѣти вербуются въ кабалу къ лѣшимъ. Раздраженный отецъ или раздраженная мать спохватятся, что обмолвились, тогда уже, когда лѣшій вырветъ слово съ языка. У раздраженныхъ родителей гнѣвъ тотчасъ превращается въ состраданіе къ положенію, въ которое они поставили дитя своимъ языкомъ; а сынъ или дочь съ тѣхъ поръ ходятъ все понуря голову, становятся неразговорчивы, вялы, или вслѣдствіе неяснаго предчувствія бѣды неминучей, или изъ притворства, чтобъ суровые родители были меньше взыскательны за лѣнь и неповоротливость на работѣ.

Ѣдутъ два мужичка съ праздника изъ сосѣдней деревни. Два мужика въ однѣхъ саняхъ и трезвые не ѣдутъ молча, а все о томъ, о семъ раздобариваютъ, чтобъ скоротать путинушку, а пьяные и подавно.

— А что, Степанъ! ты за добра ума поди запасся и дровами и лучиной на всю зиму?

— Какую ворогушу запасся: запасешься съ моимъ пострѣломъ! Всѣ руки сколотилъ о падину, а толку добиться не могу. А ужь и бить-то бы перестать надо: парень женихъ давнымъ-давно сталъ.

— Ну, не то понесъ, Степанъ! По мнѣ, сынъ будь хоть выше моей хоромины, а все мое добро. Коли поколотить слѣдно, такъ и надо поколотить: не онъ меня наживалъ, а я его нажилъ. Вотъ какъ надо умомъ жить, коли хошь.

— Оно такъ, Иванушко, сердечной ты мой! сказалъ Степанъ, хлестнувъ лошадь, которая шла шагомъ.

— Ну, вотъ это, Степанъ, напримѣрно, кобыла твоя. Коли она плохо пробуетъ гужи, ты ее и тово.... ухъ да ухъ, хлесь да хлесь; а кто тебѣ тутъ указъ?

— Подлинно. Да стыдъ мнѣ отъ людей-то съ нимъ, вотъ что надо говорить. Парень такое лызло, а увалень; только ѣсть да спать — на это онъ удалъ. Наказалъ для примѣру нонѣ гнѣздо лаптей сплести, какъ надумалъ на Тойму, а знаю, что у него еще лутошки не ободраны.

— Ну, такъ бить — души слушать!

Пошатываясь, входитъ Степанъ въ избу. Парень сидитъ на лавкѣ, разувается; обутки всѣ въ снѣгу и мокрехоньки.

— Что, Демидко, лапти изладилъ?

— А коля мнѣ было? Нонѣ двою въ лѣсъ гонялъ, крошечки на мѣстѣ не сиживалъ.

— Чтобы те лѣшой унесъ и съ лѣсомъ-то.

— Ты некакъ умъ-отъ въ Тоймѣ пропилъ! закричала на него жена:—сулитъ сына лѣшему! Аль много ихъ у тя? На сторонѣ-то, видно, не одинъ десятокъ есть?

— Гли-ко ты.... ему сказано было лапти сплести. Вишь, совсѣмъ обносился, сказалъ Степанъ совсѣмъ ужь не сердито, а Демидъ, межь тѣмъ, заплакалъ да и полѣзъ на печь.

— Поди ты, бормочетъ себѣ подъ носъ съ разстановкой разозлившаяся и ревнивая степанова жена:—право, видно, на сторонѣ есть.... Право.... у Огаши на Тоймѣ нѣтъ ли? право, у Огаши....

— Опять ты тамъ про одну какую-то затолмила.

— Иную Огашу-то, можетъ, и Груней зовутъ.... право, Груней....

— Ну, поѣхала! сказалъ Степанъ, махнувъ рукой.

— Выдумалъ: парня лѣшему, прости Господи! Самого, небось, лѣшой мимо Тоймы-то не пронесетъ: все по Тоймѣ.... право-ти притча!

Послѣ этихъ нѣжностей, которыми размѣнялись супругъ Степанъ съ супругою Ѳеклой, въ тотъ вечеръ въ избѣ никто не вымолвилъ слова. У всѣхъ на душѣ сдѣлалось тошно отъ страшной обмолвки домохозяина.

На Демида съ тѣхъ поръ какъ руку кто наложилъ. Въ иной день рта не разинетъ, кромѣ ѣды развѣ. А если что дѣлать пошлютъ, такъ дѣлаетъ, не дѣлаетъ, ровно вареный. Мать вспрыснетъ его и простой-то водой, и наговорной-то, и богоявленской-то — ничто не помогаетъ. И хлѣбъ нашъ Демидъ совсѣмъ, почитай, ѣсть пересталъ: ужь многомного помнетъ во рту-то раза четыре въ день, а то какъ тошнота на родимаго больно найдетъ, хоть пили его, такъ больше трехъ разъ не усадишь за столечницу. Живутъ они этакъ мѣсяца три. Поглядитъ временемъ Степаниха на сына, поглядитъ на мужа да опять и заворчитъ:

— Все это съ тойминскаго праздника. Пріѣхалъ шальной... право, шальной; не поладилъ, знать, мало на поклонъ принесъ, право, на поклонъ. Ужь эта мнѣ Тойма! впоперекъ въ горлѣ стоитъ.... право.... въ горлѣ.

— А, чтобы-те кила-воркота! Вотъ-те Богъ, ни за какія деньги....

— Еще ономедни, продолжаетъ ворчать Степаниха, не обращая вниманія на патетическіе возгласы своего мужа: — еще ономедни у Омели баетъ: бери, батъ, на Тоймѣ опросину Огашу, батъ; дѣвка, батъ, безъ изъяну... право, безъ изъяну. А она ужь давно съ икрой... право, съ икрой. Дожидай, Степанъ, праздника! Кумомъ пойдешь, безпремѣнно позовутъ.... право, позовутъ.

— Не мазана телѣга! Тьфу!

— Къ случаю, Степанъ мнѣ хозяинъ, я ему хозяйка. Кажись бы, что? Сутолоки тутъ нѣтъ.... право, сутолоки. Тутъ и по писанью, и законъ Божій, и вѣнецъ святой, и все.... право, и вѣнецъ. Ну, вотъ отсулилъ онъ мое дѣтище законное лѣшаку — парень ни пьетъ, ни ѣстъ; тотъ примать, знать, ладитъ.... право, примать. А отсули я лѣшаку выпоротка хозяинова, хоть того вотъ, что на Тоймѣ будетъ, вѣдь не приметъ.... право, не приметъ. Оказиво!

— Откусить бы тебѣ жабѣ языкъ-отъ!

А Демидко промежь этимъ тоскуетъ.

Пришла весна: хоть рукъ отъ сохи не отымай. Попахалъ Демидко день-другой, сталъ хуже стараго. Пашетъ Степанъ, поглядитъ на сына, а тотъ навалится на соху, уставитъ глаза въ землю да на шабалку только поплевываетъ сквозь зубы.

— Что, Демидушко, аль усталъ? Отдохни маленько да благословясь опять паши.

Проѣдетъ Демидко борозду другую да и опять навалится на соху. Степанъ по прежней порѣ выдралъ бы ему всѣ волоса, а тутъ много-много что выбранитъ его. Выѣхали Степанъ съ Демидомъ на третій день похать чищобу подъ гречиху. Пашутъ, а вѣтеръ подулъ на дуброву. Вотъ онъ свѣжѣтъ, свѣжѣтъ и закрутилъ песокъ столбомъ: пыль да копоть.... глаза совсѣмъ заслѣпило. Вдругъ Демидко по вѣтру со всѣхъ лопатокъ пустился бѣжать въ лѣсъ.

— Демидъ! Демидъ! Эй, Демидушко! Куды-ты, куды? Постой! кричитъ ему вслѣдъ испуганный Степанъ, пустившись за сыномъ въ догонку. Бѣжитъ Степанъ, однако, видитъ, что онъ далеко отстаетъ отъ сына. «О, постой—говоритъ онъ—я ворочусь да лошадь выпрягу: на лошади догоню.» Воротился бѣгомъ Степанъ, выпрягъ рыжка и погналъ за сыномъ; а Демидко улепетываетъ ужъ у самаго лѣса. Тутъ онъ и скрылся въ лѣсу совсѣмъ. Степанъ подъѣхалъ къ лѣсу. Лѣсъ густой, съ лошадью не продерешься. Слѣзъ онъ съ рыжка привязалъ его къ елкѣ, забѣжалъ далеко въ лѣсъ и ну кликать: Демидко-о-о! Такъ въ лѣсу только кто-то: хо, хо, хо! знай хохочетъ. У Степана волосы ежомъ стали, совсѣмъ умъ изъ головы, насилу вышелъ на поляну; отъискалъ лошадь, прискакалъ домой, разсказалъ домашнимъ про оказію съ сыномъ, что самъ онъ видѣлъ, какъ лѣшій тащилъ Демидка, какъ Демидко нехотя отмахивалъ на бѣгу каждый шагъ сажени по двѣ, по три, и какъ послѣ лѣшій въ лѣсу хохоталъ надъ нимъ, когда онъ кликалъ своего парня. Заревѣли всей семьей, побѣжали въ лѣсъ отъискивать Демидка. Ищутъ день, ищутъ другой—нѣтъ Демидка. Позвали грамотнаго мужика, стали читать псалтирь. На третій день сказываютъ, что Демидко на селѣ, верстахъ въ десяти отъ степановой деревни.

Предоставимъ теперь остальное досказать самому Демидкѣ.

«Вотъ какъ, знашь, онъ унесъ меня—началъ разсказывать Демидко—взялъ на руки да и понесъ къ себѣ. Тутъ несъ онъ, несъ меня да и принесъ въ избу. Въ избѣ жена его лѣшачиха и ребятишки. Говоритъ: ѣшь; посадили меня, знашь, за столъ. Ну, говоритъ, ѣшь. А я ужь слыхалъ, что кто у лѣшаго хлѣба-соли не отвѣдаетъ, того онъ долго не держитъ. Вотъ я и говорю: не хочу, молъ. Живи, говоритъ, у меня: хуже не будетъ, только и работы тебѣ, что вымоешь въ банѣ ребятишекъ; а школить вовсе не стану; давай — ѣшь. А я все, знашь, не ѣмъ. Ну, въ баню. Я ребятишекъ вымылъ. Меня опять кормитъ: говоритъ, поработалъ. А я все нѣтъ. Съ голоду, молъ, лучше пропаду, а ужь не стану-таки ѣсти. Держитъ онъ меня день, держитъ другой. Ѣсти хочу пуще, не знаю чего, а все крѣплюсь, не ѣмъ. Ну, молъ, какъ нибудь погожу еще, а послѣ дома за то наверстаю. Вотъ лѣшакъ взялъ меня, да и понесъ. Я думаю, домой несетъ, а онъ поворотилъ, гляжу, на село. Принесъ меня, посадилъ на колокольню, запуталъ веревками мнѣ руки и ноги, а я и ну звонить, чтобъ, знашь, народъ сбѣжался. Попъ хотѣлъ было отправить меня на станъ: говоритъ, что сумасшедшій. Я сказалъ, что я не сумаспедшій. Ну, и люди мірскіе тутъ ему сказали, что отпусти: такъ онъ и отпустилъ.»

— Почто же это отъ тебя лукомъ-то, говорятъ, пахло, когда тащили тебя съ колокольни? Отъ всей-де одёжи такъ лукомъ и пахнетъ.

— А у лѣшаго луку-то полны полати. Я все на полатяхъ сидѣлъ.

— Ефимычъ! ай, Ефимычъ! говорила писарша въ этотъ день своему мужу (они жили на селѣ). — Кто-то у насъ сегодня въ малой избѣ зарывался въ лукъ, что лежитъ на палатяхъ.

— Какъ сегодня?

— Ночью сегодня. Стряпка сказывала, что и мѣсто знать, гдѣ человѣкъ лежалъ и платокъ тутъ обронилъ. Вотъ видишь.

— Ахъ, мошенникъ! Это непремѣнно Демидко.... знаешь, тотъ-то. Онъ, видно, днемъ прокрался въ нежилую избу, до ночи просидѣлъ тамъ на полатяхъ въ лукѣ, а ночью-то и забрался на колокольню. То отъ него лукомъ-то и пахло. Ну, да къ чорту его, коли у лѣшаго не былъ.

Съ тѣхъ поръ ни отецъ, ни мать не бранили Демида, а все его гладили да холили.

Лѣшій не любитъ, когда часто поминаютъ его изъ пустаго или ругаются имъ. Вреда большаго за это онъ никому не сдѣлаетъ, зато досыта напугаетъ.

Въ Сосновкѣ у Лёвы была жена злая-презлая: то съ мужемъ огрызается, то со свекровкой, то съ золовушками ругается. У нея нѣтъ дѣтей, такъ она ничего и не бережется: лѣшакъ у нея не сходитъ съ языка. Сидятъ однажды въ лёвиномъ домѣ вечеркомъ всякъ за своей работой. Вдругъ кто-то на крыльцѣ взялся за кольцо у дверей и давай брякать.

— Кого это лѣшій несетъ объ эку пору! сказала Лёвиха да и пошла съ огнемъ въ сѣни.

Отперла крыльцо — нѣтъ никого. Вошла въ избу, говоритъ: никого не видать. Сидятъ. Опять кто-то забрякалъ, да еще тошнѣе стараго. Пошелъ Лёва самъ, отперъ двери, осмотрѣлъ и за крыльцомъ и во дворѣ—никого, какъ никого. Заперъ, воротился въ избу, не успѣлъ присѣсть, опять брякъ-брякъ, брякъ-брякъ. Всѣ встрепенулись, перепугались, въ сѣни никто нейдетъ. Сговорятся, выйдутъ въ сѣни съ душами въ пяткахъ, кликнутъ: «кто тамо?» отвѣту нѣтъ. Уйдутъ — опять брякъ-брякъ, ино въ ушахъ у всѣхъ звенитъ Всю ночь кто-то простучался, всю ночь продрожала лёвина семья, на волосъ никто не сыпалъ.

На другую ночь догадливый Лёва насыпалъ на крыльцо снѣгу, чтобъ по отпечатавшимся на немъ слѣдамъ можно было добраться до проказника, который всю ночь не давалъ спать семьѣ. И по другую ночь повторилось то же самое бряканье въ кольцо на крыльцѣ.

По утру пришли, посмотрѣли — никакихъ слѣдовъ нѣтъ: снѣгъ какъ былъ насыпанъ, такъ и лежитъ не пошевеленъ.

Тутъ ужь вся семья догадалась, въ чемъ дѣло И пустились всѣ бранить Лёвиху. Лёвиха потянула на Бога руки и положила зарокъ, что она больше не станетъ поминать лѣшаго, и съ тѣхъ поръ проказникъ лѣшій пересталъ безпокоить по ночамъ лёвину семью.

Лѣшій, такъ же, какъ и водяной или домовой, всегда женатъ. Отсуленную ему отцомъ или матерью дѣвушку онъ старается завербовать себѣ въ жены, если ему удастся унести ее. Но дѣвушка, если не отвѣдала его хлѣба-соли, не можетъ быть его женою. Лѣшій никогда такую не будетъ держать у себя, а унесетъ или въ селеніе, или въ болото, гдѣ мочатъ мочало, или вообще въ такое мѣсто, гдѣ часто бываютъ люди. Плодомъ отъ сожитія лѣшаго съ унесенною имъ дѣвушкою бываетъ тоже лѣшій, но не столько злой, какъ тотъ, который происходитъ отъ лѣшачихи. Людская кровь-де въ томъ стоитъ за себя. Лѣшій, родившійся отъ дѣвушки, пожалуй, радъ бы дѣлать и добро людямъ, но другіе лѣшіе, при раздѣлѣ лѣсовъ, всегда стараются отмежевать ему такой участокъ, отъ котораго верстъ на тысячу во всѣ стороны нѣтъ никакого жила. Лѣшіе, которыхъ участки граничатъ съ участкомъ добраго лѣшаго, стерегутъ его и не позволяютъ ему переступить за границы своего участка.

Лѣшій съ удовольствіемъ смотритъ на несчастія людскія и страшно хохочетъ, когда поставитъ человѣка въ такое положеніе, при которомъ онъ обнаружитъ испугъ или отчаяніе. Хохотъ лѣшаго слышенъ верстъ на сорокъ въ окружности. Бываетъ, мужикъ зайдетъ за грибами въ лѣсъ. Упершись глазами въ землю, онъ ходитъ все по опушкѣ лѣса по мелкому ельнику, выпрямится, посмотритъ: вокругъ его страшный дремучій лѣсъ. Мужика, значитъ, обошелъ лѣшій и хочетъ сбить съ толку, чтобъ бѣдняга заплутался въ лѣсу. Догадливый мужикъ садится на землю, снимаетъ съ ногъ лапти, вынимаетъ изъ нихъ солому и опять кладетъ въ лапти такъ, чтобы постилка, лежавшая у пальцевъ, очутилась въ пяткахъ, и наоборотъ. Не догадайся мужикъ переложить солому, натерпится муки: лѣшій замотаетъ его и вдоволь натѣшится надъ нимъ. Испуганному мужику покажется лѣсъ чище, какъ будто къ выходу на поляну, въ сторонѣ, противоположной полю. Обрадованный мужикъ ударится туда бѣжать; бѣжитъ, бѣжитъ, лѣсъ будто все чище и чище, будто съ каждымъ шагомъ деревья рѣдѣютъ, но на поляну мужикъ выйти не можетъ. Задумаетъ опознаться мѣстомъ по солнцу, взглянетъ вверхъ: одни только вѣтви да сучья страшно высокихъ деревъ, а неба совсѣмъ не видно. Посмотритъ вокругъ себя: только огромныя колоды сломленныхъ вихремъ деревъ да дремучій лѣтъ. А впереди, между деревьями, все-таки пробивается кое-гдѣ предательскій свѣтъ, будто съ поляны. Мужикъ снова пустится туда и чѣмъ дальше бѣжитъ, тѣмъ дальше заходитъ въ непроходимый лѣсъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, садится мужикъ на пень или на колоду и начинаетъ въ отчаяніи кричать что есть силы, въ ожиданіи, не откликнется ли кто на его голосъ. Ему откликается одинъ только лѣшій, рѣзкимъ оглушительнымъ хохотомъ. Съ испугу мужикъ ударится бѣжать, самъ не зная, куда, и, проблудивъ день-другой, наконецъ выбирается изъ лѣсу верстъ за сорокъ или пятьдесятъ отъ мѣста своего жительства, и то уже направивъ свои стопы вмѣстѣ съ сиротающимъ желудкомъ въ сторону, откуда доходитъ до него гулъ колокола, сзывающаго православный народъ къ утренни или къ обѣднѣ.

У Дороѳея пригнали на зиму скотину, да оказалась не вся. Надо ѣхать искать, а на чемъ? Время заморозковъ — время самое негожее для крестьянства: дорога тогда бываетъ не санная, не телѣжная. Поѣдешь на саняхъ—всѣ полозья о стылую землею издерешь, да и лошадь совсѣмъ вышибешь. Вздумаешь на телѣгѣ — переломаешь всѣ колеса, будь они хоть вдвое шинены, да въ придачу такъ тебя наломаетъ, что съ недѣлю станешь то-и-знай хвататься за бока. Верхомъ развѣ мало-мальски правдаться можно, коли лошадь кована. Вотъ обсѣдлалъ Дороѳей лошадь, да и съ Богомъ. Объѣхалъ поля двухъ сосѣднихъ деревень да въ третью около полдника и заѣхалъ на гости къ куму. «Дай, съ устатку—говоритъ про себя—немного душу отведу. Только вѣдь, Христосъ съ нимъ, этотъ кумъ Иванъ, въ людяхъ-то Ананьичъ, а дома-то ни найдешь. А, можетъ, и угоститъ.» Входитъ Дороѳей во дворъ; во дворѣ стоитъ осѣдланная лошадь. Онъ въ избу — въ избѣ кумъ Иванъ, одѣтый сбитнемъ, молится образамъ, и шапка у него въ рукахъ.

— Здорово, куманекъ!

— Здорово, кумъ, здорово! Каково живешь-можешь? Каково тебя тамъ перевертываетъ?

— Ладно! Живемъ ни шатко, ни валко.

— Куда наклался, кумъ Дороѳей?

— А ты, куманекъ?

— Да вотъ на праздникъ въ Бѣлоуску.

— И я туда же, сказалъ Дороѳей, внезапно проникнутый желаніемъ побывать на праздникѣ. — За тобой только заѣхалъ: веселѣе, молъ, будетъ.

— Спасибо, кумъ! Вотъ, то есть, важной-то человѣкъ! Постой, я тебя пивкомъ хоть надоволю. Баба! а что у насъ пивко-то ужь не выпито ли?

— Хватился!

— На что, на что, кумъ Иванъ?

— Эка-ты.... А ужь будь бы пиво, я бы те живаго не выпустилъ, запоилъ бы, то есть, не на животъ. Вотъ я каковъ человѣкъ!

— Перестань, кумъ, пожалуйста: на дорогу зябко будетъ.

— И то! Поѣдемъ до праздничнаго.

Усѣлись мужики на коней, ѣдутъ шагъ за шагомъ. До Бѣлоуски было ѣзды верстъ около пятьнадцати, и надо быдо ѣхать все лѣсомъ, а у Дороѳея охота отвести душу оказывалась совсѣмъ недолготерпѣливою.

— Ну, кумъ Иванъ! Переправа черезъ Вятку намъ повытянетъ душеньки. Дрожь напередъ до костей пронимаетъ, лишь вздумаю только, какъ на рѣкѣ теперь студено. А еще за перевозомъ настоишься тамъ у нихъ!

— Ужь тоже и я подумываю. Эти перевощики народъ такой неочесливый.

— Не вернуть ли намъ въ кабакъ?

— Оно бы не что.... Да я, братъ, денегъ-то съ собой не взялъ.

— Денегъ? У меня про запасъ мало-толико есть. Ты мнѣ послѣ поднесешь.

— А и вправду, я послѣ поднесу. Ой тю! Вѣдь знаешь ужь, каковъ я человѣкъ. Тебѣ сказывать нечего. Радъ инымъ времемъ не знаю чѣмъ для люба.

— Кабакъ-то версты двѣ некакъ назадъ будетъ, сказалъ Дороѳей.

— Эка важность! Полдень еще нѣтъ. Въ Бѣлоуску засвѣтло какъ разъ пріѣдемъ.

Сидятъ мужички въ кабакѣ. Дороѳей купилъ сначала косушку; роспили. Показалось мало: купилъ другую; роспили опять.

— Кумъ Дороѳей! Люблю я тебя, право, и самъ не знаю, за что. Вотъ ужь люблю экихъ, то есть, вотъ какъ люблю. Простая душа ты, Дороѳей, ровно вотъ какъ и я. Ой ты, кумъ, кумъ! Простоватъ же ты. Вотъ, примѣрно, къ случаю, опивай тебя, какъ хошь. Ну, да молись: я ни за что.... чтобы этакъ человѣка въ грѣхъ ввести. Вотъ каковъ я человѣкъ! Денегъ у меня нѣтъ, а для пріятства я, то есть, не знаю чѣмъ готовъ; заложилъ бы, то есть, шапку съ головы, да куда она? курамъ на гнѣздо.... и шкалика цаловальникъ не дастъ. А попробовать развѣ?

— Перестань болтать пустяки. Аль кто съ тебя правитъ что? Хочешь, такъ я и еще.... Ну, говори: хошь?

— Да я попробую шапченку-то свою.

— Въ озеро-те головой и съ шапкой-то. Эй! А что, косушку, кумъ, чего и пить! Полштофа развѣ, а?

— Я, смотри, одюжу. Ты-то какъ? То есть, тебя скоро ли разбираетъ? Да что я мелю, али ты не пивалъ!

Купили полштофа, порѣшили и его; выѣхали изъ кабака, проѣхали околицей деревню, въ которой жилъ Иванъ, да и покатили въ Бѣлоуску; оба чуть держатся въ сѣдлѣ и дороги не видятъ вовсе. А темнѣть ужь стало. Ѣдутъ они. Дороѳей затянетъ пѣсенку, Иванъ подхватитъ, да оба и закончатъ, не допѣвши, на половинѣ слова. Ѣдутъ они ужь много время. Ночь лунная.

— Ужь я тебя, кумъ Дороѳей, за твою, то есть, хлѣбъ-соль, вотъ какъ угощу у свата въ Бѣлоускѣ.

— До поры не бай!

— Затрезвонимъ вотъ какъ, даромъ что въ звонаряхъ, то есть, не бывали.

Молчаніе.

— Какого это лѣшаго мы ѣдемъ уповода съ два, а еще на большую не выѣхали. А, Иванъ?

— Бppp!

— Кумъ Иванъ! чуешь ли?

— Ась!

— По большой мы ѣдемъ?

— Говоришь — по большой. Слава те Богу! Я навалился на гриву да и заснулъ, говоритъ Иванъ: — то есть вотъ какая лошадь! Сидишь, какъ на полатяхъ.

Вдругъ лошадь иванова вскочила въ сторону и сшибла сѣдока.

— Эка проклятая! Ну, какъ теперь? Садись, какъ хошь. А еще говорилъ: какъ на полатяхъ.

— Постой, парень, подъѣду, подсоблю.

Ухватился Иванъ за руку Дороѳея, другою за гриву своей лошади, сталъ ногою въ стремя, поднялся; но испуганная лошадь снова бросилась въ сторону, и Иванъ, при паденіи наземь, стащилъ и Дороѳея. Оба сѣдока очутились пѣшими, со страстнымъ, но совершенно безнадежнымъ желаніемъ сѣсть снова на лошадей.

— Куда, почтенные? Аль въ Яналку пробираетесь? сказалъ кто-то, подходя къ нашимъ знакомцамъ. — Нешибко ужь далеко: верстъ шесть развѣ будетъ.

— То есть до Бѣлоуски-то это сколько еще? спросилъ Иванъ.

— Э! Да вы, пріятели, я гляжу-погляжу, съ зарядомъ знать?

— Было грѣха, чего таить, да ужь вышло, совсѣмъ вышло. Только вотъ кто бы намъ подсобилъ на лошадей забиться, сказалъ Дороѳей, стараясь установиться на одномъ мѣстѣ.

— Такъ шесть верстъ, то есть, до Бѣлоуски-то, говоришь ты?

— Какая тутъ далась вамъ Бѣлоуска? Слышь, говорю толкомъ: до Яналки. Вѣдь вы въ Яналку?

— Не шутишь?

— Вотъ те на! Православный вы народъ! Али я татаринъ? Плохія шутки въ лѣсу въ глухую ночь.... особливо, ежели.... Вы развѣ не въ Яналку?

— Въ какую тутъ Яналку!

— Ну такъ вы, ребята, свихнулись. Бѣлоуска-то отсюда верстъ двадцать-пять будетъ. А этто глушь такая, что окромѣ себя я съ недѣлю мѣста больше никого не видалъ.

— Куда же мы теперь, парень? сказалъ Иванъ. — Ай, Дороѳей?

— Куда? Ну, куда нибудь, хоть къ лѣшему.

— Пойдемъ-те-ка ко мнѣ на косогоръ этто, сказалъ незнакомецъ. — У меня есть и избушка. Я съ Кобелева Ипподистъ. У меня, робя, про запасъ, маленько и винца есть. Я какъ лѣсую, такъ безъ запасу никогда.... прозябнешь знаешь...

— А далеко?

— Руку подать. Давай, ребята, заходите.

— А ты насъ усади маленько. Я бы и самъ, того, да.... И вино, говоришь, есть? Коли такъ, и пѣшкомъ дойдемъ.

— Ну, идите за мной.

— Самъ-то ты тамъ только голосъ подавай.... Стой, Архипъ.... али какъ тебя? Рукавица задернулась. Ну, да не съ рукавицей житьто, а съ добрыми людьми... Постой, робята, рукавицу-то возлѣ лошади.... Тьфу ты! А лошадь-ту совсѣмъ изъ ума вонъ. Гдѣ она? А, вотъ золотая. Чтобы те тутъ проклятую...

— Нѣтъ, ребята, вы лучше ужь садитесь на коней да и правтесь за мной. Этто спустимся въ ложбенекъ, а тамъ по косогору.... Увидите.

Проѣхали ложбенекъ, поднялись на косогоръ, и избушка тутъ. Сползли Дороѳей съ Иваномъ съ лошадей. Инподистъ привязалъ коней къ дереву, позвалъ гостей въ избушку и досталъ огня. При огнѣ наши мужики увидали передъ собой долговязаго парня въ полушубкѣ.

— А что, Савелей... Савелей некакъ?... опохмель-ка насъ маленько, сказалъ Дороѳей, покачиваясь на стулѣ, сдѣланномъ изъ обрубка дерева и поставленномъ въ избенкѣ стоймя.

Вытащилъ Инподистъ цѣлый штофъ, налилъ большой стаканъ и подаетъ Дороѳею. Тотъ принялъ, да взялъ, по православному, и перекрестился. Какъ перекрестился Дороѳей, такъ и увидѣлъ, что онъ держитъ въ рукѣ не стаканъ, а петлю веревочную, поводокъ у которой протянутъ далеко-предалеко — не видно и конца, и что онъ сидитъ не въ избушкѣ, а подъ открытымъ небомъ, и не на обрубкѣ дерева, поставленномъ стоймя, а на сосновомъ пнѣ, вышиною сажень пять отъ земли. Иванъ увидалъ себя неподалеку на такомъ же пнѣ. Одно неосторожное движеніе, и они разшибутся вдребезги. Между тѣмъ, неподалеку они услышали рѣзкій оглушительный хохотъ. Дрожа отъ страху, кое-какъ сползли наши молодцы съ сосновыхъ пней, стали смотрѣть: гдѣ лошади? лошадей нѣтъ. Прислушиваются: надъ головой ихъ что-то храпитъ. Посмотрѣли ребята вверхъ — и что же видятъ при свѣтѣ луны? Обѣ ихъ лошади, связанныя хвостами, повѣшены за сукъ на самой вершинѣ огромнѣйшей сосны. Дороѳей и Иванъ перепугались еще больше; а хохотъ лѣшаго раздался еще оглушительнѣе, и на самомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Вотъ и пустились наши пріятели бѣжать, куда глаза глядятъ; погоняемые хохотомъ и свистомъ лѣшаго, они бѣгутъ день, бѣгутъ другой и только на третій день едва-едва добрались до какой-то деревни.

Лѣшіе женятся шумно. Поѣздъ ихъ всегда сопровождается сильнымъ вѣтромъ и вихремъ. Если поѣздъ проѣзжаетъ черезъ деревню, то на многихъ домахъ сноситъ крыши, разметываетъ овины и клади, а въ лѣсахъ ломаетъ сотни деревъ. На другой день, какъ и въ крестьянствѣ водится, лѣшій молодой съ лѣшачихой молодой ходятъ въ баню, и если въ это время случится мимо того мѣста проходить какому нибудь мужику, то лѣшіе непремѣнно окатятъ его съ головы до ногъ той водой, которой мылись ихъ молодые, и тотъ человѣкъ непремѣнно съ тѣхъ поръ заразится поганой болѣстью, отъ которой не избавится никакими ни заговорами, ни наговорами, а развѣ только сидѣньемъ на парахъ выгонитъ изъ костей нечисть, вогнанную въ него лѣшацкою водою. Впрочемъ, лѣшіе, при окатываніи водою, дѣйствуютъ осторожно: вода никогда не замочитъ одежды человѣка, и злополучный самъ не знаетъ, отчего онъ выходитъ изъ лѣсу съ тѣломъ мокрымъ, къ которому льнетъ сорочка? Думаетъ, разумѣется, недогадливый: я-де сыръ оттого, что больно вспотѣлъ.

Обыкновеніе не оставлять младенцевъ долго безъ крещенія здѣсь основано на повѣрьи, что лѣшій властенъ похитить некрещенаго младенца, а его подмѣнить своимъ. Обмѣненокъ, когда прійдетъ въ возрастъ, непремѣнно сдѣлается страшнымъ колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ. Онъ не будетъ уважать никакихъ кровныхъ узъ и рѣшится даже на отцеубійство безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, если почувствуетъ въ томъ надобность. Онъ очень мало живетъ дома и никогда не сказываетъ, гдѣ былъ, куда ѣздилъ. Но торговые обороты его, для которыхъ онъ будто бы частовременно отлучается изъ дому, всегда счастливо сходятъ съ рукъ, и семья, въ которой онъ живетъ, видимо богатѣетъ отъ него. Этотъ колдунъ, знакомый съ нечистой силой, становится современемъ совсѣмъ не страшнымъ для семьи, потому что мало откуда пріѣзжаетъ безъ подарка, который дѣлаетъ кому нибудь изъ домашнихъ, но дѣлаетъ его съ такою холодностію, какъ будто бросаетъ глоданую кость собакѣ, давно облизывающей губы въ ожиданіи подачи. Между тѣмъ, съ посторонними онъ вѣжливъ и привѣтливъ. По смерти этотъ обмѣненокъ обращается въ еретника и еретничаетъ до тѣхъ поръ, пока у него не истлѣютъ кости. Онъ всегда умираетъ такою смертію, которая не позволяетъ хоронить его христіанскимъ погребеніемъ. Напримѣръ: обмѣненокъ хоть и пьетъ водку больше всѣхъ, но никогда не напивается дотого, чтобъ онъ свалился съ ногъ и выспался не въ своемъ дому, какъ зачастую случается съ православными. Вдругъ обмѣненка находятъ мертвымъ на дорогѣ, потрошатъ: лекарь сказываетъ, что мужикъ умеръ отъ неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ — запился. Роютъ за кладбищемъ могилу, кладутъ туда безъ церковнаго обряда,—и дѣло съ концомъ.

Лѣшіе ведутъ частыя войны съ лѣшими же, живущими не въ нашемъ царствѣ, а потому и у нихъ бываетъ солдатчина. Главный ихъ атаманъ свою резиденцію имѣетъ въ Сибири. Онъ по вѣтру даетъ знать, какіе лѣшіе и изъ какихъ мѣстъ требуются къ нему на службу: тѣ тотчасъ оборачиваются лицомъ къ Сибири и безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій идутъ въ станъ къ атаману-лѣшему по сту верстъ въ часъ. На походѣ они не дѣлаютъ ни роздыховъ, ни дневокъ. Лѣшіе не имѣютъ ни пушекъ, ни ружей и на сраженіяхъ совсѣмъ не употребляютъ пороха, но ломятъ другъ друга столѣтними деревьями, стопудовыми камнями, которыми нарочно запасаются для сраженій, и которые, будучи брошены рукою лѣшаго, летятъ въ десять разъ скорѣе пули на пятьдесятъ верстъ. Наши лѣшіе воюютъ больше съ французомъ-лѣшимъ, котораго владѣнія какъ разъ подходятъ къ Сибири. Впрочемъ, за русскихъ-лѣшихъ опасаться нечего: они всегда побѣждаютъ, хоть француза и собирается всегда вдесятеро больше противъ нихъ. У тѣхъ нѣтъ, вишь, ни лѣсу, ни камней такихъ, какіе водятся у насъ, на православной Руси.

Кто вздумаетъ лѣсовать, тотъ прежде всего долженъ что нибудь принесть на поклонъ лѣшему, чтобъ ловъ былъ удаченъ, и чтобы лѣшій не замоталъ въ лѣсу звѣролова. На поклонъ приносятъ въ лѣсъ, по русскому обычаю, хлѣба, посыпаннаго сверху солью, или блинъ, тоже непремѣнно посоленный, который кладутъ на какой нибудь пень въ лѣсу, и который, разумѣется, дѣлается завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ перваго звѣря или же собственной собаки звѣролова. Кстати о собакахъ. У собаки шерсть здѣшніе крестьяне считаютъ поганою, а ротъ чистымъ, у кошекъ наоборотъ—шерсть чистою, а ротъ поганымъ. Лѣшій, большой охотникъ до погани, жалуетъ собакъ, и потому онѣ бѣгаютъ въ лѣсу и со звѣроловами и однѣ, сколько имъ угодно, безъ всякихъ притѣсненій со стороны лѣшаго; а кошекъ онъ не терпитъ, всегда гоняетъ ихъ изъ лѣсу, и потому онѣ постоянно живутъ по селеніямъ и отличаются привязанностію не къ хозяевамъ, а къ мѣсту жительства.

Средство войти въ сношеніе съ лѣшимъ, такъ же, какъ и съ водянымъ, незамысловато. Мужикъ долженъ отправиться въ лѣсъ, срубить тупицей сосну въ обхватъ, но такъ, чтобъ сосна при своемъ паденіи сломила двѣ осины, хоть не совсѣмъ большія. На эти осины, не срубленныя, а сломанныя, и сломанныя, притомъ, не человѣкомъ, а силой дерева, мужикъ встаетъ, оборотясь лицомъ къ сѣверу, и говоритъ такъ: «лѣсовикъ-великанъ! пришелъ къ тебѣ рабъ такой-то съ поклономъ: заведи съ нимъ дружбу. Коли хошь, такъ топеря же иди, а не хошь, какъ хошь.» Но лѣшій всегда хочетъ знакомства съ рабомъ. Онъ не стегается, какъ домовой, и не давитъ, какъ водяной, за то, что охотниками до нелюдскихъ знакомствъ не строго соблюдены всѣ церемоніи. Лѣшій подходитъ къ мужику, стоящему на осинахъ, вѣжливо снимаетъ шапку съ головы, кланяется по крестьянски, то есть не сгибая стана, киваетъ головой, надъ которою во все время киванья держитъ свою шапку. Лѣшій радъ войти въ знакомство съ мужикомъ, но съ условіемъ, чтобъ мужикъ отрекся отъ отца, отъ матери, отъ роду-племени, и чтобъ при смерти передалъ кому нибудь изъ родныхъ ту власть, которую будетъ имѣть надъ лѣшими. Это условіе тяжко, потому что получившій власть надъ лѣшими на вѣки закабаливаетъ свою душу сатанѣ, которому лѣшій передаетъ ее съ рукъ на руки, какъ скоро она отрѣшится отъ тѣла. Мужикъ, согласившійся на предлагаемое со стороны лѣшаго условіе, требуетъ со своей стороны, чтобы лѣшій отдавалъ ему тѣхъ людей, или тѣхъ животныхъ, которыхъ похититъ, и которыхъ мужикъ потребуетъ отъ него по просьбамъ обращающихся къ нему крестьянъ. Мало того: лѣшій долженъ отъискивать заблудившагося человѣка или затерявшагося быка, барана, вепря и проч., даже и въ такомъ случаѣ, когда ему совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ они. Если человѣкъ или животное похищены другимъ лѣшимъ, то лѣшій, знакомящійся съ мужикомъ, обязанъ достать ихъ отъ того, во что бы то ни стало. Онъ, сверхъ того, долженъ нагонять цѣлыми стадами звѣрей къ ставкѣ мужика, если тотъ вздумаетъ поохотиться въ его владѣніяхъ. Однимъ словомъ: лѣшій для мужика долженъ дѣлать все, что въ состояніи сдѣлать. Мужикъ можетъ и хвастать своимъ знакомствомъ съ лѣшимъ, сколько ему угодно, но не долженъ показывать его людямъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Въ противномъ случаѣ, лѣшій недѣли по двѣ каждый день будетъ корчить своего пріятеля или, по крайней мѣрѣ, окатитъ его банною лѣшацкою водою.

С. ОСОКИНЪ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

Продолженіе (*).

XXXI.

Неизданное посланіе Пушкина. (1816.)

Н. В. Сушковъ, въ сборникѣ своемъ «Раутъ» на 1854 годъ (стр. 248), помѣстилъ посланіе Пушкина къ одному товарищу его по Лицею, писанное въ 1819 году, во время перваго періода ихъ петербургской жизни. Другое посланіе Пушкина къ тому же лицу, написанное въ Лицеѣ, помѣщено въ изданіи П. В. Анненкова (т. II, стр. 214). Вотъ еще одно посланіе Пушкина къ тому же лицейскому товарищу, которое до сихъ поръ не было еще въ печати:

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной.
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ не равной
И розно нашъ оставимъ въ жизни слѣдъ.
Тебѣ рукой фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливой и славной, —
Моя стезя печальна и темна;
И нѣжная краса тебѣ дана,

(*) См. «Современникъ» 1856 г., №№ 5, 6, 7 и 8.

И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ,
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спѣши любить, и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ: и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай....
О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтренный любовникъ,
Будь вѣренъ всѣмъ — плѣняйся и плѣняй.

А мой удѣлъ.... но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы! нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать.
Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья.
Двѣ-три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья;
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навѣкъ, —
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ,
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя.

Твоя заря — заря весны прекрасной,
Моя жь, мой другъ, осенняя заря.
Я зналъ любовь, но не знавалъ надежды,
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ.
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грёзы не забылъ.
Душа полна невольной грустной думой;
Мнѣ кажется: на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я, гость угрюмой,
Явлюсь на часъ — и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ съ любовію вздохнуть!
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая, что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?

Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ,
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
И счастія какой возьму вѣнецъ?

Но что?... Стыжусь!... Нѣтъ, ропотъ униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье!
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ! и въ слезахъ сокрыто наслажденье,
И въ жизни сей мнѣ будетъ утѣшенье:
Мой скромный даръ и счастіе друзей.

Изъ перваго стиха этого посланія видно, что оно написано въ 1816 году (Пушкинъ, какъ извѣстно, родился 26-го мая 1799 года). Въ четвертомъ стихѣ упоминается о Царскосельскомъ озерѣ. Многія выраженія въ этой пьесѣ составляютъ прекрасную характеристику друга юности Пушкина и предсказываютъ ему блестящую будущность, которая теперь вполнѣ осуществилась.

XXXII.

Сатирикъ Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (1775—1813).

Вѣроятно, теперь немногіе помнятъ о существованіи Сергѣя Никифоровича Марина. Онъ былъ свѣтскій шутникъ, веселый товарищъ, образованный человѣкъ и очень недурной стихотворецъ, игравшій блистательную роль въ кругу петербургской молодежи конца прошедшего и начала нынѣшняго вѣка. Маринъ былъ преображенскій офицеръ, впослѣдствіи флигель-адъютантъ Императора Александра I. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу записныхъ литераторовъ, но отъ природы одаренъ былъ даромъ писать стихи, жилъ въ дружбѣ съ писателями и попалъ даже въ члены торжественной «Бесѣды Любителей Русскаго Слова». Еще въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ I были извѣстны разныя его шуточныя стихотворенія, по бо́льшей части рукописныя, и такія же пародіи извѣстныхъ одъ Ломоносова, Державина и проч. Онъ пародировалъ оду послѣдняго «Съ бѣлыми Борей власами» и проч., примѣнивъ свое переложеніе къ воображаемымъ обстоятельствамъ, будто бы сопровождавшимъ рожденіе Гаврiила Васильевича Геракова, бывшаго учителемъ его въ кадетскомъ корпусѣ. Гераковъ этотъ былъ маленькій человѣкъ, родомъ грекъ, а званіемъ шутъ въ разныхъ знатныхъ домахъ, и прожилъ на бѣломъ свѣтѣ очень долго. Онъ написалъ множество брошюръ и книжонокъ, о которыхъ любопытные могутъ справиться въ «Росписи» Смирдина. Всѣ его писанія, разумѣется, бредни, разсказанныя торжественно и самымъ высокимъ слогомъ. Охотникамъ посмѣяться рекомендую заглянуть въ его «Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ, въ 1820 и 1821 годахъ» (2 ч. Спб. 1828—30). Тутъ помѣщено описаніе путешествія его съ графомъ И. И. В. Д., который бралъ съ собой Геракова для потѣхи. Авторъ восхищается всѣмъ и обо всемъ плачетъ. И восхищеніе и слезы его до того забавны, что книга эта рѣшительно едва ли найдетъ себѣ подобную. Вотъ отрывокъ изъ шутки Марина, который предсказываетъ его будущность:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ;
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчный капитанъ.
Будешь — и судьбы гласили —
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ;
Лѣсъ и горы повторили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Маринъ исключительно посвятилъ себя литературѣ, изъ него вышелъ бы замѣчательный стихотворецъ той школы, къ которой принадлежали болѣе или менѣе: князь Долгоруковъ, князь Горчаковъ, В. Л. Пушкинъ, Милоновъ, Воейковъ, Барановъ, Остолоповъ, Филимоновъ и т. п.

Онъ владѣлъ стихомъ бойко, хотя писалъ довольно небрежно и мало для печати. Кто пожелаетъ самъ убѣдиться въ этомъ, пусть потрудится найти журналъ «Драматическій Вѣстникъ», издававшійся въ 1808 году Крыловымъ, и отъискать тамъ двѣ сатиры Марина: 1) Сатира, взятая изъ Боало («Др. Вѣстн.», № 21, стр. 159), и 2) Тоже (№ 23, стр. 187). Вторая изъ нихъ напечатана потомъ въ «Пантеонѣ русской поэзіи» Никольскаго (ч. II, стр. 211) и въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ» (1822, ч. IV, стр. 98). Онъ же перевелъ 1-й актъ «Медеи», трагедіи Лонжъ-Пьерра, вмѣстѣ съ братомъ трагика Озерова (*), и вольтерову «Меропу», которая была, кажется, играна на сценѣ, но не напечатана. Къ сожалѣнію, Маринъ жилъ недолго; онъ умеръ въ Петербургѣ 9 февраля 1813 года (см. «Сынъ Отеч.» 1813 г., № 8-й, стр. 97). Смерть постигла его не болѣе, какъ на 37 или 38 году жизни. Заключаю это изъ того, что въ «Посланіи къ М. М.» («Чтенія въ Бесѣдѣ Люб. Русскаго Слова», кн. 3, стр. 120), писанномъ около 1811 года, есть стихъ:

Но нынѣ стукнуло ужь тридцать-пять мнѣ лѣтъ.

(*) Кстати припомню, что этотъ переводъ былъ конченъ для представленія въ 1819 году другими литераторами: второй актъ переведенъ бар. Дельвигомъ, третій Гнѣдичемъ, четвертый Катенинымъ, а пятый Поморскимъ (см. соч. Катенина, Спб. 1832, ч, II, стр. 189, примѣч. 4) Изъ этого перевода напечатанъ только четвертый актъ; любопытно было бы увидѣть въ печати остальные, особенно третій и еще болѣе второй, чтобы узнать, какъ передалъ Дельвигъ классическіе французскіе стихи. Для этого надо обратиться въ театральные архивы. *М. Л.*

Покойный отецъ мой, возвратясь въ Россію въ 1806 году, послѣ семилѣтняго пребыванія въ Англіи, сошелся чрезъ графа М. С. В., служившаго тогда въ Преображенскомъ полку, со многими офицерами этого полка и въ томъ числѣ особенно съ Маринымъ. Съ тѣхъ поръ сохранилось у отца много стиховъ его, которые онъ съ другими бумагами такого рода передалъ мнѣ.

Выбираю изъ стихотвореній Марина одну пьесу, которая познакомитъ читателей съ тономъ тогдашнихъ шуточныхъ стихотвореній. Выборъ мой еще потому остановился на ней, что она имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ литературѣ, такъ какъ въ ней воспѣвается «Возвращеніе князя А. А. Шаховскаго изъ Франціи въ 1802 году». Вотъ эта пьеса, съ нѣкоторыми замѣчаніями:

Ударилъ громъ! и горъ кремнистыхъ
Трепещетъ сердце и хребетъ!
Въ странахъ полночныхъ, снѣжно-льдистыхъ
Борей, ярясь, какъ вепрь реветъ,
Колеблетъ міра основанье;
Тамъ зрится сѣверно сіянье,
Стихіи въ распрѣ межь собой.
Въ ѳирѣ ясный лугъ сіяетъ,
И эхо громко восклицаетъ:
«Ура! къ намъ ѣдетъ Шаховской!

Онъ ѣдетъ къ намъ! и скрипъ рессоры
Отъ тяжка бремени сего,
Черезъ моря несясь и горы,
Достигъ до слуха моего.
Достигъ — и духъ мой восхищаетъ,
Восторгомъ чувства наполняетъ
И нудитъ мой возвысить гласъ.
Чтобъ пѣть преславнаго героя
Я, лиру громкую настроя,
Для друга лѣзу на Парнасъ.

Я взлѣзъ — и зрю боговъ собранье.
Сошлись для помощи они
И прилагаютъ все старанье
Бѣжали чтобъ скорѣй кони,
Кои изъ тридевята царства
Везутъ въ Россійско государство
Поэта славнаго назадъ.
Я восхищался симъ явленьемъ
И свѣтъ наполню удивленьемъ,
Коль опишу вамъ весь парадъ.

Извѣстно, Фебъ что управляетъ
Не хуже кучера коней;
Ему Зевесъ повелѣваетъ,
Чтобъ онъ держался близъ возжей.
Форейторомъ Меркурій зрится;
Вулканъ не смѣетъ отлучиться,
Готовъ починки исправлять;
Амуръ-мальчишечка съ крылами
Летѣлъ всегда надъ лошадями,
Ихъ плетью тщился погонять.

Другихъ не менѣе старался
Зевесъ во время тьмы ночей
И съ молніей въ рукахъ являлся
Свѣтить на мѣсто фонарей;
Нептунъ смотрѣлъ тамъ за мостами,
Вертѣло счастье колесами;
Чтобъ отъ воровъ очистить лѣсъ,
Передъ повозкой шелъ съ дубиной,
Покрытый кожицею львиной,
Извѣстный въ свѣтѣ Геркулесъ.

Одинъ лишь Марсъ отворотился
И Шаховскому не помогъ:
Давно на князя онъ сердился,
Что службу онъ оставить могъ.
Съ нимъ Марсъ и въ службѣ не браталея;
Онъ гнать всегда его старался
И, словомъ, былъ съ нимъ нехорошъ:
Не тѣмъ командовалъ князь тономъ
И былъ всегда онъ съ эспонтономъ
На ярославскій гербъ похожъ.

Безъ Марса боги обошлися,
Чтобъ ускорить его пріѣздъ:
Скрыпя, рессоры дотряхлися
До славныхъ полуночныхъ мѣстъ.
Парнаса пасынокъ любимой!
Не оставляй страны родимой,
Живи всегда ты межь друзей!
Итакъ, Москва восколебалась,
Нева двукратно разливалась,
Узнавъ, что ѣдетъ сынъ князей!

Князей ты сынъ и баринъ русской!
Прошу теперь намъ разсказать,

Что въ славной ты странѣ французской
Изволилъ новаго встрѣчать?
Скажи, какъ вѣтренны народы,
Прельстяся тѣнями свободы,
Устроили спокойству адъ;
Скажи, не кроя́ся личиной:
Поѣхалъ ты отъ насъ дѣтиной,
А чѣмъ пріѣхалъ ты назадъ?

Князь А. А. Шаховской родился 24 апрѣля 1777 года и служилъ въ первой молодости въ Преображенскомъ полку. Въ 1801 году онъ ужь вышелъ изъ военной службы, что и подало Марину поводъ сказать, что Марсъ не благоволилъ къ князю. Въ 1802 году Шаховской ѣздилъ въ чужіе краи, гдѣ, по службѣ своей при дирекціи театровъ, имѣлъ порученіе заключить контракты со многими артистами. Возвращеніе изъ этого путешествія послужило темой Марину. Надо замѣтить, что Шаховской тогда уже былъ очень толстъ, на что Маринъ дѣлаетъ тутъ много намековъ. При Императорѣ Павлѣ, офицеры носили тяжелые эспонтоны. Въ ярославскомъ гербѣ, какъ извѣстно, изображенъ медвѣдь. Въ 1802 году было въ Петербургѣ большое наводненіе, а въ Москвѣ 14 октября—землетрясеніе. (См. «Вѣстн. Европы» 1802 года, № 21, стр. 69.)

XXXIII.

Еще эпиграммы на Липецкія Воды, князя Шаховскаго. (1815.)

Заговоривъ о Шаховскомъ, приведу кстати еще двѣ эпиграммы, появившіяся по поводу «Липецкихъ водъ». О полемикѣ по случаю этой комедіи я говорилъ въ § XIX «Библ. Зап.» и привожу теперь въ дополненіе къ сообщеннымъ мною извѣстіямъ новые документы по этому литературному процессу:

1.

Хвала тебѣ, о, Шутовской!
Я вѣкъ не видывалъ диковинки такой —
Искусство превзошло всѣ чудеса природы:
Водянымъ слогомъ ты творишь сухія воды.

2.

Видалъ я храбрецовъ съ жестокими сердцами,
Но злость безсильнаго въ одномъ лишь Шутовскомъ;
Тѣмъ лучше: онъ едва царапаетъ стихами,
А еслибъ не былъ трусъ, то рѣзалъ бы ножомъ.

Не знаю, кѣмъ написаны эти эпиграммы; прежде уже сказано, какъ далеко духъ партій увлекалъ противниковъ Шаховскаго и какъ нѣкоторыя нападки ихъ преувеличены.

XXXIV.

Неизданное посланіе Жуковскаго къ Воейкову. (1814.)

Съ недавнихъ только поръ, когда біографы, библіографы и критики стали изъискивать матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности нашихъ писателей, публика начинаетъ знакомиться съ личностію и особенностями таланта того или другаго автора. Прежде такія свѣдѣнія были достояніемъ немногихъ избранныхъ и были недоступны массѣ читателей. Критическій духъ вѣка и распространеніе круга читателей, не довольствующихся уже общими мѣстами въ сужденіяхъ о явленіяхъ литературныхъ,—все это само собою вызвало на свѣтъ обнародованіе тѣхъ подробностей, которыя такъ необходимы для того, чтобы вполнѣ составить понятіе о духѣ и направленіи писателя и оцѣнить родъ и степень его дарованія.

Точно такъ недавно стали появляться извѣстія, представляющія Жуковскаго съ новой, для незнавшихъ его, стороны — добродушной веселости и тонкой насмѣшки, которыхъ въ немъ не могли подозрѣвать люди, знакомые только съ его печатными сочиненіями. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ сочиненіяхъ проявляется главное и серьёзное направленіе его таланта. Но мы хотимъ знать поэта *всего*, со всѣми разнородными элементами, хотя и второстепенными, изъ которыхъ слагается характеръ, а слѣдовательно и дарованіе каждаго. И вотъ уже передъ нами начинаетъ рисоваться живой портретъ поэта, какъ веселаго собесѣдника въ дружескомъ кругу, какъ остроумнаго сатирика въ засѣданіяхъ «Арзамаса». Никто не найдетъ, что такія черты искажаютъ личность поэта «Свѣтланы» и «Людмилы». Въ нихъ видѣнъ тотъ же привлекательный талантъ, только въ новомъ видѣ, та же благородная душа, которую въ немъ всѣ привыкли любить. Портретъ сдѣлался только живѣе и ближе къ истинѣ.

Слѣдующее посланіе къ Воейкову доказываетъ, что Жуковскій также писалъ, подобно Батюшкову и другимъ, сатирическіе стихи на отсталыхъ и упрямыхъ литературныхъ старовѣровъ. Въ этой пьесѣ, найденной мною во множествѣ старыхъ рукописныхъ стиховъ, замѣтенъ какой-то особой родъ сатиры, не похожій на тотъ, который господствуетъ въ подобныхъ сочиненіяхъ у другихъ писателей. Мнѣ кажется, что въ посланіи къ Воейкову, по нѣкоторымъ чертамъ, которыя уловить и объяснить очень трудно, узнается Жуковскій. Пьеса эта, послѣ пародіи Батюшкова и сатиры Воейкова и моихъ къ нимъ объясненій, не требуетъ многихъ примѣчаній, которыя будутъ состоять по бо̀льшей части въ ссылкахъ на сказанное прежде. Время ея сочиненія отношу я приблизительно къ тому же 1814 году, когда появились сатиры Батюшкова и Воейкова.

ВОЕЙКОВУ.

О, Воейковъ! Видно, намъ
Помышлять объ исправленьи!
Если должно вѣрить снамъ,
Скоро Пинда преставленье,
Скоро должно наступить!
Скоро за летящимъ громомъ
Аполлонъ прійдетъ судить
По стихамъ, а не по томамъ.

Намъ извѣстно съ древнихъ лѣтъ:
Сны, чудовищей явленья,
Грозно пламенныхъ кометъ,
Предвѣщали измѣненья
Въ муравейникѣ земномъ!
И всегда бывали правы
Сны въ пророчествѣ своемъ.
Въ мірѣ Феба тѣ жъ уставы.

Тьма страшилищъ межъ стиховъ,
Тьма чудесъ.... дрожу отъ страху;
Зрѣлъ обертки пироговъ
Я недавно Андромаху. (1)
Зрѣлъ, какъ нѣкій Асмодей
Мазалъ, видъ принявъ лакея,
Грозной кистію своей
На замазку оконъ Грея. (2)

Зрѣлъ недавно, какъ Пиндаръ,
Въ воду огнь свой обративши,
Затушилъ въ Москвѣ пожаръ
Всю зажечь ее грозившій. (3)
Зрѣлъ, какъ Сафу билъ голикъ (4),
Какъ Расинъ кряхтѣлъ подъ тѣстомъ,
Зрѣлъ окутанный парикъ
И Электрой и Орестомъ. (5)

Зрѣлъ въ ночи, какъ въ высотѣ
Кто-то, грозный и унылый,
Подбоченясь на котѣ
Ѣхалъ рысью; въ шуйцѣ вилы,
А въ десницѣ грозный *икъ*;
По славянски котъ мяукалъ,
А внимающій старикъ
Въ тактъ съ усмѣшкой *икомъ* тукалъ. (6)

Сей скакунъ по небесамъ
Прокатился метеоромъ.
Вдругъ отверзтый вижу храмъ,
И къ нему идутъ соборомъ
Фебъ и музы.... что жь? О, страхъ!
Фебъ въ ужасныхъ рукавицахъ,
Въ русской шапкѣ и котахъ;
Кички на его сестрицахъ!

Старика ввели во храмъ
При печальныхъ смѣховъ ликахъ,
Въ зипунахъ Амуры тамъ
И Хариты въ черевикахъ! (7)
На престолѣ золотомъ
Старика сидитъ богиня (8),
Одесную Вкусъ съ бѣльмомъ,
Простофиля и розиня.

И какъ будто близъ жены,
Поручивъ кота Эроту,
Сѣлъ старикъ близъ старины,
Силясь скрыть свою перхоту.
И въ гудокъ для пришлеца
Фебъ ударилъ съ важнымъ тономъ;
И пустились голубца
Мельпомена съ Купидономъ.

Важно билъ въ кадансъ старикъ
И подмигивалъ старушкѣ;
И его державный икъ
Передъ нимъ лежалъ въ кадушкѣ.
Тутъ къ престолу подошли
Стихотворцы для присяги:
Тѣ подъ мышками несли
Росписныя съ квасомъ фляги.

Тотъ тащилъ кису морщинъ,
Тотъ прабабушкину мушку,
Тотъ старинныхъ словъ кувшинъ,
Тотъ *кавыкъ* и *юсовъ* кружку,
Тотъ перину изъ бородъ,
Древле бритыхъ въ Петроградѣ,
Тотъ славянскій переводъ
Басенъ Дмитрева въ окладѣ. (9)

Всѣ, воззрѣвъ на старину,
Персты вверхъ и ставши рядомъ:

«Брань и смерть Карамзину!»
Грянули, сверкая взглядомъ.
«Зубы грѣшнику порвемъ,
«Осрамимъ хребетъ строптивый!
«Ликъ во утро избіемъ
«Намъ обиды сотворивый!» (10)

Вздрогнулъ я. Призракъ исчезъ....
Что жь все это предвѣщаетъ?
Ахъ, мой другъ, то гласъ небесъ!
Полно медлить.... наступаетъ
Аполлоновъ страшный судъ,
Дни послѣдніе Парнаса!
Насъ богини мщенья ждутъ....
Полно мучить намъ Пегаса!

Не покаяться ли намъ
Въ прегрѣшеньяхъ потаенныхъ?
Если вѣрить старикамъ,
Муки Фебомъ осужденныхъ
Неописанныя, другъ!
Поспѣшимъ же покаяньемъ,
Чтобъ и намъ за риѳмы крюкъ
Не былъ въ адѣ воздаяньемъ.

Мукъ тамъ бездна! Вотъ Хвостовъ,
Межь огромными ушами,
Какъ Танталъ среди плодовъ,
Съ непрочтенными стихами.
Хочетъ ихъ читать ушамъ,
Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать просторъ стихамъ —
Уши разомъ всѣ свернутся! (11)

Вотъ на плечи стихъ взгрузивъ,
На гору его волочитъ
Тамъ Шихматовъ, какъ Сизифъ (12);
Бьется, силится, хлопочетъ,
На верху горы — вдовецъ
Здравый смыслъ торчитъ маякомъ;
Вотъ ужь близко! Вотъ конецъ!
И ползетъ вновь книзу ракомъ.

Вотъ Грузинцовъ-траголюбъ (12)
Убираетъ лобъ въ морщины
И хитономъ свой тулупъ
Въ угожденье Прозерпины

Величаетъ не впопадъ;
Но хвастливость не у мѣста:
Всѣхъ страшитъ его нарядъ,
Даже Фурій и Ореста!

Полонъ треску и огня
И на смыслъ весьма убогій
Вотъ на чахлаго коня
Лѣзетъ Ѳирсъ коротконогій (14).
Лишь усѣлся — конь распухъ,
Ножки вверхъ, нѣтъ силъ держаться;
Конь галопомъ, рыцарь бухъ —
Снова лѣзетъ, чтобъ сорваться.

Ахъ! покаемся, мой другъ!
Это ужь полъ-исправленья!
Мы достойны этихъ мукъ:
Я за вѣдьмъ, за привидѣнья,
За чертей, за мертвецовъ;
Ты жь за то, что въ переводѣ
Очутился изъ Садовъ
Подъ капустой, въ огородѣ! (15)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) «Андромаха» Расина, переведена графомъ Д. И. Хвостовымъ. См. § XXXI, прим. 9.

2) 3) 4) Грей, Пиндаръ и Сафо переведены П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ. См. § XXXI, прим. 1.

5) «Электра и Орестъ», трагедія А. Н. Грузинцова. См. § XXXI, прим. 15.

6) А. С. Шишковъ — глава славянофиловъ. См. § II.

7) Забавныя эти изображенія прекрасно выражаютъ направленіе членовъ «Бесѣды Любителей Русскаго Слова».

8) Кажется, тутъ дѣло идетъ объ Аннѣ Петровнѣ Буниной, которой сочиненія очень цѣнились въ «Бесѣдѣ» и особенно Шишковымъ.

9) Языкъ И. И. Дмитріева, сподвижника Карамзина, не могъ быть по вкусу Шишкову и его поклонникамъ.

10) Читателямъ извѣстно, что вражда партіи Шишкова къ нововведеніямъ Карамзина и его послѣдователей доходила до ожесточенія.

11) См. § II, прим. 6, и § XXXI, прим. 9.

12) См. § II, прим. 3.

13) См. выше, прим. 5.

14) Не знаю, кто изображенъ подъ именемъ Ѳирса.

15) Намеки въ этихъ стихахъ очень ясны: въ нихъ заключается шутка насчетъ балладъ Жуковскаго и перевода делилевыхъ «Садовъ», сдѣланнаго Воейковымъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Приношу искреннюю мою благодарность гг. литераторамъ, почтившимъ эти библіографическіе опыты одобрительными отзывами въ журналахъ : они побуждаютъ меня продолжать мой скромный трудъ.

При самомъ началѣ «Библіографическихъ Записокъ» я выразилъ мнѣніе свое объ изслѣдованіяхъ такого рода. Чуждый всякаго самолюбія и самоувѣренности въ дѣлѣ библіографіи, я пишу единственно изъ желанія разъяснять прошедшее нашей литературы и сохранить память такихъ фактовъ, которые, будучи забываемы все болѣе и болѣе или малоизвѣстны, могли бы мало по малу совсѣмъ утратиться. Истина этихъ фактовъ — одна цѣль, которой желательно достигнуть для пользы дѣла. Поэтому я благодаренъ не за однѣ похвалы, а и за указанія моихъ ошибокъ. Такія указанія доказываютъ стремленіе къ той же цѣли, которой я желаю достигнуть, а потому для меня дороги. Я весьма порадовался, прочтя въ № 90 «Московскихъ Вѣдомостей»» 1856 года замѣтку М. П. Полуденскаго объ ошибкѣ въ ссылкѣ моей на роспись Смирдина о сочиненіяхъ Николева, происшедшей отъ опечатки въ этой росписи. Надѣюсь и впредь находить въ журналахъ поправки неизбѣжныхъ иногда промаховъ.

Недавно я имѣлъ удовольствіе получить отъ друга моего Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, которому я столько обязанъ въ успѣхѣ моихъ розысканій, драгоцѣнную замѣтку объ «Арзамасѣ», написанную однимъ изъ его членовъ. Въ ней сказано, что «Арзамасъ» учредился послѣ представленія «Липецкихъ водъ», по поводу написанной Д. Н. Б. шутки «Видѣніе», котораго дѣйствіе происходитъ въ арзамасскомъ трактирѣ. Шутка эта была отголоскомъ извѣстной «Vision de l'abbé Morrelet», написанной по поводу комедіи Палиссо «Les philosophes». Въ комедіи этой осмѣяны были энциклопедисты и Ж. Ж. Руссо. Она появилась въ 1760 году. Морреле отвѣчалъ своимъ «Видѣніемъ» на выходки Палиссо, такъ же, какъ авторъ русскаго «Видѣнія» возражалъ Шаховскому.

Благодарю и неизвѣстнаго корреспондента, котораго письмо, равно какъ и приложенные къ нему стихи «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» и варіанты къ батюшковскому «Пѣвцу» (Библ. зап. § II) получены мною 25 іюля. Приложеніями этими воспользуюсь непремѣнно.

МИХ. ЛОНГИНОВЪ.

Москва.
31 іюля 1856 года.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ АНГЛІИ

ПРИ КОРОЛЯХЪ ІАКОВѢ II И ВИЛЬГЕЛЬМѢ III И КОРОЛЕВѢ АННѢ.

ИЗЪ МАКОЛЕЯ.

ГЛАВА I.

Смерть Карла II. — Подозрѣніе въ отравленіи. — Рѣчь Іакова II къ Тайному Совѣту. — Признаніе Іакова королемъ. Сэръ Джорджъ Джэффрейзъ.— Сборы, взимаемые безъ парламентскаго акта. — Созваніе Парламента. — Переговоры между Іаковомъ и французскимъ королемъ. — Чорчилль, отправленный посланникомъ во Францію. — Его исторія. — Чувства континентальныхъ правительствъ къ Англіи. — Политика Римскаго Двора. — Борьба къ душѣ Іакова. — Колебаніе его политическихъ убѣжденій. — Торжественное отправленіе римско-католической службы во дворцѣ. — Коронація Іакова. — Восторженные адресы торіевъ. — Выборы. — Судъ надъ Отсомъ. — Судъ надъ Дангерфильдомъ. — Судъ надъ Бакстеромъ. — Собраніе шотландскаго Парламента. — Чувства Іакова къ пуританамъ. — Жестокое обращеніе съ шотландскими ковентатерами. — Собраніе англійскаго Парламента. — Рѣчь короля къ Парламенту.—Назначеніе пожизненнаго дохода. — Мѣры депутатовъ относительно религіи. — Добавочные налоги. — Билль въ оправданіе Стаффорда.

Смерть Карла Втораго застала націю врасплохъ. Организмъ короля былъ крѣпокъ и не испыталъ, повидимому, вреднаго вліянія излишествъ. Даже среди наслажденій король не переставалъ заботиться о своемъ здоровьѣ, а привычки его были таковы, что обѣщали долгую жизнь и бодрую старость. Лѣнивый въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось умственное напряженіе, онъ былъ дѣятеленъ и неутомимъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Въ молодости онъ славился искусствомъ играть въ мячъ и до конца жизни не уставалъ отъ самой долгой ходьбы. Его обыкновенный шагъ былъ таковъ, что всѣ удостоивавшіеся чести ему сопутствовать, съ трудомъ могли итти наровнѣ съ нимъ. Онъ вставалъ рано и обыкновенно три или четыре часа проводилъ на открытомъ воздухѣ. Бывало, прежде, чѣмъ роса сойдетъ съ лужаекъ Сентъ-Джемскаго парка, король шагаетъ уже между деревьями, играетъ съ своими испанскими собаками и бросаетъ кормъ уткамъ. Всѣ эти привычки привязывали къ нему простой народъ, который вообще съ удовольствіемъ смотритъ на свободу и непринужденность великихъ земли. Наконецъ, въ исходѣ

1684 г., легкій припадокъ болѣзни, которую считали подагрой, заставилъ короля отказаться отъ обычныхъ странствованій. Теперь онъ сталъ проводить утро въ лабораторіи, гдѣ забавлялся опытами надъ ртутью. Отъ этой затворнической жизни характеръ его сталъ портиться. Повидимому, у него не было ни малѣйшаго повода для тревоги. Королевство его было спокойно; онъ не чувствовалъ особенной нужды въ деньгахъ; власть его сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ когда либо; партія, которая долго противодѣйствовала ему, была уничтожена. Но веселость, поддерживавшая его въ борьбѣ съ неудачами, исчезла въ эту пору счастія и успѣховъ. Бездѣлица могла теперь разстроить его энергическій духъ, въ старину казавшійся закаленнымъ противъ неудачъ, изгнанія и бѣдности. Раздражительность его часто проявлялась въ такихъ взглядахъ и словахъ, какихъ почти нельзя было ожидать отъ человѣка, отличавшагося, подобно ему, прекраснымъ характеромъ и привѣтливымъ обхожденіемъ. Завсѣмъ тѣмъ, никто не предполагалъ, чтобы здоровье его было значительно разстроено.

Дворецъ рѣдко его представлялъ такое оживленное и соблазнительное зрѣлище, какъ вечеромъ въ субботу 1 февраля 1685 года. Сановники, собравшіеся туда по обычаю того времени, чтобы принести свои привѣтствія королю, и надѣявшіеся, что въ такой день дворъ его будетъ имѣть приличный видъ, были поражены удивленіемъ и ужасомъ. Большая Вайтголльская галлерея, чудный памятникъ величія Тюдоровъ, занята было толпою гулякъ и игроковъ. Король, сидя тамъ, болталъ и дурачился съ тремя дамами, которыхъ прелести составляли гордость, а пороки—позоръ трехъ націй. Тутъ была Барбара Пальмеръ, герцогиня Клэвландская, сохранявшая, несмотря на утраченную молодость, слѣды той роскошной и чувственной красоты, которая двадцать лѣтъ назадъ покоряла сердца всѣхъ мужчинъ. Тутъ была герцогиня Портсмутская, которой нѣжныя, дѣтскія черты лица украшались живостью Француженки. Гортензія Манчини, герцогиня Мазарини, племянница великаго кардинала, дополняла группу. Она рано была взята изъ родной Италіи ко двору, при которомъ дядя ея былъ первенствующимъ лицомъ. Могущество дяди и ея личныя прелести привлекали къ ней толпу самыхъ знатныхъ поклонниковъ. Самъ король, во время изгнанія, напрасно домогался ея руки. Ни одинъ даръ природы и счастія не былъ, повидимому, чуждъ ея. Лицо ея носило отпечатокъ роскошной красоты юга, умъ ея былъ быстръ, манеры изящны, общественное положеніе высоко, состояніе огромно; но ея необузданныя страсти обратили всѣ эти преимущества ей же въ погибель. Вышля замужъ неудачно, она не могла перенести своего несчастія, убѣжала отъ мужа, покинула свои богатства и, удививъ Римъ и Піемонтъ своими приключеніями, поселилась въ Англіи. Домъ ея былъ любимымъ убѣжищемъ умныхъ и жадныхъ до наслажденій людей, которые за удовольствіе видѣть ея улыбку и сидѣть за ея столомъ переносили ея надменность и порывы раздражительности. Въ ея обществѣ Рочестеръ и Годольфинъ часто забывали государственныя дѣла. Въ ея гостиной Бариллльонъ и Сентъ-Эвремонъ находили утѣшеніе вдали отъ Парижа. Ученость Воссія и остроуміе Валлера ежедневно старались льстить ей и забавлять ее. Но ея больная душа требовала болѣе сильныхъ ощущеній и искала ихъ въ сладострастіи, въ картахъ и шафранной водкѣ. Карлъ проказничалъ съ своими тремя султаншами, а французскій пажъ Гортензіи, хорошенькій мальчикъ, котораго голосъ былъ утѣхой Вайтголля и доставлялъ ему подарки, богатое платье, лошадей и гинеи, напѣвалъ какіе-то эротическіе стихи. Общество изъ двадцати придворныхъ сидѣло за картами вокругъ стола, на которомъ золото было разсыпано грудами. Даже тутъ король жаловался, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Къ ужину у него не было аппетита; онъ безпокойно провелъ ночь, но на другой день всталъ, по обыкновенію, рано.

Между тѣмъ, соперничествовавшія партіи въ его совѣтѣ уже нѣсколько дней тревожно смотрѣли на будущее. Борьба между Галифаксомъ и Рочестеромъ приближалась, повидимому, къ рѣшительной развязкѣ. Галифаксъ, не удовольствовавшись тѣмъ, что устранилъ своего соперника отъ Министерства Финансовъ, старался заподозрить его въ неблагонамѣренномъ и небрежномъ управленіи финансами и доказать, что онъ заслуживаетъ быть совершенно уволеннымъ отъ общественныхъ дѣлъ. Поговаривали даже, что Рочестеръ посаженъ въ Товеръ. Король обѣщалъ изслѣдовать дѣло. Второе февраля назначено было для дознанія. Чиновники, завѣдывавшіе различными отраслями финансоваго управленія, получили приказаніе явиться въ этотъ день съ своими книгами. Но великій переворотъ судьбы готовъ уже былъ совершиться.

Едва Карлъ поднялся съ постели, какъ приближенные его замѣтили, что выговоръ его пересталъ быть внятнымъ, и что въ мысляхъ его недоставало связи. Нѣсколько знатныхъ людей собрались, по обыкновенію, чтобы присутствовать при королѣ, пока онъ будетъ бриться и одѣваться. Онъ старался разговаривать съ ними въ прежнемъ веселомъ тонѣ; но его помертвѣвшій взоръ удивилъ и испугалъ ихъ. Вслѣдъ затѣмъ лицо его потемнѣло, глаза закатились, онъ вскрикнулъ, закачался и упалъ на руки Томаса лорда Брюса, сына графа Эльсбурійскаго. Медикъ, завѣдывавшій королевскими ретортами и плавильниками, случился тутъ. У него не было ланцета; но онъ открылъ жилу перочиннымъ ножемъ. Кровь потекла свободно; но король лишился чувствъ.

Его положили на постель, на которой герцогиня Портсмутская обнимала его съ фамильярностію жены. Но тревога уже распространилась. Королева и герцогиня Йоркская поспѣшили войти въ комнату. Фаворитка принуждена была удалиться въ свои покои. Эти апартаменты, въ угоду ей, были три раза сломаны ея поклонникомъ и потомъ вновь отстроены. Принадлежности камина тамъ были изъ литаго серебра. Нѣсколько прекрасныхъ картинъ, принадлежавшихъ собственно королевѣ, перенесены были въ комнаты фаворитки. Буфеты были уставлены роскошной посудой. Въ нишахъ стояли вазы, образцы высокаго японскаго искусства. На обояхъ, только что вышедшихъ изъ-подъ парижскихъ станковъ, нарисованы были съ красотой, какой никогда не представляло английское шпалерное производство, птицы съ перьями самыхъ яркихъ цвѣтовъ, сцены охоты, сенъ-жерменская терраса, статуи и фонтаны Версаля. Посреди этой пышности, купленной цѣною порока и стыда, несчастная женщина предавалась самому ужасному отчаянію, которое, надо отдать ей справедливость, не лишено было искренности.

Ворота Вайтголля, бывавшія прежде отворенными для всѣхъ приходящихъ, теперь заперты. Но особамъ, лица которыхъ хорошо извѣстны, доступъ по прежнему дозволенъ. Пріемныя и галлереи скоро наполнились до невозможности; даже комната больнаго вмѣщала въ себѣ цѣлую толпу перовъ, членовъ Тайнаго Совѣта и иностранныхъ посланниковъ. Всѣ извѣстнѣйшіе лондонскіе врачи были также созваны. Политическая непріязнь была такъ ощутительна, что присутствіе тутъ медиковъ - виговъ казалось необыкновеннымъ обстоятельствомъ. Въ числѣ врачей находился католикъ докторъ Томасъ Шартъ, снискавшій уже громкую извѣстность. Многіе изъ рецептовъ были сохранены. Одинъ изъ нихъ подписанъ четырнадцатью докторами. Паціенту много выпустили крови. Къ головѣ его прикладывали раскаленное желѣзо. Въ ротъ дали ему пахучей кислоты, добытой изъ человѣческаго черепа. Больной пришелъ въ чувство; но замѣтно было, что онъ въ большой опасности.

Королева нѣкоторое время находилась при больномъ безотлучно; герцогъ Йоркскій почти не оставлялъ изголовья своего брата. Примасъ и четыре другіе епископа были тогда въ Лондонѣ. Они цѣлый день провели въ Вайтголлѣ, а ночью сидѣли въ комнатѣ короля по очереди. Извѣстіе о его болѣзни распространило по всей столицѣ тревогу и уныніе. Ровный характеръ и привѣтливыя манеры короля пріобрѣли ему привязанность бо́льшей части народа; даже тѣ, которые чувствовали къ нему мало расположенія, предпочитали его легкомысліе, лишенное нравственныхъ правилъ, строгому и высокомѣрному пустосвятству его брата.

Утромъ въ четвергъ 5 февраля лондонская газета возвѣстила, что его величество поправляется, и что медики считаютъ его внѣ опасности. Церковные колокола звонили радостно, и на улицахъ дѣлались приготовленія къ иллюминаціи. Но вечеромъ было извѣстно, что болѣзнь короля опять усилилась, и что врачи потеряли всякую надежду. Общественное мнѣніе было сильно потрясено; но не оказалось ни малѣйшаго расположенія къ мятежу. Герцогъ Йоркскій, взявшій уже на себя обязанность отдавать приказанія, убѣдился, что въ Сити совершенно спокойно, и что онъ безъ затрудненія можетъ быть признанъ королемъ, лишь только братъ его скончается.

Король очень страдалъ и жаловался, что чувствуетъ у себя внутри какъ бы пылающій огонь. Завсѣмъ тѣмъ онъ переносилъ страданія съ твердостію, какой трудно было ожидать отъ его мягкой и склонной къ наслажденіямъ натуры. Видъ его страданій такъ поразилъ его жену, что она упала въ обморокъ и была вынесена безъ чувствъ въ свои комнаты. Прелаты, дежурившіе при больномъ, еще прежде пробовали убѣждать его приготовиться къ смерти. Теперь они сочли своимъ долгомъ повторить свои увѣщанія настоятельнѣе. Уилльямъ Санкрафтъ, архіепископъ кантербюрійскій, человѣкъ честный и благочестивый, хотя и ограниченный, говорилъ очень смѣло. «Пора уже—произнесъ онъ—вполнѣ высказаться: государь, вы скоро предстанете передъ Судьею, Который не уважаетъ личныхъ преимуществъ.» Король не отвѣчалъ ни слова.

Тогда сталъ убѣждать короля, въ свою очередь, Томасъ Кэнъ, епископъ батскій и велльскій. Это былъ человѣкъ ученый, характера впечатлительнаго и образа жизни безукоризненнаго. Его объемистыя сочиненія давно уже забыты; но утренніе и вечерніе гимны его до сихъ поръ ежедневно повторяются посреди многихъ тысячъ семействъ. Хотя, подобно бо́льшей части членовъ іерархіи, онъ ревностно поддерживалъ монархію, но никогда не былъ придворнымъ льстецомъ. Прежде, чѣмъ онъ возведенъ былъ въ званіе епископа, онъ поддержалъ уже значеніе своего духовнаго сана, отказавшись — во время пребыванія двора въ Винчестерѣ — допустить Элеонору Гвиннъ жить въ домѣ, предоставленномъ ему въ видѣ пребенды. Король былъ довольно великодушенъ, чтобы оцѣнить подобную твердость характера. Изъ всѣхъ прелатовъ онъ уважалъ Кэна наиболѣе. Впрочемъ, въ настоящую минуту добрый епископъ напрасно расточалъ все свое краснорѣчіе. Его торжественныя и патетическія увѣщанія дотого поразили и разстрогали предстоявшихъ, что многіе видѣли въ немъ присутствіе того же самого духа, который въ древнія времена, устами Наѳана и Иліи, довелъ порочныхъ царей до раскаянія. Карлъ, однако, былъ непреклоненъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ возраженій, пока читались молитвы «Посѣщенія Больнаго». Въ отвѣтъ на неоднократные вопросы духовенства, онъ отвѣчалъ, что скорбитъ обо всемъ, что сдѣлалъ дурнаго, и допустилъ произнести надъ собою разрѣшительную молитву, по обрядомъ англиканской церкви; но когда его стали убѣждать объявить, что онъ умираетъ въ общеніи съ этою церковью, онъ, повидимому, не понялъ, о чемъ ему говорили, и ничто не могло заставить его принять евхаристію изъ рукъ епископовъ. Столъ съ хлѣбомъ и виномъ былъ принесенъ къ его изголовью, но напрасно. Повременамъ онъ повторялъ, что спѣшить еще нечего, повременамъ — что онъ слишкомъ слабъ.

Одни приписывали его апатію неуваженію къ священнодѣйствію, другіе — безчувственному состоянію, которое часто предшествуетъ смерти. Но во дворцѣ было нѣсколько особъ, которыя понимали дѣло лучше. Карлъ никогда не былъ преданнымъ сыномъ господствовавшей церкви. Умъ его колебался между гоббизмомъ и папствомъ. Когда здоровье его было хорошо и духъ спокоенъ, онъ являлся кощуномъ. Въ рѣдкія минуты серьёзнаго душевнаго настроенія онъ былъ католикомъ. Герцогъ Йоркскій хорошо понималъ это, но былъ вполнѣ поглощенъ заботами о своихъ собственныхъ выгодахъ. Онъ распорядился, чтобы наружныя ворота были заперты. Онъ размѣстилъ отряды стражи въ различныхъ частяхъ Сити. Онъ заставилъ умирающаго короля подписать слабою рукою постановленіе, которымъ нѣкоторыя пошлины, установленныя первоначально, до перемѣны царствованія, продолжены были еще на три года. Всѣ эти предметы занимали вниманіе Іакова до такой степени, что хотя, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, онъ отличался постоянною ревностью къ пріобрѣтенію для своей церкви новыхъ прозелитовъ, но теперь ему не приходило и въ голову, что братъ его можетъ умереть безъ религіознаго напутствованія. Эта забывчивость становится тѣмъ страннѣе, что герцогиня Йоркская, по замѣчанію королевы, въ то же утро, когда король почувствовалъ себя дурно, доказывала необходимость подать ему духовную помощь. Наконецъ подобнымъ напутствованіемъ король былъ обязанъ вліянію, совершенно не похожему на вліяніе его благочестивой жены и невѣстки. Жизнь, полная легкомыслія и пороковъ, не уничтожила въ герцогинѣ Портсмутской религіознаго чувства и той нѣжности ощущеній, которая составляетъ украшеніе женщины. Французскій посланникъ Барилльонъ, явившійся во дворецъ съ цѣлію навѣдаться о королѣ, зашелъ къ ней съ визитомъ. Онъ засталъ ее въ тревогѣ и уныніи. Она увела его въ отдаленную комнату и вполнѣ открыла ему свое сердце. «Мнѣ нужно — сказала она — объясниться съ вами по очень важному дѣлу. Еслибы кто нибудь объ этомъ узналъ, голова моя была бы въ опасности. Король истинный и ревностный католикъ; но онъ умретъ не примирившись съ церковью. Его спальня наполнена протестантскимъ духовенствомъ. Я не могу войти туда, не произведя соблазна. Герцогъ думаетъ только о самомъ себѣ. Поговорите съ нимъ. Напомните ему, что здѣсь есть душа, висящая на краю бездны. Теперь онъ настоящій государь. Онъ можетъ очистить комнату. Ступайте сію же минуту: иначе, будетъ слишкомъ поздно.»

Барилльонъ поспѣшилъ итти въ спальню, отвелъ герцога въ сторону и передалъ ему объясненіе съ фавориткой. Совѣсть пробудилась въ Іаковѣ. Онъ вздрогнулъ, какъ бы очнувшись отъ сна, и сказалъ, что теперь ничто не въ состояніи воспрепятствовать ему исполнить священную обязанность, на которую слишкомъ долго не было обращено должнаго вниманія. Нѣсколько плановъ были предложены и отвергнуты. Наконецъ герцогъ приказалъ присутствовавшимъ отойти, подошелъ къ кровати, наклонился и шепнулъ королю что-то такое, чего никто изъ бывшихъ въ комнатѣ не могъ разслушать, но что всѣ приняли за вопросъ, касавшійся государственныхъ дѣлъ. Карлъ отвѣчалъ внятнымъ голосомъ: «Да, да, съ полною готовностью.»

Присутствовавшіе, кромѣ французскаго посланника, и не подозрѣвали, что король выражалъ въ эту минуту желаніе быть принятымъ въ нѣдра римской церкви.

— Не позвать ли священника? спросилъ герцогъ.

— Позовите, братецъ! отвѣчалъ больной: — ради самого Бога, позовите и не теряйте времени.... Но нѣтъ! это будетъ слишкомъ трудно.

— Хотя бы это мнѣ стоило жизни, сказалъ герцогъ: — я достану для васъ священника.

Дѣйствительно, найти священника для такой цѣли и въ подобную минуту было нелегко. По тогдашнимъ законамъ, лицо, доставившее римско-католической церкви прозелита, считалось виновнымъ въ уголовномъ преступленіи. Графъ Кастель Мельоръ, португальскій дворянинъ, который, оставивъ, вслѣдствіе политическихъ безпокойствъ, свою родину, пользовался гостепріимствомъ при англійскомъ дворѣ, взялъ на себя сыскать духовника. Онъ обратился къ своимъ соотечественникамъ, принадлежавшимъ къ свитѣ королевы; но ни одинъ изъ ея капеллановъ не зналъ довольно хорошо ни по англійски, ни по французски, чтобы быть въ состояніи исповѣдать короля. Герцогъ и Барилльонъ готовы уже были послать за духовникомъ къ венеціянскому посланнику, но узнали въ ту минуту, что въ Вайтголлѣ есть бенедиктинскій монахъ, по имени Джонъ Геддльстонъ. Этотъ человѣкъ, съ большою для себя опасностію, спасъ королю жизнь послѣ Верстерскаго сраженія и, по этому поводу, со времени Реставраціи, считался при дворѣ лицомъ привиллегированнымъ. Въ жесточайшихъ прокламаціяхъ, издававшихся противъ папистскихъ священниковъ, когда показанія ложныхъ свидѣтелей доводили націю до изступленія, имя Геддльстона составляло всегда исключеніе. Онъ тотчасъ же согласился еще разъ рискнуть жизнью для спасенія монарха; но, завсѣмъ тѣмъ, оставалось еще затрудненіе. Добрый монахъ былъ такъ мало просвѣщенъ, что рѣшительно незналъ, что ему слѣдуетъ говорить при такихъ важныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, онъ набрался, чрезъ посредство Кастель Мельора, кое-какихъ свѣдѣній отъ португальскаго капеллана и, настроенный такимъ образомъ, былъ приведенъ, по задней лѣстницѣ. Тогда герцогъ, отъ имени короля, приказалъ всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ, кромѣ Луи Дураса, графа Феверсхамскаго, и Джона Гренвилля, графа Батскаго, выйти вонъ. Оба эти лорда исповѣдывали протестантскую религію; но Іаковъ думалъ, что можно положиться на ихъ вѣрность. Феверсхамъ, французъ благороднаго происхожденія и племянникъ великаго Тюренна, занималъ важный постъ въ англійской арміи и былъ камергеромъ королевы. Батъ былъ гардеробмейстеромъ.

Приказаніе герцога было исполнено, и даже самые врачи удалились изъ комнаты. Тогда задняя дверь отворилась и вошелъ патеръ Геддльстонъ. Его священническое одѣяніе скрыто было подъ подъ плащемъ; а поверхъ бритой головы развѣвались пукли парика.

— Государь! сказалъ герцогъ: — этотъ добрый человѣкъ однажды спасъ вашу жизнь. Теперь онъ пришелъ, чтобы спасти вашу душу.

Карлъ отозвался слабымъ голосомъ: — Очень радъ.

Геддльстонъ исполнилъ свою обязанность лучше, нежели можно было ожидать. Онъ сталъ передъ кроватью на колѣни, выслушалъ исповѣдь, произнесъ разрѣшительную молитву и совершилъ обрядъ елеосвященія. Онъ спросилъ, желаетъ ли король принять участіе въ божественной вечери.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ король: — если я того достоинъ.

Дары были внесены. Карлъ попытался приподняться и преклониться передъ святыней. Священникъ убѣждалъ его не оставлять прежняго положенія, увѣряя его, что Богъ милостиво приметъ душевное смиреніе и не требуетъ наружнаго тѣлеснаго уничиженія. Король такъ затруднялся проглотить хлѣбъ, что нужно было отворить дверь и принести стаканъ воды.

По окончаніи этого обряда, монахъ поднялъ передъ кающимся распятіе, убѣждалъ его сосредоточить послѣдніе помыслы на страданіяхъ Искупителя, и затѣмъ вышелъ. Вся церемонія продолжалась около трехъ-четвертей часа. Втеченіе этого времени придворные, наполнявшіе переднюю комнату, сообщали другъ другу свое подозрѣніе шопотомъ и многозначительными взглядами. Наконецъ дверь отворилась, и толпа опять вступила въ покой умирающаго.

Было уже поздно. Король, вслѣдствіе церемоніи, чувствовалъ себя, повидимому, гораздо лучше. Къ его изголовью подошли его побочныя дѣти: герцоги Крафтонскій, Соутгэмптонскій и Нортумберландскій — сыновья герцогини Клэвландской, герцогъ Сентъ-Альбанскій — сынъ Элеоноры Гвиннъ, и герцогъ Ричмондскій—сынъ герцогини Портсмутской. Карлъ благословилъ ихъ всѣхъ, но особенно нѣжно говорилъ съ герцогомъ Ричмондскимъ. Недоставало одного лица, которое должно бы было тутъ присутствовать. Старшій и любимый сынъ находился въ эту минуту вдалекѣ, въ изгнаніи. Имя его ни разу не было произнесено отцомъ.

Ночью, Карлъ съ серьёзнымъ видомъ поручилъ герцогиню Портсмутскую и ея сына попеченіямъ Іакова, прибавивъ въ заключеніе, болѣе веселымъ тономъ: «Да не уморите съ голоду и бѣдную Нелли.» Королева прислала Галифакса извинить ея отсутствіе. Она была такъ разстроена, что не могла занять мѣсто у королевской постели, и просила прощенія во всѣхъ непріятностяхъ, которыя когда либо причинила невольно.

— Она проситъ у меня прощенія, бѣдная женщина! воскликнулъ король. — Я прошу у нея прощенія отъ всего сердца.

Утренній свѣтъ началъ проникать въ окна Вайтголля, и Карлъ попросилъ присутствовавшихъ отдернуть гардины, чтобы еще разъ полюбоваться на день. Онъ замѣтилъ, что пора завести часы, которые стояли близъ его кровати. Всѣ эти ничтожныя сами по себѣ обстоятельства сохранились въ памяти людей, потому что доказывали несомнѣнно, что, объявляя себя католикомъ, король сохранялъ всѣ умственныя способности. Онъ просилъ извиненія у бывшихъ при немъ втеченіе ночи за безпокойство, которое имъ причинилъ. Онъ сказалъ, что былъ несносенъ въ послѣднія минуты жизни, но выразилъ надежду, что на него за это не посѣтуютъ.

Это было послѣднимъ проблескомъ той изысканной вѣжливости, которая часто разсѣявала неудовольствія народа, справедливо на него негодовавшаго. Къ сумеркамъ голосъ умирающаго сдѣлался невнятенъ. Около девяти часовъ чувства его оставили. Къ утренней службѣ въ этотъ день собралось въ церквахъ много народа. Когда произнесена была молитва за короля, громкіе вздохи и стенанія показали, какъ нація глубоко ему сочувствовала. Въ полдень въ пятницу 6 февраля онъ тихо отошелъ въ вѣчность.

Въ эту пору простой народъ во всей Европѣ, и въ особенности народъ англійскій, имѣлъ привычку смерть королей — тѣмъ болѣе, когда король былъ любимъ и смерть постигала его неожиданно — приписывать самому гнусному и позорному насилію. Такимъ образомъ, Іакова I обвиняли въ отравленіи принца Генриха. Такимъ же образомъ Карлъ I былъ отравителемъ Іакова I. Точно такъ, когда, въ пору республики, принцесса Елисавета умерла въ Карльсбрукѣ, то говорили вслухъ, что Кромвелль, въ порывахъ безчувственной и презрѣнной жестокости, подмѣшалъ отраву въ кушанье молодой дѣвушки, ненавидѣть которую онъ въ дѣйствительности не имѣлъ никакого повода. Нѣсколько лѣтъ спустя, быстрое разложеніе трупа самого Кромвелля относили къ данному ему докторомъ яду. Смерть Карла II не могла избѣжать подобнаго же навѣта. Уши людей были наполнены частыми разсказами о заговорахъ противъ него со стороны папистовъ. Умы были, уже сами по себѣ, расположены къ подозрѣнію; а соединеніе многихъ двусмысленныхъ обстоятельствъ какъ бы указывало прямо на преступное насиліе. Четырнадцать докторовъ, разсуждавшихъ о болѣзни короля, противорѣчили другъ другу и самимъ себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ полагали, что припадокъ его эпилепсическаго свойства и что ему необходимо отдохновеніе. Большинство говорило, что это апоплексія, и ломали его впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ индѣйскаго акробата. Наконецъ рѣшились признать болѣзнь его лихорадкой и прописали ему пріемъ хины. Впрочемъ, одинъ изъ врачей возставалъ противъ такого рѣшенія и увѣрялъ королеву, что сотоварищи его уморятъ короля. Конечно, отъ подобнаго множества медиковъ нельзя было ожидать ничего, кромѣ разногласія и колебаній. Несмотря на то, большинство, очень естественно, по смущенію знаменитыхъ представителей врачебной науки, заключило, что болѣзнь имѣетъ какое-то необычайное начало. Есть поводъ думать, что подозрѣніе закралось въ душу самого Шарта, который, хотя и былъ искусенъ въ своемъ дѣлѣ, но, по нервическому настроенію, легко увлекался воображеніемъ, тѣмъ болѣе, что боялся народа, который страшно ненавидѣлъ его за то, что онъ былъ католикомъ.

Потому мы не должны удивляться, что чернь стала распускать и повторять самыя нелѣпыя исторіи. Говорили, что языкъ его величества распухъ до толщины воловьяго языка. Говорили, что въ мозгу у него найденъ ядовитый порошокъ. На груди у него были будто бы синія пятна, на плечахъ — черныя полосы. Подозрѣвали, что какой-то ядъ былъ положенъ къ нему въ табакерку или подмѣшанъ въ его супъ. Въ его любимомъ блюдѣ изъ яицъ и сѣрой амбры подозрѣвали постороннюю подмѣсь. Разсказывали, что герцогиня Портсмутская отравила его чашкою шоколада, что королева подала ему банку ядовитыхъ грушъ. Подобные слухи заслуживаютъ упоминанія: они даютъ намъ средство опредѣлить степень умственнаго и нравственнаго развитія поколѣнія, въ которомъ родились. Что ни одинъ подобный слухъ не нашелъ бы въ нынѣшнемъ вѣкѣ себѣ вѣры, даже въ томъ случаѣ, если бы жизнь человѣка, оказывавшаго вліяніе на важнѣйшіе политическіе интересы, прекратилась неожиданнымъ болѣзненнымъ припадкомъ — это должно приписать частію успѣхамъ химическихъ и врачебныхъ наукъ, частію — можно сказать съ увѣренностію — успѣхамъ, сдѣланнымъ націею на пути знанія, правоты и человѣколюбія.

Когда все было кончено, Іаковъ отъ изголовья брата отправился въ кабинетъ, гдѣ оставался одинъ впродолженіе четверти часа. Между тѣмъ, члены Тайнаго Совѣта, бывшіе во дворцѣ, сошлись. Новый король явился и занялъ свое мѣсто во главѣ собранія. Онъ вступилъ въ управленіе, какъ водится, рѣчью къ Совѣту. Онъ выразилъ сожалѣніе о потерѣ, которую только что понесъ, и обѣщалъ слѣдовать по той же стезѣ кротости, которая отличала предшествовавшее царствованіе. Онъ замѣтилъ, что ему извѣстны направленныя противъ него обвиненія, будто онъ домогается безотчетной власти. Но это, по отзыву его, одна изъ многихъ клеветъ, выдуманныхъ на его счетъ. Онъ намѣренъ поддерживать утвержденную закономъ форму и въ государствѣ и въ церковныхъ дѣлахъ. Англиканскую церковь онъ считаетъ въ высшей степени законною. Потому постоянною заботою его будетъ поддерживать и защищать эту церковь. Законы Англіи, какъ ему хорошо извѣстно, достаточны для того, чтобы сдѣлать изъ него такого великаго короля, какимъ бы онъ мечталъ быть. Онъ не желалъ бы отказаться отъ своихъ правъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ бы уважать права другихъ. Онъ прежде жертвовалъ своею жизнію для защиты отечества и впредь наравнѣ со всякимъ другимъ готовъ поддерживать его стремленія къ свободѣ.

Члены Совѣта разсыпались въ громкихъ выраженіяхъ восторга и благодарности. Лордъ-президентъ, Рочестеръ, отъ имени своихъ сотоварищей, изъявилъ надежду, что отрадное воззваніе его величества обнародовано будетъ во всеобщую извѣстность. Генералъ-прокуроръ, Гинеджъ Финчъ, предложилъ свои услуги въ качествѣ секретаря. Это былъ ревностный сынъ церкви и потому, очень естественно, желалъ, чтобы отъ милостивыхъ, только лишь выраженныхъ, обѣщаній остался незыблемый памятникъ. «Эти обѣщанія—сказалъ онъ —произвели на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я въ состояніи повторить ихъ отъ слова до слова.» Онъ скоро представилъ свой протоколъ. Іаковъ прочиталъ его, одобрилъ вполнѣ и повелѣлъ, чтобы его напечатали. Впослѣдствіи онъ говаривалъ, что сдѣлалъ этотъ шагъ, не обдумавъ его должнымъ образомъ, что его не взвѣшенныя достаточно выраженія касательно англиканской церкви были слишкомъ сильны, и что Финчъ, съ ловкостію, которая въ ту минуту ускользнула отъ вниманія, съумѣлъ передать ихъ еще сильнѣе. Король утомился отъ продолжительнаго бодрствованія и сильныхъ ощущеній того дня. Онъ отправился отдохнуть. Члены Тайнаго Совѣта, почтительно проводивъ его до дверей спальни, возвратились на свои мѣста и распорядились составленіемъ церемоніала прокламаціи. Тѣлохранители стояли подъ ружьемъ, герольды явились въ своихъ великолѣпныхъ кафтанахъ, и церемонія совершилась безпрепятственно. На улицахъ выставлены были бочки съ виномъ, и всѣ проходящіе приглашались выпить за здоровье новаго монарха. Но, хотя повременамъ и раздавались радостные возгласы, народъ не былъ вообще въ веселомъ расположеніи духа.

Обрядъ погребенія навлекъ много нареканія. Нашли, что онъ едва ли соотвѣтствовалъ бы достоинству знатнаго и богатаго подданнаго. Тори осуждали бережливость новаго короля; виги насмѣхались надъ недостаткомъ въ немъ родственныхъ чувствъ. Впрочемъ, Іаковъ началъ свое управленіе важною мѣрою, подѣйствовавшею весьма благопріятно. Его рѣчь къ Совѣту появилась въ печати и произвела самое отрадное впечатлѣніе. «Вотъ каковъ былъ монархъ, котораго партія осудила на изгнаніе, стараясь заподозрить даже права его на законное происхожденіе подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы смертельный врагъ религіи и законовъ Англіи. Онъ восторжествовалъ, онъ вступилъ на тронъ, и первымъ дѣломъ его было объявить, что онъ будетъ защищать церковь и уважать права народа!» говорили многіе. Понятіе, которое всѣ партіи составили себѣ о его твердомъ характерѣ, придавало вѣсъ каждому слову, имъ произносившемуся. Виги называли его высокомѣрнымъ, неумолимымъ, упрямымъ, неспособнымъ уважать общественное мнѣніе. Тори, превознося его царственныя добродѣтели, жаловались на пренебреженіе его къ изящнымъ искусствамъ, которыя сообщаютъ популярность. Но самая сатира, представляя его неспособнымъ заслужить общую привязанность, не упрекала его въ томъ, чтобы онъ говорилъ когда нибудь то, чего не чувствовалъ, и обѣщалъ то, чего не имѣлъ намѣренія выполнить. Въ воскресенье, слѣдовавшее за его восшествіемъ на престолъ, рѣчь его повторялась на многихъ церковныхъ каѳедрахъ. «Теперь въ пользу нашей церкви у насъ есть слово короля — повторялъ одинъ проповѣдникъ — короля, который самъ никогда не измѣнялъ своему слову.» Это изрѣченіе быстро распространилось по городу и его окрестностямъ и скоро сдѣлалось лозунгомъ всей партіи тори.

У новаго короля явились новые любимцы. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ сэръ Джорджъ Джеффрейзъ, верховный судья Королевской Палаты Правосудія. Безнравственность этого человѣка обратилась въ пословицу. Обѣ главныя англійскія партіи наперерывъ клеймили его память проклятіями. Виги считали его своимъ злѣйшимъ врагомъ, а тори находили удобнымъ сложить на него вину во всѣхъ преступленіяхъ, ознаменовавшихъ ихъ торжество. Тщательное и безпристрастное изслѣдованіе докажетъ, что многія изъ ужасныхъ исторій, которыя разсказывались на его счетъ, или совершенно ложны, или преувеличены. Но и самый правдивый историкъ въ состояніи сдѣлать лишь незначительные облегченія въ его пользу изъ той огромной массы позора, которою обременена память развратнаго судьи.

Это былъ человѣкъ, исполненный душевной силы и несомнѣнныхъ дарованій, но отъ природы склонный къ надменности и преданный страстямъ. Лишь только, выйдя изъ дѣтскаго возраста, онъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности, какъ выбралъ главнымъ для себя занятіемъ водиться съ самыми отъявленными негодяями столицы. Ежедневныя столкновенія съ публичными женщинами и гуляками до такой степени развили его удальство, что онъ скоро сдѣлался самымъ отчаяннымъ буяномъ между всѣми развратниками. Всякое вниманіе къ мнѣнію людей, всякое уваженіе къ самому себѣ, всякое сознаніе о приличіи были совершенно изгнаны изъ его души. Онъ усвоилъ себѣ необузданный потокъ краснорѣчія, которымъ толпа выражаетъ чувства ненависти и презрѣнія. Коллекція проклятій и ругательныхъ словъ, составлявшихъ его любимый словарь, не нашла бы себѣ подобной ни на рынкѣ, ни въ разбойничьемъ вертепѣ. Его наружность и голосъ всегда внушали отвращеніе; но эти природныя преимущества — по крайней мѣрѣ, онъ, кажется, считалъ ихъ преимуществами — были развиты и усовершенствованы имъ до такой степени, что немногіе могли безъ волненія видѣть или выслушивать его въ минуты гнѣва. Безстыдство и жестокость были начертаны на челѣ его. Блескъ его глазъ для несчастной жертвы, на которую они были устремлены, имѣлъ чарующее свойство. Впрочемъ, чело и глаза его не отличались еще, говорятъ, такимъ ужаснымъ характеромъ, какъ дикія очертанія его рта. Его звѣрскій ревъ въ минуты злобы гремѣлъ, по отзыву современниковъ, какъ громъ послѣдняго суднаго дня. Всѣ эти качества онъ усвоилъ себѣ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, едва оставивъ школьную скамейку. Уже тогда онъ выказывалъ наклонности, снискавшія ему впослѣдствіи постыдную знаменитость. Уже тогда проявлялся въ немъ самый гнусный изъ пороковъ — наслажденіе чужимъ злополучіемъ безъ всякихъ постороннихъ побужденій. Приговоры надъ осужденными онъ произносилъ съ дьявольскимъ восторгомъ. Вопли и жалобы жертвъ правосудія упоительно ласкали его ухо, и онъ любилъ приводить ихъ въ ужасъ, распространяясь въ подробныхъ описаніяхъ страданій, которыя эти несчастные должны были перенести. Такъ, когда ему случилось разъ распорядиться наказаніемъ какой-то несчастной искательницы приключеній, то онъ закричалъ, обращаясь къ палачу: «Приказываю тебѣ быть особенно внимательнымъ къ этой лэди! хлещи ее погромче! хлещи ее до тѣхъ поръ, пока польетъ кровь! Теперь Рождество: наша барыня, пожалуй, озябнетъ! Смотри же, хорошенько разогрѣй ей плечи.»

Втеченіе всего этого времени сердце Джеффрейза очерствѣло до той степени, какой ищутъ тираны при выполненіи своихъ гнусныхъ плановъ. Онъ еще прежде мечталъ о томъ, какъ бы занять высшее мѣсто. При владычествѣ виговъ, онъ представлялъ изъ себя пуританина, и, разсказывая католическимъ священникамъ о томъ, какъ имъ будутъ рубить головы и жечь кишки, онъ чувствовалъ себя въ болѣе веселомъ расположеніи духа, нежели при произнесеніи обыкновенныхъ смертныхъ приговоровъ. Но лишь только онъ достигъ почестей, которыя могло сообщить ему Сити, какъ поспѣшилъ предать двору и свой мѣдный лобъ, и свой ядовитый языкъ. Ренегатъ скоро нашелъ себѣ покровителя въ грубомъ и мстительномъ Іаковѣ, возбуждая, однако, ненависть и отвращеніе въ Карлѣ, котораго недостатки хотя и были велики, но не имѣли ничего общаго съ наглостію. «Въ этомъ человѣкѣ—говорилъ король—нѣтъ ни знанія, ни чувствъ, ни манеръ, а безстыдства въ немъ болѣе, чѣмъ въ десяти каторожникахъ.» Но теперь предстояло совершить дѣло, которое нельзя было довѣрить человѣку, уважающему законъ или способному чувствовать стыдъ, и, такимъ образомъ, Джэффрейзъ, въ тѣ годы, когда адвокатъ считаетъ за счастіе, если ему поручатъ производство какого нибудь важнаго процесса, былъ назначенъ верховнымъ судьей Королевской Палаты.

Враги его не могли не согласиться, что въ немъ были нѣкоторыя качества даровитаго судьи. Юридическія свѣдѣнія добыты были имъ изъ практики. У него былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ умовъ, которые, по лабиринту софистическихъ тонкостей и чрезъ массу запутанныхъ фактовъ, идутъ прямо къ предположенной цѣли. Впрочемъ, умомъ своимъ онъ рѣдко пользовался вполнѣ. Даже въ гражданскихъ тяжбахъ его злонамѣренный и деспотическій характеръ безпрестанно мѣшалъ правотѣ его сужденій. Войти къ нему въ палату было то же, что войти въ берлогу дикаго звѣря, котораго никто не въ состояніи укротить и котораго одинаково доводятъ до бѣшенства и ласки и угрозы. На истцовъ и отвѣтчиковъ, на адвокатовъ и прокуроровъ, на свидѣтелей и присяжныхъ онъ часто нападалъ съ цѣлыми потоками самой необузданной брани, пересыпанной проклятіями и непристойными словами Его взглядъ и голосъ наводили уже страхъ еще въ то время, когда онъ былъ простымъ лишь адвокатомъ, защищавшимъ частные иски. Теперь же, когда онъ стоялъ во главѣ самаго ужаснаго судилища въ цѣломъ королевствѣ, немногіе были такъ тверды, что не трепетали передъ нимъ. Даже въ трезвомъ состояніи онъ казался уже бэзстыднымъ буяномъ; но бо̀льшею частію разсудокъ его бывалъ помраченъ и страсти его возбуждены винными парами. Вечера онъ проводилъ обыкновенно въ попойкахъ. Люди, видавшіе его только за бутылкой, считали его человѣкомъ грубымъ, вздорнымъ, привязаннымъ къ низкой компаніи и унизительнымъ наслажденіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ общительнымъ и добродушнымъ. На подобныхъ пирахъ его окружали обыкновенно шуты, избранные изъ числа самыхъ презрѣнныхъ казуистовъ, производившихъ передъ нимъ дѣла. Эти люди тѣшились и дурачились другъ надъ другомъ для его развлеченія. Онъ принималъ участіе въ ихъ безпутной бесѣдѣ, пѣлъ съ ними пошлыя пѣсни и, въ экстазахъ пьяной нѣжности, обнималъ и цаловалъ ихъ. Но вино, смягчавшее, казалось, его сердце въ первые часы опьяненія, черезъ нѣсколько часовъ начинало оказывать противоположное дѣйствіе. Онъ часто приходилъ въ судъ полусонный, послѣ ночи, проведенной въ разгульномъ пирѣ, съ пылающими щеками, съ глазами, сверкающими какъ у тигра. Когда онъ бывалъ въ такомъ состояніи, его разгульные собесѣдники предъидущей ночи, если были благоразумны, старались не попадаться ему на глаза; потому что воспоминаніе о короткости, которую онъ имъ оказывалъ, воспламеняло его злобу, и онъ всегда искалъ предлога напасть на нихъ съ насмѣшками и бранью. Изъ числа его свойствъ не послѣднюю роль играла наклонность публично оскорблять и унижать тѣхъ, кому, въ припадкахъ отличной нѣжности, онъ внушалъ надежду на милостивое съ своей стороны расположенiе.

Услуги, которыхъ правительство отъ него ожидало, онъ оказалъ ему не только безъ малѣйшаго колебанiя, но съ чрезвычайною быстротою и радостью. Первымъ его подвигомъ было судебное убiйство Альжерона Сиднея. Все, что затѣмъ послѣдовало, вполнѣ гармонировало съ началомъ. Тори оплакивали униженiе, въ которое судебная власть впала отъ варварства и нахальства такого важнаго сановника. Но крайности, ужасавшiя умѣренныхъ людей, давали право на особенное уваженiе Iакова. Зато Джэффрейзъ послѣ смерти Карла занялъ мѣсто въ кабинетѣ и получилъ званiе пера.

Едва прошло нѣсколько часовъ по вступленiи Iакова на престолъ, какъ онъ началъ уже поступать произвольно. Таможенныя подати даны были Карлу только по его смерть и потому не могли по закону быть взыскиваемы новымъ монархомъ. Нѣсколько недѣль должны были пройти прежде, чѣмъ Парламентъ могъ собраться. Если бы, въ этотъ промежутокъ времени, таможенные сборы были прiостановлены, государственная казна пострадала бы и правильный ходъ торговыхъ дѣлъ былъ бы нарушенъ. Казначейство осаждали купцы, у которыхъмагазины наполнены были товарами, очищенными уже пошлиной: купцы эти боялись, что другiе подорвутъ ихъ болѣе дешевыми цѣнами и, такимъ образомъ, раззорятъ ихъ. Безпристрастные люди должны согласиться, что это былъ одинъ изъ случаевъ, когда правительство имѣетъ право уклоняться отъ строгаго конституцiоннаго порядка. Но когда бываетъ нужно отступить отъ конституцiонныхъ формъ, это отступленiе, какъ само собою разумѣется, не должно быть значительнѣе, чѣмъ требуетъ того необходимость. Гильдферлъ, бывшiй хранителемъ печати, понялъ это и далъ совѣтъ, который дѣлаетъ ему честь. Онъ предложилъ, чтобы пошлины были взимаемы, но отдѣлялись бы въ казнѣ отъ прочихъ суммъ до тѣхъ поръ, пока не созванъ будетъ Парламентъ. Такимъ образомъ, король, хотя и нарушилъ бы букву закона, но показалъ бы, что желаетъ сообразоваться съ его духомъ. Джэффрейзъ далъ совѣтъ совсѣмъ другаго рода. Онъ убѣждалъ Iакова издать декретъ, который бы объявлялъ волю его величества, чтобы сборы продолжали взиматься. Этотъ совѣтъ очень соотвѣтствовалъ стремленiямъ короля. Добросовѣстное предложенiе хранителя печати было отвергнуто, какъ предложенiе, достойное только вига. Прокламацiя, которую предложилъ верховный судья, появилась. Многiе ожидали, что послѣдствiемъ этого будетъ сильный взрывъ общественнаго негодованiя, но ошиблись. Въ Лондонскомъ Сити, недавно еще столь тревожномъ, едва слышался легкій ропотъ.

Прокламація, возвѣстившая, что сборы будутъ взиматься попрежнему, объявляла также, что скоро будетъ созванъ Парламентъ. Созвать сословія своего государства Іаковъ рѣшился не безъ неудовольствія. Впрочемъ, этотъ моментъ для общихъ выборовъ былъ самый благопріятный. Никогда еще, со времени вступленія на престолъ дома Стюартовъ, государственныя сословія не бывали такъ вѣрноподданнически расположены ко двору, какъ теперь. Но умъ новаго монарха подчинялся идеѣ, о которой даже теперь, чрезъ такой значительный промежутокъ времени, нельзя упомянуть безъ стыда и негодованія. Онъ опасался, что, созывая Парламнитъ, навлечетъ на себя неудовольствіе короля Франціи.

Королю Франціи было все равно, какая бы изъ двухъ англійскихъ партій ни одержала верхъ на выборахъ, потому что всѣ парламентскія собранія, когда либо бывавшія со времени Реставраціи, несмотря на разность ихъ наклонностей въ отношеніи внутренней политики, ревностно стремились къ уменьшенію могущества дома Бурбоновъ. Въ этомъ смыслѣ оказывалось мало различія между вигами и грубыми сельскими землевладѣльцами, которые составляли главную опору партіи тори Людовикъ не скупился ни на подкупы, ни на угрозы, чтобы отклонять Карла отъ созванія палатъ, и Іаковъ, давно уже посвященный въ тайны внѣшней политики своего брата, теперь, сдѣлавшись королемъ Англіи, явился вмѣстѣ съ тѣмъ наемникомъ и вассаломъ Франціи.

Рочестеръ, Годольфинъ и Сундерландъ, составлявшіе тайный кабинетъ, очень хорошо знали, что ихъ покойный монархъ привыкъ получать деньги отъ версальскаго двора. Съ ними-то посовѣтовался Іаковъ относительно созванія законодательнаго собранія. Они соглашались, что очень полезно бы было угодить Людовику; но въ то же время имъ казалось, что настоящій парламентскій вопросъ не подлежалъ произвольному рѣшенію. Сколь терпѣливою ни представлялась въ эту минуту нація, но должны же быть границы ея терпѣнію. Убѣжденіе, что налоги не могутъ, по закону, быть взимаемы королемъ безъ согласія Парламента, глубоко укоренилось въ общественномъ мнѣніи. Парламентъ слѣдовало созвать; но если такъ, то чѣмъ скорѣе онъ будетъ созванъ, тѣмъ лучше. Даже короткая отсрочка, какая могла произойти отъ предварительнаго сношенія съ Версалемъ, повлекла бы за собою большія неудобства. Неудовольствіе и подозрѣніе быстро проникли бы въ массу общества. Галифаксъ сталъ бы жаловаться, что основныя начала государственнаго устройства нарушены. Хранитель государственной печати, трусливый педантъ, принялъ бы его сторону. То, что могло быть сдѣлано въ началѣ добровольно, пришлось бы сдѣлать впослѣдствіи противъ воли. Тѣ самые министры, которыхъ его величество желалъ уронить въ общественномъ мнѣніи, пріобрѣли бы популярность на его собственный счетъ. Нерасположеніе націи могло бы имѣть вліяніе и на результатъ выборовъ. Эти доводы не допускали возраженій.

Такимъ образомъ, король объявилъ государству о своемъ намѣреніи созвать Парламентъ. Но онъ всячески старался оправдаться въ томъ, что онъ считалъ неблаговиднымъ и непочтительнымъ поступкомъ въ отношеніи къ Франціи. Онъ отвелъ французскаго посланника, Барильона, во внутреннюю комнату и извинялся передъ нимъ, что осмѣлился принять такую важную мѣру безъ предварительнаго соглашенія съ Людовикомъ.

«Увѣрьте короля, говорилъ Іаковъ: — въ моей къ нему благодарности и преданности. Я знаю, что безъ его покровительства я не могу существовать. Я знаю, какія бѣдствія братъ мой навлекъ на себя тѣмъ, что не постоянно сохранялъ дружественныя связи съ Франціей. Я постараюсь не допустить палаты вмѣшиваться въ дѣла внѣшней политики. Если я замѣчу съ ихъ стороны противодѣйствіе, то распущу ихъ. Объясните это моему доброму брату. Я надѣюсь, онъ не сочтетъ неприличнымъ, что я распорядился не посовѣтовавшись съ нимъ. Онъ въ правѣ требовать, чтобы съ нимъ совѣтовались, да я и самъ желаю совѣщаться съ нимъ обо всемъ. Но, въ настоящемъ случаѣ, промедленіе даже одной недѣли сопровождалось бы весьма серьёзными послѣдствіями.»

Эти постыдныя извиненія, на слѣдующее утро, были повторены Рочестеромъ. Барильонъ выслушалъ ихъ очень милостиво. Рочестеръ, ободренный успѣхомъ, вздумалъ заговорить о деньгахъ. «Эти деньги не пропали бы даромъ, сказалъ онъ: — вашъ король не найдетъ лучшаго употребленія для своихъ доходовъ. Постарайтесь представить ему посильнѣе, какъ важно, чтобы король Англіи зависѣлъ не отъ своего народа, а единственно отъ дружескаго расположенія Франціи.»

Барильонъ поспѣшилъ сообщить Людовику о желаніяхъ англійскаго правительства; но Людовикъ предвидѣлъ все заранѣе. Первымъ дѣломъ его, лишь только онъ узналъ о смерти Карла, было собрать векселей на сумму пятисотъ тысячъ ливровъ, что составитъ около тридцати-семи тысячъ пятисотъ фунтовъ стерлинговъ. Въ тѣ времена въ Парижѣ трудно было достать столько векселей. Впрочемъ, въ нѣсколько часовъ, обмѣнъ былъ произведенъ и курьеръ отправленъ въ Лондонъ. Лишь только Барильонъ получилъ депешу, онъ бросился въ Вайтголль и сообщилъ пріятную новость. Іаковъ не постыдился пролить, по крайней мѣрѣ, показалъ видъ, что проливалъ слезы восторга и благодарности. «Никто, кромѣ вашего короля, сказалъ онъ:—не совершаетъ такихъ великодушныхъ, благородныхъ дѣлъ. Я никогда не съумѣю быть достаточно благодарнымъ. Увѣрьте его, что моя привязанность къ нему будетъ неизмѣнна до конца моихъ дней.» Рочестеръ, Сундерландъ и Годельфинъ приходили одинъ за другимъ, чтобы обнять Барильона и шепнуть ему тайкомъ, что онъ придалъ новой жизни ихъ монарху.

Хотя Іаковъ и его три совѣтника были обрадованы поспѣшностію Людовика, однако, вовсе не удовлетворились подаркомъ, въ количественномъ отношеніи. Но какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, они боялись оскорбить французскій дворъ выраженіемъ нищенскаго корыстолюбія, то и рѣшились ограничить свои желанія. Они объявили, что вовсе не намѣрены торговаться съ такимъ великодушнымъ благодѣтелемъ, какъ французскій король, и что вполнѣ полагаются на его щедрость. Въ то же время они придумали угодить ему огромнымъ пожертвованіемъ въ ущербъ національной чести. Извѣстно, что однимъ изъ главныхъ стремленій французской политики было тогда присоединеніе къ государственной территоріи бельгійскихъ провинцій. Англія, по трактату, заключенному съ Испаніей, когда Денби былъ государственнымъ казначеемъ, обязалась противиться всякому посягательству Франціи на эти провинціи. Три министра сообщили Барильону, что монархъ ихъ не считаетъ болѣе этотъ трактатъ для себя обязательнымъ. Договоръ — сказали они — заключенъ Карломъ: для него онъ и былъ бы, вѣроятно, обязательнымъ; но братъ его не считаетъ себя связаннымъ этою конвенціею. Потому христіаннѣйшій король можетъ, не опасаясь противодѣйствія со стороны Англіи, отважиться на присоединеніе къ своему государству Брабанта и Геннегау.

Въ то же время было рѣшено, чтобы чрезвычайное посольство отправлено было къ Людовику, съ цѣлію увѣрить его въ признательности и расположеніи Іакова. Для этого порученія выбранъ человѣкъ, который не занималъ еще въ то время особенно виднаго положенія, но котораго репутація, представлявшая смѣсь славы и позора, распространилась въ позднѣйшій періодъ по всему образованному міру.

Вскорѣ послѣ Реставраціи, въ веселую и разгульную пору, описанную живымъ перомъ Гамильтона, Іаковъ, молодой и пылкій въ страсти къ наслажденіямъ, влюбился въ Арабеллу Чорчилль, одну изъ фрейлинъ своей первой жены. Дѣвица эта не отличалась красотою; но вкусъ Іакова не былъ взыскателенъ, и она скоро сдѣлалась оффиціальной любовницей. Она была дочь бѣднаго роялиста. Семейство Чорчиллей находилось въ стѣсненномъ положеніи; преданность ихъ къ престолу не знала границъ, и единственное чувство, возбужденное въ нихъ обольщеніемъ Арабеллы, было радостное удивленіе, что такая некрасивая дѣвушка умѣла удостоиться такого высокаго вниманія.

Ея возвышеніе, дѣйствительно, доставило много выгодъ ея роднымъ; но никто изъ нихъ не былъ въ этомъ отношеніи такъ счастливъ, какъ старшій братъ ея, Джонъ, красивый молодой человѣкъ, служившій въ гвардейской пѣхотѣ. Онъ быстро возвышался и по службѣ и при дворѣ и съ раннихъ лѣтъ сталъ извѣстенъ, какъ человѣкъ съ изящными манерами и наклонностію къ удоволствіямъ. У него былъ величественный станъ и привлекательное лицо; онъ обладалъ чрезвычайною привѣтливостью, сохраняя, однако, столько достоинства, что самые отчаянные наглецы не позволяли себѣ въ отношеніи къ нему никакой невѣжливости; характеръ его, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, раздражавшихъ всякаго другаго, оставался ровнымъ и невозмутимымъ. На воспитаніе его такъ мало обращено было вниманія, что онъ едва умѣлъ читать по складамъ на родномъ языкѣ; но его проницательный и быстрый умъ вполнѣ замѣнялъ научное образованіе. Онъ не былъ говоруномъ; но если ему случалось говорить публично, то природное краснорѣчіе его возбуждало зависть въ самыхъ записныхъ ораторахъ. Храбрость его преисполнена была необычайнаго хладнокровія и спокойствія. Впродолженіе многихъ лѣтъ тревогъ и опасностей онъ ни разу, даже въ неожиданныхъ случаяхъ, не потерялъ ни на минуту способности вполнѣ управлять своимъ удивительнымъ разсудкомъ.

На двадцать-третьемъ году онъ былъ посланъ съ полкомъ для содѣйствія французскимъ войскамъ, воевавшимъ тогда противъ Голландіи. Его блестящее мужество отличило его въ тысячахъ храбрыхъ солдатъ. Его необыкновенныя дарованія поселяли къ нему уваженіе въ самыхъ заслуженныхъ генералахъ. Онъ выслушивалъ изъявленія признательности въ виду цѣлой арміи и получилъ доказательства уваженія и довѣренности отъ Тюренна, который находился тогда въ апогеѣ военной славы.

Къ несчастію, блестящія качества Джона Чорчилля соединялись съ самою отвратительною примѣсью. Наклонности, непріятно поражающія, особенно, когда ихъ видишь въ молодомъ человѣкѣ, обнаружились въ немъ очень рано. Онъ извлекалъ выгоды изъ самыхъ пороковъ своихъ и собиралъ обильную дань съ женщинъ, обогащенныхъ щедротами любовниковъ. Онъ, нѣкоторое время, былъ предметомъ сильной, хотя и измѣнчивой нѣжности, герцогини Клэвландской. Однажды король засталъ ихъ врасплохъ, и молодой человѣкъ принужденъ былъ выпрыгнуть въ окно. Она наградила этотъ опасный подвигъ волокиты подаркомъ въ пять тысячъ фунтовъ. Отдавъ эту сумму въ займы подъ вѣрный залогъ, разсчетливый молодой человѣкъ сталъ получать съ нея ежегодно по пятисотъ фунтовъ. Уже тогда въ шкатулкахъ его хранились груды денегъ, которыя, и пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда онъ былъ герцогомъ, княземъ Имперіи и богатѣйшимъ подданнымъ въ цѣлой Европѣ, остались нетронутыми.

По окончаніи войны, онъ былъ взятъ ко двору герцога Йоркскаго, сопровождалъ своего покровителя въ Нидерланды и Эдинбургъ и былъ награжденъ за свои услуги достоинствомъ шотландскаго пера и званіемъ командира единственнаго существовавшаго тогда въ Англіи драгунскаго полка. Жена его состояла при дворѣ младшей дочери Іакова, Анны, принцессы Датской.

Теперь лордъ Чорчилль отправленъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Версаль. Ему поручено было выразить горячую благодарность англійскаго правительства за деньги, которыя такъ великодушно были ему ассигнованы. Сначала хотѣли, чтобы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ попросилъ у Людовика еще бо́льшей суммы; но, по зрѣломъ соображеніи, нашли, что такая чрезмѣрная жадность могла бы оскорбить благодѣтеля, котораго щедрость только что проявилась столь блистательно. Такимъ образомъ, Чорчилль обязывался ограничиться изъявленіями признательности за прежнее, не говоря ничего о будущемъ. Но Іаковъ и его министры, не желая показаться слишкомъ докучливыми съумѣли, однако, дать ясно понять, чего они желаютъ и на что разсчитываютъ. Во французскомъ посланникѣ они нашли ловкаго, усерднаго и, можетъ быть, не вполнѣ безкорыстнаго ходатая. Людовикъ поставлялъ на видъ нѣкоторыя затрудненія, вѣроятно, съ намѣреніемъ придать болѣе значенія своимъ благодѣяніямъ. За всѣмъ тѣмъ, чрезъ нѣсколько недѣль Барильонъ получилъ изъ Версаля еще полтора милліона ливровъ. Эту сумму, равняющуюся почти ста-двѣнадцати тысячамъ фунтовъ стерлинговъ, онъ обязанъ былъ выдавать съ осмотрительностію. Ему разрѣшено было отпустить англійскому правительству тридцать тысячъ фунтовъ съ цѣлію подкупить членовъ новой Нижней Палаты. Остальное количество денегъ онъ долженъ былъ беречь въ запасѣ, на случай чрезвычайныхъ событій, каковы, напримѣръ, распущеніе Парламента или возмущеніе.

Гнусность этихъ сдѣлокъ признана всѣми; но истинное свойство ихъ часто не вполнѣ было понимаемо: хотя внѣшняя политика двухъ послѣднихъ королей изъ дома Стюартовъ — особенно съ тѣхъ поръ, какъ переписка Барильона сдѣлалась извѣстною свѣту — не находила между нами защитника, но есть еще партія, которая старается оправдать внутреннюю политику этихъ королей. Между тѣмъ, несомнѣнно, что между ихъ внутренней и внѣшней политикой была необходимая и неразрывная связь. Если бы они, хотя втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, поддержали честь государства извнѣ, то принуждены бы были измѣнить всю систему внутренней администраціи. Имъ надобно было выбирать между двумя системами — быть въ зависимости отъ Людовика или быть въ зависимости отъ Парламента. Іаковъ, надо отдать ему справедливость, съ удовольствіемъ предпочелъ бы третій путь; но такого не представлялось. Онъ сдѣлался рабомъ Франціи; но ошибся бы тотъ, кто представилъ бы его рабомъ, довольнымъ своею участью. У него было достаточно душевной силы, чтобы повременамъ негодовать на себя за свое страдательное положеніе и стараться отъ него избавиться, и это стремленіе было тщательно поддерживаемо въ немъ агентами многихъ иностранныхъ государствъ. Вступленіе его на престолъ возбудило надежды и опасенія во всѣхъ континентальныхъ дворахъ: начало его управленія было наблюдаемо иностранцами почти съ такимъ же сосредоточеннымъ вниманіемъ, какое замѣтно было въ его собственныхъ подданныхъ. Одно лишь французское правительство желало, чтобы смуты, которыя, втеченіе трехъ поколѣній, обуревали Англію, продолжались вѣчно; всѣ прочія правительства, какъ республиканскія, такъ и монархическія, какъ протестантскія, такъ и римско-католическія, желали, чтобы эти смуты приведены были къ счастливому окончанію.

Смыслъ продолжительной борьбы Стюартовъ съ Парламентомъ былъ не вполнѣ понятенъ чужеземнымъ государственнымъ людямъ; но каждый государственный человѣкъ не могъ не замѣтить того дѣйствія, которое эта борьба оказывала на взаимныя отношенія европейскихъ государствъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, вѣнскій и мадритскій дворы сочувствовали бы, безъ сомнѣнія, монарху, ведущему борьбу со своими подданными, — въ особенности римско-католическому монарху, ведущему борьбу съ еретическими подданными; но теперь подобную симпатію превозмогало болѣе сильное чувство. Страхъ и ненависть, внушенные могуществомъ, несправедливостію и притязаніями французскаго короля, достигли въ эту пору высшей степени. Его сосѣди не умѣли рѣшить, что опаснѣе — быть съ нимъ въ войнѣ или мирѣ. Несмотря на миръ, онъ грабилъ и обижалъ ихъ; а начавъ съ нимъ войну, они всегда терпѣли уронъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи они съ напряженнымъ безпокойствомъ наблюдали за Англіей. Будетъ ли она дѣйствовать на основаніи тройнаго союза, или на основаніи Доверскаго договора? Отъ этого рѣшенія зависѣла судьба всѣхъ ея сосѣдей. Съ ея помощью можно бы было бороться противъ Людовика; но отъ нея нельзя было ожидать никакой помощи прежде устройства ея внутреннихъ дѣлъ. Прежде, чѣмъ началась борьба между трономъ и Парламентомъ, Англія была первостепеннымъ государствомъ, — въ тотъ день, когда эта борьба окончилась, Англія снова заняла высокое положеніе; но, пока борьба оставалась нерѣшенной, Англія обречена была на бездѣйствіе и играла подчиненную роль. Основныя начала нашего правленія, вмѣсто того, чтобы совпадать въ гармоническое цѣлое, противорѣчили тогда другъ другу и взаимно уничтожались. Вездѣ проявлялись неопредѣлительность, столкновенія, безпорядокъ. Главнымъ занятіемъ монарха было стремленіе нарушать права законодательной власти. Главнымъ занятіемъ законодательной власти было стремленіе присвоить себѣ права монарха. Король съ готовностью принималъ чужеземную помощь, которая избавляла его отъ необходимости подчиняться мятежному Парламенту. Парламентъ отказывалъ королю въ средствахъ къ поддержанію національной чести въ дѣлахъ внѣшней политики, изъ опасенія — впрочемъ, вполнѣ основательнаго — что эти средства могли бы быть употреблены для утвержденія въ государствѣ деспотизма. Послѣдствіемъ этой взаимной недовѣрчивости было то, что наше отечество, при всей обширности своихъ средствъ, не болѣе значило въ христіанскомъ мірѣ, чѣмъ герцогство Савойя или герцогство Лотарингское, и, конечно, гораздо менѣе, чѣмъ Голландія.

Для Франціи было очень важно поддержать этотъ порядокъ вещей. Для всѣхъ прочихъ государствъ было очень важно положить ему предѣлъ. Единодушное желаніе Европы состояло въ томъ, чтобы Іаковъ управлялъ сообразно съ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Даже изъ Эскуріала пришли письма, выражавшія надежду, что новый король Англіи будетъ ладить со своимъ Парламентомъ и своимъ народомъ. Самъ Ватиканъ предостерегалъ противъ излишней ревности къ римско-католической вѣрѣ. Бенедиктъ Одескальки, занимавшій папскій престолъ подъ именемъ Иннокентія XI, раздѣлялъ, въ качествѣ свѣтскаго владыки, всѣ тѣ опасенія, съ которыми прочіе монархи смотрѣли на возраставшее могущество Франціи. Кромѣ того, у него были особенныя, личныя причины питать ненависть къ королю Франціи. Людовикъ, ревностный до изувѣрства поклонникъ римской церкви, но въ то же время не менѣе усердный охранитель своей королевской власти, обвинялъ папу въ посягательствѣ на вѣковыя права Французской короны и, въ свою очередь, былъ обвиняемъ папой въ посягательствѣ на права его духовной власти. Иннокентій, въ частныхъ отношеніяхъ, былъ самый мягкій и снисходительный человѣкъ, но когда онъ говорилъ оффиціально съ престола св. Петра, то говорилъ въ тонѣ Григорія VII и Сикста V. Споры сдѣлались серьёзными. Агенты короля были отлучены отъ церкви. Приверженцы папы были изгнаны. Король сдѣлалъ епископами защитниковъ своей власти. Папа не соглашался ихъ утвердить. Они вступили въ пользованіе епископскими домами и доходами, но не могли отправлять епископскихъ обязанностей.

Если бы какой нибудь изъ тогдашнихъ монарховъ, кромѣ Людовика, вступилъ въ подобное состязаніе съ Ватиканомъ, на сторонѣ его явились бы всѣ протестантскія государства. Но страхъ и негодованіе, возбужденные честолюбіемъ и наглостью французскаго короля, были до того сильны, что у кого доставало мужества противиться ему, тотъ могъ быть увѣреннымъ въ общемъ къ себѣ сочувствіи. Даже лютеране и кальвинисты, всегда ненавидѣвшіе папу, не могли удержаться отъ желанія ему успѣха въ дѣйствіяхъ противъ тиранна, который мечталъ о всемірной монархіи.

Неудовольствіе, которое Иннокентій питалъ къ Франціи, располагало его къ снисходительному и либеральному взгляду на дѣла Англіи. Возвращеніе англійскаго народа въ стадо, котораго пастыремъ былъ онъ, конечно, доставило бы ему много радости. Но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы предположить, чтобы такая сильная и упрямая нація могла быть присоединена къ римской церкви насильственнымъ и анти-конституціоннымъ дѣйствіемъ королевской власти. Нетрудно было предвидѣть, что если бы Іаковъ вздумалъ поддерживать интересы своей религіи незаконнымъ и непопулярнымъ средствомъ, то попытка его не имѣла бы успѣха; ненависть, съ которою еретическіе островитяне смотрѣли на истинную вѣру, сдѣлалась бы сильнѣе, чѣмъ когда либо, и въ умѣ ихъ образовалось бы понятіе о неразрывной связи между протестантизмомъ и гражданской независимостью, между папствомъ и деспотической властью. Въ то же время король сдѣлался бы предметомъ отвращенія и недовѣрчивости у своего народа. Англія опять, подобно тому, какъ была при Іаковѣ I, Карлѣ I и Карлѣ II, обратилась бы въ государство третьяго разряда, и Франція безнаказанно распоряжалась бы за Альпами и за Рейномъ. Съ другой стороны, казалось вѣроятнымъ, что, дѣйствуя благоразумно и умѣренно, строго соблюдая законы и стремясь заслужить довѣріе Парламента, Іаковъ имѣлъ бы возможность выговорить, въ пользу приверженцевъ своей религіи, важныя облегченія. Зато каждое письмо, приходившее изъ Ватикана въ Вайтголль, повторяло, что нужно дѣйствовать съ терпѣніемъ, умѣренностью и щадить предразсудки англійскаго народа. Въ душѣ Іакова кипѣла сильная борьба. Мы были бы къ нему несправедливы, если бы предположили, что его подчиненное положеніе было ему пріятно. Онъ любилъ власть и самостоятельную дѣятельность. Въ немъ было высокое понятіе о своемъ личномъ достоинствѣ. Мало того: онъ не былъ лишенъ чувства, которое граничило съ нѣкотораго рода патріотизмомъ. Сердце его обливалось желчью при мысли, что королевство, которымъ онъ управляетъ, имѣетъ гораздо менѣе политическаго значенія, чѣмъ многія другія государства, менѣе обширныя или богатыя; потому онъ жадно прислушивался къ мнѣніямъ иностранныхъ министровъ, когда они убѣждали его поддержать достоинство своего званія, стать во главѣ обширнаго союза, сдѣлаться покровителемъ оскорбленныхъ націй и обуздать высокомѣріе монархіи, державшей въ страхѣ весь континентъ. Подобныя увѣщанія порождали въ душѣ его такія ощущенія, которыя не были знакомы его беззаботному и изнѣженному брату. Но эти ощущенія скоро уничтожались другими, болѣе сильными соображеніями. Энергическая внѣшняя политика требовала примирительной политики внутренней. Невозможно было въ одно и то же время состязаться съ Франціей и попирать свободу Англіи. Исполнительная власть не могла предпринять ничего важнаго безъ поддержки Парламента; а поддержку Парламента она могла получить лишь дѣйствуя сообразно съ его видами. Такимъ образомъ, Іаковъ убѣждался, что онъ не можетъ въ одно и то же время достигнуть двухъ цѣлей, составлявшихъ предметъ его пламенныхъ желаній. Второстепеннымъ желаніемъ его было возбуждать страхъ и уваженіе къ себѣ въ другихъ государствахъ, главнымъ же стремленіемъ его—сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ у себя дома. Между этими двумя, несовмѣстимыми одна съ другою, цѣлями, занимавшими его умъ, онъ нѣкоторое время оставался въ нерѣшимости. Борьба, происходившая у него въ сердцѣ, сообщала его дѣйствіямъ видъ неопредѣлительности и неискренности. Люди, пытавшіеся безъ этого ключа разгадать хаосъ его политики, не могли понять, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ, на одной и той же недѣлѣ, могъ являться и крайне высокомѣрнымъ и чрезвычайно уступчивымъ. Даже самъ Людовикъ негодовалъ на колебанія своего союзника, который въ нѣсколько часовъ переходилъ отъ безграничной преданности къ недовѣрчивости и отъ недовѣрчивости къ безграничной преданности.

Въ минуту вступленія на престолъ Іаковъ былъ въ недоумѣніи, подчинится ли королевство его власти безъ сопротивленія. Партія, требовавшая его исключенія отъ престолонаслѣдія, недавно еще столь могущественная, могла возстать на него съ оружіемъ въ рукахъ: тогда ему нельзя бы было обойтись безъ французскихъ денегъ и французскихъ войскъ. Потому онъ рѣшился на нѣкоторое время довольствоваться ролью льстеца и нищаго. Онъ униженно просилъ извиненія, что осмѣлился созвать Парламентъ безъ согласія французскаго правительства. Онъ неотступно просилъ у Франціи субсидій. Онъ проливалъ слезы радости надъ французскими векселями. Онъ отправилъ въ Версаль чрезвычайное посольство для выраженія своей благодарности, преданности и покорности. Но едва посольство успѣло выѣхать, какъ въ мысляхъ его произошла уже перемѣна. Онъ былъ признанъ королемъ повсемѣстно, безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ малѣйшаго возгласа неудовольствія. Со всѣхъ концовъ острова онъ получилъ извѣстіе, что подданные его спокойны и послушны. Духъ его поднялся. Унизительное положеніе, въ которое онъ поставилъ себя передъ чужеземною державой, казалось ему невыносимымъ. Онъ сдѣлался высокомѣрнымъ, взыскательнымъ, гордымъ, раздражительнымъ. Онъ говорилъ о значеніи своей короны и международныхъ правахъ такимъ языкомъ, что весь дворъ его ожидалъ совершеннаго переворота въ дѣлахъ внѣшней политики. Онъ поручилъ Чорчиллю прислать ему подробное описаніе версальскаго церемоніала, съ тѣмъ, чтобы почестями, съ которыми будетъ принято тамъ англійское посольство, впослѣдствіи отплатить — и только отплатить—представителю Франціи въ Вайтголлѣ. Извѣстіе объ этой перемѣнѣ возбудило въ Мадритѣ, Вѣнѣ и Гагѣ живой восторгъ. Людовикъ сперва только смѣялся. «Мой добрый союзникъ крупно поговариваетъ, повторялъ онъ: — но онъ такъ же падокъ на мои пистоли, какъ и его братъ.» Впрочемъ, перемѣна въ поведеніи Іакова и надежды, которыя внушены были этой перемѣной обѣимъ вѣтвямъ австрійскаго дома, заставляли обратить на себя болѣе серьёзное вниманіе. До насъ дошло письмо, въ которомъ французскій король выражаетъ сильное подозрѣніе, что онъ былъ обманутъ, и что тѣ деньги, которыя онъ послалъ въ Вестминстеръ, могутъ быть употреблены для противодѣйствія ему же.

Въ это время тори громко высказывали свою привязанности къ новому монарху. Ненависть виговъ была подавлена страхомъ. Масса народа, не принадлежавшая исключительно къ вигамъ или тори, поочередно переходившая отъ вигизма къ торизму и обратно, была теперь на сторонѣ тори. Реакція, послѣдовавшая за распущеніемъ Оксфордскаго Парламента, еще не утратила своего вліянія.

Король скоро подвергнулъ преданность своихъ протестатнскихъ приверженцевъ тяжелому испытанію. Пока онъ былъ подданнымъ, онъ обыкновенно слушалъ католическую обѣдню при закрытыхъ дверяхъ, въ маленькой молельнѣ, устроенной для его жены. Теперь онъ распорядился, чтобы двери были отворены и чтобы, такимъ образомъ, всякій, кто приходилъ къ нему по дѣлу, могъ видѣть священнодѣйствіе. Когда возносились тамъ опрѣсноки, между предстоявшими происходило странное смятеніе. Католики падали на колѣни, протестанты бѣжали вонъ. Скоро во дворцѣ поставлена была новая католическая каѳедра, и впродолженіе поста католическіе священники говорили съ нея проповѣди, къ великому неудовольствію ревностныхъ протестантовъ.

Затѣмъ послѣдовало еще болѣе важное нововведеніе. Наступила страстная недѣля, и король рѣшился на Пасху слушать католическую литургію съ такою же пышностью, какая окружала его предшественниковъ, когда они появлялись въ протестантскихъ храмахъ. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи тремъ членамъ тайнаго кабинета и приказалъ имъ присутствовать при этой церемоніи. Сундерландъ, для котораго всѣ религіи были равны, тотчасъ же согласился. Годольфинъ, какъ камергеръ королевы, и прежде постоянно вводилъ ее подъ руку въ молельню, потому и теперь не находилъ повода отказаться отъ оффиціальнаго исполненія этой обязанности. Но Рочестеръ былъ въ сильномъ смущеніи. Его вліяніе въ государствѣ основывалось, главнымъ образомъ, на мнѣніи духовенства и дворянства изъ партіи тори, что онъ ревностный и неизмѣнный сынъ церкви. Религіозность достаточно оправдывала его въ недостаткахъ, которые, иначе, сдѣлали бы его наименѣе популярнымъ человѣкомъ въ цѣломъ государствѣ — въ необузданной грубости, вспыльчивости и въ звѣрскихъ пріемахъ. Онъ боялся, чтобы, покоряясь желаніямъ короля, не упасть совершенно во мнѣніи своей партіи. Послѣ нѣкоторыхъ непріятныхъ переговоровъ, онъ получилъ позволеніе уѣхать на праздники изъ Лондона. Всѣ остальные высшіе гражданскіе сановники получили приказаніе быть къ Свѣтлому Воскресенью на своихъ мѣстахъ. Обряды римской церкви опять, послѣ промежутка въ сто-двадцать-семь лѣтъ, совершены были въ Вестминстерѣ съ царскою пышностью. Тѣлохранители были выстроены рядами, кавалеры ордена Подвязки надѣли парадные мундиры. Герцогъ Сомерсетскій, второе лицо на іерархической лѣстницѣ королевства, несъ государственный мечъ. Длинная вереница знатныхъ лордовъ провожала короля до его мѣста. Но замѣчено было, что Ормондъ и Галифаксъ остались въ передней комнатѣ.

Спустя недѣлю послѣ этой церемоніи, Іаковъ принесъ гораздо значительнѣйшую жертву насчетъ своихъ религіозныхъ предразсудковъ, нежели какой когда либо требовалъ отъ своихъ протестантскихъ подданныхъ. Онъ былъ коронованъ 23 апрѣля. Аббатство и зало были изукрашены съ чрезвычайнымъ блескомъ. Присутствіе королевы и женъ перовъ сообщало этому торжеству прелесть, которой недоставало величественной коронаціи покойнаго короля. Впрочемъ, люди, помнившіе эту коронацію, говорили, что теперь допущены были вообще большія отступленія отъ прежняго церемоніала. По старинному обычаю, предъ коронаціею, монархъ, въ сопровожденіи своихъ герольдовъ, судей, членовъ совѣта, лордовъ и важнѣйшихъ сановниковъ, долженъ былъ торжественно проѣхать отъ Товера къ Вестминстеру. Изъ этихъ процессій послѣдняя и самая замѣчательнѣйшая происходила въ то время, когда чувства, возбужденныя Реставраціей, были еще въ полной силѣ. Черезъ дорогу переброшены были тріумфальныя арки. Коркгилль, Чипсайдъ, дворъ церкви св. Павла, Флитъ-Стритъ и Страндъ были застроены лавками для зрителей. Такимъ образомъ, весь городъ имѣлъ возможность любоваться на короля при самой торжественной и блестящей обстановкѣ, которою когда либо облекается королевская власть. Іаковъ велѣлъ опредѣлить стоимость подобной процессіи и нашелъ, что она обойдется почти въ половину той суммы, которую онъ предполагалъ истратить на костюмъ своей жены. Вслѣдствіе этого, онъ рѣшился показаться щедрымъ тамъ, гдѣ бы долженъ былъ быть умѣреннымъ, и скупымъ тамъ, гдѣ извинительно было бы допустить расточительность. Болѣе ста тысячъ фунтовъ было ассигновано на туалетъ королевы, а поѣздъ отъ Товера отмѣненъ. Безразсудство подобнаго распоряженія очевидно.

Іаковъ велѣлъ Санкрафту, архіепископу Кантерберійскому, сократить обыкновенный церемоніалъ. Въ оправданіе этого распоряженія выставили ту причину, что времени было бы мало для выполненія всего, что предназначалось первоначально. Но кто разсмотритъ сдѣланныя измѣненія, тотъ замѣтитъ, что истинная цѣль была устранить молитву и предметы, которые оскорбили бы религіозное чувство католика. Церемонія поднесенія монарху богато переплетеннаго экземпляра англійской библіи и увѣщаніе цѣнить выше всѣхъ земныхъ сокровищъ книгу, на которую Іаковъ привыкъ смотрѣть какъ на искаженіе истиннаго ученія, была выпущена. Но и то, что оставалось за всѣми сокращеніями, несовмѣстно было съ убѣжденіями человѣка, который считалъ англиканскую церковь еретической паствой, посреди которой спасеніе было невозможно. Такимъ образомъ, помазаніе мvромъ, выражающее изліяніе божественной благодати, онъ получилъ отъ англиканскихъ епископовъ: преклоняя, съ наружнымъ благоговѣніемъ, колѣни, пока они призывали Св. Духа снизойти на помазуемаго, Іаковъ все-таки считалъ этихъ епископовъ злѣйшими, заклятыми врагами истинной вѣры.

Проповѣдь говорилъ Фрэнсисъ Тёрперъ, епископъ Элійскій. Слово его было составлено изъ кудреватыхъ оборотовъ, которые лѣтъ семьдесятъ назадъ возбудили бы восторгъ, но теперь только насмѣшили поколѣніе, привыкшее къ болѣе облогороженному краснорѣчію. Король Іаковъ явился въ этой проповѣди царемъ Соломономъ, Монмоутъ Адоніею, Рюй-гаузскій заговорщикъ Іоавомъ; Семеемъ названъ былъ вигъ, Авіаѳаромъ честный, но обманутый роялистъ. Одно мѣсто изъ Книги Паралипоменонъ истолковано было въ такомъ смыслѣ, чтобъ доказать, что король выше Парламента, другое приведено съ цѣлью убѣдить, что одинъ король долженъ предводительствовать войскомъ. Къ концу проповѣди ораторъ робко намекнулъ на затруднительное положеніе, въ которомъ церковь находилась въ отношеніи къ монарху, и напомнилъ своимъ слушателямъ, что императоръ Констанцій Хлоръ, хотя и не былъ самъ христіаниномъ, уважалъ, однако, тѣхъ изъ христіанъ, которые пребывали вѣрны своей религіи, а напротивъ, презиралъ людей, которые старались снискать его расположеніе отступничествомъ.

Теперь наступилъ моментъ, который можетъ быть отмѣченъ какъ моментъ высшаго энтузіазма торіевъ. Уже съ самаго вступленія на престолъ новаго короля, ему были подаваемы адресы, въ которыхъ выражалось глубокое уваженіе къ его особѣ и сану и ненависть къ побѣжденнымъ вигамъ. Миддльсекское графство благодарило Бога, разстроившаго планы этихъ цареубійцъ, которые, не удовольствовавшись тѣмъ, что погубили одного любимаго государя, пытались поколебать основанія монархіи. Глосстерское городское общество проклинало кровожадныхъ злодѣевъ, которые старались лишить его величество неотъемлемыхъ правъ на престолонаслѣдіе. Виганскіе граждане увѣряли своего монарха, что готовы защищать его противъ всѣхъ коварныхъ Ахитофелей и мятежныхъ Авессаломовъ. Суффолькскіе присяжные выражали надежду, что Парламентъ отправитъ въ ссылку всѣхъ посягавшихъ на неприкосновенныя права престолонаслѣдія. Многія корпораціи клялись, что не допустятъ выбрать въ Парламентъ никого изъ тѣхъ лицъ, которыя старались лишить Іакова его родовыхъ правъ. Сама столица обнаруживала глубокую преданность. Адвокаты и купцы соперничествовали другъ съ другомъ въ угодливости. Общество адвокатовъ придворной и канцлерской палаты прислали адресы, съ выраженіемъ глубокой привязанности и покорности. Всѣ главнѣйшія торговыя общества, Остъ-Индская Компанія, Африканская Компанія, Турецкая Компанія, Московская Компанія, Компанія Гудсонова залива, Мэриландская компанія, Ямайская компанія объявляли, что съ удовольствіемъ покоряются королевскому эдикту, обязывавшему ихъ платить пошлины. Бристоль, второй городъ острова, отозвался на голосъ Лондона. Но нигдѣ духъ преданности престолу не выказался такъ сильно, какъ въ двухъ университетахъ. Оксфордскій увѣрялъ, что никогда не отступитъ отъ тѣхъ священныхъ правилъ, которыя предписывали ему повиновеніе королю безъ всякихъ ограниченій; Кэмбриджскій, въ строгихъ выраженіяхъ, осуждалъ насилія и неблагонамѣренность людей, съ умысломъ пытавшихся отклонить порядокъ престолонаслѣдія отъ его истиннаго пути.

Подобные адресы долгое время наполняли столбцы «Лондонской Газеты». Но не одними адресами тори доказали свое усердіе. Прокламаціи о составленіи новаго Парламента были разосланы, и государство взволновалось отъ предстоявшихъ общихъ выборовъ. Никогда еще они не сопровождались обстоятельствами, столь благопріятными для двора. Сотни тысячъ людей, которыхъ папистскій заговоръ заставилъ обратиться къ вигизму, были теперь увлечены въ торизмъ, Рюй-Гоузскимъ заговоромъ. Въ графствахъ правительство могло разсчитывать ежегодно на огромное большинство зажиточныхъ землевладѣльцевъ, также и на большинство духовенства. Города, считавшіеся прежде средоточіями вигизма, были лишены своихъ хартій декретомъ правительства или предупредили этотъ декретъ добровольными уступками. Въ каждомъ шейрѣ лордъ-намѣстникъ и его депутаты образовали сильный, дѣятельный и бдительный комитетъ, съ цѣлью задобрить и запугать избирателей. Народъ съ тысячи каѳедръ былъ торжественно предостерегаемъ отъ подачи голосовъ въ пользу виговъ, подъ опасеніемъ дать отвѣтъ передъ Тѣмъ, Кто держитъ въ десницѣ царей и царства и Кто мятежъ считаетъ не менѣе тяжкимъ грѣхомъ, чѣмъ чародѣйство. Всѣми этими преимуществами господствующая партія не только воспользовалась по мѣрѣ возможности, но употребила ихъ въ дѣло, такъ, что серьёзные и благоразумные люди, остававшіеся вѣрными монархіи въ годину бѣдствій и не питавшіе ни малѣйшей склонности къ республиканцамъ и еретикамъ, ужаснулись и предсказывали, что подобное начинаніе не поведетъ къ добру.

Перенося справедливое воздаяніе за свои промахи, потерпѣвъ пораженіе, бывъ разсѣяны и разстроены, виги неуступали, однако, безъ сопротивленія. У нихъ было много приверженцевъ по городамъ, между торговцами и ремесленниками, и по селамъ, между помѣщиками и крестьянами. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Дорсетшейрѣ и Сомерсетшейрѣ, они составляли большинство населенія. Во всѣхъ графствахъ, гдѣ имъ оставалась малѣйшая надежда на успѣхъ, они боролись отчаянно. На выборахъ Нортамптоншейра простой народъ былъ такъ вооруженъ противъ королевскаго кандидата, что на городскую площадь нужно было вывесть отрядъ солдатъ съ заряженными ружьями.

Общій результатъ выборовъ превзошелъ самыя пылкія ожиданія двора. Іаковъ убѣдился, къ своему удовольствію, что ему не придется тратить денегъ на покупку голосовъ. Онъ говорилъ, что, исключая какихъ нибудь сорока членовъ, Нижняя Палата представляла тотъ самый составъ, какой бы онъ самъ для нея назначилъ. Всю эту палату, по дѣйствовавшему тогда закону, отъ него зависѣло удержать до конца своего царствованія.

Увѣрясь въ поддержкѣ Парламента, онъ могъ предаться теперь наслажденію мести. Натура его была непреклонна; притомъ же, будучи подданнымъ, онъ перенесъ много обидъ и оскорбленій, которыя даже и болѣе уступчивую натуру подвигли бы къ сильной, непримиримой ненависти. Въ особенности одинъ разрядъ людей съ безпримѣрной и неописанной низостью и жестокостью посягалъ на его честь и жизнь: то были лица, являвшіяся доносчиками о папистскомъ заговорѣ.

Многіе изъ этихъ людей были уже внѣ власти человѣческаго правосудія; но главные, Отсъ и Данджерфильдъ, оставались еще во власти грознаго монарха, котораго они оскорбили. Іаковъ, не задолго до вступленія на престолъ, началъ противъ Отса гражданскій искъ за обидныя выраженія, и судъ присяжныхъ наложилъ на клеветника штрафъ въ огромную сумму ста тысячъ фунтовъ. До уплаты этой суммы — а уплатить ее было внѣ силъ человѣческихъ — онъ посаженъ былъ въ тюрьму, безъ надежды на освобожденіе. Два обвинительные противу него акта въ измѣнѣ составлены были миддльсекскими присяжными, за нѣсколько недѣль до смерти Карла. Вскорѣ по окончаніи выборовъ начался уголовный судъ. Въ высшемъ и среднемъ классахъ у Отса почти не оставалось друзей. Всѣ благоразумные виги были теперь убѣждены, что если его показаніе и имѣло дѣйствительно нѣкоторое основаніе, то къ этому основанію онъ примѣшалъ вымыселъ. Впрочемъ, значительное число фанатиковъ смотрѣли еще на него, какъ на общественнаго благодѣтеля. Эти люди хорошо понимали, что если обвиненіе подтвердится, то приговоръ будетъ чрезвычайно жестокъ; потому они неутомимо изъискивали средства чтобы доставить подсудимому случай бѣжать. Несмотря на то, что онъ содержался подъ стражей пока лишь за неуплату штрафа, его заковали въ желѣзо, по распоряженію тюремнаго начальства Королевской Палаты; но и при этомъ стража едва успѣла его укараулить. Бульдогъ, который охранялъ его дверь, былъ отравленъ, и въ ту ночь, которая предшествовала его осужденію, къ нему принесена была въ тюрьму веревочная лѣстница.

Въ тотъ день, когда его привели въ судъ, Вестминстеръ-Голль наполнился зрителями, посреди которыхъ было много католиковъ, нетерпѣливо желавшихъ быть свидѣтелями страданій и униженія своего преслѣдователя. Нѣсколько лѣтъ назадъ, его короткая шея, ноги уродливыя, какъ у барсука, лобъ узкій, какъ у обезьяны, багровыя щеки и чудовищно длинный подбородокъ хорошо извѣстны были всѣмъ посѣщавшимъ суды. Онъ былъ нѣкогда кумиромъ націи. Куда онъ ни появлялся, передъ нимъ всѣ снимали шляпы. Жизнь и имѣнія сановниковъ королевства находились въ его власти. Теперь обстоятельства измѣнились. Многіе, считавшіе его прежде освободителемъ отечества, содрагались теперь при видѣ этого отвратительнаго лица, на которомъ злоба была начертана какъ бы рукою самого Бога.

Было доказано, безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія, что этотъ человѣкъ ложными навѣтами погубилъ нѣсколько лицъ совершенно правыхъ. Напрасно ссылался онъ на знатнѣйшихъ членовъ Парламента, ожидая, что они подадутъ голосъ въ его пользу. Нѣкоторые изъ членовъ не явились на его зовъ, и вообще никто изъ нихъ ничего не сказалъ въ его пользу. Одинъ изъ перовъ, графъ Гентингдонъ, горько упрекалъ его за то, что онъ обманулъ Палаты и навлекъ на нихъ обвиненіе въ пролитіи неповинной крови. Судьи стращали подсудимаго и ругались надъ нимъ съ такою неумѣренностью, которая, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, несовмѣстна съ судейскимъ саномъ. Впрочемъ, онъ не показывалъ ни малѣйшаго знака страха или стыда и смотрѣлъ на весь градъ обвиненій, направленныхъ противъ него судьями, свидѣтелями и присяжными, съ равнодушіемъ и наглостью отчаянія. Онъ былъ обвиненъ.

Поступокъ его, представлявшійся со стороны нравственной самымъ ужаснымъ убійствомъ, имѣлъ въ глазахъ закона далеко не такое важное значеніе. Завсѣмъ тѣмъ, судъ желалъ наказать его строже, нежели наказывались прежде измѣнники, и, не ограничиваясь обыкновенною смертною казнью, рѣшился предать его смерти съ самыми ужасными мученіями. Рѣшено было сорвать съ него священническое платье, привязать его къ позорному столбу на Дворцовой площади, водить его вокругъ Вестминстеръ-Голля, съ надписью поверхъ головы о родѣ его преступленія, опять привязать къ столбу противъ Королевской биржи, сѣчь по всему пути отъ Альдгэта до Ньюгэта и, по прошествіи двухъ дней, сѣчь въ другой разъ по всему пути отъ Ньюгэта до Тэйборна. Если бы, вопреки всякому вѣроятію, онъ пережилъ это ужасное наказаніе, рѣшено было посадить его въ тюрьму на всю жизнь. Пять разъ ежедневно слѣдовало выводить его изъ темницы и привязывать къ позорнымъ столбамъ въ разныхъ частяхъ города.

Этотъ строгій приговоръ приведенъ въ исполненіе во всей точности. Въ тотъ день, когда Отсъ былъ привязанъ къ столбу на Дворцовой площади, чернь нападала на него безъ милосердія и едва не разорвала его на части. Но въ Сити приверженцы его собрались толпою и опрокинули столбъ. Впрочемъ, имъ не удалось избавить своего любимца. Ожидали, что онъ постарается принять ядъ, чтобы избѣгнуть готовившейся ему участи. Потому все, что онъ ѣлъ и пилъ, было тщательно осматриваемо. На слѣдующее утро его вывели, чтобы подвергнуть первому бичеванью. Съ ранняго утра, необозримая толпа наполняла всѣ улицы отъ Альдгэта до Ольдъ-Белея. Палачъ дѣйствовалъ плетью съ необыкновенною жестокостью: замѣтно было, что онъ получилъ по этому предмету особыя наставленія. Кровь лила ручьями. Нѣкоторое время осужденный показывалъ удивительную твердость; наконецъ твердость его изнемогла. Стоны его страшно было слушать. Онъ нѣсколько разъ терялъ чувства; но плеть продолжала дѣйствовать. Когда наказаніе кончилось, видно было, что осужденный перенесъ все, что только человѣческая натура въ состояніи вынести. Іакову доложили, не прикажетъ ли онъ отмѣнить второе бичеванье. Его отвѣтъ былъ кратокъ и ясенъ: «Если въ немъ есть еще дыханіе, онъ подвергнется и вторичному наказанію.» Дѣлали попытку склонить королеву на предстательство въ этомъ случаѣ; но она съ негодованіемъ отказалась произнести даже одно слово въ пользу подобнаго негодяя. По прошествіи срока — восьми часовъ — Отса опять вывели изъ темницы. Онъ казался совершенно лишеннымъ чувствъ, и тори говорили даже, что онъ нарочно принялъ передъ этимъ одуряющій напитокъ.

Человѣкъ, считавшій удары втораго дня, разсказываетъ, что число ихъ доходило до тысячи-семисотъ. Отсъ остался въ живыхъ и послѣ этого наказанія, но до такой степени былъ близокъ къ смерти, что его невѣжественные поклонники считали выздоровленіе его яснымъ доказательствомъ его невинности. Двери тюрьмы за нимъ затворились. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ оставался въ оковахъ, въ самомъ мрачномъ отдѣленіи Ньюгэта. Въ уединеніи, онъ совершенно предался меланхоліи, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, издавая стоны, скрестивъ руки на груди и надвинувъ себѣ на глаза шляпу. Это происшествіе возбудило живой интересъ не въ одной Англіи. Милліоны католиковъ, не имѣвшихъ понятія о нашихъ учрежденіяхъ и нашихъ партіяхъ, знали, однако же, что на нашемъ островѣ воздвигнуто было жесточайшее гоненіе на послѣдователей истинной вѣры, что многіе благочестивые люди претерпѣли мученичество, и что Титъ Отсъ былъ главнымъ мучителемъ. Потому въ самыхъ отдаленныхъ государствахъ проявилась живѣйшая радость, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что небесное правосудіе покорало этого человѣка. Гравюры, представлявшія его привязаннымъ къ столбу и изгибающимся подъ ударами плети, ходили по всей Европѣ, и эпиграммы, на всевозможныхъ языкахъ, острили надъ докторскимъ званіемъ, которое онъ получилъ будто бы отъ Саламанкскаго Университета, замѣчая, между прочимъ, что такъ какъ чело его давно разучилось краснѣть, то справедливо было пріучить къ этому, по крайней мѣрѣ, его спину.

Убійство посредствомъ ложнаго свидѣтельства — самый ужасный видъ убійства; а Отсъ былъ виновенъ во многихъ такихъ убійствахъ. Завсѣмъ тѣмъ, наказаніе, которому онъ подвергся, не можетъ быть оправдано. Приговоривъ его къ совлеченію съ него присвоенной его сану одежды и заключенію въ тюрьму на всю жизнь, судьи допустили превышеніе дарованной имъ по закону власти. Конечно, они имѣли право присудить виновнаго къ наказанію плетьми и законъ не ограничивалъ число ударовъ; но, по точному смыслу закона, самое тяжкое преступленіе могло наказываться только висѣлицей. Между тѣмъ, судьи, по общему мнѣнію, приговорили Отса къ болѣе тяжкому наказанію, слѣдствіемъ котораго, какъ они ожидали, неизбѣжно будетъ смерть. Что Отсъ былъ дурной человѣкъ, это не могло быть извиненіемъ: виновные всегда первые подвергаются жестокостямъ, которыя потомъ, на основаніи бывшихъ примѣровъ, допускаются уже и въ отношеніи къ невиннымъ. Это повторилось и при настоящемъ случаѣ. Безпощадное бичеванье скоро сдѣлалось обыкновеннымъ наказаніемъ за неважные политическіе проступки. За необдуманныя слова противъ правительства виновные подвергались такимъ страшнымъ истязаніямъ, что, безъ малѣйшаго притворства, умоляли всегда, чтобы ихъ судили уголовнымъ порядкомъ и вѣшали. Къ счастію, это возмутительное злоупотребленіе уничтожено было той статьей «Билля о Правахъ», которая осуждаетъ всякое жестокое и неестественное наказаніе.

Преступленія Данджерфильда не сопровождались, подобно преступленіямъ Отса, смертью невинныхъ жертвъ. Онъ былъ приведенъ къ отвѣту не за фальшивыя показанія, а за менѣе предосудительную вину — печатаніе статей противъ правительства. Во время тревогъ, происшедшихъ отъ «Билля о Наслѣдствѣ» (Exclusion Bill), онъ написалъ памфлетъ, наполненный лживыми и оскорбительными намеками на покойнаго и настоящаго королей. За это сочиненіе, теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, автора внезапно схватили, привели въ Тайный Совѣтъ, стали судить, обличили и приговорили къ наказанію по тому же пути отъ Альдгэта къ Ньюгэту и отъ Ньюгэта къ Тайборну. Обвиняемый впродолженіе допросовъ держалъ себя очень дерзко; но когда онъ выслушалъ свой приговоръ, то пришелъ въ совершенное отчаяніе, предсказалъ себѣ скорую смерть и выбралъ текстъ для проповѣди. Опасенія его оправдались. Его били не такъ жестоко, какъ Отса; но онъ и не отличался такимъ желѣзнымъ тѣломъ и такимъ твердымъ духомъ, какіе были у Отса. По окончаніи наказанія, Данджерфильда положили въ наемную карету и повезли опять въ тюрьму. Когда онъ огибалъ уголъ Гаттенъ-Гардена, джентльменъ-тори изъ Грэй-Инна, по имени Фрэнсисъ, остановилъ карету и закричалъ съ наглостью: «Что, дружокъ, жарко ли тебѣ досталось нынѣшнимъ утромъ?» Истерзанный узникъ, оскорбясь этой выходкой, отвѣтилъ ему ругательствомъ. За это Фрэнсисъ ударилъ несчастнаго тростью и вышибъ ему глазъ. Данджерфильдъ, чуть живой, привезенъ былъ въ Ньюгэтъ. Низкій поступокъ Фрэнсиса возбудилъ общее негодованіе толпы: его схватили и едва не разорвали на части. При видѣ тѣла Данджерфильда, страшно изувѣченнаго плетью, большинство причину его смерти, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ, относило къ дѣйствію самаго наказанія, Между тѣмъ, правительство и Королевская Палата Верховнаго Суда нашли болѣе приличнымъ сложить всю вину на Фрэнсиса, который и былъ осужденъ за убійство. Его предсмертная рѣчь представляетъ любопытный памятникъ того вѣка. Звѣрство, доведшее его до висѣлицы, не оставило его до послѣдней минуты. Увѣренія въ собственной правотѣ и ругательства, направленныя противъ виговъ, смѣшивались у него съ прощальными возгласами, которыми онъ поручалъ свою душу небесному милосердію. Ходила молва, что жена его чувствовала нѣжную склонность къ Данджерфильду, который былъ необыкновенно хорошъ лицомъ и славился успѣхами въ волокитствѣ. Роковой ударъ, нанесенный Фрэнсисомъ, объясняли именно порывомъ ревности. Умирающій супругъ съ ироническою и вмѣстѣ патетическою важностью защищалъ репутацію своей жены. Она была, по его словамъ, добродѣтельная женщина, происходила отъ благороднаго семейства и если бы дѣйствительно способна была нарушить брачный обѣтъ, то, конечно, не выбрала бы себѣ въ любовники тори, приверженца истинной церкви.

Около того же времени, въ Королевскую Палату приведенъ былъ человѣкъ, имѣвшій весьма мало сходства съ Отсомъ и Данджерфильдомъ. Ни одинъ предводитель значительной партіи не проходилъ своего многолѣтняго поприща посреди гражданскихъ и религіозныхъ несогласій съ такою непорочностью, какъ Ричардъ Бакстеръ. Онъ принадлежалъ къ самой кроткой и умѣренной пуританской корпораціи. Когда началась междоусобная война, онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ. Онъ думалъ, что справедливость была на сторонѣ палатъ, и не отказался принять на себя должность капеллана въ одномъ изъ полковъ парламентской арміи; но его ясный, отчасти скептическій, умъ и глубокое сознаніе правоты предохранили его отъ всѣхъ увлеченій. Онъ привыкъ умѣрять фанатическія насилія солдатъ. Онъ осуждалъ дѣйствія людей, казнившихъ Карла I. Во времена республики онъ былъ такъ смѣлъ, что во многихъ случаяхъ, и однажды въ присутствіи Кромвелля, выражалъ любовь и уваженіе къ древнимъ учрежденіямъ государства. Пока королевская фамилія была въ изгнаніи, Бакстеръ проводилъ бо́льшую часть времени въ Киддерминстерѣ, ревностно исполняя священническую должность. Онъ отъ всего сердца сочувствовалъ дѣлу Реставраціи и искренно желалъ соединенія приверженцевъ епископальной и пресвитеріанской церквей. Съ рѣдкимъ въ то время глубокомысліемъ, онъ считалъ несогласія относительно іерархическаго устройства слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ основными началами христіанства, и потому всегда, даже во время господства индепендентовъ, совѣтовалъ пуританамъ не враждовать противъ епископальной церкви. Попытка примирить соперничествовавшія партіи не удалась. Бакстеръ покорился общей участи съ изгнанными друзьями, отказался отъ герфордской митры, оставилъ должность священника въ Киддерминстерѣ и совершенно предался ученымъ занятіямъ. Его богословскія сочиненія, хотя слишкомъ умѣренныя для того, чтобы понравиться изувѣрамъ какой бы то ни было партіи, пользовались громадною извѣстностью. Благородство его сердца, его безукоризненная жизнь, даровитость и обширность его взгляда были признаны лучшими и просвѣщеннѣйшими людьми всѣхъ религіозныхъ сектъ. Политическія мнѣнія его, несмотря на угнетенія, испытанныя имъ самимъ и его друзьями, были умѣренны.

Въ одномъ комментаріѣ на Новый Завѣтъ онъ не безъ нѣкоторой горечи жаловался на преслѣдованія, испытываемыя диссидентами. Подобный ропотъ считался въ то время преступленіемъ противъ государства и церкви. Роджеръ Ластренджъ, защитникъ правительства и оракулъ духовенства, подалъ въ «Наблюдателѣ» сигналъ къ открытому преслѣдованію.

Собрали нужныя справки. Бакстеръ просилъ, чтобы ему дали срокъ приготовиться къ оправданіямъ. Въ тотъ самый день, какъ Отсъ былъ привязанъ къ позорному столбу на Дворцовой площади, знаменитый предводитель пуританъ, удрученный годами и болѣзнями, пришелъ въ Вестминстеръ-Голль, съ цѣлію изложить свою просьбу. Джэффрейзъ закипѣлъ негодованіемъ.

— Ни минуты на то, чтобы спасти жизнь! вскричалъ онъ. — Я умѣю ладить съ святошами точно такъ же, какъ и съ грѣшниками. Вотъ стоитъ Отсъ по одну сторону столба, и если бы Бакстеръ стоялъ по другую, то мы увидали передъ собою двухъ величайшихъ негодяевъ въ цѣломъ королевствѣ.

Когда началось судопроизводство, толпа людей, любившихъ и уважавшихъ Бакстера, наполнила весь дворъ Гильдъ-Голля. Защитникомъ обвиненнаго былъ докторъ Уилльямъ Бэтсъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ представителей диссидентскаго духовенства. Два замѣчательныхъ адвоката, виги Поллексфенъ и Валлопъ, явились для защиты подсудимаго. Едва Поллексфенъ началъ свою рѣчь къ присяжнымъ, какъ верховный судья закричалъ:

— Поллексфенъ! я знаю васъ хорошо: вы защитникъ мятежниковъ. Это старый негодяй, раскольничій холопъ, лицемѣръ. Онъ ненавидитъ литургію. Ему бы только пѣть свои безконечные каноны.

Съ этими словами, лордъ поднялъ взоры кверху, сложилъ руки и началъ пѣть въ носъ, подражая манерѣ Бакстера при молитвѣ: «Господи! мы Твой народъ, Твой избранный народъ, возлюбленный Тобою народъ». Поллексфенъ замѣтилъ вскользъ, что покойный король считалъ Бакстера достойнымъ епископскаго званія.

— А кто же не велѣлъ болвану принять это званіе? вскричалъ Джэффрейзъ.

Гнѣвъ доводилъ его почти до безумія. Онъ ругалъ Бакстера собакой и клялся, что не было бы ничего справедливѣе, какъ провести этого мошенника подъ плетьми черезъ всю Сити.

Валлопъ пробовалъ вступиться, но успѣлъ не болѣе своего предшественника.

— Вы готовы поддерживать всѣ подобныя дрянныя дѣла, мистеръ Валлопъ! сказалъ верховный судья. — Люди, носящіе судейскія мантіи, должны бы стыдиться защищать такихъ вредныхъ плутовъ.

Авдокатъ сдѣлалъ было еще попытку заставить себя слушать, но напрасно.

— Если вы не знаете своей обязанности, замѣтилъ Джэффрейзъ: — то я васъ выучу.

Валлопъ опустился на свое кресло, а Бакстеръ попробовалъ самъ говорить въ свою пользу. Но верховный судья заглушилъ его рѣчь цѣлымъ потокомъ брани и проклятій, перемѣшанныхъ съ остротами.

— Милордъ! сказалъ, между прочимъ, подсудимый: — диссиденты очень осуждали меня за то, что я съ уваженіемъ относился о епископахъ.

— Бакстеръ защищалъ епископовъ! вскричалъ верховный судья. — Вотъ забавная штука! Я знаю, кого вы разумѣете подъ именемъ епископовъ — негодяевъ подобныхъ вамъ, киддерминстерскихъ епископовъ, неумытыхъ и мятежныхъ пресвитеріанцевъ!

Бакстеръ хотѣлъ опять оправдываться; но Джэффрейзъ опять перебилъ его.

— Ричардъ, Ричардъ! неужели ты думаешь, что я позволю тебѣ отравлять Палату твоими рѣчами? Ричардъ! ты старый плутъ. Ты и такъ написалъ уже столько книгъ, что ими можно бы было нагрузить цѣлую телегу, и каждая книга твоя такъ же наполнена возмутительными мыслями, какъ яйцо бѣлкомъ и желткомъ. Но, при помощи Божіей, я справлюсь съ тобою. Вижу, что многіе изъ твоихъ сообщиковъ желаютъ узнать, что послѣдуетъ съ ихъ могущественнымъ руководителемъ.

— А вотъ, продолжалъ онъ, устремивъ звѣрскій взглядъ на Бэтса: — вотъ докторъ, который также принадлежитъ къ вашей партіи. Но, при помощи всемогущаго Бога, я раздавлю васъ всѣхъ.

Бакстеръ сохранялъ спокойный видъ. Одинъ изъ адвокатовъ хотѣлъ употребить послѣдніе доводы въ защиту подсудимаго и старался доказать, что обстоятельства, изложенныя въ доносѣ, не представляютъ достаточныхъ уликъ. Съ этою цѣлью онъ началъ читать обвинительный актъ. Но верховный судья тотчасъ же перебилъ его. «Я не позволю вамъ обратить Палату въ какую нибудь сходку крикуновъ.» Изъ толпы, окружавшей Бакстера, послышались рыданія.

— Дрянные телята! вскричалъ судья, въ отвѣтъ на это.

Свидѣтели, призванные въ судъ, ожидали, что ихъ пригласятъ приступить къ своей обязанности; между ними было нѣсколько сановниковъ епископальной церкви. Но верховный судья не хотѣлъ ничего слушать.

— Неужели вы думаете, милордъ, сказалъ Бакстеръ: — что какіе нибудь присяжные обвинятъ человѣка на основаніи подобнаго судопроизводства?

— Увѣряю васъ, мистеръ Бакстеръ, что такъ случится. Не безпокойтесь насчетъ этого.

Джеффрейзъ былъ правъ. Шерифы были слугами правительства. Присяжные, выбранные шерифами изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ партіи тори, совѣщались съ минуту и затѣмъ признали Бакстера виновнымъ.

Приговоръ судей былъ для того времени довольно снисходительнымъ. Что происходило на совѣщаніи судей, навѣрное неизвѣстно. Диссиденты предполагали, и это очень правдоподобно, что верховный судья подчинился вліянію своихъ трехъ сотоварищей. Говорятъ, что онъ предлагалъ провести Бакстера подъ плетьми по цѣлому Лондону. Но большинство нашло, что духовное лицо, которому двадцать-пять лѣтъ назадъ предлагали епископскую митру, и которому было теперь подъ семьдесятъ лѣтъ, будетъ за нѣсколько неосторожныхъ словъ достаточно наказано штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ.

Тонъ, которымъ верховный судья, бывшій членомъ кабинета и любимцемъ короля, обращался съ Бакстеромъ, выказываетъ несомнѣнно тогдашній взглядъ правительства на протестантскихъ диссидентовъ. Но этотъ взглядъ еще прежде проявился болѣе сильными и страшными признаками. Шотландскій Парламентъ собрался. Іаковъ съ намѣреніемъ поспѣшилъ созвать его и отложилъ нѣсколько засѣданія англійскихъ палатъ, въ надеждѣ, что примѣръ Эдинбурга окажетъ благотворное вліяніе на Вестминстеръ. Только приверженецъ епископства могъ засѣдать въ Шотландскомъ Парламентѣ; а въ Шотландіи всякій приверженецъ епископства былъ непремѣнно тори. Отъ собранія, составленнаго такимъ образомъ, нельзя было ожидать ни малѣйшаго сопротивленія королевской волѣ; притомъ же, это собраніе имѣло право разсуждать о законахъ только тогда, когда предварительно они были одобрены придворнымъ комитетомъ.

Все, чего правительство просило, было дано съ готовностью. Съ финансовой точки зрѣнія, щедрость шотландскихъ депутатовъ не сдѣлала многаго, при бѣдности королевства. Впрочемъ, они дали все, что дозволяли ихъ ограниченныя средства.

Не имѣя въ распоряженіи довольно денегъ, депутаты восполняли этотъ недостатокъ увѣреніями въ покорности и цѣлымъ рядомъ варварскихъ постановленій. Король, въ письмѣ, которое было имъ прочитано при открытіи засѣданія, призывалъ ихъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, составить новые уголовные законы противъ непокорныхъ пресвитеріанцевъ, извиняясь, что дѣла помѣшали ему лично предложить подобные законы съ трона. Желанія короля были исполнены и составленное министрами постановленіе утверждено, — постановленіе, которое даже въ ряду законовъ этой несчастной страны въ тотъ бѣдственный періодъ поражаетъ своею жестокостью. Этимъ закономъ, въ немногихъ, но выразительныхъ словахъ, устанавливалось, что кто проповѣдуетъ въ диссидентскомъ собраніи или слушаетъ такого проповѣдника, самъ подвергается смертной казни, а имущество его конфискуется.

Этотъ законъ, утвержденный по настоянію короля, собраніемъ, покорнымъ его волѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Близорукіе писатели часто представляли Іакова человѣкомъ опрометчивымъ, неразборчивымъ въ выборѣ средствъ, но имѣвшимъ въ виду одну изъ благороднѣйшихъ цѣлей, какую монархъ можетъ избрать себѣ — возстановленіе вѣротерпимости. Нельзя при этомъ не сознаться, что нѣкоторые эпизоды его жизни, при отрывочномъ и поверхностномъ разсмотрѣніи, казалось, оправдывали подобный выгодный взглядъ на его характеръ.

Бывъ подданнымъ, онъ впродолженіе многихъ лѣтъ испытывалъ гоненія, и гоненія эти наложили на него свой отпечатокъ. Его мрачный и ограниченный умъ образовался въ этой трудной школѣ. Когда онъ былъ отстраненъ отъ Верховнаго Суда, отъ Адмиралтейства, отъ Совѣта и готовъ былъ потерять тронъ за то, что не могъ отказаться отъ вѣры въ пресуществленіе и въ непогрѣшимость папскаго престола, онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи въ терпимости и свободомысліи, что оставилъ за собою Мильтона и Локка. «Что можетъ быть несправедливѣе — говаривалъ онъ — какъ подвергать людей наказаніямъ за умозрѣнія, тогда какъ наказанія должны ограничиваться одними лишь поступками? Онъ заучилъ тѣ избитыя фразы, которыя такъ охотно повторяются всѣми сектами, терпящими преслѣдованіе, и которыя потомъ такъ легко забываются ими, когда можно бываетъ отплатить за испытанныя гоненія. Зато онъ такъ хорошо затвердилъ свой урокъ, что всѣ, кому случалось слышать разговоры его по этому предмету, находили въ немъ болѣе благородныхъ стремленій и ораторскихъ дарованій, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Его слова вводили многихъ въ заблужденіе и даже, можетъ быть, обманывали его самого. Но ревность его къ защитѣ правъ совѣсти исчезла вмѣстѣ съ преобладаніемъ партіи виговъ. Когда обстоятельства перемѣнились, когда онъ пересталъ уже бояться преслѣдованій, когда отъ него зависѣло начать гоненія на другихъ, его настоящія наклонности стали обнаруживаться. Онъ питалъ къ пуританскимъ сектамъ, по многимъ причинамъ, ненависть теологическую и политическую, наслѣдственную и личную. Онъ смотрѣлъ на диссидентовъ, какъ на враговъ неба, какъ на враговъ всякой законной власти въ церкви и государствѣ, какъ на враговъ бабки и дѣда, отца и матери, какъ на враговъ брата и своихъ собственныхъ. Человѣкъ, такъ громко осуждавшій законы противъ папистовъ, теперь объявлялъ, что не понимаетъ, какъ люди дотого безстыдны, что предлагаютъ уничтоженіе законовъ противъ пуританъ. Человѣкъ, который съ особеннымъ жаромъ разсуждалъ о томъ, какъ несправедливо гражданскихъ чиновниковъ подвергать религіозному испытанію, установилъ въ Шотландіи, гдѣ онъ занималъ санъ вице-короля, самыя ужасныя религіозныя испытанія, какія когда либо существовали въ государствѣ. Выказывая справедливое негодованіе, когда священниковъ его религіи вѣшали и четвертовали, онъ забавлялся тѣмъ, что слушалъ вопли пресвитеріанцевъ и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ихъ корчи, когда на нихъ надѣвали «испанскіе сапоги» и ломали ихъ ноги. Съ такими стремленіями, онъ сдѣлался королемъ и тотчасъ же потребовалъ и получилъ отъ угодливыхъ шотландскихъ депутатовъ, какъ вѣрнѣйшій залогъ ихъ преданности, самый безчеловѣчный законъ, какой когда либо былъ издаваемъ на нашихъ островахъ противъ протестантскихъ диссидентовъ.

Съ этимъ закономъ весь духъ его администраціи гармонировалъ вполнѣ. Жестокое гоненіе, воздвигнутое имъ, когда онъ былъ намѣстникомъ Шотландіи, сдѣлалось еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на королевскій престолъ. Шейры, въ которыхъ пресвитеріанцы составляли значительную численность, отданы были на произволъ арміи. Съ арміей соединялась милиція, состоявшая изъ самыхъ наглыхъ и развратныхъ негодяевъ, называвшихъ себя приверженцами епископальной церкви. Между шайками, угнетавшими и опустошавшими эти несчастныя области, особенно замѣчательны были драгуны, предводительствуемые Джэмсомъ Грагамомъ Клэвергоузомъ. Разсказывали, что эти злодѣи на своихъ пирахъ представляли въ лицахъ всѣ адскія муки и называли себя именами чертей. Глава этого земнаго тартара, солдатъ, одаренный необыкновеннымъ мужествомъ и ловкостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ жадный, безстыдный, вспыльчивый и неумолимый, оставилъ по себѣ имя, которое вездѣ, куда только проникало племя скоттовъ, произносилось съ чувствомъ сильнѣйшей ненависти. Пересчитывать всѣ преступленія, которыми этотъ человѣкъ и другіе ему подобные доводили сельское населеніе до бѣшенства, было бы слишкомъ долго. Довольно будетъ нѣсколькихъ указаній. Всѣ происшествія, которыя мы намѣрены здѣсь привести, заимствованы изъ исторіи двухъ-недѣльнаго промежутка времени, именно двухъ недѣль, слѣдовавшихъ за днемъ, когда Шотландскій Парламентъ, по настоятельному требованію Іакова, издалъ новый, безпримѣрно суровый законъ противъ диссидентовъ.

Джонъ Броунъ, бѣдный ланкаршейрскій извощикъ, за свое необыкновенное благочестіе, получилъ прозваніе христолюбиваго извощика. Спустя много лѣтъ, когда Шотландія наслаждалась уже спокойствіемъ, благоденствіемъ и религіозной свободой, старики, вспоминавшіе про былое время, описывали этого человѣка очень свѣдущимъ въ священномъ писаніи, безукоризненнымъ въ жизни и до такой степени кроткимъ, что тиранны не могли найти въ немъ никакой вины, кромѣ того, что онъ удалялся отъ епископальнаго богослуженія. 1 мая, когда онъ рѣзалъ дернъ, драгуны схватили его, допросили, убѣдились, что онъ диссидентъ, и приговорили его къ смерти. Говорятъ, что при этомъ даже между солдатами трудно было найти палача, потому что жена подсудимаго находилась возлѣ него, держа за руку маленькаго ребенка. Замѣтно было, что она беременна на послѣднихъ порахъ. Солдаты, отвыкшіе отъ чувства жалости и дарившіе другъ друга именами Вельзевуловъ и Аполліоновъ, отступили, однако, передъ мыслью зарѣзать мужа въ глазахъ жены. Между тѣмъ, узникъ, предвкушая близкій переходъ въ вѣчность, сохранялъ полное сознаніе, молился громко и усердно, какъ вдохновенный, пока наконецъ Клевергоузъ, въ припадкѣ злобы, убилъ его наповалъ.

Говорили, что стоны умирающей жертвы произвели на зачерствѣлую душу убійцы такое глубокое впечатлѣніе, что мысль объ этомъ преступленіи никогда не покидала его.

5 мая, два ремесленника, Петръ Джиллисъ и Джонъ Брайсъ, были допрашиваемы, въ Эйршейрѣ, военнымъ судомъ, состоявшимъ изъ пятнадцати солдатъ. Приговоръ о нихъ дошелъ до насъ. Они обвинялись не въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, а въ обнаруженіи тѣхъ пагубныхъ мнѣній, которыя другихъ лицъ подвигли къ мятежу, причемъ подсудимымъ недоставало лишь удобнаго случая для осуществленія своихъ намѣреній. Допросъ былъ общій. Въ нѣсколько часовъ несчастные были допрошены, обвинены, повѣшены и брошены въ одну яму подъ висѣлицей.

11 мая было ознаменовано не однимъ злодѣйствомъ. Нѣкоторые истые кальвинисты изъ понятія объ отверженіи вывели заключеніе, что молиться за человѣка, предназначеннаго къ погибели, значило бы противиться предвѣчнымъ опредѣленіямъ Высшаго Существа. Трое бѣдныхъ земледѣльцевъ, напитанные подобными мы-

слями, были остановлены офицеромъ въ окрестностяхъ Глазго. Ихъ спросили, будутъ ли они молиться за короля Іакова. Они соглашались, прибавляя: «если онъ изъ числа избранныхъ». Тотчасъ же поставили рядъ мушкатеровъ. Подсудимыхъ заставили стать на колѣни, завязали имъ глаза, и часъ спустя послѣ того, какъ ихъ арестовали, кровь ихъ лизали уже собаки.

Пока это происходило въ Клейзесдэлѣ, не менѣе ужасное происшествіе случалось въ Эскдэлѣ. Одинъ изъ изгнанныхъ пресвитеріанцевъ, сдѣлавшись боленъ, нашелъ себѣ пристанище въ домѣ какой-то вдовы и тамъ умеръ. Тѣло его открыто было вестергольскимъ владѣльцемъ, презрѣннымъ тираномъ, который въ былое время Ковенаента оказывалъ чрезвычайную ревность къ пресвитеріанской церкви, который потомъ, послѣ Реставраціи, заслужилъ расположеніе правительства отступничествомъ, и который чувствовалъ къ оставленной имъ партіи непримиримую ненависть апостата. Этотъ человѣкъ разрушилъ домъ несчастной женщины, отнялъ у нея съѣстные припасы и, заставивъ ее съ маленькими дѣтьми скитаться по полямъ, старшаго же взрослаго сына ея, Андрью, привелъ къ Клэвергоузу, который расхаживалъ по этой части государства. Клэвергоузъ казался въ ту пору чрезвычайно снисходительнымъ. Нѣкоторые говорили, что онъ не могъ успокоиться послѣ казни извощика, бывшей за десять дней. Но необходимо было показать свою преданность правительству и дѣйствовать скрѣпя сердце. Ружья были заряжены, и молодому человѣку велѣли надѣть шляпу на глаза. Онъ отказался и, держа въ рукахъ библію, глядѣлъ своимъ убійцамъ прямо въ лицо.

«Я могу смотрѣть на васъ прямо, сказалъ онъ: — я не сдѣлалъ ничего такого, чего бы слѣдовало мнѣ стыдиться. Но какъ-то вы будете смотрѣть въ тотъ день, когда васъ станутъ судить по этой книгѣ?» Онъ упалъ мертвъ и былъ зарытъ въ болотѣ.

Въ этотъ же день, двѣ женщины, Маргарита Маклезланъ и Маргарита Вильсонъ, первая пожилая вдова, а послѣдняя восемьнадцатилѣтняя дѣвушка, пострадали за свою вѣру въ Вигтоншейрѣ. Имъ обѣщали сохранить жизнь, если онѣ откажутся отъ убѣжденій мятежныхъ пресвитеріанцевъ и присоединятся къ епископальной церкви. Несчастныя не соглашались, и ихъ присудили быть утопленными. Онѣ приведены на мѣсто, которое Солвейскій заливъ затопляетъ дважды въ день во время прилива, и привязаны къ воткнутымъ въ песокъ столбамъ. Старшую привязали ближе къ подступавшей водѣ, въ той надеждѣ, что ея мученія заставятъ младшую покориться. Зрѣлище было ужасно; но мужество послѣдней жертвы не ослабѣло. Она видѣла, какъ море подходитъ къ ней все ближе и ближе, но не выказывала признаковъ страха. Она молилась и пѣла псалмы до тѣхъ поръ, пока волны не заглушили ея голоса. Когда она испытала первыя ощущенія смерти, ее, по чувству мнимаго состраданія, отвязали и вынесли на берегъ. По приведеніи ея въ чувство, друзья и сосѣди умоляли ее покориться. «Милая Маргарита, скажи только: Господи! спаси короля.» Бѣдная дѣвушка, вѣрная своимъ строгимъ убѣжденіямъ, пролепетала: «Спаси его Господи, если есть на то Твоя святая воля!» Друзья ея окружили старшаго офицера. «Она сказала, сэръ, она дѣйствительно сказала.»

— Отречется ли она отъ своей вѣры? спросилъ офицеръ.

— Никогда! воскликнула дѣвица. Я вѣрна Христу: пустите меня умереть! — И вода навѣки скрыла ее подъ собою.

Такимъ образомъ управляема была Шотландія. Въ Англіи власть короля, хотя и очень сильная, была ограничиваема старинными законами, нарушенія которыхъ даже самые тори не допустили бы. Здѣсь король не могъ приводить диссидентовъ на военный судъ или мучить ихъ въ присутствіи Верховной Палаты. Здѣсь онъ не имѣлъ права топить молодыхъ дѣвушекъ за то, что онѣ не отрекались отъ религіозныхъ убѣжденій, или убивать своихъ подданныхъ за то, что они сомнѣвались, принадлежитъ ли онъ къ числу избранныхъ. Впрочемъ, и въ Англіи онъ продолжалъ преслѣдовать пуританъ, на сколько было возможно, до тѣхъ поръ, пока событія, о которыхъ мы разскажемъ ниже, не заставили его взяться за мысль о соединеніи пуританъ и папистовъ въ одну общую партію, для униженія и разрушенія господствовавшей церкви.

Наступило время созвать Англійскій Парламентъ. Членовъ Нижней Палаты, явившихся въ столицу, было такъ много, что родилось сомнѣніе, помѣстятся ли они въ залѣ, для нихъ предназначенной. Дни, предшествовавшіе открытію засѣданій, они употребили на переговоры другъ съ другомъ и съ агентами правительства. Большой митингъ роялистской партіи происходилъ въ тавернѣ «Фонтанъ» въ Страндѣ, и Роджеръ Лэстранджъ, недавно пожалованный королемъ въ рыцари и выбранный въ Парламентъ отъ Винчестера, принималъ дѣятельное участіе въ ихъ совѣщаніяхъ.

Вскорѣ оказалось, что у значительной части членовъ Нижней Палаты совсѣмъ не тѣ виды, какіе были у правительства. Землевладѣльцы партіи тори, за весьма малыми исключеніями, желали поддержать актъ объ отреченіи отъ папской власти (Test Act) и «Актъ о личной свободѣ» (Habeas Coopus Act); нѣкоторые изъ нихъ поговаривали и о назначеніи бюджета на одинъ лишь годъ. Но они были совершенно готовы издавать строгіе законы противъ виговъ и съ удовольствіемъ признали бы всѣхъ бывшихъ приверженцевъ билля объ отстраненіи отъ престола (Exclusion Bill) не имѣющими права на занятіе общественныхъ должностей. Король, напротивъ того, желалъ получить отъ Парламента согласіе на назначеніе пожизненнаго бюджета, на допущеніе римскихъ католиковъ къ должностямъ и на уничтоженіе акта о личной свободѣ. Этими тремя предметами занято было его сердце, и ихъ онъ вовсе не желалъ бы промѣнять на уголовный законъ противъ эксклюзіонистовъ. Подобный законъ былъ бы даже положительно ему непріятенъ, потому что одна партія эксклюзіонистовъ пользовалась особенною его милостью,—партія, имѣвшая представителемъ Сундерланда,—партія, присоединившаяся къ вигамъ во время папистскаго заговора, потому только, что виги получили перевѣсъ, и перемѣнившая образъ мыслей вмѣстѣ съ перемѣною обстоятельствъ. Іаковъ смотрѣлъ на этихъ ренегатовъ, какъ на самыхъ услужливыхъ исполнителей своей воли. Не отъ твердыхъ же роялистовъ, бывшихъ ему вѣрными въ пору несчастія, могъ онъ ожидать теперь униженнаго и безусловнаго повиновенія. Хотя онъ и былъ мстителенъ, но мстителенъ не безъ разбора. Можно бы привести въ примѣръ не одинъ случай, когда онъ выказывалъ великодушное сострадание къ людямъ, прямо и публично ему противодѣйствовавшимъ. Онъ часто щадилъ и поощрялъ даже тѣхъ, которые, по какимъ нибудь унизительнымъ побужденіямъ, наносили ему оскорбленія. Подобная подлость такъ высоко цѣнилась имъ, что онъ смотрѣлъ на нее снисходительно даже тогда, когда ее направляли въ ущербъ его собственнымъ интересамъ.

Желанія короля сообщены были разными путями членамъ Нижней Палаты изъ торіевъ. Большинство скоро согласилось отказаться вовсе отъ мысли объ уголовномъ законѣ противъ эксклюзіонистовъ и готово было предоставить королю пожизненный бюджетъ. Но что касается до акта отреченія отъ папской власти и акта о личной свободѣ, то агенты двора не успѣли собрать положительныхъ отзывовъ.

19 мая засѣданіе было открыто. Скамьи Парламента представляли странное зрѣлище. Многочисленнаа партія, которая на послѣднихъ трехъ Парламентахъ была господствующей, теперь низошла до ничтожнаго меньшинства и составляла немного болѣе пятьнадцатой части всего собранія. Изъ пятисотъ-тринадцати дворянъ и горожанъ, выбранныхъ теперь депутатами, только сто-тридцать-пять принимали прежде участіе въ подобныхъ засѣданіяхъ.

22 мая депутаты были приглашены въ Парламентъ, и король, сидя на тронѣ, произнесъ рѣчь къ Палатамъ. Онъ объявилъ, что

намѣренъ поддерживать существовавшую систему управленія въ церкви и государствѣ. Но онъ уничтожилъ значеніе этого обѣщанія, обратясь къ депутатамъ со страннымъ объясненіемъ. Ему извѣстно—сказалъ онъ—что депутаты намѣрены считаться съ нимъ въ деньгахъ и давать понемногу, въ надеждѣ, что заставятъ его, такимъ образомъ, часто созывать Парламентъ. Потому онъ предупреждалъ теперь, что съ нимъ нельзя поступать такимъ образомъ, и что если депутаты желаютъ частыхъ собраній, то должны обращаться съ нимъ хорошо. Такъ какъ очевидно, что безъ денегъ правительство не можетъ дѣйствовать, то эти предостереженія давали понять, что если королю не дадутъ денегъ столько, сколько онъ пожелаетъ, то онъ самъ возьметъ ихъ. Странно, что эта рѣчь принята была одобрительными криками на сторонѣ торіевъ.

Депутаты составили немедленно комитетъ и предоставили королю, по жизнь, тотъ же самый бюджетъ, какой получалъ его братъ.

Ревностные приверженцы церкви, составлявшіе большинство Палаты, казалось, были того мнѣнія, что поспѣшность, съ которою они исполнили желаніе Іакова касательно бюджета, давала имъ право надѣяться на нѣкоторыя уступки съ его стороны. Они говорили, что много сдѣлано въ угоду королю, и что теперь необходимо сдѣлать королю что нибудь въ угоду націи. Такимъ образомъ, Палата сама составила комитетъ о дѣлахъ вѣры, съ цѣлію обсудить средства къ обезпеченію церковной администраціи. Въ этомъ комитетѣ единодушно приняты два рѣшенія: первое выражало горячую привязанность къ англиканской церкви, второе призывало короля исполнять законы противъ лицъ, не состоящихъ въ нѣдрахъ этой церкви.

Когда рѣшенія Религіознаго Комитета сдѣлались извѣстны въ Вайтголлѣ, король запылалъ гнѣвомъ. Это смутило депутатовъ, и они поспѣшили загладить нанесенное оскорбленіе. Постановленіе, единодушно принятое въ Комитетѣ, было единодушно отвергнуто въ Палатѣ: опредѣлено представить королю, что депутаты съ полнымъ довѣріемъ полагаются на милостивое обѣщаніе его величества покровительствовать религіи, которая для нихъ дороже самой жизни.

Три дня спустя король увѣдомилъ Палату, что его братъ оставилъ послѣ себя долги, и что флотскіе и артиллерійскіе запасы почти совершенно истощены. Немедленно рѣшено установить новые налоги. Отъ этого казна должна была получить вѣрнаго дохода около милліона девятисотъ тысячъ фунтовъ съ одной Англіи. Подобный бюджетъ тогда былъ болѣе, нежели достаточенъ для поддержки правительства въ мирное время. Между тѣмъ, лорды разбирали нѣкоторые важнѣйшіе вопросы. Партія торіевъ всегда пользовалась у перовъ сильнымъ вліяніемъ.

Изъ всѣхъ народныхъ преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ доносовъ Отса, самое замѣчательное было судебное убійство Стаффорда. Приговоръ объ этомъ несчастномъ нобльменѣ теперь всѣми безпристрастными людьми признаваемъ былъ несправедливымъ. Главный свидѣтель по этому разбирательству былъ изобличенъ во множествѣ ложныхъ показаній. При такихъ обстоятельствахъ, законодательное собраніе обязано было оправдать память невиннаго страдальца и смыть пятно съ имени, заслужившаго въ нашихъ лѣтописяхъ блестящую извѣстность. Билль о сложеніи упрека съ памяти Стаффорда прошелъ Верхнюю Палату, несмотря на ропотъ нѣсколькихъ перовъ, которые не хотѣли допустить, что они пролили неповинную кровь. Нижняя Палата дважды прочла билль безъ возраженій и распорядилась передать его въ Комитетъ.

Но въ тотъ день, когда назначено было составить Комитетъ, пришло извѣстіе, что страшное возмущеніе вспыхнуло на западѣ Англіи. Само собою разумѣется, что менѣе важныя дѣла были оставлены. Возмездіе, приготовленное для имени Стаффорда, отложено, какъ полагали, лишь на короткое время. Но злоупотребленія Іакова въ нѣсколько мѣсяцевъ дали общественному мнѣнію другое направленіе. Послѣ того нѣсколько поколѣній католики были лишены всякихъ правъ требовать вознагражденія за оказанную имъ несправедливость и считали себя счастливыми, если имъ позволяли жить въ тишинѣ и неизвѣстности. Только въ царствованіе короля Георга IV, болѣе, нежели сто-сорокъ лѣтъ спустя послѣ того дня, въ который кровь Стаффорда пролита на Тоуеръ-Гиллѣ, позднее оправданіе было засвидѣтельствовано. Законъ, возвратившій несчастной фамиліи ея прежнія права, былъ представленъ Парламенту коронными министрами, съ готовностью одобренъ должностными людьми всѣхъ партій и утвержденъ безъ малѣйшаго возраженія.

Теперь предстоитъ описать то обстоятельство, которое прервало пренія парламентскихъ палатъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Разговоръ о томъ, что внѣшній лоскъ и благовоспитанность двѣ вещи различныя. — Замѣтка господина, сдѣлавшаго карьеру, о русскихъ журналахъ. — Господинъ, смотрящій на всѣхъ и на все, особенно на русскую литературу, съ высоты Ивановской колокольни, и бѣдный русскій литераторъ. — Благонамѣренный старичокъ въ чинѣ 4 класса и его компанія, преслѣдующая людей съ *фанаберіей*. — Нѣсколько словъ о фанаберіи и образованіи. — Встрѣча съ Александрой Николаевной. — Ее презрительный отзывъ о *старыхъ дѣвахъ*. — Разговоръ по этому поводу, и статья, полученная изъ провинціи въ защиту старыхъ дѣвушекъ. — Торжественный въѣздъ Государя Императора въ Петербургъ. — Иллюминаціп 2, 3 и 4 октября. — Балъ 2 октября въ Дворянскомъ Собраніи. Театры: — Итальянская Опера. — Балетъ. — Французскій театръ: Дебюты г-жи *Броганъ* и *Терикъ*. — Разныя новости.

Я на дняхъ шелъ по Невскому проспекту съ однимъ моимъ новымъ знакомымъ, съ которымъ свелъ меня не случай, безтолково сводящій и разводящій людей, но симпатія взглядовъ и внутреннихъ убѣжденій. Послѣ вечера, проведеннаго вмѣстѣ, мы сошлись другъ съ другомъ такъ коротко, какъ будто были нѣсколько лѣтъ знакомы. Впрочемъ, только такого рода новыя знакомства и возможны въ извѣстныя лѣта. Солнце сіяло. День былъ морозный. Экипажи гремѣли, перегоняя другъ друга; развѣвались пестрые султаны посланничьихъ егерей и ярко сверкли красныя ливреи придворныхъ лакеевъ; Камеліи, укутанныя теплымип лащами, въ соболяхъ, развалясь въ своихъ колясках, мчались быстрѣе всѣхъ, перегоняя всѣ экипажи, и съ гордымъ равнодушіемъ поглядывали на свѣтскихъ женщинъ, которыя, въ свою очередь, поглядывали на нихъ не безъ любопытства. На тротуарахъ было тѣсно отъ гуляющихъ. Всѣ извѣстные франты со стеклышками, всѣмъ приглядѣвшіеся и всѣмъ надоѣвшіе, прибѣгающіе уже къ накладкамъ или начинающіе подкрашивать волосы и только что выскочившіе изъ мастерскихъ Шармера и Лепретра (всѣ петербургскіе франты носятъ бѣлье Лепретра), молодые люди съ густыми волосами и еще съ сверкающими глазами — опять появились на своей аренѣ. Цѣльныя стекла магазиновъ съ разнообразными выставками, освѣщенныя солнцемъ, привлекали любопытство праздношатающихся *порядочныхъ* и непорядочныхъ людей; на дверяхъ лавки Елисѣева висѣлъ билетъ съ надписью: «свѣжія устрицы»; у милютиныхъ лавокъ на тротуарѣ валялись устричныя раковины для соблазна, а изъ оконъ выглядывали кисти винограда и огромныя груши *дюшессы* по три рубля за десятокъ. Есть отъ чего разбѣжаться глазамъ капитана Копѣйкина! Груши, величиною чуть не съ арбузъ; виноградъ пурпуровый и блѣдно-зеленый, продолговатый и прозрачный, *какъ перси дѣвы молодой*; устрицы, только что перенесенныя съ парохода, и Камеліи... нѣкоторыя тоже только что съ парохода, потому что на лѣто самыя пышныя изъ нихъ уѣзжаютъ за границу, подъ видомъ разстроеннаго здоровья, а въ сущности для собиранія дани... удивленія на минеральныхъ водахъ... словомъ, Петербургъ во всемъ блескѣ и въ полномъ сборѣ. Прекрасный городъ! И здѣсь на Невскомъ весь цвѣтъ и блескъ его... Какое замѣчательное собраніе благовоспитанныхъ людей! Съ какимъ изящнымъ щегольствомъ и роскошью одѣты эти дамы! Съ какимъ безукоризненнымъ дендизмомъ одѣты эти мужчины! Какъ всѣ они счастливы и довольны собой, своими шалями, шляпками, соболями, усами, бакенбардами, бобрами, лорнетами, стеклышками и французскими фразами!

— Чѣмъ вы отличите, напримѣръ, сказалъ я моему новому знакомому: — вотъ этого красиваго господина отъ какого нибудь джентльмена хоть съ Итальянскаго бульвара? Совершенный французъ или англичанинъ и по французски говоритъ, какъ парижанинъ. Онъ, вѣрно, не уступитъ въ цивилизаціи или благовоспитанности любому образованному европейцу.

— Да, касательно внѣшности, отвѣчалъ мой новый знакомый (онъ имѣетъ нѣсколько мрачный взглядъ): — мы всѣ, батюшка, усвоили себѣ внѣшность благовоспитанныхъ людей, но только одну внѣшность! Этотъ господинъ — я знаю его — совершенный невѣжда, какъ и бóльшая часть изъ этихъ красивыхъ господъ, которыхъ мы теперь встрѣчаемъ. Я вамъ скажу, что это за люди. Они ходятъ въ лондонскихъ или шармеровскихъ фракахъ, въ лакированныхъ сапогахъ и въ тонкомъ бѣльѣ, умѣютъ искусно вставлять въ глазъ стекла и соблюдать всѣ внѣшніе обычаи и приличія... Всѣ ихъ достоинства и ограничиваются этимъ, но они думаютъ о себѣ Богъ знаетъ что. Они чему нибудь и какъ нибудь учились и потому считаютъ себя образованными; прочитали нѣсколько романовъ въ родѣ Дюма или маркиза Фудра̀ и полагаютъ, что знакомы съ литературой, которую въ сущности считаютъ вздоромъ; они пробѣгаютъ отъ нечего дѣлать политическіе иностранные журналы и потому считаютъ себя великими политиками... Но для нихъ выше всего въ мірѣ, выше наукъ, искусствъ, литературы и чести, внѣшнія, условныя, пустыя, нелѣпыя, стѣснительныя и чисто-китайскія приличія. Они убѣждены, что назначеніе и долгъ человѣка состоятъ только въ соблюденіи этихъ приличій, и потому еще, въ добавокъ ко всему, считаютъ себя людьми нравственными. Въ сущности, повѣрьте мнѣ (впрочемъ, вы это и безъ меня знаете), большинство этихъ господъ не имѣетъ и тѣни настоящаго образованія; они не знакомы ни съ политикой, ни съ отечественной литературой, ни съ какими литературами, ни съ чѣмъ, и, притомъ, тупо-безнравственны.

— Будто? возразилъ я.

— А вы развѣ сомнѣваетесь въ этомъ? продолжалъ мой новый знакомецъ. — Вы думаете, что это благовоспитанные люди?... но у благовоспитанныхъ людей есть мысли, убѣжденія, взгляды; благовоспитанные люди руководимы нравственнымъ чувствомъ,—а у нихъ нѣтъ признака ничего этого. Они воровство и казнокрадство считаютъ дѣломъ обыкновеннымъ; на притѣсненіе слабыхъ сильными смотрятъ равнодушно; спокойно сносятъ притѣсненіе въ молодости, иногда, правда, возмущаясь имъ на словахъ, и сами притѣсняютъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, достигая извѣстной силы. Благородные порывы сочувствія и негодованія не знакомы имъ. Высокіе гражданскіе подвиги, честный и безкорыстный трудъ, благія начинанія правительства не шевелятъ ихъ, если только не приносятъ имъ личной выгоды. Они еще скорѣе сочувствуютъ притѣснителямъ и ловкимъ взяточникамъ, чѣмъ людямъ благородно мыслящимъ, честнымъ и безкорыстнымъ. Въ нихъ нѣтъ ни чувства изящнаго, ни мягкости сердечной, ни великодушныхъ увлеченій,—ничего подобнаго. Прислушайтесь къ лучшимъ изъ нихъ, къ тѣмъ, которые считаютъ себя людьми съ европейскимъ образованіемъ, какая у нихъ увѣренность въ собственной непогрѣшительности, какая нетерпимость въ возраженіяхъ, какая жестокость въ приговорахъ и какое отсутствіе всякихъ положительныхъ свѣдѣній во всемъ, что только не касается ихъ личныхъ интересовъ!... Отчего это? разумѣется, отъ недостатка образованія умственнаго и нравственнаго, отъ дикихъ барскихъ привычекъ, вкоренившихся съ дѣтства. И въ этомъ-то напыщенномъ и невѣжественномъ большинствѣ, съ однимъ только внѣшнимъ блескомъ, изгибающемся въ кольцо передъ сильными и съ пренебреженіемъ смотрящемъ на низшихъ, безплодно гибнетъ малая часть людей истинно развитыхъ и благовоспитанныхъ.

— Все это такъ, возразилъ я, — но вы все это, кажется, немного преувеличиваете....

— Полноте! какія преувеличенія! Я на дняхъ былъ въ обществѣ.... въ очень блистательномъ обществѣ.... Тамъ одинъ господинъ, считающійся образованнымъ человѣкомъ (и, дѣйствительно, человѣкъ не безъ образованія), съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ разсказывалъ слѣдующій милый и весьма замѣчательный анекдотъ. У одного лица, сдѣлавшаго уже карьеру и достигшаго почестей, однажды спросилъ кто-то о какой-то статьѣ, надѣлавшей шуму и напечатанной въ одномъ изъ русскихъ журналовъ: читалъ ли онъ ее?

Господинъ, достигшій почестей, отвѣчалъ, что онъ русскіе журналы приказываетъ выписывать, но не читаетъ ихъ, и что до нихъ большой охотникъ его камердинеръ. Передавъ это, господинъ съ образованіемъ обратился къ одному изъ русскихъ литераторовъ и спросилъ его: «какъ вамъ это нравится?» такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Вы, господа, не очень важничайте: вѣдь, вотъ видите ли, вы дальше лакейскихъ нейдете.»—Я васъ спрашиваю: могутъ ли быть такіе факты въ истинно образованномъ и благовоспитанномъ обществѣ? Позволили ли бы себѣ сказать что нибудь подобное о своей отечественной литературѣ сэръ Робертъ Пиль, лордъ Джонъ Россель, лордъ Пальмерстонъ или просто образованный англичанинъ? Но вѣдь нельзя же и сравнивать, говорятъ намъ, европейскія литературы съ русской. Русская литература, по своему содержанію, дѣтская сравнительно съ англійской. Прекрасно! Да вѣдь литература — по обществу. На какой же степени стоитъ общество, стыдящееся собственной литературы, — общество, стыдящееся своего роднаго языка и говорящее на немъ только съ лакеями?... Недавно вечеромъ у одного изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, въ числѣ гостей, я встрѣтилъ одного господина среднихъ лѣтъ, важной, строгой и неподвижной наружности, который смотрѣлъ на всѣхъ съ такой высоты, какъ будто бы онъ стоялъ на колокольнѣ Ивана Великаго, а остальные на тротуарѣ, у подножія колокольни. Рѣчь зашла о русской литературѣ. Въ числѣ присутствовавшихъ тутъ было нѣсколько литераторовъ. Кто-то замѣтилъ, что русская литература, какъ еще она ни молода, все-таки стоитъ нѣсколько повыше большинства своей публики. Господинъ презрительно-иронически улыбнулся съ своей высоты и важно произнесъ:

— Вотъ это ново! это я слышу въ первый разъ: до сихъ поръ я думалъ, совершенно наоборотъ, что публика наша стоитъ (т. е. я стою) гораздо выше этой литературы, и эта литература не можетъ удовлетворять ее (то есть меня). Къ тому же, у насъ литература дурнаго тона. Объясните, почему всѣ истинно порядочные люди (то есть подобные мнѣ) читаютъ только однѣ иностранныя книги?...

Слова, напечатанныя въ скобкахъ, господинъ не произносилъ; но онъ высказывалъ ихъ своимъ голосомъ и тономъ.

— Вамъ угодно знать объясненія этого? возразилъ одинъ изъ литераторовъ — вамъ это можно бы было объяснить очень ясно и просто, еслибъ это былъ фактъ; но я вамъ долженъ замѣтить, прежде всего, что всѣ истинно образованные и благовоспитанные люди считаютъ долгомъ слѣдить и слѣдятъ за развитіемъ своей отечественной литературы, какъ бы, повидимому, она ни была мелка и ничтожна. А если она не удовлетворяетъ вполнѣ людей очень развитыхъ, къ какимъ, вѣроятно, вы причисляете самого себя, то это не ея вина, потому что она не находится въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся европейскія литературы, и это, замѣтьте, принимается въ соображеніе всѣми людьми развитыми. Напрасно же вы изволите упускать это изъ виду. Если русская литература не удовлетворяетъ васъ, то виною этому вы же, милостивый государь!...

— Какимъ это образомъ я? глубокомысленно спросилъ господинъ, опуская глаза долу на литератора, который казался ему съ его высоты не крупнѣе и не важнѣе муравья.

— А вотъ какимъ, отвѣчалъ литераторъ: — общество истинно образованное, дѣйствительно проникнутое національнымъ чувствомъ, споспѣшествуетъ ходу своей отечественной литературы всѣма зависящими отъ него средствами, гордится и радуется ея успѣхамъ, ея движенію впередъ, она дѣло литературы считаетъ своимъ кровнымъ дѣломъ; а вы.... я обращаюсь къ вамъ, какъ одной изъ единицъ русской публики.... (дай Богъ, чтобъ такихъ единицъ было меньше—это литераторъ не сказалъ, а подумалъ) вы вашимъ пренебреженіемъ къ ней (и, въ добавокъ еще, не заслуженнымъ) или повременамъ вашими криками о ней, которые еще хуже пренебреженія, задерживаете ее. Вы или говорите съ гримасой постыднаго презрѣнія: «можно ли читать русскіе журналы или книги? развѣ въ нихъ есть что нибудь замѣчательное, порядочное?» или когда изрѣдка дойдутъ до вашего слуха толки о какой нибудь статьѣ, написанной горячо, съ честною и благородною цѣлію, съ желаніемъ добра и пользы, и вы, возбужденные этими толками, изъ любопытства пробѣжите ее, — вы поднимаете гвалтъ, начинаете кричать о ея рѣзкости на всѣхъ перекресткахъ, ужасаться, удивляться, и тому подобное. Вы задерживаете успѣхи русскаго слова тѣмъ, что стыдитесь собственнаго, роднаго языка и считаете обязанностію, какъ человѣкъ порядочный, говорить по французски, хотя вы по французски говорите и съ трудомъ и плохо. Вы жалуетесь, что въ русской литературѣ, о которой вы не имѣете понятія, потому что сами признаетесь, что не читаете русскихъ книгъ, дурной тонъ; но хорошій и дурной тонъ—вещи относительныя: въ вашемъ кружку вы считаетесь, вѣроятно, человѣкомъ хорошаго тона, а какой нибудь князь, вращающійся въ кружку гораздо высшемъ вашего, навѣрно, смотритъ на васъ, какъ на человѣка дурнаго тона, и сами вы робѣете при князѣ и смотрите на него съ заискивающей улыбкою, тогда какъ на людей, стоящихъ ниже васъ, и то только съ точки зрѣнія вашей чиновничьей іерархіи, вы взираете свысока, съ глубокомысленнымъ наклоненіемъ бровей, что все въ совокупности показываетъ, что вы человѣкъ неблаговоспитанный, потому что благовоспитанные люди не стыдятся своего языка, не отзываются такъ, какъ вы, о своей отечественной литературѣ, не унижаются передъ высшими и не дерутъ носа передъ тѣми, которые, въ самомъ дѣлѣ, ниже ихъ. Вы извините меня за рѣзкость, прибавилъ литераторъ въ заключеніе. — Въ этомъ виноватъ не столько я, сколько нашъ языкъ: онъ еще не имѣетъ утонченности французскаго языка, потому что не проходилъ черезъ салоны Рамбулье и Рекамье....

Литераторъ говорилъ очень горячо. Господинъ, смотрѣвшій на всѣхъ съ колокольни, былъ внутренно, кажется, смущенъ нѣсколько словами литератора; но это смущеніе онъ прикрылъ гордою осанкою, безподобнымъ взглядомъ, измѣрившимъ литератора съ ногъ до головы, и гримасою, въ родѣ улыбки, которая говорила: «Это дерзости; но я выше того, чтобы отвѣчать на нихъ. Я прохожу ихъ презрительнымъ молчаніемъ. Я поднимаю перчатку только отъ равныхъ мнѣ....»

И онъ вышелъ изъ комнаты съ чувствомъ необыкновеннаго достоинства, сопровождаемый улыбками молодежи, присутствовавшей тутъ, которая, конечно, болѣе сочувствовала литератору, чѣмъ этому великолѣпному господину, читающему только *иностранныя книги*.

Я потомъ собралъ кое-какія свѣдѣнія о немъ. Онъ сдѣлалъ свою карьеру довольно быстро, потому что находился при довольно значительномъ лицѣ, которое умѣло оцѣнить его преданность и благонамѣренность и вывело его за эти дѣйствительно похвальныя качества. Достигнувъ неожиданно скоро до чина, который составляетъ цѣль жизни многихъ и достигается иными только въ преклонныхъ лѣтахъ, господинъ, *читающій только иностранныя книги*, возмечталъ, что онъ призванъ быть государственнымъ человѣкомъ; прочитавъ нѣсколько извѣстныхъ французскихъ романовъ, а изъ такъ называемыхъ *серьёзныхъ* книгъ—*Капфига*, онъ возмечталъ, что имѣетъ полное право смотрѣть съ презрѣніемъ на русскую литературу. И сколько у насъ господъ въ родѣ этого господина, *читающаго только иностранныя книги!* Но, я васъ спрашиваю, развѣ это благовоспитанные люди?

— Конечно, не совсѣмъ, отвѣчалъ я: — но....

— Да ужь о такихъ господахъ и говорить нечего, перебилъ меня мой новый знакомецъ: — но горько и больно то, что иногда люди, повидимому, дѣйствительно, образованные и горячіе смолоду, достигая своими дарованіями и трудомъ, безъ всякихъ протекцій, видныхъ мѣстъ и почетныхъ чиновъ, вдругъ становятся на пьедесталы, принимаютъ позы, не говорятъ и не разсуждаютъ, а изрекаютъ приговоры, какъ пиѳіи съ треножниковъ, рѣзко останавливаютъ всякія возраженія отъ своихъ малочиновныхъ прежнихъ пріятелей — жестами, улыбками, величественнымъ подергиваніемъ головы, а нерѣдко и словомъ; горько и больно, что они, въ свою очередь, загораживаютъ дорогу людямъ молодымъ, полезнымъ и дѣятельнымъ, такъ какъ нѣкогда загораживали имъ дорогу люди стараго поколѣнія, недоброжелательно смотрящіе на все живое и молодое; что эти люди, нѣкогда съ такимъ жаромъ проповѣдовавшіе о человѣчности, правосудіи, просвѣщеніи, такъ горячо вѣрившіе въ усовершенствованіе рода человѣческаго, такъ стремившіеся къ истинѣ, вдругъ на высотѣ своей карьеры дѣлаются эгоистами, равнодушными, недоступными, напыщенными, самоувѣренными и говорятъ про себя: «Я достигъ моей цѣли, и теперь мнѣ все равно, хоть все пропадай!» Такого рода примѣры заставляютъ многихъ почтенныхъ, но поверхностныхъ людей сомнѣваться въ людяхъ вообще. Но тутъ дѣло не въ людяхъ, а въ благовоспитанности. Человѣкъ истинно благовоспитанный, съ настоящимъ образованіемъ, которое положено на твердомъ основаніи нравственныхъ началъ, изъ которыхъ вытекаетъ полное сознаніе святости долга въ отношеніи къ своему отечеству, къ своимъ ближнимъ и къ обществу, не сдѣлается пошлымъ эгоистомъ, поднявшись на извѣстную высоту, и голова его не закружится отъ почестей. На какую бы высоту ни подняли его, онъ останется все-таки человѣкомъ и будетъ прежде всего гордъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Вотъ такихъ-то людей я и называю благовоспитанными; а что мнѣ до тѣхъ, которые теперь попадаются намъ, до этихъ почтенныхъ на видъ особъ, съ важными осанками и съ чувствомъ своихъ достоинствъ, по чину или званію, или вотъ до этихъ джентльменовъ, которые по наружности ничѣмъ не уступятъ франтамъ съ Итальянскаго бульвара... Какой въ нихъ толкъ?

Въ эту минуту намъ попался навстрѣчу маленькій старичокъ въ мѣховомъ пальто, съ тросточкой съ позолоченнымъ набалдашникомъ, — самодовольная фигурка, шедшая пѣтушкомъ.

— Вотъ чѣмъ же, наприм., этотъ господинъ, продолжалъ, улыбаясь, мой новый знакомецъ, поведя головой на старичка: — смѣшнѣе и хуже этихъ образованныхъ господъ, у которыхъ закружилась голова отъ быстрой карьеры и которые смотрятъ на него, какъ на шута! Старичокъ этотъ убѣжденъ, очень искренно, что онъ безукоризненно совершилъ подвигъ жизни, исполнилъ вполнѣ свой человѣческій долгъ, составивъ себѣ на службѣ и состояніе и капиталецъ, достигнувъ въ шестьдесятъ лѣтъ четвертаго класса и украсивъ грудь свою звѣздой. Проживалка, жившая нѣкогда у его жены, называетъ его *вельможей*, и онъ самъ считаетъ себя необыкновенно значительнымъ лицомъ и обижается, если его сажаютъ играть въ карты съ людьми ниже его чиномъ. Онъ сердится, если въ разговорѣ ему не говорятъ: ваше превосходительство, и потому всѣмъ обществамъ предпочитаетъ общество богатыхъ купцовъ, которые часто приглашаютъ его на обѣды. Тамъ онъ и покушаетъ хорошо, и выпьетъ, и поважничаетъ вдоволь, и вполнѣ насладится уваженіемъ. Тамъ его слушаютъ, какъ оратора, и сидитъ онъ на первомъ мѣстѣ. Важничать передъ низшими, низкопоклонничать и распростираться передъ высшими, въ этомъ заключаются всѣ принципы, вынесенные имъ изъ его долгаго служебнаго поприща, весь нравственный кодексъ, на которомъ вертится его жизнь. Слова: благонамѣренность и нравственность, въ этомъ значеніи... о другой нравственности онъ и не подозрѣваетъ... не сходятъ у него съ языка. Молодыхъ или среднихъ лѣтъ людей, которые со всѣми ведутъ себя равно, не унижая никого и не унижаясь ни передъ кѣмъ, не роняя своего человѣческаго достоинства, онъ называетъ людьми съ *фанаберіей*. Онъ самъ не знаетъ опредѣленно смысла этого слова; но въ его понятіи оно имѣетъ широкое значеніе: отсутствіе лицемѣрія, низкопоклонности и преданности, неисполненіе до мелочей китайскихъ условій и приличій и, слѣдовательно, присутствіе безнравственности и либерализма — вотъ что заключается въ этомъ прелестномъ словѣ фанаберія!...

Старичокъ этотъ, выбранный въ прошломъ году въ члены Англійскаго клуба и дрожавшій отъ страху, чтобы его не заболотировали (почему три года передъ выборомъ сряду, по его просьбѣ, его то выставляли на доску, то снимали съ нея), пришелъ въ такой восторгъ отъ чести кушать за однимъ столомъ и проводить время съ разными знатными и сановными особами, что, говорятъ, со слезами на глазахъ сказалъ своему другу и прежнему сослуживцу (также въ четвертомъ классѣ):

— Ну, Прокофій Иванычъ, теперь, я достигъ до всего, что только человѣкъ можетъ желать: изрядное состояньице, почетный чинъ, лента и наконецъ и до Англійскаго клуба добился... вотъ и билетъ: прочитай, братецъ! Теперь ужь мнѣ ничего не остается, какъ умереть — и можно, кажется, умереть спокойно. Все, что называется, совершилъ въ жизни...

И надобно его видѣть въ клубѣ: какъ благоговѣйно онъ раскланивается высшимъ; какое глубокое уваженіе обнаруживаетъ передъ молодыми людьми, выскочившими не по лѣтамъ впередъ, которыхъ онъ въ душѣ ненавидитъ, какъ зараженныхъ фанаберіей, и съ какою почтительною осторожностію обращается даже просто съ клубными молодыми людьми, потому что въ клубѣ онъ во всѣхъ подозрѣваетъ знатныхъ особъ. Онъ нашелъ въ клубѣ общество изъ четырехъ или пяти человѣкъ (также въ четвертомъ классѣ или около этого), съ которыми онъ сошелся на короткую, пріятельскую ногу, вслѣдстіе одинаковости взглядовъ на предметы и взаимной ненависти къ фанаберіи. Они играютъ не свыше десяти коп. въ ералашъ, а за обѣдомъ всегда сидятъ вмѣстѣ и разсуждаютъ между собою съ ужасомъ о томъ, что дѣлается нынѣ, и какъ фанаберія сильно начинаетъ распространяться. Въ этой теплой, дружеской бесѣдѣ нѣтъ пощады ничему живому и молодому, и особенно достается молодымъ людямъ, сдѣлавшимъ или дѣлающимъ карьеру, и толстымъ журналамъ, имѣющимъ успѣхъ въ публикѣ. Въ этой почтенной компаніи есть свой ораторъ и оракулъ, который лѣтъ тридцать назадъ тому, въ тѣ счастливыя времена, когда на французскомъ престолѣ былъ Карлъ X, а въ русской литературѣ шумѣлъ «Иванъ Выжигинъ», считался въ Петербургѣ остроумнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ изъ людей и приводилъ всѣхъ въ восторгъ и изумленіе своимъ словомъ, и на котораго теперь—увы!—никто не обращаетъ вниманія, кромѣ восьми или десяти человѣкъ, достигшихъ четвертаго класса и семидесятилѣтняго возраста и воображающихъ, что и въ сію минуту все должно итти такъ, какъ шло въ ихъ цвѣтущія лѣта. Когда оракулъ заговоритъ (а онъ все еще большой говорунъ, несмотря на старость), вся его компанія смолкаетъ и слушаетъ его съ подобострастіемъ. По мнѣнію оракула, всѣхъ молодыхъ людей съ карьерой надо истребить, всѣ толстые журналы сжечь на площади, потому что каждое правдивое, горячее, честное слово противъ злоупотребленій, взяточничества и различныхъ дикостей и предразсудковъ общественныхъ есть либерализмъ, непростительная дерзость, неуваженіе властей и прочее... «Фанаберія!» хоромъ повторяетъ его компанія. «И — Боже мой! — до чего доведетъ насъ эта фанаберія!» Начинаются стоны, жалобы, вздохи, поднятія очей къ потолку. Какъ тутъ бѣдному Гоголю достается, котораго они никогда не читали, потому что они ничего не читаютъ, кромѣ «Пчелки»!.. По ихъ мнѣнію, начало фанеберіи именно въ «Ревизорѣ» и въ «Мертвыхъ Душахъ»; что эта книга — гнусная клевета на Россію; что у насъ нѣтъ ни Ноздревыхъ, ни Хлестаковыхъ ни Чичиковыхъ, а одни только Добросердовы и Добронравовы... И мало ли чего не переговорятъ въ этой милой компаніи! По ихъ мнѣнію, Гоголь даже виноватъ въ томъ, что г. *N. N.* въ десять лѣтъ *выскочилъ* въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ въ тридцать-два года такой постъ, какой прежде давался только въ награду людямъ солиднымъ, опытнымъ, извѣданнымъ въ благонамѣренности, послѣ сорокалѣтней службы.

— Да, помилуйте, замѣчаетъ мой старичокъ четвертаго класса, это поистинѣ невѣроятно: — я уже шесть лѣтъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, когда онъ, въ чинѣ десятаго класса, поступилъ къ намъ въ департаментъ. Такихъ примѣровъ еще доселѣ не было.

И старички пускаются злословить г. *N. N.*, обвиняютъ его въ фанаберіи и еще хуже въ чемъ-то; а когда онъ проходитъ мимо ихъ, они почтительно привстаютъ передъ нимъ и кланяются ему съ самыми сладкими и заискивающими улыбками. Но на этихъ старичковъ нападать нечего: они беззубые и беззащитные; а непріятно и тяжело слышать, когда вотъ эти образованные-то, не старые, зубастые и съ такъ называемыми широкими взглядами люди готовы изъязвить своего сверстника, поднявшагося одною ступенью выше ихъ, хотя они и сознаютъ, можетъ быть, внутренно, что онъ достоинъ такого повышенія. Къ чему ведутъ это образованіе и эти широкіе взгляды, если люди съ широкими взглядами топчутъ общественную пользу во имя своихъ личныхъ выгодъ, своего жалкаго и мелочнаго тщеславія и готовы подставить, при случаѣ, подножку дѣльному человѣку, который становится для нихъ опасенъ? Многимъ ли, повторяю я, такіе господа лучше этихъ добродушныхъ и беззубыхъ старичковъ, помѣшавшихся на фанаберіи?.. Все это я велъ къ тому, что полу-образованіе или образованіе, не основанное на нравственныхъ началахъ — ненадежная вещь, и отъ людей, такъ воспитанныхъ, не дождешься проку. Болѣе или менѣе образованныхъ людей вы встрѣчаете вездѣ; къ тому же, блеснуть образованіемъ у насъ легко, потому что

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь.

а истинно благовоспитанныхъ людей встрѣчаешь не часто....

Я согласился, потому что не люблю спорить, особенно на улицѣ. Къ тому же, въ эту минуту обратила наше вниманіе великолѣпно разодѣтая дама, шедшая къ намъ навстрѣчу и любезничавшая съ какимъ то флигель-адъютантомъ. Сзади нея шелъ лакей въ бѣломъ галстухѣ, въ круглой шляпѣ, въ длинномъ ливрейномъ сюртукѣ и штиблетахъ. Съ перваго взгляда даму эту можно было принять за великосвѣтскую даму; но она вдругъ пріостановилась, увидѣвъ меня, и съ пріятною улыбкою протянула мнѣ руку. Это была Александра Николаевна, старая наша знакомая.

— Давно ли вы изъ Москвы?

— Я ужь двѣ недѣли здѣсь. Заѣзжайте ко мнѣ. Мнѣ нужно васъ видѣть. Я живу въ Большой Милліонной...

И она передала мнѣ подробно свой адресъ.

— Непремѣнно. А нашъ общій пріятель? Онъ здѣсь? спросилъ я, намекая на Иногородняго Читателя.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — онъ изъ Москвы проѣхалъ въ деревню. Впрочемъ, онъ скоро будетъ здѣсь. Онъ, кажется, соскучился по своей сестрицѣ, *старой дѣвѣ*, которая, разумѣется, противна и зла, какъ всѣ *старыя дѣвы*....

Я улыбнулся и раскланялся. Александра Николаевна кивнула мнѣ головой и обратилась къ своему флигель-адъютанту; а мой новый знакомой обратился ко мнѣ.

— Я не знаю этой дамы, сказалъ онъ: — можетъ быть, она очень умна и образована; но она не благовоспитанна, — это навѣрно; потому что нападать на старыхъ дѣвушекъ и безнравственно и безчеловѣчно.

Пріятель мой хотѣлъ, кажется, пуститься въ разсужденія и по этому новому поводу. Но было уже пять часовъ, начиналъ попархивать снѣгъ, и мы устали. Я пригласилъ его къ себѣ обѣдать.

— Кстати, сказалъ я: — если вы принимаете участіе въ «старыхъ дѣвахъ», то я прочту вамъ очень любопытную статью въ защиту ихъ, полученную мною недавно.

Послѣ обѣда намъ подали кофе, и я прочелъ ему слѣдующую статью, подъ которой подписано *А. З. — Сельцо Ивановское-Матенецъ*.

СТАРЫЯ ДѢВУШКИ.

(Тема для романистовъ, повѣствователей, поэтовъ и мыслителей.)

> «....Онѣ безжалостно убиваются без-
> «сознательнымъ обществомъ, какъ очи-
> «стительная жертва за его собственные
> «грѣхи....»
>
> *Изъ разбора «Евгенія Онѣгина» Пушкина.*

Много было писано о положеніи женщины въ современномъ обществѣ. Въ нашей литературѣ одинъ критикъ высказалъ прекрасныя мысли объ этомъ предметѣ, при разборѣ Татьяны Пушкина (*); но предметъ этотъ по богатству еще не весь исчерпанъ. Одна изъ многихъ сторонъ его, о которой я хочу говорить, совсѣмъ не тронута: это — причины явленія такъ называемыхъ «старыхъ дѣвъ». Въ нашемъ еще не сформировавшемся обществѣ ничто такъ горько не поражаетъ наблюдателя, какъ огромное количество старыхъ дѣвушекъ, особенно въ провинціяхъ. Смѣло можно сказать, что едва ли пятая часть «барышень» выходитъ замужъ.

Сколько язвительныхъ насмѣшекъ сыпалось и теперь сыплется на «старыхъ дѣвъ»! Фраза: «старыя дѣвки злы и завистливы», обратилась въ поговорку. А никто изъ остроумныхъ насмѣшниковъ и жестокихъ преслѣдователей «старыхъ дѣвъ» не потрудится разобрать: на сколько онѣ виноваты въ своемъ положеніи и въ тѣхъ качествахъ, которыя имъ приписываютъ, и которыя въ нихъ, по большой части, дѣйствительно, существуютъ?

Скажутъ: почему же не смѣяться надъ тѣмъ, что смѣшно, и почему не осуждать того, что дурно?

Да полно, все ли то смѣшно, надъ чѣмъ иногда смѣются, и все ли то дурно, что необдуманно осуждаютъ?

Въ обществѣ всегда есть жертвы изъ собственной же среды его, которыя несутъ на себѣ тяжкое бремя за его собственные недостатки, и оно смѣется надъ своими же жертвами и осуждаетъ ихъ, вмѣсто того, чтобы помочь имъ!

Къ числу такихъ общественныхъ жертвъ принадлежатъ и старыя дѣвушки — явленіе скорѣе трагическое, чѣмъ комическое.

Скажутъ: капризы, прихоти, излишняя разборчивость или, что еще хуже, дурной характеръ — вотъ что размножаетъ «старыхъ дѣвъ».

Нѣтъ! это справедливо только отчасти, это рѣдкія исключенія. Сколько мы видимъ женщинъ капризныхъ и прихотливыхъ, съ дурнымъ характеромъ, которыя благоденствуютъ подъ покровомъ мужей своихъ и наслаждаются семейною жизнію, и сколько, съ другой стороны, дѣвушекъ, достойныхъ истинной любви и уваженія, которыя остаются «старыми дѣвами»!

Въ «старыхъ дѣвъ», говоря вообще, превращаются дѣвушки не по капризу или прихотямъ, а вслѣдствіе жестокой необходимости, отъ причинъ, нимало отъ нихъ не зависящихъ.

Случалось ли вамъ живать въ провинціяхъ или хоть бывать на провинціяльныхъ балахъ и вечеринкахъ? За исключеніемъ тѣхъ городовъ и мѣстъ, гдѣ расположены войска, васъ поразитъ вездѣ

(*) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 г., томъ XXXIX, отдѣлъ Критики стр. 1—29.

одно и то же грустное явленіе: на десятокъ «барышенъ» приходится по одному «кавалеру», а иногда и того менѣе. Это фактъ. Откуда же взять дѣвушкамъ жениховъ, мужей?

Въ этомъ отношеніи сословіе крестьянское гораздо счастливѣе сословія дворянскаго: въ первомъ для всякой взрослой дѣвушки всегда есть женихъ; да и обычай такой: какъ дѣвушкѣ шестнадцать-семьнадцать лѣтъ, парню восемьнадцать-двадцать, такъ ужь и родители ихъ и сами господа хлопочутъ о свадьбѣ. Приплодъ въ имѣніи — для господина прибыль; лишняя работница — мужику кладъ. Овдовѣлъ мужикъ, если онъ еще не очень старъ, первая забота его — сыскать другую жену: некому щей сварить, рубаху вымыть, за дѣтьми приглядѣть. Гувернантокъ, мамокъ, нянекъ и прачекъ особыхъ нѣтъ у крестьянина. Мужикъ посѣетъ ленъ: жена его вытягаетъ, постелетъ, вытреплетъ, вычешетъ, спрядетъ, соткетъ въ холстину, выбѣлитъ ее, скроитъ и сошьетъ мужу рубаху. Она ему печетъ хлѣбъ, варитъ щи и т. д. Понятно, что для крестьянина жена необходима. И оттого въ крестьянскомъ быту весьма мало, почти нѣтъ старыхъ дѣвушекъ. Жениховъ довольно: въ рекруты поступаетъ незначительная часть крестьянъ, и то наполовину уже женатыхъ. Крестьянскія дѣвушки выходятъ замужъ своевременно, за людей молодыхъ, здоровыхъ, неистощенныхъ,—не за измятыхъ и изношенныхъ джентльменовъ, побывавшихъ въ рукахъ Лоретокъ и Камелій и уже все испытавшихъ въ жизни....

Совсѣмъ не то въ дворянскомъ быту. Мы — рыцари; мы обожаемъ женщину, хотя и не видимъ большой необходимости жениться. Мы служимъ, и, какъ подобаетъ рыцарямъ, по большей части въ службѣ военной, гдѣ таскаться съ женой изъ мѣста въ мѣсто неудобно, да и невыгодно. Вотъ, выйдя въ отставку, лѣтъ въ пятьдесятъ, въ сорокъ — другое дѣло: почему и не жениться; только непремѣнно на молоденькой — выбирать есть изъ чего — да чтобы и приданое было хорошее; послѣднее необходимо: отдыхать на лаврахъ надо съ комфортомъ. Мы — помѣщики. Кухарки и прачки у насъ есть свои, крѣпостныя; экономку содержать дешевле, чѣмъ жену; горничныхъ тоже своихъ довольно... и есть всякія... Полно, надо ли и жениться? только обуза лишняя; развѣ ужь большое приданое или выгодное родство....

Конечно, не всѣ такъ думаютъ и дѣлаютъ; но вѣдь зато не всѣ же барышни и остаются «старыми дѣвами».

Теперь перенесемтесь на провинціяльный балъ, гдѣ на десять дѣвушекъ приходится по одному «кавалеру», и гдѣ, поэтому, мужчины танцуютъ уже по выбору.... Они горды своимъ положенiемъ: они самодовольно «выбираютъ»....

Посмотрите на этихъ дѣвушекъ со свѣжими лицами и густыми волосами. Сколько простодушной радости и доброты въ ихъ улыбкахъ! сколько блеска въ ихъ глазахъ! Но къ нимъ мало подходятъ, съ ними не говорятъ, съ ними почти не танцуютъ. Онѣ просидѣли одну-двѣ кадрили.... у нихъ уже навертываются слезы.... Онѣ уѣзжаютъ съ бала разстроенныя, огорченныя.... Онѣ очень молоды и сами не знаютъ, что съ ними дѣлается. Онѣ ничего не понимаютъ, но инстинктивно чувствуютъ, что въ ихъ положенiи есть что-то такое страшно оскорбительное и унизительное, — и сколько горькихъ слезъ прольютъ онѣ въ безсонную ночь послѣ такого бала!... А какiя были приготовленiя къ нему! За цѣлый мѣсяцъ до бала прiобрѣтались матерiи, шились и перешивались платья; каждая ленточка была по десяти разъ прикалываема!... Сколько было заботъ, хлопотъ! и все это дѣлалось съ весельемъ, со смѣхомъ, съ дѣтскою радостью! Какъ долго мечтали онѣ объ этомъ балѣ, сколько сладкихъ грёзъ, желанiй и непонятныхъ волненiй было испытано! И какое разочарованiе!...

Отчего же все это? что такое случилось? Для молодыхъ, неопытныхъ и добрыхъ дѣвушекъ это непонятно; но для насъ — понятно. Вещь очень простая: онѣ бѣдны, онѣ — «безъ приданаго». На балѣ «кавалеровъ» было мало, а дѣвицъ много, и между послѣдними были гораздо поважнѣе и побогаче ихъ.... Нельзя же кавалерамъ» заниматься со всякой дрянью.... Этого цвѣту по всему свѣту.... Надо же дорожить собою.

Очень хорошо.

Другой балъ — опять та же исторiя. Допустимъ, что «кавалеровъ» прибавилось, что на двухъ дѣвицъ пришлось по одному—все та же исторiя: богатыя невѣсты не слышутъ ногъ подъ собою, онѣ задыхаются отъ усталости; а «безъ приданаго» сидятъ да сидятъ, хоть, можетъ быть, нѣсколько и менѣе, чѣмъ въ первый балъ.... Развѣ какой нибудь господинъ, болѣе другихъ великодушный, рѣшится пожертвовать собою для нихъ, для того, чтобы потомъ съ иронiей разсказывать, что онъ на такомъ-то балѣ танцовалъ «въ пользу бѣдныхъ»....

«Но зачѣмъ онѣ ѣздятъ на эти балы?» Боже мой! зачѣмъ, зачѣмъ!.. За тѣмъ, что другихъ нѣтъ, за тѣмъ, что онѣ молоды, что онѣ хотятъ и надѣятся веселиться, за тѣмъ, что балы въ провинцiи рѣдки, что въ глуши, въ деревнѣ сидѣть безвыѣздно въ четырехъ стѣнахъ скучно.... Впрочемъ, будьте покойны: послѣ трехъ-четырехъ такихъ баловъ, онѣ уже не будутъ болѣе выѣзжать. Онѣ уйдутъ въ самихъ себя; онѣ, если организмъ ихъ вынесетъ все это, впадутъ въ апатію или сдѣлаются *идеальными* дѣвами, а потомъ, съ лѣтами, болѣе и болѣе будутъ дѣлаться раздражительными и наконецъ поневолѣ озлобятся.... Жениховъ нѣтъ—не выходить же замужъ за своихъ лакеевъ или кучеровъ — и онѣ сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ имъ необходимо сдѣлаться — «старыми дѣвами».... Но виноваты ли онѣ?

Сколько мукъ, сколько внутренней борьбы, сколько огорченій и лишеній должны онѣ вынести, прежде чѣмъ достигнутъ этого комическаго имени! Сердце жаждетъ любви — и не находитъ ея. Семейный бытъ, дѣти, — все это необходимѣе женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ, который можетъ найти тысячу занятій и развлеченій внѣ семейной жизни. Бѣдныя старыя дѣвушки лишаются всего этого. Любовь къ мужчинѣ, любовь къ дѣтямъ, наслажденія семейной жизни, — все отнято у нихъ; но потребность любви нескоро заглушается, и онѣ привязываются къ собаченкамъ, къ кошкамъ, къ канарейкамъ и т. п., начинаютъ нюхать табакъ, привыкаютъ злословить и сплетничать. У нихъ слишкомъ много горечи накипѣло на сердцѣ. Имъ скорѣе можно извинить ихъ недостатки, ихъ озлобленность — необходимыя слѣдствія потерянныхъ надеждъ и подавленныхъ естественныхъ стремленій — чѣмъ другимъ, болѣе ихъ счастливымъ.

Но и между «старыми дѣвами» далеко не всѣ таковы, какъ вообще величаютъ ихъ. Безконечная доброта и мягкость сердца выносятъ нѣкоторыхъ изъ общей пошлости, и случается, что иная старая дѣвушка гораздо добрѣе, благороднѣе и вообще лучше иной молодой «дамы».

Правда, занятія науками, литературой, искусствами могли бы отчасти замѣнить старымъ дѣвушкамъ занятіе сплетнями и злословіемъ; но вѣдь у насъ женщинъ ничему этому не учатъ серьёзно, ничего подобнаго отъ нихъ не требуется....

Тяжкими разочарованіями, горькими утратами, незаслуженнымъ униженіемъ и страшными мученіями, нравственными и физическими, невольно и необходимо, доходятъ бѣдныя дѣвушки до искаженія своей нравственной стороны и до разстройства своего тѣлеснаго организма.

Не безчеловѣчно ли смѣяться надъ ними, не безчеловѣчно ли осудить ихъ?

«Чего смѣетесь? надъ собой смѣетесь»! можно сказать словами городничаго въ «Ревизорѣ» Гоголя и отъ себя прибавить:

Кого осуждаете? себя осуждаете! Не смѣйтесь и не осуждайте, а лучше подумайте объ этомъ серьёзно. Если для васъ чужое горе не горе, то вспомните, что у васъ самихъ есть или могутъ быть родныя сестры, дочери, дорогія вашему сердцу: кто поручится, что онѣ не останутся «старыми дѣвами», испытавъ сперва всѣ тѣ муки, которыя предшествуютъ этому прозвищу? Вы имѣете состояніе; у васъ, положимъ, примѣрно, 420 душъ крестьянъ съ разными селами и угодьями; а дѣтей только двое — сынъ и дочь: не дѣлайте же вашу дочь безприданницей, дѣлите дѣтей вашихъ поровну. Этого требуетъ сама справедливость. Мужчина болѣе имѣетъ средствъ добыть себѣ хлѣбъ, чѣмъ женщина. Сдѣлайте распоряженіе (да покрѣпче) при жизни вашей; а то почемъ вы знаете, можетъ быть, братъ поссорится съ сестрою, да и безъ ссоры просто проникнется чувствомъ своего права и дастъ ей изъ вашихъ 420 душъ только 30. И вотъ она, воспитанная въ довольствѣ и роскоши, должна будетъ изъ вашего огромнаго барскаго дома перебраться въ какой нибудь домишко, вмѣсто ковровъ постлать у себя рогожку и изъ кареты пересѣсть въ телѣгу, тогда какъ братецъ будетъ служить въ дорогомъ полку, держать любовницу и пить шампанское съ пріятелями.

Не смѣхъ и злобу пробуждаютъ во мнѣ «старыя дѣвы», а тяжелую, давящую тоску и участіе. Положимъ, бо́льшая часть ихъ и «злы и завистливы». Но войдите въ ихъ положеніе и подумайте, что около четырехъ-пятыхъ дворянскихъ дочерей остаются старыми дѣвушками. Поставьте женщину въ такое положеніе, чтобы мужчина нуждался въ ней, чтобы онъ уважалъ ее не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ; лишите мужчинъ возможности жить семейно съ такимъ семействомъ, которое не налагаетъ на него никакихъ законныхъ обязанностей, и содержаніе котораго ему сто́итъ сотни или тысячи душъ, а иногда ничего не сто́итъ, кромѣ мѣсячины. Подумайте обо всемъ этомъ, и вы окажете услугу цѣлому сословію невольныхъ мученицъ и всему обществу. Это было бы хорошо и съ другой стороны: меньше было бы «холостыхъ отцовъ семействъ», меньше бы было золотушныхъ дѣтей, веселѣе бы и здоровѣе было общество и больше бы было въ молодыхъ людяхъ потребности къ семейной жизни, которая имѣетъ такое могущественное вліяніе на смягченіе и улучшеніе общественныхъ нравовъ.

— Прекрасно! сказалъ мой новый знакомый, когда я кончилъ чтеніе: — это голосъ истинно благовоспитаннаго человѣка, и вы должны непремѣнно напечатать эту статейку. Это, дѣйствительно, прекрасная тема для нашихъ повѣствователей, которымъ надобно же смотрѣть на жизнь посерьёзнѣе. Только писатель, скользящій по поверхности, не проникнутый святостію своего призванія, можетъ позволить себѣ острить и потѣшаться надъ «старыми дѣвами». Литература должна быть защитницею угнетенныхъ и слабыхъ и казнить своимъ юморомъ всякія общественныя несправедливости...

Но мой нетерпѣливый, хотя, можетъ быть, и *благосклонный* провинціяльный читатель, не слишкомъ любящій общія разсужденія, а болѣе интересующійся петербургскими новостями и толками, прерываетъ наконецъ моего новаго знакомаго и меня, восклицая: «Къ дѣлу! къ дѣлу! говорите мнѣ, что новаго было у васъ въ Петербургѣ втеченіе октября мѣсяца?»

О, если бы я одинъ сообщалъ вамъ эти новости, если бы меня не предупреждали ежедневныя газеты—эти словоохотливыя и болтливыя газеты, не упускающія ничего, что дѣлается въ Петербургѣ — въ такомъ случаѣ, я употребилъ бы все мое краснорѣчіе, все мое литературное дарованіе единственно на описаніе вамъ нашихъ новостей во всей подробности; но новости, которыхъ вы требуете отъ меня, мой провинціяльный читатель, для васъ уже, къ моему прискорбію, не новости. Вотъ это-то обстоятельство охлаждаетъ нѣсколько мой порывъ, потому что я боюсь повторяться.... Но дѣлать нечего: я все-таки долженъ сказать вамъ хотя вкратцѣ, чѣмъ мы были заняты, что насъ интересовало и развлекало въ прошедшемъ мѣсяцѣ.

Итакъ, начнемъ со 2 октября, съ торжественнаго въѣзда въ Петербургъ Государя Императора. Прекрасный солнечный день очень способствовалъ блеску этого въѣзда. Безчисленное множество народа столпилось смотрѣть на это зрѣлище отъ дебаркадера Царскосельской желѣзной дороги до площади Зимняго Дворца. Громкое и единодушное «ура» сливалось въ непрерывный гулъ и провожало Государя на всемъ протяженіи Его пути. О блескѣ золотыхъ каретъ, изъ которыхъ нѣкоторыя старинныя, съ живописью Буше; о великолѣпіи новыхъ придворныхъ ливрей, о мундирахъ царскихъ егерей, о кучерахъ въ трикорнахъ и съ напудренными париками и о прочемъ писали такъ много и подробно иностранные корреспонденты и русскіе фельетонисты, что мнѣ, къ сожалѣнію, уже ничего не остается сказать болѣе. Вечеромъ въ день въѣзда и въ слѣдующіе затѣмъ два дня весь Петербургъ сіялъ и горѣлъ разноцвѣтными огнями и освѣщался мѣстами электрическимъ, газовымъ освѣщеніемъ и бенгальскими огнями. Иллюминаціи почти всѣ удались, потому что погода, какъ будто нарочно для этихъ праздниковъ, стояла прекрасная. Упомянемъ о самыхъ замѣчательныхъ: на площади Владимірской церкви съ большимъ вкусомъ былъ освѣщенъ разноцвѣтными стеклянными шарами небольшой домъ Ремесленной Управы; изба Кокорева была изукрашена еще роскошнѣе, чѣмъ 26 августа, и обращала на себя особенное вниманіе большимъ и очень хорошо написаннымъ транспарантомъ, на которомъ былъ изображенъ русскій мужикъ съ сѣдой бородой и въ красной рубахѣ, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ встрѣчающій Государя. У Аничкина моста домъ Бѣлосельскихъ весь горѣлъ огнями по фасаду, а днемъ во время въѣзда былъ украшенъ красными драпри съ горностаемъ. На Фонтанкѣ домъ графа Шереметева представлялъ великолѣпное зрѣлище, сіяя разноцвѣтными огнями. На площади Александринскаго театра былъ иллюминованъ очень просто, но съ величайшимъ вкусомъ домъ министра внутреннихъ дѣлъ: въ серединѣ двѣ колоссальныя буквы А и М и отъ нихъ лучи, расходящіеся по всему фасаду. Башня Думы освѣщалась до самаго верху, и въ серединѣ ея была устроена огромная блестящая корона. Къ сожалѣнію, отъ небольшаго вѣтра, на высотѣ иллюминація башни не совсѣмъ удалась. Домъ, въ которомъ помѣщается Магазинъ Русскихъ Издѣлій, съ своею драпировкою и разноцвѣтными огнями, и въ Большой Морской Hôtel des Princes, съ транспарантами въ окнахъ и на балконѣ, на которомъ вспыхивали бенгальскіе огни, съ зеркалами на наружныхъ стѣнахъ, въ промежуткахъ оконъ, привлекали толпы гулявшихъ. Но всѣхъ блестящѣе, великолѣпнѣе и оригинальнѣе все-таки осталась газовая иллюминація Англійскаго Магазина. Всѣ три дня во время иллюминацій главныя улицы Петербурга были затоплены народомъ, среди котораго тянулись безконечные ряды экипажей.

3 октября Государь Императоръ удостоилъ принять балъ отъ дворянства и купечества въ залахъ Дворянскаго Собранія, которыя были вновь отдѣланы по этому случаю. Двѣ залы, между прочимъ, обиты глазетомъ — одна золотымъ, другая серебрянымъ, съ такими же портьерами и драпри. Большая зала была уставлена огромными растеніями. Оркестръ Штрауса помѣщался противъ Царской ложи. Вся прислуга была въ красныхъ французскихъ кафтанахъ, съ напудренными париками икосами. Къ десяти часамъ собрался весь дипломатическій корпусъ и вся многочисленная публика. Графъ Морни до прибытія Государя Императора разговаривалъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ. Государь Императоръ прибылъ около 11 часовъ и вошелъ въ залу при звукахъ національнаго гимна. На Государѣ былъ конногвардейскій

красный бальный кафтанъ, такъ же, какъ и на Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Изъ Августѣйшихъ Особъ присутствовали еще Великая Княгиня Александра Іосифовна, Великій Князь Николай Николаевичъ, Принцъ Ольденбургскій и Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Государь Императоръ открылъ балъ польскимъ съ Великою Княгинею. Угощеніе было роскошное и блисгательное и ужинъ для всѣхъ отличный и съ превосходными винами....

Итальянская опера открылась 1 октября «Сивардомъ-Саксонцемъ» Верди; за Сивардомъ слѣдовалъ «Эрнани», за «Эрнани» «Риголетто». 21 октября, въ бенефисъ режиссера итальянской труппы, дана была новая опера, тоже Верди, «La Traviata», содержаніе которой заимствовано изъ извѣстнаго романа Дюма-сына: «La dame aux Camélias». Громовержецъ Верди рѣшительно завладѣлъ всѣми европейскими сценами. О гг. *Беттини* (тенорѣ, дебютировавшемъ въ «Trovatore»), о *Марини* (basso profondo, дебютировавшемъ въ «Эрнани»), о *Бертолини* (баритонѣ), о новой оперѣ и вообще о составѣ итальянской труппы нынѣшняго сезона будетъ говориться въ слѣдующихъ книжкахъ «Современника».

Балетная труппа открыла свои представленія «Газельдой», съ г-жей Богдановой. За «Газельдой» г-жа Богданова явилась въ «Эсмеральдѣ». Балетъ попрежнему привлекаетъ любителей хореграфическаго искусства, которые съ неохлаждаемымъ восторгомъ рукоплещутъ своимъ любимицамъ. Одна изъ нихъ, г-жа *Ришаръ*, отправилась въ Парижъ и въ Лондонъ для пріобрѣтенія европейской извѣстности. Молодая и талантливая танцовщица г-жа *Муравьева* имѣла въ ролѣ «Пери» успѣхъ огромный. Ей, говорятъ, поднесла балетная публика браслетъ изъ брильянтовъ и рубиновъ.

Русская опера съ успѣхомъ поставила новую оперу г. Флотова: «Марту». Говорятъ, что составъ русской оперы увеличится новымъ баритономъ г. *Ратковскимъ*, который находится въ сію минуту въ Петербургѣ. Г. Ратковскій — славянинъ по происхожденію. Какъ пѣвецъ, онъ пріобрѣлъ уже себѣ нѣкоторую извѣстность въ Германіи.

На русскомъ театрѣ появилось въ бенефисы нѣсколько новыхъ пьесъ, по бо́льшей части переводныхъ и не заслуживающихъ особеннаго вниманія. Изъ новыхъ оригинальныхъ поставлена только одна комедія въ одномъ дѣйствіи г. Иванова подъ названіемъ: «По усамъ текло, а въ ротъ не попало». Г. Ивановъ хотѣлъ въ этомъ произведеніи, кажется, провести мысль, что женщина порядочная и образованная не можетъ и не должна допускать своего супруга обращаться съ собою, какъ съ рабою, и что она, проникнувшись своимъ человѣческимъ достоинствомъ, можетъ стать выше его. Мысль похвальная; но эта мысль не развита въ пьесѣ достаточно искусно и ясно для того, чтобы имѣть успѣхъ.

Французскій театръ, послѣ пріѣзда французскихъ артистовъ изъ Москвы, открылся 29 сентября. Для первыхъ дебютовъ г-жъ Броганъ и Терикъ давали комедіи «Les contes de la reine de Navarre» и «Les demoiselles de Saint-Cyr» — пьесы очень слабыя, лишенныя драматическаго движенія и характеровъ. Вотъ почему г-жа Броганъ въ первой пьесѣ не произвела большаго впечатлѣнія; во второй она понравилась болѣе.

Но, прежде, нежели мы будемъ говорить о томъ впечатлѣніи, которое произвела на насъ г-жа Броганъ, сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней.

Г-жа Броганъ—ученица извѣстнаго артиста Перваго Французскаго Театра г. Сансона. Сестра г-жи Мадлены Броганъ, Огюстина, пользовалась въ Парижѣ большою извѣстностію въ роляхъ субретокъ и имѣла, вѣроятно, вліяніе на развитіе сценическаго таланта своей сестры. Она старше ея десятью годами. Г-жа Мадлена Броганъ, говорятъ, родилась въ Парижѣ въ 1833 году. Мать ея была актрисою на Театрѣ Водевиля. Обѣ дочери ея приготовлялись для драматической карьеры въ Консерваторіи. Мадлена дебютировала на первой парижской сценѣ въ пьесѣ «Contes de la reine de Navarre» 16 лѣтъ, и съ такимъ успѣхомъ, что въ годъ своего дебюта принята была въ число sociétaires Французскаго Театра — честь, которой нескоро добиваются артисты. Она занимаетъ на этомъ театрѣ амплуа такъ называемыхъ *grandes coquettes* и пользуется въ Парижѣ большою любовью. Въ 1852 году она съ успѣхомъ играла въ Лондонѣ. Получивъ годовой отпускъ, она наконецъ явилась и у насъ.

Г-жа Мадлена Броганъ имѣетъ прекрасный ростъ, чрезвычайно пріятное и симпатическое выраженіе лица, полноту, которая не только не портитъ, но идетъ къ ней, хотя, можетъ быть, придаетъ ей на видъ три или четыре года лишнихъ, и мелодичный голосъ, въ которомъ пріятно слышатся иногда контральтовыя ноты. Она держитъ себя на сценѣ прекрасно, говоритъ, а не поетъ, какъ г-жа Плесси, и не прибѣгаетъ для очарованія зрителя и для вызыванія рукоплесканій къ тому сценическому кокетству, которое было такъ непріятно для истинныхъ любителей искусства въ г-жѣ Плесси.

Во второмъ своемъ дебютѣ, въ «Сенсирскихъ Воспитанницахъ», какъ мы уже замѣтили, игра г-жи Броганъ была болѣе оцѣнена публикой, и артистка была два раза вызвана во время самаго представленія.

Les demoiselles de Saint-Cyr до пріѣзда г-жи Броганъ не давались на нашей сценѣ, и потому мы вкратцѣ передадимъ содержаніе этой пьесы, въ которой нѣтъ ни исторической, ни художественной истины, въ которой все ложь и вылумка, и, притомъ еще, не совсѣмъ искусная.

Г–жа Ментенонъ учредила воспитательное заведеніе для бѣдныхъ дѣвушекъ, родители которыхъ *пали на полѣ брани*. Для этого заведенія составленъ былъ строгій монастырскій уставъ, основанный на лицемѣріи и ханжествѣ, которыми, какъ извѣстно, г–жа Ментенонъ такъ сильно дѣйствовала на короля, разслабленнаго къ концу жизни физически и нравственно, отъ излишествъ всяческихъ наслажденій.

Нѣкто виконтъ де-Сентъ-Эремъ (de Saint-Hérem), герой пьесы, лицо пустѣйшое и ничтожнѣйшее, пользующееся довѣренностію герцога д'Анжу, внука короля, нагло волочится за одной изъ воспитанницъ — дѣвицей, которой г–нъ Дюма хотѣлъ придать серьёзный драматическій характеръ — Шарлоттой де Меріанъ (ее-то и играетъ г–жа Броганъ). Для того, чтобы отклонить отъ нея вниманіе ея подруги, которая всюду за ней бѣгаетъ — Луизы Моклеръ — ничтожнѣйшей дѣвочки, которая, притомъ, все хохочетъ (въ противоположность Шарлоттѣ, которая все плачетъ), г. Сентъ-Эремъ уговариваетъ своего пріятеля — водевильнаго шута Дюблуа, сына откупщика, приволокнуться за Луизой, и этотъ шутъ, который долженъ черезъ часъ жениться, охотно соглашается на это. Оба волокиты расхаживаютъ по монастырю, какъ у себя дома; но вдругъ ихъ захватываютъ и арестуютъ именемъ короля. Во второмъ дѣйствіи оба они женаты, по приказанію короля, и вслѣдствіе этого неожиданнаго брака ненавидятъ своихъ женъ. Шарлотта, разумѣется, въ качествѣ глубокой натуры, сильно привязывается къ своему пустѣйшему мужу, несмотря на его пренебреженія и оскорбленія, и плачетъ; а Луиза смотритъ на мужа съ водевильной точки зрѣнія и все смѣется. Сентъ-Эремъ и Дюбуа бросаютъ своихъ женъ и уѣзжаютъ въ Мадритъ, въ свитѣ герцога д'Анжу. Сентъ-Эремъ передъ отъѣздомъ вручаетъ своей супругѣ бумагу, которой дѣлаетъ ее наслѣдницей всего своего имѣнія. Та, конечно, разрываетъ ее. Въ Мадритѣ герцогъ и его свита волочутся, бѣгаютъ по улицамъ и по маскарадамъ, задаютъ у себя маскарады, и проч. На одномъ изъ такихъ увеселительныхъ празднествъ появляются двѣ француженки, которыя мгновенно сводятъ съ ума герцога, Сентъ-Эрема и Дюблуа, что, впрочемъ, очень легко, потому что ума въ нихъ немного. Оказывается, что эти двѣ француженки—жены Сентъ-Эрема и Дюблуа. — Въ послѣднемъ дѣйствіи виконтесса объявляетъ виконту, что ихъ бракъ расторгнутъ папою.

Въ сердцѣ виконта, который потерялъ право собственности на жену, какъ у всѣхъ пустѣйшихъ людей (это еще довольно вѣрно), тотчасъ пробуждается любовь къ ней (то есть не любовь, а прихоть)... Но виконтесса, все обожающая своего супруга, выдумала это распоряженіе, чтобы только испытать его. Послѣ убѣжденія, что супругъ любитъ ее, слѣдуютъ слезы, примиреніе, супружескія нѣжности и отъѣздъ изъ Мадрита. Дюблуа и Луиза также, но болѣе шутовски, примиряются и уѣзжаютъ вмѣстѣ....

Что можетъ сдѣлать артистка, хотя бы она была геніальная, изъ нелѣпой роли виконтессы? — Г-жу Броганъ обвиняютъ многіе въ холодности; но можно ли обнаружить чувство, жаръ, страсть, представляя на сценѣ не живое, а плохо составленное и на живую нитку сшитое лицо?... Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Броганъ имѣетъ очень замѣчательный сценическій талантъ: это ясно видно по умному выполненію ею даже такой жалкой роли, какъ роль виконтессы; но до сихъ поръ мы еще ничего опредѣлительнаго не можемъ сказать о г-жѣ Броганъ, кромѣ того, что въ ея игрѣ много простоты и достоинства, что въ ней нѣтъ тѣни жеманства, и что поэтому она производитъ на насъ гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ г-жа Плесси. Чувство оскорбленнаго достоинства женщины, въ ту минуту, когда мужъ обвиняетъ ее въ томъ, что она будто бы хотѣла насильно сдѣлаться его женою, выражено было г-жею Броганъ прекрасно. Слова: «Я клянусь вамъ, что я ничего не знала. Я честная дѣвушка и для меня слово такъ же свято, какъ и для мужчины», мастерски были произнесены ею. Послѣ этой сцены, равно какъ и послѣ окончанія пьесы, г-жа Броганъ была нѣсколько разъ вызвана.

О дальнѣйшихъ дебютахъ ея, и въ особенности въ комедіи Скриба «Valerie», въ которой яснѣе долженъ выказаться талантъ дебютантки, мы будемъ говорить въ слѣдующемъ нумерѣ.

Г-жа Терикъ, хотя и не красавица, какъ говорили, но, дѣйствительно, недурна собой. Ей много, впрочемъ, вредитъ натянутое выраженіе въ лицѣ во время разговора. Игра г-жи Терикъ довольно удовлетворительна.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о театрахъ, упомянемъ, что, вслѣдствіе сдѣланныхъ отъ Дирекціи театровъ публикацій въ газетахъ о конкурсѣ для драматическихъ сочиненій, по случаю столѣтняго юбилея русскаго театра, присланныя пьесы разсматривались особымъ комитетомъ, который присудилъ избрать комедію въ трехъ дѣйствіяхъ графа Соллогуба, подъ названіемъ:

«30 августа 1756 года». День этого театральнаго торжества еще не назначенъ.

Что же еще новаго? Лунное затмѣніе въ ночь съ 1 на 2 октября, которое видимо было въ Петербургѣ превосходно, при лунной, звѣздной ночи—не новость.... Чѣмъ еще занимается Петербургъ? Петербургъ слушаетъ лекціи г. Бишопа, преподователя англійскаго языка, который, по примѣру прошлаго года, открылъ свои публичные курсы. Охотниковъ до изученія англійскаго языка въ Петербургѣ много, потому въ прошломъ году на этихъ курсахъ была тѣснота. Петербургъ кушаетъ гаврскія, фленсбурскія и остендскія устрицы, о привозѣ которыхъ разсылаются объявленія почти всякій день съ афишами. Кушающихъ устрицы, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ слушающихъ публичные курсы. Извѣстная часть петербургской публики посѣщаетъ концертную залу Пассажа, въ которой по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ и четвергамъ даются, какъ говоритъ афиша, музыкальные и увеселительные вечера съ хоромъ московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Григорія Соколова, съ плясками, съ оркестромъ Константиновскаго Кадетскаго Корпуса, съ московскими пѣсенниками, подъ управленіемъ Молчанова, съ движущеюся картиною, поставленною Легатомъ, изображающею Петра Великаго на Ладожскомъ озерѣ, и въ антрактахъ — съ неизбѣжнымъ Верди, безъ котораго даже и музыкальные вечера въ Пассажѣ не обходятся.

29 октября происходило открытіе Цирка въ старомъ деревянномъ зданіи на Александринской площади, подъ управленіемъ гг. Буклея и Лоры Бассенъ. Для этого Цирка, говорятъ, выписаны изъ Парижа новые сюжеты.

Снѣжокъ въ Петербургѣ едва выпалъ, а ужь 28 октября было болѣе 10 градусовъ мороза.

Приготовляются новыя художественныя и литературныя изданія.

Гг. Тимъ, Зичи и Бланшаръ (сотрудникъ «Французской Иллюстраціи») приготовляютъ рисунки главнѣйшихъ моментовъ Коронаціи. Изданіе это, говорятъ, будетъ великолѣпно. Г. Тимъ съ успѣхомъ продолжаетъ свой «Художественный Листокъ», который съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ болѣе подписчиковъ. Его рисунки торжественнаго въѣзда въ Москву въ послѣднихъ листкахъ — превосходны.

Г. Гербель собралъ всѣ русскіе переводы мелкихъ лирическихъ стихотвореній Шиллера, перевелъ непереведенныя и издаетъ полное собраніе мелкихъ лирическихъ стихотвореній великаго поэта въ двухъ томахъ. Первый томъ появится чрезъ мѣсяцъ.

Мысль г. Гербеля заслуживаетъ похвалы, и мы заранѣе рекомендуемъ нашимъ читателямъ это изданіе.

Скоро выйдутъ «Повѣсти И. С. Тургенева», доселѣ разбросанныя по разнымъ журналамъ.

И въ петербургской журналистикѣ важная новость. А. В. Дружининъ съ ноября мѣсяца вступаетъ въ полное завѣдываніе «Библіотекой для Чтенія». Съ этимъ можно поздравить подписчиковъ «Библіотеки».

Нѣтъ сомнѣнія, что новый редакторъ придастъ ей живость, разнообразіе, современный интересъ и поставитъ ее на ряду съ лучшими періодическими изданіями. Г. Дружининъ, въ то же время, будетъ принимать, какъ и прежде, участіе въ «Современникѣ»; а редакторы «Современника», въ свою очередь, почтутъ за особенное удовольствіе быть сотрудниками «Библіотеки для Чтенія» подъ редакціею г. Дружинина.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Конгрессы благотворительности и таможенныхъ реформъ въ Брюсселѣ. — Раздача наградъ во Французской Академіи. — Предположенія о желѣзной дорогѣ отъ Атлантическаго къ Тихому океану, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—XIV томъ «Исторіи Консульства и Имперіи», Тьера. — Итальянскій Историческій Архивъ. — Мнѣнія новѣйшихъ публицистовъ объ Англіи. — Театръ и общественное мнѣніе во Франціи. — Сэръ Андрю Аштонъ. — Воспоминаніе путешествія въ Дунайскія Княжества, Эмиля Пужада. — Мелкія извѣстія. — «Madelon».

Мы рѣшились представить нашимъ читателямъ отчетъ о засѣданіяхъ «Конгресса благотворительности» и «Конгресса таможенныхъ преобразованій» въ Брюсселѣ, чтобы ознакомить ихъ съ идеями, занимающими въ настоящее время мыслящихъ людей въ Европѣ: хотя дѣйствительно во всемъ этомъ много словъ, а мало дѣла; но полезно знать и слова, чтобы видѣть настоящее положеніе вопросовъ и направленіе умовъ.

Отчетъ о засѣданіяхъ Международнаго Конгресса благотворительности въ Брюсселѣ.

Первое засѣданіе, 15 сентября.

Президентъ Рожье (бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ) открываетъ засѣданіе рѣчью, въ которой излагаетъ, что «въпродолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ пять разъ собирались въ Бельгіи ученые благомыслящіе люди различныхъ странъ, чтобы изучать вопросы, имѣющіе всеобщій интересъ. Торговля, преобразованіе исправительной системы, земледѣліе, общенародная гигіена, статистика были поперемѣнно предметомъ совѣщанія и изученія этихъ конгрессовъ, которые возникли въ новѣйшія времена и, кажется, призваны занять важное мѣсто, играть важную роль въ будущемъ.»

Президентъ говоритъ, что программа, цѣль настоящаго конгресса — физическое, нравственное и умственное улучшеніе положенія рабочихъ и бѣдныхъ классовъ; но, такъ какъ эта программа слишкомъ обширна, президентъ предлагаетъ заняться въ нынѣшнемъ году исключительно вопросами, касающимися матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ, въ особенности вопросомъ о продовольствіи. Г. Рожье доказываетъ, что необходимо улучшить прежде матеріальное положеніе рабочихъ классовъ, обезпечить ихъ существованіе и тогда только заняться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ: иначе, человѣку, лишенному всѣхъ средствъ существованія, напрасно будемъ толковать о добродѣтели и образованіи. Улучшая матеріальное положеніе человѣка, мы даемъ ему возможность нравственно и умственно совершенствоваться.

«Цѣль конгресса — обмѣняться идеями, дать себѣ взаимно отчеты, изучить, что до сихъ поръ сдѣлано, изучить положеніе рабочаго класса, въ настоящее время, въ различныхъ странахъ; общими силами изслѣдовать, что возможно сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ; выразить всеобщія желанія и, *законнымъ образомъ*, всѣми мѣрами стараться о ихъ осуществленіи.

«Итакъ, согласно нашей программѣ, ученые и практическіе мужи, представители различныхъ странъ, которые собрались здѣсь, движимые любовію къ наукѣ и къ истинѣ, должны дать намъ отчетъ о положеніи рабочаго класса въ странахъ, представителями которыхъ они являются здѣсь.»

Президентъ говоритъ, что будущее обѣщаетъ осуществить ихъ надежды, создавая новый порядокъ вещей, основанный на взаимной любви и уваженіи народовъ.

Затѣмъ отдѣльные ораторы высказываютъ свои мнѣнія:

Уордъ (Word; Англія) находитъ, что двоякимъ образомъ проявляется благотворительность, а именно: облегчая нищету или предупреждая ее. Въ Англіи думаютъ, что легче и дешевле предупредить нищету, которая обыкновенно рождается вслѣдствіе болѣзней, а эти послѣднія вслѣдствіе заразительныхъ міазмъ, рождающихся въ жилищахъ, гдѣ гнѣздится пауперизмъ, ведущій къ разврату и преступленію. Уордъ обращаетъ вниманіе на проведеніе водопроводовъ, удаленіе нечистоты изъ городовъ, на устройство помѣщеній для работниковъ и приводитъ факты, что, благодаря этимъ мѣрамъ, смертность въ городахъ Англіи уменьшилась на пятьдесятъ процентовъ, что вслѣдствіе устройства образцовыхъ помѣщеній для работниковъ тамъ, гдѣ прежде пятьсотъ человѣкъ дѣлались жертвой тифа, теперь едва бываетъ десять несчастныхъ случаевъ.

Воловскій (Франція) говоритъ, что важнѣйшей задачей ему кажется вопросъ о продовольствіи. Свобода торговли, свободный ввозъ и вывозъ произведеній разрѣшаютъ этотъ вопросъ. Дозволеніе свободнаго ввоза предметовъ продовольствія (хлѣба и скота) спасло Францію въ послѣдніе трудные годы.

Засѣданіе 16 сентября.

Сурингоръ (Голландія) излагаетъ свое мнѣніе, что частная благотворительность, нравственная поддержка необходимы для бѣдныхъ. Голландскія дамы прекрасно исполняютъ долгъ свой.

Мейеръ де-Кноно (Швейцарія) объясняетъ, что въ Швейцаріи правительство всѣми мѣрами содѣйствуетъ подвигамъ частныхъ благотворительныхъ обществъ; но, несмотря на то, пауперизмъ, въ особенности въ Бернѣ, распространяется.

Нидермайеръ (Баденъ) говоритъ, что недостаточно матеріальныхъ пособій: нужны любовь и самопожертвованіе, надо, чтобы каждый могъ высказывать свои мысли, и тогда только общими силами можно отъискать спасительныя мѣры.

Энгель (Саксонія) упоминаетъ о необходимости свободной торговли, свободнаго труда.

Докторъ Гругсъ (Швеція): «Положеніе работниковъ на фабрикахъ въ Швеціи удовлетворительно; но крестьяне, исполняющіе повинности натурою, находятся въ жалкомъ положеніи.»

Засѣданіе 17 сентября.

Бертини (Туринъ) сравниваетъ положеніе Бельгіи и Піемонта и утверждаетъ, что въ этихъ обѣихъ странахъ наиболѣе сдѣлано для облегченія положенія рабочихъ классовъ и благоденствія страны, что всѣ препятствія устраняются и вводятся всѣ возможныя преобразованія.

Ванденбрёкъ представляетъ мнѣніе перваго отдѣленія конгресса о продовольствіи въ отношеніи земледѣлія. По вопросу о мѣрахъ предупредить излишній раздѣлъ поземельной собственности отдѣленіе находитъ, что невозможно принять общую мѣру.

Воловскій защищаетъ дѣлежъ поземельной собственности на самые малые участки, доказывая, что во Франціи, гдѣ нѣтъ преградъ этому дѣленію, цѣнность поземельной собственности чрезвычайно увеличилась:

въ 1821 году она составляла 39 милліардовъ.
» 1851 » » » 83 милліарда.

значитъ, въ 30 лѣтъ болѣе, чѣмъ удвоилась.

(Его величество король бельгійскій входитъ въ залу засѣданія; его привѣтствуютъ восторженными криками: да здравствуетъ король!)

Жюль Дювиль представляетъ отчетъ втораго отдѣленія конгресса о мѣрахъ, чтобы предупредить несоразмѣрное приращеніе народонаселенія и споспѣшествовать переселенію. Отдѣленіе находитъ, что, дѣйствительно, пауперизмъ развивается вслѣдствіе несоразмѣрнаго приращенія числа жителей, но что переселеніе одно можетъ предупредить пагубныя его слѣдствія, а другихъ мѣръ противъ этого факта принять невозможно.

Полленіусъ (Бельгія) напоминаетъ, что даже въ Бельгіи есть еще 400,000 гектаровъ невоздѣланныхъ земель.

Засѣданіе 18 сентября.

Да-Мотта (Бразилія) говоритъ, что Бразилія, имѣя народонаселенія отъ 7 — 8 милліоновъ и пространство земель, равное почти Европѣ, счастлива въ этомъ отношеніи и не знаетъ пауперизма.

Ему напоминаютъ, что въ Бразиліи водятся невольники.

Да-Мотта утверждаетъ, что нѣтъ ни одного владѣльца, который не хотѣлъ бы освободиться отъ нихъ, и сознается, что невольничество — язва Бразиліи.

Уильямъ Эвартъ (Англія) находитъ, что много уже сдѣлано для улучшенія положенія работниковъ въ Англіи. Чтобы вполнѣ улучшить ихъ бытъ, необходимо просвѣтить ихъ; необходимо обратить вниманіе на воспитаніе женщинъ, стараясь, чтобы это воспитаніе имѣло практическое направленіе. Онъ упоминаетъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ учрежденія публичныхъ библіотекъ для работниковъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ кабакъ, работникъ идетъ теперь въ библіотеку. Число рабочихъ часовъ уменьшено. Въ субботу съ двухъ часовъ пополудни закрываются всѣ фабрики.

Гектъ представляетъ рапортъ коммиссіи конгресса, назначенной для изслѣдованія кредитныхъ вопросовъ. Заключеніе коммиссіи слѣдующее:

1) Нужно сличить основанія кредитныхъ обществъ, въ особенности въ царствѣ Польскомъ, въ Германіи, въ Бельгіи, и организацію банковъ шотландскихъ, чтобы рѣшить вопросъ о кредитѣ.

2) Конгрессъ изъявляетъ желаніе, чтобы кредитныя учрежденія въ различныхъ странахъ удовлетворяли законнымъ интересамъ заимодавцевъ и должниковъ, руководствуясь началами взаимнаго и общаго обезпеченія.

Это заключеніе коммиссіи одобрено единогласно.

Засѣданіе 19 сентября.

Сообщены слѣдующія предложенія:

Графа Августа Цѣшковскаго изъ Познани: чтобы вопросъ о пріютахъ былъ поставленъ въ главѣ прочихъ.

Адольфа Баха: чтобы будущій конгрессъ занялся организаціей обществъ работниковъ.

Гарнье: чтобы будущій конгрессъ занялся изученіемъ вопроса о невольничествѣ, о крѣпостномъ состояніи и о развратѣ.

Федери, Дюкпетьё, Воловскаго и проч.: чтобы Конгрессъ Благотворительности сдѣлался учрежденіемъ періодическимъ, и чтобы опредѣлить програму, время и мѣсто слѣдующаго собранія.

Конгрессъ принимаетъ это послѣднее предложеніе, рѣшаетъ, что онъ будетъ собираться въ опредѣленные періоды. Програму, время и мѣсто слѣдующаго собранія опредѣлитъ комитетъ, составленный изъ бельгійскихъ членовъ и иностранныхъ вице-президентовъ.

Засѣданіе 20 сентября,

Эмиль Миллеръ предлагаетъ обратить особенное вниманіе на жилища простаго народа не только въ городахъ, но и въ селахъ.

Снова занимаются вопросомъ объ устройствѣ помѣщенія для рабочаго класса.

Рожье (президентъ) закрываетъ засѣданія конгресса рѣчью, въ которой, между прочимъ, говоритъ: «Мы выразили наши общія мнѣнія, наши желанія, наши надежды.

«Цѣль наша—улучшить положеніе рабочихъ классовъ. Теперь каждый изъ насъ, въ своей сферѣ, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, долженъ трудиться для осуществленія этой цѣли.

«Терпѣніе и довѣріе, господа!

«Наши стремленія осуществятся, потому что намъ сочувствуютъ всѣ любящія сердца, всѣ благомыслящіе люди!»

Международный конгрессъ таможенныхъ преобразованій въ Брюсселѣ. Первое засѣданіе, 22 сентября.

Г. Корръ-Вандермёренъ (президентъ Центральнаго Комитета бельгійскаго общества преобразованія таможенной системы) открываетъ засѣданіе рѣчью, сущность которой такова: «16 сентября 1847 года Конгрессъ Экономистовъ, дѣло котораго мы продолжаемъ, собрался въ этой залѣ, и, послѣ трехдневныхъ совѣщаній, собраніе это утвердило слѣдующія рѣшенія: Экономическій Конгрессъ, разсмотрѣвъ и изслѣдовавъ общія послѣдствія свободной торговли, а равно и всѣ вопросы, къ тому относящіеся, выражаетъ мнѣніе, что свободная торговля потребность человѣческихъ обществъ, и что она будетъ имѣть результатомъ: 1) укрѣпленіе союза между народами, которые не только не будутъ данниками одни другихъ, но будутъ себѣ оказывать взаимную помощь; 2) распространеніе производительности и обезпеченіе промышленности отъ насильныхъ сотрясеній, неизбѣжныхъ, когда запретительная система ограничиваетъ рынки; 3) улучшеніе положенія рабочихъ классовъ, такъ какъ при свободной торговлѣ требуется меньше труда для удовлетворенія потребностей; 4) уничтоженіе постоянной причины безнравственности—контрабанды. Г. Вандермёренъ, упомянувъ объ успѣхахъ промышленности, о новыхъ открытіяхъ впродолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ—о желѣзныхъ дорогахъ, электрическихъ телеграфахъ, о накопленіи капиталовъ, о двухъ всемірныхъ выставкахъ, продолжаетъ: «чрезвычайное развитіе производительности, поглощая необработанные матеріалы, возвысило ихъ цѣнность; вслѣдствіе этого, постоянное возвышеніе цѣнъ распространилось и на предметы продовольствія. Это послѣднее явленіе вызвало вездѣ, по необходимости, уничтоженіе несправедливыхъ пошлинъ, искусственно возвышавшихъ цѣну хлѣба, и явное стремленіе освободить необработанные матеріалы отъ всякихъ таможенныхъ препятствій. Всѣ правительства дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ:

Англія рѣшительно преобразовываетъ свою таможенную систему.

Сардинія сдѣлала тоже въ 1849 году.

Голландія уничтожила свои исключительные законы мореплаванія.

Франція, бывшая представительницею до сихъ поръ запретительной системы, разрѣшила у себя ввозъ хлѣба, скота и нѣкоторыхъ суровыхъ матеріяловъ.

Россія, Швеція, Норвегія, Папскія Владѣнія, Неаполь, Испанія, ввели измѣненія облегчающія свободную торговлю.

Въ Германіи многія государства Таможеннаго Союза требуютъ распространенія круга его дѣйствій. Можетъ быть, современемъ всѣ народы составятъ подобные союзы.

Бельгія также рѣшительно вступила на путь преобразованій.

Вотъ поречень фактовъ впродолженіе десяти лѣтъ, отдѣляющихъ конгрессъ настоящій отъ Конгресса Экономистовъ 1847 года.

Мы думаемъ, что пришло время осуществить желанія, выраженныя этимъ собраніемъ, или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ихъ осуществленію, и потому полагаемъ, что настоящій конгрессъ долженъ заняться пріисканіемъ средствъ уменьшить постепенно охранительныя мѣры, чтобы сдѣлать тарифъ чисто фискальнымъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе, чѣмъ въ настоящее время, производительнымъ. Такъ мы поступаемъ въ Бельгіи.

Начала свободной торговли признаны справедливыми (по крайней мѣрѣ, у насъ въ Бельгіи); но споръ теперь идетъ о времени и образѣ ихъ примѣненія. И потому мы предлагаемъ къ разсмотрѣнію слѣдующіе вопросы:

1) Какія существуютъ препятствія, искусственныя или естественныя, къ распространенію торговыхъ сношеній каждаго народа съ другими народами?

2) Какія практическія мѣры предложить можно въ каждой странѣ, чтобы уничтожить или уменьшить преграды, препятствующія распространенію коммерческихъ сношеній съ иностранными землями?

Первый вопросъ предлагаетъ изслѣдовать зло; второй придумать лекарство.

Конгрессъ объявленъ открытымъ. Г. Бруккеръ, бургомистръ брюссельскій, предсѣдатель конгресса 1847 года, принимаетъ предсѣдательство настоящаго.

Кромѣ того выбраны 24 вице-предсѣдателя, принадлежащіе разнымъ странамъ, а именно:

Германія: Эгель и Шубертъ, кёнигсбергскіе профессоры.

Англія: члены Парламента: Оливейра, Уикгамъ, книгопродавецъ Бонъ и Уинкуортъ.

Сѣверная Европа: Давидъ изъ Даніи, и графъ Августъ Цѣшковскій, представитель Познани на Прусскомъ сеймѣ.

Испанія: Кольмейра, профессоръ.

Франція: Воловскій, членъ Института, Гарнье, профессоръ и Компанъ.

Италія: Шіялоджа (Cialoja) бывшій министръ торговли въ Неаполѣ, теперь членъ Кадастра въ Туринѣ.

Голландія: Акерсбикъ, Кёненъ, Реймёкеръ.

Швейцарія: Пейеръ-Имгофъ.

Кромѣ того поименовано нѣсколько сотъ членовъ, принявшихъ участіе въ занятіяхъ конгресса: изъ Англіи всѣ почти журналы прислали своихъ представителей, изъ Франціи прибылъ Ламартинъ, изъ Сѣверной Европы и Россіи поименованы: Мясковскій изъ Варшавы, Гагемейстеръ изъ Петербурга, Выковскій, Антоневскій, Сваницкій.

Програма занятій конгресса:

1) Изложеніе преобразованій, сдѣланныхъ въ различныхъ краяхъ впродолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ; общественное мнѣніе; полученные результаты.

2) Разсмотрѣніе препятствій, замедляющихъ въ различныхъ краяхъ распространеніе коммерческихъ международныхъ сношеній; зло, проистекающее изъ этихъ препятствій.

3) Разсмотрѣніе способовъ, предложенныхъ или могущихъ быть предложенными, чтобъ уничтожить или уменьшить препятствія, замедляющія таможенныя преобразованія, разсмотрѣніе лучшаго способа произвести эти преобразованія; разсмотрѣніе проэктовъ, представленныхъ конгрессу.

4) Разсмотрѣніе всѣхъ доводовъ, приводимыхъ противъ таможенныхъ преобразованій, въ особенности, если есть какіе нибудь новые доводы, основанные: a) на началѣ справедливости, b) на началахъ экономическихъ, c) на пользѣ народной, на пользѣ рабочихъ классовъ, на пользѣ покровительствуемой промышленности, на пользѣ фиска.

Совѣщаніе начинается о первомъ вопросѣ:

Г. Элинкъ Стеркъ (Голландія) распространяется о томъ, что никто больше Голландіи не желаетъ свободной торговли, никто больше не дѣлаетъ въ ея пользу.

Миттисенъ (Бельгія) доказываетъ, что всѣ эти преобразованія мнимыя, поверхностныя: въ сущности Голландія твердо держится запретительной системы.

Вирмёкенсъ (Голландія) опровергаетъ въ словахъ Миттисена многое, но отчасти соглашается съ нимъ.

Уинкуортъ (Англія) предлагаетъ письменный отчетъ.

Герцъ (Гамбургъ) прекрасно излагаетъ цвѣтущее состояніе торговли своей родины, балансъ которой въ прошедшемъ году составлялъ 2,000 милліоновъ франковъ. Торговля въ Гамбургѣ свободна; но промышленность стѣснена: тамъ еще существуютъ цехи и средневѣковыя корпораціи.

Шербуліезъ (Швейцарія) объясняетъ, что въ Швейцаріи всѣ таможенныя пошлины имѣютъ чисто-фискальный характеръ, и что онѣ только тогда могутъ быть отмѣнены, когда можно будетъ ввести прямые налоги.

Фигерола (Испанія): правительство испанское сочувствуетъ вполнѣ началамъ свободной торговли и мало по малу примѣняетъ ихъ.

Въ томъ же засѣданіи Груцмаркеръ, негоціантъ изъ Штетина, требуетъ, чтобы конгрессъ придумалъ и назначилъ награду тому, кто дастъ направленіе воздушнымъ шарамъ и, такимъ образомъ, сдѣлаетъ возможнымъ сообщеніе по воздуху.

Засѣданіе 23 сентября.

Президентъ сообщаетъ письмо Кобдена. Вотъ его сущность: Десятилѣтній опытъ произвелъ такой переворотъ въ общественномъ мнѣніи въ Англіи, что сомнительно, найдется ли теперь хоть одинъ человѣкъ, который пожелалъ бы возвратиться къ экономической системѣ 1845 года.

Въ 1846 году вывозъ составлялъ 57 мил. ф. ст.
— 1853 — онъ достигъ 98 — — —
— 1856 (только за первые 7 мѣсяцевъ) 64 — — —

Г. Кобденъ утверждаетъ, что дефицитъ заставитъ многія страны уменьшить таможенныя пошлины, изъ охранительныхъ сдѣлать ихъ фискальными.

Шіялоджа (Піемонтъ) предлагаетъ подробный отчетъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ преобразованія тарифа въ Сардиніи и заключаетъ: «Правительство и законодательныя власти Сардиніи поняли, что свобода торговли и промышленности, чтобы сдѣлаться практической истиной, не должны ограничиваться таможенными преобразованіями. Онѣ имѣютъ нужду въ другихъ преобразованіяхъ и учрежденіяхъ, которыя возвышаютъ знаніе и силу: техническое образованіе, организація кредита, постройки желѣзныхъ дорогъ, улучшеніе гаваней, устройство путей сообщенія и колонизація острова Сардиніи — вотъ чѣмъ занимаются правительство и частныя общества. Многое уже сдѣлано, но больше еще остается сдѣлать.» Говоря о будущемъ конгрессѣ, онъ прибавляетъ: «Можетъ быть, Богъ дастъ, на слѣдующемъ конгрессѣ мы въ состояніи будемъ представить общій тарифъ итальянскаго таможеннаго союза, представляющаго экономическое и финансовое проявленіе федеративнаго соединенія Италіи.»

Жозефъ Гарнье (Франція) говоритъ, что во Франціи разрѣшеніемъ, въ 1853 году, ввозить скотъ и хлѣбъ, сдѣланъ большой шагъ впередъ.

Воловскій (Франція) перечисляетъ людей, содѣйствовавшихъ распространенію политико-экономическихъ свѣдѣній во Франціи. Онъ называетъ умершихъ въ послѣдніе годы Бастіа, Фоше, Бланки и проч.; выражаетъ увѣренность, что французское земледѣліе и промышленность выдержатъ соперничество съ другими народами.

Д-ръ Бамбергъ (Пруссія) представляетъ отчетъ о Таможенномъ Союзѣ и предлагаетъ вопросъ: не было ли бы полезнымъ, чтобъ подобные союзы образовались между сосѣдними государствами?

Паскаль-Дюпра: «Препятствія къ союзу народовъ двоякія: физическія — эти уже не могутъ насъ удержать: мы имѣемъ желѣзныя дороги, телеграфы и т. п., и нравственныя: невѣжество, предразсудки, привиллегіи и т. д.

Оливейра (Англія) считаетъ необходимымъ уменьшить въ Англіи пошлины на французскія вина: тогда, взаимно, Франція можетъ уменьшить пошлины на многія произведенія англійскихъ фабрикъ.

Банъ (Англія): развитіе началъ свободной торговли отразилось во всѣхъ отрасляхъ промышленности въ Англіи, въ особенности въ книгопечатаніи. Теперь за шиллингъ можно купить то, что прежде стоило фунтъ стерл.; а, между тѣмъ, вознагражденіе авторамъ удвоилось.

Засѣданіе 24 сентября.

Катто-Ваттель, членъ Коммерческой Палаты въ Антверпенѣ, объявляетъ именемъ Палаты, которой онъ является представителемъ, что «она требуетъ полной свободы торговли, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій.»

Акерсбикъ (Голландія) говоритъ о мѣстныхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, но соглашается, что необходимо разъ навсегда покончить со всѣми ограниченіями торговли; далѣе возстаетъ противъ привиллегіи на изобрѣтенія, прибавляя: «великіе люди, подвинувшіе человѣчество своими открытіями, не требовали себѣ привиллегій.»

Накваскій (Швейцарія) показываетъ необходимость нѣкоторыхъ ограниченій въ Швейцаріи, доколѣ соотвѣтственныя преобразованія не будутъ введены въ сосѣдственныхъ земляхъ.

Въ этомъ засѣданіи разсмотрѣны и приняты слѣдующія предложенія:

«Конгрессъ считаетъ необходимымъ ввести общую десятичную систему мѣръ, вѣсовъ и монеты.» По предложенію президента, поручено Центральному Комитету въ Брюсселѣ войти въ сношенія съ комитетомъ, учрежденнымъ съ этою же цѣлію въ Парижѣ, и дѣйствовать общими силами.

«Конгрессъ изъявляетъ желаніе, чтобы различные его члены дѣлали всевозможныя усилія для образованія во всѣхъ странахъ общества приверженцевъ свободной торговли.»

«Признаны противными началамъ свободной торговли всѣ препятствія и ограниченія въ сношеніяхъ и торговлѣ съ колоніями.»

«Конгрессъ изъявляетъ желаніе, чтобы были уничтожены препятствія къ свободному плаванію по рѣкамъ и проливамъ и измѣнены всѣ ограниченія относительно паспортовъ.»

«Наконецъ конгрессъ изъявляетъ желаніе, чтобы преподаваніе политической экономіи введено было не только во всѣхъ университетахъ, но также въ среднихъ и низшихъ училищахъ.»

Засѣданіе 25 сентября.

Конгрессъ рѣшаетъ представить благодарственный адресъ королю.

Послѣ разсмотрѣнія различныхъ измѣненій и жаркихъ споровъ, конгрессъ почти единогласно принимаетъ предложеніе г. Гарнье слѣдующаго содержанія:

«Конгрессъ изъявляетъ желаніе, чтобы немедленно во всѣхъ странахъ занялись всеобщимъ преобразованіемъ таможенной системы, полнымъ или непосредственнымъ, не замедляясь ожиданіемъ соотвѣтственныхъ преобразованій въ другихъ государствахъ. Конгрессъ убѣжденъ, что, производя это преобразованіе, правительства поступятъ согласно началу справедливости, всеобщимъ пользамъ народовъ и особенной пользѣ рабочихъ классовъ, согласно пользѣ самой промышленности, нынѣ покровительствуемой, и даже пользѣ своихъ собственныхъ финансовъ.»

«Конгрессъ самымъ энергическимъ образомъ порицаетъ всякаго рода запрещенія и систему возмездія.»

Въ этомъ же засѣданіи, по поводу предложенія Гарнье, графъ Цѣшковскій высказалъ слѣдующую мысль: «Я не принадлежу къ школѣ, которая безусловно принимаетъ начала системы: laissez faire, laissez aller (пусть все дѣлается само собой); пятьнадцать или восемьнадцать лѣтъ я употребляю уже всѣ усилія, чтобы замѣнить эту формулу слѣдующей: aidez à faire; aidez à dévélopper (помогайте созиданію, помогайте развитію). По моему мнѣнію, правительство въ состояніи въ извѣстныхъ вопросахъ и въ извѣстной мѣрѣ покровительствовать интересамъ общества не мѣрами ограниченія и отрицанія, но путемъ вспомоществованія и ободренія.»

Корръ-Вандермёренъ извѣщаетъ, что, согласно желанію конгресса, образовалось международное общество приверженцевъ свободной торговли.

Центральный комитетъ его будетъ засѣдать въ Брюсселѣ; въ другихъ краяхъ образуются комитеты, подвѣдомственные этому главному. Центральный комитетъ опредѣлитъ время и мѣсто будущихъ засѣданій конгресса.

Чтобы доставить денежныя средства обществу, открыта всеобщая подписка.

Президентъ благодаритъ всѣхъ членовъ за ихъ труды, отчеты и проэкты и объявляетъ засѣданія конгресса закрытыми.

Мы намѣрены предлагать читателямъ постоянные отчеты о содержаніи главнѣйшихъ иностранныхъ журналовъ, такъ, чтобы по нашимъ обзорамъ можно было слѣдить за европейскою журналистикою. Нынѣ представляемъ отчетъ о послѣднихъ полученныхъ въ Петербургѣ книжкахъ «Revue des deux Mondes», «Revue Britannique» и «Athenaeum».

Раздача наградъ во Французской Академіи. Вотъ что говоритъ объ этомъ Шарль Мозадъ въ своей литературной хроникѣ.

«Общественное мнѣніе увлекается иногда страстями, предразсудками, необдуманными порывами, и потому для внутренней жизни и духовнаго развитія народа необходимо всѣмъ соединенными силами стремиться къ тому, чтобы возвысить, просвѣтить, направить его.

«Призваніе и долгъ литературы — не увлекаться мгновенными порывами, но указывать постоянно истину, возбуждать любовь къ прекрасному, и потому, когда Французская Академія назначаетъ награды добродѣтели, краснорѣчію или литературнымъ заслугамъ, какой мыслію она руководствуется? Она указываетъ, что благородные подвиги должны быть цѣлію практической жизни; она указываетъ, что прекрасное должно быть единственной цѣлію, воспламеняющей умы. Отсюда проистекаетъ, что всѣ интересуются раздачей этихъ наградъ, имѣющихъ возвышенное значеніе.

«Отвѣчаетъ ли Академія своему призванію? разладъ и противорѣчія не проявляются ли въ ея рѣшеніяхъ? Это другое дѣло. Все-таки ежегодныя засѣданія, въ которыхъ раздаются эти награды, имѣютъ особый характеръ. Въ этихъ засѣданіяхъ разсматриваются — по крайней мѣрѣ, должны бы разсматриваться — всѣ проявленія духовныхъ силъ народа, всѣ стремленія ума и тысяча вопросовъ, интересующихъ литературу, философію или нравственность, которые рождаются вслѣдствіе задачъ, предложенныхъ конкурсу. Здѣсь всегда представляется Академіи случай высказать непреложныя начала науки и любви къ изящному и показать, какъ эти начала истины и прекраснаго неизмѣнны и переживаютъ всѣ перевороты.

«Г. Вильменъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ нынѣшнемъ году представлялъ отчетъ и критическій разборъ сочиненій, подлежавшихъ конкурсу.

О присужденіи премій узнаемъ слѣдующее:

Г. Жильберъ получилъ премію за похвальное слово Вовнаргу (Vauvenargues).

Сочиненіями, наиболѣе полезными въ нравственномъ отношеніи, признаны: изъ поэтическихъ произведеній — «Симфоніи» (Symphonies) де-Лапрада, изъ философскихъ — «Градъ Божій» (la Cité de Dieu), переводъ Эмиля Сессе (E. Saisset); изъ нравоучительныхъ — «Семейство» (la Famille) Жане (Janet). Но вотъ что наиболѣе достойно вниманія: присуждена награда сочиненію Озанама «Цивилизація въ пятомъ вѣкѣ» (Osanam — Civilisation au cinquième siècle), изданному послѣ его смерти.

Озанамъ былъ одинъ изъ тѣхъ мыслителей, которые, увлеченные любовью къ истинѣ и прекрасному, слишкомъ рано, слишкомъ нетерпѣливо бросаются въ борьбу, прежде полнаго развитія собственныхъ силъ, но которые въ борьбѣ возвышаются, крѣпнутъ и дѣлаются самостоятельными.

Къ несчастію, Озанамъ, достигнувъ этой счастливой точки развитія, слишкомъ рано исчезъ, оставляя въ твореніяхъ своихъ живые слѣды вдохновенія и глубокихъ знаній, которыми проникнуты труды его. Чиста и свѣтла была личность этого человѣка. Онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать для науки, для истины и, какъ писатель, занималъ почетное мѣсто. Онъ оставилъ послѣ себя слѣды. Институтъ, назначая награду, призналъ его заслуги. Но Академіи предстоялъ случай болѣе трудный: признаніе преміи за самое лучшее изъ произведеній, имѣющихъ предметомъ исторію Франціи. Впродолженіе многихъ лѣтъ Академія была столь счастлива, что не искала новыхъ кандидатовъ: столь естественнымъ и удачнымъ съ перваго раза казался первоначальный ея выборъ. Она встрѣтила одного изъ тѣхъ историковъ, которые соединяютъ любовь къ наукѣ со страстью къ изъисканіямъ, дарованіе излагать свои мысли — съ искусствомъ воскрешать прошедшее.

Не какому нибудь отдѣльному произведенію присуждена была эта премія: ею воздавалась почесть всей жизни, всему поприщу знаменитаго писателя, автору «Исторіи завоеванія Англіи норманами», «Разсказовъ о временахъ Меровинговъ», «Изъисканій о среднемъ сословіи». Доколѣ живъ былъ Огюстенъ Тьерри, Академія не затруднялась въ выборѣ. Къ несчастію, авторъ «Разсказовъ о временахъ Меровинговъ» скончался, и Академія дала ему въ наслѣдники Анри Мартена, автора многотомной «Исторіи Франціи» (Histoire de France par Henri Martin). Нельзя отрицать, что отъ Огюстена Тьерри къ Анри Мартену переходъ слишкомъ крутъ и не совсѣмъ удаченъ. Дѣйствительно, авторъ сочиненія, получившаго премію, очень трудолюбивъ, работаетъ съ большимъ рвеніемъ, однакожь, въ его твореніи недостаетъ высшаго искусства — искусства схватить нить событій, свѣтлаго взгляда, располагающаго и связывающаго факты. Анри Мартенъ взялся за трудъ, не имѣя вполнѣ обдуманнаго плана, дополняя его по мѣрѣ того, какъ подвигался впередъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мозадъ упрекаетъ Мартена, что онъ подчиняется вліянію политическихъ мнѣній и, вслѣдствіе того, видитъ какое-то безпрерывное преданіе, продолжающееся со временъ друидизма до конца XVIII столѣтія. У него Жанна д'Аркъ является преемницею Велледы и одною изъ предшественницъ Декарта.

Средніе вѣка находятъ въ немъ слишкомъ строгаго судью. Мозадъ осуждаетъ направленіе сочиненія Мартена и спрашиваетъ: съ какой точки зрѣнія смотрѣла на него Академія, назначая премію?

Если, не обращая вниманія на направленіе, Академія хотѣла наградить талантъ и усердіе къ труду, она могла найти достойнѣйшихъ награды: она могла выбрать Мишле, высоты и краснорѣчія котораго едва ли когда нибудь достигнетъ Мартенъ.

Желѣзная дорога отъ Атлантическаго къ Тихому океану. Въ числѣ современныхъ промышленныхъ предпріятій, возбуждающихъ всеобщее вниманіе огромностью своихъ размѣровъ, самымъ смѣлымъ можно назвать проэктъ соединенія Тихаго океана съ Атлантическимъ, посредствомъ желѣзной дороги. Предполагаемая дорога должна пересѣчь Скалистыя горы и кончиться въ Орегонѣ или Калифорніи. Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы прорыть короткую борозду на небольшомъ пространствѣ земли, раздѣляющемъ два моря, какъ въ Суэзѣ или Панамѣ: *желѣзная дорога Тихаго океана*, какъ уже теперь называютъ ее въ Соединенныхъ Штатахъ, будетъ не только простымъ средствомъ сократить разстояніе—это будетъ завоеваніе цѣлой безграничной страны, открытой для эмиграцій, путь, которымъ цивилизація проникнетъ въ огромныя и пустыя пространства Сѣверной Америки. Дорога эта будетъ главной артеріей государства, омываемаго двумя океанами, будущее развитіе котораго трудно угадать теперь. Желѣзныя дороги, существующія нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, еще не переходятъ за черту Миссиссипи, и достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть, какое огромное разстояніе отдѣляетъ эту рѣку отъ береговъ Калифорніи: на пространствѣ семи или восьмисотъ льё можно проникнуть черезъ страны, едва извѣстныя, черезъ поля, рѣки, цѣпи горъ, пустыни, — есть чѣмъ устрашить людей самыхъ предпріимчивыхъ. Если бы проэктъ родился въ чьемъ нибудь праздномъ воображеніи, имъ не стали бы и заниматься; но онъ принятъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ: многочисленныя экспедиціи снаряжены были для опредѣленія лучшихъ линій, значительныя суммы потрачены на то, чтобы изучить внутренность страны. Будетъ ли дорога построена правительствомъ, или предоставлена частнымъ компаніямъ? пойдетъ ли она по тому, или другому параллельному кругу? будетъ ли она на югѣ, или сѣверѣ? — эти вопросы составляютъ предметъ споровъ, они занимаютъ конгрессъ, американскія газеты затрогиваютъ честолюбія и даютъ пищу раздорамъ партій. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ хорошо извѣстны только берега Тихаго океана; страны же, лежащія внутри материка, чрезъ которыя должна пройти линія желѣзной дороги, еще нуждаются въ подробномъ окончательномъ изслѣдованіи, которое бы подтвердило данныя, опредѣленныя неясно или по догадкамъ. Первыми и очень долго единственными географами средины сѣвероамериканскаго материка были отважные охотники, извѣстные подъ названіемъ *трапперовъ* и такъ ярко обрисованные въ романахъ Купера. Принужденные безпрерывно странствовать по обширнымъ пустынямъ запада Сѣверной Америки, они издавна знакомы съ самыми отдаленными частями ея. Многіе изъ нихъ, съ карабиномъ за плечами, заходили въ самыя высокія долины Скалистыхъ горъ и въ окрестности Большаго Соленаго Озера, прежде, чѣмъ кто нибудь подумалъ основаться въ этихъ мѣстахъ. Къ числу такихъ скитальцевъ-охотниковъ принадлежалъ прежде и Фримонтъ, офицеръ американскаго правительства и въ настоящее время одинъ изъ значительнѣйшихъ людей Союза. Полковникъ Фримонтъ — извѣстнѣйшій изъ американскихъ офицеровъ, совершавшихъ путешествія въ глубь Сѣверной Америки для изслѣдованія мѣстностей, удобныхъ для проложенія желѣзной дороги. Нѣсколько разъ проѣзжалъ онъ по этимъ землямъ во всякое время года, по всѣмъ широтамъ, такъ что въ послѣднія двадцать лѣтъ едва ли кто нибудь болѣе его обогатилъ географію Новаго Свѣта, и едва ли какой нибудь путешественникъ проѣхалъ сухимъ путемъ такія огромныя разстоянія, какъ онъ. Каждый изъ позднѣйшихъ изслѣдователей пользовался важными открытіями и драгоцѣнными указаніями, которыя неустрашимый полковникъ собралъ въ первыхъ своихъ странствіяхъ. Изслѣдованіе земель, лежащихъ между Соединенными-Штатами и Тихимъ океаномъ, давно уже останавливало на себѣ вниманіе Вашингтонскаго кабинета. Въ 1804 году Джефферсонъ посылалъ капитановъ Льюиза и Клерка отъискивать прямой путь сообщенія чрезъ американскій материкъ или по Колумбіи, или по Ріо-Колорадо. Въ 1810 г. майору Пайку поручено было изучить восточный склонъ Скалистыхъ горъ; всѣ послѣдующія экспедиціи ограничились однѣми долинами Миссисипи и Миссури, и только въ 1833—1838 годахъ Николле посѣтилъ страну, лежащую за сѣверными вѣтвями Миссисипи. Впослѣдствіи американское правительство присоединило къ нему Фримонта, и втеченіе двухъ лѣтъ эти изыскатели снова осмотрѣли страны, посѣщенныя прежде Николле. Затѣмъ одному Фримонту дали порученіе изслѣдовать, по болѣе южной широтѣ, всю страну, которая тянется до Скалистыхъ горъ по долинѣ рѣки Небраски, и съ тѣхъ поръ начинаются замѣчательнѣйшія путешествія предпріимчиваго полковника, въ которыхъ онъ преодолѣлъ всякаго рода препятствія, встрѣчавшіяся на его долгомъ и утомительномъ пути. Онъ съ перваго взгляда угадалъ, что бассейнъ Большаго Соленаго Озера сдѣлается современемъ центромъ населенія: великолѣпные лѣса, чистая вода, чрезвычайно плодоносная почва, прекрасныя пастбища, изобиліе соли дѣлаютъ изъ этой страны истинный оазисъ въ Скалистыхъ горахъ,—и въ настоящее время этотъ край, извѣстный прежде только нѣсколькимъ старымъ охотникамъ, дѣйствительно, заселился и сдѣлался уединеннымъ убѣжищемъ религіозной колоніи. Позднѣе этотъ же Фримонтъ восторгался чуднымъ плодородіемъ и естественными богатствами Калифорніи и предугадывалъ великолѣпную будущность, которая ожидаетъ эту часть американскаго материка. Змѣчательно, что этому путешественнику суждено было указать будущія судьбы двухъ мѣстностей, составляющихъ теперь самые любопытные пункты Сѣверной Америки; его пророческій даръ не могъ только предвидѣть, какое странное населеніе явится вокругъ озера, впервые имъ изслѣдованнаго, и какія могущественныя побужденія будутъ привлекать эмигрантовъ въ Калифорнію, вмѣсто указанныхъ имъ богатствъ природы.

Путешествія Фримонта, продолжавшіяся съ 1842 до 1845 года, положили главное основаніе тѣмъ изслѣдованіямъ, съ помощію которыхъ стараются теперь опредѣлить наиболѣе выгодную и удобную линію желѣзной дороги Тихаго океана. Позднѣе мексиканская война придала особенный интересъ всѣмъ экспедиціямъ, направленнымъ въ южныя провинціи, которыя американцы легко должны были отнять у своихъ слабыхъ сосѣдей. Множество извѣстій, собранныхъ тогда о земляхъ Новой Мексики, получили новую важность съ тѣхъ поръ, какъ офицеры топографическаго корпуса, имѣвшаго порученіе разсмотрѣть разные проэкты желѣзной дороги Тихаго океана, отдали явное предпочтеніе линіи, которая идетъ по параллели 32 градуса и должна пересѣкать часть Техаса и всю Новую Мексику. Если принять въ соображеніе, какой разсчетъ имѣютъ партизаны невольничества, защищая эту послѣднюю линію, то нельзя не подумать, что предпочтеніе, которое отдаютъ ей всѣ оффиціальные отчеты, не основывается на однихъ топографическихъ и техническихъ соображеніяхъ, какія только и можно выставить на судъ публики. Потому рѣшеніе топографовъ требуетъ, въ глазахъ безпристрастныхъ людей, самой строгой и обширной повѣрки. Въ 1853 году Американскій Конгрессъ приказалъ изслѣдовать нѣсколько дорогъ, которыя бы подъ разными широтами пересѣкали весь сѣверо-американскій материкъ до Тихаго океана. Первая дорога идетъ почти по параллели 47 градуса. Изученіе ея поручено было Стивенсу, губернатору вашингтонской территоріи, который, при содѣйствіи многихъ американскихъ офицеровъ, осмотрѣлъ землю Миннесота, долины Миссури и ея притоковъ, пункты, гдѣ можно проникнуть чрезъ Скалистыя горы, и главныя вѣтви Колумбіи. Расположеніе этой линіи представляетъ большія удобства по связи съ водяными сообщеніями. Трудность перехода чрезъ Скалистыя горы надѣются устранить новыми изслѣдованіями. Суровость климата, на которую ссылаются противники этой линіи, вовсе не такова, чтобы могла показаться слишкомъ замѣтною для нѣмцевъ и англичанъ, составляющихъ главное основаніе американской эмиграціи. Коренное неудобство сѣвернаго пути, начертаннаго Стивенсомъ, заключается въ томъ, что онъ долженъ пройти чрезъ обширное пространство безплодной и неспособной къ обработкѣ страны, которая не представляетъ никакого оазиса для земледѣльческаго населенія. Въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе другая дорога — между 45 и 42 градусами широты: здѣсь бассейнъ Большаго Соленаго Озера образуетъ большой отдыхъ въ срединѣ разстоянія, отдѣляющаго Миссиссипи отъ Тихаго океана.

По словамъ капитана Стрэнсбюри, мѣстность этихъ озеръ, гдѣ теперь живутъ только восемьдесять тысячъ мормоновъ, можетъ питать населеніе болѣе, чѣмъ въ милліонъ жителей. Онъ настаиваетъ на томъ, что бассейнъ Большаго Соленаго Озера долженъ непремѣнно войти въ линію желѣзной дороги, какимъ бы путемъ она ни была проведена. Свѣдѣнія, собранныя имъ и Фримонтомъ объ этой странѣ, дополнены были лейтенантомъ Беквитомъ, который подробно обозначаетъ линію предполагаемой дороги: пройдя черезъ упомянутый бассейнъ, она должна, по его мнѣнію, спуститься отъ Скалистыхъ горъ въ плодоносную долину Сакраменто. Впослѣдствіи указанъ былъ другой путь, гдѣ линія еще прямѣе можетъ итти къ Санъ-Франциско. Линія 38 и 39 градуса была изслѣдована несчастнымъ капитаномъ Гоннисономъ, который съ большею частью своихъ спутниковъ погибъ въ схваткѣ съ индѣйцами; произведенныя потомъ изысканія показали, что этотъ путь не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ, потому что переходъ чрезъ Скалистыя горы здѣсь еще болѣе возвышенъ, чѣмъ въ сѣверныхъ линіяхъ и въ линіи 32 градуса, и это препятствіе не вознаграждается никакими другими удобствами. Наконецъ есть еще двѣ линіи, по которымъ считаютъ возможнымъ проложить желѣзную дорогу: одна идетъ около 35 градуса и другая около 32. Первая, по физическому характеру страны, имѣетъ значительное сходство съ линіей 32 градуса, но уступаетъ ей тѣмъ, что высоты послѣдней гораздо ограниченнѣе и потому болѣе удобны для устройства дороги. Такимъ образомъ, изъ двухъ южныхъ дорогъ, пролегающихъ одинаково въ Новой Мексикѣ, заслуживаетъ вниманія только одна, именно линія 32 градуса. Она изслѣдована была съ достаточной подробностью; но труды Вильямсона, Парка и Попе привели къ такимъ неблагопріятнымъ результатамъ, что трудно объяснить себѣ причины того предпочтенія, какое офицеры американскаго топографическаго корпуса отдаютъ этой линіи передъ другими. Дорога проходитъ сперва по лѣсистымъ равнинамъ Техаса и поднимается потомъ на высокую площадь, которая занимаетъ часть Техаса и Новой Мексики и носитъ названіе Llano-Estacado. Это огромная, совершенно ровная степь, гдѣ горизонтальная плоскостъ почвы и отсутствіе деревьевъ не дозволяютъ путешественнику оріентироваться. Какъ въ открытомъ морѣ, горизонтъ ограничивается здѣсь тремя или четырьмя льё,—какъ тамъ, путешественникъ всегда находится въ центрѣ совершенно правильнаго круга и не можетъ изъ него выйти; какъ въ морѣ, такъ и въ этой степи не встрѣчаются птицы. Здѣсь нѣтъ ни воды, ни лѣсу, то есть главныхъ предметовъ, необходимыхъ для построенія и поддержки желѣзной дороги. Далѣе на предполагаемой линіи встрѣчаются такія же безплодныя и трудныя мѣстности, которыя потребовали бы огромныхъ усилій и издержекъ, и единственной выгодой этой линіи остается то, что она не имѣетъ большихъ возвышенностей, склоны ея понижаются постепенно и мало по малу, а почва на значительномъ пространствѣ такъ ровна, что на нее почти безъ всякихъ предварительныхъ работъ можно положить поперечныя перекладины и рельсы; но это единственное удобство далеко не вознаграждаетъ за препятствія, поставляемыя здѣсь природой. Нельзя, притомъ, не обратить вниманія на сужденіе майора Эмори, который въ этомъ вопросѣ былъ совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ пристрастій. По словамъ его, общія физическія свойства этихъ земель чрезвычайно неблагопріятны для земледѣлія, какъ оно понимается въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что здѣсь нельзя разсчитывать на воздѣлываніе земли посредствомъ невольниковъ, которое принесетъ скорѣе убытокъ, нежели пользу. «Кто видѣлъ эти страны и познакомился съ характеромъ и цѣнностью работы невольниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ—говоритъ Эмори—тотъ не вздумаетъ приводить невольниковъ сюда, а еще менѣе покупать ихъ для отправки въ эти земли. Ихъ трудъ никогда не вознаградитъ цѣны провоза, не говоря уже о цѣнѣ покупки.» Это свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что еще заранѣе уничтожаетъ надежды прожектёровъ, которые для того только хотятъ здѣсь пустить въ ходъ американскіе капиталы и англо-саксонскую дѣятельность, чтобъ облегчить введеніе невольничества. Правдивая оцѣнка всѣхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ этихъ свѣжихъ краяхъ Сѣверной Америки, вовсе не благопріятна для заключеній, которыя представляются конгрессу въ оффиціальныхъ рапортахъ. Сами офицеры, составлявшіе ихъ, принуждены были согласиться, что никогда нельзя будетъ привлечь на эту линію многочисленнаго населенія: они должны были представить особенный проэктъ объ организованіи постовъ, которые бы обязывались защищать линію отъ нападеній индѣйцевъ. Кажется, они сами отказываются отъ надежды привлечь въ эти центральныя страны Америки потокъ эмигрантовъ, которому предназначено связать непрерывною цѣпью восточные штаты съ провинціями, расположенными по берегамъ Тихаго океана. Дорога будетъ служить только соединеніемъ крайнихъ пунктовъ ея, раздѣленныхъ пустынею. Нѣмецкое и англо-саксонское племена никогда не сроднятся съ климатомъ Новой Мексики и будутъ всегда стремиться къ болѣе сѣвернымъ широтамъ, гдѣ сами собой, безъ всякой внѣшней помощи рождаются и процвѣтаютъ колоніи, какъ на сѣверѣ Калифорніи, гдѣ образовалось цѣлое государство съ городами, флотомъ, гдѣ начинаютъ даже строить желѣзныя дороги, или, какъ въ уединенномъ бассейнѣ Соленаго Озера, гдѣ основали свои поселенія мормоны. Какъ бы ни была опредѣлена линія желѣзной дороги къ Тихому океану, ясно, что она должна быть на сѣверѣ, а не на югѣ. Жители Англійской Канады очень хорошо поняли всю выгоду желѣзной дороги въ этой сторонѣ и думали даже основать ее собственными средствами, хотя климатъ ихъ владѣній много суровѣе, чѣмъ подъ широтами 47 и 45 градуса. Но исполненіе дороги едва ли возможно, такъ какъ Англійская Канада не имѣетъ для этого достаточныхъ капиталовъ, и, притомъ, сомнительно, чтобы можно было вовлечь въ это предпріятіе англійскіе капиталы, потому что первымъ слѣдствіемъ его будетъ переворотъ въ отношеніяхъ всемірной торговли. Что касается до дороги, предполагаемой Соединенными Штатами, надобно замѣтить, что если въ дѣлахъ политическихъ важнѣйшая роль принадлежитъ южнымъ штатамъ, то сѣверные имѣютъ на своей сторонѣ перевѣсъ капиталовъ. Такимъ образомъ, построеніе желѣзной дороги будетъ лежать на сѣверныхъ штатахъ, и этимъ послѣднимъ, конечно, не будетъ особенной выгоды, если они собственными капиталами дадутъ южнымъ штатамъ возможность получить новое значеніе и силу. Наконецъ возникаетъ вопросъ: если предположеніе о дорогѣ къ Тихому океану состоится, кто и какъ будетъ строить ее? Въ послѣднее время въ Штатахъ поднялась сильная полемика объ этомъ предметѣ. Партизаны южной линіи доказываютъ, что само правительство Штатовъ должно стать во главѣ предпріятія, и стараются сложить издержки его на все государство. На это предложеніе, которое защищалъ главнымъ образомъ полковникъ Бентонъ, возразили такимъ аргументомъ, что во всѣхъ странахъ надобно возставать противъ постройки желѣзныхъ дорогъ государствомъ, но что въ Америкѣ она еще болѣе противна конституціи. Власть исполнительная облечена тамъ только тѣми преимуществами, которыя для нея необходимы, и если центральное правительство исполняетъ такія предпріятія, какъ желѣзныя дороги или каналы, оно противорѣчитъ духу конституціи. Ей измѣняютъ вообще, когда передаютъ въ руки власти это обширное и новое покровительство и въ разрѣшеніе экономическихъ задачъ допускаютъ политическіе виды, которые должны оставаться для нихъ совершенно посторонними. Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ дотого привыкли къ мысли о необходимости построенія желѣзныхъ дорогъ частными лицами, что защитники противнаго мнѣнія принуждены были прибѣгать иногда къ самымъ страннымъ доказательствамъ. Такъ, военный секретарь Дэвисъ утверждалъ, что правительство имѣетъ право строить желѣзную дорогу потому, что можетъ причислить ее къ военнымъ сообщеніямъ; но, само собою разумѣется, мнѣніе его не имѣло успѣха, и въ Штатахъ согласились, что желѣзная дорога Тихаго океана, какъ всѣ другія предпріятія этого рода, должна быть предоставлена частнымъ людямъ.

Между лицами, которыя отважились изъ первыхъ взять на себя это огромное предпріятіе, должно назвать особенно г. Asa Whitney, изъ Нью-Йорка. Его финансовый планъ построенія дороги довольно оригиналенъ: онъ предлагалъ начать ее у озера Мичигана и направить къ Орегону и просилъ, чтобы на всемъ пространствѣ линіи, т. е. не менѣе, какъ на 2,000 миль, центральное правительство продало ему всѣ земли, на 60 миль въ ширину, по 2 цента, или почти по десяти сантимовъ за акръ. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣталъ 78 милліоновъ акровъ только за 1,600,000 долларовъ. Земли на первыхъ 800 миляхъ отъ большихъ озеръ онъ разсчитывалъ перепродать легко, потому что онѣ почти вездѣ способны къ обработкѣ; но въ началѣ онъ думалъ продать только половину и сохранить остальное, какъ запасные фонды, чтобы продолжать дорогу въ мѣстахъ безплодныхъ. Онъ разсчитывалъ, что на 430 миль отъ Тихаго океана земли также легко найдутъ покупщиковъ; слѣдовательно, запасный фондъ предназначается только для промежуточной части дороги. Предполагая, что только четвертая часть ежегодной эмиграціи направится въ эту сторону, и что каждое семейство купитъ 160 акровъ земли, онъ разсчитываетъ, что вся линія дороги можетъ быть окончена втеченіе пятьнадцати лѣтъ. — Въ то время, когда онъ сдѣлалъ свое оригинальное предложеніе, бывши еще простымъ прикащикомъ одного торговаго дома въ Нью-Йоркѣ, его предложеніе осталось безъ послѣдствій; но всѣ просьбы, которыя представлены теперь на законное утвержденіе, основываются на подобныхъ же разсчетахъ, и надобно согласиться, что, въ сущности, средство г. Whitney кажется самымъ раціональнымъ.

Если окончаніе желѣзной дороги Тихаго океана сойдется, такимъ образомъ, съ планомъ колонизаціи внутренняго материка, экономическіе результаты такого предпріятія были бы неисчислимы. Тогда получила бы неожиданное развитіе застоявшаяся торговля Азіи съ Европою: желѣзная дорога Тихаго океана расширила бы отношенія европейскихъ племенъ къ азіятскимъ гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ новыя сообщенія Суэзскаго или Панамскаго перешейка; она могла бы даже привлечь въ Сѣверную Америку цѣлыя массы азіятскихъ и европейскихъ племенъ, какъ это указала уже, повидимому, китайская эмиграція. Невозможно наконецъ думать, чтобы проэктъ о желѣзной дорогѣ, играющій теперь большую роль въ Сѣверной Америкѣ, былъ только дѣломъ партіи, однимъ блестящимъ и живымъ обѣщаніемъ: есть интересы, которые не могутъ ни упасть, ни измѣниться отъ хода мелкихъ событій; время не уничтожаетъ, а только укрѣпляетъ ихъ. Разныя препятствія могутъ замедлить выполненіе этаго проэкта—коммерческіе перевороты, матеріальныя трудности, внутренняя борьба, внезапная остановка эмиграціи, обстоятельства внѣшней политики; но, во всякомъ случаѣ, нація, которая теперь уже имѣетъ виды на Сандвичевы острова, заключаетъ договоръ съ Японіей, строитъ черезъ Панаму желѣзную дорогу и пролагаетъ пути въ Никарагуа, — эта нація всегда будетъ желать континентальнаго сообщенія между двумя океанами. Проэктъ, исполненіе котораго должно отдать Америкѣ первенство на рынкахъ Азіи и всего Тихаго океана, никогда не останется въ полномъ забвеніи.

XIV томъ исторіи Тьера. Изъ всѣхъ періодовъ исторіи, какіе современный намъ человѣкъ можетъ изображать для вѣчнаго назиданія людей, нѣтъ ничего болѣе краснорѣчиваго, болѣе драматическаго и разнообразнаго по своимъ началамъ, какъ исторія шестидесяти послѣднихъ лѣтъ. Сама же эта исторія есть слѣдствіе цѣлой системы явленій. Чего будетъ недоставать въ этой животрепещущей лѣтописи: страшные общественные перевороты, сотрясенія внутреннія, кровавыя зрѣлища войны, борьба мыслителей, новыя стремленія въ литературѣ и въ искусствахъ, переходъ отъ однѣхъ крайностей къ другимъ,—все соединяется, все является, исчезаетъ и возрождается снова.

Кажется, въ этой исторіи извѣстное опредѣленное время предназначено господству всякихъ системъ.

Представляя драматическую картину судебъ наполеоновской имперіи, Тьеръ, въ четырнадцатомъ, нынѣ появившемся, томѣ своей исторіи, начерталъ картину трагическихъ бѣдствій Франціи. Этотъ томъ весь посвященъ кампаніи 1812 года. Въ предъидущемъ историкъ показалъ намъ Наполеона и французскую армію при переходѣ чрезъ Нѣманъ, нынѣ онъ ведетъ ихъ къ Вильнѣ.

Онъ описываетъ эти огромныя приготовленія, разоблачаетъ всѣ тайны этого исполинскаго предпріятія, для котораго необходимо было безпрерывное усиліе неутомимой во всѣхъ мелочахъ предусмотрительности, чтобы приготовить всѣ средства нашествія.

Дѣйствительно, кажется, Тьеръ знаетъ малѣйшія подробности. Онъ показываетъ намъ войска на привалѣ, показываетъ, какъ они получаютъ продовольствіе, знаетъ мѣсто каждаго въ роковой день битвы. Онъ пересчиталъ до послѣдняго не только французскихъ воиновъ, но и всѣхъ ихъ союзниковъ; пересчиталъ эти огромныя массы, непреложной волей двинутыя къ своему предназначенію. Со временъ великаго переселенія варваровъ, міръ никогда не видѣлъ подобнаго шествія, подобнаго движенія народовъ! Но вскорѣ равно грозныя массы двинутся въ противоположномъ направленіи.

Этотъ драматическій разсказъ производитъ поражающее впечатлѣніе. «Геній не оставилъ Наполеона — говоритъ Тьеръ, — удивляешься плодовитости его соображенія и его благоразумію. Это благоразуміе онъ доводитъ до крайности. И, однакожь, судьба не благопріятствовала его усиліямъ, потому что было тайное противорѣчіе между дерзостію предпріятія и благоразуміемъ исполненія. Всѣ дѣйствія войны должны были быть пагубны, потому что были основаны на ложныхъ политическихъ соображеніяхъ. Отчаянное предпріятіе совершалось методически, и роковымъ образомъ двигались отъ Витебска къ Смоленску, отъ Смоленска къ Вязьмѣ, отъ Вязьмы къ Москвѣ. Сраженія были нерѣшительны, мира нельзя было предвидѣть; русскіе отступали въ грозной массѣ, и мы вездѣ встрѣчали пустыню, пожаръ, а въ перспективѣ виднѣлось отступленіе, исполненное опасностей, или зима, потерянная въ бездѣйствіи, за 600 льё отъ Парижа. Страшно было положеніе человѣка, доселѣ непобѣдимаго, не знавшаго преградъ, въ прахъ обращавшаго противныя ему силы, когда онъ вдругъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ самымъ страшнымъ врагомъ—съ природой вещей, съ могуществомъ возставшихъ противъ него стихій, а главное, надо прибавить, съ неумолимымъ отчаяніемъ народа, затронутаго въ своей гордости. Все военное искусство русскихъ состояло въ твердости среди бѣдствія и въ умѣньи пользоваться всѣми естественными мѣстными условіями. Нельзя сказать положительно, по разсчету или по необходимости, они слѣдовали этой системѣ, которой результаты измѣнили судьбу міра! Ихъ тактика была проста: когда началось отступленіе Наполеона, они спѣшили пользоваться всѣми естественными препятствіями. Батальоны великой арміи отражали въ послѣдній разъ ихъ нападенія и сами падали подъ глыбами снѣгу. Сначала, до Березины, русскіе слѣдовали за этой арміей, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ столь прекрасной, а теперь представлявшей безпорядочную толпу. Къ довершенію бѣдствія, во время своего роковаго отступленія, Наполеонъ получилъ въ Дорогобужѣ извѣстіе о заговорѣ Мале, нечаянно вспыхнувшемъ въ Парижѣ и на нѣсколько часовъ парализовавшемъ всѣ высшія власти имперіи. Правда, что этотъ заговоръ не могъ быть удаченъ; но онъ разоблачилъ, что власть исполина, баловня счастія, не имѣла прочнаго основанія. Мале былъ фанатикъ; но этотъ фанатикъ, преслѣдуемый идеей, на которой помѣшался, открылъ наконецъ, что тамъ, гдѣ личность одного человѣка составляетъ все, нужно только устранить человѣка, и все измѣнится. Открывъ это, онъ принялся за дѣло, обманывая своихъ сообщниковъ, объявляя мнимую смерть Наполеона, поддѣлывая декретъ Сената, возстановляющій республику, арестуя министра полиціи и префекта. Если успѣхъ не увѣнчалъ, по крайней мѣрѣ, временно, его дерзкаго предпріятія, это, можетъ быть, потому, что Мале едва ли самъ вѣрилъ въ возможность успѣха. Въ особенности раздражало Наполеона то, что во время этой вспышки въ Парижѣ никто даже не вспомнилъ о его сынѣ, о его династіи. Если бы своимъ свѣтлымъ геніальнымъ взглядомъ онъ хотѣлъ вникнуть въ судьбы свои, онъ увидѣлъ бы, что бѣдствія, претерпѣнныя имъ въ Россіи, и этотъ заговоръ, захватившій его врасплохъ, имѣли много между собой общаго и зависѣли отъ одной причины: отъ характера его могущества и власти. Онъ увидѣлъ бы, что судьба самымъ страшнымъ образомъ наказала его за то, что онъ не хотѣлъ знать никакихъ предѣловъ своему честолюбію. Онъ увидѣлъ бы, что, сосредоточивая всю жизнь народа въ своемъ лицѣ, приводя все къ страдательному подчиненію, онъ создалъ столь искусственное положеніе, что когда нестанетъ властителя, ничего послѣ него не останется, и всѣ, по привычкѣ къ повиновенію, безпрекословно подчинятся другой власти.»

Итальянскій Историческій Архивъ (archivo storico). Итальянскіе ученые, имѣя въ главѣ своей г. Віёссё (Vieusseux) издаютъ во Флоренціи «Итальянскій Ученый Архивъ» (archivo storico). Теперь уже считается болѣе сорока томовъ этого изданія. Въ началѣ они ограничивались обнародованіемъ историческихъ документовъ, дополняя ихъ только необходимыми объясненіями и примѣчаніями. Въ настоящее время это изданіе приняло видъ ученаго журнала, обнародывающаго документы и содержащаго вмѣстѣ съ тѣмъ ученыя статьи высокаго достоинства. Появилось уже пять выпусковъ этого отдѣла. Въ нихъ находимъ замѣчательные труды Рёмона, Табарини, Галеотти и всѣхъ главныхъ издателей перваго отдѣла. Между прочимъ, узнаемъ, что итальянскій ученый г. Бонени, во Флоренціи, совершилъ весьма важный и достойный подражанія подвигъ, а именно: привелъ въ порядокъ государственные архивы. Въ пятидесяти-шести залахъ распредѣлены теперь всѣ сокровища, заключающіяся въ богатыхъ государственныхъ архивахъ Флоренціи, въ стройной, послѣдовательной системѣ. Документы раздѣлены по эпохамъ; документы каждой эпохи подраздѣлены согласно различнымъ отраслямъ управленія и администраціи.

Когда мы пересмотримъ сорокъ томовъ «Историческаго Архива», прошедшее воскресаетъ предъ нашими глазами, и вся Италія живо представляется намъ въ своемъ безконечномъ разнообразіи. Какое же чувство выносимъ послѣ изученія ея исторіи? Такое, какое выноситъ путешественникъ, осматривающій въ настоящее время всю Италію: чувство печали и удивленія къ ея прошедшему, чувство надежды и безпокойства за ея будущность. Сколько жизни, сколько благородныхъ порывовъ и силъ, напрасно растраченныхъ! Въ настоящее время, сколько стремленій, надеждъ! Погибнутъ ли они, или осуществятся? Амперъ, изъ статьи котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, во имя исторіи, во имя прошедшаго, обращается къ итальянцамъ: «идите впередъ, но твердо и благоразумно!»

Какія же губительныя начала открываемъ въ прошедшемъ Италіи? Это—раздоры внутренніе и недостатокъ самостоятельности, призываніе иностранцевъ на помощь противъ внутреннихъ враговъ.

Но возвратимся къ «Архиву». Каждый отдѣлъ его имѣетъ особаго издателя. Въ «Архивѣ» собраны матеріалы, касающіеся всей Италіи: такъ, напримѣръ, находимъ здѣсь «Исторію Флоренціи» Якова Питти, свидѣтеля роковыхъ событій 1529 года; отъ него узнаемъ, что кромѣ гвельфовъ и гибелиновъ были еще партія народная, «popolani», и партія умѣренная, или средняго сословія (фабрикантовъ и мастеровъ).

Издатель Каппони написалъ къ сочиненію Питти свои примѣчанія и дѣлаетъ въ нихъ такое заключеніе: «Вся жизнь Флоренціи была проникнута общиннымъ началомъ; скорѣе можно было подавить ее, чѣмъ внести другія начала, и потому, когда фамилія Медичи, посредствомъ иностранцевъ, утвердилась во Флоренціи, вся жизнь исчезла безвозвратно.»

«Перевороты города Сіенны, сдѣлавшейся изъ имперской французскою и изъ французской имперскою», изданы Милланези.

Изъ другихъ историческихъ памятниковъ, изданныхъ въ «Архивѣ», замѣтимъ болѣе интересные.

Бонени издалъ «Пизанскіе Статуты» (Statuti Pisani), которые были тѣмъ же, что были «pacta conventa» въ Польшѣ, и потому весьма любопытны. Онъ же издалъ «Исторію Пизы» Рончіони (Roncioni), въ которой разсказана вся вѣковая борьба Пизы и Генуи, потомъ Пизы и Флоренціи, и исторія графа Уголино Герардески.

Въ «Архивѣ» помѣщена также «Исторія Лукки», сочиненіе Томази, умершаго десять лѣтъ тому назадъ.

Весьма важны и многочисленны матеріалы для исторіи Папскихъ Владѣній, а именно «Перузанскія Лѣтописи». Въ нихъ представлена борьба городовъ съ папой.

Замѣчательный ученый Палермо издалъ документы, касающіеся исторіи Неаполя, и показалъ, какъ варварски владычествовали испанцы въ этой несчастной странѣ.

«Лѣтописи Миланскія» изданы подъ редакціей знаменитаго Канту.

Относительно Венеціи обнародовано также много документовъ. Важнѣйшее — это «Лѣтописи Венеціянскія», Малипіеро, со второй половины XV столѣтія.

Весьма любопытна «Секретная Исторія», сочиненіе Фоскарини, бывшаго дожемъ въ XVIII столѣтіи. Онъ разсказываетъ, какимъ образомъ испанцы заняли мѣсто австрійцевъ въ Неаполѣ.

Въ «Архивѣ» много замѣчательныхъ документовъ, относящихся къ исторіи папъ, въ особенности Сикста V, Павла IV и другихъ.

Въ предпослѣднихъ томахъ «Архива» помѣщенъ любопытный разсказъ о томъ, какъ «Нѣмцы изгнаны изъ Генуи въ 1746 году».

Но вотъ весьма полный отдѣлъ: собраны 532 документа, касающіеся исторіи Піемонта. Сначала этимъ отдѣломъ занимался маркизъ Санъ-Томазо, а послѣ его смерти Скарабелли.

Біографіи знаменитыхъ итальянцевъ занимаютъ два тома «Архива».

Отдѣлъ писемъ весьма любопытенъ: здѣсь находимъ переписку Монтекукули, Паоли, Савонаролы. Письма послѣдняго изданы священникомъ Марчезомъ. Сознаніе правоты своего дѣла поддерживало Савонаролу въ борьбѣ съ папскою властію, которой представителемъ тогда былъ Борджія.

Драгоцѣннымъ памятникомъ должна считаться поэма брата Бенедикта, изъ Флоренціи, ученика и лучшаго друга Савонаролы: «Кедръ Ливанскій». Авторъ разсказываетъ жизнь свою и жизнь своего учителя съ сердечнымъ умиленіемъ.

Весьма любопытны документы, касающіеся исторіи торговли и промышленности: такъ, напр., находимъ здѣсь привиллегію, данную венеціянцамъ въ 1201 году, Леономъ, королемъ Арменіи. Изъ нея видно, что они вели тамъ совершенно свободную торговлю.

Одинъ путешественникъ венеціянскій разсказываетъ намъ о торговлѣ португальцевъ въ Индіи.

Весьма важно письмо флорентинца Вераццано къ Франциску I, писанное въ 1524 году (до настоящаго времени оно не вполнѣ было извѣстно), въ которомъ онъ положительно утверждаетъ, что Коломбъ открылъ не восточную часть Азіи, а новую часть свѣта, которая болѣе Европы, Африки, а можетъ быть и Азіи.

Амари перевелъ и издалъ документы, относящіеся къ владычеству аравитянъ въ Сициліи.

Изъ ученыхъ статей въ «Архивѣ» и въ прибавленіяхъ мы упомянемъ: письмо Каппони къ его ученому другу Канеи «О лонгобардахъ въ Италіи». Каппони старается открыть происхожденіе общинъ итальянскихъ и вообще общинъ въ среднихъ вѣкахъ. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что вообще итальянскія общины чисто римскаго происхожденія. Впрочемъ, онъ соглашается, что лонгобарды, при появленіи своемъ въ Италіи, имѣли въ своемъ устройствѣ нѣчто подобное общинѣ. Канеи написалъ диссертацію «О вліяніи римскаго права на лонгобардское законодательство».

Гальвани издалъ обширный трудъ «О древней Италіи и объ исторіи языка латинскаго.»

Мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ публицистовъ объ Англіи, статья Вильмена.

Два сочиненія объ Англіи составляютъ предметъ этой статьи, а именно: «Англія въ XVIII вѣкѣ», Ремюза (l'Angleterre au dix-huitième siècle, par M. Rémusat) «Политическіе характеры», лорда Брума (Political characters, by Henry lord Brougham).

Вильменъ расточаетъ величайшія похвалы сочиненію лорда Брума и говоритъ: «Безъ сомнѣнія, человѣкъ, который, подобно Бруму, принималъ участіе въ дѣлахъ своего отечества, во всѣхъ малыхъ и значительныхъ преобразованіяхъ впродолженіе пятидесяти лѣтъ, безцѣнный свидѣтель и можетъ намъ вполнѣ начертать картину Англіи. Благодаря ему, можемъ мы познакомиться съ Фоксомъ и Питтомъ, которыхъ онъ слышалъ въ юности, и со всѣми знаменитыми съ тѣхъ поръ дѣятелями его отечества. Онъ намъ можетъ открыть тайны англійской политики. Любопытны его розысканія о настоящемъ авторѣ писемъ Юнія...» и т. д.

Сочиненіе Ремюза Вильменъ ставитъ наравнѣ съ «Письмами Вольтера объ англичанахъ» (lettres de Voltaire sur l'Anglais) и съ «Духомъ Законовъ (l'Esprit des Lois) Монтескьё. Французы—говоритъ Вильменъ—совершенно не знали Англіи въ XVIII столѣтіи, и разсматриваетъ сочиненія, наиболѣе способствовавшія сближенію двухъ народовъ.

Г-жа Сталь первая начала ближе и мастерски знакомить французовъ съ поэтами и ораторами англичанъ, съ домашней и внутренней жизнію ихъ.

Во времена Реставраціи, благодаря исторической и романтической школамъ, это знакомство продолжалось.

Вильменъ придаетъ великую важность въ этомъ отношеніи сочиненію объ Англіи швейцарскаго путешественника г. Симона, теперь уже забытому. Пятьнадцать лѣтъ продолжались путешествія, слѣдовали безпрерывно переводы поэтовъ, философовъ, ораторовъ, сборники англійскихъ учрежденій, картины нравовъ и т. д.

Важнѣйшее сочиненіе въ этомъ періодѣ знакомства съ Англіей — «Исторія Англійской Революціи» Гизо.

Ремюза съ раннихъ лѣтъ началъ заниматься изученіемъ Англіи.

Въ 1827 г. Серръ, будучи министромъ юстиціи, отправилъ его съ коммиссіей для изслѣдованія законовъ книгопечатанія въ Англіи. Первымъ трудомъ Ремюза былъ превосходный отчетъ о правахъ и обязанностяхъ суда присяжныхъ въ Англіи по дѣламъ о литературныхъ проступкахъ. Вильменъ указываетъ на прекрасныя произведенія Ремюза: «Болинброкъ, его жизнь и его время» и біографію Борка, помѣщенную въ Revue des Deux Mondes за 1853 годъ. Знакомство его съ Англіей началось, какъ мы уже сказали, въ 1827 году. Основная мысль Ремюза, «что общественныя учрежденія Англіи столь прочны, что они будутъ измѣняться постепенно, и что имъ не угрожаютъ перевороты, какъ во Франціи».

Вильменъ согласился съ мнѣніемъ Ремюза.

*Театръ и общественное мнѣніе во Франціи. 1636—1856 годъ. Ст. Густава Планша.*Ираншъ возстаетъ противъ драматической критики во Франціи, которая въ своихъ еженедѣльныхъ отчетахъ старается только забавлять публику, но не даетъ себѣ труда изучать основныя начала искусства и жизни и потому не производитъ никакого вліянія ни на публику, ни на драматическихъ писателей. «Драматическая критика должна возродиться, должна въ исторіи отъискать разумную причину всѣхъ проявленій драматическаго искусства во Франціи».

Планшъ находитъ, что въ XVII вѣкѣ театръ пользовался огромнымъ вліяніемъ во Франціи. Расинъ и въ особенности Корнель создавали идеальные, исполненные величія, принадлежащіе всѣмъ вѣкамъ и народамъ характеры, возвышали, облагороживали своихъ слушателей, увлекали ихъ за собою. Всѣмъ извѣстно вліяніе Мольера, и всѣ знаютъ, что надо было много имѣть любви къ истинѣ и твердости духа, чтобы открыто объявить войну всѣмъ Тартюфамъ. Планшъ старается открыть, какія философскія идеи наиболѣе имѣли вліянія на драматическихъ писателей XVII вѣка. По его мнѣнію, Корнель образовался подъ вліяніемъ «Méditations» Декарта, Расинъ—подъ вліяніемъ янсенистовъ, Мольеръ былъ приверженцемъ Гассенди.

Въ XVII столѣтіи драматическое искусство развивалось самостоятельно. Оно искало идеала отвлеченной истины. Въ XVIII столѣтіи, подчиняясь философскимъ идеямъ, оно положило себѣ цѣлію распространеніе и примѣненіе началъ, признаваемыхъ истинными, къ дѣйствительности, къ жизни.

Въ этомъ отношеніи «Заира» и «Магометъ», а также и «Свадьба Фигаро», имѣютъ значеніе, равное значенію сочиненій Монтескьё. Не менѣе важенъ «Le Pѐre de Famille» Дидро, хотя это больше диссертація, чѣмъ драматическое произведеніе.

«Несовершенныя въ художественномъ отношеніи, драматическія произведенія этого времени дѣйствовали на публику съ огромной силою, потому что они воплощали въ себѣ идею, общую всѣмъ, потому что представляли въ живыхъ формахъ чувства, воспламеняющія сердце. Итакъ, въ послѣднемъ столѣтіи, равно какъ и въ предпослѣднемъ, мы видимъ, что во Франціи духъ господствовалъ надъ дѣйствительностію, желали лучшаго, стремились къ идеалу; драматическая поэзія воспользовалась этимъ настроеніемъ умовъ, зрители и поэтъ жили одной и той же жизнію. Драматическое искусство было не безплоднымъ развлеченіемъ, но живымъ урокомъ: оно возвышало, увлекало и научало.»

О драматическомъ искусствѣ нынѣшняго столѣтія во Франціи Траншъ говоритъ: «Въ первое двадцатипятилѣтіе мы видимъ безплодное подражаніе; съ 1825 по 1848 годъ драматическіе писатели не создавали также ничего самостоятельнаго, не имѣли никакого вліянія на общество. Они увлекались фантазіей жизни. Современная комедія поставила, кажется, себѣ цѣлію только забавлять публику; она сдѣлалась фарсомъ. Драматическіе писатели должны постичь стремленія своей эпохи, должны знать ея желанія, ея надежды, ея страданія и мученія, представлять намъ жизнь, какова она есть и какова должна быть: тогда они исполнятъ свое высокое предназначеніе, будутъ жрецами искусства и произведутъ огромное, спасительное вліяніе на свою эпоху, на своихъ современниковъ.»

Траншъ полагаетъ, что эти надежды осуществятся.

Болѣзнь винограда и страшныя бѣдствія, ею причиненныя. Пайенъ (членъ Института) разсказываетъ, какимъ образомъ болѣзнь эта появилась въ Англіи, при искусственномъ воздѣлываніи винограда, какъ оттуда, въ 1847 году, перешла на материкъ и какія страшныя причинила бѣдствія.

Въ 1851 году она распространилась во Франціи, въ Алжирѣ, въ Испаніи, въ Сиріи, въ Малой Азіи, проникла въ Венгрію и въ Германію.

Несчастные воздѣлыватели винограда должны были оставить свои земли и цѣлыми толпами искать въ городахъ спасенія — работы и хлѣба.

Въ 1853 году болѣзнь проникла во внутренность Франціи. Все народонаселеніе Фронтиньяна должно было оставить свою родину.

Въ 1854 году бѣдствія увеличились: многіе виноградники въ южной Франціи совершенно опустѣли, и несчастные воздѣлыватели принуждены были бѣжать изъ пораженныхъ болѣзнію мѣстностей.

О размѣрѣ бѣдствій можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: во Франціи виноградники занимали слишкомъ два милліона гектаровъ и, среднимъ числомъ, производили ежегодно сорокъ-четыре милліона литровъ вина и болѣе одного милліона литровъ спирта; въ 1854 году они доставили только девять милліоновъ вина и 172 тысячи литровъ спирта.

Эти цифры слишкомъ краснорѣчивы.

Сколько семействъ, сколько округовъ остались безъ куска насущнаго хлѣба!

Несчастные воздѣлыватели — говоритъ Пайенъ — вздумали приписывать новѣйшимъ изобрѣтеніямъ, какъ-то: освѣщенію газомъ, желѣзнымъ дорогамъ и т. п., зараженіе воздуха и, вслѣдствіе того, болѣзнь винограда.

Страшная эта болѣзнь происходитъ вслѣдствіе распространенія паразитнаго растенія (oïdium fuckeni — родъ гриба), появляющагося на виноградной лозѣ. Такъ какъ болѣзнь появилась въ Англіи при искусственномъ воздѣлываніи и во Франціи впервые распространилась также въ оранжереяхъ около Парижа, то предлагали серьёзно запретить искусственное воздѣлываніе винограда.

Болѣзнь появилась въ Англіи при искусственномъ воздѣлываніи? Если бы французскія вина имѣли свободный доступъ въ Англію, вѣроятно, тамъ не воздѣлывали бы искусственнымъ образомъ винограда и болѣзнь, можетъ быть, не появилась бы.

Поливаніе виноградныхъ лозъ растворомъ сѣры представляетъ до сихъ поръ единственное предохранительное средство.

Открытіе внѣшней причины болѣзни, открытіе паразита, успокоило отчасти умы. Съ внѣшней причиной, съ паразитомъ, можно еще бороться. Но были минуты, когда преобладало мнѣніе, что виноградныя лозы или, по крайней мѣрѣ, нѣжнѣйшія, лучшія ихъ породы, поражены какимъ-то органическимъ недостаткомъ, вслѣдствіе котораго должны окончательно погибнуть, исчезнуть съ лица земли.

Сколько бы тогда милліоновъ людей осталось безъ способовъ пропитанія!

Въ 1854 году герои французскіе расточали милліоны, чтобы разрушить Севастополь, сожигали запасы нашего хлѣба, а ихъ братья воздѣлыватели винограда гибли голодной смертію!

Виноградники возродятся — говоритъ Пайенъ — когда же возродится человѣчество?

Сэръ Робертъ Пиль, статья Гизо.

Статья эта знакома читающей публикѣ по переводу, помѣщенному въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; мы приведемъ только слова Гизо, которыми онъ оканчиваетъ трудъ свой.

Г. Гизо говоритъ, «что имѣетъ вѣру въ будущее, видитъ и въ старой Англіи новыя начала, на которыхъ зиждется общественная жизнь».

Въ 1823 году по поводу вмѣшательства Франціи въ дѣла Испаніи Талейранъ сказалъ въ Палатѣ Перовъ: «кто теперь умнѣе Наполеона, умнѣе Вольтера? — міръ!»

То же самое говоритъ Гизо въ отношеніи къ Англіи: «Кто имѣетъ въ Англіи болѣе власти, чѣмъ король, болѣе власти, чѣмъ аристократія? — міръ! Итакъ, теперь начинается господство мірской власти.»

Самыя различныя стихіи входятъ въ составъ этой мірской власти: классы богатые и бѣдные, классы ученые и невѣжественные, фабриканты и ремесленники, консерваторы и провозвѣстники новыхъ идей,—даже сами аристократы, своими привычками и нравами отдѣлившіеся отъ своей касты, не терпящіе принужденія, не исполняющіе обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ происхожденіемъ.

«Эта мірская власть не управляетъ государствомъ, но господствуетъ надъ управленіемъ.»

Странная вещь, какъ измѣнились идеи самого Гизо!

Воспоминаніе Путешествія въ Дунайскія Княжества, Эмиля Пужада.

Г. Пужадъ прибылъ въ Княжества въ 1849 году и говоритъ, что изучилъ жизнь и общественныя отношенія этихъ любопытныхъ странъ. Но намъ кажется, что онъ изучилъ ихъ очень поверхностно. Для насъ статья его не можетъ служить авторитетомъ. Многіе наши офицеры, въ особенности Генеральнаго Штаба, проведшіе въ Княжествахъ зиму съ 53 на 54 годъ, гораздо основательнѣе и полнѣе изучили жизнь и отношенія этихъ странъ и могли бы намъ подарить статьи гораздо полнѣе и отновательнѣе составленныя. Говоря это, мы имѣемъ въ виду извѣстныхъ своей наблюдательностію и основательнымъ изученіемъ предмета дѣятелей, но, зная ихъ скромность, не смѣемъ называть по имени.

Статья Пужада написана съ большими претензіями и съ удивительной самоувѣренностію. Авторъ, проѣхавъ изъ Яссъ въ Бухарестъ да «позавтракавъ» въ Монастирѣ, однимъ почеркомъ пера разрѣшаетъ всѣ вопросы: даетъ свободу крестьянамъ, надѣляетъ изъ землей, опредѣляетъ вознагражденіе помѣщикамъ, обезпечиваетъ свободу книгопечатанія, предупреждаетъ злоупотребленія, вводитъ гласность въ судахъ, пресѣкаетъ взятки и т. д. Статьи, подобныя статьѣ Пужада, производятъ на насъ тяжелое и грустное впечатлѣніе.

Извините, г. Пужадъ! Спасительныя преобразованія не такъ легко вводятся, какъ вы предполагаете. Чтобы представлять проэкты, надо вполнѣ изучить предметъ; надо много страдать и любить, чтобы создать нѣчто цѣлое, гармоническое, соотвѣтствующее стремленіямъ и духу народа.

Мелкія извѣстія, почерпнутыя изъ «Revue Britannique и Athaeneum». «Revue Britannique» говоритъ, что первое мѣсто между вновь явившимися сочиненіями принадлежитъ безспорно XIV тому исторіи Тьера, что это лучшее его произведеніе, что онъ никогда не достигалъ такой высоты. Дальше узнаемъ, что Тьеръ окончилъ уже свое твореніе, что еще выйдетъ три тома, 17-ый уже написанъ, и теперь авторъ отправился въ Германію, повѣрить на мѣстѣ нѣкоторыя топографическія подробности. Издатель Тьера, Поленъ, объявляетъ, что 15-ый томъ явится въ половинѣ ноября. Ламартинъ продолжаетъ свой общенародный (familier) курсъ литературы. Вышли VII и VIII выпуски. Поленъ издалъ посмертныя творенія Ламне (Oeuvres posthumes—Discussions critiques et Pensées-diverses). Фаргъ издастъ вскорѣ «Корреспонденцію Ламне». Вторая часть исторіи Маколея издается во французскомъ переводѣ. Вышла также исторія Англіи Гуро. (Histoires des causes de la grandeur d'Angleterre depuis les origins jusqu'à la paix de 1763. Par Charles Gouraud.)

Годичныя засѣданія Британскаго Общества Распространенія Наукъ происходили въ нынѣшнемъ году въ Чельтенемѣ и продолжались семь дней. Общество раздѣлено на классы, подобно Французскому Институту.

Въ Бристолѣ происходило засѣданіе Общества Преобразованія Системы Заключенія Несовершеннолѣтнихъ Преступниковъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Стенли, по причинѣ отсутствія лорда Брума, обыкновеннаго предсѣдателя. Вотъ нѣкоторые статистическіе факты, приводимые въ рѣчи предсѣдателя. Въ 1853 году въ Англіи было 98,654 обвиненныхъ, — изъ этого числа 11,453 дѣтей, не достигшихъ семьнадцатилѣтняго возраста — одиннадцать процентовъ на сто. Число обвиненныхъ отъ 17 до 21 года составляло 25 на 100. Страшно подумать (заключаетъ лордъ Стенли), что молодые люди, въ самые прекрасные годы, совершаютъ у насъ четвертую часть преступленій, хотя они не составляютъ болѣе десятой части народонаселенія! Лордъ Стенли привелъ факты, доказывающіе, что недостатокъ воспитанія, безнравственность родителей имѣютъ великое вліяніе на преступныя дѣйствія дѣтей. Изо 100 человѣкъ, совершившихъ преступленія, 60 рождены отъ родителей преступныхъ, 30 отъ развратныхъ, только 10 отъ честныхъ и трудолюбивыхъ. Итакъ, на девять-десятыхъ преступниковъ отпечатлѣны слѣды родительскихъ преступленій!

Мистриссъ Стовъ (Stowe) написала новый романъ: Dred, a Tale of the great dismal swamp» («Дредъ, исторія большаго страшнаго болота»).

Знаменитый американскій писатель Эмерсонъ издалъ «Очерки Англіи» (English Traits).

«Атенеуму» не нравятся эти оба сочиненія; не знаемъ, что скажутъ о нихъ другіе журналы. Осеннія книжки англійскихъ Reviews еще не получены. Въ декабрьской или январьской книжкѣ «Современника» постараемся дать о нихъ отчетъ нашимъ читателямъ.

Любопытно знать, что скажутъ англичане о XIV томѣ исторіи Тьера; а еще любопытнѣе, что скажутъ они, когда выйдетъ XVII томъ— Ватерлооское сраженіе.

Извѣстно, что знаменитый докторъ Бартъ, путешествовавшій по внутренней Африкѣ, подъ покровительствомъ Лондонскаго Королевскаго Общества, возвратился въ Европу. Сочиненіе его, въ которомъ онъ сообщаетъ всѣ свѣдѣнія, съ такимъ трудомъ собранныя, печатается единовременно въ Англіи и въ Германіи. Риттеръ и Петерманъ помогаютъ автору своими знаніями и совѣтами. Въ англійскихъ Reviews, конечно, появятся любопытныя статьи по поводу этого сочиненія.

Статистика обогатилась двумя сочиненіями: «О потребленіи съѣстныхъ припасовъ» въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Первое написано Гюссономъ, второе Доддомъ («Les Consommations de Paris par M. Husson.— Dodd, the Food of London).

Вышли три тома новаго сочиненія Мишле, а именно: первый томъ «La Renaissance», второй «La Réforme», третій «Les guerres de Religion». Скоро появится 4 томъ: «Henri et Ligue»

Число подписчиковъ на общенародный курсъ литературы Ламартина въ самой Франціи превышаетъ уже 25,000. Въ Соединенныхъ Штатахъ образуются митинги, чтобы распространить подписку. Въ Бразиліи Ліонель де-Аленкаръ, редакторъ журнала «Diario», заказалъ альбомъ, въ который всѣ подписчики впишутъ имена свои, и который онъ намѣренъ поднести Ламартину. Братъ Аленкара отправился съ этимъ альбомомъ къ императору, прося принять участіе въ подпискѣ. Донъ-Педро схватилъ перо съ восторгомъ и написалъ слѣдующія слова: «Вѣка принадлежатъ тебѣ, міръ—твое отечество» (les siècles sont à toi, le monde est ta patrie). За подписью короля будутъ слѣдовать подписи министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, сенаторовъ, депутатовъ, дипломатовъ, знаменитыхъ иностранцевъ и проч. Не только въ Ріо-Жанейро, но и въ провинціяхъ Бразиліи подписка дѣятельно продолжается.

12 сентября настоящаго года умеръ въ Римѣ профессоръ Эмиль Браунъ, извѣстный археологъ. Нѣмецкіе журналы оплакиваютъ его потерю и обѣщаютъ дать намъ полную его біографію: тогда сообщимъ нашимъ читателямъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ОКТЯБРЬ 1856.

Читатели знаютъ изъ газетъ, что редакцію «Библіотеки для Чтенія» принялъ на себя г. Дружининъ, и, конечно, раздѣляютъ нашу увѣренность, что теперь русская литература будетъ имѣть однимъ хорошимъ журналомъ болѣе. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что новый редакторъ придастъ новую жизнь старшему изъ нашихъ литературныхъ журналовъ: въ томъ ручаются и извѣстныя достоинства г. Дружинина, какъ писателя, и независимое положеніе его въ литературномъ кругу, и общее уваженіе, которымъ онъ пользуется отъ всѣхъ своихъ собратовъ по литературѣ. «Современникъ» имѣлъ въ г. Дружининѣ одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ втеченіе всѣхъ десяти лѣтъ своего существованія, и мы должны при настоящемъ случаѣ выразить ему за то искреннюю признательность: справедливость требуетъ признать, что г. Дружинину нашъ журналъ обязанъ многимъ. Продолжительныя и тѣсныя отношенія «Современника» съ г. Дружининымъ увѣряютъ насъ, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе способны оживить и возвысить во мнѣніи публики журналъ. Его обширная начитанность, его близкое знакомство съ иностранными литературами, его тонкій вкусъ и вѣрный тактъ, его неутомимая дѣятельность, — качества, столь драгоцѣнныя и столь рѣдкія, — служатъ прочными ручательствами за то, что журналъ, имъ управляемый, пойдетъ по прекрасной дорогѣ. Многочисленныя литературныя связи г. Дружинина должны быть обезпеченіемъ за то, что отнынѣ у «Библіотеки для Чтенія» не будетъ недостатка въ матеріалахъ, достойныхъ вниманія и одобренія публики.

Программа, объясняющая, чѣмъ хочетъ и надѣется быть «Библіотека для Чтенія» подъ управленіемъ новаго редактора, написана съ тактомъ, который производитъ самое выгодное впечатлѣніе, и въ такомъ тонѣ, который внушаетъ довѣріе къ надеждамъ и обѣщаніямъ обновляющагося журнала. Журналъ не отказывается отъ своего прошедшаго, въ первомъ періодѣ котораго такъ много было блеска, но вполнѣ признаетъ необходимость принять существенныя измѣненія, сообразно настоящему развитію нашей литературы. «Новые дѣятели новаго литературнаго поколѣнія (говоритъ объявленіе), принимая на себя заботы о журналѣ, много лѣтъ считавшемся въ главѣ всѣхъ современныхъ ему русскихъ періодическихъ изданій, не могутъ держаться тѣхъ самыхъ основаній, на которыхъ «Библіотека для Чтенія» издавалась двадцать лѣтъ назадъ, въ періодъ наибольшаго своего успѣха. Воззрѣнія измѣнились съ тѣхъ поръ, просвѣщеніе много двинулось впередъ, журнальное дѣло приняло иной ходъ и иныя условія, самый взглядъ на литературу понесъ великія измѣненія: всѣ эти обстоятельства не могутъ не обусловливать собой воззрѣній новой редакціи. Совсѣмъ тѣмъ, всякій журналъ имѣетъ свое прошлое, съ которымъ никогда не слѣдуетъ разрывать литературной связи. Какъ ни измѣнились наши мнѣнія о дѣятельности «Библіотеки для Чтенія» въ первые годы ея основанія, мы вполнѣ сознаемъ, что журналъ имѣлъ полное право на успѣхъ, имѣлъ свою физіономію, о которой не забудетъ новая его редакція. «Библіотека для Чтенія» была журналомъ истинно независимымъ отъ всѣхъ литературныхъ партій, служила посредницей между русскимъ читателемъ и дѣятелями иностранныхъ словесностей и отличалась не только разнообразіемъ, но и общедоступностью статей, въ ней помѣщавшихся. Этихъ самыхъ основаній будетъ тщательно держаться новая редакція. Она озаботится полнотою всѣхъ отдѣловъ, обратитъ особенное вниманіе на нетронутыя еще сокровища старой и новой иностранной словесности и станетъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ журналѣ могла быть занимательною для каждаго читателя. Критическая часть изданія пріобрѣтетъ полную независимость, можетъ быть, даже смѣлость, исходящую изъ этой самой независимости. Отдѣляясь отъ всѣхъ литературныхъ партій, мы не ставимъ себя къ нимъ во враждебное отношеніе. Глубоко сочувствуя всякой дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія, мы не можемъ даже понять возможности мелкой полемики въ нашемъ журналѣ. Какъ бы смѣлы мы ни были въ нашихъ отзывахъ, намъ никогда не случится забыть, что мы споримъ не съ врагами, а съ литературными товарищами, по разнымъ дорогамъ идущими къ одной и той же общей цѣли.»

Нельзя не признать, что программа эта написана съ достоинствомъ и прямотою, съ умѣренностью и, вмѣстѣ, твердостью. «Библіотека для Чтенія» будетъ отнынѣ журналомъ съ самостоятельными мнѣніями, эти мнѣнія будутъ выражаться съ благородною смѣлостью, чуждою мелочной придирчивости, но столь же чуждою и робкой шаткости. Читатели, знающіе г. Дружинина, конечно, увѣрены въ томъ, что это и не можетъ быть иначе въ журналѣ, имъ управляемомъ. «Библіотека для Чтенія» не будетъ отголоскомъ того или другаго изъ остальныхъ нашихъ журналовъ, но не будетъ враждебна ни къ одному изъ добросовѣстныхъ мнѣній, хотя бы и не раздѣляла ихъ; даже на тѣхъ изъ сотоварищей по литературѣ, мнѣнія которыхъ должна будетъ опровергать для проведенія собственныхъ убѣжденій, она будетъ смотрѣть не какъ на враговъ, а какъ на товарищей по стремленію къ общей цѣли, при всей разности въ понятіяхъ о достиженіи этой цѣли, — словомъ, она хочетъ имѣть своимъ девизомъ «независимость и терпимость, твердость убѣжденій и доброжелательство». Какая программа можетъ быть лучше и благороднѣе? — А тонъ объявленія и имя новаго редактора, повторяемъ, ручаются за неуклонное исполненіе этой благородной программы.

Но какими же силами владѣетъ въ своихъ сотрудникахъ новая редакція «Библіотеки для Чтенія» для доставленія своему журналу живости и разнообразія, для обезпеченія его литературныхъ и ученыхъ достоинствъ? — Списокъ новыхъ участниковъ (*) пріобрѣтенныхъ журналу новою редакціею, даетъ на это отвѣтъ совершенно удовлетворительный. Тутъ мы видимъ имена, принадлежащія людямъ самихъ различныхъ литературныхъ партій — ручательство за то, что журналъ будетъ занимать среди ихъ независимое положеніе — и почти всѣ эти имена пользуются болѣе или менѣе выгодною извѣстностью — ручательство за то, что въ хорошихъ статьяхъ журналъ не будетъ имѣть недостатка.

Исчисливъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и объяснивъ важнѣйшія улучшенія, которыя вводитъ въ каждомъ новая отдѣлѣ журнала, редакція «Библіотеки для Чтенія» заключаетъ свою программу, обѣщая «дѣятельность честную и постоянную, и упорную», символомъ которой будетъ служить эпиграфъ всего изданія, взятый изъ Гёте: Ohne Hast, ohne Rast — «безъ отдыха, безъ торопливости». — Можно и должно вѣрить подобному обѣщанію такого писателя, какъ новый редакторъ «Библіотеки для Чтенія». Но онъ проситъ судить о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя даются «Библіотекѣ для Чтенія» его управленіемъ, не по однимъ только обѣщаніямъ въ будущемъ, но и по тѣмъ результатамъ, которые отчасти уже достигаются имъ въ настоящемъ. Послѣднія книжки «Библіотеки для Чтенія» за 1856 г., издаваемыя новою редакціею — говоритъ программа — «дадутъ пу-

---

(*) Оба редактора «Современника» почли своею обязанностью быть сотрудниками «Библіотеки для Чтенія», новый редакторъ которой пріобрѣлъ великое право на ихъ благодарность какъ прежнимъ своимъ постояннымъ и въ высшей степени полезнымъ сотрудничествомъ, такъ и тѣмъ, что остается и теперь, по прежнему, постояннымъ сотрудникомъ «Современника».

«бликѣ возможность судить какъ объ улучшеніяхъ по журналу, такъ «и о томъ литературномъ характерѣ, отъ котораго уже не будетъ «уклоняться «Библіотека для Чтенія».— По окончаніи года, мы выскажемъ общее впечатлѣніе, которое произведетъ на насъ обозрѣніе всѣхъ нумеровъ, изданныхъ новою редакціею, а теперь пока скажемъ, что первый изъ этихъ нумеровъ, октябрьская книжка «Библіотеки для Чтенія», свидѣтельствуетъ о дѣятельности новой редакціи выгоднымъ образомъ. Составъ книжки очень разнообразенъ, многія статьи живы и интересны. Статья редактора о великомъ реформаторѣ Пруссіи, другѣ Императора Александра I, баронѣ Штейнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ трехъ стихотвореній г. Некрасова, напечатанныхъ въ этомъ нумерѣ «Библіотеки», мы позволяемъ себѣ выписать здѣсь одно :

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Невеселая дорога....
Эй, садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь....
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку —
Такъ, учиться ты идешь.
Знаю, батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?... Такъ что жь!
Случай тоже ужь не новый:
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ....
Кто нибудь свезетъ въ Москву:
Будешь въ университетѣ,
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужь поприще широко —
Знай работай да не трусь....
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, святая Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ средь народа
Столько славныхъ черезъ край,

Столько славныхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой
Посреди тупыхъ, холодныхъ,
И напыщенныхъ собой.

Мы увѣрены, что въ слѣдующемъ году «Библіотека для Чтенія» будетъ имѣть въ публикѣ успѣхъ, заслуживаемый улучшеніями, какія сообщаются этому журналу новою его редакціею, и впередъ радуемся этому успѣху. Но не всѣ думаютъ, подобно намъ, что одинъ журналъ долженъ радоваться успѣхамъ другихъ. У иныхъ всякое улучшеніе въ чужомъ журналѣ возбуждаетъ чувство болѣзненнаго раздраженія, совершенно напраснаго. Вотъ, напримѣръ, едва только мы объявили, что со слѣдующаго года гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ помѣщать свои новыя произведенія исключительно въ нашемъ журналѣ, какъ одинъ изъ русскихъ журналовъ воскипѣлъ величайшимъ негодованіемъ и наполнился жолчными выходками противъ насъ и нашихъ сотрудниковъ. Эту роль угодно было принять на себя, къ сожалѣнію, «Отечественнымъ Запискамъ», — къ сожалѣнію, говоримъ мы, потому что, уважая прекрасное прошедшее этого журнала, мы не хотѣли бы видѣть, чтобы онъ измѣнялъ прежнему своему достоинству и становился въ положеніе, котораго никто не одобритъ.

Октябрьская книжка «Отечественныхъ Записокъ» посвящаетъ «Современнику» нѣсколько десятковъ страницъ. Походъ начинается длиннѣйшею филиппикою г. Галахова противъ одного изъ эпизодовъ статьи г. Лайбова о «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова»; предполагая, вѣроятно, большія достоинства въ этой филиппикѣ, «Отечественныя Записки» помѣстили ее въ отдѣлъ критики. Затѣмъ, въ «Литературныхъ и Журнальныхъ Замѣткахъ» слѣдуютъ выходки противъ шестой статьи «Очерковъ гоголевскаго періода», противъ объявленія о томъ, что господа Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ съ наступающаго года будутъ помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникѣ», и наконецъ вновь противъ статьи г. Лайбова. Словомъ, батареи гремятъ.... Причина этого грома ясна.

Но подумали ль «Отечественныя Записки» о томъ, какую роль онѣ принимаютъ на себя? Вѣдь онѣ становятся относительно «Современника» въ то самое положеніе, въ какомъ нѣкогда угодно было стоять «Сѣверной Пчелѣ» относительно «Отечественныхъ Записокъ». Объяснять ли свойство этой роли? Оно въ старые годы было прекрасно объясняемо «Отечественными Записками», когда онѣ подвергались добросовѣстнымъ нападеніямъ правдолюбивой газеты за то, что были журналомъ, не похожимъ на журналы, издававшіеся издателями «Сѣверной Пчелы». Напомнимъ «Отечественнымъ Запискамъ» ихъ прежнее благородное время, ихъ прежнія справедливыя и прекрасныя слова. Они совершенно прилагаются къ настоящему случаю; только—увы—то, что говорилось тогда «Отечественными Записками» о «Сѣверной Пчелѣ», могло быть сказано нынѣ «Современникомъ» объ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Сентябрь мѣсяцъ — время подписки на журналы, время крика и тревогъ въ извѣстной сторонѣ русской журналистики. Журнальцы или газеты, для которыхъ наука, искусство, литература — не болѣе, какъ слова, стоящія въ ихъ программахъ, ждутъ не дождутся этого блаженнаго времени. Цѣлый годъ чахнутъ они отъ недостатка пищи и только въ это время начинаютъ какъ будто оживать. Слышите ли, какъ они теперь начинаютъ разсказывать всевозможныя выдумки о журналахъ, которые, гордецы, и знать не хотятъ ихъ; какъ увѣряютъ, что тѣ журналы, суду которыхъ публика вѣритъ, и на которые подписывается, никуда не годятся... Словомъ, въ это время газеты воскресаютъ и начинаютъ заниматься тѣмъ, что на ихъ языкѣ называется *литературою* и что на обыкновенномъ языкѣ называется *сплетнями*. Это фактъ замѣчательный: на него непремѣнно долженъ обратить свое вниманіе будущій историкъ такъ называемой русской литературы, долженъ сообщить его всему образованному міру. «Русскіе журналы»—скажетъ онъ съ горькою улыбкою—«бо̀льшею частью спятъ впродолженіе года; они просыпаются только отъ сентября до декабря мѣсяца и, проснувшись, начинаютъ говорить о подписчикахъ, выдумывая другъ на друга разныя сплетни». За такое открытіе будущему историку скажетъ спасибо Европа, въ которой до сихъ поръ не бывало и нѣтъ еще ничего подобнаго. Кто не знаетъ, что вездѣ есть журнальные споры, вездѣ есть полемика, гдѣ только есть литература? Но эти споры имѣютъ источникомъ своимъ разнорѣчіе въ ученыхъ или литературныхъ убѣжденіяхъ двухъ сторонъ; отъ преній между этими сторонами выигрываетъ или наука, или общество; у насъ же, — извините, — дѣло идетъ о предметѣ гораздо интереснѣйшемъ — о числѣ подписчиковъ чужаго журнала, о чужихъ приходахъ и расходахъ...

«На этомъ поприщѣ съ честію и славою всегда подвизалась «Сѣверная Пчела» преимущественно передъ всѣми другими русскими журналами. Ежегодно пробуждается она въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому мы такъ же привыкли, какъ къ ежедневной смѣнѣ дня ночью, и, признаемся, начинали уже удивляться, что въ нынѣшнемъ году «Сѣверная Пчела» какъ будто измѣнила неизмѣнному закону своего существованія — молчала въ то время, какъ почти всѣ журналы объявили о подпискѣ на будущій годъ; мы уже безпокоились о здоровьѣ «Сѣверной Пчелы» и думали, что русская журналистика лишилась одного изъ своихъ родимыхъ пятнышекъ, такъ рѣзко обозначающихъ ея физіономію. Но опасенія наши исчезли съ появленіемъ 207 нумера (18 сентября) этой газеты. Нѣтъ, жива «Сѣверная Пчела»! опять воскресли ея объявленія о подпискѣ на журналы! 207 нумеръ ея обогащаетъ новымъ фактомъ разсказъ будущаго историка русской литературы, выясняя ему одну изъ самыхъ занимательныхъ торговыхъ и нравственныхъ сторонъ нашей журналистики.

«Всѣмъ извѣстны отношенія «Сѣверной Пчелы» къ «Отечественнымъ Запискамъ»; всѣмъ извѣстно, какъ еще до появленія первой ихъ книжки, «Сѣверная Пчела» въ 25 статьяхъ доказывала, что этотъ журналъ (еще не появившійся) никуда не годится и умретъ при самомъ своемъ началѣ. Извѣстно также, какъ оправдались эти предсказанія и какъ съ тѣхъ поръ «Сѣверная Пчела», всегда больная чужимъ здоровьемъ, преимущественно страдала и страдаетъ отъ цвѣтущаго здоровья «Отечественныхъ Записокъ». Впродолженіе трехъ лѣтъ она не переставала повторять, и прямо и косвенно, тѣ же самыя фразы, увѣщевая читателей, ради всего святаго, не подписываться на «Отечественныя Записки», дерзавшія такъ откровенно высказывать свое мнѣніе о ней самой и о сочиненіяхъ ея издателей. Но представьте же непокорство этой своенравной публики: она съ каждымъ годомъ, какъ бы на зло увѣщаніямъ «Сѣверной Пчелы», подписывалась на бóльшее число экземпляровъ «Отечественныхъ Записокъ» и наконецъ простерла дерзость свою и охоту читать этотъ журналъ до того, что «Отечественныя Записки» не только здраво и невредимо просуществовали три года, но объявили объ изданіи на четвертый годъ, да еще и съ новыми улучшеніями. («Отеч. Зап.», томъ XVIII, Библ. Хрон., стр. 63—64.)

Тутъ нужно только поставить на мѣсто «Отечественныхъ Записокъ» — «Современникъ», на мѣсто «Сѣверной Пчелы» — «Отечественныя Записки», на мѣсто «трехъ лѣтъ» и «объявленія на четвертый годъ» — «десять лѣтъ» и «объявленіе на одиннадцатый годъ», на мѣсто «сентябрь» — «октябрь», — всѣ остальныя подробности не нуждаются ни въ малѣйшихъ измѣненіяхъ, чтобы прямо примѣняться къ настоящему случаю.

Но подобными нападеніями тотъ ли достигается результатъ, который имѣется въ виду? Опять просимъ «Отечественныя Записки» припомнить, вредъ или пользу приносили имъ нападки «Сѣверной Пчелы». Въ былое время «Отечественныя Записки» хорошо понимали это. «Современникъ» пріобрѣлъ честь служить единственнымъ журналомъ, въ которомъ будутъ помѣщать свои произведенія четыре литератора, пользующіеся особенною любовью публики, — онъ гордится этою честью, онъ объявляетъ о томъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ читатели знали это, — что же дѣлаютъ «Отечественныя Записки»? начинаютъ шумно толковать о томъ самомъ, что такъ пріятно для «Современника». Спрашивается: во вредъ или въ пользу «Современнику» послужитъ шумъ, поднимаемый «Отечественными Записками?» Конечно, чѣмъ больше будутъ толковать о томъ, что гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ со слѣдующаго года помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ», тѣмъ бо́льшую услугу окажутъ нашему журналу. Бывало, точно такія же услуги оказывала «Сѣверная Пчела» «Отечественнымъ Запискамъ», и пусть «Отечественныя Записки» вспомнятъ, съ какимъ чувствомъ принимали онѣ ея хлопоты о распространеніи ихъ извѣстности. Вотъ подлинныя слова старыхъ «Отечественныхъ Записокъ» объ этомъ предметѣ. Каждая фраза, каждое слово этого прекраснаго замѣчанія вполнѣ и буквально примѣняются къ шуму, поднимаемому «Отечественными Записками» о нашемъ журналѣ:

«Вѣроятно, немногіе изъ читателей подозрѣваютъ истинныя отношенія «Сѣверной Пчелы» къ «Отечественнымъ Запискамъ»: бо́льшая часть убѣждена, что между обоими этими изданіями существуетъ вражда непримиримая, ненависть заклятая. Такъ и должно бы, казалось, заключать по наружности.... Но, милостивые государи, наружность обманчива, особенно наружность журнальныхъ перебранокъ, которыхъ настоящее значеніе можетъ быть объяснено только временемъ. Время мало по малу объяснило и отношенія наши къ «Сѣверной Пчелѣ»; скрывать долѣе истину опасно, ибо дальнѣйшая мистификація можетъ быть безполезною: читатели сами скоро будутъ въ состояніи обличить ее. Впрочемъ, прозорливѣйшіе изъ нихъ давно уже поняли, въ чемъ дѣло, и давали намъ это чувствовать: они видѣли, что «Сѣверная Пчела» всегда состояла *по особымъ порученіямъ* при «Отечественныхъ Запискахъ» съ самаго начала изданія этого журнала, и не только никогда не старалась вредить ему, но съ неутомимымъ усердіемъ распространяла его извѣстность до отдаленнѣйшихъ концовъ читающаго міра. Было бы неблагодарностью съ нашей стороны молчать объ услугахъ и не изъявить этой газетѣ признательности, — особенно теперь, когда мы уже пользуемся этими услугами пять лѣтъ.... Пять лѣтъ усердной службы — это, право, стòитъ награды, и вотъ, при окончаніи пятаго года изданія «Отечественныхъ Записокъ», долгомъ считаемъ принести «Сѣверной Пчелѣ» нашу искреннюю благодарность за все то, что сдѣлано ею втеченіе этого времени въ нашу пользу. А сдѣлано ею многое, и очень многое. Вспомните: прежде еще, нежели мы успѣли объявить о намѣреніи своемъ издавать журналъ, «Сѣверная Пчела» предварила объ этомъ публику нѣсколькими статьями безъ всякой съ нашей стороны просьбы и тѣмъ заинтересовала читателей увидѣть поскорѣе новый журналъ; послѣ появленія програмы, она неутомимо хлопотала о томъ, чтобъ всѣ узнали эту программу, и каждый день твердила о ней каждому изъ своихъ читателей; по выходѣ первой книжки журнала, она тотчасъ напечатала оглавленіе статей ея, съ разборомъ каждой изъ нихъ, и потомъ начала еженедѣльно и ежедневно толковать объ «Отечественныхъ Запискахъ», и только объ однѣхъ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ будто бы, кромѣ ихъ, не было въ Россіи ни одного журнала. Такое постоянное обращеніе къ одному и тому же изданію впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и цѣлыхъ годовъ постоянно заинтересовывало публику, возбуждало въ ней желаніе читать журналъ.... Словомъ, «Сѣверная Пчела» ни разу не измѣняла своей обязанности въ отношеніи къ «Отечественнымъ Запискамъ» и дѣлала въ пользу ихъ все, что только могла дѣлать. Бòльшаго мы и не имѣли права отъ нея требовать. Постоянно пять лѣтъ была она на стражѣ нашихъ интересовъ и служила на пользу нашу вѣрой и правдой, по крайнему своему разумѣнію. Умудренная многолѣтнимъ опытомъ, она знаетъ, какъ важно для всякаго журнала напоминать о немъ публикѣ въ то именно время, когда онъ объявляетъ подписку на слѣдующій годъ, когда онъ объясняетъ предполагаемыя имъ улучшенія; она понимаетъ, что чѣмъ бòльшее число читателей будетъ знать это, тѣмъ выгоднѣе для журнала, — и вотъ она усиливаетъ свою дѣятельность осенью и, по выходѣ объявленія о продолженіи «Отечественныхъ Записокъ», толкуетъ о нихъ ежедневно однажды навсегда принятымъ тономъ, хлопочетъ неутомимо о распространеніи подписки на этотъ журналъ... Спасибо, и еще разъ спасибо, доброй газетѣ! Такъ поступала она впродолженіе пяти лѣтъ, такъ поступаетъ до сихъ поръ и, мы увѣрены, не разсердится на насъ за откровенное объясненіе передъ публикою настоящихъ ея къ намъ отношеній. Мы, и безъ того уже, долго молчали о томъ; благодарность наша не въ силахъ долѣе скрываться, и мы рѣшились публично засвидѣтельствовать ее. Это, по нашему мнѣнію, нисколько не должно уменьшить, а, напротивъ, увеличить усердіе «Сѣверной Пчелы», которую мы убѣдительно просимъ и на этотъ разъ не прекращать своихъ напоминаній объ открывшейся теперь подпискѣ на изданіе нашего журнала въ 1844 году. Мы были бы въ отчаяніи, еслибъ «Сѣверная Пчела» *отложилась* отъ «Отечественныхъ Записокъ»: такой усердной помощницы не найти намъ.... Но нѣтъ! мы чувствуемъ, «Сѣверная Пчела» создана для услугъ «Отечественнымъ Запискамъ»; измѣнить этому назначенію — для нея значило бы умереть.... («Отечественныя Записки», томъ XXX, Смѣсь, стр. 118—120.)

Удивительна точность, съ какою всѣ обстоятельства борьбы «Сѣверной Пчелы» противъ «Отечественныхъ Записокъ» повторялись и повторяются въ борьбѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ нашего журнала. Все буквально сходно: какъ «Сѣверная Пчела», еще до появленія первой книги Отечественныхъ Записокъ», осыпала ихъ безцеремонными выходками, точно также, въ свою очередь, «Отечественныя Записки» еще до появленія первой книги «Современника» уже возставали противъ начинающагося журнала (*); какъ неутомимо хлопотала «Сѣверная Пчела» о распространеніи извѣстности «Отечественныхъ Записокъ» втеченіе пяти лѣтъ, такъ неутомимо «Отечественныя Записки» хлопочутъ уже десять лѣтъ о распространеніи извѣстности «Современника», и съ такою же пользою для нашего журнала. Вѣрная служба ихъ намъ вдвое продолжительнѣе, потому мы имѣемъ двойную обязанность выразить къ «Отечественнымъ Запискамъ» ту же самую благодарность, какую онѣ выражали нѣкогда «Сѣверной Пчелѣ»:

«Лестное вниманіе къ намъ со стороны «Сѣверной Пчелы» и вѣрная долговременная служба ея «Отечественнымъ Запискамъ» трогаютъ насъ до глубины души, и мы, въ концѣ года, обязанностію считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера этой газеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ «Отеч. Запискахъ». Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе «Сѣверной Пчелы» не ослабнетъ. («Отеч. Зап.» томъ XXXI, Смѣсь, стр. 128.)

Но — говорили въ старину «Отечественныя Записки», несмотря на всю свою глубокую признательность къ усердной служительницѣ —необходимо бывало иногда противорѣчить ей, потому что излишнее усердіе ея къ своему дѣлу вовлекало ее иногда въ ошибки, о которыхъ невозможно было молчать:

(*) Смотр. «Сѣв. Пчелу» за послѣднюю половину 1838 года и «Отеч. Зап.» за послѣднюю половину 1846 года.

«Но какъ ни умѣемъ мы чувствовать услугъ, намъ оказываемыхъ, однакожь, дорого цѣня истину, не можемъ иногда не поправлять ошибокъ, дѣлаемыхъ «Сѣверною Пчелою» въ статьяхъ объ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ усердіи своемъ къ нашимъ пользамъ, эта добрая помощница наша иногда говоритъ больше, нежели сколько требуетъ отъ нея ея обязанность, — а это можетъ вводить публику въ заблужденіе. Нашъ долгъ — останавливать такое слѣпое усердіе и вводить его въ надлежащія границы.»

Читатели знаютъ, что мы давно — съ начала нынѣшняго года, когда принуждены были посовѣтовать «Отечественнымъ Запискамъ» не продолжать удивительныхъ статей г. В. Б—ва о мнѣніяхъ «Современника» (въ чемъ «Отечественныя Записки» и послушались нашего совѣта) — не обнаруживали ни малѣйшей охоты разсуждать съ «Отечественными Записками», хотя этотъ журналъ рѣшительно въ каждомъ нумерѣ дѣлалъ нѣсколько прямыхъ или косвенныхъ выходокъ противъ нашего журнала (какъ нѣкогда «Сѣверная Пчела» противъ «Отечественныхъ Записокъ). Читатели повѣрятъ намъ, что мы не чувствуемъ особеннаго расположенія къ тому и въ настоящее время. Точно таково было нѣкогда расположеніе «Отечественныхъ Записокъ» относительно отвѣтовъ на выходки «Сѣверной Пчелы».

«Если мы когда либо доходили до какихъ нибудь объясненій (съ ратниками «Сѣв. Пчелы), то не иначе, какъ отвѣчая на ихъ выходки и придирки. И вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ «Отеч. Запискахъ» совсѣмъ не появлялось такого рода объясненій, изъ чего, однакожь, отнюдь не должно заключать, чтобъ имъ не на что и некому было отвѣчать, но что онѣ не хотѣли только обращать вниманія на немощныя усилія своихъ почтенныхъ доброжелателей. Подобная умѣренность только еще болѣе раздражала ихъ, и они съ большею настойчивостію напрашиваются на наше благосклонное вниманіе. Что дѣлать? Надо навремя отложить гордость въ сторону: въ журналѣ, какъ и въ обществѣ, не всегда можно говорить только съ тѣми, чье собесѣдничество сообразно съ вашимъ достоинствомъ, но и съ тѣми, которые не перестаютъ заговаривать съ вами, по неумѣнію растолковать вашего молчанія. Пусть будетъ такъ: tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin!.. («Отеч. Зап.», т. XXXVI, Смѣсь, стр. 108.)

Все это теперь буквально примѣняется нами къ «Отечественнымъ Запискамъ», и въ особенности слова: «Tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin». Мы вовсе не хотѣли бы говорить, но «Отечественныя Записки» напрашиваются на отвѣтъ. Пусть онѣ толковали бы, что «Современникъ» плохой журналъ, что его не стóитъ читать, не стóитъ на него подписываться, — мы молчали бы, какъ молчали до сихъ поръ и какъ теперь не считаемъ нужнымъ отвѣчать на выходки «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Очерковъ гоголевскаго періода».

«Очерки гоголевскаго періода не подписаны фамиліею автора, стало быть, только редакція «Современника» могла бы оскорбляться не совсѣмъ деликатными выраженіями «Отечественныхъ Записокъ» объ этихъ статьяхъ,—а редакція «Современника» не можетъ огорчаться упреками журнала, забывающаго о приличіи, особенно, когда знаетъ причину его гнѣва (объясненную выше, при помощи старыхъ отвѣтовъ «Отечественныхъ Записокъ»). О насъ пусть говорятъ «Отечественныя Записки» все, что имъ угодно; но «Отечественныя Записки» касаются не только насъ, но и сотрудниковъ, нами уважаемыхъ. Этого мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Tu l'as voulu, George Dandin.

Нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ публикою литераторовъ согласилась и обѣщались помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникѣ». Этою честью «Современникъ» долженъ гордиться: какъ ни толкуйте фактъ, съ какой стороны ни смотрите на него, ничего вы въ немъ не найдете такого, что можно было бы осудить. Въ иностранныхъ литературахъ мы найдемъ тому множество примѣровъ. Изъ англичанъ, Маколей писалъ исключительно для «Edinburgh Rewiew», Диккенсъ для «Daily News», Теккерей для «Punch'a»; изъ французовъ, Жоржъ Сандъ исключительно для «Revue des deux Mondes»; изъ нѣмцевъ, Гейне исключительно для «Allgemeine Zeitung». Кажется, пять названныхъ нами писателей составляютъ цвѣтъ европейской современной литературы, — кажется, нѣтъ изъ новыхъ писателей во Франціи, Англіи, Германіи еще никого, кто могъ бы быть поставленъ на ряду съ ними, какъ по первокласному таланту, такъ и по чистотѣ своихъ литературныхъ отношеній. Кажется, ясно: всѣ знаменитости европейской литературы дѣлали то же самое, что теперь намѣрены дѣлать гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ, т. е. входили съ однимъ изъ періодическихъ изданій своей родины въ соглашеніе такого содержанія, чтобы быть сотрудниками исключительно этого журнала. И что тутъ страннаго? Это необходимо вытекаетъ изъ самой сущности ихъ положенія въ литературѣ. Почему, напримѣръ, Теккерей писалъ исключительно въ журналѣ «Punch»? между прочимъ, потому, что объявленіе о своемъ исключительномъ участіи въ этой газетѣ было для него вѣрнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ докучливости какого нибудь «Blackwood's Magazine», издатель котораго не давалъ ему ни минуты свободнаго отдыха неотступными просьбами объ осчастливленіи «Blackwood's Magazin'a» помѣщеніемъ своего разсказа, между тѣмъ, какъ Теккерей не питалъ особенной симпатіи къ «Blackwood's Magazin'у». Ясно ли, что Теккерею уже по одной этой причинѣ было необходимо сдѣлаться сотрудникомъ исключительно «Punch'а»? — вѣдь каждый человѣкъ, писатель или неписатель, долженъ принимать мѣры для отвращенія отъ себя неотступныхъ просьбъ, нимало не пріятныхъ. Конечно, издатель «Blackwood's Magazin'а» чувствовалъ досаду на Теккерея за то, что этотъ знаменитый писатель избралъ не его журналъ, а другое періодическое изданіе для помѣщенія своихъ трудовъ; но у Теккерея были на то очень основательныя причины. Во первыхъ, «Blackwood's Magazine», нѣкогда пользовавшійся уваженіемъ публики, потерялъ это уваженіе чрезъ то, что сталъ помѣщать слишкомъ много дурныхъ статей: что за охота Теккерею являться передъ публикою въ обществѣ какого нибудь бездарнаго Броуна или обскуранта Блека, наполняющихъ нынѣ своими издѣліями «Blackwood's Magazine»? Были и другія причины, отвращавшія Теккерея отъ «Blackwood's Magazin'а» и привлекавшія его къ участію въ «Punch'ѣ». У Теккерея есть друзья — эти друзья помѣщаютъ свои произведенія въ «Punch'ѣ», и ихъ (людей талантливыхъ) безпощадно бранитъ и чернитъ «Blackwood's Magazine», выходя, при этомъ, за границы всякаго литературнаго приличія и восхваляя различныхъ бездарныхъ своихъ сотрудниковъ. Скажите, что за удовольствіе Теккерею печатать свои произведенія въ журналѣ, который вовсе не литературнымъ образомъ бранитъ его друзей, талантливыхъ писателей, пользующихся уваженіемъ каждаго порядочнаго человѣка въ Англіи? Были и другія причины, столь же уважительныя. Напримѣръ, Теккерей, какъ извѣстно, другъ просвѣщенія, Punch защитникъ просвѣщенія, а Blackwood's Magazine иногда сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, самъ не понимая того, но все-таки грѣшитъ противъ просвѣщенія. Словомъ сказать, когда Blackwood's Magazine началъ возставать противъ Теккерея за то, что этотъ писатель не помѣщаетъ своихъ прекрасныхъ разсказовъ въ его журналѣ, то вся публика приняла сторону Теккерея, и «Blackwood's Magazine» скоро увидѣлъ, что лучше ему, «Blackwood's Magazin'у», молчать объ этомъ дѣлѣ. Этимъ, впрочемъ, исторія не кончилась: издатель «Blackwood's Magazin'а» человѣкъ опытный въ литературно-коммерческихъ дѣлахъ, хотя иногда увлекающійся своими гнѣвными чувствами, но человѣкъ разсудительный. Онъ знаетъ, что журналу всего болѣе вредитъ то, когда онъ рѣшается чернить писателей, уважаемыхъ и любимыхъ публикою, особенно, если публика догадывается, по какимъ соображеніямъ это происходитъ. Онъ понялъ, что за выходки противъ

Теккерея публика лишитъ своего послѣдняго довѣрія «Blackwood's Magazine», что онъ, «Blackwood's Magazine», сдѣлалъ страшно невыгодную для себя ошибку, обнаруживъ свою досаду на Теккерея, что единственное средство исправить свой неловкій промахъ и заставить публику забыть оскорбленія, несправедливо нанесенныя ея любимому писателю, это начать скрѣпя сердце превозносить Теккерея больше, нежели когда нибудь, —и черезъ годъ послѣ раздраженныхъ выходокъ «Blackwood's Magazine» обратился въ ревностнѣйшаго поклонника прекрасныхъ произведеній Теккерея. Поступая такимъ образомъ, издатель «Blackwood's Magazine» доказалъ, что онъ человѣкъ съ тактомъ: въ самомъ дѣлѣ, только люди, лишенные такта, не удерживаются отъ выраженій своей досады тогда, когда эта досада можетъ повредить имъ самимъ въ общемъ мнѣніи.

Въ русской литературѣ также часто бывали примѣры, подобные тому, о которомъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, когда основалась «Библіотека для Чтенія», многіе изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ (въ томъ числѣ Пушкинъ) обѣщали свое сотрудничество исключительно этому журналу, и никто не могъ видѣть въ томъ ничего, кромѣ хорошаго. Но самые многочисленные примѣры исключительнаго сотрудничества въ одномъ журналѣ представляетъ исторія «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, о которомъ мы всегда вспоминаемъ съ величайшимъ уваженіемъ. Кто имѣлъ право негодовать на Лермонтова за то, что онъ помѣщалъ свои произведенія исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Напротивъ, это исключительное сотрудничество Лермонтова приносило честь какъ великому поэту, такъ и г. Краевскому, редактору «Отечественныхъ Записокъ». «Если такой писатель, «какъ Лермонтовъ (думала публика, и думала справедливо) на столь«ко уважаетъ журналъ г. Краевскаго, что хочетъ имѣть дѣло ис«ключительно съ нимъ, это самымъ выгоднымъ образомъ свидѣ«тельствуетъ въ пользу г. Краевскаго. Съ другой стороны, о ха«рактерѣ Лермонтова свидѣтельствуетъ самымъ выгоднымъ обра«зомъ то обстоятельство, что онъ печатаетъ свои произведенія въ «журналѣ г. Краевскаго, котораго уважаетъ, и не соглашается пе«чатать ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Точно также исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатали свои произведенія другіе лучшіе наши литераторы тогдашняго времени, и «Отечественныя Записки», быть можетъ, согласятся, что въ такомъ обстоятельствѣ не было ничего предосудительнаго для литераторовъ, желавшихъ быть исключительно сотрудниками этого журнала.

Довольно ли убѣдительны для «Отечественныхъ Записокъ» эти примѣры и объясненія? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что онѣ становятся въ самое невыгодное положеніе, обнаруживая несправедливую досаду на писателей, согласившихся помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ»? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что на фактъ, столь простой и натуральный, защищаемый примѣромъ всѣхъ знаменитостей европейской литературы и исторіею самихъ «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, невозможно нападать безъ того, чтобы нападающій не уронилъ себя въ общемъ мнѣніи?

Мы вовсе не имѣемъ охоты продолжать этихъ объясненій, какъ не имѣли охоты и начинать ихъ (по тѣмъ самымъ чувствамъ, которыя нѣкогда прекрасно были выражаемы «Отечественными Записками» относительно «Сѣверной Пчелы»). Мы предоставляемъ «Отечественнымъ Запискамъ» полнѣйшую свободу говорить что угодно о насъ самихъ. Но одного мы не позволимъ дѣлать безнаказанно: бросать неблагопріятную тѣнь на тѣхъ писателей, которые дѣлаютъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній. Тутъ мы на каждый кривой намекъ будемъ отвѣчать фактомъ, на каждое объясненіе — разъясненіемъ дѣла, и не уступимъ ни шагу. Надѣемся, положеніе дѣла таково, что общее мнѣніе будетъ на нашей сторонѣ, какъ было оно нѣкогда на сторонѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Сѣверной Пчелы».

Приводимъ выходку «Отечественныхъ Записокъ» противъ писателей, которые обѣщались помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ». Пусть судитъ читатель, много ли въ ней остроумія и правды.

«Русскій языкъ удивительно богатъ. Давно извѣстно, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ превосходныя качества другихъ языковъ, что на немъ можно выражать мысли о какихъ угодно предметахъ, начиная съ самыхъ возвышенныхъ и оканчивая самыми низкими. Даже знаменитые стихи Пушкина, что

. . . гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ,

кажутся теперь анахронизмомъ. Въ русскомъ языкѣ — этомъ неисчерпаемомъ сокровищѣ всевозможныхъ словъ и оборотовъ, легко отъищутся точныя реченія для замѣны реченій иностранныхъ, которыхъ у насъ такъ много и которыя, собственно говоря, нѣтъ надобности и переводить, потому что они понятны всѣмъ, мало-мальски грамотнымъ людямъ.

«Новѣйшее, если не послѣднее, доказательство неистощимаго богатства нашего языка мы видимъ въ объявленіи «Объ изданіи Современника въ 1857 году» («Московскія Вѣдомости», № 114). Въ немъ, между прочимъ, сказано:

«Взаимный обмѣнъ мыслей, здѣсь (въ «Объявленіи») изложенныхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ *обязательное соглашеніе* между редакціею «Современника» и нѣсколькими литераторами....»

«*Обязательное соглашеніе!*... да что жь это иное, какъ не контрактъ? Двумя русскими словами замѣнено здѣсь одно иностранное, и не только замѣнено, но и опредѣлено въ точности. Можно было, пожалуй, распространить это опредѣленіе, какъ и распространяютъ его французы, говоря, что контрактъ — c'est une convention par laquelle une partie s'engage à faire ou ne pas faire quelque chose, ou plus spécialement l'acte même qui forme la preuve littérale de l'engagement contracté; но какая въ томъ надобность? Французы, по бѣдности языка своего, принуждены bon gré mal gré пускаться въ длинныя объясненія и перифразы. Богатый языкъ нашъ не имѣетъ въ томъ никакой надобности: онъ гордо произноситъ: *обязательное соглашеніе*! и каждый понимаетъ, что это значитъ, хотя бы подлѣ этихъ словъ и не стояло въ скобкахъ слово *контрактъ*.

Какая милая свѣтскость въ этихъ французскихъ фразахъ! «Отечественныя Записки» могутъ вспомнить, каковы были ихъ сужденія о подобныхъ остротахъ «Листка для Свѣтскихъ Людей»: этотъ несчастный журналецъ, на который нѣкогда съ такимъ справедливымъ состраданіемъ смотрѣли «Отечественныя Зап.», писался совершенно такимъ же языкомъ, и достоинство его юмора было совершенно таково же, какъ въ строкахъ, которыми начинается филиппика противъ «обязательнаго соглашенія». Попробуемъ объяснить «Отечественнымъ Запискамъ», въ чемъ онѣ ошиблись, увлекшись несправедливою досадою.

Итакъ (продолжаютъ «Отечес. Зап.»), «заключенъ контрактъ «между нѣсколькими литераторами и редакторами «Современника» — это что-то неслыханное въ нашей литературѣ.» Если бы и дѣйствительно это было дѣло неслыханное, изъ того не слѣдуетъ еще, что это дѣло дурное, а только то, что это дѣло новое. Первая желѣзная дорога, первая печатная книга — все это были дѣла неслыханныя до того времени, и, однако же, дѣла очень хорошія. Но дѣйствительно ли взаимныя обязательства между литераторами и журналистами новость въ нашей литературѣ? Каждому извѣстно, что вовсе не новость. Журналу всегда необходимо сотрудничество нѣсколькихъ лицъ; журналъ всегда бываетъ дѣломъ общаго труда, а общій трудъ невозможенъ безъ взаимныхъ обязательствъ между лицами, его раздѣляющими. Кажется, все это просто и неоспоримо? Кажется, все это по собственному опыту извѣстно каждому русскому литератору или журналисту съ того времени, какъ существуютъ у насъ порядочные журналы. А кому неизвѣстно, можетъ узнать хотя бы изъ біографіи Пушкина, приложенной къ новому его изданію. Чему же дивятся «Отечественныя Записки», если нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ вступили съ «Современникомъ» въ такія отношенія, въ какія вступалъ Пушкинъ съ однимъ изъ тогдашнихъ журналовъ? Мы нѣсколько разъ перечитывали статейку «Отечественныхъ Записокъ» и никакъ не могли найти въ ней яснаго выраженія относительно предмета ихъ удивленія и жалобы. Все ограничивается какими-то смутными возгласами. Мы не удивляемся этой темнотѣ: кто чувствуетъ, что жалоба его неосновательна, досада несправедлива, всегда старается запутать и затемнить дѣло; но кто не смѣетъ ясно выражать своей жалобы (чувствуя, что она неосновательна), долженъ быть не слишкомъ щедръ на упреки другимъ, особенно, когда эти другіе заслужили общее уваженіе. Кто не только безъ всякаго права оскорбляетъ темными намеками людей, уважаемыхъ обществомъ не только за ихъ талантъ, но и за высокую безукоризненность ихъ душевнаго благородства, тотъ подвергаетъ себя опасности показаться обществу человѣкомъ другаго рода.

Клевета пятнаетъ въ общемъ мнѣніи не того, на кого клевещутъ, а того, кто клевещетъ.

Предоставляемъ нравственному чувству читателей судить о слѣдующихъ выраженіяхъ «Отеч. Записокъ»:

> Къ литератору преимущественно относится строгій приказъ русской пословицы: «давши слово — держись». Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, обязанъ быть рабомъ своему слову. Онъ дотого ему крѣпокъ, что въ другой крѣпости или въ другомъ рабствѣ не видитъ ни малѣйшей нужды. Давая слово, онъ вмѣстѣ съ нимъ кладетъ и честь свою, потому что на каждое свое слово смотритъ, какъ на «parole d'honneur». Поэтому «обязательное соглашеніе», въ отношеніи къ литераторамъ — странный плеоназмъ, бросающій грустную тѣнь на обѣ обязывающіяся стороны. Развѣ соглашеніе или согласіе, произнесенное просто-на-просто голосомъ, то есть выраженное изустно, не есть своего рода обязательство? Чѣмъ же другимъ можетъ быть оно въ благородномъ званіи литератора?

Пропускаемъ остроумную тираду о дружбѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, которые не обязывали другъ друга никакими контрактами—юморъ этой тирады столь же хорошъ, какъ и начало статейки — но смыслъ ея непостижимъ здравому уму,—и читаемъ далѣе:

> Предки наши, не знавшіе ни иностраннаго слова «контрактъ», ни перевода его на русскій языкъ «обязательное соглашеніе», говорили коротко и ясно: «кто измѣнитъ своему слову, тому да будетъ стыдно». Отчего мы не подражаемъ ихъ достохвальному примѣру? Неуже-

ли оттого, что — страшно даже вымолвить — мы потеряли стыдъ? — Или почтенная краска древняго стыда замѣнилась у насъ невозмутимостью духа новѣйшей снисходительности, которая избрала своимъ девизомъ названіе комедіи Островскаго: «Свои люди — сочтемся!»

Просимъ «Отеч. Записки» вспомнить, о какихъ людяхъ онѣ говорятъ подобныя вещи; просимъ этотъ журналъ подумать о томъ, сообразно ли съ здравымъ смысломъ предполагать, что каждый порядочный человѣкъ въ грамотной Россіи не пріиметъ, какъ личное оскорбленіе себѣ, оскорбленіе, наносимое писателямъ, которыми гордится русская литература?

Мы говоримъ прямо:

«Отеч. Записки» поступили неблагоразумно, давъ свободный разгулъ досадѣ, возбужденной въ нихъ тѣмъ, что онѣ лишились надежды имѣть своими сотрудниками гг. Григоровича, Островскаго, Толстаго и Тургенева.

На темные намеки мы отвѣчаемъ указаніемъ фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ.

Если «Отеч. Записки» будутъ продолжать свою неблагоразумную тактику, мы не отступимъ ни передъ какими объясненіями; на каждый намекъ мы будемъ отвѣчать фактомъ — факты всѣ говорятъ въ пользу писателей, неблагоразумно оскорбляемыхъ «Отечеств. Записками», и если этотъ журналъ заставитъ насъ сдѣлать эти факты извѣстными публикѣ, то это обнародованіе не доставитъ особенной радости «Отечественнымъ Запискамъ». Мы совѣтовали бы не подавать къ тому новаго случая. Пусть припомнятъ «Отечественныя Записки», какой ударъ нанесли онѣ себѣ въ 1846 году, неосторожно поднявъ шумъ о дѣлѣ, вовсе для нихъ невыгодномъ. Этотъ случай несомнѣнно повторится, если «Отеч. Записки» будутъ и въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствовать такъ же неблагоразумно, какъ тогда.

Повторяемъ. Мы не желали начинать этихъ объясненій и не желаемъ продолжать ихъ. Но мы не позволимъ безнаказанно оскорблять писателей, дѣлающихъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній....

Вражда «Отечественныхъ Записокъ къ «Современнику» вводитъ ихъ въ ошибки, пагубныя для нихъ. Новое подтвержденіе тому представляетъ помѣщенная въ октябрьской книжкѣ статья г. Галахова «Были и Небылицы», направленная противъ изслѣдованія г. Лайбова «О Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» («Современникъ» 1856 г., № VIII).

Не можемъ оставить безъ отвѣта этой страшно длинной выходки. Того требуетъ правило, высказанное нами выше.

Статья г. Галахова имѣетъ ученую наружность: она снабжена 153 цитатами, преимущественно изъ смирдинскаго изданія «Сочиненій Императрицы Екатерины II», и «Сочиненій Державина».

Г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, которыхъ цѣль — «доказать односторонность или невѣрность выводовъ, заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова въ «Современникѣ» и относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» Императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстность, какъ между учащимися — своею хрестоматіею и разными статьями, такъ между учеными — признаніемъ, что въ составленіи своей хрестоматіи онъ руководствовался «Чтеніями о Словесности» г. Давыдова. (См. «От. Зап.» 1843 г., № 7.)

Г. Галаховъ прежде всего выбралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣскольку строкъ, съ шести страницъ, оставивъ въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. (Методъ, за употребленіе котораго всегда хвалили «Отеч. Записки» добросовѣстныхъ своихъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы».) Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что Императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые Императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣдуютъ 10 страницъ о стараніяхъ Императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣріи и тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ Фонъ-Визина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, и изъ всего разсужденія выводится, что «Были и Небылицы» истинная характеристика тогдашняго общества и что на нихъ можно смотрѣть, какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II *до* и *послѣ* 1783 г...

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій Императрицы, изъ Наказа, изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣріе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* замѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ его уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтренными мельницами. Пріемъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ еслибы мы, стараясь доказать, что, напр., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Дантѣ, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр. и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Ганца Кюхельгартена» и «Италію,» — тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галахова разсуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ, мы видимъ много невѣрнаго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣлъ на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову*. Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемоніи—*безсмысленными* («От. Зап.» 1856 г., № 10, Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что Императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что Ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки Ея считались по своей важности и серьёзности равными «Наказу». Слава Ея не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на Ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь выказывала Она сама. Если бы Ея произведенія были дурны, и тогда Она бы потребовала, чтобы Ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе могла бы Она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему Она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи, — и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенныя Имъ, должны непремѣнно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно также *отдыхомъ* для Екатерины, какъ для Петра — точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и, если это литературное произведеніе, что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ»? Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлены въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, Императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣритъ разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки и изъ этого будто бы выводитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражаетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ, какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выписаны слова: «и это не иронія», и пр., а въ подлинникѣ они относятся совсѣмъ не къ тому. Въ подлинникѣ сказано, что когда кто-то въ письмѣ просилъ автора «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ, что перемытаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № 8, стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно, что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьёзное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современника») все писано какъ бы импровизацiей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое.

Точно также опрометчиво поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей выпискѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предъидущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ и проч. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что бо́льшая часть этихъ описаній характеровъ, съ ихъ намеками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго въ мимолетныхъ, случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и какъ нельзя лучше соглашается съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьёзной сатиры, а были просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и, между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьёзныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочитавъ выписку, думаешь, что г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, а, между тѣмъ, гордо обѣщался опровергнуть выводы, представленные имъ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Возстаетъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаются въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія Императрицы, явившіяся и прежде и послѣ «Былей и Небылицъ», и Ея правительственные уставы и учрежденія, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе, — вопреки заключенію г. Лайбова,* — что «Были и Небылицы» — живая и мѣткая сатира (но тоже самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *вѣроятно*, *мѣткая* и живая), но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очень немногія, и то не важнѣйшія. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ, чтобы обнять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселый часъ, во время отдыха, а не съ серьёзной цѣлью. Авторъ отказался описать *мздоимца* и *ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческаго тщеславія*; равнымъ образомъ ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили намъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, послуживанье и выслуживанье предъ высшими, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при молчаніи объ этихъ недостаткахъ, вышла бы плохая *характеристпка* общества, и еслибъ Императрица хотѣла писать *характеристику*, Она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вниманія, нежели на все остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ же «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщены «Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ во второй статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляютъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отъискалъ г. Галаховъ въ «Быляхъ», черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ ненужными выписками изъ комедій Императрицы и пр. то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стоитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № III «Современника», и каждый увидитъ, что г. Галаховъ ничего сколько нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ.... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ.... Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр... авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому, противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ....» Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета», и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки — дѣло совсѣмъ нетрудное. Г. Лайбовъ, конечно, съумѣлъ бы надѣлать ихъ не менѣе г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирдинское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ-три, и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не вправѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не объ общемъ характерѣ литературы. Если бы онъ писалъ статью о «нравахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда, конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, *о чемъ* онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснить вопросъ вполнѣ, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными и съ произведеніями словесности». Онъ говоритъ, что «нельзя оградить себя однѣми «Былями», что «нужно начать издалека».... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтіи пристрастіе къ французскому воспитанію, что, дѣйствительно, были суевѣрія, были масонскія общества, что точно были люди, не платившіе долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшеное. Ваша задача должна состоять только въ томъ, чтобы показать, *что* и *какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда вывелъ г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему господинъ Галаховъ отвергаетъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящимъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ и въ воспоминаніяхъ современниковъ, этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смерть Мещерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Галахова о тогдашнемъ воспитаніи. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ», № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовало полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*.» Хотя передъ этимъ ничего не говорилось о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о фонъ-Визинѣ и о сатирическихъ журналахъ 1769 — 74 г. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ могъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ Императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ вникнуть въ истинный смыслъ и духъ того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто оффиціальная бумага — такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ и объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добраться до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учрежденій и предписаній о воспитаніи въ Россіи» (Спб., 1789 г.), совсѣмъ нетрудно сообразить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Саншеса*, *Гюма*, *Монтаня*, припоминаются мнѣнія *Ришелье*, помѣщаются *вегеціевы* наставленія, указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *Датскаго* королевства, для пополненія и разъясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, выказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ, и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ оффиціальной рѣчи Сумарокова на открытіе Академіи Художествъ (стр. 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что онъ робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ — оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» («Сем. Пор. Зап.», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и оффиціальнымъ представленіемъ его: нехудо г. Галахову замѣтить эту разницу.

Теперь спросимъ: выигралъ ли г. Галаховъ, вызвавъ насъ на этотъ отвѣтъ? Не выиграла ли, напротивъ, статья г. Лайбова отъ его неудачныхъ нападеній, и какого результата достигли «Отечественныя Записки» помѣщеніемъ статьи г. Галахова?

МОДЫ.

Если праздники коронаціи окончились въ Москвѣ, говоритъ одинъ изъ модныхъ французскихъ журналовъ, то они будутъ продолжаться въ Петербургѣ. Всѣ большія и извѣстныя моды въ Парижѣ высылаютъ свои новости въ столицу Русской имперіи. Г-жа Леклеръ-Колло (Leclére-Collot) для придворныхъ русскихъ дамъ только что окончила такіе *sorties de bal*, которые, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ накидывать на плечи эту зиму всѣ парижскія дамы. Вотъ описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ:

1) *Moscovite* — изъ бѣлаго плюша съ красными крапинками, съ высокимъ бордюромъ изъ краснаго плюша съ бѣлыми крапинками. Подбой изъ серизоваго атласа. Капишонъ совершенно новаго фасона, о deux pointes, которыя оканчиваются бантомъ изъ серизовыхъ лентъ.

2) *Герцогиня баварская* — изъ голубаго плюша bleu de Chine съ бѣлыми крапинками. Бордюръ изъ бѣлаго плюша съ голубыми крапинками.

Но вотъ замѣчательнѣйшее изъ sorties de bal, дѣлающее честь фантазіи г-жи Леклеръ, по мнѣнію моднаго журнала.

Это sortie de bal называется *la finlandaise*. Оно сдѣлано изъ бѣлаго неразрѣзнаго бархата. Бордюръ изъ розоваго бархата, подъ токъ камеліи съ бѣлыми рисунками, которые отливаютъ, какъ опалъ. Капишонъ маленькій.

Пальто Eugénie изъ чернаго бархата съ черными кружевами и съ рисунками изъ чернаго стеклуруса во всеобщемъ употребленіи.

Въ убранствѣ дамскихъ шляпокъ играютъ и будутъ играть нынѣшнюю зиму большую роль перья. Ими же будутъ обшивать придворныя манто (manteaux de cour) и парадныя платья.

Домъ Брето, извѣстный въ Парижѣ производствомъ цвѣтовъ и перьевъ, имѣетъ въ нынѣшнемъ году огромные заказы. «Модный Парижскій Журналъ» замѣчаетъ, что домъ Брето въ особенности имѣлъ много заказовъ отъ русскаго Двора; что эти заказы обратили вниманіе Государыни Императрицы, и что г-жа Брето поднесла Ея Величеству великолѣпный экранъ изъ перьевъ, за который она получила медаль на Всемірной Выставкѣ и получила brevet принцессы Матильды.

Фантазія г-жи Брето для куафюръ и шляпокъ прелестна. Разнообразіе d'aigrettes, d'ésprits, райскихъ птицъ, букетовъ изъ различныхъ перьевъ невозможно описать.

Корсеты изъ тафты и муаръ г-жи *Вигуру* по своей формѣ и красотѣ въ отдѣлкѣ удивительны. Потому г-жа Вигуру есть привиллегированная корсетница всей европейской аристократіи.

Въ заключеніе мы опишемъ утренній туалетъ, который намъ кажется изящнымъ:

Платье черное шолковое съ цвѣтами въ клѣтку. Корсажъ высокій, гладкій и безъ швовъ; казакъ (casaque) изъ драдедама, обшитаго широкой и богатой тесьмой. Воротничекъ и рукава изъ вышитаго муселина. Шляпка изъ бархата каштановаго цвѣта съ черными кружевами и съ пучкомъ перьевъ съ одной стороны. Ботинки черныя атласныя.

LIBRAIRIE ÉTRANGÈRE ET BIBLIOTHÈQUE DE LECTURE

DE

A. CLUZEL

Commissionnaire de la Bibliothèque Impériale Publique, du Département Hydrographique du Ministère de la Marine, du Jardin Impérial Botanique, de la Société Impériale Géographique et du Lycée Impérial.

Perspective de Nevsky, № 3.

СОБРАНІЕ рисунковъ изъ сочиненія Гоголя «Мертвыя Души,» рисованныхъ Агиномъ, гравированныхъ на деревѣ Бернардскимъ. С. Петербургъ 1846. 4.	7 р.
LEWES The life and works of Goethe, with sketches of his age and contemporaries. London 1855 — 56. 2 vols. in 8.	12 r.
MAURY. Guida generale della navigazione per le coste settentrionali ed orientali d'ell' America del Sud del Rio della Plata al Parà. Napoli 1854. Parte prima 4.	14 r.

ASTRONOMIE populaire en tableaux transparents. 4.	6 r.
BRESSAMIDO. Instructions morales sur la doctrine chrétienne. Lyon. Paris 1356. 5 vol. 8.	8 r. 75 c.
BRISSE. Album de l'exposition universelle dédié a S. A. I. le Prince Napoléon. Paris 1856. Tome I in 4.	7 r.
CHOMEL. Eléments de pathologie générale. Paris 1856. 1 vol. gr. 8.	3 r. 25 c.
CLAUSEWITZ. De la guerre. Paris 1849. 6 vols. 8.	10 r. 50 c.
DEGUIN. Précis de mécanique théorique et appliquée. Paris 1856. 1 vol. 12.	1 r. 25 c.
ESSAI sur le crédit mobilier par M. L. de T......... Bruxelles 1856. gr. 8.	75 c.
d'ETRAYAT. Embarcations des navires de guerre et de commerce. Paris 1856. 4. avec atlas.	4 r.
FERAUD-GERAUD. Législation française concernant les ouvriers. Paris 1856. 8.	1 r. 60 c.
GUYET Cours de style épistolaire, à l'usage de demoiselles. Paris 1856. 1 vol. 12.	1 r. 40 c.
HÉFELÉ. Le cardinal Ximènès et les affaires religieuses en Espagne. Tournai 1856. 1 vol. gr. 8.	2 r.
KERHALLET. Considérations générales sur l'océan pacifique. Paris 1856. 2-e édition. 1 vol. gr. 8	2 r.
MANUEL du spéculateur a la bourse. 1 vol. 12.	1 r. 20 c.

MENEWILLE. Jurisisprudence de la cour d'Alger, en matière commerciale 1834 — 1854. Alger et Paris 1855. 1 vol. gr. 8. 4 r.

MERCADIER. Essai d'instruction musicale, a l'aide d'un Jeu de Gammes. Paris 1856. 2 vol. 8. 3 r.

MOQUIN-TANDON. Histoire naturelle des mollusques terrestre et fluviatiles de France. Paris 1855. 2 vols. gr. 8. et atlas. 20 r.

NOUGUIER. Des lettres de change et des effets de commerce. Paris 1851. 2 vols. 8. 5 r. 60 c.

ORTOLAN. Elements de droit penal. Paris 1856. 1 vol. 8. 4 r. 20 c.

PANSERON. Traité de l'harmonie pratique et des modulations a l'usage des pianistes, dedié a A. S. M. l'Empereur Napoléon III. Paris 1855. 1 vol. in 4. 16 r.

PARIS. Essai historique sur la bibliothèque du Roi. Paris 1856 1 vol. 12. 1 r. 15 c.

Des réformes a opérer dans l'exploitation des chemins de fer. Paris 1855. 1 r. 20 c.

ROSELLY DE LORGUES. Christoph Colomb, histoire de sa vie et de ses voyages. Paris 1856. 2 vols. 8. 4 r. 50 c.

ROZIÈRE et CHATÉL. Table génerale et méthodique des mémoires de de l'Académie. Paris 1856. 1 vol. 4. 8 r. 75 c.

SAINT-JOSEPH. Concordance entre les codes civils étrangers et le code Napoléon. Paris 1856. 4 vols. 8. 3 r. 50 c.

SILVESTRE. Histoire des artistes vivants. Paris 1856. 1 v. gr. 8. 3 r. 50 c.

TESSEREAU. Cours d'hygiéne. Paris 1855. 1 vol. 12. 1 r. 10 c.

Mise en vente de la 3-e édition de:

TRICOT. Nouvelles leçons de littérature et de morale françaises. St. Pétersbourg 1856. 1 vol. 8. 1 r. 50 c.

ALMANACH de Gotha pour 1857. 1 vol. in 18. cartonné 1 r. 80 c.
do. relié. 2 r. 50 c.

Печатать позволяется. Октября 25-го дня 1856 года.
Старшій Цензоръ *Рочфортъ*.

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА и Kº,

На Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ КНИГИ:

Цѣны означены на серебро.

КОНСУЛЬСКОЕ ПРАВО Европы и Америки. Изслѣдованіе *Д. Наумова.* М. 1856. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ПРАВЛЕНІЕ ЦАРЕВНЫ СОФІИ. Соч. *П. Щебальскаго.* М. 1856 Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ, заключающіеся въ X томѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи, изданія 1842 года, и девятнадцати продолженіяхъ. Собралъ и издалъ *Михаилъ Усовъ.* Спб. 1856 Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб. 50 коп.

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО въ историческомъ его развитіи отъ уложенія 1649 года до изданія Свода Законовъ. Разсужденіе на степень доктора юридическихъ наукъ, магистра гражданскаго права *М. М. Михайлова.* Спб. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

ИСТОРІЯ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКѢ. Часть вторая. Соч. экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи *Петра Казанскаго.* М. 1856. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

СКАЗАНІЕ о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ. Постриженника Святыя Горы Аѳонскія, инока *Парфенія.* Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе. Части 1 и 2. М. 1856. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ПОМПЕЯ и открытыя въ ней древности, съ очеркомъ Везувія и Геркуланума. Соч. *В. Классовскаго.* Съ тремя планами и пояснительными рисунками. Третье исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1856. Ц. 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ, общая роспись всѣхъ чиновныхъ особъ въ государствѣ. 1856. Въ двухъ частяхъ. Ц. въ бумажной обертк̀ѣ 5 руб. 15 коп., съ перес. 6 руб.; въ сафьянномъ корешкѣ 5 руб. 70 коп., съ перес. 7 руб. 50 коп.

СОЧИНЕНІЯ Т. Н. ГРАНОВСКАГО. Два тома. Съ портретомъ автора. Томъ первый вышелъ, а на второй выдается билетъ. Ц. 3 руб., съ перес. 4 руб.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Четыре тома, содержащіе въ себѣ до 1600 страницъ убористой печати, въ 8 ю д. л. Ц. за четыре тома 4 руб., съ перес. 5 руб.

ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО. Соч. графа *Л. Н. Толстаго.* Спб. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ графа *Л. Н. Толстаго.* Спб. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ РУССКАГО ТЕАТРА. Оригинальное драматическое представленіе, составленное изъ трехъ отдѣленій, въ прозѣ и стихахъ, съ хорами и танцами. Соч. *П. Григорьева.* 1756—1856. Съ 26-ю портретами авторовъ и артистовъ, рисованныхъ на камнѣ художникомъ *Борелемъ.* Спб. 1856. Ц. 1 руб., съ перес. 2 руб.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ въ началѣ 1853 и въ концѣ 1854 годовъ (изъ путевыхъ записокъ), *И. Гончарова.* Спб. 1855. Ц. 1 руб. 50 коп, съ перес. 2 руб.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ анатоміи и физіологіи человѣка и другихъ животныхъ. По руководству *М. Эдвардса* и друг. составилъ *С. Жолкевичъ.* Съ 123-мя политипажами. Спб. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ВСѢХЪ КОРОНАЦІЙ Великихъ Князей и Царей Россійскихъ. Составлено по достовѣрнымъ источникамъ. М. 1856. Ц. 1 руб., съ перес. 1 25 коп.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ И ТЕХНИЧЕСКІЯ РУКОВОДСТВА, издаваемыя отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Курсъ технической химіи. Состав. *А. Ходневымъ*, докторомъ физики и химіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Два тома. Спб. 1856. Ц. 4 руб., съ перес. 50 коп.

ТАБЛИЦЫ БРИГОВЫХЪ ЛОГАРИФМОВЪ, чиселъ и тригонометрическихъ линій, о семи десятичныхъ, съ подробнымъ наставленіемъ ихъ употребленія и съ приложеніемъ различныхъ вспомогательныхъ таблицъ, формулъ и проч. Изданы *Н. Т. Щегловымъ.* Спб. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА. М. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. А. ФЕТА. Спб. 1856. Ц. 1 руб. 50 коп, съ перес. 2 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 2 Ноября 1856 года.
Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

Въ томъ же магазинѣ, А. И. ДАВЫДОВА, въ С.-Петербургѣ, а въ Москвѣ — у И. В. БАЗУНОВА (на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго) продается только что вышедшая книга:

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Съ портретомъ А. С. Пушкина, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ.

Цѣна 75 коп. сер., съ пересылкою 1 руб. сер.

Печатать позволяется, ноября 2 дня 1856 года.
Ценсоръ *В. Бекетовъ*.
Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

НРАВООПИСАТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ И ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЛОНДОНУ.

В. М. ТЕККЕРЕЯ.

ПИСЬМА МИСТЕРА БРАУНА КЪ ЕГО ПЛЕМЯННИКУ.

Какъ я счастливъ, любезный Робертъ, что имѣю тебя ближайшимъ сосѣдомъ—всего въ какихъ нибудь двухъ миляхъ, и съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ я, что ты устроился довольно покойно въ комнатахъ подворья Фигъ-Треси! Правда, мѣстоположеніе нельзя назвать веселымъ; къ тому же, взбираться по черной скрипучей лѣстницѣ съ тремя поворотами — моціонъ не слишкомъ пріятный для человѣка, который никогда не имѣлъ особеннаго расположенія подыматься въ гору. Не понравились мнѣ и музыкальныя упражненія молодаго адвоката, который живетъ подъ тобою—онъ, кажется, постоянно играетъ на волторнѣ—не понравились тѣмъ болѣе, что, во время этихъ упражненій, я сидѣлъ и завтракалъ въ твоей квартирѣ. Личность твоей служанки, или прачки, тоже произвела на меня непріятное впечатлѣніе: по наружности я заключилъ, что она имѣетъ наклонность къ горячительнымъ напиткамъ. Запахъ сигаръ, которыя, какъ ты объясняешь, курили наканунѣ твои университетскіе товарищи, былъ, откровенно долженъ сказать тебѣ, несносенъ; мнѣ казалось даже, что имъ пропиталось твое утреннее платье. Впрочемъ, я человѣкъ стараго вѣка. Употребленіе сигаръ вошло въ обыкновеніе не въ мое время (и, надобно сказать, ихъ курятъ многіе изъ самыхъ фешёнебельныхъ людей). Эти и другія житейскія неудобства переносятся какъ-то веселѣе и легче молодыми людьми, подобными тебѣ, чѣмъ стариками, каковъ я. Пріятно, однако же, было мнѣ увидѣть надъ каминомъ твоимъ картину стараго дома — твоего отеческаго крова. Хорошо также, что твои университетскія награды красуются на полкахъ книжныхъ шкаповъ. Въ рамкахъ зеркала я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ визитныя карточки почтенныхъ депутатовъ нашего округа. Вообще говоря, комнаты твои имѣли благоприличный видъ, и я надѣюсь, мой милый, что Темпль будетъ имѣть въ тебѣ аккуратнаго жильца.

Такъ какъ, въ настоящее время, ты кончилъ академическія занятія и предполагаешь начать свою карьеру въ Лондонѣ, то я намѣренъ, любезный мой племянникъ, дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ для руководства на предстоящемъ поприщѣ. Хотя ты и имѣешь свой собственный разсудокъ и вѣрный взглядъ на предметы, но эти совѣты предлагаетъ тебѣ человѣкъ, обладающій значительнымъ запасомъ опытности. Онъ нисколько не сомнѣвается, что его совѣты будутъ полезны для тебя, если ты обратишь на нихъ надлежащее вниманіе, чего, по всей вѣроятности, ты не сдѣлаешь.

Не мое дѣло вмѣшиваться въ твои юридическія занятія. Я видѣлъ тебя устроеннымъ, видѣлъ, какъ ты, въ числѣ учениковъ мистера Тэпворма, въ подворьи Помпъ, сидѣлъ, въ одинъ туманный день, на табуреткѣ съ высокими ножками, повернувшись спиной къ ярко пылавшему камину. По желанію твоего родителя, я заплатилъ этому знаменитому спеціалисту-адвокату сто фунтовъ стерлинговъ за удовольствіе, которымъ ты наслаждаешься. Занимаясь въ его кабинетѣ, ты, я думаю, вполнѣ доволенъ предсказаніемъ матери, что современемъ будешь министромъ юстиціи. Дай Богъ тебѣ успѣха, мой милый другъ! Это мое всегдашнее желаніе. Мимоходомъ сказать, хотѣлъ бы я знать, что означала кружка портеру, которая входила въ твою квартиру въ то самое время, когда я изъ нея выходилъ. Это было въ часъ пополудни. Надѣюсь, ты не подверженъ жаждѣ, для употребленія которой требовался бы такой напитокъ и въ такое время дня.

Итакъ, не въ отношеніи твоихъ занятій по части законовѣдѣнія намѣренъ я читать тебѣ лекціи, но относительно твоихъ удовольствій, развлеченій, знакомствъ, поступковъ и дѣйствій, какъ свѣтскаго молодаго человѣка.

Я приступлю къ дѣлу съ-разу и поясню мое нравоученіе на собственной твоей персонѣ. Напримѣръ, къ чему вы, милостивый государь, носите этотъ клочокъ волосъ на вашемъ подбородкѣ и эти поддѣльныя бирюзовыя пуговки на вашемъ жилетѣ? Конечно, клочокъ волосъ на подбородкѣ вещь сама по себѣ неважная; къ тому же, безпрестанное приглаживанье этого клочка (съ тою цѣлью, какъ я замѣтилъ, чтобъ показать прекрасный рядъ зубовъ) составляетъ самое невинное удовольствіе и наполняетъ пустоту свободныхъ часовъ. А что касается до пуговокъ, то я ожидаю съ твоей стороны такого возраженія: «да развѣ не носятъ ихъ всѣ вообще молодые люди? почему же бы мнѣ не завести поддѣльной бирюзы, если я не въ состояніи купить настоящую?»

На этомъ-то возраженіи я и ловлю тебя и постараюсь доказать, почему ты долженъ сбрить клочокъ волосъ на подбородкѣ и отказаться навсегда отъ поддѣльной бирюзы и другихъ подобнаго рода украшеній. Любезный мой Бобъ! прежде всего позволь мнѣ замѣтить, что, наперекоръ намъ и всѣмъ республиканцамъ въ мірѣ, въ общественной жизни существуютъ сословія, степени и отличія, которыя каждый человѣкъ долженъ поддерживать сообразно съ его званіемъ и положеніемъ въ обществѣ. Ты столько же имѣешь права украшать свой подбородокъ, сколько и я носить широкополую шляпу съ какой нибудь кисточкой. По моему мнѣнію, клочокъ на подбородкѣ долженъ быть, такъ сказать, центромъ системы, съ которой должно все соотвѣтствовать и гармонировать — вся пьеса человѣческой жизни должна играться именно на эту ноту.

Посмотри, напримѣръ, на лорда Гюго Фицьюрса, сидящаго въ Театрѣ Лицея въ литерной ложѣ, подлѣ прелестнаго существа, съ черными глазами и въ пышныхъ кружевахъ,—того существа, которое, какъ ты воображалъ, лорнировало тебя въ свой огромный бинокль. Лордъ Гюго имѣетъ клочокъ волосъ на подбородкѣ, и подъ этимъ клочкомъ его лицо безсмысленно улыбается, его бакенбарты игриво вьются вокругъ одного изъ прекраснѣйшихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и глупѣйшихъ лицъ въ цѣломъ мірѣ.

Но сообрази, чего стòитъ ему поддержка этого нез атѣйливаго украшенія. Посмотри на каждый отдѣльный предметъ въ одеждѣ этого любезнаго, хотя, признаюсь, и глупаго молодаго джентльмена и согласись, какъ нелѣпо съ твоей стороны стараться подражать ему. Взгляни на его руки (я живо представляю себѣ этого молодаго джентльмена), на его маленькія руки, затянутыя въ перчатки такъ туго и щеголевато, какъ ручки какой нибудь лэди. Рукава его сорочки застегнуты брильянтовыми запонками. Драгоцѣнные камни и рубины украшаютъ его батистовую рубашку и жилетъ, въ карманѣ котораго хранятся драгоцѣнные часы съ приборомъ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ. Онъ или сидитъ въ великолѣпной литерной ложѣ, или съ безсмысленной улыбкой смотритъ изъ окна клуба Вайтъ, или выглядываетъ изъ кэба, катаясь по Реджентъ-Парку вокругъ прудовъ Серпентэйнъ, — вообще, онъ представляетъ собою милую и дорогую картину, вставленную въ дорогую раму.

А что такое мы съ тобою, мой добрый Бобъ?... Если мы захотимъ побывать въ театрѣ, то нисколько не совѣстимся выпросить отъ нашего друга, редактора извѣстной намъ газеты, даровой билетъ, или занять стулъ въ партерѣ. Твои часы перешли къ тебѣ по наслѣдству отъ твоего отца. Отправляясь въ паркъ, мы идемъ туда пѣшкомъ; иногда только, и то развѣ въ самый большой праздникъ, позволяемъ себѣ нанять верховую лошадь, чтобъ показаться на гуляньи въ Роттенъ-Роу. Намъ съ тобой никогда не смотрѣть изъ окна клуба Вайтъ. Суммы, которую портной ставитъ на счетъ лорду Гюго, было бы весьма достаточно для содержанія тебѣ и твоему младшему брату. Камердинеръ лорда, кромѣ даренаго стараго платья, получаетъ жалованья не меньше, нежели ты. Тебѣ нельзя носить сброшенное съ плечь старое платье какого нибудь дэнди-лорда; не слѣдуетъ также и подражать тому платью, которое онъ носитъ.

Представляя себѣ дэнди, я вовсе не испытываю непріятнаго ощущенія зависти или досады, какъ не испытываю его при мысли о павлинѣ или камелопардѣ, о роскошномъ тюльпанѣ или пышной, блестящей парчѣ. Въ природѣ есть всякаго рода животныя, растенія и ткани, начиная отъ павлина до синицы, отъ золотой парчи до полосатой бумазеи. Разнообразіе это, весьма вѣроятно, существуетъ не безъ цѣли и, конечно, придаетъ жизни особенную прелесть. Поэтому я не говорю, что лордъ Гюго существо безполезное, и не оказываю ему ни малѣйшаго пренебреженія. Мало того: мнѣ весьма пріятна мысль, что онъ существуетъ на свѣтѣ; онъ непремѣнно долженъ существовать и быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть — прекраснымъ и граціознымъ, великолѣпнымъ и раздушеннымъ, очаровательнымъ, съ густыми бакенбартами и пустой головой, роскошнымъ дэнди, человѣкомъ моднаго свѣта, — словомъ сказать, тѣмъ существомъ, которое вы, молодые люди, называете «львомъ».

Но дешевый левъ (извини меня, мой милый Робертъ, если маленькое украшеніе твоего подбородка, равно какъ и нѣкоторыя другія наклонности, подмѣченныя мною въ твоей доброй натурѣ, заставляютъ меня довольно сильно налегать на этотъ предметъ) ни подъ какимъ видомъ не можетъ служить пріятнымъ предметомъ нашему вниманію, какъ бы часто онъ намъ ни представлялся. Старайся, мой другъ, обуздывать малѣйшее стремленіе къ нарядамъ, которые слишкомъ пышны и роскошны для твоего состоянія. Чтобъ переписывать контракты и договоры въ конторѣ мистера Тэпворма, тебѣ вовсе не нужны лайковыя перчатки или батистовые нарукавники съ дорогими запонками: ты только замараешь ихъ чернилами, да, къ тому же, они будутъ мѣшать тебѣ въ работѣ, тогда какъ лордъ Гюго можетъ украшать свои руки какъ ему угодно, потому что ими ему ничего больше не приводится дѣлать, какъ только править лошадьми въ кэбахъ и апплодировать пируэтамъ танцовщицъ, держать въ нихъ вилку или зубочистку. Таково его положеніе въ жизни, — положеніе, требованіямъ котораго онъ удовлетворяетъ блистательнымъ образомъ. Со временъ нашего друга Езопа воронъ нерѣдко поднимали на смѣхъ за то, что онѣ украшались перьями птицъ, которыхъ природа одарила болѣе пышнымъ хвостомъ; такъ какъ глупость не выводится на бѣломъ свѣтѣ, то сатира и добрый благородный *мистеръ Пончъ* должны, по необходимости, повторять людямъ нашего поколѣнія уроки, которые нѣкогда давалъ добродушный «Гончьбаккъ», его предшественникъ.

Сбрей же ты свою бородку, мой другъ, и, если хочешь, пошли ее въ знакъ памяти и дружбы дѣвѣ твоего сердца; прошу тебя, брось всѣ свои галантерейныя бездѣлушки, къ которымъ ты (какъ я вижу) имѣешь сильное расположеніе. Ты имѣешь у себя въ домѣ скромный обѣдъ, который подаютъ тебѣ на чистой скатерти, но обѣдъ на одну твою персону, а не на шесть персонъ, какъ это бываетъ у депутатовъ нашего округа (и, надобно сказать, обѣдъ ихъ бываетъ превосходенъ): такъ пусть же и платье твое будетъ безукоризненно чисто, скромно и опрятно, безъ всякихъ претензій на роскошь. Блескъ и великолѣпіе составляютъ неотъемлемую принадлежность людей богатыхъ; но ни того, ни другаго нельзя пріобрѣсть, имѣя въ карманѣ всего полгинеи на день, и отъ этой полгинеи, за уплатою квартирныхъ денегъ, мнѣ кажется, ничего не можетъ оставаться на другіе расходы. Этотъ предметъ, мнѣ помнится, былъ объясненъ гораздо лучше давнымъ-давно, въ пустой и сентиментальной книжонкѣ (которую я прочиталъ когда-то въ клубѣ), подъ названіемъ, кажется, «Goggarty Diamand» (или что-то въ этомъ весьма нелѣпомъ родѣ). Кто-то даритъ герою той исторіи, какому-то бѣдняку, брильянтовую булавку; бѣднякъ, по необходимости, долженъ былъ купить новый галстухъ, чтобъ воткнуть въ него булавку, потомъ новый жилетъ, въ соотвѣтствіе галстуху, потомъ новый сюртукъ, потому что сѣрый былъ слишкомъ истасканъ сравнительно съ жилетомъ и галстухомъ; наконецъ бѣдняга совершенно раззорился чрезъ свое брильянтовое украшеніе и принужденъ былъ продать его. Рекомендую и тебѣ, мой другъ, продать свои бирюзовыя пуговки, если только онѣ чего нибудь сто́ятъ.

Но такъ какъ ты имѣешь прекрасную наружность и джентльменскую осанку, и какъ всякій молодой человѣкъ любитъ хорошо одѣваться, и долженъ хорошо одѣваться, собственно для того, чтобъ показать себя передъ обществомъ въ лучшемъ свѣтѣ, то я воспользуюсь первымъ случаемъ поговорить съ тобою о портныхъ и платьѣ — предметахъ, заслуживающихъ особаго письма.

О ФАСОНѢ ПЛАТЬЯ И ВООБЩЕ О ТУАЛЕТѢ.

Природа, мой милый Бобъ, одарила тебя (какъ и всѣхъ членовъ нашей фамиліи) замѣчательно прекрасной наружностью во всѣхъ отношеніяхъ. Съ этимъ фактомъ ты, безъ всякаго сомнѣнія, знакомъ; но, точно также, безъ всякаго сомнѣнія, ты не разсердишься, если я напомню о немъ. Для человѣка, персона котораго такъ прекрасно создана природою, нѣсколько словъ относительно платья и его фасона будутъ не лишними. Въ нашей жизни ничего нѣтъ тривіальнаго, и для философа всякій предметъ имѣетъ свое значеніе. Говорится же въ одномъ старинномъ фарсѣ, что пуддингъ имѣетъ двѣ стороны: внутреннюю и наружную; точно также фракъ или шляпа имѣютъ какъ внутреннюю, такъ и наружную стороны. Я хочу сказать, что во внѣшнемъ видѣ человѣка проявляется его внутренній образъ мыслей, и джентльменъ, который одѣвается слишкомъ пышно или слишкомъ небрежно, имѣетъ какую нибудь странность: или недостатокъ умственныхъ способностей, или недостатокъ благородства въ душѣ, и этотъ недостатокъ обнаруживается и, такъ сказать, самъ собою высказывается въ фасонѣ его платья.

Ни одинъ мужчина въ подлунномъ мірѣ не имѣетъ права пренебрегать своимъ платьемъ. Нѣтъ никакой пользы отстранять отъ себя шансы къ достиженію хорошей цѣли. Для примѣра я приведу слѣдущее обстоятельство: нельзя ожидать, чтобы всякая женщина была знакома со всѣми условіями красоты туалета джентльмена, — такъ, въ свою очередь, невозможно ожидать, чтобъ мужчины были знакомы съ точною номенклатурой или настоящимъ покроемъ тѣхъ разнообразныхъ нарядовъ, которые носятъ эти прелестныя созданія; но все же, къ которой изъ дамъ, въ обществѣ совершенно незнакомыхъ людей, мы чувствуемъ невольное, но естественное влеченіе? Конечно, къ той или къ тѣмъ, которыхъ наружность намъ нравится; не къ той блистательной или пышно разряженной вдовушкѣ, миссъ или лэди, у которой (несмотря на то, что она красива лицомъ) во всѣхъ частяхъ наряда проглядываетъ страшная безвкусица, но къ той, которая кажется такою свѣжею, элегантною и въ которой мы замѣчаемъ всѣ признаки врожденнаго вкуса и изящества. Миссъ Смитъ въ измятомъ платьѣ непріятно поражаетъ нашъ взглядъ, хотя мы и слышимъ, что она лэди съ большимъ умомъ и значительнымъ состояніемъ, между тѣмъ, какъ миссъ Джонсъ, въ своемъ простенькомъ, но миломъ платьицѣ, привлекаетъ къ себѣ все наше вниманіе. Точно также и женщинъ привлекаетъ или отталкиваетъ наружность джентльмена, въ общество котораго онѣ попадаютъ. Если ты тигръ по наружности, то, весьма естественно, можно ожидать, что напугаешь слабую и боязливую женщину, — если ты неряха, то, безъ сомнѣнія, оскорбишь ее; а такъ какъ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ женщинами составляетъ одно изъ главныхъ условій счастія въ жизни, то предметомъ особаго вниманія моего достойнаго Боба должно быть стараніе пріобрѣсть ихъ расположеніе.

Да, пріятная наружность, милое обращеніе, хорошее платье въ сущности очень благопріятные шансы въ житейской игрѣ; ими всякій здравомыслящій человѣкъ пожелаетъ воспользоваться. Въ сношеніяхъ съ обществомъ они иногда приносятъ пользы гораздо болѣе, чѣмъ ученость или геній. Нерѣдко бываетъ весьма затруднительно ввести ученаго человѣка въ гостиную: во всякой другой комнатѣ, кромѣ своего кабинета, онъ покажется неповоротливымъ, тяжелымъ. Какъ умная и рѣзвая собаченка Шарло очень мило чихаетъ, когда поднесутъ къ ея мордѣ огонь, и пріятно прыгаетъ по оттоманамъ и на колѣни дамъ, и какъ, въ противоположность ей, слонъ нашелъ бы значительное затрудненіе подняться на лѣстницу и потомъ отъискать въ гостиной удобное мѣсто: такъ точно пріятныя манеры и наружность могутъ служить вѣрными проводниками во многіе дома, куда вы тщетно стали бы стучаться со всѣмъ запасомъ вашей учености.

Не учености и не добродѣтели требуютъ въ обществѣ, но хорошихъ манеръ. Я не обращу вниманія на моего сосѣда за обѣденнымъ столомъ, если онъ не любезенъ: хотя бы онъ прекрасно владѣлъ санскритскимъ языкомъ, зналъ наизустъ энциклопедію или имѣлъ въ банкѣ полмилліона фунтовъ стерлинговъ (разумѣется, относительно послѣдняго, я не обращу вниманія, если онъ не даетъ хорошихъ обѣдовъ, а если даетъ, то дѣло совсѣмъ иное; только тогда мое уваженіе къ нему и желаніе ему понравиться возникаютъ совершенно изъ другихъ источниковъ, по причинамъ весьма очевиднымъ), — точно также для меня вовсе не покажется интересною лэди, которую веду я къ столу, если она дурно одѣта и нелюбезна, хотя бы она и была добродѣтельна, какъ Корнелія или, по крайней мѣрѣ, какъ покойная Анна Моръ. Въ обществѣ требуется одно только, чтобъ люди были, по возможности, пріятны въ разговорѣ и любезны въ обращеніи, чтобы пріятное настроеніе духа составляло, если можно такъ выразиться, самое лучшее украшеніе того наряда, какой мужчина надѣваетъ, являясь въ общество. Любоваться милымъ выраженіемъ въ благородномъ лицѣ лэди X. и ея прекрасными манерами несравненно пріятнѣе, нежели смотрѣть на блескъ и игру драгоцѣнныхъ брильянтовъ лэди Z. Конечно, относительно добродѣтели, послѣдняя изъ этихъ двухъ лэди можетъ служить совершеннѣйшимъ образцомъ. Но добродѣтель — качество прекрасное въ семейцомъ кругу; манеры служатъ для нея украшеніемъ, когда она является въ обществѣ.

Поэтому, любезный мой Бобъ, я бы желалъ, чтобъ платье твое, назначенное для выѣздовъ въ свѣтъ, было красиво, чисто, хорошо сшито, хорошо сидѣло и къ тому же имѣло щеголеватый, праздничный видъ, который бы опредѣлялъ его прямое назначеніе. Древніе философы украшали свои старыя головы цвѣтами не въ томъ предположеніи, что наружность ихъ выигрывала чрезъ это украшеніе (мнѣ кажется, никакіе вѣнки не въ состояніи придать головѣ человѣческой лишней красоты, и, признаюсь, съ моей стороны, я точно такъ же охотно сталъ бы носить въ обществѣ — если бы того требовала мода — лошадиный хомутъ или ночной бумажный колпакъ, какъ и вѣнокъ изъ поліантовъ или гирлянды изъ гіацинтовъ), — философы не для того одѣвались въ свои лучшія тоги, чтобъ показать вниманіе къ своему наряду, но для ознаменованія какого нибудь празднества: ихъ наряды служили, такъ сказать, вывѣской общественнаго веселья, точно такъ, какъ нѣсколько вѣтвей вѣчно зеленѣющей елки служатъ вывѣской постоялаго двора. Ты долженъ обозначать въ своемъ календарѣ день какого нибудь празднества красными чернилами, долженъ надѣвать въ этотъ день безукоризненно бѣлый жилетъ, тончайшее бѣлье, блестящіе сапоги, какъ будто ты хотѣлъ этимъ сказать: «сегодня праздникъ, и вотъ я, чисто и щегольски одѣтый, съ прекраснымъ аппетитомъ, рѣшился насладиться удовольствіями этого дня!»

Ты бы не захотѣлъ, тебѣ бы самому было стыдно принять участіе въ праздникѣ, явясь на него нестриженымъ, небритымъ, въ запачканномъ, истасканномъ халатѣ. Ты непремѣнно долженъ одѣться прилично, соотвѣтственно цѣли подобнаго дня. Я знавалъ нѣкогда весьма страннаго, умнаго человѣка, чуждаго (сколько можно судить по внѣшнему виду) всякаго тщеславія касательно своей личной наружности, но имѣвшаго обыкновеніе, сколько мнѣ помнится, являться въ большія собранія въ великолѣпномъ золотистомъ или малиновомъ жилетѣ. При этихъ случаяхъ онъ, казалось, считалъ себя какъ бы разгуливающимъ букетомъ или подвижнымъ канделябромъ. Его жилетъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ мебели, украшавшей комнаты; но что касается до личной гордости, которую бы онъ обнаруживалъ, щеголяя этимъ украшеніемъ, такой гордости онъ вовсе не имѣлъ: доказательствомъ тому служитъ, что онъ снималъ дома жилетъ и дарилъ его лакею. У этого философа было правиломъ одѣваться въ лучшее платье для лучшихъ случаевъ. Надѣюсь, и ты при подобныхъ случаяхъ съумѣешь выказать твой собственный вкусъ. Неужели ты воображаешь, что люди, которые такъ радушно угощаютъ тебя, — неужели ты воображаешь, что они каждый день освѣщаютъ гостиную двумя дюжинами восковыхъ свѣчъ и каждый день пьютъ шампанское? Неужели ты думаешь, что мистриссъ Перкинсъ каждый вечеръ принимаетъ гостей и сидитъ въ гостиной, когда у нея нѣтъ бала? Нѣтъ, мой другъ, это случается не такъ часто, какъ ты полагаешь, а потому молодой человѣкъ долженъ одѣваться, какъ одѣваются хозяинъ и хозяйка дома, къ которымъ онъ ѣдетъ на балъ, долженъ одѣваться, отступая отъ обыденнаго наряда, сообразно тому, что этотъ вечеръ есть также отступленіе отъ порядка обыкновенныхъ вечеровъ. Наслаждайся, мой другъ, честно и благородно благами жизни. Отказать тебѣ въ рюмкѣ хорошаго вина или запрещать восхищаться хорошенькимъ личикомъ было бы съ моей стороны то же самое, что принуждать тебя разлюбить запахъ розы или отвернуться отъ прекраснаго ландшафта. «Neque tu choreas sperne, puer — не презирай танцевъ, юноша» — какъ говоритъ старый поэтъ; а для танцевъ ты долженъ имѣть приличные бальные башмаки, чтобъ легче прыгать и кружиться, и чистыя перчатки, въ которыя бы не краснѣя можно было взять миленькую ручку твоей дамы.

Считаю лишнимъ и совершенно неумѣстнымъ входить въ подробности твоего туалета, на томъ основаніи, что не я, а ты будешь носить его, и принимая въ разсчетъ безпрестанныя измѣненія фасона. Когда я представлялся его королевскому высочеству принцу-регенту въ мундирѣ гаммерсмитскихъ гусаръ, т. е. въ желтой курткѣ, въ красныхъ панталонахъ съ серебряными лампасами, въ зеленыхъ сафьянныхъ сапогахъ и въ свѣтло-синемъ ментикѣ, отороченномъ горностаемъ, въ то время на августѣйшемъ принцѣ, образцѣ всего прекраснаго и изящнаго, надѣтъ былъ сюртукъ, на которомъ пуговицы, обозначавшія талію, были посажены почти между лопатками,—сюртукъ, который, если бы надѣть теперь, заставилъ бы хохотать мальчишекъ Поллъ-Молла, и который могъ бы служить только форменной одеждой для умалишенныхъ въ Бедламѣ. Если пуговицы на таліи продолжаютъ нынѣ опускаться все ниже и ниже, то, почемъ знать, быть можетъ, талія мужчины, къ будущему году, опустится до самыхъ каблуковъ или, по какому нибуды неожиданному перевороту въ области моды, поднимется до плечъ,—почемъ знать? Пусть же опредѣленіе мѣста твоей таліи согласуется съ современнымъ вкусомъ; вручи твои пуговицы хорошему портному, который поставитъ ихъ тамъ, гдѣ повелѣваетъ мода. Какъ бы то ни было, нѣсколько общихъ правилъ относительно предмета такой важности будутъ совершенно не лишними для молодаго человѣка, который имѣетъ наклонность впадать въ нѣкоторыя ошибки.

Избѣгай неприличнаго, неумѣстнаго, такъ сказать, насильственнаго охотничьяго платья, которое мы часто видимъ въ паркахъ и публичныхъ мѣстахъ на плечахъ молодыхъ людей, получившихъ ложное направленіе. Нѣтъ ни малѣйшаго препятствія носить конюху свой особенный костюмъ; но жаль, если джентльменъ станетъ подражать ему. Въ одномъ изъ приморскихъ нашихъ городовъ я видѣлъ, что молодые люди одѣвались по образцу контрабандистовъ, моряковъ и морскихъ разбойниковъ, которыхъ изображаютъ на картинкахъ въ мелодрамахъ театра Адельфи. Мнѣ бы хотѣлось напомнить моему доброму Бобу, что житейскія его занятія не состоятъ въ томъ, чтобъ держать въ рукахъ скребницу или матросскую свайку, и, слѣдовательно, онъ не долженъ примѣнять къ подобнымъ занятіямъ своего туалета.

Если отъ платья твоего или отъ волосъ не пахнетъ табакомъ (что, надобно признаться, иногда случалось), ты смѣло можешь расчитывать на расположеніе къ себѣ прекраснаго пола. А скажи, кому изъ мужчинъ съ прекраснымъ и благороднымъ направленіемъ, съ желаніемъ видѣть въ человѣчествѣ все прекрасное и благородное, — кому изъ нихъ можетъ не нравиться общество скромныхъ и благовоспитанныхъ женщинъ? Совѣтую тебѣ уважать эту прихоть, это маленькое требованіе съ ихъ стороны, и ужь если ты долженъ курить, то кури въ старомъ фракѣ и какъ можно дальше отъ дамъ.

Избѣгай шлафрока, который служитъ яснымъ доказательствомъ неряшества, небритой бороды, небрежности къ туалету и вообще безпечнаго и нерадиваго образа домашней жизни. Начинай твой день съ чистотою во всѣхъ отношеніяхъ. Чистота есть добродѣтель въ своемъ родѣ. (*) Тотъ мужчина, который

(*) *Замѣчаніе благосклонному читателю.* Этотъ намекъ, милостивый государь, безъ всякаго сомнѣнія, не относится лично до *васъ*: ваша наружность безукоризненно чиста и прилична; но когда вы посмотрите кругомъ себя и увидите, какъ много встрѣчается на свѣтѣ людей, пренебрегающихъ употребленіемъ самаго удивительнаго косметическаго средства — холодной воды, вы увидите, что нѣсколько словъ въ похвалу этого средства могутъ быть высказаны съ нѣкоторой пользой.

показываетъ только въ обществѣ чистыми лицо да руки, неряха и лицемѣръ; онъ хвалится добродѣтелью, которой не имѣетъ. Изъ всѣхъ успѣховъ въ стремленіи къ цивилизаціи, которые сдѣлала наша нація, и о бо́льшей части которыхъ мистеръ Маколей такъ краснорѣчиво трактуетъ и въ своей недавно изданной исторіи и въ лекціяхъ глазговскимъ студентамъ, ни одинъ не доставитъ филантропу такого удовольствія, какъ замѣчаніе о большомъ и увеличивающемся требованіи отъ литейныхъ заводчиковъ на водопроводныя трубы, или какъ быстрое развитіе цинковыхъ обществъ, относительно которыхъ наши предки находились въ самомъ плачевномъ невѣжествѣ.

Надобно надѣяться, и я надѣюсь, что эти общества въ непродолжительномъ времени будутъ всеобщими въ нашемъ отечествѣ, и что каждый порядочный мужчина въ Англіи сдѣлается членомъ высокопочитаемаго ордена Бани.

ВЛІЯНІЕ ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА ОБЩЕСТВО.

Любезный мой Бобъ! я постоянно говорилъ тебѣ, до какой степени благотворно вліяніе женщинъ на общество, и до какой степени должно быть глубоко наше къ нимъ уваженіе. Живя на отдѣльной квартирѣ, ты ведешь, мой добрый племянникъ, жизнь одинокую и лишенную всякихъ развлеченій. Бесѣда со старымъ дядей не можетъ доставить тебѣ особеннаго удовольствія; поэтому я прошу и умоляю тебя стараться всѣми силами сблизиться съ двумя-тремя семействами, гдѣ ты можешь встрѣчаться съ добрыми и образованными англійскими дамами. Я видѣлъ женщинъ всѣхъ націй въ мірѣ, но въ жизнь свою не встрѣчалъ подобныхъ англичанкамъ (разумѣя, конечно, въ числѣ ихъ и нашихъ кузинъ Макъ-Виртеръ изъ Глазгова и о' Тульсъ изъ Корка). Отъ чистаго сердца желаю, мой другъ, чтобъ ты постоянно имѣлъ женщину своимъ добрымъ другомъ.

Старайся для этого получить свободный входъ въ такой домъ, гдѣ бываютъ образованныя и милыя женщины. Проводи съ ними столько времени, сколько ты можешь. Не теряй ни малѣйшаго случая угождать имъ, исполнять ихъ порученія, посылай имъ букеты и изящные маленькіе сюрпризы, показывай видъ, что тебѣ нравится ихъ вниманіе, изъявляй готовность помогать имъ въ выполненіи ихъ очаровательныхъ плановъ относительно танцевъ или покупокъ въ магазинахъ, или того или другаго вмѣстѣ. Словомъ, старайся, сколько позволятъ тебѣ время и средства, быть дамскимъ кавалеромъ.

Гораздо лучше для тебя провести вечера два-три на недѣлѣ въ дамской гостиной (хотя бы даже разговоръ тамъ бывалъ иногда довольно скучнымъ и хотя бы тѣ романсы, которые поютъ молоденькія барышни, ты зналъ наизустъ), — во всякомъ случаѣ, гораздо лучше провесть вечеръ въ гостиной, чѣмъ въ клубѣ, тавернѣ или въ партерѣ театра. Всѣ удовольствія молодыхъ людей, въ которыхъ не участвуютъ дамы, женщины, повѣрь мнѣ, гибельны по самой своей натурѣ. Всѣ мужчины, избѣгающіе женскаго общества, бываютъ тупоумны и безтолковы или имѣютъ грубый вкусъ и отвращаются всего непорочнаго. Клубные твои пріятели, которые по цѣлымъ ночамъ не выпускаютъ изъ рукъ бильярднаго кія, называютъ женское общество скучной матеріей. Милостивый государь, въ понятіяхъ профана и самая поэзія — скучная матерія; для слѣпца и красота не имѣетъ прелести; музыка не можетъ плѣнить несчастнаго, который не въ состояніи отличить одного звука отъ другаго. Съ моей стороны, я, подобно истинному эпикурейцу, которому никогда не наскучитъ чашка чаю и кусокъ хлѣба съ масломъ, могу просидѣть цѣлую ночь разговаривая съ образованной и милой женщиной о ея дочери, которой предстоитъ въ первый разъ явиться въ общество, о сынѣ, поступившемъ въ Итонскую школу, и о другихъ предметахъ, придающихъ прелесть вечерней бесѣдѣ.

Величайшая польза, которую молодой человѣкъ можетъ извлечь изъ женскаго общества, заключается въ томъ, что онъ научится быть почтительнымъ къ женщинѣ. Повѣрь мнѣ, эта привычка будетъ великимъ благомъ для твоей нравственности. Наше воспитаніе дѣлаетъ насъ эгоистами. Мы боремся съ жизнію для самихъ себя; мы стремимся къ какой нибудь цѣли для самихъ себя; мы отрѣзываемъ отъ ростбифа за клубными обѣдами самые сочные кусочки для самихъ себя; мы дремлемъ для самихъ себя, куримъ сигары и проводимъ время въ клубахъ для самихъ себя; заботимся больше всего о спокойствіи своемъ. А величайшее благо, которое приносится мужчинѣ женскимъ обществомъ, состоитъ въ томъ, что онъ долженъ думать и о другихъ существахъ, кромѣ себя, — о существахъ, которымъ онъ обязанъ оказывать постоянное вниманіе и уваженіе. Разумѣется, я не хочу, чтобы милый мой Бобъ сближался съ тѣми женщинами, которыхъ онъ не уважаетъ и не можетъ уважать: это хуже, чѣмъ бильярдъ, хуже грога въ тавернѣ, хуже куренья табаку въ своемъ домѣ. Но я гораздо лучше желалъ бы видѣть тебя за стуломъ миссъ Фидльсомъ, желалъ бы видѣть тебя переворачивающимъ листы ея нотной книги, нежели за бильярдомъ, или съ сигарой, или за грогомъ, или за всѣмъ этимъ вмѣстѣ.

Помни, что если ты попалъ въ пріятный домъ и тебѣ нравится посѣщать его, то находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ женщинами этого дома составляетъ совершенную необходимость. Если это фешёнебельный домъ, то, пожалуйста, не хмурь бровей за то, что тебя пригласили только на вечеръ, тогда какъ другіе приглашены къ обѣду. Ты не долженъ забывать, что гостепріимное семейство иногда считаетъ долгомъ отплатить обѣдомъ за обѣдъ другому семейству; а имѣешь ли ты на это какое нибудь право? почему ты воображаешь, что долженъ засѣдать за такими обѣдами? Повѣрь, что пріятныя знакомства можно точно такъ же образовать въ гостиныхъ, какъ и въ столовыхъ. Являйся только къ чаю съ веселымъ лицомъ и въ пріятномъ расположеніи духа. Старайся нравиться. Побесѣдуй со вдовой, если такая случится въ обществѣ. Прими участіе въ вистѣ. Если умѣешь играть на фортепьяно и знаешь какой нибудь романсъ, то спой его, не заставляя себя упрашивать. Не отклоняйся отъ танцевъ, — напротивъ, пускайся въ нихъ охотно. Ты увидишь, что кругъ твоего знакомства начнетъ увеличиваться. Матери, которымъ понравится твоя манера держать себя въ обществѣ, весьма вѣроятно, пригласятъ тебя въ Покклингтонъсквеоъ, на маленькій вечеръ. Ты будешь дѣлать успѣхи въ обществѣ, ты составишь довольно обширный кругъ знакомства. Ты можешь жениться на богатой дѣвицѣ и, во всякомъ случаѣ, будешь имѣть случай видѣть много добраго и прекраснаго.

Многіе молодые люди, болѣе замѣчательные по своей наглости и себялюбію, нежели по здравому разсудку, имѣютъ привычку и находятъ удовольствіе хвастаться, что они бываютъ только на тѣхъ вечерахъ, которые начинаются хорошимъ обѣдомъ съ значительнымъ возліяніемъ Бахусу. Я рѣдко видѣлъ не въ духѣ моего прекраснаго и умнаго друга мистриссъ У. Z., но могу вполнѣ извинить ея негодованіе, когда молодой Фредъ Нудль, съ которымъ въ домѣ мистриссъ У. Z. всѣ обходились чрезвычайно благосклонно и ласково, и который десятки разъ являлся на ихъ элегантные обѣды въ улицѣ Апперъ-Бэйкаръ, объявилъ въ несчастную минуту безразсудства, что болѣе онъ уже не намѣренъ посѣщать ихъ вечернія собранія. Что заставило Фреда Нудля произнесть эту браваду, я не знаю; быть можетъ, у него кружилась голова отъ вниманія, какое оказывали ему въ семействахъ Альдерменовъ, съ которыми онъ недавно познакомился, и въ кругу которыхъ корчилъ онъ ужаснаго «льва». Почему бы то ни было, но онъ объявилъ свое намѣреніе однажды въ воскресенье поутру, когда ему угодно было зайти въ улицу Бэйкаръ, чтобъ показать новые перчатки и жилетъ и съ видомъ, принадлежащимъ однимъ только дэнди, сказать нѣсколько словъ объ оперѣ (жалкое созданіе! воображаетъ, что билетъ въ восемь съ половиной шиллинговъ для входа въ партеръ даетъ ему право быть человѣкомъ моднаго свѣта),—объявивъ свое рѣшеніе, повторяю я, Нудль откланялся дамамъ и преважно отправился показывать свои новыя, лимоннаго цвѣта, перчатки въ другихъ мѣстахъ.

— Матильда, душа моя, принеси мнѣ адресную книгу, сказала мистриссъ У. Z. своей хорошенькой дочери, лишь только Нудль удалился и высокая дверь пріемной затворилась за нимъ.

Граціозная и послушная дѣвочка встала, пошла въ гостиную, гдѣ на столѣ лежала требуемая книга, которую и принесла своей мама.

Мистриссъ У. Z. раскрыла книгу на буквѣ N, подъ этой заглавной буквой отъискала имя молодаго человѣка, который только что удалился. *Нудль Ф. Сенъ-Джемскій кварталъ, улица Джерминъ, нумеръ 250.* Она взяла перо со стола и твердымъ размахомъ вычеркнула этотъ адресъ. Матильда посмотрѣла на Элизу, стоявшую подлѣ нея въ безмолвномъ страхѣ. Милая Элиза, которая была всегда очень добра, съ упрекомъ посмотрѣла на мать и сказала: «О, мама!» Милая, добрая Элиза! о, какъ я люблю сердца, проникнутыя, подобно твоему, чувствомъ состраданія!

Но мистриссъ У. Z. вовсе не имѣла расположенія къ пощадѣ и дала полную свободу естественному негодованію и чувству оскорбленнаго приличія.

— Къ чему этотъ молодой человѣкъ вздумалъ говорить мнѣ, воскликнула она:—что онъ не намѣренъ посѣщать наши вечера, тогда какъ извѣстно, что послѣ Пасхи у насъ всего будетъ два? Развѣ онъ не видѣлъ отъ насъ постояннаго радушія съ тѣхъ поръ, какъ мистеръ У. Z. привезъ его въ нашъ домъ изъ клуба Быть можетъ, онъ думаетъ, что у него и такъ много природнаго ума? Неужели онъ воображаетъ себя такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, безъ котораго ни одинъ званый обѣдъ не можетъ обойтись? Онъ просто *ничто*! не хорошъ собой, не уменъ. открываетъ ротъ только для того, чтобъ пить лафитъ вашего папа. И этотъ-то человѣкъ еще вздумалъ отказываться отъ нашихъ баловъ!... Помните дѣти, съ этой поры онъ никогда не получитъ отъ насъ приглашенія!

Когда Нудль встрѣчается въ клубѣ съ мистеромъ У. Z., этотъ добрый, но слабодушный джентльменъ прикрывается газетой, такъ чтобы Нудль не замѣтилъ его, или начинаетъ разсматривать книжные шкапы и незамѣтно исчезаетъ въ двери. Однажды они встрѣтились на лѣстницѣ, и Нудль былъ такъ безсовѣстенъ, что спросилъ о здоровьѣ мистриссъ У. Z. — Полковникъ (мистеръ У. Z. былъ полковникъ, и, притомъ, бомбейской службы) отвѣчалъ:—«Моя жена? О... гм!... Съ прискорбіемъ я долженъ сказать, что мистриссъ У. Z. была очень нездорова... особенно въ послѣднее время... очень нездорова.... она никуда не выѣзжала. Ахъ, Боже мой! я и забылъ, что мнѣ нужно быть въ домѣ Остъ-Индской Компаніи.... скажите, пожалуста, ужъ третій часъ...» И съ этими словами онъ удалился.

Я имѣлъ злобное удовольствіе описать Нудлю чрезвычайно пышный обѣдъ, который У. Z. давали наканунѣ, за которымъ присутствовали какой-то лордъ, иностранный посланникъ, увѣшанный орденами, два генерала при звѣздахъ. Обѣдъ отличался необыкновенной роскошью. Замѣтивъ въ концѣ нашего разговора дѣйствіе, которое производили мои слова на бѣднаго юношу, замѣтивъ, какъ сильно описаніе обѣда его опечалило, я сказалъ ему правду, т. е. объявилъ, что разсказъ мой—чистѣйшая ложь, и что если онъ хотѣлъ пользоваться по прежнему расположеніемъ семейства Х. У., то лучшее средство къ достиженію этой цѣли отправиться на балъ лэди Флаккъ, гдѣ, какъ я заранѣе зналъ, будутъ миссъ У. Z., и танцовать съ ними цѣлый вечеръ.

Да, любезный мой Бобъ, вы, юноши, должны иногда по необходимости отказывать себѣ въ личныхъ своихъ удовольствіяхъ, какъ бы вы ни были не расположены къ подобной жертвѣ, какъ бы ни было сильно ваше желаніе покурить въ клубѣ или полежать тамъ на кушеткѣ и почитать прелестнѣйшій новый романъ, какъ бы ни было непріятно отправляться домой, въ страшно-мрачную квартиру, гдѣ нѣтъ даже камина, и въ десять часовъ вечера, дрожа отъ стужи, одѣваться въ бальное платье и отправляться на вечеръ.

Хорошее платье, чистыя перчатки, наемный экипажъ, въ сущности, предметы излишней роскоши; но я ихъ охотно тебѣ дозволяю. Я знаю, на тебя одна мысль о предстоящемъ вечерѣ наводитъ уже скуку; но ты непремѣнно долженъ ѣздить на балы. Когда ты явишься въ общество, оно не покажется такимъ скучнымъ, какимъ ты воображаешь: въ немъ всегда можно найти что нибудь пріятное для глазъ и для мысли. Тамъ встрѣтишь ты заботливую вдовушку, которая увивается и маневрируетъ, чтобъ пріискать приличныхъ кавалеровъ для дочерей; тамъ ты увидишь хорошенькую дѣвушку, которая отъ чистаго сердца наслаждается удовольствіями бала и, во всемъ цвѣтѣ своей красоты, представляетъ собою очаровательное существо; увидишь тамъ также и бѣдную миссъ Мегготъ, одиноко прислонившуюся къ стѣнѣ,—миссъ Мегготъ, которую никто не приглашаетъ танцовать, и съ которой сдѣлать туръ вальса поставляется тебѣ въ непремѣнную обязанность. Тамъ всегда представится случай увидѣть или сдѣлать что нибудь хорошее; потому-то я и твержу тебѣ, что ты долженъ ѣздить на вечера.

Быть можетъ, я говорю съ безцеремонностью старика, который чуждъ этимъ развлеченіемъ и посматриваетъ на тебя свысока. Надобно тебѣ сказать, мой другъ, что на балахъ *мы, старики*—существа, совершенно лишнія. Видѣть, какъ танцуетъ толстенькій лысенькій человѣчекъ, зрѣлище довольно непріятное, если не смѣшное даже для него самого, особливо, когда онъ увидитъ себя въ противоположномъ зеркалѣ и при этомъ вспомнитъ, что каждый возрастъ имѣетъ свои обязанности и свои удовольствія. Однажды — Господи! прости мои прегрѣшенія! — и только однажды, клянусь честью и словомъ джентльмена, меня схватили молодые люди и привезли въ казино, гдѣ, встрѣтивъ знакомыхъ, я пустился отплясывать вальсъ въ два такта (по мнѣ это самый гадкій танецъ.... впрочемъ, и то сказать, вѣдь я старый холостякъ). Спустя нѣсколько времени я увидѣлъ въ толпѣ знакомое лицо — блѣдное, унылое и скучное старое лицо — т. е. я увидѣлъ въ зеркалѣ самого себя: мое лицо ясно говорило мнѣ, что въ этомъ собраніи я былъ безполезнымъ членомъ. «Саnities adest morosa....» нѣтъ, впрочемъ, нельзя сказать «morosa» вѣрнѣе, мнѣ нечего было дѣлать въ томъ мѣстѣ, и я ушелъ.

Какъ бы то ни было, я успѣлъ разсмотрѣть это казино на столько, чтобъ сдѣлать заключеніе.... но послѣдняя страница письма моего кончилась, а у меня столько есть матеріаловъ для разсужденій о женщинахъ, что можно бы наполнить цѣлыя сотни страницъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖЕНЩИНАХЪ.

Позволь мнѣ продолжать, любезный Бобъ, мои замѣчанія о женщинахъ и ихъ вліяніи на васъ, молодыхъ людей, — вліяніи столь огромномъ и въ добрѣ и въ злѣ.

Я имѣю, какъ тебѣ очень хорошо извѣстно, значительную сумму денегъ въ государственныхъ фондахъ, обладаніе которыми, я полагаю, не увеличиваетъ твоего уваженія къ моей особѣ, и изъ которыхъ, ты по всей вѣроятности, послѣ моей кончины, получишь свою долю. Но если я услышу о тебѣ, какъ о ревностномъ посѣтителѣ казино или любителѣ конскихъ скачекъ, гриничскихъ ярмарокъ и тому подобныхъ увеселительныхъ мѣстъ, услышу, что ты гоняешься за этими удовольствіями съ товарищами сомнительнаго поведенія, то даю честное и благородное слово, что исключу тебя изъ моего духовнаго завѣщанія и ту часть, которая была, остается теперь и, надѣюсь, останется твоею, раздѣлю между твоими сестрами.

Вспомните, сэръ, о вашихъ сестрахъ, вспомните о вашей матери, представьте себѣ ихъ безукоризненное поведеніе, ихъ нѣжныя, любящія сердца и непорочность и старайтесь, чтобы образъ вашей жизни былъ достоинъ вашихъ родственницъ во всѣхъ отношеніяхъ. Неужели бы вы захотѣли огорчить ихъ чѣмъ нибудь? Неужели бы вы рѣшились сказать или сдѣлать что нибудь такое, что могло бы вызвать румянецъ стыдливости на ихъ дѣвственныя ланиты или оскорбить ихъ нѣжныя чувства? Въ прошломъ году, на выставкѣ Королевской Академіи, когда этотъ величайшій глупецъ, разряженный оселъ, кэптенъ Григгъ, съ другимъ, не менѣе громаднѣйшимъ, олухомъ, мистеромъ Гокаръ, осмѣлились нахальнымъ образомъ всматриваться въ прелестное личико твоей маленькой сестрицы Фанни, только что вышедшей изъ пансіона миссъ Пинкертонъ, я видѣлъ, какъ честное лицо твое запылало румянцемъ негодованія, лишь только ты замѣтилъ отвратительныя улыбки и пристальные взгляды этихъ двухъ негодяевъ въ лакированныхъ сапогахъ, въ глазахъ твоихъ загорѣлся такой бѣшеный и страшный огонь, что пораженные бездѣльники весьма благоразумно повернулись направо кругомъ, страшась встрѣтиться лицомъ къ лицу съ такимъ отважнымъ молодымъ богатыремъ, какъ Бобъ Браунъ. Скажи, отчего это вся кровь закипаетъ въ тебѣ и наполняетъ твое сердце безотчетнымъ и свирѣпымъ желаніемъ побить кого нибудь, когда идея объ оскорбленіи этого прелестнаго созданія мелькнетъ въ твоей головѣ? Потому, что ты не можешь перенести одной мысли объ оскорбленіи существа столь священнаго, невиннаго и беззащитнаго. Ты бы рѣшился выйти за нее на поединокъ съ самимъ Голіафомъ. Твой мечъ выскочилъ бы изъ ноженъ (разумѣется, въ такомъ случаѣ, еслибъ вы, джентльмены съ подворья Помпъ, носили въ текущій періодъ времени мечи и ножны), чтобъ отмстить за нее или защитить ее.

Уважай все прекрасное, все невинное, мой милый Бобъ, защищай все беззащитное въ твоей сестрѣ, равно какъ и въ сестрахъ другихъ мужчинъ. Всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстна исторія объ одномъ джентльменѣ прошлаго столѣтія. Въ то время, когда толпа молодыхъ фанфароновъ, при выходѣ изъ Оперы, стала насмѣхаться и толкать какую-то старушку лэди—старую лэди, одинокую, безобразную и беззащитную—этотъ джентльменъ почтительно предложилъ ей свою руку, вывелъ изъ театра, посадилъ въ свою карету, дожидавшуюся его у подъѣзда, и самъ пошелъ пѣшкомъ подъ проливнымъ дождемъ. Двадцать лѣтъ спустя онъ получилъ по духовному завѣщанію отъ той лэди, въ знакъ признательности за его вѣжливый поступокъ, двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода. Всѣмъ намъ знакома эта исторія, и я считаю весьма вѣроятнымъ, что ты, за свою вѣжливость къ женщинамъ, будешь имѣть, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ фунтовъ въ годъ: будь только вѣжливъ и почтителенъ ко всякой женщинѣ.

Я бы совѣтовалъ тебѣ руководиться этимъ правиломъ относительно вообще всѣхъ женщинъ — отъ прекраснѣйшей и образованнѣйшей лэди изъ твоихъ знакомыхъ до прачки, которая приводитъ въ порядокъ твои комнаты. Можно утвердительно сказать, что мужчины, которые позволяютъ себѣ шутить съ своими служанками и горничными, не имѣютъ высокихъ умственныхъ или моральныхъ качествъ. Потрепать за подбородокъ горничную или позволить кухаркѣ Молли притти изъ верхнихъ комнатъ на кухню, оскаливъ зубы — неприлично, даже унизительно для джентльмена. Мясникъ, который приноситъ къ Молли часть телятины, можетъ поговорить съ нею на порогѣ кухни, съ горничной Бетти можетъ обмѣняться шуточными замѣчаніями прикащикъ овошенной лавки, подавая ей свертокъ съ сахаромъ и чаемъ, но отнюдь не джентльменъ. Мы должны жить соображаясь съ нашимъ положеніемъ въ обществѣ. Я намекаю тебѣ объ этомъ такъ, мимоходомъ, и потому еще, что однажды, простившись съ нашими добрыми друзьями мистеромъ и мистрисъ Фэйрфаксъ и дожидаясь тебя на площадкѣ лѣстницы, я услышалъ смѣхъ въ пріемной, гдѣ ты изволилъ надѣвать пальто, и гдѣ эта чертовски хорошенькая горничная отворяла тебѣ дверь. Пользуясь этимъ случаемъ, я намѣренъ сдѣлать тебѣ нѣсколько замѣчаній относительно обхожденія съ прислугой какъ твоихъ знакомыхъ, такъ и твоей собственной: будь благодаренъ ей, и, повѣрь, она, въ свою очередь, будетъ къ тебѣ признательна. Молодой человѣкъ, который живетъ на квартирѣ, долженъ уважать бѣдную маленькую служанку, исполняющую такое множество домашнихъ работъ; онъ не долженъ посылать ее слишкомъ часто съ своими порученіями, не долженъ безъ нужды прибѣгать къ колокольчику. Во время посѣщенія своихъ товарищей, въ одинаковомъ съ тобой положеніи, будь, пожалуйста, почтителенъ и добръ въ своемъ обращеніи съ бѣдной маленькой Абигэйль. Если ты посѣщаешь семейные дома — надѣюсь, ты ихъ будешь посѣщать — дома, гдѣ встрѣтишь многихъ добрыхъ джентльменовъ и милыхъ дамъ, которые не любятъ, чтобъ за столами ихъ прислуживали лакеи, то, прошу тебя, будь особенно вѣжливъ (хотя и не въ такой степени, какъ это было по случаю обѣда у мистера Фэйрфаксъ) къ женской прислугѣ. Благодари ее, когда она тебѣ прислуживаетъ. Дари ее отъ времени до времени полкроной, или, лучше, дари ее такъ часто, какъ позволятъ тебѣ твои денежныя средства. Эти маленькіе подарки составятъ весьма незначительную сумму въ итогѣ твоихъ расходовъ; не было еще примѣра, чтобъ подобные подарки разоряли человѣка. Съ другой же стороны, они доставляютъ невинное удовольствіе весьма почтенному, дѣятельному и доброму сословію....

Но поспѣшимъ изъ передней въ гостиную, куда фортуна забросила твой жребій въ жизни: я намѣренъ объяснить тебѣ, почему мнѣ такъ хочется, чтобъ ты посвятилъ себя той миленькой лэди, которая сидитъ въ гостиной. Я не говорю, однакожь, что въ мірѣ нѣтъ женщинъ необразованныхъ и грубыхъ, злобныхъ и глупыхъ, сплетницъ, преслѣдовательницъ жениховъ, рабынь моды и лицемѣрокъ: нѣтъ! я хочу только сказать, что уважаю, восхищаюсь и почти обожаю добрыхъ женщинъ; я полагаю, что подобныхъ женщинъ отъищется значительное множество не только въ цѣломъ мірѣ, но и во всякомъ кружкѣ общества всякаго благовоспитаннаго англичанина, все равно, находится ли этотъ кружокъ въ кварталахъ Белгравіи и Мэй-Фэйра, въ уютныхъ загородныхъ виллахъ, въ древнихъ замкахъ, или въ заднихъ комнатахъ какого нибудь магазина. Я имѣлъ особенное счастіе встрѣчаться съ прекраснѣйшими англійскими лэди въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ: я встрѣчался съ прелестными и любящими замужними женщинами, съ нѣжными и добрыми матерями семействъ, со счастливыми и невинными дѣвицами. Вотъ такое-то общество я тебѣ и рекомендую, потому что въ ихъ обществѣ тебѣ никогда не придетъ въ голову что нибудь дурное. Итакъ, войдемъ въ гостиную лэди Z., этой большой барыни. Посмотри на ея очаровательное лицо и послушай ея голосъ. Ты сейчасъ же убѣдишься, что, при такомъ лицѣ и съ такимъ голосомъ, она не можетъ быть не доброю. Она изъ числа тѣхъ счастливыхъ созданій, на которыхъ небу угодно было ниспослать самые драгоцѣнные дары свои и самыя богатыя милости нашего тлѣннаго міра. Замѣть, съ какой граціей она принимаетъ тебя, съ какимъ искреннимъ радушіемъ, прелестью и достоинствомъ! Ея взгляды, ея движенія, ея слова, ея мысли всѣ такъ прекрасны, и все такъ гармонируетъ одно съ другимъ. Посмотри на нее въ кругу дѣтей: какая женщина можетъ быть простосердечнѣе и добрѣе? Поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ, ты находишь, что она вдесятеро начитаннѣе тебя. Он имѣетъ сотни дарованій, которыхъ не расположена выказывать, и нисколько не хвастается ими, какъ не хвастается своими брильянтами: она рождена для этого, она имѣетъ на это счастливыя и восхитительныя права отъ природы и богатства, которымъ обладаетъ, — восхитительныя и счастливыя, какъ для нея, такъ и для меня; ибо не счастіе ли для насъ восхищаться ею? Кому непріятенъ видъ прекраснаго? Мы должны быть благодарны за дозволеніе созерцать такое совершенство красоты и добродушія. Какъ видъ хорошаго ландшафта или прекраснаго произведенія искусства приводитъ въ восторгъ человѣка, дѣйствуетъ на него благотворно и пробуждаетъ въ сердцѣ его чувство благодарности, такъ точно каждый изъ насъ долженъ ощущать очарованіе и благодарность за случай познакомиться съ совершеннѣйшей женщиной. Милостивая государыня! еслибъ позволяли подагра и свѣтскіе обычаи, я бы упалъ предъ вами на колѣни и поцаловалъ край вашей одежды. Ваше прелестное лицо навѣваетъ на душу какое-то отрадное спокойствіе, день, въ который встрѣчаешь васъ въ паркѣ въ вашей каретѣ, становится днемъ праздничнымъ. Вези же ее вѣрно и безопасно, о, ты, возница въ серебристомъ парикѣ! направляй ея экипажъ ко всякаго рода великолѣпію, почестямъ и царскимъ празднествамъ! А что касается до насъ, то будемъ довольствоваться и радоваться, что намъ даровано право любоваться ею и восхищаться.

Теперь, мой добрый Бобъ, перенесись мысленно въ другую гостиную. Тамъ сидитъ старая лэди, лѣтъ восьмидесяти; она весела, добра и такъ же хороша собою въ преклонныхъ лѣтахъ, какъ и въ юношескомъ возрастѣ, когда ее окружали толпы поклонниковъ. Чего только она не видѣла на своемъ вѣку? Слава и умъ, знаменитость и красота болѣе половины столѣтія проходили по комнатамъ, въ которыхъ ты имѣешь честь дѣлать ей нижайшій поклонъ. Теперь она очень привѣтлива и простосердечна, какъ будто лесть никогда ее не ослѣпляла. Она никогда не уставала нравиться и быть ласковою, доброю. Что можетъ доставлять человѣку такое спокойствіе, послѣ восьмидесяти лѣтъ, проведенныхъ въ этой жизни, — что, какъ не жизнь, исполненная добра? Могла ли бы эта женщина смотрѣть на конецъ своей жизни такъ радостно, еслибъ длинный путь ея не былъ чистъ и непороченъ? Уважай ее, Бобъ, за то собственно, что она такъ счастлива теперь, при ея глубокой старости. Мы не знаемъ, сколько добра было оказано этой женщиной, сколько страстей и испытаній перенесло ея сердце, пока не образовались въ ней этотъ очаровательный, плѣнительный нравъ, эти прекрасныя и изящныя манеры. Если мы не станемъ восхищаться такою старостью, не станемъ уважать ее и извлекать пользу изъ созерцанія ея, то скажите же, что мы должны уважать и чѣмъ восхищаться?

Или, наконецъ, пройдемъ вотъ чрезъ этотъ магазинъ (пока мистеръ N. рекомендуетъ любителю изящнаго какую-то картинку или завертываетъ тетрадку дешевой почтовой бумаги и откланивается бѣдняку-покупателю, въ курткѣ и фартукѣ, съ тою же почтительной важностью, которую онъ оказалъ бы, отпустивъ товаръ какому нибудь герцогу) и посмотримъ на мистриссъ N., играющую съ ребенкомъ, въ ожиданіи прихода мистера N. къ чаю. Они пьютъ чай въ пять часовъ. Они такіе же порядочные люди, какъ и тѣ, которые обѣдаютъ тремя часами позже ихъ. Или не угодно ли тебѣ заглянуть въ квартиру мистриссъ Ж., которая за рукодѣльемъ ждетъ возвращенія мужа изъ должности? Она краснѣетъ и прячетъ работу, услышавъ звонокъ; но, увидѣвъ, кто такой посѣтитель, она съ улыбкой достаетъ спрятанное за диванную подушку рукодѣлье, и, посмотрите, это одинъ изъ мужниныхъ жилетовъ, къ которому она пришиваетъ пуговки. Мистриссъ Ж. могла бы быть герцогиней и блестѣть въ брильянтахъ, еслибъ судьбѣ угодно было это, и чѣмъ выше было бы ея положеніе въ обществѣ, тѣмъ бы лучшимъ она служила для него украшеніемъ. За своимъ рукодѣльемъ она кажется такою же очаровательною, какъ и всякая большая барыня. Мистриссъ Ж. можетъ поспорить съ ней своею красотой, добродушіемъ, благородной граціей и милой наивностью. Признаюсь, лучше ея я никого не могу себѣ представить.

Вотъ съ какими людьми, мой милый Бобъ, я рекомендую тебѣ сблизиться, если только судьба приведетъ тебя въ ихъ общество. Не думаю, чтобъ ты нашелъ подобныхъ людей въ казино или въ танцовальныхъ балаганахъ Гриничской ярмарки.

О ДРУЖБѢ.

Выборъ друзей, мой добрый Робертъ, составляетъ предметъ, относительно котораго каждый молодой человѣкъ нашей столицы долженъ руководствоваться совѣтами опытнаго человѣка и, во всякомъ случаѣ, долженъ быть остороженъ. Говорятъ, что примѣръ лучше правила; но, рискуя даже показаться смѣшнымъ въ твоихъ глазахъ, я разскажу тебѣ приключеніе, которое случилось со мною, которое въ одно и то же время и смѣшно и печально (по крайней мѣрѣ, для меня), и которое покажетъ тебѣ, до какой степени человѣкъ, одаренный отъ природы благоразуміемъ и способностію быть осторожнымъ, можетъ сдѣлаться жертвою безразсуднаго выбора друзей. Выслушай же, мой милый Робертъ, «Исторію Расселаса, принца Абиссиніи».

Въ 1810 году я былъ безпечнымъ молодымъ холостякомъ, совершенно такимъ же, какъ ты въ настоящее время (въ самомъ дѣлѣ, это было года за три до моей женитьбы на твоей бѣдной, доброй теткѣ). Я имѣлъ мѣсто въ Палатѣ Храненія Государственной Печати, жилъ на квартирѣ въ подворьи Помпъ, au troisième, и проводилъ тамъ самую нелѣпую жизнь. Въ ту пору я былъ свободнымъ и веселымъ молодымъ человѣкомъ (ты можешь сколько тебѣ угодно сомнѣваться въ справедливости моихъ словъ, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что съ тѣхъ поръ я много измѣнился) и не такимъ разборчивымъ въ выборѣ друзей, какимъ научилъ меня быть послѣдующій опытъ.

Противъ дома, въ которомъ находилась наша квартира, проживалъ суффолькскій джентльменъ, хорошей фамиліи, котораго я назову мистеромъ Блюдайеромъ. Наши мальчики или писцы первые завели съ нимъ знакомство; они старались оказывать разныя одолженія другъ другу, снабжали пріятеля, насчетъ своихъ господъ, углемъ, сапожными щетками, фаянсовой посудой, а случалось и серебряными вилками и ложками, когда кто нибудь изъ насъ давалъ на квартирѣ пирушку. Узнавъ въ скоромъ времени, что мистеръ Блюдайеръ получилъ образованіе въ Оксфордскомъ Университетѣ, что его старшій братъ былъ джентльменъ, владѣтель хорошаго имѣнія, и пользовался доброй репутаціей въ своемъ округѣ, я не видѣлъ ни малѣйшаго препятствія познакомиться съ нимъ и въ заключеніе принялъ его приглашеніе раздѣлить огромный паштетъ съ дичью, который онъ привезъ изъ провинціи. Помнится еще, что въ этотъ день я одолжилъ ему мой серебряный чайникъ, который въ убранствѣ стола разъигрывалъ немаловажную роль. Это тотъ самый чайникъ, который я подарилъ тебѣ, когда ты принялъ во владѣніе нынѣшнюю твою квартиру.

Мистеръ Блюдайеръ былъ охотникъ. Между джентльменами того времени существовало обыкновеніе подражать въ одеждѣ своей, до крайней возможности, кучерамъ и извощикамъ; сапоги съ длинными голенищами и отворотами, огромные бѣлые кафтаны съ капишонами, небрежно надѣтые шейные платки и тому подобныя украшенія были тогда въ модѣ. За столами холостяковъ самаго высшаго сословія вы нерѣдко встрѣчали кулачныхъ бойцовъ, жокеевъ и слышали разсказы о кулачномъ или пѣтушиномъ боѣ и т. д. Помню, за однимъ изъ завтраковъ сидѣлъ милордъ Тильбири (который впослѣдствіи сломалъ себѣ шею на конской скачкѣ, и чрезъ это несчастное обстоятельство, благородная фамилія Тильбири пресѣклась), и я нѣсколько времени смѣшивалъ милорда съ кулачнымъ бойцомъ, голландскимъ Самсономъ, который принятъ былъ въ это общество и по одеждѣ и пріемамъ имѣлъ величайшее сходство съ благороднымъ виконтомъ.

Мое знакомство съ мистеромъ Блюдайеромъ перешло наконецъ въ дружбу. Это былъ вполнѣ милый и добрый человѣкъ и въ добавокъ довольно образованный. Его веселый характеръ и шумныя исторіи доставляли удовольствіе человѣку, который, при всѣхъ своихъ миролюбивыхъ наклонностяхъ, никогда непрочь былъ отъ веселыхъ товарищей. Мы любили обѣдать вмѣстѣ въ кофейныхъ домахъ. Въ ту пору клубы не были еще въ такой модѣ, какъ теперь: тогда они привлекали къ себѣ только одну аристократію. Вообще говоря, мы были съ мистеромъ Блюдайеромъ въ весьма дружелюбныхъ отношеніяхъ. Блюдайеръ, отважный мужчина, съ силою атлета, иногда по вечерамъ давалъ полную свободу настроенію своего духа и, въ такія минуты, готовъ былъ, какъ велась тогда пословица, перемолоть въ своихъ жерновахъ не одного Чарли (*). Въ то время молодые люди лучшихъ фамилій не считали за стыдъ провести ночь въ полицейскомъ домѣ и даже находили въ этомъ какое-то удовольствіе. Autres temps, autres moeurs.

Около этого времени я считался (и не безъ основанія, потому что былъ внимателенъ къ ней, тѣмъ болѣе, что старшій мой братъ, твой отецъ, весьма замѣтно пренебрегалъ ею) любимымъ племянникомъ моей тетушки, мистриссъ генеральши Макъ-Виртеръ, которая получила отъ покойнаго мужа весьма порядочное наслѣдство. Не краснѣя могу признаться, что я оказывалъ ей величайшее вниманіе, на которое, впрочемъ, она имѣла полное право по своимъ лѣтамъ, своему полу и значительному богатству. Я любилъ приносить лакомства ея любимой собаченкѣ. Каждый вечеръ я ходилъ къ ней на чай. Каждое воскресенье я провожалъ ее за Блакфрайарскій мостъ, въ капеллу Ротунда слушать проповѣди высокопочтеннаго Роланда Гилля, и прочитывалъ всѣ назидательные трактаты, которыми она щедро снабжала меня, — словомъ, дѣлалъ всевозможныя угожденія,

---

(*) Имя кулачнаго бойца.

чтобъ успокоить и утѣшить эту лэди съ оригинальнными понятіями и привычками и съ большимъ состояніемъ. Твой отецъ называлъ меня «подлипалой»; но я не обращалъ на это вниманія: онъ велъ въ то время разгульную жизнь, да, къ тому же, мы не были съ нимъ въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ.

Итакъ, мой другъ, тетушка моя, мистриссъ генеральша Макъ-Виртеръ, сдѣлала меня своимъ главнымъ повѣреннымъ. Я устраивалъ ея денежныя дѣла и дѣйствовалъ за нее у банкировъ и адвокатовъ, и такъ какъ она всегда отзывалась о твоемъ отцѣ, какъ о взбалмошномъ и безнравственномъ человѣкѣ, то я имѣлъ основательный поводъ полагать, что получу въ наслѣдство все ея состояніе, бо̀льшая часть котораго, впрочемъ, перешла совершенно къ другой отрасли нашей фамиліи. Но я этому не завидую, Бобъ, нисколько не завидую. Ваше семейство, Бобъ, многочисленно; того, что осталось мнѣ отъ покойной жены, для меня весьма достаточно.

Случилось такъ, что въ іюнѣ 1811 года— я еще помню, что въ то время комета яркимъ блескомъ своимъ на многихъ наводила суевѣрный страхъ, и мистриссъ Макъ-Виртеръ была такого мнѣнія, что существованіе свѣта приходило къ концу — итакъ, въ іюнѣ 1811 года мистеръ Блюдайеръ, въ квартирѣ котораго происходила передѣлка, попросилъ позволенія занять мою квартиру, гдѣ хотѣлъ дать своимъ пріятелямъ завтракъ. Не видя въ этомъ ничего дурнаго, я, безъ всякаго сомнѣнія, согласился, и въ обычный часъ отправился на службу въ Палату Храненія Государственной Печати, отдавъ приказаніе моему слугѣ, чтобъ желанія пріятелей мистера Блюдайера были исполняемы во всей точности.

Несчастіе какъ будто преслѣдовало меня. Въ эту злосчастную пятницу мистриссъ Макъ-Виртеръ, въ жизнь свою не входившей на мою лѣстницу (потому что твоя пра-тетушка была особа немаловажная и постоянно страшилась апоплексіи, которая наконецъ и унесла ее изъ нашего міра вскорѣ послѣ этого происшествія), встрѣтилась надобность посовѣтоваться со мною насчетъ своего наслѣдства. Она поднялась на лѣстницу и отворила дверь, на которой красовалась мѣдная дощечка съ надписью: *Мистеръ Томасъ Браунъ.* Я уже сказывалъ, что это была женщина, выходившая изъ разряда дюжинныхъ женщинъ: она любила яркіе цвѣта въ своей одеждѣ и, послѣ продолжительнаго пребыванія въ восточной Индіи, рѣдко выходила изъ дому безъ драгоцѣнной райской птички на шляпкѣ и безъ великолѣпной кашмировой шали на плечахъ.

Представь же себѣ ея изумленіе, когда она, при входѣ въ мою квартиру, въ три часа пополудни, встрѣчена была густыми облаками табачнаго дыму, клубившимися по всему коридору, и бѣшенымъ и яростнымъ бульдогомъ, который бросился на нее, лишь только она переступила порогъ моей пріемной!

Этотъ бульдогъ, сэръ, раздраженный, безъ всякаго сомнѣнія, блестящими цвѣтами ея платья, бросился на нее стремглавъ и сшибъ ее съ ногъ. Мистриссъ Макъ-Виртеръ закричала такъ громко и пронзительно, что голосъ ея покрылъ голосъ самого Блюдайера, который въ это время сидѣлъ на столѣ и ревѣлъ во все горло охотничью пѣсню: «*Южный вѣтерокъ и облачное небо предвѣщаютъ охотнику удачное поле*», между тѣмъ, какъ владѣтель собаки, извѣстный кулачный боецъ, мулатъ Поррой, въ эту минуту, вѣроятно, пьяный донельзя, не только не откликнулъ собаку, но поощрялъ ея нападеніе на беззащитную лэди и хохоталъ надъ пыткой, которую она переносила.

Мистеръ Блюдайеръ, мулатъ и еще человѣка три, въ то самое время, когда моя бѣдная тетушка появилась между этими грубыми негодяями, совѣщались насчетъ кулачнаго боя въ рощѣ Маузли. Было всего три часа; но они послали въ ближайшій трактиръ за грогомъ, и, когда я воротился изъ должности, стаканы, полные животворной влаги, искрились на столахъ, какъ гласитъ одна вакхическая пѣсня, которую Блюдайеръ уважалъ болѣе другихъ. Мулатъ и молодой кэптенъ Кавендишъ были записные курильщики. При первыхъ крикахъ моей тетушкѣ, они и всѣ другіе джентльмены разразились громкимъ смѣхомъ; нѣкоторые изъ нихъ называли ее «старой дѣвой», а отвратительный мулатъ только тогда оторвалъ собаку свою отъ пышныхъ оборокъ свѣтло-желтаго платья тетушки, когда послѣдняя окончательно упала въ обморокъ.

Когда несчастная жертва грубой наглости спросила задыхающимся голосомъ, гдѣ ея племянникъ, ей отвѣтили новымъ взрывомъ хохота.

— Эта старушонка, вѣроятно, пришла на свиданіе, сказалъ Блюдайеръ. — Уйдемте отсюда, друзья!

И онъ увелъ оскотинившуюся компанію на свою квартиру, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, кончены были совѣщанія относительно кулачнаго боя.

Итакъ, воротясь въ обычное время домой, то есть около трехъ съ половиной часовъ, я засталъ мистриссъ Макъ-Виртеръ въ истерическомъ припадкѣ на моей софѣ. На полу валялись разбитыя трубки; жестяныя крышки отъ блюдъ, холодный соусъ изъ турецкихъ бобовъ, трактирные судки, и жалкіе остатки недавней оргіи въ безпорядкѣ покрывали скатерть, залитую пивомъ. Замѣтивъ припадокъ тетушки, я свирѣпо приказалъ слугѣ открыть окно и, схвативъ стаканъ воды, стоявшій на столѣ, поднесъ его къ губамъ страдалицы. Но—о, ужасъ!—въ стаканѣ, который я поднесъ этой бѣдной лэди, заключался грогъ!

Она вскочила съ дивана съ такимъ страшнымъ визгомъ, что отъ страха я опрокинулъ стаканъ. Съ посинѣвшимъ лицомъ, дрожащимъ голосомъ и задыхаясь отъ гнѣва, она поклялась, что никогда не проститъ мнѣ этого поступка. Тщетно представлялъ я различные доводы и оправданія. Я упалъ передъ ней на колѣни, умолялъ ее успокоиться, кликнулъ лакея и приказалъ ему быть свидѣтелемъ моей невинности; но этотъ дерзкій негодяй засмѣялся мнѣ прямо въ лицо. Зато ужь я же его поблагодарилъ: я проводилъ его съ лѣстницы, лишь только удалилась моя тетушка; а она удалилась немедленно. Она сѣла въ карету, которая дожидалась ее на ближайшемъ перекресткѣ, и до которой я проводилъ ее со слезами на глазахъ, среди толпы смѣявшихся надо мною адвокатскихъ писцовъ и привратниковъ Темпля. Несмотря на всѣ мои усилія вымолить у ней прощеніе, она подняла окно кареты подъ самымъ моимъ носомъ. Это былъ ея первый визитъ и послѣдній.

Если я становлюсь слишкомъ патетиченъ, разсказывая тебѣ эту исторію, любезный мой Бобъ, то, повѣрь, имѣю на то свои причины. Твоя пра-тетушка оставила послѣ своей смерти тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ твоимъ родственникамъ, а остальное—миссіонерамъ. При этомъ случаѣ, считаю долгомъ представить на видъ довольно любопытное доказательство женскаго безразсудства. Моя тетушка, весьма серьёзная особа, объявила на смертномъ одрѣ, что оставила бы мнѣ всѣ свои деньги, еслибъ я вызвалъ на дуэль мистера Блюдайера, который оскорбилъ ее, и съ которымъ, конечно, я бы обмѣнялся выстрѣлами, еслибъ зналъ, что убійство подобнаго рода понравится мистриссъ Макъ-Виртеръ.

Мои желанія, милый Бобъ, весьма умѣренны. Тетушка твоя оставила мнѣ порядочный капиталъ, и, повторяю, нисколько я не завидую богатству моего брата Джорджа. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобнаго рода несчастіе можетъ повториться еще разъ.... Это было бы величайшимъ бѣдствіемъ. Я разсказалъ тебѣ эту исторію съ тою цѣлью, чтобъ она показала тебѣ, какое важное вліяніе имѣетъ хорошее общество на человѣка вообще и на молодаго въ особенности, и что молодой человѣкъ въ одинаковой степени долженъ остерегаться и своихъ друзей и своихъ враговъ.

Мы поговоримъ объ этомъ предметѣ въ будущемъ письмѣ; а до того времени я остаюсь, любезный мой Бобъ,

душевно преданнымъ тебѣ

«Дядей.»

МИСТЕРЪ БРАУНЪ СТАРШІЙ ВВОДИТЪ МИСТЕРА БРАУНА МЛАДШАГО ВЪ КЛУБЪ.

Предполагая, что милый мой Бобби до тѣхъ поръ не ознакомится вполнѣ со столицей, пока не получитъ позволенія посѣщать одинъ изъ почтенныхъ клубовъ, я поставляю себѣ въ особенное удовольствіе увѣдомить его, что сегодня онъ избранъ членомъ клуба Полианта, по предложенію моего пріятеля лорда виконта Колхикума, поддержанному любящимъ тебя твоимъ дядей. Я устроилъ съ мистеромъ Стиффомъ, почтеннымъ секретаремъ клуба, предварительныя денежныя распоряженія относительно свободнаго входа и подписной платы за первый годъ. Слѣдующіе взносы я долженъ предоставить попеченію моего благороднаго племянника.

Вы избраны, сэръ, всего только съ двумя черными шарами. Всѣ другіе джентльмены, которые подвергались балотировкѣ, имѣли такихъ шаровъ по четыре, исключая Тома Гарика, который получилъ болѣе черныхъ, чѣмъ бѣлыхъ. Не тщеславься, однакожь, этой побѣдой и не воображай себя популярнѣе другихъ людей. Я не хочу только сказать тебѣ, что кэптенъ Слайбутсъ и я, имѣя свои подозрѣнія относительно дѣйствій нашего митинга, на случай твоей неудачи, всунули по два черные шара въ ящики другихъ кандидатовъ.

Теперь, когда ты сдѣлался членомъ Поліанта, надѣюсь, ты будешь держать себя прилично этому мѣсту, и позволь предложить тебѣ нѣсколько совѣтовъ насчетъ твоего поведенія.

Въ Поліантѣ, не такъ, какъ въ другихъ клубахъ, мы не стѣсняемся другъ передъ другомъ, и между нами поддерживается нѣкоторый родъ скромной пріязни. Поэтому совѣтую тебѣ не входить въ клубъ, какъ это дѣлается въ клубѣ Чокерсъ (котораго я также членъ), нахмуривъ брови изъ-подъ шляпы и съ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто ты хочешь сказать: «чортъ возьми вашу наглость, сэръ! какъ вы смѣете смотрѣть на меня?» Брось это глупое высокомѣріе: оно вовсе нейдетъ къ твоему юношескому лицу, мой милый Бобъ,—и съ этимъ совѣтомъ вступимъ на ступеньки лѣстницы нашего клуба. Посмотри, вотъ старый Нозворти въ крытомъ балконѣ читаетъ газету. Его можно постоянно видѣть на этомъ самомъ мѣстѣ и постоянно за газетой.

Мы проходимъ мимо почтеннаго швейцара и расторопныхъ лакеевъ, изъ которыхъ каждымъ ты можешь распоряжаться отнынѣ, какъ своимъ собственнымъ. Вотъ швейцаръ записываетъ въ книгу имя мистера Роберта Брауна младшаго. Онъ будетъ раскланиваться съ тобою и будетъ вѣжливъ къ тебѣ до самой своей смерти. А! вотъ и Джокинсъ: онъ прижалъ бѣднаго Стэйльза къ колоннѣ и сообщаетъ ему мнѣніе Сити о Джорджѣ Гудсонѣ, эсквайрѣ, и о томъ, когда сэръ Робертъ приметъ управленіе Остъ-Индской Компаніей.—Какъ поживаете, Джокинсъ? Хороши ли вѣсти изъ Индіи? Будетъ ли Джильбертъ сдѣланъ барономъ Гуджератскимъ? — Я не стану рекомендовать тебя Джокинсу, мой бѣдный Бобъ: онъ отрекомендуется самъ, и черезъ нѣсколько дней ты самъ узнаешь его покороче.

Вонъ тѣ три джентльмена, что сидятъ на софѣ, урожденцы Ирландіи. Они приходятъ сюда ежедневно и ухаживаютъ за баллинафадскимъ депутатомъ, который въ настоящую минуту занимается въ кабинетѣ.

Я замѣтилъ, что въ Лондонѣ каждый ирландскій джентльменъ сопровождается другими ирландскими джентльменами, которые ухаживаютъ за нимъ повсюду. Они прислуживаются къ нему до тѣхъ поръ, пока высокопочтеннѣйшій членъ Парламента баллинафадскій депутатъ не доставитъ имъ трехъ мѣстъ: въ Акцизной Палатѣ, въ Таможнѣ и Почтовомъ Управленіи. Одинъ изъ нихъ посылаетъ домой громадныя статьи о здѣшнихъ политическихъ кружкахъ и о самой политикѣ, и эти статьи печатаются въ *Баллинафадскомъ Вѣстникѣ*. Онъ знаетъ все. Ему извѣстно, кто написалъ знаменитый памфлетъ: «Средства и способы для благоденствія Ирландіи»; ему извѣстны всѣ секреты нынѣшняго кабинета, всѣ планы сэра Джемса Грэма. Какимъ образомъ лордъ Джонъ можетъ существовать статьями, которыя пишетъ въ ирландскій журналъ, для меня это вещь непостижимая. Надѣюсь, что Почтовое Управленіе въ скоромъ времени поправитъ его житейскія дѣла.

Это вотъ газетная комната.... Въ нее входитъ швейцаръ съ вечерними газетами... Посмотри, съ какою жадностью бросаются на нихъ! Не желаешь ли и ты заглянуть въ одну изъ нихъ? Вотъ это «Standard». Въ немъ помѣщена прекрасная статейка насчетъ клуба Старлингъ, — весьма пріятная, наивная, деликатная статейка. Клубъ этотъ состоитъ изъ духовныхъ лицъ, атеистовъ, писателей и артистовъ. Главный предметъ ихъ бесѣды заключается въ богохульствѣ. У нихъ, по срединѣ обѣденнаго стола, красуются статуи Сократа и Магомета; они пользуются каждымъ благопріятнымъ случаемъ оказать неуваженіе Моисею; и какой нибудь джентльменъ, облеченный въ санъ пастора, всегда предлагаетъ тостъ знаменитой, блаженной и вѣчной памяти Конфуція. Молитва не имѣетъ тамъ мѣста; писатели комическихъ пьесъ и вообще все общество трактуютъ о догматахъ вѣры съ ужаснымъ неуваженіемъ. Удивительно, какъ этимъ безнравственнымъ людямъ позволяютъ дѣлать сходбища, позволяютъ совершать отвратительно-чудовищныя оргіи.... Ну, посмотрѣлъ! — пойдемъ дальше въ другія комнаты.

Какое тихое и пріятное мѣсто уединенія представляетъ собою библіотека послѣ шума и гама газетной комнаты! Здѣсь почти никого не бываетъ. Англійскіе джентльмены пріобрѣтаютъ въ періодъ ранней своей жизни такія громадныя свѣдѣнія, что бросаютъ чтеніе, лишь только бритва впервые коснется ихъ бороды; кромѣ газетъ, они не заглядываютъ ни во что печатное. Какъ мила эта комната—не правда ли? —съ ея скромной драпировкой и длинными линіями безмолвныхъ, безмятежныхъ книгъ! Ничто не нарушаетъ тишины ея,—ничто, кромѣ мелодіи носовыхъ звуковъ Горнера, который сладко дремлетъ на одномъ изъ дивановъ. Что онъ читаетъ? — А! «*Пенденниса*», № VII.—Гм!... пойдемъ дальше. Да, мимоходомъ сказать, читалъ ли ты «*Да-*

вида Копперфильда»? — Какая прелестная книга, — сколько въ ней очаровательной свѣжести и простосердечія! Въ этихъ удивительныхъ чертахъ нѣжнаго юмора — я долженъ, Бобъ, назвать юморомъ это сочетаніе любви и разсудка — кто можетъ сравниться съ такимъ великимъ геніемъ? Каждое слово, каждая мысль производятъ на читателя благотворное вліяніе. Каково должно быть положеніе писателя, чтобъ поддерживать въ читателяхъ расположеніе къ себѣ! Какая громадная отвѣтственность лежитъ на немъ! Сохраняя такое положеніе и зная, что его слова, его мысли обращаются въ обширномъ кругу человѣчества, усвоиваются людьми пожилыми, переходятъ къ ихъ дѣтямъ и, быть можетъ, перейдутъ къ дѣтямъ ихъ дѣтей, онъ непремѣнно долженъ помышлять о своемъ призваніи съ сердцемъ смиреннымъ, но въ то же время исполненнымъ высокаго торжества. Дай Богъ, чтобъ любовь и истина руководили подобными людьми навсегда! Молитва эта истекаетъ отъ чистаго сердца, проникнутаго чувствомъ искренняго благоговѣнія. Да услышитъ ее Небо! Пусть литературные журналы судятъ и осуждаютъ его; но.... А! Горнеръ наконецъ просыпается! — Какъ поживаете, Горнеръ?

Вотъ въ этой комнатѣ, тихой и спокойной, какъ и библіотека, играютъ въ карты. Въ ней всегда собираются три-четыре страстныхъ любителя карточной игры. Въ этомъ храмѣ тузовъ горятъ почти неугасимые огни.

Я всегда любуюсь этими людьми, мой милый Бобъ, любуюсь ихъ спокойными, серьёзными лицами, ихъ молчаніемъ за этими небольшими зелеными столами. Душевное движеніе не отражается на ихъ лицахъ; при выигрышѣ или проигрышѣ они не обнаруживаютъ ни сожалѣнія, ни радости; спокойно занимаясь игрой своей (да, игру можно назвать занятіемъ, требующимъ, безъ шутокъ, обширнаго знанія и тщательнаго изученія предмета), они вполнѣ углубляются въ нее и становятся философски-равнодушными къ трудамъ и заботамъ многочисленнаго работящаго свѣта за стѣнами ихъ покойной комнаты. Пусть д'Израэли говоритъ свою лучшую рѣчь, пусть венгерцы овладѣваютъ Вѣной, пусть Людовикъ-Филиппъ снова вступаетъ на престолъ, пусть, наконецъ, Темза пылаетъ огнемъ, — но полковникъ Памъ и мистеръ Трумпингтонъ не оставятъ своего стола: до такой степени они углублены въ свое занятіе. Вскрытіе туза въ тысячу разъ интереснѣе для нихъ, чѣмъ всѣ дѣла всего свѣта. Они будутъ заниматься этимъ дѣломъ съ неослабнымъ рвеніемъ, пока не призоветъ ихъ смерть, и пока они не съиграютъ послѣдняго козыря въ игрѣ жизни.

Любопытно припомнить, что столѣтіе тому назадъ почти всѣ джентльмены, генералы, государственные люди, ученые мужи и духовныя особы, посвящали карточной игрѣ ежедневно по нѣскольку часовъ, что дѣлали также и наши бабушки. Въ настоящее время бѣдные бубновые короли и дамы почти совсѣмъ покинуты: они оплакиваютъ участь свою, сравнивая нынѣшнее незначительное число своихъ обожателей съ миріадами вѣрноподданныхъ, которые служили имъ въ минувшіе годы.

Я не спорю, занятія другихъ людей бываютъ иногда еще гораздо болѣе безплодны и ничтожны; но вообрази себѣ жизнь, подобную жизни этого полковника: онъ посвящаетъ часовъ восемь или девять сну, восемь или девять—козырямъ, а остальные—чтенію, прогулкѣ, домашнимъ дѣламъ или семейной жизни (къ счастію, онъ холостой, — слѣдовательно, послѣднія двѣ обязанности не отнимаютъ у него много времени),—вообрази себѣ такую жизнь и при концѣ ея, быть можетъ, на половинѣ восьмаго десятка, вообрази почтеннаго джентльмена, который въ минуту горькаго раскаянія говоритъ: я истратилъ двадцать-пять лѣтъ моего существованія на вскрываніе козырей и на козырянье.

Трумпингтонъ—совсѣмъ иная статья. Вистъ—это его прямая профессія, какъ изученіе закона — твоя. Онъ старается постичь его до тонкости и для достиженія этой цѣли готовъ приносить величайшія жертвы; можетъ статься, онъ любитъ вино и хорошее веселое общество, но отказываетъ себѣ въ одномъ и избѣгаетъ другаго, собственно для того, чтобъ имѣть свѣжую голову и правильно съиграть нѣсколько роберовъ. Этотъ человѣкъ не лишенъ хорошихъ качествъ, довольно образованъ, что видно изъ его разговора, когда онъ не сидитъ за карточнымъ столомъ; но онъ бросилъ дальнѣйшее развитіе своего ума: онъ держится правила, что для того, чтобъ играть хорошо, надобно играть ежедневно. Вистомъ онъ пріобрѣтаетъ въ годъ отъ трехъ до четырехсотъ фунтовъ стерлинговъ, и это еще слава Богу; съ его умомъ и съ половиною его прилежанія онъ могъ бы пріобрѣсть гораздо больше во всякой другой профессіи.

Въ игрѣ съ этими двумя джентльменами, изъ которыхъ одинъ просидѣлъ за карточнымъ столомъ число лѣтъ, равное лѣтамъ твоего возраста, а другой извѣстенъ какъ отличнѣйшій игрокъ, неужели ты думаешь выйти побѣдителемъ? Здѣсь, замѣть, ужь не ты управляешь своимъ состоянiемъ, но они. Они занимаютъ здѣсь постоянный постъ: никто изъ приходящихъ не пройдетъ мимо ихъ незамѣченнымъ. Если угодно тебѣ доставить имъ развлеченiе, то присядь. Они, съ неподражаемымъ прямодушiемъ, хладнокровiемъ и вѣжливостью, будутъ выигрывать и выигрывать, пока не выиграютъ послѣдняго шиллинга изъ твоего кармана, и тогда раскланяются и пожелаютъ тебѣ добраго утра. Ты можешь послѣ этого итти и утопиться — это не ихъ дѣло. Ихъ дѣло — сидѣть въ этой комнатѣ и играть въ карты съ тобой или съ кѣмъ нибудь другимъ. Окончивъ съ тобой, они раскланяются и скажутъ: «прощайте».... Любезный полковникъ! позвольте представить вамъ новаго члена нашего клуба, моего племянника, мистера Роберта Брауна.

Два другихъ джентльмена за тѣмъ же столомъ — это высокопочтеннѣйшiй Дж. Вингтэйль и мистеръ Чантеръ. Тотъ и другой весьма милые, весьма добрые и весьма обходительные люди; несмотря на то, они готовы зарѣзать тебя за полкроны и играть въ какую угодно игру. Они выходятъ изъ своихъ каретъ или слѣзаютъ съ верховыхъ лошадей у подъѣзда клуба великолѣпнѣйшимъ образомъ и угощаются самыми лучшими блюдами и винами.

Но, какъ ты думаешь, благоразумно ли садиться съ ними за карты? Кто лучше знаетъ игру — ты или они? Кто вѣрнѣе воспользуется — не говоря объ игрѣ «нечистой» — удобными случаями въ игрѣ и выгодами, которымъ научила ихъ опытность — ты или они? Наконецъ, увѣренъ ли ты, что они заплатятъ, если ты выиграешь?

Оставимъ же въ покоѣ этихъ джентльменовъ, любезный Бобъ, и пойдемъ по другимъ отдѣленiямъ этого дома.

Изъ библiотеки мы выходимъ въ гостиную клуба, украшенную рѣзьбой и позолотой, штофными занавѣсами, на которыхъ съ невыразимой роскошью вышита прелестная эмблема нашего клуба. Если бы Сарданапалъ отдалъ въ закладъ одно изъ своихъ царствъ, онъ и тогда не имѣлъ бы такихъ зеркалъ, какъ одно изъ тѣхъ, въ которыя съ такимъ самодовольствiемъ смотрится мой милый Бобъ, любуясь узломъ своего галстуха; но, по моему, это излишняя роскошь: я не могу понять, почему Смитъ и Браунъ должны имѣть отраженiе своихъ особъ въ такихъ огромныхъ зеркалахъ или зачѣмъ, когда мы, намѣреваясь выпить за полшиллинга чашку чаю съ поджаренным тортомъ, зайдемъ въ клубъ съ грязной прогулки въ грязныхъ сапогахъ, зачѣмъ намъ необходимо кушать этотъ напитокъ не иначе, какъ сидя на диванахъ, — великолѣпнѣе дивановъ Людовика XIV? Диванъ необходимъ для меня, какъ необходимъ другъ, чтобы на ихъ можно было расположиться нисколько не стѣсняя себя; но если нельзя находиться въ близкихъ отношеніяхъ и свободно обходиться съ тѣмъ и другимъ, то они оба безполезны. Парадная клубная одежда — это чистѣйшая нелѣпость; а, между тѣмъ, никто не имѣетъ права входить въ эту комнату иначе, какъ въ парадной формѣ или придворномъ мундирѣ. Я хочу отдохнуть и не смѣю положить ноги на диванъ, изъ опасенія загрязнить штофную матерію или, еще хуже, изъ опасенія, что Гиксъ, членъ комитета нашего клуба, пройдетъ мимо и увидитъ мои преступные сапоги на диванѣ.

Мы проходимъ чрезъ двойныя двери и вступаемъ въ комнаты совсѣмъ другаго характера.

По тяжелому и нездоровому запаху, господствующему въ этомъ аппартаментѣ, по открытымъ окнамъ, по круглымъ пятнамъ на мраморныхъ столахъ, по этимъ отпечаткамъ стакановъ съ грогами, любезный мой Бобъ безъ малѣйшаго труда угадаетъ комнату курильщиковъ, гдѣ, смѣю сказать, онъ будетъ проводить отнынѣ значительную часть своего драгоцѣннаго времени.

Для вящшаго преуспѣянія въ свѣтѣ и для пользы молодаго человѣка я бы совѣтовалъ принять въ руководство слѣдующее правило: послѣ выхода изъ пріятельскаго дома и послѣ обѣда, за которымъ отдана была честь лакомымъ блюдамъ и хорошему вину болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, когда надобно лечь спать не позже полночи, чтобъ встать по утру для своихъ занятій рано и съ свѣжей головой, — зайти часа на два въ эту комнату покурить и выпить слабенькій грогъ.

Придерживаясь этого правила, ты, любезный мой Бобъ, можешь пріобрѣсть множество выгодъ. Просидѣвъ до трехъ часовъ лѣтняго утра, ты увидишь восходъ солнца и, возвращаясь домой въ подворье Помпъ, можешь замѣтить тишину и спокойствіе въ улицахъ, освѣщаемыхъ розовымъ блескомъ утренней зари. Ты легко можешь истратить въ этой комнатѣ (не говоря уже о сосѣдней бильярдной, которой ты едва ли будешь въ состояніи удаляться), — можешь истратить, и, притомъ, безъ всякаго неудобства и безъ особенной расточительности, столько денегъ, что можно содержать на нихъ лошадь. Выкурить въ клубѣ три-четыре сигары, наполнить ими сигарочницу при выходѣ изъ клуба и выпить стакана два холодной воды съ коньякомъ будутъ стоить тебѣ шестьдесятъ фунтовъ въ годъ,—это такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что твое имя Бобъ Браунъ. Вообще, сигары, грогъ и бильярдъ не обходятся дешево.

Вторая выгода заключается въ томъ, что въ клубѣ, въ промежутокъ времени отъ двѣнадцати до трехъ, ты услышишь бесѣду самую восхитительную и назидательную. Люди, которые посѣщаютъ это мѣсто и въ этотъ часъ, бываютъ большею частію любители учености, съ наклонностями къ философіи и умосозерцанію, мнѣнія которыхъ пріятно и полезно выслушивать. У нихъ бываетъ обширный запасъ анекдотовъ, исполненныхъ нравственности и прекрасныхъ поученій; вообще бесѣда ихъ всегда бываетъ серьёзна: въ нее не допускаются предметы обыкновеннаго свойства. Какъ теперь вижу предъ собой двухъ старыхъ представителей комнаты курильщиковъ, которые могли бы служить совершеннѣйшими образцами для всякаго молодаго джентльмена, вступающаго къ свѣтъ, и которымъ заботливый родитель смѣло могъ бы поручить воспитаніе своего наслѣдника.

Однако, пора оставить, любезный мой Бобъ, сатирическое настроеніе духа. Какъ честный и благородный человѣкъ, я долженъ высказать тебѣ мнѣніе, что самая лучшая вещь, какую только ты можешь сдѣлать относительно комнаты курильщиковъ, это—держаться отъ нея какъ можно дальше или, по крайней мѣрѣ, не заглядывать въ нее послѣ полночи. Правда, эти молодые люди, которые собираются тамъ, эти въ высшей степени пріятные, радушные, откровенные, веселые товарищи, эти свободныя и безпечныя птички, эти преданные друзья, — очень милые люди; но цѣль нашей жизни не заключается въ стремленіи къ существамъ подобнаго рода, тѣмъ болѣе цѣль твоей жизни: ты хочешь стремиться впередъ и впередъ, слѣдовательно, долженъ вставать по утрамъ какъ можно раньше. Я полагаю, несравненно полезнѣе будетъ для тебя, если ты просидишь хоть цѣлую ночь, бесѣдуя за сигарами, съ однимъ или двумя твоими товарищами, у тебя или у нихъ на квартирѣ. Бесѣда между вами будетъ нѣкоторымъ образомъ весьма полезнымъ упражненіемъ. Ваша веселость потечетъ свободнымъ потокомъ. Теченія этого не остановятъ ни ваши серьёзные диспуты, ни благородный размѣнъ мыслей. Я самъ, признаюсь, будучи молодымъ человѣкомъ, не безъ пользы выкуривалъ множество трубокъ въ обществѣ доктора Парра. Умные люди съ трубкой или сигарой во рту пользуются весьма важными выгодами во время разговора. При сигарѣ или трубкѣ можно, если вздумается, прекратить разговоръ, и молчаніе никогда не покажется непріятнымъ, потому что оно будетъ замѣняться куреніемъ табаку, — а изъ этого слѣдуетъ, что и при возобновленіи разговора не можетъ быть ни малѣйшей неловкости, ни усилій для эффекта, мнѣнія будутъ выражаться плавно и свободно, — словомъ, сигара производитъ пріятное настроеніе въ обществѣ; она придаетъ необыкновенное спокойствіе какъ лицу говорящему, такъ и предмету, о которомъ говорится. Я нисколько не сомнѣваюсь, что турки и американскіе индѣйцы потому именно такіе чудовищно благовоспитанные люди, что имѣютъ привычку безпрестанно курить. Сигара извлекаетъ мудрость изъ устъ философа и замыкаетъ уста невѣждѣ; она служитъ одушевленіемъ бесѣды созерцательной, разсудительной, благотворной и непринужденной. Да, любезный мой Бобъ, я совершенно съ этимъ согласенъ.... я старый курильщикъ. Дома я нерѣдко курилъ, выпуская дымъ въ трубу; а курить дома я считалъ за преступленіе — и, считая, все-таки курилъ. Я нахожу и утверждаю, что сигара была однимъ изъ величайшихъ утѣшеній моей жизни: она была доброй подругой, пріятнымъ возбудительнымъ и успокоительнымъ средствомъ, цементомъ дружбы. Пусть смерть постигнетъ меня на этомъ же мѣстѣ, если я не уважаю благороднаго растенія, доставлявшаго мнѣ столько удовольствія!

Съ тѣхъ поръ, какъ я состою членомъ здѣшняго клуба, какое множество мужчинъ занимали эту комнату и покидали ее, подобно множеству выкуренныхъ сигаръ, не оставляющихъ за собою ничего, кромѣ обыкновеннаго пепла! Бобъ, мой другъ, пройдетъ лѣтъ двадцать, и многіе изъ нашихъ добрыхъ и веселыхъ товарищей покинутъ насъ на вѣки! Я помню многихъ пріятелей, которые бесѣдовали здѣсь и веселились, и сигара которыхъ потухла навсегда. Иные мужчины, которыхъ я помню блистательными юношами, сдѣлались стариками; у нихъ уже есть сыновья почти моихъ лѣтъ; надъ другими растетъ трава во всѣхъ частяхъ свѣта. Куда дѣвался бѣдный Недъ? Гдѣ теперь бѣдный Фредъ? Нестало ихъ въ этомъ свѣтѣ; никто, быть можетъ, кромѣ меня, не помнитъ ихъ; ихъ имена давнымъ-давно забыты, съ тѣхъ поръ, какъ они появились въ концѣ клубнаго списка въ печальномъ разрядѣ «умершихъ членовъ клуба», въ которомъ, вѣроятно, и я и ты, мой милый Бобъ, будемъ современемъ значиться. Кстати, постоянно ли ты держишь этотъ предметъ въ твоей памяти? Я не вижу, почему бы не размышлять о смерти въ улицѣ Поллъ-Моллъ, гдѣ встрѣчается столько удовольствій, равно какъ и въ пустынѣ, оглашаемой воемъ дикихъ звѣрей. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ напоминанія о смерти. Вотъ, напримѣръ, въ улицѣ Джерминъ, изъ квартиры стараго Джэка выглядываетъ совсѣмъ незнакомое лицо; кресло, которое любилъ занимать здѣсь добрый Томъ, занимаетъ кто-то другой. Томъ уже болѣе не живетъ здѣсь и не ворчитъ, какъ бывало прежде. Его отозвали отсюда, и съ тѣхъ поръ онъ не возвращался. Наступитъ день, когда и насъ потребуетъ судьба, и мы тоже не воротимся; товарищи наши въ обычное время явятся въ клубъ и скажутъ: «бѣдный старикъ Браунъ переселился въ вѣчность». Да, мой другъ, комнату курильщиковъ въ утренніе часы нельзя назвать веселой компагой.

Эта комната имѣетъ множество посѣтителей совершенно различныхъ характеровъ. Послѣ ранняго и скромнаго обѣда, нѣкоторые изъ членовъ Поліанта поднимаются въ этотъ аппартаментъ выпить чашку кофе, выкурить сигару и поговорить такъ серьёзно, какъ говорятъ начальники американскихъ индѣйцевъ на своихъ сходбищахъ. Торговля и путешествія, политика и географія — вотъ предметы ихъ разговора. Вечеромъ, когда они лягутъ въ постель, ихъ преемники-весельчаки только что начнутъ свою ночную жизнь, и бесѣда однихъ рѣзко отличается отъ бесѣды другихъ, что, впрочемъ, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей.

Послѣ серьёзныхъ собесѣдниковъ приходятъ другіе посѣтители: група спортсменовъ, всего вѣроятнѣе, — особъ замѣчательно степенныхъ и молчаливыхъ, между которыми мрачнымъ, тихимъ голосомъ начинается совѣщаніе и споръ насчетъ попойки. Потомъ войдутъ три-четыре адвоката съ громкими голосами. Рѣдко случается, чтобъ эти люди просидѣли нѣсколько времени, не поговоривъ о своей профессіи или не упомянувъ чего нибудь о Вестминстеръ-Голлѣ. Около одиннадцати явятся мужчины въ бѣлыхъ галстухахъ, прямо отъ званыхъ обѣдовъ, и съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ станутъ выказывать лакированные сапоги и блестящія запонки своихъ сорочекъ. Въ полночь, послѣ театровъ, влетятъ молодые libertins et viveurs и что есть духу потребуютъ джину.

Но что касается до компаты курильщиковъ послѣ полночи, то, еще разъ повторяю, лучше будетъ, если ты станешь удаляться ея: тамъ попустому ты будешь тратить деньги, свое драгоцѣнное время и, еще драгоцѣннѣйшее благо—здоровье. Посѣщая эту комнату втеченіе цѣлаго года, ты не вынесешь изъ нея ни одной идеи, ни одного анекдота, которые могли бы оказать тебѣ хотя малѣйшую пользу въ жизни. До какой степени ты долженъ избѣгать сближенія съ другими людьми, я подожду совѣтовать тебѣ до нѣкотораго времени; но, живо представляя себѣ стараго Силена и всегда имѣя его передъ глазами, съ его багрово-синимъ лицомъ и алебастровыми пальцами, съ его пошлыми старыми анекдотами, повѣствуемыми за стаканомъ грогу, я не могу не предупредить тебя, что онъ бываетъ въ комнатѣ курильщиковъ каждый вечеръ, и что отъ этого старика никто не позаимствуетъ чего нибудь дѣльнаго.

Люди, которые составляютъ его общество, вербуются имъ исключительно въ здѣшнемъ мѣстѣ. Онъ по цѣлымъ часамъ просиживаетъ въ углу на диванѣ и вербуетъ молодыхъ людей. Увидѣвъ, что ты джентльменъ и, въ добавокъ, съ хорошими манерами, онъ въ самомъ непродолжительномъ времени пригласитъ тебя къ себѣ и угоститъ отличнымъ обѣдомъ. Однажды, много лѣтъ тому назадъ, я отправился на его банкетъ и увидѣлъ, что всѣ гости за его столомъ были члены нашего клуба. Обѣдъ онъ давалъ въ своемъ домѣ въ *** скверѣ. Въ главѣ стола засѣдала мистриссъ Силенъ.

Послѣ обѣда, когда мистриссъ Силенъ удалилась, мистеръ Силенъ старался напоить несчастнаго Типпльтона, находя въ этомъ особенное удовольствіе. На другой день онъ явился въ клубъ и приходилъ въ восторгъ, описывая хитрости, къ которымъ прибѣгалъ, чтобъ подѣйствовать на слабый мозгъ бѣднаго Типпльтона (какъ будто этотъ бѣднякъ нуждался въ хитростяхъ или убѣжденіяхъ, чтобъ напиться до пьяна), говорилъ на всю комнату, какой онъ задалъ обѣдъ, сколько осушено было бутылокъ вина и сколько изъ нихъ досталось на долю Типпльтона.

— Я не спускалъ глазъ съ нашего Типпля, говорилъ старикашка: — я всѣми силами старался, чтобъ онъ какъ можно чаще заглядывалъ въ стаканъ, и не было еще одиннадцати, какъ я кончилъ съ нимъ и напоилъ его донельзя!

Неужели ты захочешь имѣть такого джентльмена своимъ другомъ? Онъ назвалъ самъ себя королемъ комнаты курильщиковъ и полуночнымъ монархомъ.

Въ то время, когда старый Силенъ описываетъ свой подвигъ, въ комнату курильщиковъ входитъ несчастный Типпльтонъ, добрая душа, джентльменъ, человѣкъ образованный, который, весьма вѣроятно, имѣетъ добрыхъ друзей на своей родинѣ и имѣлъ нѣкогда хорошую карьеру; а теперь что онъ такое, на кого онъ похожъ? Его глаза безсмысленно блуждаютъ; шатаясь съ боку на бокъ, онъ подходитъ къ угловому дивану, опускается на него всею своей тяжестью, погружается въ тупое молчаніе и отъ времени до времени икаетъ. Старый Силенъ многозначительно подмигиваетъ всѣмъ курильщикамъ, бо́льшая часть которыхъ улыбается, нѣкоторые сожалѣютъ, а нѣкоторые, весьма молодые люди и его товарищи, смѣются надъ нимъ. Типпльтонъ пьянъ.

Изъ библіотеки и комнаты курильщиковъ спустимся въ нижній этажъ. Вотъ это кофейная. Ты видишь, что небольшіе чистенькіе столики уже накрыты, въ ожиданіи нашествія обѣдающихъ членовъ клуба.

Правду надобно сказать, цивилизація сдѣлала большіе успѣхи. Честность, равно какъ и бережливость молодыхъ людей средняго сословія безконечно возвысились вмѣстѣ съ уничтоженіемъ системы старинныхъ тавернъ и учрежденіемъ общественныхъ домовъ, гдѣ всякій благородный человѣкъ, не теряя своего достоинства, можетъ пообѣдать за какихъ нибудь пару шиллинговъ. Мнѣ памятна еще та счастливая пора, — пора молодой моей жизни, когда посредственный обѣдъ, въ порядочномъ кофейномъ домѣ, стоилъ полгинеи, когда вы обязаны были потребовать бутылку вина ради непосредственной пользы и выгоды трактира, когда лакей получалъ шиллингъ за свои услуги, и когда молодые джентльмены, нисколько не богаче сравнительно съ джентльменами нынѣшняго времени, должны были платить втрое больше противъ того, сколько требуется нынѣ для удовлетворенія аппетита и поддержанія своего достоинства.

Въ ту пору мужчины, не имѣвшіе полгинеи въ своемъ распоряженіи, обыкновенно удалялись въ мрачныя улицы квартала Сохо или Ковентъ-Гардена и тамъ, въ дешевыхъ тавернахъ, получали скудный обѣдъ; а если кто изъ нихъ не имѣлъ расположенія итти туда, Томъ, писецъ, выходилъ изъ квартиры подворья Помпъ и приносилъ между двумя тарелками обѣдъ изъ ближайшей съѣстной лавки. Тотъ и другой изъ этихъ обѣдовъ былъ, въ строгомъ значеніи слова, благороденъ: никто не имѣлъ права и не находилъ ни малѣйшаго повода осуждать бѣднаго джентльмена за бѣдный обѣдъ. Но одинокая трапеза въ квартирахъ вашего подворья не могла доставлять удовольствія. Я всегда съ сожалѣніемъ вспоминаю объ этихъ скучныхъ, одинокихъ блюдахъ вареной говядины, приправленной капустнымъ соусомъ; всегда вспоминаю о книгахъ, служившихъ къ сокращенію длинныхъ вечеровъ, особливо, когда эти же самыя книги служили къ сокращенію дня; вспоминаю о тавернахъ, съ ихъ чудовищной дороговизной, о театрахъ, съ ихъ гибельными приманками. Въ ту пору жизнь молодаго холостяка представляла собою безконечное злополучіе: въ ней не было ни добраго порядка, ни соблюдалось экономіи, точь-въ-точь, какъ въ настоящее время въ вашихъ квартирахъ, которыя, надобно сказать, отстали отъ вѣка, особенно въ отношеніи удобствъ, составляющихъ исключительную принадлежность зданій новѣйшаго устройства.

Чванная прогулка по улицѣ Поллъ-Моллъ послѣ дешеваго обѣда была чистѣйшимъ лицемѣрствомъ. Въ то время, когда отель Trois Frères Provençaux въ Парижѣ имѣлъ два входа — одинъ съ площади Пале-Ройяля, а другой — съ задней улицы, въ трактирахъ которой можно было получать обѣды за шестьнадцать су, я своими глазами видѣлъ, какъ нѣкоторые фанфароны, выйдя изъ этихъ трактировъ, поднимались на лѣстницу отеля Trois Frères и спускались съ противоположной лѣстницы на площадь Пале-Ройяля, такъ что проходившая публика легко могла вообразить, что эти бѣдняки не жалѣютъ денегъ для хорошаго обѣда. Но я тебѣ скажу, все то, что по вашему называется замаскировать нищету, то есть умѣть приправить ее сладенькой улыбкой или скрыть ея лохмотья подъ чужое платье, по моему мнѣнію, ухищреніе и усиліе, недостойное благороднаго человѣка. Твои элегантные пріятели Тибсы и грошовые дэнди, во всякомъ случаѣ, теряютъ уваженіе. Ужь если человѣкъ дѣйствительно бѣденъ, онъ и долженъ казаться бѣднымъ. Какъ онъ, такъ и общество заблуждаются, находя какой нибудь поводъ стыдиться нищеты.

Поэтому-то мы и должны быть благодарны за учрежденіе клубовъ. Здѣсь нечего стыдиться, приказывая подать себѣ дешевый обѣдъ; здѣсь не нужно требовать дорогихъ блюдъ или винъ ради выгодъ клуба; здѣсь не зачѣмъ стѣсняться усердіемъ лакея. Дѣлая успѣхи въ цивилизаціи, мы съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаемъ успѣхи въ простотѣ и благородствѣ нашихъ поступковъ; мы съ каждымъ днемъ становимся благовоспитаннѣе, менѣе ухищряемся и болѣе высказываемъ правду.

Вотъ это, какъ ты видишь, кофейная нашего клуба. Теперь три часа. Молодой Вайдуэйкъ кончаетъ утренній чай (въ настоящую минуту, относительно этого молодаго человѣка, я не хочу дѣлать никакихъ замѣчаній; но, мимоходомъ, долженъ сказать тебѣ, что если ты, Бобъ, мой милый, вздумаешь просидѣть до пяти часовъ утра, то смѣло можешь надѣяться получить головную боль и завтракать не ранѣе трехъ часовъ пополудни). Вайдуэйкъ пьетъ чай, Гольдсворти приказываетъ подать себѣ обѣдъ, между тѣмъ, какъ мистеръ Ноджитъ, вонъ тамъ, за тѣмъ столомъ, завтракаетъ. Въ этихъ джентльменахъ заключаются мораль и объясненіе сдѣланныхъ мною бѣглыхъ замѣчаній.

Надобно тебѣ замѣтить, Бобъ, что въ кофейной нашего клуба и вообще во многихъ клубахъ подаются безплатно хлѣбъ, пиво и овощи, приготовленныя съ уксусомъ.

Приказывая подать себѣ обѣдъ послѣ четырехъ часовъ, ты долженъ заплатить лишніе шесть пенсовъ, какъ говорится, за столъ, а вѣрнѣе—за чистую скатерть, за зелень, сыръ и проч.; до этого часа ты можешь пить чай и завтракать безъ особой платы за столъ.

Гольдсворти джентльменъ и человѣкъ умный: онъ имѣетъ достаточно твердости духа и простосердечія, чтобъ показать себя бѣднымъ, не такъ, какъ показываютъ себя другіе джентльмены, которыхъ мы встрѣчаемъ, которые изъ нищеты дѣлаютъ фанфаронство и, драпируясь въ лохмотья, какъ будто восклицаютъ: «посмотрите, какъ я добродѣтеленъ, какой я честный

Діогенъ!» Нѣтъ! Гольдсворти, дѣйствительно, бѣдный человѣкъ; но онъ получилъ превосходное образованіе, одаренъ отъ природы обширнымъ умомъ и, по своему происхожденію, можетъ стать на ряду съ лучшими людьми въ мірѣ. Въ Парламентѣ, когда онъ скидываетъ свою шляпу, старую, но тщательно приглаженную шляпу, президентъ непремѣнно поклонится ему, и все собраніе слушаетъ его съ уваженіемъ, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ за свою честность и умъ. Онъ равенъ всякому человѣку, какое бы высокое мѣсто послѣдній ни занималъ въ обществѣ и какъ бы ни былъ богатъ. Въ общественномъ положеніи онъ много выигрываетъ собственно чрезъ свою бѣдность, и свѣтъ, всегда благородный и великодушный въ своихъ побужденіяхъ, хотя и не всегда приводимыхъ въ исполненіе, смотритъ съ почтеніемъ и восторгомъ на твердость, съ которою мистеръ Гольдсворти переноситъ свою бѣдность. Онъ намѣренъ пообѣдать за шиллингъ: ему подадутъ двѣ бараньи котлеты (а надобно тебѣ сказать, баранья котлета вещь неизвѣстная въ домашнемъ быту даже въ дворцахъ эпикурейцевъ: тамъ ты можешь получить обыкновенныя котлеты, приправленныя различнаго рода французскими соусами, но отнюдь не баранью котлету), и, при дозволеніи клуба пользоваться безплатно хлѣбомъ и пивомъ, онъ будетъ имѣть здоровое, питательное и превосходное блюдо, послѣ котораго отправится въ Парламентъ и въ этотъ же вечеръ станетъ поражать министровъ своимъ краснорѣчіемъ.

Да, видѣть, какъ этотъ человѣкъ обѣдаетъ за шиллингъ, для меня зрѣлище безпредѣльно пріятное. Я уважаю мистера Голдсворти отъ чистаго сердца, хотя и не могу раздѣлять съ нимъ тѣхъ ультра-консервативныхъ политическихъ мнѣній, которыхъ онъ, какъ всѣмъ намъ извѣстно, придерживается, и отъ которыхъ никакія выгоды, ни искушенія, ни надежда получить лучшее мѣсто не заставятъ его отказаться. Ты видишь, что ему прислуживаютъ съ такимъ же почтеніемъ, какъ и старику Силену, хотя послѣдній заказываетъ такіе великолѣпные обѣды, какіе только можетъ придумать опытный поваръ, и несмотря, что онъ постоянно нападаетъ на лакеевъ.

Но, ахъ, Бобъ! что мы можемъ сказать о поведеніи этого бѣдняжки мистера Ноджита? По сосѣдству съ нашимъ клубомъ, онъ нанимаетъ гдѣ-то въ захолустьи небольшую комнатку. Вмѣсто чаю онъ употребляетъ даровой хлѣбъ и пиво, вмѣсто завтрака прибѣгаетъ къ этимъ же двумъ блюдамъ, но, имѣя вкусъ эпикурейца,—посмотри, что онъ дѣлаетъ! онъ подливаетъ анчоусный соусъ на хлѣбъ, чтобъ придать ему сочность. Я видѣлъ не разъ, какъ этотъ жалкій лакомка подбирался къ банкамъ съ пикулями и, воображая, что за нимъ никто не замѣчаетъ, вытаскивалъ огурчикъ или полдюжины луковицъ и глоталъ ихъ съ жадностью и наслажденіемъ.

Въ обѣденное время онъ исчезаетъ, къ половинѣ восьмаго или къ восьми часамъ снова возвращается въ клубъ и ходитъ около столовъ, гдѣ отобѣдавшіе сидятъ за десертомъ и бываютъ щедры на вино. У него всегда есть запасъ маленькихъ анекдотовъ изъ моднаго свѣта, не лишенныхъ, впрочемъ, интереса. Когда ты будешь обѣдать здѣсь, Бобъ, мой другъ, то подари Нoджиту рюмки двѣ изъ твоего графина и успокой его бѣдную душу. Нѣкогда онъ былъ джентльменомъ и имѣлъ деньги. Объ этомъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, тебѣ разскажетъ. Онъ слабъ и хилъ, и, право, нельзя не пожалѣть бѣднаго паразита... — Мистеръ Нoджитъ! позвольте представить вамъ новаго члена, моего племянника, мистера Роберта Брауна.

Въ этотъ моментъ величаво входитъ старый Силенъ, въ пышномъ бѣломъ жилетѣ, и подходитъ къ конторкѣ, гдѣ засѣдаетъ писецъ кофейной комнаты и гдѣ вывѣшены обѣденныя карты. Во время шествія онъ подвергается выстрѣламъ изъ батареи глазъ мистера Гольдсворти, бросающей на него молніи убійственнаго пренебреженія. Старый Силенъ проходитъ мимо батареи невредимо и ложится всѣмъ бортомъ на конторку. Нoджитъ слѣдитъ за нимъ и, смиренно улыбаясь, подходитъ къ нему.

— Гонтъ! говоритъ Силенъ: — къ семи часамъ приготовить мнѣ обѣдъ.... со мной обѣдаетъ лордъ Гобанобъ.... пошли ко мнѣ дворецкаго.... Что у васъ сегодня для обѣда?... Намъ приготовить черепашій супъ.... черепаху я прислалъ изъ Сити.... рыбу подъ соусомъ, и....

И опухлой, трясущейся рукой онъ пишетъ великолѣпный списокъ кушаньямъ.

Въ это время, какъ я уже сказалъ, ухмыляясь, подходитъ Нoджитъ съ газетой въ рукѣ.

— А! Нoджъ! восклицаетъ мистеръ Силенъ:—каково пиво? хороши ли пикули сегодня?

Нoджитъ улыбается кроткой, сладенькой улыбкой.

— Что, Нoджъ, вѣдь тутъ пахнетъ славнымъ обѣдомъ?

— Если кто умѣетъ давать славные обѣды, такъ это вы, отвѣчаетъ бѣдный нищій.—Было время, и я, не хуже другихъ, умѣлъ ихъ заказывать.... А какая рыба сегодня за обѣдомъ?

И съ томной улыбкой онъ бросаетъ взглядъ на обѣденную карту.

— Со мной обѣдаетъ лордъ Гобанобъ — а онъ знатокъ хорошаго обѣда — и еще Крамли, говоритъ мистеръ Силенъ.

— Тотъ и другой извѣстные эпикурейцы, замѣчаетъ Нođжитъ.

— Я намѣренъ отвѣтить Гобанобу обѣдомъ за его обѣдъ въ клубѣ Рододендронъ. Онъ держалъ со мной пари, что лучше Батифоля, главнаго повара въ томъ клубѣ, никто не приготовляетъ. Обѣдъ былъ въ прошлую пятницу, и, надобно сказать, обѣдъ хорошій. Гобанобъ воображаетъ, что, напавъ на Гросбуа врасплохъ, выиграетъ пари; но мы увидимъ, Ноджитъ! Мнѣ извѣстно, что можетъ сдѣлать Гросбуа.

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, Силенъ! замѣчаетъ Ноджитъ.

— Я вижу, у тебя текутъ слюньки. Я бы пригласилъ тебя; только знаю, что ты уже отозванъ. Ты, Ноджитъ, всегда бываешь отозванъ....

— Только не сегодня.

— Ну такъ можешь приходить, и я тебѣ скажу, мистеръ Ноджитъ, вечеромъ будетъ славная попойка, — не забудь.

Но вотъ входитъ мистеръ Баульсъ, дворецкій, и мистеръ Силенъ вступаетъ съ нимъ въ совѣщаніе насчетъ винъ и мороженаго. Я радъ, что бѣдный Ноджитъ приглашенъ обѣдать. Для возбужденія аппетита онъ пойдетъ прогуляться въ паркъ.... Итакъ, мистеръ Бобъ, я показалъ тебѣ твой новый клубъ, и затѣмъ до свиданія.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О БАЛАХЪ ВО ВРЕМЯ ЛѢТНЯГО СЕЗОНА.

Когда мой добрый пріятель, *мистеръ Пончъ*—этому уже давно—попросилъ меня составить сводъ разговоровъ для танцующихъ молодыхъ людей, съ тою цѣлью, чтобъ эти молодые люди имѣли возможность быть любезными съ своими дамами и дѣлать успѣхи на поприщѣ жизни,—я отъ всей души принялъ предложеніе моего почтеннаго друга, тѣмъ болѣе, что всегдашнимъ моимъ желаніемъ было доставлять удовольствіе и счастіе всѣмъ молодымъ людямъ. И ничего, я думалъ, не могло быть легче, какъ набросать нѣсколько легкихъ, милыхъ, остроумныхъ фразъ, которыя молодежь могла бы примѣнять и распространять во время танцевъ, соображаясь съ своимъ собственнымъ остроуміемъ и находчивостью.

Итакъ, сэръ, по поводу этого предложенія, я вообразилъ себя снова молодымъ человѣкомъ; я вообразилъ, что у меня прекрасная талія, вмѣсто слишкомъ замѣтной и неуклюжей толщины, которою время и природа украсили мой станъ, и что, вмѣсто лысой головы, у меня прекрасныя каштановыя кудри (было время, сэръ, когда волосы мои служили лучшимъ украшеніемъ моей наружности; я и теперь еще вспоминаю, —это было въ то время, когда я служилъ въ милиціи, и когда отмѣнили у насъ косички, — я и теперь еще вспоминаю о томъ прелестномъ созданіи, которое пожелало имѣть мою queue: мою косичку нашли, разумѣется, послѣ кончины этого прелестнаго созданія, въ ея комодѣ, и съ той поры моя милая жена всегда ревновала меня), — итакъ, мнѣ вздумалось вообразить себя молодымъ человѣкомъ и, при первой возможности, разумѣется, въ воображеніи, пуститься въ танцы. Въ силу этого я и выбралъ Мери.... Другой человѣкъ могъ бы зайти дальше и сдѣлать хуже, чѣмъ выбрать Мери.

— Милая миссъ Э., говорю я:—могу ли я удостоиться чести протанцовать съ вами слѣдующій туръ?

— Слѣдующій...*что таков?* возражаетъ миссъ Э., улыбаясь и обращаясь къ мистриссъ Э., какъ будто спрашивая ее: что значитъ *туръ?*

— Ахъ! извините; я хотѣлъ сказать: слѣдующую кадриль.

— Кадриль очень вялый танецъ, отвѣчала миссъ Э.:—но если ужь я должна танцовать, то, извольте, я буду.

— Такъ не угодно ли вальсъ, если кадриль вамъ не нравится? Милѣе вальса я не знаю танца, особенно, если его играютъ не слишкомъ скоро.

— Какъ! восклицаетъ миссъ Э.: — не хотите ли вы танцовать этотъ чудовищный старинный вальсъ въ три такта, который теперь танцуютъ однѣ только куклы на шарманкахъ? Какъ вамъ не стыдно! Вы добрый человѣкъ, но, извините, лишены здраваго разсудка. Всѣ эти танцы давнымъ-давно прекращены. Пожалуй, чего добраго, вы попросите меня носить платье съ таліей подъ самыми плечами, точь-въ-точь такое платье, въ какомъ вѣнчалась мама моя, — пожалуй еще платье съ фижмами и башмаки съ высокими каблуками, какъ на портретѣ моей бабушки; пожалуй, вы захотите, чтобъ я танцовала гавотъ или минуэтъ. Неужели вы не знаете, что съ теченіемъ времени все перемѣняется? Все, что считалось въ ваше время моднымъ и прекраснымъ, теперь устарѣло и брошено, — устарѣли, мистеръ Браунъ, и львы вашего времени. Если я хочу танцовать, то вотъ кэптенъ Вискерфильдъ всегда готовъ быть моимъ кавалеромъ; а если не онъ, то молодой Студингтонъ — кавалеръ очаровательный, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ приноситъ съ собою на наши балы одушевленіе. Удивляться не должно, если иногда его не бываетъ въ обществѣ: онъ танцуетъ каждый вечеръ въ воксалѣ или въ казино.

Рисуя въ моемъ воображеніи Мери, отвѣчавшую мнѣ на мой фантастическій вопросъ — потому что, въ сущности, я никогда не дѣлалъ подобнаго вопроса, какъ она, въ свою очередь, не дѣлала подобнаго отвѣта — и ворочая въ головѣ предложеніе мистера Понча насчетъ бальныхъ разговоровъ, я просидѣлъ нѣсколько часовъ съ перомъ въ рукѣ, и убѣдился, что ничего не могъ сказать по этому предмету. Я убѣдился, что имѣлъ столько же права учить молодыхъ людей, что имъ должно говорить своей дамѣ, сколько имѣлъ его въ юности учить свою бабушку искусству подкладывать подъ насѣдку яицы. Мы должны оказывать столько же уваженія юности, сколько оказываемъ его старости. Есть предметы, въ которыхъ молодые люди превосходятъ стариковъ, и я не могу удержаться, чтобъ не жужжать въ уши моихъ сверстниковъ, когда начинаютъ они дѣлать выговоры дѣтямъ: предоставьте свободу ихъ дѣйствіямъ; я постоянно твержу имъ не мѣшаться въ дѣла, которыя дѣти въ состояніи устроить безъ посторонняго содѣйствія; постоянно говорю имъ не напрашиваться управлять ихъ лодками и не опускать въ воду своихъ веселъ, когда они гребутъ своими.

Предполагая сочинить разговоры въ назиданіе молодыхъ людей, тогда какъ молодые люди могли сами разговаривать о томъ, что для нихъ интересно, безъ всякаго посредничества съ нашей стороны, я увидѣлъ, что *мистеръ Пончъ* и я были высокомѣрнѣйшіе фанфароны. Откровенно говоря, втеченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ я не былъ ни на одномъ балу. Однажды мнѣ случилось увидѣть яркое освѣщеніе въ домѣ Т.... посланника, въ Бр..нъ-скверѣ, но я убѣжалъ отъ этого дома, не заглянувъ даже на крыльцо и не сдѣлавъ поклона его превосходительству: я весьма благоразумно разсуждалъ, что mon lait de poule et mon bonnet de nuit въ полночный часъ и пріятнѣе и покойнѣе, чѣмъ сквозной вѣтеръ въ корридорѣ или зрѣлище такого множества красавицъ.

Впрочемъ, хотя я и не бываю въ этихъ собраніяхъ, но получаю свѣдѣнія отъ тѣхъ, кто ихъ посѣщаетъ: я часто слышу отъ дѣвицъ и ихъ матерей, что онѣ дѣлаютъ тамъ и какъ веселятся. Надобно признаться, что нѣкоторыя нововведенія чрезвычайно мнѣ нравятся: въ нихъ есть что-то естественное, непринужденное и далеко оставляющее за собою старинную моду и старинные обычаи.

Въ мое время, напримѣръ, бальная зала вполовину наполнялась старыми холостяками и старыми дѣвами, занимавшими бо̀льшую часть драгоцѣнной комнаты, не придавая ни малѣйшаго украшенія стѣнамъ, къ которымъ они прислонялись. Для нихъ гораздо было бы лучше оставаться дома въ постели. Въ большомъ загородномъ домѣ, гдѣ въ залѣ находится такой огромный каминъ, въ которомъ удобно можно зажарить цѣлаго быка, тамъ присутствіе нѣсколькихъ десятковъ болѣе или менѣе пожилыхъ особъ не дѣлаетъ разницы и не такъ рѣзко бросается въ глаза: тамъ найдется для нихъ мѣсто и за карточными столами и за ужиномъ; къ тому же видъ ихъ честныхъ и румяныхъ лицъ и бѣлыхъ жилетовъ, окаймляющихъ стѣны, придаетъ особенно веселый видъ и украшаетъ комнату собранія.

Совсѣмъ иное дѣло, когда вы имѣете небольшой домъ въ Мэйферѣ или въ очаровательныхъ кварталахъ Пимлино и Тибурнѣ; и, признаюсь, мнѣ пріятно слышать, что въ публикѣ быстро распространяется обыкновеніе приглашать на балы однихъ только танцующихъ. Да вотъ, не далѣе, какъ сегодня, я спорилъ объ этомъ предметѣ съ нашей кузиной мистриссъ Краудеръ. Она выходила изъ себя отъ гнѣва на дочь свою Фанни, получившую приглашеніе пріѣхать съ своей теткой, мистриссъ Тимминсъ, на балъ лэди Тотбири, тогда какъ мистриссъ Краудеръ объявили наотрѣзъ, что она ни подъ какимъ видомъ не можетъ получить приглашенія.

Надобно тебѣ сказать, любезный Бобъ, что Бланшъ Краудеръ женщина громадныхъ размѣровъ; а при нынѣшней модѣ носить пышныя платья, это одушевленное созданіе, имѣющее видъ воздушнаго шара, заняло бы лучшую часть маленькой гостиной, тогда какъ Роза Тимминсъ, крошечное существо, вовсе почти не занимаетъ мѣста и въ то же время такъ мило украшаетъ комнату, какъ миленькій цвѣтокъ. Я старался убѣдить нашу кузину относительно этого предмета, или, вѣрнѣе, относительно громадности предметовъ, и, разумѣется, опасаясь, изъ вѣжливости, направлять свои замѣчанія прямо на ея личность, я разбрасывалъ ихъ повсюду.

— Милая Бланшъ! говорилъ я: — согласитесь сами, до какой бы степени пришлось лэди Тотбири расширить свое помѣщеніе, еслибъ она стала приглашать къ себѣ кромѣ танцующихъ и всѣхъ ихъ родныхъ? Она и безъ того уже пристроила павильоны на свинцовой кровлѣ и обратила водоемъ въ жилую комнату: что же она можетъ сдѣлать еще болѣе? Если каждая молоденькая барышня должна имѣть кавалера или даму, въ качествѣ провожатой, то гдѣ же размѣстятся пожилыя дамы? Тотбири самъ не будетъ на балу. Онъ, какъ вамъ извѣстно, мужчина объемистый, совершенно какъ вашъ покорнѣйшій слуга; лэди Тотбири отправила его на вечеръ въ Гриничъ, въ отель «Звѣзды и Подвязки», гдѣ, я не сомнѣваюсь, онъ и нѣкоторые изъ его объемистыхъ пріятелей проведутъ время пріятнѣйшимъ образомъ. На балахъ тѣхъ людей, которые при ограниченныхъ средствахъ имѣютъ обширный кругъ знакомства въ Лондонѣ, просторъ въ комнатахъ цѣнится выше, чѣмъ изобиліе гостей. Исключеніе допускается только для однѣхъ хорошенькихъ лэди и танцоровъ. Посмотрите на лорда Трампльтона, на это громадное чудовище (который, несмотря на то, танцуетъ превосходно, какъ и всѣ громадные люди), — посмотрите на него! когда онъ пускается полькировать съ своей любимой дамой, миссъ Вирледжъ, его рука образуетъ радіусы круга, имѣющаго значительно большой діаметръ. Ему одному почти нужна особая комната. Молодые люди и дѣвицы нынѣшняго времени если танцуютъ, такъ ужь подлинно танцуютъ; это не то, что въ старину—расхаживай себѣ по комнатѣ и только, —нѣтъ! нынѣшніе танцы—трудъ великій, работа тяжелая, послѣ которой отдыхъ и освѣженіе необходимы. А позвольте узнать, какимъ образомъ и гдѣ могутъ отдохнуть танцующіе, когда комнаты наполнены пожилыми людьми, или гдѣ освѣжиться, когда мы тѣснимся вокругъ ужина и выпиваемъ весь запасъ благотворнаго шампанскаго и зельцерской воды? Нѣтъ, нѣтъ, нынѣшній порядокъ, который, какъ я слышу, становится общимъ, порядокъ весьма умный и милый для жителей Лондона. Тутъ еще можно допустить нѣсколько добрыхъ, бойкихъ, свѣтлоглазыхъ гувернантокъ и дуеннь, этихъ маленькихъ женщинъ, которыя дѣятельнѣе и несравненно внимательнѣе вашихъ томныхъ и роскошныхъ красавицъ (вмѣстѣ съ этими словами я бросилъ взглядъ особенной нѣжности на Бланшъ Клаудеръ); пусть онѣ наблюдаютъ и видятъ, что все идетъ своимъ чередомъ, что молодые люди не танцуютъ слишкомъ часто съ одной и той же дѣвицей, не исчезаютъ на балконъ и т. п.; пусть онѣ имѣютъ хорошія просторныя семейныя кареты, чтобъ привозить дочерей къ ихъ матерямъ. Словомъ, на балъ пусть допускаются только тѣ лица, которыя имѣютъ въ немъ какое нибудь дѣло. Повѣрьте мнѣ, что во всѣхъ сферахъ лондонской жизни это правило весьма важное и обыкновенное.

— Сдѣлайте одолженіе, мистеръ Браунъ: — кто вамъ сказалъ, что я не желала сама танцовать? вскричала Бланшъ и, посмотрѣвъ въ зеркало, едва вмѣщавшее въ себѣ ея огромную особу, убѣжала изъ комнаты.

Я вполнѣ убѣжденъ, что это легкомысленное созданіе, въ ея лѣтахъ и при ея объемѣ, все еще считаетъ себя обворожительной красавицей, все еще полагаетъ, что молодые люди стали бы кружиться съ ней по паркету. Но, Бобъ, я помню эту причудливую и неуклюжую женщину, когда она была легкою и граціозною дѣвушкой. Я помню другихъ дѣвицъ, нѣжныхъ и прекрасныхъ, блескъ глазъ которыхъ уже давно потухъ и плѣнительные голоса замолкли навсегда. Такъ точно все проходитъ передъ нами и исчезаетъ въ вѣчности,—все, все: и юность, и красота, и любовь, и невинность. Я вспоминаю теперь о той, которая была самымъ прелестнымъ, веселымъ, добрымъ и непорочнымъ созданіемъ; ея смѣхъ для меня былъ музыкой.... я какъ теперь слышу его, хотя звуки его болѣе никогда не раздадутся. Далеко, далеко отсюда, ее закрываетъ безмолвная могила. Вмѣсто розъ, составлявшихъ нашу радость, нашу гордость, наше счастіе, выростаютъ и цвѣтутъ другія розы; но и онѣ, въ свою очередь, увянутъ. Честные юноши, благородные юноши! дай Богъ, чтобъ и ваши розы были также невинны и также прелестны!

Начиная писать это письмо, я вовсе не думалъ, что меня посѣтятъ грустныя воспоминанія. Впрочемъ, мистеръ Бобъ, смотря на жизнь человѣческую съ одной только забавной ея стороны, нерѣдко приходятъ серьёзныя и печальныя мысли, и приходятъ такъ неожиданно, какъ иногда неожиданно встрѣчаемся мы на улицѣ съ похороннымъ шествіемъ. Обратимся же къ нашему предмету, именно къ баламъ; а то, пожалуй, ты подумаешь, что дядя твой ничего больше не имѣетъ сказать.

Сегодня я прочиталъ въ утренней модной газетѣ описаніе одного бала и списокъ замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей столицы, которыя принимали въ немъ участіе. Впрочемъ, я еще до этого слышалъ съ разныхъ сторонъ, какъ усердно желали многія особы присутствовать на этомъ балу, и какъ онъ долженъ быть великолѣпенъ. И вотъ утренняя газета объявила, что мистриссъ Горнби-Мадоксъ открыла для гостей двери своего дома въ такой-то улицѣ, при чемъ лэди Фюгльманъ помогала хозяйкѣ дома принимать гостей.

Признаюсь, страннѣе этого бала я ничего не могу придумать, хотя въ англійскомъ обществѣ, я знаю, это вещь весьма обыкновенная. Мистриссъ Горнби-Мадоксъ получаетъ въ наслѣдство десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, желаетъ представиться лондонскому свѣту (она жила до этого въ провинціи), не щадитъ денегъ, чтобъ домъ и пиръ были, по возможности, великолѣпны, и предлагаетъ лэди Фюгльманъ принимать гостей — не честныхъ Горнби, не семейство Мадоксовъ, не веселыхъ старыхъ сквайровъ, не друзей и родственниковъ ея фамиліи и изъ одного съ ней округа, но лондонскихъ дэнди и лондонское общество, — дэнди, имена которыхъ можно видѣть въ описаніяхъ каждаго бала, и которые, будучи друзьями лэди Фюгльманъ, приглашены ея превосходительствомъ въ домъ мистриссъ Горнби.

Какое странное понятіе производитъ это обстоятельство объ обществѣ, о дружбѣ, о модномъ свѣтѣ, о томъ, что иногда дѣлаютъ люди, чтобъ втереться въ модный свѣтъ!

Жалкая мистриссъ Горнби, получивъ наслѣдство, обращается къ своимъ родственникамъ и друзьямъ и говоритъ: «Милые мои! я намѣрена разстаться съ вами, удалить васъ отъ себя. Вы были для меня хороши, пока я жила въ провинціи, гдѣ могла свободно предаваться естественному влеченію моего сердца. Но отнынѣ я намѣрена предоставить лэди Фюгльманъ выбрать для меня друзей. Васъ больше я не знаю. Я не чувствую къ вамъ пренебреженія, и если вы хотите продолжать наши дружескія отношенія, то спросите лэди

Фюгльманъ: можно ли? Если она скажетъ *да*, я буду очень рада; если *нѣтъ*, то прощайте!»

Эта странная продѣлка случается въ Лондонѣ почти ежедневно. Самые честные люди, принимая въ ней участіе, не видятъ въ томъ ничего дурнаго. Самые надменные люди, которые гордятся своимъ званіемъ, своимъ происхожденіемъ, вовсе не думаютъ о томъ, что они унижаютъ себя, являясь на балы мистриссъ Гольдкафъ и открыто заключая союзъ между ея богатствомъ и своими титулами, съ тѣмъ, чтобъ нарушить его въ тотъ моментъ, когда изсякнутъ источники богатства. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго лицемѣрства: условія взаимной выгоды совершенно постигнуты той и другой стороной.

Но, о, Бобъ! если бы ты зналъ, какъ тяжело иногда бываетъ признаваться! Мнѣ кажется, что даже лицемѣрство было бы лучше этого дерзкаго цинизма, этого явнаго бездушія, которое я готовъ даже назвать безбожіемъ. Есть множество такихъ людей, которыхъ привлекаютъ въ общество не любовь, не дружба, не семейныя связи, не душевная привязанность, не истинное душевное расположеніе, не благородное сочувствіе и не союзъ мужей и женъ, родителей и дѣтей: нѣтъ! они собираются и встрѣчаются вмѣстѣ, не обращая или не стараясь обращать вниманія другъ на друга, — собираются безъ всякаго расположенія, съ очевиднымъ желаніемъ удовлетворить чувству своего самолюбія. Я не желаю ничего худаго ни мистриссъ Гольдкафъ, ни всякой другой лэди, тѣмъ болѣе, если я ихъ не знаю; я никогда ни разговаривалъ съ ними, никогда мои взоры не останавливались на нихъ. Я не хочу говорить, мистеръ Робертъ, что вы и я на сколько нибудь лучше ихъ, и сомнѣваюсь, сообразили ли онѣ о послѣдствіяхъ того, что онѣ дѣлаютъ; но какъ дважды-два составляютъ четыре, такъ точно и особа, которая собственно по своему желанію, безъ всякаго принужденія, мѣняетъ добрыхъ друзей и родственниковъ на модный свѣтъ, — такая особа мнѣ кажется, какъ нельзя опредѣлительнѣе говоритъ всѣмъ и каждому: «я признаю себя существомъ бездушнымъ; я не хочу смотрѣть на моихъ пріятелей; я не признаю моихъ родственниковъ; я не имѣю уваженія ни къ отцу, ни къ матери.»

Сегодня довольно, любезный мой Бобъ! Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ; а до той поры остаюсь преданный тебѣ

«Браунъ старшій.»

ОБЪ ОБѢДАХЪ.

Англійское общество, любезный мой Бобъ, имѣетъ то особенное преимущество предъ всѣми другими обществами, если только еще существуетъ какое нибудь общество на этомъ жалкомъ, сумасбродномъ, обветшаломъ европейскомъ материкѣ, въ томъ, что оно любитъ и умѣетъ давать хорошіе обѣды. Такой народъ, какъ, напримѣръ, нѣмцы, которые обѣдаютъ по привычкѣ (съ какимъ аппетитомъ, объ этомъ я не говорю) въ часъ пополудни, какъ итальянцы, которые проводятъ вечера въ Оперѣ, какъ французы, которые пробавляются по вечерамъ сахарной водой и интригами, такой народъ, повѣрь мнѣ, не можетъ понять и оцѣнить по всей справедливости значеніе слова «общество». Я люблю мою націю и горжусь ею за ея благоразуміе, за ея благородство, за ея дружелюбіе, за ея нравственность вообще, и всѣ эти качества непремѣнно проявляются за нащимъ прекраснымъ и благороднымъ учрежденіемъ — обѣдомъ.

Обѣдъ для британца служитъ счастливымъ заключеніемъ дня. Мы трудимся и работаемъ усерднѣе и сильнѣе, чѣмъ всякая другая нація на земномъ шарѣ. Мы дѣлаемъ больше, мы живемъ больше въ данное намъ время, чѣмъ французы или нѣмцы. Каждый замѣчательный человѣкъ между нами любитъ пообѣдать, и пообѣдать хорошо. Я могъ бы назвать извѣстнѣйшія имена поэтовъ, государственныхъ мужей, философовъ, историковъ, судей и духовныхъ лицъ, которые были точно такъ же знамениты за обѣденнымъ столомъ, какъ въ полѣ, въ кабинетѣ, въ сенатѣ и судѣ. Гиббонъ упоминаетъ, что онъ написалъ первые два тома своей исторіи, когда имѣлъ хорошее мѣсто въ Лондонѣ, жилъ въ улицѣ Сентъ-Джемсъ, ѣздилъ въ Парламентъ и въ клубъ и каждый день хорошо обѣдалъ. Человѣкъ процвѣтаетъ, благодаря этому благородному и благотворному обыкновенію. Посредствомъ этого обыкновенія поддерживаются какъ энергія общества, такъ и наши дружественныя отношенія; подъ вліяніемъ лафита, этой дивной влаги, въ нашихъ сердцахъ зарождаются радость и веселье, растутъ, созрѣваютъ и приносятъ такой же обильный плодъ, какъ поля, окружающія Эдинбургъ. Въ наше отечество присылаются лучшія вина, потому что никакое другое государство не заслуживаетъ этой чести.

Я большой лакомка до обѣдовъ и, къ тому же, проживаю въ Лондонѣ. По чистой совѣсти могу сказать, что душа моя наполняется благороднымъ уваженіемъ и удовольствіемъ, когда я представляю себѣ людей и обѣды, которые видѣлъ на прошлой недѣлѣ. Какъ хороши были и тѣ и другіе! какія отличныя блюда! какіе почтенные люди!

Позволь мнѣ, съ чувствомъ искренней признательности, но не открывая именъ, упомянуть о тѣхъ лицахъ, которыхъ я встрѣчалъ затѣми обѣдами и которыя добросовѣстно исполняли свой долгъ.

Сэръ! я сидѣлъ за столомъ съ великимъ, пользующимся всемірною извѣстностью, государственнымъ сановникомъ. Я наблюдалъ за его дѣйствіями втеченіе обѣда и рѣшаюсь утвердительно сказать, что онъ дѣйствовалъ превосходно.

На другой день я обѣдалъ у знаменитаго нашего литератора. Восхитительно было глядѣть на него: радушный и любезный, веселый и ласковый, великій писатель наслаждался обѣдомъ, какъ и великій государственный мужъ. Да продлитъ Небо дни его на нашу радость! дай Богъ чтобъ онъ дольше дарилъ насъ хорошими книгами и хорошими обѣдами!

На третій день я сидѣлъ напротивъ высокопреподобнаго епископа. Милордъ! я съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ блюдо за блюдомъ исчезали передъ вами, и полагаю, что никому такъ хорошо не будетъ итти епископская мантія, какъ она идетъ вамъ. Какъ любезенъ онъ былъ! какъ добръ! Онъ подливалъ воду въ вино. Такая умѣренность въ такой высокой духовной особѣ въ высшей степени назидательна.

И потомъ обѣды у нашихъ ученыхъ мужей, у нашихъ столповъ правосудія: о, какъ они обѣдаютъ! какое радушіе, какая роскошь, какой комфортъ, какое вино! Три дня тому, возвращаясь домой съ такого обѣда, при лунномъ свѣтѣ, я и другъ моей юности съ трудомъ могли выразить нашу благодарность. «Любезный сэръ! съ горячностью и, отъ избытка чувствъ, почти задыхаясь, проговорили мы: — пригласите насъ еще на обѣдъ, и, если можно, скорѣе.» Излишество за такими обѣдами не имѣетъ мѣста: послѣ нихъ вы не страдаете головною болью, вы не прибѣгаете къ отвратительнымъ лекарствамъ, — напротивъ, чувствуете какое-то особенное самодовольствіе, вы какъ будто примирились со всѣмъ свѣтомъ; легкія грёзы услаждаютъ вашъ сонъ, вы встаете поутру со свѣжими силами и весело принимаетесь за свою работу. Да, Бобъ, эти адвокаты, эти блюстители закона, имѣютъ великія достоинства. У меня есть знакомый старый судья, за столомъ котораго если бы я могъ увидѣть тебя, то мое желаніе въ жизни почти бы исполнилось. Если ты съумѣешь понравиться тамъ, то тебѣ откроется прекрасная дорога въ мірѣ. Но я забываю, что ты еще молодой человѣкъ. Молодые люди ѣздятъ на балы, мужчины — на обѣды.

Доктора тоже обѣдаютъ замѣчательно хорошо. Когда мой достопочтенный другъ Санградо возьметъ стаканъ въ руку и потомъ, прищуривъ глаза и вздернувъ слегка плечи, скажетъ: «Video meliora proboque, deteriora sequor», и выпьетъ залпомъ вино, я всегда прошу дворецкаго налить мнѣ рюмку изъ той же самой бутылки.

Низшее духовенство обѣдаетъ весьма недурно. Лучшій завтракъ, который я когда либо видѣлъ въ моей жизни, это завтракъ у дарлингтонскаго квакера.

Изъ числа моихъ знакомыхъ, одинъ поэтъ всегда угощаетъ пріятелей своихъ лучшимъ виномъ въ Лондонѣ. Вообще всѣ артисты любятъ хорошо пообѣдать и приглашаютъ къ себѣ на обѣды, но не слишкомъ часто. Издатели газетъ наслаждаются обѣдами по субботамъ и даютъ ихъ весьма часто, благодаря нынѣшнему состоянію литературы. Да, любезный Бобъ, я видѣлъ банкетные столы и сидѣлъ за ними у людей различныхъ состояній и сословій.

Каждый вечеръ, между седьмымъ и восьмымъ часами, я люблю смотрѣть на мужчинъ, одѣтыхъ на обѣдъ и пробирающихся въ западные предѣлы нашей столицы. Люблю видѣть улыбку на ихъ лицахъ, озаренную невыразимымъ самодовольствіемъ и удовольствіемъ; люблю вопросительные взгляды, которые они бросаютъ на уличныхъ мальчишекъ и прохожихъ, осматривающихъ блестящіе ихъ сапоги; люблю смотрѣть на ихъ легкую походку и осторожность, съ которой они идутъ по тротуару, избѣгая лужъ и грязныхъ перекрестковъ; люблю смотрѣть на ихъ свѣжую бѣлизну бѣлья, на ихъ легкое и нѣжное прикосновеніе къ узламъ своихъ бѣлыхъ галстуховъ, какъ на ласки нѣжнаго родителя къ невинному ребенку.

Я самъ люблю ходить пѣшкомъ. Я замѣтилъ, что тѣ, которые ѣдутъ на обѣды въ кэбахъ или каретахъ, не имѣютъ того лучезарнаго выраженія, которымъ отличаются лица пѣшеходовъ. Человѣкъ въ своемъ собственномъ экипажѣ всегда бываетъ чѣмъ-то озабоченъ: то онъ думаетъ, какъ бы не споткнулась лошадь или какъ бы кучеръ не вывихнулъ себѣ руки; то его тревожитъ мысль, что упряжь у лошадей его пріятеля гораздо лучше; то ему кажется, что рессоры неисправны, то начнетъ онъ раздумывать, приказывать ли кучеру пріѣзжать за нимъ въ каретѣ, если ночью пойдетъ дождь. За стеклами экипажей выраженіе ихъ лицъ всегда кажется трагическимъ. Кто отправляется на обѣдъ въ кэбѣ, тотъ, въ свою очередь, имѣетъ свои заботы и опасенія: или онъ боится, чтобы излишнія требованія кэбмена не оскорбили въ немъ чувства справедливости (надобно сказать, что кэбмены никогда не стѣсняются въ своихъ требованіяхъ отъ джентльменовъ, которыхъ они подвозятъ къ домамъ людей болѣе или менѣе извѣстныхъ); онъ опасается, чтобъ табачный запахъ, оставленный послѣдними обладателями экипажа (пятью медицинскими студентами, которые курили черутки отъ Лондонскаго университета до театра Гэймаркетъ), не сообщился его платью; онъ опасается, чтобъ не прильнули соломенки къ липкому блеску его сапоговъ, и чтобъ ему не явиться въ гостиную подобно поэту cum tenui avenâ или подобно сумасшедшему Тому въ одной театральной пьесѣ. Надѣюсь, любезный мой Бобъ, ты не слишкомъ встревожишься, если твои сапоги и занесутъ соломенку въ чью нибудь гостиную. Сказать тебѣ по секрету: я видѣлъ въ наемномъ кэбѣ... (*) Въ этомъ я не вижу ничего дурнаго: во всемъ естественномъ ничего не можетъ быть дурнаго.

При этомъ случаѣ, я не могу пройти молчаніемъ одной исторіи, случившейся въ дни моей юности — въ 1815 году, во время самаго перваго моего вступленія въ общество (все должно имѣть свое начало, Бобъ: хотя мы и были джентльменами задолго до Вильяма-Завоевателя и всегда обращались въ кругу джентльменовъ, но, несмотря на то, мы не всегда достигали того высокаго полета въ сферѣ моднаго свѣта, которымъ впослѣдствіи отличились нѣкоторые изъ нашей фамиліи), — я помню день, говорю я, въ 1815 году, когда маркизъ Свитбредъ былъ такъ добръ, что пригласилъ меня и покойнаго мистера Рофльса на обѣдъ, гдѣ намъ предстояло встрѣтиться съ графомъ Швар-

---

(*) Въ рукописи мистера Брауна значится такое громкое имя изъ среды именъ нашихъ перовъ, что мы не осмѣлились напечатать его.

ценбергомъ и гетманомъ Платовымъ. Рофльсъ въ тѣ дни пользовался въ Лондонѣ хорошей репутаціей и, разумѣется, былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ.

Я былъ очень молодъ, однако, замѣтилъ, что Рофльсъ хотѣлъ принять меня подъ свое покровительство; а это мнѣ крайне не нравилось. «Хотѣлъ бы я сказать вамъ, мистеръ Рофльсъ, думалъ я, что джентльменъ, во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ ужь джентльменъ; что хотя у фамиліи Браунъ нѣтъ особеннаго титула, но мы такіе же благородные и благовоспитанные люди, какъ и тѣ, которые имѣютъ это украшеніе.» Словомъ, мнѣ хотѣлось проучить его. И вотъ, когда онъ заѣхалъ за мной, въ наемной каретѣ, на мою квартиру въ улицѣ Суаллоу, и когда мы подъѣхали къ парадному подъѣзду Свитбреда, гдѣ двое высокихъ и напудренныхъ лакеевъ въ ливреѣ Свитбреда, то есть въ шпинатнаго цвѣта кафтанѣ, въ жилетѣ и прочемъ свѣтло-желтаго цвѣта, или, вѣрнѣе, цвѣта топленаго масла, открыли двери пріемной, — какъ вы думаете, сэръ, что я сдѣлалъ? Въ присутствіи этихъ джентльменовъ, державшихъ половинки дверей раскрытыми, я предложилъ Рофльсу бросить жребій, кому изъ насъ платить за карету, и потомъ нарочно завелъ споръ съ бѣднымъ извощикомъ насчетъ платы. Душевной пытки, которой подвергался Рофльсъ во время этихъ переговоровъ и которая отражалась на его лицѣ, я никогда не забуду. Въ эти минуты онъ былъ похожъ на Лаокоона. Холодный потъ выступалъ замѣтными каплями на поблѣднѣвшее его лицо; онъ бросалъ на меня такіе страдальческіе, такіе умоляющіе взгляды, что, мнѣ кажется, отъ нихъ могъ бы превратиться въ воскъ самый крѣпкій металлъ. Но все же я долженъ сказать, по чистой совѣсти, что такого добраго малаго, какъ Рофльсъ, не было на свѣтѣ. Онъ давно уже умеръ, и потому я смѣло могу разсказывать объ этомъ безвредномъ маленькомъ обманѣ.

Мнѣ говорили, что одинъ замѣчательный человѣкъ—онъ же мой и любимый снобсъ — пріѣзжая на обѣдъ, прибѣгалъ, по его мнѣнію, къ весьма удачной хитрости: онъ отправлялъ свой кэбъ въ отдаленный край улицы, съ тою цѣлью, чтобы джентльменъ въ ливреѣ не замѣтилъ нумера кэба, и чтобы лордъ, съ которымъ онъ обѣдаетъ, и о которомъ говорятъ во всѣхъ углахъ и безъ умолку, не узналъ, что мистеръ Смитъ пріѣзжаетъ къ нему въ наемномъ кэбѣ.

Человѣкъ, котораго тревожитъ стыдъ подобнаго рода, не заслуживаетъ вовсе обѣда. Человѣкъ, который заботится только объ эффектѣ, непремѣнно долженъ быть низкій пролазъ и шарлатанъ; онъ никогда не можетъ быть спокоенъ. Это оселъ въ львиной шкурѣ, ничтожный лицемѣръ, тревожимый сомнѣніями и безразсуднымъ опасеніемъ насчетъ того, что будетъ дальше. Такой человѣкъ такъ же безпокойно будетъ сидѣть за обѣдомъ, какъ и въ креслѣ дантиста (если только онъ не пойдетъ къ удивительно-искусному мистеру Джильберту, въ улицѣ Суфералкъ, который дергаетъ зубы не изъ личныхъ выгодъ, а собственно на пользу человѣчества, и который, надобно отдать ему справедливость, дергаетъ коренные зубы такъ скоро и такъ легко, что весь свѣтъ долженъ бы знать его),—человѣкъ, говорю я, который стыдится своего происхожденія, стыдится экипажа, въ которомъ разъѣзжаетъ, слѣдовательно, человѣкъ тяжелый, связанный самимъ собою, неестественный, никогда не можетъ надѣяться на успѣхи въ обществѣ; онъ и не заслуживаетъ ихъ.

Повѣрьте, что люди высшаго сословія, для собственнаго своего спокойствія, вовсе не думаютъ безпокоиться насчетъ вашей грошовой маленькой особы. Они принимаютъ васъ за то, что вы есть на самомъ дѣлѣ—за человѣка любезнаго и добраго, за остроумнаго или саркастическаго, за ученаго или оратора, за хорошаго танцора или красиваго мужчину (какими бывали въ 1815 году нѣкоторые изъ Брауновъ, но тому уже назадъ слишкомъ тридцать-пять лѣтъ), за превосходнаго гурмана или знатока винъ, и пр. и пр. Никто такъ охотно и такъ скоро не окажетъ вамъ вниманія, которое не допуститъ васъ стѣсняться въ обществѣ, какъ джентльменъ. Я видѣлъ, что пріѣздъ жены какого нибудь сквайра производилъ болѣе шуму и суматохи, чѣмъ пріѣздъ герцогини Фицбатэльэксъ: леди Маунтараратъ, которая ведетъ свою родословную отъ всемірнаго потопа, сопровождаемая своими дочерьми, премиленькой Еввой и Лилитой д'Аркъ, входитъ и выходитъ изъ готиной съ гораздо меньшими претензіями на вниманіе и въ болѣе простенькихъ нарядахъ, чѣмъ лэди Могинсъ или мистриссъ Шинди, которыя, оставляя собраніе, производятъ вихрь, и удаляются, какъ говорится, съ трубнымъ гласомъ, съ барабаннымъ боемъ и всеобщей суматохой, какъ это бываетъ въ театральной пьесѣ, при появленіи на сцену или удаленіи съ нея драматическаго короля или королевы.

Но перу моему негдѣ больше разгуляться; листъ бумаги кончился, и, къ тому же, время одѣваться на обѣдъ. Мы возобновимъ эту тему на будущей недѣлѣ, а до той поры, мой милый юноша, будь увѣренъ, что тебѣ преданъ всей душой

«Браунъ старшій.»

О НѢКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ ВО ВРЕМЯ ОБѢДА.

Изъ всѣхъ наукъ, которыя въ послѣдніе годы сдѣлали какой нибудь успѣхъ, мнѣ кажется, любезный Бобъ (я снова обращаюсь къ предмету, отъ котораго оторвался съ такимъ сожалѣніемъ на прошлой недѣлѣ), мнѣ кажется, что наука давать обѣды дѣлала самые восхитительные и быстрые успѣхи. Утвердительно можно сказать, даже теперь, при зрѣломъ моемъ возрастѣ и аппетитѣ, обѣды текущаго времени несравненно лучше обѣдовъ, которые имѣли мы въ наши юношескіе годы, и, право, я ежедневно и по нѣскольку разъ выражаю мою признательность за это несомнѣнное, очевидное улучшеніе въ цивилизаціи. Кому памятны обычаи, существовавшіе за двадцать-пять лѣтъ, тотъ, вѣроятно, согласится съ моими словами. Вчера, въ клубѣ, я перелистывалъ довольно странную книжонку, написанную именно въ тотъ періодъ,—книжонку, которая, мнѣ кажется, пользовалась въ то время извѣстностью и въ которой описываются обычаи, существовавшіе въ ту пору если не въ лучшемъ лондонскомъ обществѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ кружкàхъ и частяхъ нашего острова. Многіе изъ этихъ обычаевъ покажутся теперь до такой степени устарѣлыми, какъ обычаи, описываемые въ гомерическихъ пиршествахъ или въ банкетахъ и завтракахъ королевы Елисаветы. Будемъ же благодарить судьбу, что они наконецъ вывелись.

Книга, о которой я говорю, носитъ названіе: «*Правила баронета Моргана о'Догерти*», довольно страннаго баронета, жившаго, какъ кажется, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Разсмотрѣніемъ его мнѣній не безъ пользы могъ бы заняться любой антикварій. Существованіе такихъ обычаевъ въ нашемъ государствѣ покажется каждому изъ насъ въ высшей степени страннымъ и даже варварскимъ.

Трудно повѣрить, чтобъ порядочные люди, люди благовоспитанные, держались мнѣній въ родѣ слѣдующихъ:

«*Правило 2.* Въ фешенебельной жизни постановлено не пить шампанскаго послѣ бѣлаго сыру, воды — послѣ краснаго....

«Не должно пить эль, когда имѣется въ виду вечерняя попойка; слѣдуетъ избѣгать также и сыру....

«*Правило 4.* Пѣвца послѣ обѣда надо удаляться: онъ наведетъ скуку и помѣшаетъ пить вино. Чтобъ избавиться его и заставить его замолчать, надобно сильнѣйшимъ образомъ апплодировать ему, лишь только онъ пропоетъ первый куплетъ, какъ будто вы прослушали уже всю арію, и при этомъ сказать джентльмену за отдаленнѣйшимъ концомъ стола, что вамъ чрезвычайно нравится финалъ этой аріи.

«*Правило 25.* Случается встрѣчать людей, которые не безъ основанія утверждаютъ, что подавать шампанское за обѣдомъ обозначаетъ дурной вкусъ; портвейнъ и тенерифъ несравненно лучшія вина....» и проч. и проч.

Я беру эти слова прямо изъ книги, напечатанной три мѣсяца тому назадъ и описывающей привычки, господствующія въ первые дни твоего появленія на свѣтъ. Неужели, повторяю я, Англія и въ самомъ дѣлѣ находилась въ состояніи такого невѣжества?

Неужели, въ «фешенебельной жизни» существовало правило пить шампанское послѣ бѣлаго сыра? Неужели вино и сыръ такъ сильно занимали собою порядочное общество? Главное правило относительно этого предмета въ фешенебельной жизни должно заключаться въ томъ, чтобъ пить вино, которое вамъ нравится. Въ настоящее время никто не безпокоится насчетъ вина или сыру. И опять, къ чему этотъ чудакъ Догерти говоритъ, что не слѣдуетъ пить эля, когда имѣется въ виду вечерняя попойка, или къ чему ведетъ такое замѣчаніе, что «англичане выпиваютъ кружку портеру въ одинъ пріемъ?» Какіе же англичане? Боже праведный! Неужели мы составляемъ націю какихъ нибудь угольщиковъ? Бываютъ ли у насъ когда нибудь вечернія попойки? Случается ли намъ встрѣчать людей, которые утверждаютъ, что подавать шампанское за обѣдомъ означаетъ дурной вкусъ, и что портвейнъ и тенерифъ превосходнѣйшія вина? Представь себѣ — тенерифъ, милый другъ! представь себѣ человѣка, который за обѣдомъ подчуетъ тебя тенерифомъ — одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ трепетъ.

И потомъ правило о пѣвцѣ, котораго нужно удаляться послѣ обѣда. Какъ! неужели было время, когда за десертомъ распѣвали аріи? Я слышалъ подобное пѣніе за обѣдомъ моего арендатора въ провинціи; но мысль о мужчинѣ, начинающемъ пѣть пѣсню за обѣдомъ въ лондонскомъ обществѣ, наполняетъ мою душу ужасомъ; мое воображеніе живо представляетъ мнѣ картину великолѣпнаго обѣда въ кварталахъ Мейферъ, Блюмсбири, въ Бельгравіи, или гдѣ тебѣ угодно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, досаду, если только не бѣшенство, которое овладѣло бы хозяиномъ дома и его гостями, еслибъ какой нибудь невѣжда вздумалъ затянуть пѣсню во время десерта.

Слава Богу! мы миновали этотъ дикій періодъ жизни. Мы не видимъ необходимости въ томъ, чтобъ наши гости пѣли намъ пѣсни, какъ не видимъ ея и въ томъ, чтобъ жены наши спускались въ кухню и стряпали для насъ обѣды. Поваръ приготовитъ обѣдъ и лучше и дешевле. Мы не нуждаемся отъ нашихъ гостей ни въ музыкальномъ, ни въ поварскомъ искусствѣ—намъ нужна откровенная, тихая, легкая, непринужденная бесѣда.

Точно также нѣкогда существовало обыкновеніе (впрочемъ, оно существуетъ и теперь и отъ времени до времени проявляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при нѣкоторыхъ случаяхъ), это — говорить послѣ обѣда привѣтственныя рѣчи; но, къ счастію, это обыкновеніе выводится. Джентльмены сходятся не для того, чтобъ говорить другъ другу комплименты или напыщенныя фразы. Наклонность къ простотѣ развивается въ насъ съ каждымъ днемъ. Благодареніе Богу, что цвѣтистый слогъ начинаетъ исчезать, уступая мѣсто простотѣ и откровенности выраженій.

Однажды я распивалъ бутылку хереса съ коммерческимъ путешественникомъ въ Маргэтѣ. Пріятель мой при каждой рюмкѣ провозглашалъ особенный тостъ. Безъ этой предварительной церемоніи, онъ не хотѣлъ выпивать ее. До сихъ поръ, я не могу забыть одинъ изъ его тостовъ; вотъ онъ: «за здравіе той, которая удвояетъ наши радости и раздѣляетъ наши печали», и мы осушили наши рюмки. Эти тяжелыя, эти стѣснительныя церемоніи выходятъ изъ обыкновенія; онѣ только препятствуютъ свободному теченію нашей бесѣды. Мы можемъ любить другъ друга безъ всякихъ орацій; можемъ быть веселыми не прибѣгая къ вину, и особливо противъ желанія.

Однакожь, и теперь еще существуютъ привычки, которыхъ держатся многіе порядочные люди; напримѣръ: обыкновеніе пить вино, чокаясь съ вашимъ сосѣдомъ,—обыкновеніе, которое, хотя и не такъ часто повторяется теперь, какъ повторялось въ старину, но все же оно поддерживается и, я думаю, никогда не будетъ брошено. Бывало, въ старину, когда за обѣдомъ мистера и мистриссъ Фоги сидѣло человѣкъ шестьнадцать, для мистера Фоги становилось невыносимымъ трудомъ просить шестьнадцать человѣкъ, каждаго поодиночкѣ, выпить рюмку вина, а для мистриссъ Фоги тяжелымъ долгомъ кланяться шестьнадцати джентльменамъ, которые желали удостоиться чести выпить за ея здоровье; но все же, разумѣется, не выходя изъ границъ умѣренности, это древнее обыкновеніе вызывать на рюмку вина — обыкновеніе доброе, задушевное, воспроизводящее множество самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій.

Я знавалъ одного джентльмена, скромнаго и почтеннаго (точь-въ-точь, какъ твой дядя, любезный мой Бобъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, ты намѣреваешься замѣтить), который, выпивъ рюмку вина по приглашенію хозяина дома, вдругъ становился веселымъ, откровеннымъ и пускался въ разговоръ направо и налѣво. Его нужно было только, какъ говорится, расшевелить немножко; а для этого за спинкой его стоило только поставить дворецкаго съ бутылкой вина.

Иногда случается, что способности хозяина дома занимать гостей не бываютъ слишкомъ блистательны. Признаюсь откровенно, я могъ бы назвать многихъ изъ числа тѣхъ джентльменовъ, которыхъ имѣю честь называть своими друзьями, — джентльменовъ, которые весьма благоразумно соблюдаютъ молчаніе, потому что не имѣютъ сказать ничего такого, что бы стоило высказать или выслушать; они предоставляютъ себѣ исключительное занятіе — разрѣзать телятину или подчивать виномъ. Такимъ людямъ, очевидно, слѣдуетъ позволять — мало того: слѣдуетъ подавать — поводъ къ упрашиванью гостей кушать и пить. При этомъ занятіи они могутъ выказывать радушіе, не обнаруживая своихъ умственныхъ недостатковъ. Для примѣра возьмемъ Джонса, который ни слова не вымолвилъ во время обѣда — можетъ статься, тому много способствовало присутствіе по правую его сторону великолѣпной лэди Тіары — но вдругъ съ веселой улыбкой онъ обращается ко мнѣ и громко воскицаетъ:

— Браунъ, мой другъ, не выпить ли намъ?

Я, разумѣется, отвѣчаю:

— Съ удовольствіемъ, любезный Джонсъ!

Съ быстротою мысли онъ подхватываетъ мой отвѣтъ и снова вопрошаетъ:

— Чего же мы выпьемъ: рейнвейну или шампанскаго?

Я называю вино, которое мнѣ лучше нравится. Джонсъ подзываетъ дворецкаго, приказываетъ налить мнѣ рюмку и, въ заключеніе, говоритъ пріятнѣйшимъ тономъ:

— За твое здоровье, любезный Браунъ!

Изъ этого нетрудно замѣтить, что Джонсъ хотя и не мастеръ занимать гостей бесѣдой, но онъ имѣлъ случай сдѣлать три-четыре замѣчанія, которыя если и не отличаются блескомъ и остроуміемъ, зато они благородны, исполнены здраваго смысла, пріятны. И, право, я не думаю, чтобы во всей столицѣ нашелся человѣкъ, который бы сказалъ, при подобныхъ случаяхъ, болѣе Джонса, какъ бы ни былъ этотъ человѣкъ образованъ, ученъ, уменъ и краснорѣчивъ.

Если ты въ раздорѣ съ какимъ нибудь джентльменомъ и хочешь примириться, то какъ пріятно выпить съ нимъ рюмку вина! При этомъ случаѣ не нужно прибѣгать къ длиннымъ объясненіямъ: нужно только употребить фразу, которую произнесъ мой Джонсъ. О, какъ многозначительна эта фраза! Чаша вина ужь сама по себѣ служитъ символомъ примиренія. Въ минуту возобновленія вашей пріязни и другіе выпьютъ за ваше примиреніе, и, такимъ образомъ, влага, за которую Джонсъ заплатилъ деньги, становится какимъ-то священнымъ напиткомъ. Мнѣ пріятно думать, что виноградныя гроздія на берегахъ Рейна и Роны и растутъ и зрѣютъ собственно для возстановленія согласія между двумя добрыми пріятелями. Однажды я слышалъ, какъ главный врачъ одного изъ гидропатическихъ заведеній на солнечной сторонѣ рѣки Рейна провозгласилъ тостъ за здоровье основателя и вельможнаго покровителя этого заведенія и, вмѣсто рюмки добраго вина, выпилъ стаканъ шипучей воды. Эта выходка не выражала искренняго энтузіазма. Нѣтъ, нѣтъ! По моему, ужь если пить за чье нибудь здоровье, то пить вино, но отнюдь не воду. Вѣдь не напрасно же растетъ и зрѣетъ виноградъ на холмистыхъ берегахъ живописнаго Рейна.

Дамъ рѣдко нынче подчуютъ виномъ, развѣ только, когда ты, въ тихомъ, неслышномъ для другихъ разговорѣ съ очаровательнымъ созданіемъ, попросишь позволенія выпить за ея здоровье, и она слегка прикоснется розовыми губками къ своей рюмкѣ, плѣнительно улыбнется въ отвѣтъ на твой взглядъ, и улыбка эта — о, злодѣй! — западаетъ въ глубину твоего сердца. Да, виномъ ныньче не подчуютъ дамъ; зато, мнѣ кажется, съ оставленіемъ этого обычая усвоился другой: теперь принято, чтобъ дамы подчивали мужчинъ. Я знаю одну лэди, которая строго соблюдала этотъ обычай, une grande dame de par le monde, отъ которой я не заслуживалъ подобной благосклонности; но дѣйствіе этого милаго радушія было таково, что она сдѣлала покорнаго раба изъ того человѣка, который до этого питалъ къ ней мятежныя чувства, но который теперь не знаетъ, чѣмъ доказать свою признательность, и бываетъ внѣ себя отъ радости, получивъ визитную карточку съ ея многоуважаемымъ именемъ (*).

Мужчины довольно часто угощаютъ другъ друга обѣдами; но немногіе благовоспитанные люди находятъ удовольствіе въ обѣдахъ, за которыми нѣтъ женщинъ. Правда, и теперь еще есть повѣсы, которые сходятся вмѣстѣ для того, чтобы «покутить», которые угощаютъ другъ друга обѣдами и находятъ чудовищное удовольствіе въ черепашьемъ супѣ, въ ранней зелени и въ другихъ предметахъ, составляющихъ съѣдомую роскошь; но я сожалѣю о ихъ нравахъ, равно какъ и избѣгаю пирушекъ этихъ людей. Единственное средство, которое можетъ замѣнить дамъ за обѣдами или доставить утѣшеніе въ отсутствіи ихъ — это куренье. Сигары и съ ними вмѣстѣ кофе могутъ еще въ нѣкоторой степени заставитъ насъ забыть отсутствіе прекраснаго пола. Но что можетъ замѣнить намъ ту, которая удвояетъ наши радости и раздѣляетъ наши печали? что въ состояніи замѣнить намъ женщину? какъ сказалъ мой другъ, коммерческій путешественникъ.

(*) Клянусь честью, мистеръ Браунъ, это слишкомъ явный намекъ. *Пончъ.*

13251 ЛПИ им. А. И. Герцена ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЪ ИЗДАНІИ
СОВРЕМЕННИКА
въ 1857 году.

«Современникъ» въ 1857 году будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки, тѣми же лицами, раздѣляющими между собою труды по редакціи журнала, и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые печатали въ немъ свои произведенія втеченіе десяти лѣтъ.

Но, оставаясь неизмѣннымъ по своему направленію, сохраняя прежнюю редакцію и прежнихъ сотрудниковъ, «Современникъ» вошелъ съ нѣкоторыми изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей въ обязательное соглашеніе, которое даетъ ему возможность занять въ литературѣ новое положеніе, заслуживающее вниманія читателей.

Увеличивающееся число литературныхъ журналовъ заставило нѣкоторыхъ писателей нашихъ подумать о томъ, что, раздробляя свою дѣятельность на участіе въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, литераторъ подвергаетъ себя неудобствамъ, которыя сильно чувствуются и публикою, если его произведенія интересуютъ ее. Неудобства эти очевидны. Назовемъ одно изъ нихъ, быть можетъ, самое важное. Тому, кто не имѣетъ времени или средствъ постоянно читать многихъ журналовъ, трудно бываетъ слѣдить за произведеніями любимаго имъ автора, когда они разсѣяны въ разныхъ изданіяхъ; еще затруднительнѣе въ такомъ случаѣ читателю пересмотрѣть, для возобновленія прежнихъ впечатлѣній или для повѣрки своего мнѣнія, всѣ произведенія извѣстнаго писателя. Но если это неудобство тяжело для читателя, то еще ощутительнѣе невыгодныя слѣдствія его для писателя: онъ чувствуетъ потребность знать мнѣніе публики о своей литературной дѣятельности, а образованіе этого общественнаго мнѣнія затрудняется обстоятельствомъ, на которое указано выше. Редакція «Современника», всегда сознававшая, что успѣхъ журнала и сопряженное съ нимъ увеличеніе его матеріальныхъ средствъ принадлежатъ не столько ей, сколько писателямъ, полезное и неизмѣнное содѣйствіе которыхъ пріобрѣтаетъ журналу вниманіе и сочувствіе публики, изъявила съ своей стороны полную готовность сдѣлать все отъ нея зависящее для устраненія означенныхъ неудобствъ. Такимъ образомъ, взаимный обмѣнъ мыслей, здѣсь изложенныхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ обязательное соглашеніе между редакціею «Современника» и нѣсколькими литераторами, которыхъ полезное сотрудничество впредь на нѣсколько лѣтъ упрочено отнынѣ исключительно за «Современникомъ». Вотъ эти писатели:

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ.
ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.
И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Всѣ новыя *беллетристическія произведенія названныхъ писателей* (романы, повѣсти, комедіи и т. под.), *начиная съ 1857 года, будутъ появляться* исключительно *въ Современникѣ* (*). Нѣтъ надобности говорить, что отъ того выиграютъ и читатели «Современника», и писатели, участвующіе въ договорѣ, и достоинство журнала.

(*) Кромѣ тѣхъ статей, которыя обѣщаны этими писателями до заключенія этого условія. Впрочемъ, обѣщаніе каждаго не превышаетъ *одной статьи*.

Пріобрѣтая это новое положеніе своему журналу, редакція «Современника» останется съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрна правилу, котораго всегда твердо держалась: гордясь участіемъ писателей, которые уже пріобрѣли сочувствіе публики, употреблять всѣ усилія на то, чтобы дѣлать свой журналъ посредникомъ между публикою и новыми талантами. Редакція всегда признавала, что успѣхи литературы зависятъ какъ отъ развитія дѣятельности писателей, уже пользующихся заслуженною извѣстностью, такъ и отъ готовности журналовъ открывать дорогу къ извѣстности вновь являющимся дарованіямъ. «Современникъ» былъ счастливъ въ этомъ отношеніи: въ немъ были напечатаны «Разсказы Охотника», которыми утвердилъ за собою г. Тургеневъ мѣсто, нынѣ занимаемое имъ въ русской литературѣ; въ «Современникѣ» являлись почти всѣ первыя повѣсти г. Григоровича, и, наконецъ, въ недавнее время, «Современнику» досталось удовольствіе познакомить русскую публику съ талантомъ графа Толстаго. Эти и многія другія воспоминанія не могутъ не служить редакціи «Современника» слишкомъ достаточнымъ побужденіемъ никогда не измѣнять своему правилу, которое принесло такіе плоды не только журналу, ею издаваемому, но и всей русской литературѣ.

Кромѣ названныхъ выше постоянныхъ участниковъ, «Современникъ» сохраняетъ на будущее время сотрудничество и всѣхъ другихъ писателей, участвовавшихъ въ немъ въ прежніе годы.

Составъ журнала въ 1857 году будетъ слѣдующій:

I. **ПОВѢСТИ И РОМАНЫ**, русскихъ и иностранныхъ писателей. **СТИХОТВОРЕНІЯ**.

II. Статьи по части **НАУКЪ И ИСКУССТВЪ**.

III. КРИТИЧЕСКІЕ ОБЗОРЫ замѣчательнѣйшихъ современныхъ явленій въ русской литературѣ. **ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ** о старыхъ русскихъ писателяхъ.

IV. БИБЛІОГРАФІЯ. Обзоръ вновь выходящихъ книгъ.

V. СМѢСЬ. Къ этому отдѣлу, кромѣ статей смѣшаннаго содержанія, относятся СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ, соединяющія въ себѣ:

1) Обзоръ современныхъ русскихъ журналовъ.
2) Иностранныя извѣстія. (Обзоръ замѣчательныхъ новостей по части наукъ, искусствъ, общественной жизни въ Европѣ.)
3) Петербургская жизнь.
4) Моды, съ картинками.

Какъ ручательство за будущее и преимущественно для тѣхъ читателей, которые еще не ознакомились съ «Современникомъ», представляемъ здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ одиннадцати донынѣ вышедшихъ книжкахъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Рудинъ. Повѣсть И. С. ТУРГЕНЕВА. Въ двухъ частяхъ.

Севастополь въ августѣ 1855 года. Повѣсть Л. Н. ТОЛСТАГО (печатавшаго свои повѣсти: «Дѣтство», «Отрочество», «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ» и другія, подъ литерами: Л. Н. Т.)

Саша. Разсказъ Н. А. НЕКРАСОВА.

Острова Бонинъ-Сима, И. А. ГОНЧАРОВА.

Жизнь на Севастопольской батареѣ, разсказъ Н. П. СОКАЛЬСКАГО.

Деревня и городъ, разсказъ М. Л. МИХАЙЛОВА.

Пахарь, повѣсть Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Горе-Злочастіе, древнее русское стихотвореніе, съ замѣчаніями Н. КОСТОМАРОВА.

Синопское Сраженіе. Разсказъ Н. П. СОКАЛЬСКАГО.

Метель, разсказъ графа Л. Н. ТОЛСТАГО. (Л. Н. Т.)

Изъ Америки. Три статьи В. К. БОДИСКО.

Опытъ о Хлыщахъ. Провинціальный Хлыщъ, повѣсть И. И. ПАНАЕВА.

Семейная Картина. Сцены А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Два гусара, повѣсть ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО (Л. Н. Т.).

Свадьба Кречинскаго, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. А. Н. СУХОВО-КОБЫЛИНА.

Въ глуши, повѣсть В. В. Б—И.

Секретъ, разсказъ пластуна. Н. П. СОКАЛЬСКАГО.

Германъ и Доротея. Поэма Гёте. Перев. А. А. ФЕТА.

Бродячіе артисты, повѣсть О. А. РАБИНОВИЧА.

Изъ Крымскихъ Замѣтокъ. Н. В. БЕРГА. Двѣ статьи.

Завтракъ у предводителя, комедія въ одномъ дѣйствіи, И. С. ТУРГЕНЕВА.

Записки учителя музыки, повѣсть А. Е. НАДЕЖДИНА.

Картины изъ русскаго быта. (I. Послухъ, преданіе. — II. Архистратигъ. — III. Кладъ. — IV. Грѣхъ. — V. Двухъ-аршинный носъ. — VI. Крушеніе. — VII. Степнячокъ. — VIII. Бочка вина. — IX. Червоно-русскія преданія. — X. Подземное село. — XI. Удавлюсь, а не скажу. — XII. Ракита. — XIII. Мандаринъ. — XIV. Круговая бесѣда. — XV. Другая круговая бесѣда. — XVI. Напраслина.) Разсказы В. И. ДАЛЯ.

Фаустъ. Разсказъ въ девяти письмахъ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Фаустъ. Трагедія ГЁТЕ. Часть первая. Переводъ А. Н. СТРУГОВЩИКОВА.

Провинціальныя воспоминанія. Изъ записокъ чудака. И. В. С—ВА.

Изъ-за границы. Путевыя впечатлѣнія А. А. ФЕТА.

Ньюкомы, романъ ТЕККЕРЕЯ.

Красная буква. Романъ НАТАНІЭЛЯ ГОТСОРНА.

Нравоописательные очерки и путешествія по Лондону. В. М. ТЕККЕРЕЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

«Современникъ» въ 1856 году напечаталъ до шестидесяти стихотвореній, изъ которыхъ *два* принадлежатъ *А. М. Жемчужникову, два А. Н. Майкову, шесть М. Л. Михайлову, двадцать Н. А. Некрасову, три Я. П. Полонскому, четырнадцать гр. А. К. Толстому, восемь А. А. Фету, два Н. Ѳ. Щербинѣ.*

УЧЕНЫЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Георгъ Краббъ и его произведенія. (Шесть статей.) А. В. ДРУЖИНИНА.

Героическое значеніе поэта. I. Дантъ. II. Шекспиръ. (Изъ Т. Карлейля.) В. П. БОТКИНА.

Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ. (Двѣ статьи.) Е. Я. КОЛБАСИНА.

Петръ Великій въ Вѣнѣ, въ 1698 году. Н. Г. УСТРЯЛОВА.

Бомбардированіе Севастополя. (Двѣ главы изъ 2-й части «Исторіи войнъ 1853, 1854 и 1855 годовъ».) Е. П. КОВАЛЕВСКАГО.

Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году. П. П. ПЕКАРСКАГО.

Значеніе Брюлова въ искусствѣ. Художника М. И. ЖЕЛѢЗНОВА.

Историческій очеркъ возстанія общинъ въ царствованіе Карла V. Статья Don Francisco Martinez de la Rosa. Съ испанскаго Н. К.

Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. Изданіе кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784. ЛАЙБОВА. Двѣ статьи.

Еще соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Е. И. ЖУРАВСКАГО.

Лессингъ. Его время, его жизнь и дѣятельность. Двѣ статьи. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

О миѳическомъ значеніи Горя-Злочастія. Н. И. КОСТОМАРОВА.

О торговомъ мореплаваніи на Черномъ морѣ. Статья капитанъ-лейтенанта САВИНИЧА.

Сельская община въ Россіи. Г. Чичерина. А. А. СѢВЕРЦОВА.

Русскіе въ Японіи въ началѣ 1853 и въ концѣ 1854 годовъ. И. А. Гончарова.

Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. (Восемь статей.)

Семейная Хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова. Статья П. В. АННЕНКОВА.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго.

Статистическое описаніе Кіевской губерніи, изданное И. Фундуклеемъ.

СМѢСЬ.

Содержаніе русскихъ въ плѣну. Журналъ копіиста ЯКОВЛЕВА.

Госпиталь въ Константинополѣ. Разсказъ Н. П. СОКАЛЬСКАГО.

Брильянтовая ярмарка. Святочный разсказъ Ч. ДИККЕНСА.

Авторъ «Жиль-Блаза». Біографическій очеркъ.

Польская литература въ 1855 году.

Гаврилкѣ въ ратники итти, а мнѣ остаться. Разсказъ М. ТУМАНСКАГО.

Библіографическая рѣдкость: «Мешенина, журналъ 1773 года». М. Н ЛОНГИНОВА.

Маленькая графиня. Повѣсть ОКТАВА ФЕЛЬЕ.

Письмо объ англійской литературѣ и журналистикѣ. ИНОГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА.

Жизнь Жоржа Санда. (Пять статей.)

Эпизодъ изъ исторіи обороны Севастополя. Разсказъ рядоваго Гончарова. Н. П. СОКАЛЬСКАГО.

Библіографическія Записки. М Н. ЛОНГИНОВА. (Пять статей.)

Говорящіе столы и стучащіе духи. Статья ЛИТТРЕ.

Бальзакъ. Воспоминанія сестры его, г-жи СЮРВИЛЬ.

Англійскіе комики временъ реставраціи. Уичерлэ и Конгривъ. Статья Т. Б. МАКОЛЕЯ.

Народный бытъ въ сѣверо-восточной Россіи. Записки о Малмыжскомъ уѣздѣ (въ Вятской губерніи). С. М. ОСОКИНА. Двѣ статьи.

Измаилъ-эль-Рашиди. Нильская повѣсть. Т. ПАВИ.

Разсказы изъ исторіи Англіи при короляхъ Іаковѣ II и Вильгельмѣ III и королевѣ Аннѣ. Изъ МАКОЛЕЯ. Двѣ статьи.

(Сверхъ того, къ отдѣлу Смѣси принадлежатъ **Современныя Замѣтки**, въ которыхъ помѣщались ежемѣсячно: 1) *Обозрѣніе русскихъ журналовъ*; 2) *Иностранныя извѣстія*; 3) *Петербургская жизнь*; 4) *Моды*, съ парижскими картинками.)

Представивъ этотъ перечень на судъ публики, мы можемъ сказать, съ полнымъ убѣжденіемъ, что «Современникъ» въ слѣдующемъ году не будетъ содержаніемъ *бѣднѣе*, но, напротивъ, *богаче*. Участіе въ нашемъ журналѣ лучшихъ русскихъ писателей и другія обстоятельства, благопріятствующія развитію литературы вообще, даютъ намъ смѣлость выразиться такимъ образомъ, не боясь ошибиться.

Новые подписчики, не подписывавшіеся въ нынѣшнемъ году, получатъ безденежно при первой книжкѣ «Современника» на 1857 годъ первыя три статьи о Лессингѣ и первые три разсказа изъ Исторіи Англіи Маколея, которые помѣщаются въ послѣднихъ нумерахъ «Современника» 1856 года и продолженіе которыхъ будетъ печататься въ «Современникѣ» 1857 года. Только при этомъ просимъ обращаться за этими статьями исключительно въ с. петербургскую контору «Современника», обозначая, что требователь въ прошломъ году на «Современникъ» не подписывался.

При третьей книжкѣ «Современника» на 1857 годъ, всѣмъ подписчикамъ будетъ безденежко раздаваться «Указатель къ «Современнику» за первое десятилѣтіе, 1847—1856». Для не-подписчиковъ цѣна «Указателя» назначается 2 р. 50 коп., съ пересылкою 3 руб.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника» на 1857 годъ, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ, съ двѣнадцатью гравированными на мѣди и раскрашенными въ Парижѣ картинками модъ, *остается та же,* то есть ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕР. безъ пересылки; за пересылку и доставку на домъ прилагается особо ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ «Современника», *на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, при книжномъ магазинѣ Давыдова и К°.*

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ «Современника», *на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Контору Современника, въ С.-Петербургѣ.*

И. ПАНАЕВЪ.
Н. НЕКРАСОВЪ.

Печатать позволяется. Октября 6 дня 1856 года, Ценсоръ *В. Бекетовъ.*
Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

Стр.

писателей. Томъ III (25). — Очерки Финляндіи, путевыя замѣтки А. Милюкова. 1851—1852 (25). — Булавка, комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе В. Яковлевскаго (27).—Дѣтство и отрочество. Сочиненіе графа Л. Н. Толстаго. — Военные разсказы. графа Л. Н. Толстаго 28

СМѢСЬ.—НАРОДНЫЙ БЫТЪ ВЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РОССІИ. Записки о Малмыжскомъ уѣздѣ (Вятской губерніи). Статья вторая. **С. М. ОСОКИНА** 1

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ. (XXXI. Неизданное посланіе Пушкина (1816). — XXXII. Сатирикъ Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (1775—1813). — XXXIII. Еще эпиграммы на Липецкія Воды, князя Шаховскаго (1815).—XXXIV. Неизданное посланіе Жуковскаго къ Воейкову (1814). 40

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ АНГЛІИ ПРИ КОРОЛЯХЪ ІАКОВѢ II И ВИЛЬГЕЛЬМѢ III И КОРОЛЕВѢ АННѢ. Изъ **МАКОЛЕЯ**. Статья вторая 53

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. Замѣтки **НОВАГО ПОЭТА**. (Разговоръ о томъ, что внѣшній лоскъ и благовоспитанность двѣ вещи различныя. — Замѣтка господина, сдѣлавшаго карьеру, о русскихъ журналахъ. — Господинъ, смотрящій на всѣхъ и на все, особенно на русскую литературу, съ высоты Ивановской колокольни и бѣдный русскій литераторъ. — Благонамѣренный старичокъ въ чинѣ 4 класса и его компанія, преслѣдующая людей съ *фанаберіей*. — Нѣсколько словъ о фанаберіи и образованіи. — Встрѣча съ Александрой Николаевной. — Ея презрительный отзывъ о *старыхъ дѣвахъ*. — Разговоръ по этому поводу, и статья, полученная изъ провинціи въ защиту старыхъ дѣвушекъ. — Торжественный въѣздъ Государя Императора въ Петербургъ. — Иллюминаціи 2, 3 и 4 октября. — Балъ 2 октября въ Дворянскомъ Собраніи. — Театры: Итальянская Опера. — Балетъ. — Французскій театръ: Дебюты г-жи *Броганъ* и *Терикъ*. — Разныя новости). 100

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. (Конгрессы благотворительности и таможенныхъ реформъ въ Брюсселѣ. — Раздача наградъ во Французской Академіи. — Предположенія о желѣзной дорогѣ отъ Атлантическаго къ Тихому океану, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. — XIV томъ «Исторіи Консульства и Имперіи», Тьера. — Итальянскій Историческій Архивъ. — Мнѣнія новѣйшихъ публицистовъ объ Англіи. — Театръ и общественное мнѣніе во Франціи. — Воспоминанія о путешествіи въ Дунайскія Княжества, Эмиля Пужада. — Мелкія извѣстія. 123

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ. Октябрь 1856 года 152

Моды. *(Съ парижскою картинкою)* 177

Объявленія: 1) объ изданіи «Современника» на 1857 годъ, 2) отъ книжныхъ магазиновъ А. И. Давыдова и Клюзеля.

Печатать позволяется. Октября 30 дня 1856 года.
Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

СОВРЕМЕННИКЪ въ 1857 г. будетъ выходить *перваго числа каждаго мѣсяца* книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе, съ картинкою парижскихъ модъ при каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

съ 12-ю картинками модъ и другими приложеніями,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова и Комп.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.*
